

Ответственный редактор
академик Е. А. КОСМИНСКИЙ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ И ЕГО «ИСТОРИЯ ВОЙН С ГОТАМИ»

Прокопий Кесарийский занимает видное место среди византийских историков VI в.

Прокопий жил в один из переломных периодов истории, в бурное время революции рабов и варварских вторжений, в эпоху, являющуюся рубежом между античным рабовладельческим миром и новой феодальной формацией.

Товарищ Сталин дал гениальное определение социальной сущности переворота, отделяющего античный мир от средневекового, как революции рабов. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся».¹ Это замечательное указание товарища Сталина знаменует собой новый этап в разработке марксистской наукой проблемы перехода от древнего мира к средним векам.

С III в. в Римской империи намечается глубокий кризис рабовладельческого способа производства. В период всеобщего кризиса рабовладельческой системы наступает и новый этап классовой борьбы в рабовладельческом обществе. Разрозненные выступления рабов, которые наполняют всю историю античного мира, превращаются теперь в мощное революционное движение рабов в союзе с колоннами, варварами, разоренным крестьянством,

---

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

солдатами римской армии.¹ Начинается эпоха последней смертельной борьбы угнетенных классов против рабовладельческой империи — эпоха революции рабов.

Кризис рабовладельческого способа производства охватил и восточные провинции римского государства, составившие ядро будущей Восточно-Римской империи.

Однако своеобразии социально-экономической жизни восточных областей — более высокий, чем на Западе, уровень развития ремесла и торговли, сохранение в сельском хозяйстве в значительных масштабах свободного крестьянского земледелия и общины, большее распространение колоната, — все это обусловило специфику кризиса рабовладельческой системы и революции рабов в Восточно-Римской империи. Развитие городов и городской жизни определило крупное значение городских масс в революционной борьбе, развернувшейся в империи, что нашло свое выражение в движении так называемых димов.² Широкое распространение колоната и сохранение свободного крестьянства явилось причиной активного участия в социальных движениях на востоке империи колонов и разоренных крестьян в союзе с основным производящим классом рабовладельческого общества — рабами. Вместе с тем высокий уровень развития экономики Восточно-Римской империи и значительные экономические ресурсы, которыми располагало византийское государство, открывали для рабовладельцев более широкие возможности в борьбе против революционных выступлений народных масс. Поэтому сопротивление гибнущего класса в Восточной империи было упорнее и длительнее, чем на Западе, а героическая борьба народных масс — более трудной. Этим объясняется то обстоятельство, что решающий, победоносный этап революции рабов на Востоке наступил позже, чем на Западе. Этим объясняются так-

---

¹ М. А. Алпатов. Новый этап в разработке проблемы перехода от древнего мира к средним векам. «Вопросы истории», 1949, № 7.

² См. А. П. Дьяконов. Византийские димы и фанции в V—VII вв. «Виз. сборник», М.—Л., 1945; М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии. «Виз. временник», № 1, М.—Л., 1947; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв., М.—Л., 1946.

же временные успехи рабовладельческой реакции в Восточно-Римской империи.

К революции рабов в Восточно-Римской империи целиком применимо указание товарища Сталина о том, что «замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом».¹

В революции рабов в Восточно-Римской империи можно отчетливо различить два основных этапа.

Первый этап относится к концу IV — началу V в. и знаменуется грандиозным восстанием вестготов на Дунае, слившимся с движением рабов и колонов Балканского полуострова.² К этому же периоду относится широкое революционное движение в восточных провинциях, в частности в Малой Азии, Сирии, Палестине.³

Однако господствующий класс Восточно-Римской империи имел еще достаточно сил и располагал достаточными экономическими ресурсами, чтобы выдержать даже такой мощный удар, какой был нанесен рабовладельческой империи революционным взрывом конца IV — начала V в. Более того, рабовладельцы Восточно-Римской империи сумели перейти в наступление против народных масс как в самой Восточно-Римской империи, так и за ее пределами. Но это требовало напряжения всех сил рабовладельческого класса, консолидации его вокруг центрального правительства. Только ничем не прикрытая военная диктатура, неограниченный деспотизм могли отсрочить неминуемую гибель рабовладельческой империи и на Востоке. Правление императора Юстиниана (527—565 гг.) и было этой последней судорожной попыткой рабовладельческого класса сохранить свое господство, подавить революцию рабов и колонов.

Но все эти попытки были безуспешными, успехи — временными, и в конце VI — начале VII в. в Восточно-Римской империи наступает последний, решающий этап победоносной революции рабов, колонов, городской бедноты, выступивших

---

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 40-е, стр. 607.

² А. Д. Дмитриев. Восстание вестготов на Дунае. ВДИ, № 1, 1950 г.

³ А. Д. Дмитриев. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Автореферат, Л., 1950.

в союзе с варварами. Под ударами этой революции гибнет разлагающееся рабовладельческое общество. Путь для развития феодализма и на востоке был расчищен.

Ценность исторических произведений Прокопия для историков-марксистов состоит, прежде всего, в том, что в его трудах нашли отражение события бурной революционной эпохи, острая классовая борьба, развернувшаяся в империи в VI в. Труды Прокопия, кроме того, дают богатейший материал для изучения социально-экономической и политической истории Восточно-Римской империи и соседних с ней стран и народов в VI в. и позволяют дать оценку правления Юстиниана.

В буржуазной историографии долго господствовала традиция всячески идеализировать правление Юстиниана. Французский буржуазный византист Шарль Диль в своей монографии «Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке»¹ прославляет «великое царствование» этого императора, господствующее над всем VI веком.² Своим обширным трудом Шарль Диль стремится воздвигнуть памятник Юстиниану, «уловить разнообразные проявления императорской деятельности и его великих идей, огромное и разнообразное дело его колоссального честолюбия...»³ Фигуры Юстиниана и Феодоры заполняют для Дилья всю историю Византии VI в., совершенно заслоняя собой все остальное.⁴ Все основные события этого царствования трактуются Дилем как проявление воли императора и императрицы и их приближенных. История народных масс, их надежды и чаяния, их бесконечные страдания и муки в течение этого мрачного царствования и, наконец, их героическая борьба — все это отнюдь не интересует французского византиста, как, впрочем, и всех других буржуазных историков. Грандиозное восстание городской бедноты Константинополя 532 г., знаменитое восстание Ника — для Дилья «мятеж черни», оттеняющий «замечательное мужество Феодоры», подавшей

¹ Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle, Paris, 1901. Русск. пер. — СПб., 1908.

² Ш. Диль, цит. соч., русск. пер., СПб., 1908, стр. 1.

³ Там же.

⁴ См. главы «Император Юстиниан», «Императрица Феодора» и др.

«великий пример героизма» своему царственному супругу.¹

Что же привлекает буржуазных историков в Юстиниане, какие стороны его царствования, какие идеи и дела особенно приковывают их внимание и заслуживают их похвал?

Юстиниан восхваляется буржуазными учеными как самодержец, воплотивший в жизнь идею «крепкой монархической власти», как защитник христианской церкви и борец за «чистоту» православной религии, как император-законодатель, хранитель «прочных» устоев римского государства, зиждящегося на праве частной собственности. Но особенно прославляется император Юстиниан за борьбу с выступлениями народных масс, за жестокие преследования еретиков и всех инакомыслящих.

Для историка-марксиста Юстиниан, этот «прославленный» «восстановитель былого могущества Римской империи» — прежде всего душитель революционного движения угнетенных масс, потопивший в море крови восстание константинопольского плебса, беспощадно преследовавший любое проявление «неповиновения властям», под маской борьбы за чистоту христианской религии необычайно жестоко расправлявшийся со всяким свободомыслием, властитель, боровшийся против революции рабов не только в Византии, но и в Западно-Римской империи. В ярком свете гениальной сталинской концепции революции рабов правление императора Юстиниана предстает перед нами как период кратковременного торжества рабовладельческой реакции, как последняя отчаянная попытка рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс. Однако победа реакции была весьма непрочной, и даже само правление Юстиниана наполнено непрерывными и грозными выступлениями народных масс, напряженной классовой борьбой, массовыми народными восстаниями. Оно характеризуется наличием революционной ситуации, назреванием нового революционного взрыва. Особо острые формы приняла в этот период классовая борьба в византийских городах, вылившаяся в движение димов и борьбу цирковых партий. В грандиозном народном восстании 532 г. в Константинополе, как в фокусе, отразился сложный переплет классовой

---

¹ Там же, стр. 54.

и политической борьбы в Византии VI в. Одновременно широкие народные движения охватили все провинции империи. В придунайских провинциях, а также во Фракии и Иллирике в VI в. росло и крепло движение скамаров,¹ в восточных областях государства — в Сирии, Палестине, Египте — кипела напряженная классовая борьба, часто принимавшая форму еретических движений. В правление Юстиниана, несмотря на внешнюю видимость «порядка», Восточная империя оставалась ареной ожесточенной классовой и политической борьбы, и никакой шум «побед» византийского оружия, никакой внешней блеск знаменитых юстиниановских построек, ни пышность двора и церкви не могли скрыть язв разлагавшегося рабовладельческого общества. Почва горела под ногами рабовладельцев. Поэтому-то от буржуазной «науки» и потребовалось столько усилий, чтобы создать миф о «великом» царствовании Юстиниана, поэтому-то источники, рисующие истинное положение дел в империи, например «Тайная история» Прокопия, подвергались сомнению и долгое время считались подложными.

Советская византиноведческая наука должна разоблачить и навсегда похоронить миф о «великих деяниях» Юстиниана, миф о его «блестящем» царствовании. В этом аспекте особую важность приобретает изучение византийских источников VI в. и в первую очередь трудов наиболее выдающегося историка того времени — Прокопия Кесарийского.

* * *

Источники, освещающие историю Византии в период правления Юстиниана, весьма многочисленны и разнообразны. Наряду с нарративными источниками, этот период богат юридическими и дипломатическими памятниками. Большое значение для изучения эпохи имеют различные литературные произведения. Подавляющее число источников принадлежит перу современников. Обилие и разнообразие памятников значительно облегчает взаимную критику и проверку их данных.

В VI в. в Восточно-Римской империи появляется целая плеяда историков, описавших современные им события: Про-

---

¹ А. Д. Дмитриев. Цит. соч., стр. 33.

копий Кесарийский, Агафий Миринейский, Петр Патрикий, Ноннос, Менаандр Протиктор, Евагрий и др.

Однако изучение византийской истории VI в., особенно основных, важнейших проблем эпохи и в первую очередь проблемы революции рабов и вторжений варваров, несмотря на обилие источников — очень сложная задача вследствие чрезвычайной тенденциозности источников (в частности нарративных). Все византийские историки той эпохи были выходцами из рабовладельческой знати и в большинстве своем принадлежали к придворной бюрократии или высшему духовенству. Они являлись идеологами рабовладельческого класса, и исторические события, особенно народные движения, изображались ими в намеренно искаженном виде. Большинство источников того времени всячески стремятся скрыть и преуменьшить масштабы народных движений, рисуя их то в виде религиозной борьбы, то в виде столкновений цирковых партий или династических распрей. Источников же, исходящих от представителей самих угнетенных классов, к сожалению, не сохранилось. Поэтому историку-марксисту приходится собирать буквально по крупинкам драгоценные сведения о жизни и героической борьбе угнетенных масс, чтобы воссоздать во всей полноте, со всей жизненной правдой историю народов, историю трудящихся масс — творцов самой истории. Ибо, как учит товарищ Сталин, «историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».¹

Однако глубокий кризис рабовладельческой системы и развернувшаяся в Римской империи революция рабов наложили отпечаток на идеологию самого господствовавшего класса; и ожесточенная классовая борьба, кипевшая в Византии в переломную эпоху перехода от античности к средневековью, во многом определила общую направленность большинства исторических произведений того времени. Это особенно наглядно

---

¹ «История ВКП(б), Краткий курс», 1949, стр. 116.

можно проследить в трудах знаменитого историка VI в. Прокопия Кесарийского.

* * *

Прокопий Кесарийский является наиболее крупным византийским историком VI в. Прокопий был современником Юстиниана, видным политическим деятелем, занимавшим высокие посты в византийской администрации.

Сведения о жизни Прокопия, несмотря на его известность среди современников, довольно скудны и фрагментарны, большей частью черпаются из его собственных произведений и носят автобиографический характер. Прокопий родился в г. Кесарии Палестинской в конце V в. Он получил широкое образование, что указывает на состоятельность его родителей. В 527 г. он был назначен советником и секретарем *πρόδροξ* и *υπογραφεύς* при византийском полководце Велизарии. Эта должность открывала Прокопию большие возможности знакомства с важнейшими политическими событиями и выдающимися политическими деятелями. Прокопий попал в самую гущу политической борьбы, придворных интриг, сложной дипломатической игры той эпохи, что впоследствии нашло отражение в его исторических трудах.

В качестве советника Велизария Прокопий участвовал в ряде походов, побывал во многих странах. Так, с 527 по 531 г. он сопровождал Велизария в походах против персов. В 533 г. он отправился с Велизарием в Северную Африку и участвовал в войне против вандалов. В Африке Прокопий остался и после отъезда Велизария и, пробыв там три года, хорошо изучил нравы и обычаи жителей этой провинции. Прокопий был прекрасно осведомлен о важнейших событиях, происходивших в это время в Африке, и оставил нам ценные сведения о завоевании ее Юстинианом. Особый интерес представляют данные автора об огромном движении угнетенных масс и варварских племен берберов и маврусиев против византийской оккупационной армии, в частности сведения о восстаниях под предводительством Стоцы.¹ В 536 г. Прокопий снова вернулся к

---

¹ Procopius Caesariensis. Opera omnia, rec. J. Haury. Lips., 1905—1906. De bello vandalico, v. I—II. Русск. пер. С. Дестуниса. СПб., 1891, кн. I.

Велизарю, находившемуся в это время в Сицилии, и принял активное участие в войнах Юстиниана против остготов и народных масс Италии. Эти тяжелые и кровопролитные войны, во время которых особенно ярко сказался реакционный характер внешней политики Восточно-Римской империи, были впоследствии подробно описаны Прокопием — очевидцем большей части изображаемых им событий. В конце 540 г. Прокопий вместе с Велизарием вернулся в Константинополь, а затем вновь отправился на далекий Восток в поход против персов. В 542 г. мы встречаем его опять в столице империи. Здесь между 543 и 545 гг. он начал писать свой большой исторический труд — «Историю войн Юстиниана». Можно предполагать, что в 546 г. он еще раз побывал в Италии во время второго похода Велизария против остготов.¹ В 550 г. он закончил семь первых книг «Истории войн» и в том же году написал свою знаменитую «Тайную историю».

В 554 г. он написал последнюю — восьмую книгу «Истории войн», а в 560 г. составил трактат «О постройках» — «περὶ κτισμάτων». В конце жизни Прокопий достиг высокого звания *illustris* (по свидетельству Свида). События последних лет жизни Прокопия и время его смерти точно не известны.

Таковы довольно скудные биографические данные о византийском историке VI в. Прокопии Кесарийском.

Современники хорошо знали главные исторические сочинения Прокопия и высоко их ценили. Так, известный византийский историк VI в. Агафий Миринейский пишет, что Прокопий знал «неимоверно много предметов и, так сказать, перерыл всю историю».² Агафий подчеркивает, что Прокопий «...рассказал с большой точностью большинство фактов, случившихся в царствование Юстиниана».³

Литературное наследство Прокопия, весьма обширное и разнообразное, дает возможность определить политические взгляды и мировоззрение нашего автора. Однако в рамках настоящей статьи мы не ставим своей задачей полное и

---

¹ Там же, I, 8—9.

² A g a t h., 264.

³ Ibid., 11.

всестороннее освещение мировоззрения Прокопия. Мы попытаемся лишь наметить основные, определяющие черты политических взглядов Прокопия и показать их социальные корни.

Изучая жизнь и творчество Прокопия, мы видим, что Прокопий принадлежал к византийской рабовладельческой знати, входившей в состав придворной бюрократии. Прокопий, как и другие византийские историки того времени, — идеолог рабовладельческого общества. Народ для него — «неразумная толпа», «чернь», которая «не может ни переносить настоящее положение, ни предвидеть будущее, но легкомысленно берется за невыполнимое и умеет только по своей неосмотрительности гибнуть».¹ Особенно презирает Прокопий рабов. Армию Тотилы он называет «беглыми рабами».² В устах Прокопия — это самая унижительная характеристика.

В «Тайной истории» автор негодует на привлечение рабов в качестве свидетелей против их господ.³

С большим высокомерием относится Прокопий и к варварам. Все человечество Прокопий делит на два мира: на римлян и варваров. При этом римляне — носители «высшей культуры» и цивилизации, своего рода высшая раса.

Барварское происхождение Прокопий относит к числу личных недостатков.

Страх и ненависть внушают Прокопию восстания народных масс. Все социальные движения в империи, борьба цирковых партий венетов и прасинов, движение димов, восстания в византийской армии, еретические движения и т. п. рассматриваются Прокопием как общественные бедствия. Восстание Ника, с точки зрения Прокопия, — «мятеж, который, против чаяния, чрезвычайно распространился и имел самый пагубный для народа и сената конец».⁴ Восстание в византийских войсках, стоящих в крепости Дара, под руководством Иоанна изображается Прокопием как «солдатский бунт». Он восхищается тем, что

¹ Прокопий. История войн с готами, кн. VI (II), гл. 3, § 24—25.

² Там же, кн. VII (III), гл. 25, § 16; кн. VIII (IV), гл. 30, § 2—7.

³ «Тайная история», гл. XI, § 35, стр. 309.

⁴ «Война с персами», кн. I, гл. 24, § 1, русск. пер., стр. 123. Однако, несмотря на ярко классовую окраску, описание у Прокопия восстания Ника содержит ценные сведения, без которых его изучение невозможно.

«иерей» того города Мамант и «первенствующие граждане» при помощи воинов убили Иоанна, «чтобы не оставить никакой надежды тем, которые бы захотели произвести подобное возмущение». ¹ «Таков был конец этого мятежника!», — восклицает в заключение Прокопий.

Вождь грандиозного народного восстания 529 г. в Палестине Юлиан для Прокопия — «разбойник». Прокопий сообщает об этом восстании, что когда Юстиниан стал преследовать самаритян, то «люди разумные и добропорядочные» приняли новую религию, а люди «раздраженные» не пожелали этого сделать. «Жители же деревень, собравшись все вместе, решили поднять оружие против императора и выбрали себе вождем одного из разбойников по имени Юлиана, сына Сабара». ² Такую оценку дает наш автор руководителю крупнейшего социального движения в Византийской империи в правление Юстиниана. Воины Тотилы, вождя народно-освободительного движения в Италии, для Прокопия также являются «разбойниками». ³ С большим недоброжелательством говорит Прокопий о борьбе венецов и прасинов. Особую ненависть внушают ему левые элементы партий, в частности партии прасинов, которых он называет стасиотами и не жалеет красок при описании их «бесчинств и пороков». ⁴

Прокопий — ярый приверженец «законности» и «порядка». Краеугольным камнем идеального государства Прокопий считает соблюдение законов и повиновение властям. ⁵ По своим политическим взглядам Прокопий — консерватор, оплакивающий упадок старинных государственных учреждений Римской империи и нападающий на «новшества» Юстиниана. ⁶ Особенно страстно нападает Прокопий на Юстиниана за ограбление и

---

¹ «Война с персами», кн. I, гл. 26, стр. 141—142.

² «Тайная история», гл. XI, § 27, русск. пер., стр. 308.

³ «История войн с готами», кн. VIII (IV), гл. 30, § 2.

⁴ «Тайная история», гл. VII, стр. 295—298; «Война с персами», стр. 123—124.

⁵ «Тайная история», гл. VII, § 31, русск. пер., стр. 297.

⁶ Там же, гл. VI, § 21, стр. 294; гл. XI, § 1—2, стр. 306; гл. XIV, § 1, стр. 314 и др.

унижение сенаторского сословия,¹ этой «величайшей части Римской империи»,² за возвышение лиц «низкого» происхождения,³ за нарушение старинных законов и установлений римского государства.⁴

Прокопий с большой горечью говорит об упадке политического влияния сената. Он сообщает, что при Юстиниане «сенат сидел, как какая-нибудь картинка и лишь для украшения, не имея права ни самостоятельно вынести решение, ни выступить с достойным предложением; его собирали только для вида...»⁵. Идеал политического устройства Прокопий видит в прошлом, в древних установлениях римского государства.

Прокопий — аристократ до мозга костей. Он неустанно восхваляет «добродетели» римской рабовладельческой знати, особенно представителей сенаторского сословия,⁶ и никогда не забывает указать на «низкое» или «варварское» происхождение лиц, ему ненавистных.

Очень высоко ценит Прокопий богатство. Понятие богатства всегда соединяется у него с понятием силы и влияния в обществе и является мерилем личных достоинств человека. Политические симпатии автора всецело на стороне высшей знати и рабовладельческой аристократии. Особенную ненависть Прокопия вызывает всякое ущемление со стороны правительства материальных интересов высшей рабовладельческой знати, в частности политика ограничения роста крупного светского

---

¹ «Тайная история», гл. XI, § 40, стр. 309; гл. XII, § 5—14, стр. 309—310; гл. XIV, § 7—8, стр. 314—315; гл. XV, § 22, стр. 317; гл. XVII, § 7 и сл., стр. 321; гл. XIX, § 11—12, стр. 328; гл. XXVI, § 3, стр. 343; § 16, стр. 344; гл. XXVIII, § 12, стр. 349; гл. XXIX, § 17—19, 20, стр. 351; гл. XXX и др.

² Там же, гл. XI, § 17, стр. 307.

³ Там же, гл. XIII, § 22—28, стр. 313; гл. XXII, § 1—6, стр. 333; гл. XII, § 17, стр. 330; гл. XXVII, § 6, стр. 347 и др. «История войн с готами», стр. 310.

⁴ Там же, гл. VI, § 21, стр. 294.

⁵ Там же, гл. XIV, § 8, стр. 314—315.

⁶ См., например, «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 31 и др. «Тайная история», гл. XV, стр. 317—318.

⁷ «Тайная история», гл. VI, § 1—17 (о низком происхождении Юстиниана и его жены); гл. IX, гл. X и др. (о низком происхождении Феодоры) и др.

землевладения.¹ Одновременно Прокопий крайне недоволен ростом могущества и земельных владений церкви и покровительством со стороны Юстиниана высшей церковной иерархии.²

Политические взгляды Прокопия отражают оппозиционные настроения части старой рабовладельческой аристократии, группирующейся вокруг сената, недовольной самодержавной политикой Юстиниана. Эта оппозиция, настроения и чаяния которой особенно выпукло выражены в «Тайной истории» Прокопия, необычайно ярко показывает разложение господствующего класса Восточно-Римской империи в VI в., тот кризис «верхов», который является одним из признаков революционной ситуации. Говоря о трех главных признаках революционной ситуации, В. И. Ленин первым признаком считает «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов“», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому».³

Труды Прокопия, особенно его «Тайная история», чрезвычайно наглядно показывают ожесточенную политическую борьбу внутри господствующего класса Восточно-Римской империи, распушенность и полное разложение «верхов» рабовладельческого общества. Часть сенаторской аристократии не желала поступиться своими доходами даже для спасения рабовладельческого государства, тяготилась диктаторским правлением Юстиниана, его широкой внешней политикой, мечтала о восстановлении былого могущества и политического влияния сената.

Принадлежал ли сам Прокопий к сенаторской аристократии? Точных указаний на это нет. Одно, довольно неясное, место из

---

¹ «Тайная история», гл. XII, § 11—14, стр. 310; гл. XXVI, § 3, стр. 343; § 16, стр. 344; гл. XXIX, § 20, стр. 351 и др.

² Там же, гл. XIII, § 4—8, стр. 312.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, изд. 3-е, стр. 244.

«Тайной истории» не дает еще основания для категорических выводов. Говоря о «насилиях» Юстиниана и Феодоры над сенаторами, Прокопий заключает свой рассказ заявлением: «Поэтому в моих глазах и глазах многих из моих (друзей того же сословия) они казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны...»¹. Возможно, что эти слова Прокопия указывают на его принадлежность к сенаторским кругам. Но если он даже лично и не принадлежал к сенаторскому сословию, то во всяком случае стоял к нему очень близко и являлся идеологом оппозиционной части сенаторской аристократии. Труды Прокопия, в особенности «Тайная история», не оставляют в этом сомнения.

Оппозиция части сенаторской аристократии есть проявление ожесточенной политической борьбы внутри господствующего класса Восточно-Римской империи.

Правительство Юстиниана, проводя политику в интересах класса рабовладельцев в целом, искало и находило себе опору в крупном церковном землевладении и части торгово-ремесленной знати. Сенаторская аристократия, в период самодержавного правления Юстиниана в значительной степени потерявшая политическое влияние и оттесненная от государственных должностей, а самое главное — ущемленная в своих материальных интересах, и составила оппозицию внутри господствующего класса.

Борьба внутри господствующего класса часто принимала очень острые формы. Ярким примером этого может служить участие сенаторской аристократии в восстании Ника 532 г.² Заговор византийской знати, стремившейся использовать в своих целях народное движение, ставил своей задачей свергнуть Юстиниана и посадить на византийский престол ставленника сенаторской аристократии Ипатия.³ Кандидатура эта была выдвинута не случайно. Ипатий был племянником императора Анастасия (491—518 гг.), в правление которого сенаторская знать пользовалась большим влиянием. Теперь она

---

¹ «Тайная история», гл. XII, § 14, стр. 310.

² «Войны с персами», кн. I, гл. 24, русск. пер., стр. 132.

³ «Тайная история», гл. XIX, § 12, стр. 328 и др.

стремилась восстановить на престоле старую династию, и адеясь вновь захватить государственную власть в свои руки.

Весьма симптоматично, что Прокопий в своих трудах в сясчески восхваляет правление императора Анастасия, называя его «самым предусмотрительным и самым экономным из всех самодержцев»¹ и противопоставляя его «мудрую» финансовую политику расточительности Юстиниана.²

Оппозиционные взгляды Прокопия проявляются не только в «Тайной истории». Конечно, в этом произведении, написанном тайно, Прокопий выражал свои взгляды и настроения совершенно свободно, и поэтому этот труд наполнен самыми яростными нападками на правительство Юстиниана. Но и в других его произведениях, хотя в завуалированной форме, также проявляются его оппозиционные настроения. Так, например, в «Истории войн» Прокопий довольно часто осуждает политику Юстиниана. Однако, боясь выражать свои мысли открыто, он обычно прибегает к искусному литературному приему. Отзывы о Юстиниане он вкладывает в уста его врагов, которые смело осуждают политику императора. Примеров подобного рода в «Истории войн» множество. Наиболее яркий из них — речь армянских послов, обращенная к персидскому шаху Хосрову II, в которой политика Юстиниана подвергается резкой критике.³ Вообще в «Истории войн» Прокопий отнюдь не расточает похвал Юстиниану и Феодоре, а говорит о них весьма сдержанно. Более того, в «Истории войн с готами» он порой даже прямо осуждает Юстиниана, например, за медлительность в ведении войны в Италии и за увлечение догматическими спорами.⁴

В этом же труде он говорит о смерти императрицы Феодоры⁵ без проявления каких-либо верноподданнических чувств.

---

¹ «Тайная история», гл. XIX, § 5—6.

² Там же. Прокопий прославляет «благоразумие и предусмотрительность Анастасия также и в «Войнах с персами», кн. I, гл. 10, стр. 46—47.

³ «Войны с персами», кн. II, гл. 3, стр. 161—162. Там же, кн. I, гл. 2, стр. 154—155. Ср. также «История войн с готами», кн. VIII (IV), гл. 15, § 13—18 (недовольство условиями мира с Хосровом II) и др.

⁴ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 35, § 11.

⁵ Там же, кн. VII (III), гл. 30, § 4.

Рассказывая о заговоре Артабана и Германа, он не скрывает своего сочувствия Герману и особенно Марцеллу.¹

Прокопий весьма иронически отзывается об увлечении Юстиниана богословием: император, говорит он, забывая о государственных делах, «до поздней ночи толкует с допотопными старцами из духовенства, переворачивая со всем рвением книги христианского учения».²

Таким образом, скрытое недоброжелательство к Юстиниану сквозит и в «Истории войн» Прокопия. Что же касается его трактата «О постройках», то в этом произведении сугубо официального характера, написанном по заказу правительства, Прокопий, конечно, ничего не может сделать другого, как восхвалять Юстиниана. Но симптоматично, что Прокопий с особой горячностью прославляет Юстиниана за его охранительную политику, за охрану империи, особенно владений знати, от нападений варваров и восстаний народных масс внутри государства.³ Однако даже в этом панегирическом труде иногда звучит порицание: например, Прокопий не одобряет огромных трат Юстиниана на строительство роскошных дворцов.⁴

Таким образом, все выше приведенные факты, ярко свидетельствующие о политических взглядах Прокопия, позволяют сделать заключение, что Прокопий принадлежал к партии сенаторской аристократии, фрондировавшей против Юстиниана и стремившейся к восстановлению былого могущества высшей рабовладельческой знати, группировавшейся вокруг сената.

Произведения Прокопия, отражая кризис «верхов», содержат ценнейший материал и для изучения жизни народных масс в период приближения новой волны революционного движения рабов и колонов в Восточно-Римской империи.

В. И. Ленин признаком революционной ситуации, наряду с кризисом «верхов», считает «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов».⁵

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 31.

² Там же.

³ «О постройках», русск. пер. С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 250—251, 281, 282 и др.

⁴ Там же, кн. I, гл. XI, § 17.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, изд. 3-е, стр. 244.

Труды Прокопия и, прежде всего, конечно, его «Тайная история» необычайно ярко отразили невыносимые страдания народных масс в правление Юстиниана, обострение до предела бедствий угнетенных классов, что является одним из необходимых условий назревания революции, важным свидетельством наличия в Византии VI в. революционной ситуации. Конечно, описание бедственного положения народных масс вызвано у Прокопия отнюдь не сочувствием к угнетенным классам, а прежде всего, ненавистью к правительству Юстиниана и желанием в связи с этим разоблачить его грабительскую политику.

Именно благодаря оппозиционным настроениям Прокопия, благодаря политической тенденции его трудов, мы располагаем ценными сведениями о тяжелом положении народных масс в правление Юстиниана.

Широко известны данные Прокопия о невыносимом гнете налогов, ложившихся на плечи населения империи в этот период. Прокопий сообщает о таких тягостных поборах, как принудительная скупка государством хлеба («синона»),¹ о дополнительных налогах вроде диаграфе² и аэрикон³ и, наконец, о печально знаменитой «прикидке» («эпиболе»).⁴ Эта «прикидка» состояла в том, что покинутые земледельцами земли, количество которых непрерывно росло, насильственно присоединялись к землям соседей, на которых вместе с тем падало бремя уплаты податей государству с этих пустующих земель. Система «эпиболе» была чрезвычайно тягостна для византийского крестьянства, и Прокопий говорит о ней, что «это какая-то непредвиденная чума, внезапно поразившая владельцев имений и с корнем вырвавшая у них надежду на возможность жизни».⁵

Прокопий сообщает о том, что византийская налоговая система вводилась правительством Юстиниана и во вновь завоеванных областях, как, например, в Северной Африке и Италии,

---

¹ «Тайная история», гл. XXII, § 14—22, стр. 334; гл. XXIII, § 11—14, стр. 336—337.

² Там же, гл. XXIII, § 9, стр. 336; § 17—18, стр. 337.

³ Там же, гл. XXI, § 2—4, стр. 330—331.

⁴ Там же, гл. XXIII, § 9, стр. 336; § 15—16, стр. 337.

⁵ Там же, § 15, стр. 337.

вызывая крайнее недовольство населения. Он говорит о многочисленных злоупотреблениях и вымогательствах византийской администрации,¹ о продажности суда² в правление Юстиниана. Многочисленны указания Прокопия на страшное падение жизненного уровня народных масс. Система монополий,³ увеличение таможенных сборов,⁴ порча монеты,⁵ различные злоупотребления чиновников⁶ приводили к повышению цен на продукты первой необходимости, в первую очередь на хлеб,⁷ так что «для римского народа всячески готовилась голодная смерть».⁸

Кризис «верхов» и увеличение бедствий и страданий угнетенных масс приводили к обострению классовой борьбы и нарастанию революционного движения в империи.

В. И. Ленин третьим признаком революционной ситуации считает «значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению».⁹

Труды Прокопия дают обширный материал и для изучения народных движений в правление Юстиниана. Оппозиционные настроения Прокопия опять-таки отчасти содействуют этому.

Несмотря на ненависть к народным движениям и страх перед ними, Прокопий, стремясь в самых мрачных тонах изобразить правление Юстиниана и показать самые «дурные» стороны

---

¹ «Тайная история», гл. XX, стр. 328—329; гл. XXI, стр. 330—332; гл. XXIV, стр. 338—339.

² Там же, гл. VII, § 31—32, стр. 297; гл. XIII, § 20 и сл., стр. 313; гл. XIV, § 6—22, стр. 315—316; гл. XV, § 21—22, стр. 317 и др.

³ Там же, гл. XX, § 5—6, стр. 329; гл. XXV, § 13; гл. XXV, § 25, стр. 342 и др.; гл. XXVI, § 19, стр. 344.

⁴ Там же гл. XXV, стр. 340—341.

⁵ Там же, гл. XXV, § 11—13, стр. 341.

⁶ Там же, гл. XXV, § 20—21, стр. 344.

⁷ Там же, § 10, стр. 341.

⁸ Там же. В отношении описания бедствий населения Италии ценные сведения содержит «История войн с готами» (см. ниже).

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, изд. 3-е, стр. 244.

царствования этого императора, часто говорит о народных восстаниях, вспыхивающих в разных концах империи. Так, мы находим у него подробное описание восстания 532 г. в Константинополе,¹ важные данные о движении димов, сведения о широком движении в Палестине под руководством Юлиана,² о массовом народном движении против византийского ига в Северной Африке и о восстаниях угнетенных масс, во главе которых стоял Стоца,³ наконец, о народно-освободительной войне в Италии под знаменами Тотилы.⁴ Однако само собой разумеется, что освещение народных движений у Прокопия, как и у других византийских авторов той эпохи, отличается крайней тенденциозностью, и к данным Прокопия необходимо относиться весьма критически и с большой осторожностью.

Таким образом, исторические сочинения Прокопия Кесарийского являются важнейшим источником для изучения назревания в Византии громадных революционных событий, приведших в конце VI и начале VII в. к гибели рабовладельческой империи на востоке.

Среди произведений Прокопия видное место занимает его «История войн с готами», составляющая четыре последние книги его большого исторического труда — «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами». Это сочинение охватывает период с 534 по 554 г. В центре повествования находится описание длительных и кровопролитных войн Юстиниана в Италии.

«История войн с готами» является ценным источником, в котором нашли свое отражение важнейшие исторические события VI в. Особый интерес для историков-марксистов представляют данные «Истории войн с готами» о революции рабов и варварских вторжениях VI в.

Это произведение Прокопия очень ярко освещает политику византийского правительства в Италии и характер войн Юстиниана.

¹ Движение димов — «Тайная история», гл. VII, стр. 295—298; гл. XVIII, стр. 326; гл. XXIX, стр. 351—352 и др. «Войны с персами», кн. I, гл. 24 и др.

² Там же, гл. XI, § 25—31, стр. 308.

³ «История войн с вандалами», кн. II, гл. 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 22, 23 и др.

⁴ «История войн с готами», кн. II—IV.

Внешняя политика Византии в VI в., в частности, войны Юстиниана в Северной Африке, Италии и Испании, носили реакционный характер и ставили своей целью ликвидацию завоеваний народных масс, добытых во время революции рабов V в., и реставрацию на Западе рабовладельческих порядков.

В 535 г. Юстиниан начал войну в Италии против королевства остготов. Предлогом для объявления войны послужило убийство дочери остготского короля Теодориха — Амалазунты.

В 535 г. византийское правительство отправило против остготов две армии, одну — для завоевания Далмации, другую, под командованием византийского полководца Велизария, — для покорения Сицилии. Данные «Истории войн с готами» не оставляют тени сомнения, что основной задачей, которую ставила Восточно-Римская империя при завоевании Италии, являлись реставрация старых рабовладельческих порядков и борьба с революцией рабов, потрясавшей как Западную, так и Восточную империю.

Красной нитью через все произведения Прокопия проходит мысль о том, что византийские войска «спасают» римский народ (в первую очередь сенаторов и патрициев) от тирании варваров.¹

Войска Юстиниана выступают как «защитники» рабовладельческой знати и представителей высшего духовенства Италии. Так, в условиях договора, заключенного в 535 г. между королем готов Теодатом и послом Юстиниана Петром Патрицием, одним из важнейших требований со стороны Византии было требование личной и имущественной неприкосновенности для католического духовенства и римских сенаторов².

Спасение рабовладельческой знати, в первую очередь римских сенаторов, для Прокопия — дело, заслуживающее величайшей похвалы.³

¹ «История войн с готами», кн. V(I), гл. 8, § 13—14. В речи, вложенной Прокопием в уста византийского полководца Велизария, объявляется, что византийские войска пришли в Италию для освобождения италийцев от тирании варваров.

² Там же, гл. 6, § 2—3.

³ Прокопий всячески восхваляет византийского полководца Иоанна за спасение им знатных пленников Тотилы, римских сенаторов и их

Войска Юстиниана, вступившие на землю Италии, встречали самую активную поддержку у римской рабовладельческой знати и высшего духовенства. Упоминаниями об этом буквально пестрит все произведение Прокопия.

Так, например, миланский епископ Датис и знатнейшие граждане Милана поддерживали императора и просили помощи у Велизария.¹ Велизарий послал в Милан отряд в 1000 человек.² Очевидно, при помощи этой знати византийским войскам удается овладеть без боя Миланом,³ этим «первым по величине, населенности и по всякому другому благосостоянию⁴ городом... из всех западных городов после Рима».⁵ Врагами готов и сторонниками императора в труде Прокопия выступают многие знатные рабовладельцы Италии, как Президий, живший в Равенне, «человек очень знатный»,⁶ Фиделий, пользовавшийся большим влиянием у лигуров,⁷ Маркиан, человек «очень уважаемый среди венетов», который «жил в укрепленном местечке, не очень далеко от города Вероны и, будучи горячим сторонником императора, всячески старался передать город во власть римского войска».⁸ Этот Маркиан весьма энергично помогал византийским войскам и, подкупив одного из стражей Вероны, подготовил захват города византийцами.⁹

В гарнизоне крепости Русцианы, стойко сопротивлявшейся готам, было много знатных италийцев, в том числе Деоферон, брат богатого италийского рабовладельца Туллиана.¹⁰ В Риме

жен, в том числе римского консула Ореста [кн. VII (II), гл. 26, § 11—14]. Эта «дерзкая мысль» Иоанна, по словам Прокопия, «принесла спасение римскому сенату, а ему самому среди всех людей смогла создать великую, можно сказать, сверхъестественную славу» (там же, гл. 26, § 2).

¹ «История войн с готами», кн. VI (II), гл. 7, § 35.

² Там же, гл. 12, § 27.

³ Там же, § 36—37.

⁴ Там же, гл. 7, § 38.

⁵ Там же.

⁶ Там же, гл. 8, § 2.

⁷ Там же, гл. 12, § 27—28.

⁸ Там же, кн. VII (III), гл. 3, § 6.

⁹ Там же, § 8—13. Лишь распри вождей византийской армии из-за дележа добычи привели к тому, что город не был захвачен войсками императора (там же, § 15—16).

¹⁰ Там же, кн. VII (III), гл. 30, § 6.

императора Юстиниана вначале поддерживал «архиерей города» Сильверий.¹

Таким образом, в Италии самую действенную поддержку византийские войска получали от представителей господствующего класса, жизненно заинтересованных в реставрации старых порядков, в подавлении революционного движения и изгнании варваров. Более того, у Прокопия мы находим данные о том, что рабовладельческая знать Италии, разбитая в V в. восставшими рабами и их союзниками, призывала на помощь войска Юстиниана, возлагая на них последние надежды.

Так, в одной из речей, вложенных Прокопием в уста знаменитого вождя готов Тотилы, прямо говорится о том, что знатные римляне, патриции и сенаторы призвали на помощь греков.²

Большую активность в подготовке похода в Италию и во время ведения войны с готами проявляли и знатные эмигранты из рабовладельческой аристократии, бежавшие в Византию во время революции рабов и колонов в Западной империи. Прокопий сообщает о том, что после поражений, которые потерпели византийские войска в Италии, и блестящих побед армии Тотилы «римский архиерей Вигилий с теми италийцами, которые до тех пор были (в Византии) очень многочисленными и очень знатными, не переставал настойчиво умолять императора, чтобы он приложил все силы овладеть Италией». «Больше всех настаивал на этом Цетег, патриций, много раньше получивший консульское кресло».³ Этот отрывок интересен также и тем, что лишний раз указывает на активную роль папского престола и высшего римского духовенства в организации похода в Италию с целью реставрации рабовладельческих порядков.

В течение первого периода войны (535—541 гг.) дела византийцев в Италии шли успешно. В 535 г. Велизарий занял Сицилию, в мае 536 г. высадился в Италию, осадил и взял Неаполь и к концу 536 г., захватив всю Южную Италию, двинулся на Рим. 16 декабря 536 г. византийские войска овладели древней столицей римского государства. Однако уже в марте

---

¹ «История войн с готами», кн. V (I), гл. 14, § 4—6. Правда, позднее заподозренный Велизарием в измене и высланный из Рима, кн. I, гл. 25, § 12.

² Там же, кн. VII (III), гл. 21, § 12—13.

³ Там же, гл. 35, § 9—10.

537 г. Велизарий был осажден в Риме 150-тысячной армией остготов. Осада длилась около года и была крайне изнурительна для населения Рима. В марте 538 г. остготы, отвлеченные наступлением византийской армии в Северной Италии, сняли осаду Рима. Война велась с переменным успехом до 540 г. когда Велизарий удалось захватить Равенну, оплот остготов в Северной Италии, и взять в плен короля остготов Витигеса. На этом заканчивается первый период войн византийцев с остготами в Италии.

Успехи византийцев в первый период войны объясняются, во-первых, активной поддержкой со стороны рабовладельческой аристократии и высшего духовенства Италии, во-вторых, предательской политикой части готской знати, стремившейся пойти на компромисс с императором. Примеров подобной политики некоторых знатных и влиятельных готов Прокопий приводит весьма много.

Так, Прокопий приводит широко известные и по другим источникам данные о римской ориентации короля остготов Теодориха и наличии сильной проримской партии среди готской знати. Теодорих описывается Прокопием в явно хвалебных тонах.¹ В соответствии с общей политической направленностью и взглядами автора Теодорих восхваляется им в первую очередь за соблюдение римских законов и поддержку римских порядков. Прокопий подчеркивает, что готы в правление Теодориха сохраняли римский политический строй и римские законы, охраняли церковное служение и веру римлян. Все высшие должности по государственному управлению несли сами римляне.²

Единственно за что осуждает Прокопий Теодориха, это за убийство римских сенаторов Симмаха и Боэция.³ Теодорих рисуется Прокопием как законный правитель Италии, отправившийся туда с согласия восточно-римского императора Зенона для свержения тирана Одоакра.⁴ Дочь Теодориха Амалазунта также восхваляется Прокопием и изображается защитницей

¹ «История войн с готами», кн. V (I), гл. 1, § 27—30 и др.

² Там же, кн. VI (II), гл. 6, § 17—21.

³ Там же, кн. V (I), гл. 1, § 32—39.

⁴ Там же, гл. 1, § 9—10 и сл.

интересов римлян. Прокопий подчеркивает, что «пока она стояла во главе управления, ни один римлянин не был подвергнут ни телесному наказанию, ни конфискации имущества...»¹ Недаром Юстиниан выступает защитником и покровителем Амалазунты и мстителем за ее гибель.

Бесспорно также и то, что против Амалазунты, а затем и Теодата выступала «готская партия», добившаяся избрания королем готов Витигеса — «человека родом незнатного».²

Из произведения Прокопия можно почерпнуть важные сведения о социальном составе борющихся партий среди готов. «История войн с готами» содержит ценные известия о значительной имущественной дифференциации среди варваров-готов. В описываемый период у готов уже выделилась знать, владеющая крупной земельной собственностью. Ярким примером этого может служить Теодат — один из крупнейших землевладельцев в Этрурии.

Прокопий говорит о необычайном корыстолюбии Теодата и о его постоянном стремлении расширять и приумножать свои богатства, пуская в ход любые средства и в первую очередь прямое насилие. «Этот Теодат был владельцем большинства земель в Этрурии (Тоскана), но он всячески старался насильно отнять и остальную землю у владеющих ею; иметь соседа для Теодата казалось своего рода несчастьем».³ Теодат явно принадлежал к партии, ориентировавшейся на римлян, так как он «задумал передать Этрурию (Тоскану) во власть Юстиниана с тем, чтобы, получив за это крупные деньги и сверх того звание сенатора, провести остальную часть жизни в Византии».⁴ И в дальнейшем Теодат, став королем готов, ведет тайные переговоры с Юстинианом и соглашается продать свое «царское достоинство» за 1200 фунтов золота.⁵

Не лишен интереса и тот факт, что Теодат — этот знатный гот — является поклонником античной культуры и занимается изучением платоновской философии.⁶

---

¹ «История войн с готами», кн. V (I), гл. 2, § 4—5.

² Там же, гл. 11, § 5.

³ Там же, кн. V (I), гл. 3, § 2; ср. гл. 3, § 29—30.

⁴ Там же, § 4; ср. гл. 4, § 1—2.

⁵ Там же, гл. 6, § 19.

⁶ Там же, § 10 и др.

Готская знать, захватившая крупные земельные владения в Италии, вкусившая римской культуры, ведет явно предательскую политику по отношению к своему народу и стремится пойти на компромисс с римлянами. Прокопий указывает на ряд фактов прямого предательства готской знати и перехода ее на сторону императора. Так, например, знатный гот Пидзас отдал в руки Велизария половину Самния.¹ Другой знатный гот Эбримут, зять Теодата, перешел к Велизарии со всей своей свитой и за это получил от императора различные награды и сан патриция.²

Решающую роль в сдаче Равенны Велизарии сыграла предательская политика готской знати, которая начала переговоры с Велизарием вопреки желанию народа. Тайно ведя переговоры с Велизарием, их послы говорили, что «народу они скажут что-либо другое», сами же предлагали Велизарии сделаться королем Италии.³ Согласно условиям договора о сдаче Равенны, готы, конечно, прежде всего готская знать, сохранили все свое имущество.

Таким образом, успехи византийского оружия на первом этапе войны объясняются в числе других причин поддержкой части готской знати, видимо испугавшейся революционных выступлений народных масс и идущей, во имя своих классовых интересов, на союз с византийской рабовладельческой аристократией.

В 540 г., после пятилетней войны, Италия, казалось, была окончательно завоевана. Готский король Витигес пленником был отправлен в Константинополь, а сокровища Теодориха были захвачены византийцами. Юстиниан торжествовал победу, хвастливо прибавив к своим титулам «африканский» и «вандалский» еще титул «готский». Римские рабовладельцы ликовали, а знатные эмигранты толпами возвращались в Италию. Однако радость их была преждевременной. Так же как и в северной Африке, хищническая политика Византии, направленная на реставрацию во всей полноте старых

---

¹ «История войн с готами», кн. V (I), гл. 15, § 1.

² Там же, гл. 8, § 3—4.

³ Там же, кн. VI (II), гл. 29, § 24—26.

рабовладельческих порядков, несущих вновь все ужасы рабства, вызвала новую волну революции рабов и колонов в Италии и породила упорное, героическое сопротивление народных масс. Византийское владычество несло невыносимые страдания народным массам Италии. Реставрация разрушенного в предшествующий период рабовладения, разорение и ограбление страны непосильными поборами, бесчинства византийских чиновников и военачальников, политический террор — вот что принесли с собой населению Италии эти «освободители».

Вторгшиеся в Италию византийские войска захватывали в плен и обращали в рабство ее жителей. Так, например, захватив город Неаполь, византийские солдаты учиняют зверскую расправу с его жителями, убивают их и обращают в рабство.¹ Особенно страшным опустошениям подверглась Пиццеская область. Византийский полководец Иоанн, совершив набег на эту область, грабил все, что попадалось навстречу, и обращал в рабство женщин и детей.²

Византийцы несли рабство также и варварам, поселившимся на землях Италии. Так, после разгрома лагеря готов под Равенной, византийские военачальники «...тех врагов, которые остались там вследствие каких-либо болезней, ...обратили в рабство и захватили все имущество, которое оставили там бежавшие готы».³ Византийское завоевание несло свободным варварам порабощение, и поэтому неудивительно, что послы одного из германских племен — франков, по словам Прокопия, заявили, что «римский народ у всех варваров вызывает полное недоверие, будучи по природе своей им враждебным».⁴

С первых же шагов своей деятельности в Италии византийское правительство начинает проводить грабительскую финансовую политику. Овладев в самом начале войны Сицилией, Юстиниан тотчас накладывает на ее население подать.⁵

¹ «История войн с готами», кн. V (I), гл. 10, § 29. Правда, Прокопий подчеркивает, что Велизарий прекратил насилия и грабежи солдат и освободил пленников.

² Там же, кн. VI (II), гл. 10, § 1.

³ Там же, кн. VI (II), гл. 18, § 1.

⁴ Там же, гл. 28, § 14.

⁵ Там же, кн. V (I), гл. 5, § 17.

Бесчинства и грабежи византийских войск привели к полному разорению жителей ряда областей Италии — Этрурии, Пизцы и др. — и вызвали страшный голод, чрезвычайно красочно описанный Прокопием.¹ По данным Прокопия, в Пизценской области погибло от голода не менее 50 тысяч римских земледельцев и еще гораздо большее число в областях, расположенных по побережью Ионийского залива.² Прокопий говорит, что голод был столь ужасен, что люди поедали друг друга,³ и умерших было так много, что некому было их хоронить.⁴

Но особенно распоясались византийские военачальники и византийские чиновники после победы над Витигесом. Прокопий принужден признать, что после победы над готами и отъезда Велизария в Византию «предводители римской армии, одинаково похожие друг на друга, не желавшие и не думавшие даже делать что-либо, что не приносило им личной пользы, начали грабить римлян и отдавать их на произвол солдат. Поэтому-то много было совершено с их стороны ошибок, и в короткое время все дело римлян рухнуло».⁵

Особенно отличался своими вымогательствами и грабежами логофет Александр, заведующий финансами в Италии.⁶ С италийцев Александр требовал уплаты недоимок за период, начиная с правления Теодориха. «Все это он, конечно, отвратил расположение италийцев от императора Юстиниана».⁷

Потрясающую картину продажности и жадности византийских военачальников, особенно Бесса и Конона, рисует Прокопий при описании осады Рима Тотилой. В городе начался голод, и, воспользовавшись этим, начальники римского войска

---

¹ «История войны с готами», кн. VI (II), гл. 20, § 13—33.

² Там же, гл. 20, § 21.

³ Там же, § 27.

⁴ Там же, § 32.

⁵ Там же, кн. III (VII), гл. 1, § 23—24.

⁶ См. Б. Панченко «О тайной истории Прокопия» (о должности логофетов и их функциях). «Виз. времени», т. III, вып. 3 и 4, стр. 464—469.

⁷ Там же, кн. III (VII), гл. 1, § 33.

и солдаты спекулировали хлебом и другими продуктами, продавая их по очень высоким ценам богатым жителям города.¹ Вся же масса народа питалась крапивой.

Особенную жадность проявил византийский полководец Бесс, который, «продавая хлеб все дороже и дороже, богател; эти цены диктовала ему нужда голодающих. И весь погрузившись в эти заботы о продаже, он больше не обращал внимания ни на охрану стен, ни на другие меры предосторожности».² После же взятия Рима Тотилой готы нашли «много богатств в домах патрициев, но особенно много там, где было логово Бесса; этот проклятый демон бессовестно собрал для Тотилы груды золота за хлеб, эту цену голода».³ В таких резких выражениях осуждает Прокопий Бесса, который в конечном счете только помог врагам римлян. В другом месте Прокопий упоминает о том, что Бесс проявил не меньшее корыстолюбие и в Лазике, где он также занялся грабежом населения, погубив и там дело римлян.⁴ О бедствиях италийцев упоминает Прокопий и в «Войне с персами».⁵

О подобной же грабительской политике византийской военной и гражданской администрации в остальных завоеванных при Юстиниане провинциях достаточно подробно рассказывает сам Прокопий в других своих произведениях. Так, о грабежах византийских чиновников и армии в Северной Африке, приведших к полному разорению провинции, Прокопий говорит в «Войнах с вандалами» и в «Тайной истории». В «Тайной истории», правда, с некоторыми риторическими преувеличениями, как бы подводя итог деятельности византийского правительства в Африке, он рисует страшную картину полного разорения и обезлюдения страны, превратившейся в пустыню: «Ливия, столь огромная по своему пространству, была до такой степени разорена им (Юстинианом), что, проезжая по ней, долгое время

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 17, § 10—11.

² Там же, гл. 20, § 1.

³ Там же, § 25—26.

⁴ Там же, кн. VIII (IV), гл. 13, § 11—13.

⁵ «Война с персами». О грабежах Иоанна в Лазике — кн. II, гл. 15, стр. 218—221.

трудно и удивительно было бы встретить там хоть одного человека». ¹

В провинции Африке, так же как и в Италии, после завоевания Юстиниан начал немедленно осуществлять политику полной реставрации рабовладельческих порядков. Реставрации подлежали налоговая система ² и аграрные отношения. ³ Земля возвращалась ее прежним владельцам, как частным лицам, так и фиску. Католическая церковь, служившая опорой рабовладельческого правительства, была восстановлена во всех правах и привилегиях, ей возвращались все ее имущества, отнятые в период революции рабов и вандалского завоевания.

Такая реакционная политика рабовладельческой империи неизбежно должна была вызвать и действительно вызвала новый взрыв революционного движения в завоеванных провинциях, как в Африке, где развернулось широкое движение под руководством Стоцы, так и в Италии, во главе которого встал Тотила.

С 541 г. начинается второй период войны в Италии, когда эта война превращается в народную, освободительную войну против реставраторов рабовладельческих порядков. Самую активную роль в борьбе против византийцев начинают играть народные массы Италии, вставшие на защиту завоеваний народа, добытых в огне революции рабов V в. Активное участие в борьбе принимает также остготское крестьянство, массы свободных варваров, поселившихся на землях Италии, однако, руководство движением захватила в свои руки остготская знать. Подобно тому, как Аларих, возглавлявший в начале V в. поход на Рим и борьбу угнетенных масс против рабовладельческой империи, принадлежал к знатному роду готов, вожди готов — Урайя, Ильдибад, Тотила, а впоследствии Тейя, были также выходцами из остготской знати. ⁴ Эти вожди готов возглавляли готскую

---

¹ «Тайная история», гл. XVIII, § 5.

² «История войн с вандалами», кн. II, § 25; «Тайная история», XVIII, 10.

³ Новеллы, XXXVI.

⁴ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 1, § 39. Правда, Ильдибад, дядя Тотилы, даже став королем готов, по словам Прокопия, все же «жил очень бедно, не прикасался к государственным деньгам».

партию, ставившую своей задачей борьбу против римлян. Прокопий говорит, что Ильдибад «прилагал все старания, чтобы вернуть готскому народу власть над Италией».¹ После убийства Ильдибада готы «всю свою надежду на победу перенесли на Тотилу, его родственника, вполне надеясь, что у него те же цели и желания, как и у них».² И естественно, возглавляя готскую партию, эти вожди прежде всего заботились об интересах этой партии. В своей борьбе с Римом остготская знать, стремилась вернуть себе потерянные земли и богатства. Она не желала уступить римским рабовладельцам, возвращавшимся в Италию, земельные владения, не желала терять свою власть и влияние.

С другой стороны, сама логика борьбы с рабовладельческой империей, вновь протягивающей свои щупальцы к Италии, заставляла вождей остготов пойти на союз с широким народным движением, развернувшимся в Италии. Как и во время похода Алариха, революционное, народно-освободительное движение захлестнуло самих варварских вождей, толкало их к решительной, непримиримой борьбе против рабовладельческого мира. Только поддержка самых широких слоев населения Италии могла обеспечить готам победу. Тотила это хорошо понял и с первых шагов своей деятельности стремился всеми способами привлечь на свою сторону итальянское население, широко используя недовольство, вызванное грабежами и насилиями византийской армии и администрации. Об этом имеются весьма многочисленные упоминания в произведении Прокопия. Прокопий сообщает, что Тотила мягко обращался с захваченными в плен жителями Рима, Неаполя и других городов и областей Италии. Например, после сдачи Неаполя Тотила «проявил по отношению к сдавшимся столько человечности, что этого нельзя было ожидать ни со стороны врага, ни со стороны варвара».³ Это принужден признать и сам Прокопий.

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), § 26; ср. гл. 2, § 5.

² Там же, гл. 2, § 11. Правда, Прокопий сообщает о сомнениях Тотилы и даже о его переговорах с византийцами. Но, видимо, это были временные колебания. Вся последующая политика Тотилы доказывает его принадлежность к «готской» партии.

³ Там же, кн. VII (III), гл. 7, § 11—20.

Насилия и бесчинства византийских оккупационных войск сделали, по словам Прокопия, «варваров желанными для италийцев».¹

Особенно важно свидетельство Прокопия об отношении Тотилы к италийскому крестьянству. «Земледельцам по всей Италии он (Тотила.— З. У.) не делал ничего неприятного. Он разрешил им навсегда без страха возделывать землю, где они привыкли, внося ему те подати, которые они прежде вносили в казну и владельцам земли».² В то же время владельцев крупных латифундий он облагал налогами в свою пользу и черпал таким образом средства для ведения войны.³ Уже из этих данных Прокопия можно составить себе представление о социальной направленности политики Тотилы. Из других источников мы узнаем дополнительные сведения. В частности, знаменитая «Прагматическая санкция», изданная Юстинианом в 554 г. после завоевания Италии византийцами, уничтожала все законы, изданные «тираном» Тотилой, предписывала возвращение конфискованных во время правления Тотилы у крупных землевладельцев земель, а самое главное — законодательным путем санкционировала возврат освободившихся колонов и рабов их старым хозяевам.⁴ Это свидетельствует о том, что под давлением широкого революционного антирабовладельческого движения Тотила издавал ряд постановлений, к сожалению, до нас не дошедших, об освобождении рабов и колонов. Это скорее всего было законодательным оформлением реальных социальных сдвигов, происходящих в стране в период революционной народно-освободительной войны против рабовладельцев. Вместе с тем, официальное признание освобождения рабов и колонов Тотилой создавало ему и готской партии широкую социальную базу и во многом объясняет успехи армии Тотилы. Действительно, ядром армии Тотилы, наряду с остготским крестьянством, являлись италийские земледельцы, освободившиеся рабы и колоны. Об этом имеются чрезвычайно важные данные у Прокопия.

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 9, § 4.

² Там же, гл. 13, § 1.

³ Там же, гл. 6, § 5.

⁴ Pragm. Sanct. (Nov. App. VI), статьи 2, 4, 5, 8, 15, 16.

Во время переговоров Тотилы с дьяконом Пелагием о сдаче Рима готам одним из важнейших условий, выдвигаемых Тотилой, было условие о том, чтобы римляне не просили о возвращении беглых рабов, служивших в армии Тотилы, их бывшим владельцам. В речи, якобы произнесенной во время этих переговоров, Тотила, обращаясь к Пелагию, говорит: «Я предупреждаю, чтобы ты не ходатайствовал ни за кого из сицилийцев, не говорил ни о римских укреплениях, ни о рабах, перешедших на нашу сторону. Для готов невозможно ни оказать пощаду кому-либо из сицилийцев, ни разрешить остаться этим стенам, ни позволить, чтобы рабы, которые воевали в наших рядах, стали снова рабами своих прежних господ».¹ Свою речь Тотила заканчивает следующими словами: «Что же касается рабов, перешедших на нашу сторону, то о них скажу я одно: если бы тех, которые стали в одни ряды с нами против врагов и получили от нас обещание, что они никогда не будут возвращены своим прежним господам, мы решили теперь возвратить вам, то и с вашей стороны мы не будем иметь доверия. Невозможно и недопустимо, чтобы тот, кто нарушил свое слово в отношении лиц самого несчастного положения, мог обнаружить твердость своих убеждений в отношении кого-либо другого, но со стороны всех, с кем ему придется сталкиваться, он будет всегда чувствовать на себе их недоверие (за свое предательство), являющееся характерным признаком его природы».²

Приведенное выше место из «Истории войн с готами» — важнейшее свидетельство активного участия рабов в борьбе против византийцев в Италии и вхождения их в состав армии Тотилы. Данные Прокопия еще лишний раз подтверждают наличие союза между восставшими рабами, колоннами и варварами.

О социальном составе армии Тотилы имеются данные еще и в другом месте «Истории войн с готами». Опять-таки в одной из речей, обращенной к армии после занятия Рима, Тотила, вождь готов, якобы говорил: «...или вы думаете, что Велизарий

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 16, § 14—15.

² Там же, гл. 16, § 25—26.

так уж прославился благодаря своей победе над вами, которые, быв его военнопленными и беглыми рабами, под моим лишь водительством, сами подняли против него оружие и смогли на войне не раз нанести ему поражение».¹

Конечно, приведенный выше отрывок речи, вложенный Прокопием в уста Тотилы, вовсе не означает, что Тотила произносил что-либо подобное, а является лишь литературным приемом, который Прокопий, подражая Фукидиду, часто использует в своих трудах. Зато эта речь прекрасно определяет точку зрения историка и указывает на его осведомленность о том, что в армии Тотилы были беглые рабы и военнопленные.

В другой речи, приписываемой Прокопием византийскому полководцу Нарзесу, Прокопий прямо называет армию Тотилы «беглыми рабами» императора,² людьми, которые, «стараясь стряхнуть с себя узду законов, стремятся к государственным переворотам и, не думая, что они могут что-либо из того, чем владеют, передать своим наследникам, но хорошо зная, что все погибнет вместе с ними, живут надеждами только на сегодняшний день».³ В этом отрывке особенно ясно проявляются идеология автора, его ненависть к угнетенным массам, к их революционным выступлениям.

Таким образом, в произведении Прокопия есть прямые указания на то, что в армии Тотилы сражались против византийцев рабы.

Некоторые косвенные указания об участии рабов и городских масс Италии в борьбе против византийцев даже в первый период войны также имеются в труде Прокопия. Так, например, Велизарий, во время осады Рима Витигесом, приказывает выслать из осажденного города рабов под предлогом недостатка съестных припасов.⁴ Не исключена, однако, возможность, что основным мотивом, заставившим Велизария прибегнуть к этой мере, был страх перед движением рабов в осажденном Риме, боязнь, что рабы вновь, как и во времена Алариха, откроют варварам городские ворота. Одновременно Велиза-

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 25, § 16.

² Там же, кн. VIII (IV), гл. 30, § 2.

³ Там же, гл. 30, § 5—6.

⁴ Там же, кн. V (I), гл. 25, § 2—3.

рий принимает самые решительные меры по охране стен Рима, не доверяя страже и все время боясь «измены», т. е. он боится, что город будет сдан при помощи внутренних сил, настроенных против византийцев.¹ И действительно, его опасения были основательны. Готы имели постоянные сношения с жителями осажденного города и через перебежчиков были осведомлены о всех намерениях византийцев.² Велизарий не доверял также и «римским плебеям», т. е. городской бедноте Рима, и боялся допустить их в свою армию.³ По словам Прокопия, именно плебеи вносили «беспорядок» в византийскую армию и содействовали поражению войск Велизария во время одной из стычек с готами, осаждавшими Рим.⁴ Опасения Велизария и его недоверие к «римским плебеям» имели свои основания, так как Прокопий упоминает о каком-то поднятом плебеями волнении в Риме, которое Велизарий вынужден был им простить.⁵

Вышеприведенные данные Прокопия свидетельствуют о страхе рабовладельцев перед восстаниями угнетенных масс и боязни их союза с варварами. С другой стороны, они являются лишним свидетельством сугубо классового отношения автора «Истории войн с готами» к народным массам, о которых он говорит с нескрываемой ненавистью и презрением.⁶

Итак в борьбе против рабовладельческой империи рабы и колонны, городская беднота Италии выступали совместно с варварами-остготами. Но у них был и еще один важный союзник, сыгравший большую роль в успехах народно-освободительного движения, особенно на втором этапе войны. Этим союзником были сами солдаты разлагающейся византийской армии. Как в предшествующую эпоху подъема революции рабов на Западе и Востоке солдаты римской армии часто переходили на сторону восставших угнетенных масс и варваров, так и теперь в Италии были весьма часты случаи прямого де-

---

¹ «История войн с готами», кн. V (I), гл. 25, § 15—18.

² Там же, гл. 28, § 4—5.

³ Там же, гл. 28, § 18.

⁴ Там же, гл. 29, § 27—28, 32.

⁵ Там же, кн. VI (II), гл. 3, § 30.

⁶ Там же, § 28, 32 и др.

зертирства из византийской армии, случаи открытых восстаний солдат. «История войн с готами» содержит исключительно богатый материал по этому вопросу. Разложение, массовое дезертирство и открытые восстания в византийской армии рисуются автором с большой осведомленностью и детальностью. Автор засвидетельствовал многочисленные случаи перехода византийских солдат на сторону готов и восставших народных масс Италии. Велизарий жаловался Юстиниану, что солдат у него очень мало, «да и те не хотят сражаться, говоря, что казна должна им большие суммы и что у них ничего нет»¹ и что большая часть солдат византийской армии в Италии «оказалась перебежчиками к неприятелю».² Особенно участились подобные случаи на втором этапе войны в период все возрастающих успехов армии Тотилы.³

Прокопий указывает на случаи прямого неповиновения солдат своим начальникам, но обычно объясняет это задержкой жалования солдатам.⁴ Имелись случаи отказа солдат выступить против армии Тотилы.⁵ Особенно усилилось недовольство и разложение в византийской армии после прибытия в Италию логофета Александра, крупного чиновника финансового ведомства, проводившего весьма тягостные для солдат финансовые мероприятия. «Подвергая их несправедливым обвинениям, он снижал им жалованье».⁶ На раны и опасности воинов он отвечал мелочными придирками своих расчетов и требовательных ведомостей, обманывавших их надежды».⁷

И, действительно, римские солдаты в большом числе переходили на сторону Тотилы. Об этом свидетельствует то, что в битве при Тагине, в которой была разбита армия Тотилы, погибло очень много римских солдат, перешедших на сторону готов.⁸

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 1, 2, § 1—9.

² Там же, гл. 12, § 8.

³ Там же, гл. 12, § 15; гл. 21, § 15—16; гл. 39, § 5.

⁴ Там же, кн. VII (III), гл. 5, § 6—8.

⁵ Там же, § 19.

⁶ Там же, гл. 1, § 29.

⁷ Там же, кн. VII (III), гл. I, § 33.

⁸ Там же, кн. VIII (IV), гл. 31, § 20.

Вымогательства Александра привели к тому, что солдаты «обнищали и с неохотой подвергались военным опасностям, сознательно проявляя свою пассивность, они позволяли усиливаться врагам».¹ Александр прибегал также к порче монеты, обрезая золотую монету, за что получил прозвище «Псалидион», т. е. «ножницы». Вымогательства Александра являлись выражением общей финансовой политики Византии, и Прокопий прямо указывает, что действия логофета были санкционированы Юстинианом, который извлекал из них большие выгоды.² О грабежах Александра говорит Прокопий и в своей «Тайной истории». Рассказав о притеснениях солдат логофетами, он заключает: «поэтому-то в Италии дела римлян пришли в полный упадок. Дело в том, что логофет Александр, посланный в Италию, без всякого стыда решился проявить к солдатам такое обидное отношение».³

Подобную политику византийского правительства искусно использовали готы, особенно Тотила. Он очень мягко обращался с пленными римскими солдатами, так как, по словам Прокопия, он хотел привлечь их на свою сторону, «чтобы большинство их добровольно принимало участие в походах против римлян».⁴ Прокопий говорит также и об открытых восстаниях в византийской армии. Так, например, он рассказывает о восстании солдат, оставленных Велизарием для охраны Рима, которые «убили своего начальника Конона, возведя на него обвинение в торговле хлебом и другими продуктами в ущерб войску. Затем они отправили к императору послами некоторых священников, твердо заявив, что если император не простит им этой вины и к определенному сроку не заплатит по ведомостям денег, которые им задолжало казначейство, то они без всякого промедления перейдут на сторону Тотилы и готов».⁵ И самое симптоматичное то, что Юстиниан принужден был принять уль-

---

¹ «История войн с готами», кн. V (III), ч. 1, § 33.

² Там же, § 29, 30.

³ «Тайная история», гл. XXII, § 9, руск. пер., стр. 339. О вымогательстве логофетов говорит и Агафий — *Agath.*, V, гл. 14, стр. 306, ed. Bonn.

⁴ «История войн с готами», кн. VIII (IV), гл. 31, § 19.

⁵ Там же, кн. VII (III), гл. 30, § 7—8.

тиматум солдат. Это очень ярко показывает слабость империи, ее нужду в войске и боязнь союза армии с восставшими народными массами и варварами.

Весьма важно сообщение Прокопия об открытом союзе между готами и восставшими византийскими солдатами. Он говорит, что Ильдибад, вождь готов, после отъезда Велизария из Италии «собрал бывших с ним варваров и тех из римских воинов, которым нравились государственные перевороты».¹

Этот союз византийских солдат с народными массами и варварами и восстания в византийской армии были вызваны гораздо более глубокими причинами, чем невыплата жалования войскам, на что обычно ссылается Прокопий, хотя это обстоятельство тоже имело значение в усилении разложения армии. Главной же причиной складывавшегося в ходе войны союза восставших угнетенных масс Италии и варваров с солдатами византийской армии были глубокие социальные и этнические изменения состава самой армии Восточно-Римской империи и прежде всего ее варваризация. «Война с готами» Прокопия, как и другие его произведения и труды его современников, византийских авторов, с необычайной убедительностью свидетельствует об очень больших масштабах варваризации византийской армии. Армия Юстиниана представляет собой пеструю разноплеменную массу и состоит главным образом из варваров. Среди варварских племен, находящихся на службе Восточно-Римской империи, мы встречаем — гуннов,² массагетов,³ гепидов,⁴ славян, антов,⁵ готов,⁶ маврусиев,⁷ исавров, фракийцев, лангобардов, герулов и др. Тотила в одной из своих речей указывает на пестрый этнический состав византийской армии.⁸ Византийский полководец Нарзес относится к варварским войскам с большим недоверием, особенно к лангобардам и герулам,

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 1, § 25.

² Там же, кн. V (I), гл. 5, § 4 и др.

³ Там же, кн. VI (II), гл. I, § 10.

⁴ Там же.

⁵ Там же, кн. I, гл. 27, § 2—3.

⁶ Там же, кн. VI (II), гл. 27, § 34.

⁷ Там же, кн. V (I), гл. 5, § 4; гл. 25, § 9.

⁸ Там же, кн. VIII, гл. 30, § 17—19.

боясь их «сознательного предательства». При построении своей армии и в битве при Тагине он учитывал эту опасность со стороны варваров-наемников.¹

«Римские воины», перебежавшие в армию готов, были главным образом варвары.² А иногда целые войсковые части снимались и уходили из римской армии. Так, Прокопий сообщает, что «все иллирийцы», участвовавшие в походе в Италию, «тайно ушли оттуда и вернулись домой, так как им жалованье выплачивалось очень плохо и казна много им задолжала».³ Варваризация византийской армии зашла так далеко, что многие высшие командные посты занимались варварами. Византийские полководцы, упоминаемые в «Истории войн с готами», — Мунд,⁴ Бесс⁵ и другие — были варварами.

Некоторые варварские вожди, служившие в армии Восточно-Римской империи, переходят на сторону готов. Примером этого может служить Индульф, родом «варвар—храбрый и зпергичный».⁶

Таким образом, варваризация византийской армии сыграла весьма значительную роль в установлении союза византийской армии и варваров. Но самым важным является то, что армия Восточно-Римской, так же как и Западно-Римской, империи изменилась по своему социальному составу и в период глубокого кризиса рабовладельческого способа производства состояла уже не из свободных крестьян, как раньше, а главным образом из колонов, отпущенных на волю рабов, городской бедноты. Это служило социальной базой для революционных движений в армии и создавало предпосылки для возникновения союза армии с восставшими рабами, колонами и варварами.

Восстания в византийской оккупационной армии в Италии, ее разложение и дезертирство весьма способствовали успехам народно-освободительного движения и во многом облегчали победы армии Тотилы. А успехи эти были очень значительными.

---

¹ «История войн с готами», кн. VIII (IV), гл. 31, § 5—6.

² Там же, кн. V (I), гл. 17, § 17 и др.

³ Там же, кн. VII (III), гл. 11, § 13—15.

⁴ Там же, кн. V (I), гл. 5, § 2.

⁵ Там же, кн. V (I), гл. 16, § 2.

⁶ Там же, кн. VII (III), гл. 35, § 23.

В 542 г. Тотила, захватив почти всю центральную Италию, двинулся на юг Апеннинского полуострова и быстрым ударом овладел Калабрией, Апулией, Луканией и Бруттием. В 543 г. он захватил важнейший стратегический пункт на юге Италии — Неаполь и осадил порт Отранто, через который византийская армия получала подкрепления. Победы Тотилы не были приостановлены и присылкой в 544 г. новой византийской армии и возвращением в Италию Велизария. Во время второй экспедиции в Италию Велизарий все время терпел поражения. Народно-освободительная война в Италии все разгоралась, и армия Тотилы одерживала все новые и новые победы. В 546 г. Тотила осадил Рим и 17 декабря взял его. Очень важно при этом сообщение Прокопия о том, что Тотила овладел Римом при помощи солдат римского гарнизона, в частности исавров, которые открыли ему ворота.¹

Попытки Велизария воспрепятствовать захвату Рима готами кончились неудачей. После ухода Тотилы Велизарий удалось временно вновь овладеть покинутой варварами столицей (547 г.), но это не принесло никаких реальных результатов для византийцев. Войска Тотилы продолжали успешно наступать и в 548 г. заняли на севере Перуджию, а на юге Росцианум. К этому времени, по словам Прокопия, «варвары стали определенно владыками всего запада. Для римлян эта война с готами, хотя вначале они одержали ряд блестящих побед, как я об этом уже сказал раньше, принесла тот результат, что они не только без всякой пользы для себя погубили много людей и денег, но сверх того потеряли и всю Италию и должны были видеть, как Иллирия и Фракия подвергаются грабежу и уничтожению без всякого сожаления со стороны варваров».² Удрученный неудачами Велизарий в 548 г. бесславно вернулся в Византию. Прокопий подводит плачевный итог деятельности Велизария во время второй его экспедиции в Италию: «...За 5 лет он нигде не стоял твердой ногой на земле Италии и нигде не прошел по ней сухим путем, но все это время скрывался в бегстве, постоянно переплывая от одного

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 20, § 4—16.

² Там же, гл. 33, § 1.

приморского укрепления к другому вдоль берега. И поэтому враги могли более безбоязненно поработить Рим и, можно сказать, все другие города». ¹ В Италии Велизарий навсегда похоронил свою воинскую славу. Неудачи Велизария наряду с главными решающими причинами, указанными выше, по данным Прокопия, объяснялись еще враждой и раздорами между высшими командирами византийской армии и чрезвычайной скудостью средств, которыми располагал Велизарий.

В 549 г. Тотила вновь овладел Римом, а затем Римини и Тарентом. Очень важно указание Прокопия на то, что в этот период Тотиле удалось создать могущественный флот. ² Сильные эскадры Тотилы совершали удачные морские походы в Далмацию (549 г.), захватили Сицилию (550 г.), Корсику и Сардинию (551 г.), нападали на Керкиру и побережье Эпира (551 г.). В руках византийцев осталось только четыре приморских города: Равенна, Анкона, Кротон и Отранте. Таковы были блестящие победы армии Тотилы, одержанные благодаря тому, что война против византийцев в Италии, пытавшихся реставрировать рабовладельческие порядки, превратилась в народно-освободительную, справедливую войну.

Однако у рабовладельческой империи на востоке еще не иссякли силы для борьбы с войсками Тотилы. В Италию была послана большая армия под командованием Нарзеса. Весной 552 г. армия Тотилы была разбита при Тагине, а сам Тотила пал в бою. ³ Но и после этого рабы, колонны и их союзники — варвары продолжают еще неравную, но поистине героическую борьбу под руководством Тейи, преемника Тотилы. Борьба войск Тейи с византийцами принадлежит к наиболее героическим страницам истории народно-освободительной войны в Италии. Даже Прокопий, идеолог рабовладельческой империи и враг восставших угнетенных масс и варваров, принужден признать их беспримерный героизм и необычайное мужество

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 35, § 1.

² Там же, кн. VIII (IV), гл. 22, § 17 и др.

³ Прокопий приводит две версии гибели Тотилы. Первая, видимо, была создана римлянами для унижения вождя готов. Согласно этой версии, Тотила погиб во время бегства, но Прокопий принужден привести и другую версию о гибели Тотилы от раны, полученной во время сражения.

во время последней битвы с войсками Нарзеса. В начале 553 г. у подножия Везувия, в Кампании близ Монте-Летерре произошла эта знаменитая битва. Тейя проявил в этой битве необычайную доблесть, не уступающую, по словам Прокопия, «доблести ни одного из прославленных героев». ¹ В течение нескольких часов он отражал непрерывные нападения византийских воинов, «закрывшись щитом, принимал на него все удары копий и, внезапно нападая на врагов, многих из них убил». ² Но бой был неравен, и Тейя пал, сраженный ударом дротика. Однако битва не прекратилась, и армия восставших продолжала упорно сражаться. Героизм их был оценен даже врагами. Через два дня Нарзес согласился прекратить сражение и сохранить жизнь и имущество оставшихся в живых воинов армии Тейи и отпустить их из Италии. «И вот около тысячи готы, выйдя из лагеря, удалились в город Тичино и в места по ту сторону реки По». ³ Так «на 18 году закончилась эта война с готами, которую описал Прокопий». ⁴

Однако победа византийцев была куплена очень дорогой ценой и оказалась весьма непрочной. Интервенция византийских рабовладельцев принесла неисчислимые бедствия народу Италии. Вся Италия была залита кровью, опустошена и разорена. «...Вся эта обширная земля была почти лишена жителей; одни из них погибли во время войны, другие — от чумы и болезней, явившихся как последствия войны», — пишет Прокопий. Картина разорения Италии в результате войн Юстиниана совершенно апалогична описанию бедствий и опустошения провинции Африки в «Истории войн с вандалами» и «Гайной истории». Но самым страшным для трудовых масс Италии было то, что после победы византийцы стали совместно с римскими рабовладельцами с большой энергией восстанавливать в Италии рабовладельческие отношения, стремились искоренить все завоевания, добытые рабами, колонами и другими угнетенными массами Италии в период революции рабов и народно-освободительной войны под руководством Тотилы.

---

¹ «История войн с готами», кн. VIII (IV), гл. 35, § 21.

² Там же, § 24.

³ Там же, § 37.

⁴ Там же,

«Прагматическая санкция» 544 г. является памятником этой последней тщетной попытки реставрации гбгнувшего строя.

Войны Юстиниана в Италии, так же как и в Северной Африке и Испании, представляли, таким образом, последнюю попытку рабовладельцев спасти гбгнувший рабовладельческий строй, прямое вмешательство в дела западных варварских государств, обусловленное в первую очередь страхом перед революцией рабов как на Западе, так и у себя на Востоке. Эта реакционная политика вызвала новую волну революции рабов в союзе с варварами, и византийское владычество в Италии оказалось очень кратковременным. Уже в 568 г., опираясь на революционное движение внутри страны, в Италию хлынули новые варвары-завоеватели — лангобарды, изгнавшие византийцев с большей части Апеннинского полуострова.

* * *

«История войн с готами» — чрезвычайно ценный источник для изучения расселения, общественного строя, быта и нравов многих варварских племен и народов в VI в. Так, она содержит важные сведения о расселении ряда германских племен — турриггов, бургундов, свевов, аламанов и др., описание истории, общественного строя и обычаев франков, которых Прокопий считает особенно коварными¹ и которым никогда ни в чем нельзя доверять. Прокопий рассказывает о вооружении франков, их воинских приемах, о нравах и религии, в частности о человеческих жертвоприношениях.² Произведение Прокопия содержит ценный экскурс о герулах (эрулах), интересные сведения о их быте, нравах, обычаях.³ Эти сведения дополняются данными «Истории войн с персами», где упоминается о наличии рабства у герулов.⁴ Большой интерес представляет также описание острова Фулы и его обитателей. На этом острове, по данным Прокопия, живет

¹ «История войн с готами», кн. V (I), гл. 12, § 11—18 и др.

² Там же, кн. I (II), гл. 12, 13.

³ Там же, кн. VI (II), гл. 25, 26, 28, § 9—22; кн. II (III), гл. 33, § 2—13 и др.

⁴ «История войн с персами», кн. II, гл. 25, стр. 167, русск. пер. Дейстуниса.

«13 племен, очень многолюдных, и у каждого племени свой царь».¹

Весьма подробно описывает Прокопий войны и столкновения между отдельными варварскими племенами, в частности между гепидами и лангобардами.² Естественно, что много разнообразных сведений можно почерпнуть из произведения Прокопия о самих остготах, с которыми автор мог близко познакомиться в течение войны в Италии. Прокопий упоминает и о других готских племенах, например о ругиях.³

У большинства варварских племен в этот период уже начинается процесс образования классов, растет имущественная и социальная дифференциация, выделяется знать, занимающая видное положение среди варварских племен и составившая в дальнейшем основу господствующего класса новой, феодальной формации. Особенно интенсивно этот процесс образования классов происходит у остготов, знать которых, как указывалось выше, захватывает большие земельные богатства и сближается с римской аристократией. Весьма ценны данные Прокопия о наличии рабов у большинства варварских племен того времени. Так, Прокопий говорит о многих десятках тысяч пленных римлян, бывших рабами гуннов-кутригуров и бежавших из рабства, воспользовавшись войной гуннов-кутригуров с гуннами-утигурами.⁴ Прокопий описывает положение рабов гуннов-кутригуров. Гунны, по словам Прокопия, обращались с рабами очень жестоко, били их бичами и без всякой вины «подвергали смерти».⁵

Значительный интерес представляют данные Прокопия о быте гуннов. Прокопий сообщает, что гунны «совершенно безграмотны, не слышат ничего о науках и не занимаются ими, нет у них даже и простых учителей, и дети растут у них, не изучая грамоты».⁶ Гунны-утигуры живут в хижинах в стране пустынной

---

¹ «История войн с готами», кн. VI (II), гл. 15, § 5.

² «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 34.

³ Там же, кн. VII (III), гл. 2, § 1—5.

⁴ Там же, кн. VIII (IV), гл. 19, § 2.

⁵ Там же, гл. 19, § 19.

⁶ Там же, гл. 19, § 8.

и бесплодной.¹ Кутригуры же уже в большей степени знакомы с римскими обычаями и нравами.² Немалое значение имеют также данные Прокопия о населении острова Бриттия (современной Англии). По словам Прокопия, остров Бриттию «занимают три очень многочисленных племени и у каждого из них есть свой король. Имена этих племен следующие — ангилы (англы), фрисоны и одноименные с названием острова бриттоны».³ Прокопий сообщает о развитии мореходства у жителей этого острова, о их военной технике, о том, что они сражаются пешими, не зная лошади.⁴ Прокопий довольно подробно останавливается на взаимоотношениях жителей острова с франками и варнами и описывает войну бриттонов с последними.⁵

В VIII (IV) книге автор дает очень ценные сведения о народах Кавказа, Лазики, Северного Причерноморья, т. е. областей, входящих ныне в состав Советского государства. Эти сведения широко известны и часто используются в исторической науке. В этой книге Прокопий говорит о расселении гуннов — утигуров, кутригуров и сабиров, киммерийцев, аланов, готов-тетракситов, тзанов (цанов), или колхов, абасгов, лазов, персарамян и армян, иберов, месхов и других племен и народов. При этом он сообщает интересные географические сведения, часто достаточно точные, которые отражают уровень географических знаний византийцев VI в.

В большинстве случаев эти сведения Прокопия подтверждаются другими источниками (например, «Готикой» Иордана, историческими произведениями Агафия, Менандра, Петра Патрикия и др.) о варварских племенах VI в.

Особое значение имеют данные Прокопия о древних славянах, тем более что Прокопий был первым из византийских историков, имевшим возможность непосредственно наблюдать славян во время их борьбы за Балканский полуостров.

Со всей определенностью говорит Прокопий о единстве славян и антов: «У обоих этих варварских племен

---

¹ «История войн с готами», кн. VIII (IV), § 16.

² Там же, § 17—19.

³ Там же, кн. VIII (IV), гл. 20, § 7—8.

⁴ Там же, § 26—31.

⁵ Там же, гл. 19 и 20.

вся жизнь и законы одинаковы». ¹ «У тех и других один и тот же язык», с точки зрения Прокопия «достаточно варварский». ² «И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный». ³ «И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же». ⁴ В VIII (IV) книге Прокопий дает ценные сведения о территории, занятой тогда антами: земли на север от Меотийского озера (Азовского моря) и р. Танаиса (Дона) занимают «бесчисленные племена антов». ⁵ Все эти данные Прокопия, подтверждаемые другими источниками (например, Иорданом) и археологическими материалами, представляют значительный интерес для решения проблемы этногенеза славян — одной из важнейших и актуальнейших проблем советской историографии. Вопреки измышлениям буржуазных историков, всячески старающихся извратить и принизить историческую роль славян, советские ученые-марксисты (А. Д. Удальцов, ⁶ П. Н. Третьяков, ⁷ Б. Д. Греков, ⁸ Б. А. Рыбаков ⁹ и др.) доказали, используя, в частности, и Прокопия, что анты являются прямыми предками славян.

Немало интересного материала можно найти в «Истории войн с готами» и относительно быта, религии, общественного строя древних славян. Не все здесь, понятно, является достаточно точным и объективным. Мировоззрение античного рабовладельца, презиравшего все человечество, не принадлежавшее к «избранному» «народу римлян», мировоззрение, пронизывающее, как мы видели, все труды Прокопия, наложило свой отпечаток и на отношение Прокопия к славянам.

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 14, § 22.

² Там же, § 26.

³ Там же, § 26—27.

⁴ Там же, § 22, 29.

⁵ Там же, кн. VIII (IV), гл. 4, § 9.

⁶ А. Д. У д а л ь ц о в. Происхождение славян. «Вопросы истории», 1947, № 7.

⁷ П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточно-славянские племена, 1948.

⁸ Б. Д. Г р е к о в. Борьба Руси за создание своего государства, 1945; «Киевская Русь», 1950.

⁹ Б. А. Р ы б а к о в. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, § 1.

Можно даже утверждать, что именно по отношению к славянам Прокопий с особой силой старался подчеркнуть их отсталость, грубость, примитивность их жизни, их жестокость, ибо именно славяне в это время являлись наиболее опасными врагами для рабовладельцев европейских областей империи и ее столицы, притом такими врагами, которые — это Прокопий прекрасно знал — имели союзников в широких массах местного населения. Нельзя не принять во внимание и то обстоятельство, что как Прокопий, так и все другие византийцы этого периода могли непосредственно наблюдать только тех славян, которые вторгались в византийские пределы или жили в пограничных (придунайских) областях, сравнительно недавно ими занятых.

Только этим и можно объяснить такое, например, утверждение Прокопия об образе жизни славян: «Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства».¹ Подхваченное и усиленно используемое буржуазными националистическими историками, пытающимися представить славян VI в. какими-то троглодитами, это утверждение категорически опровергается археологией. Как показали археологические исследования, основная масса славян уже задолго до так называемого «великого переселения народов» вела оседлый образ жизни. В VI—VII вв. антские поселения представляли собой сложный комплекс построек, рассчитанный на существование целой общины.² Сам Прокопий, говоря об общественном строе славян, показывает всю предвзятость этого и подобных ему его же собственных утверждений.

По словам Прокопия, «эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии) и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим».³ Вместе с тем и Прокопий и другие византийские историки говорят о вождях и даже «князьях» славян — Андрегасте, Ардагасте, Пирсгасте, Мусо-

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 14, § 24—25.

² См. П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. Культура древней Руси, т. 1; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси.

³ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 14, § 22.

кии, Даврите и др. Ясно, следовательно, что социальный строй славян в VI в. представлял собой «военную демократию» — строй, характерный для периода разложения первобытно-общинных отношений у земледельческого народа, каким бесспорно являлись тогда славяне. Эта ступень общественного развития совершенно не совместима с бродячим или даже полукочевым образом жизни.

Но данные Прокопия (и других византийских историков VI в.) дают нам основания утверждать, что у славян в VI в. уже бесспорно развертывался процесс образования классов. Это видно хотя бы из тех сведений, которые дошли до нас о наличии у славян в этот период рабства.

Труд Прокопия содержит довольно многочисленные упоминания о рабах у славян и антов. Во время своих нападений на области Восточно-Римской империи славяне захватывали много пленных и обращали их в рабство.¹

Во время вторжения славян в 547—548 гг. они возвратились домой, приводя с собой «бесчисленные десятки тысяч пленных».² Однако рабом мог быть только чужеземец, о чем свидетельствует рассказ Прокопия, как один раб, купленный антом, заявил, что он по происхождению тоже ант и по закону должен быть освобожден.³ Рабство у славян во многом носило еще патриархальный характер и не играло существенной роли в социально-экономической жизни. Однако социальная и имущественная дифференциация зашла у славян уже довольно далеко.

О значительной имущественной дифференциации у славян свидетельствуют также и данные археологии.⁴ Таким образом, «первобытно-общинный строй был для славян VI—VII вв. уже пройденным этапом, и они теперь подходили к истокам своей государственности»,⁵ когда органы власти «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства

---

¹ Там же, кн. VII (III), гл. 14, § 11.

² Там же, гл. 38, § 23.

³ Там же, гл. 14, § 14—22. П. Н. Третьяков, цит. соч., стр. 83—84.

⁴ Там же, стр. 88—89.

⁵ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ, 1939, № 1, стр. 305.

и угнетения, направленные против собственного народа».¹ Тем самым опровергаются и антинаучные, фальсификаторские утверждения немецких националистических и фашистских историков, а также американских и английских лжеученых о том, что древние славяне по уровню своего развития будто бы стояли ниже других варварских народов того времени.

Весьма ценные известия содержит труд Прокопия и о славянских вторжениях VI в. на территорию Восточно-Римской империи.

Так же как и на Западе, революция рабов и колонов в Восточно-Римской империи слилась с движением варваров, в первую очередь славян.

И. В. Сталин, указывая на значение варварских вторжений для гибели Римской империи, писал: «...не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».² Само варварское завоевание стало возможным лишь в сочетании с революцией рабов и колонов.

Варварские завоевания явились по существу не чем иным, как второй стороной революции рабов. Единый антирабовладельческий фронт имел в лице варваров сильного союзника в борьбе с рабовладельческой империей.

Сталинская концепция революции рабов дала возможность советским историкам отчетливо показать, что вторжение славян в VI—VII вв., основание ими славянских государств на территории Восточно-Римской империи, поселение их на ее землях, постепенное занятие большей части Балканского полуострова и значительных районов Малой Азии сыграли такую же роль в истории Византии, как вторжение варварских племен в истории Западно-Римской империи. В свете этой гениальной концепции стало ясно, что, так же как в истории Западной Европы, это «вторжение» не может быть понято без учета роли и значения революции рабов.

Буржуазная реакционная историография постоянно пыталась и безуспешно пытается по сей день всячески извратить

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 140.

² И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

и принизить историческую роль славян, в частности скрыть и преуменьшить масштабы славянских вторжений в Византию, изобразить в искаженном виде характер этих вторжений, а главное — затушевать огромные социальные сдвиги, которые принесла славянская колонизация Византии, стремится замолчать выдающуюся роль славян в формировании византийского феодализма.

Советские ученые-марксисты в своих трудах вскрыли всю глубину изменений, происшедших в социально-экономическом строе Византии в результате революции рабов конца VI и начала VII в. и славянских вторжений.¹

Революция рабов и славянские вторжения совершенно изменили социальный строй Восточно-Римской империи. Прежде всего было почти полностью уничтожено крупное землевладение рабовладельческого типа. Большая часть земель, отнятых у рабовладельческой аристократии, перешла в руки непосредственных производителей — свободных крестьян-общинников. Славяне, заселившие большую часть Балканского полуострова, принесли с собой свободную общину, в связи с чем возродилась и местная община. Таким образом, революция рабов и вторжения славян привели к широкому распространению в Византии свободной крестьянской общины — марки. Если на Западе «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»,² то на Востоке его место занимал свободный славянский общинник.

В Восточно-Римской империи, так же как и на Западе, была уничтожена рабовладельческая эксплуатация как основная форма эксплуатации непосредственного производителя, хотя рабство как особый социально-экономический уклад продолжало существовать в Византии еще несколько столетий.

Таким образом, в результате революции рабов и вторжений варваров, главным образом славян, был нанесен

---

¹ См. А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ, 1939, § 1 (6); Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Виз. сборник», М.—Л., 1945; П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М.—Л., 1948, и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 131.

смертельный удар старому рабовладельческому способу производства и расчищен путь для развития новых феодальных отношений.

Первые массовые вторжения славян на территорию Балканского полуострова относятся к началу VI в. Они делаются систематическими и все более грозными для империи, особенно в правление Юстиниана. В «Тайной истории» Прокопий сообщает: «Что же касается Иллирии и всей Фракии, если считать от Ионийского залива вплоть до предместий Византии, в том числе и Элладу и область Херсонеса, то с того времени, как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая почти ежегодно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи».¹

Известия о массовых и грозных вторжениях славян сохранили нам в первую очередь Прокопий, затем Иоанн Эфесский, хроника Иоанна Малалы, Менандр и другие византийские историки и хронисты. Среди этих известий особое значение имеют многочисленные и очень важные сведения о славянских вторжениях в «Истории войн с готами».

Прокопий сообщает, что в 534 г. славяне проникли в империю и нанесли поражение одному из военачальников византийской армии во Фракии Хильбуду, который погиб в сражении.² В 547 г. славяне перешли Дунай (Истр), вторглись в Иллирию и опустошили эту область вплоть до Эпидамна (Диррахий).³ При этом, по сообщению Прокопия, славяне овладели рядом укрепленных пунктов и «совершенно свободно» производили свои опустошения. Это свидетельствует о том, что поработанное римскими рабовладельцами местное население, глубоко ненавидевшее своих угнетателей, не оказывало сопротивления варварским вторжениям. Очень характерно также, что, как говорит тот же Прокопий, «начальники Иллирии с 15-тысячным войском следовали за ними (славянами. — З. У.), но подойти к неприятелям близко они нигде не решались».⁴

---

¹ «Тайная история», русск. пер. Кондратьева, гл. XVIII, § 20, стр. 325.

² «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 214, § 1—6.

³ Там же, гл. 29, § 1—2.

⁴ Там же, § 3.

Несомненно, следовательно, что славяне представляли собой не «орду», как утверждают буржуазные ученые, хотя бы и достаточно многочисленную, а располагали организованным войском, с которым трудно было сражаться целой византийской армии. Это и другие подобные сообщения Прокопия еще раз свидетельствуют о высоком уровне социального развития славян.

В 551 г. отряд славян численностью около трех тысяч вторгся во Фракию, затем Иллирию и дошел до побережья Эгейского моря.¹ При этом славяне опять не встретили «ни с чьей стороны противодействия».² Несмотря на то, что войско славян разделилось на две части и было «по численности намного слабее римлян», славяне нанесли сокрушительное поражение византийским военачальникам.³ Затем они обратили «в позорное бегство» отряд Асбада, одного из телохранителей Юстиниана.⁴ Эти победы открыли для них всю Фракию и Иллирию, где они осадили и взяли несколько крепостей.⁵ Во время этой экспедиции славяне взяли приступом приморский город Топер. Осада и взятие этого города подробно описываются Прокопием в «Истории войн с готами»,⁶ об этом же он упоминает и в трактате «О постройках».⁷

В 552 г. огромное войско славян перешло Истр и вторглось в империю с целью захватить крупный город во Фракии — Фессалонику.⁸ Империя принуждена была направить против них большое войско, собранное для похода в Италию, под командованием Германа, племянника Юстиниана.⁹ Славяне, узнав об этом, двинулись в Далмацию, откуда они вновь возобновили свои нападения на империю. Нападения эти уже не были простыми военными набегами, но славяне начали обосновываться в империи, «...зимуя здесь, как бы в собственной земле,

---

¹ Там же, гл. 38, § 1.

² Там же.

³ Там же, § 3—4.

⁴ Там же, § 5—6.

⁵ Там же, § 7.

⁶ Там же, § 10—18.

⁷ «О постройках», русск. пер., гл. XI, § 14, стр. 266.

⁸ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 40, § 1—3.

⁹ Там же, § 3—6.

не боясь неприятеля».¹ Очень интересно следующее сообщение Прокопия: в Византии, пишет он, «многие подозревали», что славяне были направлены против империи Тотилой «с тем, чтобы императору было невозможно хорошо организовать войну против готов».² Весьма возможно, что действительно существовали связи и даже союзы между варварскими народами, вступавшими в борьбу против общего врага — рабовладельческой империи. Посланное Юстинианом против славян «отборное войско» было наголову разбито славянами близ Адрианополя. «Здесь погибло много прекрасных воинов; военачальники же, которым грозила близкая опасность попасть в руки врагов с остатками армии, с трудом спаслись бегством кто куда мог».³ После этой победы славяне далеко продвинулись в глубь империи и дошли до самых «длинных стен» — укреплений, «отстоящих от Византии на расстоянии немного больше одного дня пути».⁴ Немного спустя, с большой добычей и массой пленных славяне возвратились домой. Византийским войскам удалось отбить лишь часть пленников.⁵

И во время последующих вторжений славяне также не встречали сопротивления со стороны населения империи.⁶ Более того, одновременно с вторжением славян и других варварских народов в Иллирию в этой провинции, по сообщению Прокопия, происходили восстания жителей. Например, одно из восстаний вспыхнуло близ города Ульпианы.⁷ Из других источников (Менандр, Феофан) известно, что в дунайских провинциях в этот период широко развернулось революционное движение угнетенных классов, рабов, колонов, разоренных крестьян, известное под названием движения «скамаров».⁸ В VI в. это движение охватило всю Паннонию и Фракию. В горных местностях этих

---

¹ «История войн с готами», кн. VII (III), гл. 40, § 33.

² Там же, § 32.

³ Там же, § 35—41.

⁴ Там же, § 43.

⁵ Там же, § 45.

⁶ Там же, кн. VIII (IV), гл. 25, § 1—5.

⁷ Там же, гл. 25, § 13. Это восстание носило религиозную окраску.

⁸ См. А. Д. Дмитриев. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжениями варваров. Автореферат, Л., 1950.

провинций возникли поселения «скамаров», целые районы находились в руках восставших рабов и колонов, и византийское правительство было бессильно подавить это освободительное движение. Героическая борьба «скамаров» против рабовладельческой империи сыграла огромную роль в падении византийского господства в придунайских провинциях и имела большое значение для успешного продвижения славян в глубь Балканского полуострова и утверждения славянских племен на территории Восточно-Римской империи. Во время непрерывных славянских вторжений в период Балканских войн VI—VII вв. «скамары» выступали как сильные союзники славян в борьбе против общего врага — рабовладельческой империи. Слияние революционного движения внутри империи с варварскими завоеваниями привело в конце VI — начале VII в. к окончательной гибели рабовладельческого строя в Византии.

Данные «Истории войн с готами» о славянских вторжениях и нападениях других варварских народов, а также одновременно происходивших социальных движениях в империи дополняются самим же Прокопием в других его произведениях и особенно в трактате «О постройках».

В этом трактате, посвященном восхвалению строительной деятельности Юстиниана и обычно используемом буржуазной историографией для прославления «величия» царствования этого императора, как и в других трудах Прокопия, ярко отразилась кризисная, переломная эпоха революции рабов и варварских вторжений. Усиленная строительная деятельность Юстиниана была продиктована требованиями эпохи и прежде всего страхом рабовладельческого мира перед революционными движениями народных масс и варварскими вторжениями. Трактат пестрит многочисленными фактами строительства крепостей для защиты от варварских нападений и прежде всего — от грозных вторжений славян.¹ Все провинции империи были покрыты сетью крепостей. Интенсивное военное строительство в защиту от нападения варваров проводилось в придунайских провинциях, во Фракии, Иллирии, Греции, Малой Азии, в

---

¹ Прокопий. «О постройках», русск. пер. С. П. Кондратьева, ВДИ, 1939, № 4, стр. 250; см. кн. IV, гл. VII, § 13, стр. 261.

восточных провинциях, в Египте и Северной Африке (в Ливии)¹ — для отражения набегов варварских племен берберов и маврусиев, в Палестине — для защиты от сарацин.² Особенно большие масштабы приняло строительство в европейских провинциях. В IV книге трактата Прокопий, описывая строительство в придунайских провинциях, утверждает, что Юстиниан «...укрепив с целью безопасности всю Европу крепостями... сделал ее недоступной для варваров, которые живут по ту сторону Истра».³

Однако пограничное военное строительство велось и в предшествующее время. При изучении же трактата Прокопия прежде всего бросается в глаза очень важный момент: строительство укреплений идет не только в пограничных областях, но и внутри самой империи. Знаменитый римский *limes* уже совершенно не способен был защитить империю от вторжения варваров. В трактате приводятся многочисленные факты нападений славян, гуннов и других народов на внутренние области империи. Варвары наводняют и опустошают Фракию, Македонию, Грецию, проникают в Малую Азию. Всюду царит обстановка страха и растерянности, всюду рабовладельцы ожидают новых грозных нападений варваров.⁴

По словам Прокопия, Юстиниан «пришел к убеждению, что необходимо укрепить всю Элладу, чтобы варварам необходимо было осаждать каждый город в отдельности». Для защиты Пеллопоннеса от нападений варваров Юстиниан должен был «укрепить весь Истм крепкой стеной...»⁵ Юстиниан укрепляет также все центральные области Иллирии.⁶ «Он укрепил эту область не только одними сооружениями, но во все эти крепости он поставил весьма значительные военные гарнизоны

---

¹ Там же, кн. VI, гл. II, § 2, 8 и др. (об укреплениях в Ливии против нападения маврусиев). См. гл. VI, § 2, 4, стр. 281, § 17, стр. 282.

² Там же, кн. V, гл. VIII, § 9, стр. 276.

³ Там же, кн. 4, гл. 1, § 14, стр. 251.

⁴ Там же, кн. IV, гл. V, § 5, 6, стр. 258 (о вторжениях Атиллы); гл. VII, стр. 261; гл. IX, стр. 263, 264; гл. X, стр. 265; гл. IX, стр. 266 и сл.

⁵ Там же, § 27, стр. 254.

⁶ Там же, гл. V, § 1, стр. 258.

и тем отразил „коварные“ замыслы варваров». ¹ Крепостями покрывается также и вся Фракия. ²

Перечисляя укрепления, построенные в Европе, Прокопий особо выделяет укрепления, возведенные во Фракии «вдоль по Эвксинскому морю и по реке Истру, а также находящиеся внутри материка» и приводит значительное число названий крепостей, построенных во внутренних областях. ³

Трактат «О постройках» рисует картину постоянного страха и беспокойства, царящего в империи. ⁴ И как ни парадоксально это звучит, грандиозное военное строительство Юстиниана свидетельствует не о силе, а скорее о слабости рабовладельческого государства, которое должно теперь не только перейти от наступления к обороне, но охранять не одни свои границы, а и внутренние области империи, подвергавшиеся постоянным нападениям варваров. Больше того, интенсивное строительство во внутренних областях империи нельзя объяснить лишь варварскими вторжениями; совершенно правомерно допустить предположение, что это строительство проводилось и против внутренних врагов рабовладельческой империи, против восставших рабов, колонов в союзе с варварами, жившими внутри империи. Можно предположить, что именно против отрядов скамаров в Придунайских областях, во Фракии и Македонии должен был строить свои укрепления Юстиниан, именно для защиты от вооруженных отрядов т. н. *latrones* он укреплял города Малой Азии и других восточных областей.

В трактате есть и прямые указания на военное строительство, направляемое против восстаний народных масс.

Говоря о строительстве в Египте, Прокопий сообщает, что Юстиниан должен был укрепить крепостной стеной местечко Фиалу, где складывался хлеб, собранный в виде подати с Египта, чтобы спасти его от восставшего народа. Он пишет: «...так как случилось, что народ, неоднократно поднимая мятежи, погибал вместе с хлебом, то император Юстиниан, окружив это

---

¹ «О постройках», гл. VI, § 37, стр. 261.

² Там же, кн. IV, гл. VII, VIII, § IX, X.

³ Там же, кн. IV, гл. XI, § 20, стр. 267.

⁴ Там же, кн. V, гл. IV, § 13 и др.

место крепостной стеной, тем положил конец злоумышлениям на этот хлеб».¹

Из некоторых косвенных данных Прокопия также можно извлечь ценные сведения. Так, например, Юстиниан, проводя весьма активно борьбу с еретиками и политику насильственного введения христианства, строит храмы в местах распространения еретических учений и в областях, где христианство еще только начинало укрепляться. Однако правительство наталкивается при этом на упорное сопротивление и принуждено принимать крайние меры, например окружать храмы стенами и защищать гарнизонами. Как иллюстрация этого, интересны данные Прокопия о строительстве христианского храма на горе Гаризим, близ города Неаполя в Палестине.² С древних времен эту гору занимали самаритяне, и на ее вершине они молились. Еще при императоре Зеноне на этой горе был выстроен христианский храм, но он был защищен слабым гарнизоном и подвергался вооруженным нападениям самаритян. Юстиниан окружил храм стеной и сделал его совершенно неприступным.³ Этот рассказ Прокопия свидетельствует о напряженности религиозных столкновений в империи, за которыми, как мы знаем, скрывалась социальная борьба.

В Египте, в Ливии и других местах также ведется строительство храмов⁴ и вооруженной рукой искореняются туземные верования и распространяется христианство. Борьба с варварами, с революционными движениями народных масс идет рука об руку с распространением христианства, и религиозная политика Юстиниана, нашедшая свое отражение в интенсивном строительстве храмов, является одной из составных частей общей политики правительства, ставившего целью укрепление рабовладельческой империи. С другой стороны, строительство пышных дворцов должно было явиться внешним выражением «блеска» империи, свидетельством ее якобы еще сохранившегося могущества.

---

¹ «О постройках», кн. VI, гл. 1, § 4, стр. 277.

² Там же, кн. V, гл. VII, стр. 274—275.

³ Там же, гл. VII, § 16.

⁴ Там же, кн. VI, ч. II, § 14, стр. 278 и др.

Итак, основная цель строительства Юстиниана все же охранительная: спасти и защитить владения рабовладельцев от варваров и восставших народных масс. В трактате «О постройках» есть одно весьма важное свидетельство об особой заботе правительства Юстиниана о защите имений богатых рабовладельцев. Юстиниан с особой тщательностью укрепляет так называемые «Длинные стены», создав новую систему их охраны, чтобы обеспечить безопасность византийской рабовладельческой знати, роскошные имения которой находились в предместьях Константинополя и защищались «Длинными стенами».¹

В целом трактат «О постройках» свидетельствует о том, что правительство Юстиниана ценой напряжения всех сил государства стремилось создать систему укреплений на границах и внутри империи для защиты от варварских вторжений и восстаний народных масс.

* * *

Итак, произведения византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского и, в частности, издаваемая ныне в русском переводе его «История войн с готами» имеют значительную ценность для изучения социально-экономической и политической истории Восточно-Римской империи и соседних с ней стран и народов. Помимо этого, они содержат самые разнообразные сведения, освещающие различные стороны общественной жизни той эпохи.

Прокопий был человеком образованным, и его значение в историографии VI в. обуславливается также широтой его интересов, разносторонностью его знаний, умением подобрать материал, точностью хронологии, ясностью и стройностью изложения. Труды Прокопия изобилуют важными географическими и топографическими данными. Мы находим в них разнообразные сведения по истории материальной и духовной культуры различных народов, известия по военной технике, данные, отражающие естественнаучные представления византийцев того времени. Прокопий — знаток и горячий поклонник античной культуры. Он прекрасно знает античную мифологию и ее образы часто использует в своих сочинениях. Прокопий

---

¹ «О постройках», кн. 4, гл. IX, § 4, 5, 6, 9—13, стр. 263—264.

хорошо знаком с античными писателями. Его труды полны античных реминисценций.

Стиль и язык Прокопия близки к стилю и языку греческих писателей классической эпохи, особенно Фукидида.

«История войн с готами» издается в русском переводе впервые. Перевод, сделанный С. П. Кондратьевым, отличается исключительной точностью, ясностью и в то же время сохраняет все особенности стиля автора и колорит эпохи.

«История войн с готами» представляет значительный интерес для советских читателей и особенно, конечно, потому, что в этом историческом труде нашла отражение бурная революционная эпоха, эпоха назревания в Восточно-Римской империи революционного «взрыва», который знаменовал собой гибель старого рабовладельческого общества и рождение нового общества — феодального. И. В. Сталин учит нас, что закон перехода старого качества в новое путем взрыва «обязателен для общества, разделенного на враждебные классы».¹

---

¹ И. В. Сталин. Относительно марксизма в языкознании. «Правда» от 20 июня 1950 г.

С. П. КОНДРАТЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГ «ВОЙНА С ГОТАМИ»

КНИГА V

(книга I Войны с готами)

1. В Византии императором был Зенон, а на западе (Ромул) Августул. Когда Орест, его отец, был убит, властью овладел Одоакр. По побуждению Зенона, Теодорих, король готов, переселяется в Италию. Он осаждаст Равенну; описывается ее местоположение. Одоакра, с которым он заключил договор, он убивает. Овладев Италией, он со слабой управляет подданными. Однажды ему показалось, что на близде он уридал гологу Сыммаха, которого он несправедливо казнил вместе с Боэцием; испуганный и полный раскаяния, он умирает.

2. Преемником Теодориха был маленький <внук его> Аталарих; его мать Амалазунта, женщина, заслуживающая величайшей похвалы, отдает его на воспитание преподавателям, людям, полным учености. Писавида науки, готы упрекают правительницу. Ее твердость и предусмотрительность в предупреждении загогоров.

3. Происхождение, характер и умственные способности Теодата. В Рим были присланы из Византии послы к римскому папе. Суждение Прокопия о религии. Ввиду неизлечимой болезни Аталариха, боясь насилия со стороны готов, Амалазунта тайно ведет перегог оры с Александром о передаче ему власти над Италией. Амалазунта и Юстиниан обменигались письмами ввиду возпикшего спора о Лилибее. Послы гозвращаются в Византию. Император направляет в Италию Петра.

4. Амалазунта сдерживает алчность Теодата. По смерти Аталариха она принимает меры, чтобы выйти за него замуж, и делает его королем. Неблагодарный Теодат заключает ее в тгрьму. После убийства Амалазунты посол Юстиниана Петр объявляет ему войну.

5. Юстиниан начинает войну с готами. Он посылает Мунда в Далмацию, Велизария с флотом в Сицилию, пишет к вождям франков. Мунд берет Салоны. Велизарий овладевает всей Сицилией и торжественно заключает здесь время своего консульства.

6. Теодат ведет с Петром, послом Юстиниана, мирные переговоры. Его упадок духа сказывается в любопытной беседе. Взаимные письма Теодата и Юстиниана.

7. Считаю, что гибель Мунда и его сына была предсказана Сивиллой. Теодат нарушает данное слово и плохо принимает послов императора. Разговор о международном праве. Письмо Юстиниана к вельможам готов. Посланный им с войском Константин вновь завоевывает Далмацию. Кончается первый год войны с готами.

8. Велизарий вступает в Италию. На его сторону переходит зять Теодата Эбрамут. Велизарий осаждает Неаполь. Гражданин Неаполя Стефан не советует ему это предпринять, Велизарий дает ему ответ. Когда граждане принимают решение сдаться Велизарии, то Пастор и Асклепидот отговаривают их от этого намерения.

9. Король готов Теодат узнает исход войны из предсказания. Напрасные попытки Велизария взять Неаполь. Открылся путь, которым мог быть взят город; он тайно проложен. Велизарий вновь предлагает им сдаться, напоминая о бедствиях тех, чей город взят силой.

10. Велизарий готовится ворваться в город Неаполь; он посылает свои войска по еодопроходу. Избиение его в взятом городе. Велизарий убеждает войско проявить милосердие. Внезапная смерть Пастора. Взаимные упреки Стефана и Асклепидота. Народ разрывает Асклепидота на клочья.

11. Королем готов избирается Витигис. Он убивает Теодата. Его речь к готам о разумной медлительности и о приготовлении к войне. Оставив в Риме гарнизон, он уходит в Равенну. Себе в жены он берет Матазунту, дочь Амалазунты.

12. Описание некоторых областей земли. Древние места поселения франков. Подчинение визиготов. Арборихи и франки сливаются в один народ. Визиготы занимают всю Галлию. Теодорих выдает замуж за короля визиготов, Алариха младшего, свою дочь, а за Герменефрида, короля турингов,— дочь своей сестры. Франки заключают союз с Теодорихом, королем Италии, одерживают победу над бургундами, убивают Алариха, короля визиготов, безрезультатно осаждают Карказон. Деяния Теодориха в Галлии. Тирани Тевдис.

13. Франки заканчивают завоевание турингов и бургундов. Амаларих женится на сестре франкского короля. Заключает договор с Аталарихом. В битве с франками он погибает. Еще раньше Теодат заключил договор с франками. Витигис держит к своим речь о необходимости выполнения этого договора. Заключается дружба и союз с франками.

14. Велизарий, оставив в Неаполе и в Кумах гарнизон, направляется в Рим. Жители Рима сдаются. Описание Аппиевой дороги. Готы уходят из Рима. В него вступает Велизарий и приготовляет все нужное для осады.

15. Велизарий вновь захватывает часть Самнии. Почему Беневент прежде назывался Малевентом. Основатель его Диомед оставляет здесь вызывающие удивление клыки калидонского вепря. Тут же он отдает Энею троянский Палладий. Описание этого Палладия. Равным образом дается описание Ионийского залива, Великой Греции и других частей Италии

16. Велизарий посылает войско в Этрурию. Нарнию берет Бесс, Сполеций и Перузию — Константин. Его победа. Витигис, послав войско в Далмацию, торопится к Риму. Готы осаждают Самоны.

17. Велизарий вызывает Бесса и Константина из Этрурии назад к себе. Расположение Нарнии. Витигис приближается к Риму. Велизарий укрепляет мост. Бегство стражей моста.

18. В жестокой схватке, верхом на коне Бале, Велизарий мужественно и счастливо сражается. Обращенные в бегство готы сами обращают в бегство римлян. Возобновляется сражение. Велизарий отступает к стенам и вторично гонит готов. Удивительная смерть гота Визанда. Велизарий назначает начальников у ворот Рима. Витигис побуждает граждан Рима к отпадению.

19. Готы устраивают 7 лагерей; разрушают водопроводы, идущие в город. Разрушают устроенные Велизарием водяные мельницы. Велизарий вновь их поправляет.

20. Исход игры мальчиков предсказывает победу Велизария. Римляне нетерпеливо выносят осаду. Витигис отправляет послов к Велизарю. Обмен речами.

21. Витигис готовится начать осаду. Описание тарана, баллисты, онагра, «волка» и других военных машин.

22. Велизарий смеется над поддвигаемыми врагами машинами. Удивительное искусство Велизария в стрельбе из лука. Витигис обращается от Саларийских ворот к Пренестинским. Готы горячо штурмуют замок Адриана, но римляне еще горячее его защищают.

23. Бесплодные попытки готов. Часть римской стены, находящаяся под покровительством апостола Петра. Удивительный выстрел метательного орудия. Огромное избиение готов у зверинца и у Саларийских ворот.

24. Письмо Велизария Юстиниану. Знаменательное падение изображения Теодориха, короля готов. Сивиллин оракул.

25. Бесплодную толпу горожан Велизарий отправляет в Кампанию. Папу Сильверия он высылает в Грецию. Вигилия он возводит на папский престол и заботится о его охране. Неизвестные стараются открыть храм Януса.

26. Витигис убивает сенаторов, бывших у него в качестве заложников. Занимает гавань у устья Тибра. Велизарий с трудом получает продовольствие через город Остию.

27. Велизарий получает подкрепления и сражениями утомляет врагов; трижды он их побеждает. Витигис напрасно старается подражать ему. Различие между войсками готов и римлян.

28. Речь Велизария к римлянам, требовавшим решительного боя. Он подготавливает войско для конного сражения. Победенный речью Принципия, он выводит пехоту в боевом строю.

29. Витигис побуждает готов к сражению. Римляне, победившие вначале, в конце концов обращаются в бегство.

КНИГА VI

(книга II Войны с готами)

1. Славные подвиги Бесса и Константина. Римский и готский войны, упавшие в одну и ту же яму, спасаются, мирно договорившись друг с другом. Безрассудная доблесть Хорсаманта.

2. Евфалию, который привез войскам жалованье, Велизарий готовит безопасный путь. Посылает против готов свои войска. У Пинцианских ворот победу одерживают римляне, но на Нерономом поле терпят поражение. Чудесным образом излечивается рана Арзиса; Кутила и Боха погибают. Печаль готов.

3. Моровая язва и голод мучают римлян. Водопроед служит для готов укреплением. Римляне под влиянием голода просят у Велизария разрешенияступить с готами в решительное сражение; Велизарий отказывает им в этом, указывая на ошибочность их просьбы.

4. Велизарий посылает Прокопия из Кесарии в Неаполь и укрепляет гарнизоны Тибур, Альбу и храм апостола Павла. Готы никогда не осмеливались осквернить храм апостолов Петра и Павла. В их лагере развивается заразная болезнь. Антонина с Прокопием готовят флот в Кампании. Описание Везувия.

5. Из Византии приходят новые войска. Военный план Велизария. Смелый подвиг Аквиллина. Удивительная рана Траяна.

6. Отправленные готами послы ведут переговоры с Велизарием о мире и устанавливают перемирие.

7. Вверх по реке доставляется продовольствие в Рим в изобилии. Перемирие укрепляется, даны заложники. Гавань, Центумеллы и Альбанум оставлены готами и заняты римлянами. Велизарий смеется над угрозами готов и посылает войска в Пиценскую область. Жителям Милана он обещает прислать отряд для защиты.

8. Константин, на приказание Велизария вернуть отнятые вещи, отвечает оскорблениями, делает попытку броситься на него с обнаженным мечом, после чего убивает себя.

9. Напрасная попытка готов взять Рим через водопроед. Они делают попытки захватить Рим то открытой силой, то изменой, но им это не удается. Велизарий подвергает наказанию предателя.

10. Иоанн опустошает Пиценум, захватывает Ариминум. Через тайных посредников ведет переговоры с Матазунтой, женой Витигиса. Готы при снятии осады с Рима несут поражение.

11. Многие места Витигис укрепляет гарнизонами. Велизарий заботится об Ариминуме. Римляне завоевывают Петру — Петрузу. Иоанн не выполняет приказаний Велизария.

12. Готы осаждают Ариминум. Благородная предусмотрительность и речь Иоанна. Посланные Велизарием в Милан в качестве гарнизона воины пристают к Генуе. Сражение при Тичино. Здесь в бою пал Фиделий, префект претория. Король франков Теодеберт посылает готам вспомогательные войска. Готы осаждают Милан.

13. Велизарий берет города Тудерт и Клузиум. Местоположение Анконы. Неразумие Конона. Поражение римлян. Прибытие в Италию евнуха Нарзеса.

14. Древнее местожительство эрулов. Их жестокость по отношению к старикам и больным. Жестокый обычай убийства жен при погребении мужей. На предложение лангобардов заключить мир Родульф, король эрулов, начинает с ними войну и погибает с большей частью своего войска, как знак божьей кары. Эрулы удаляются к гепидам. В правление императора Анастасия они переходят к римлянам. При императоре принимают христианство, но не отказываются от своих диких нравов. Они убивают своего короля.

15. Часть эрулов уходит в Фулу. Описание этого острова. Здесь летом солнце не заходит сорок дней; столько же дней зимой не появляется. Появление солнца справляется с величайшим торжеством. Нравы скритифинов. Религия жителей Фулы. Другая часть эрулов призывает себе короля из Фулы и уходит из-под власти императора Юстиниана.

16. Велизарий и Нарзес соединяют свои войска у города Фирма. Нарзес считает нужным идти на помощь Ариминуму. Письмо осажденного Иоанна Велизарию. Отправление войска.

17. Чудесная любовь козы к ребенку, брошенной матерью. Готы, узнав о прибытии Велизария, в страхе снимают осаду, в которой они держали Ариминум.

18. Ильдигер овладевает лагерем готов. Нарзес и Велизарий держатся различных точек зрения на войну. Речи обоих. Император Юстиниан письменно возлагает на Велизария главное руководство войной.

19. Велизарий осаждает Урбинум. Нарзес уезжает из лагеря. Осажденные, лишены воды, сдаются Велизарию. Иоанн безуспешно пытается взять Цезену. Он захватывает Корнелиев форум и Эмилиеву дорогу.

20. Отложив осаду Ауксима на другое время, Велизарий направляется к «Старому городу» и осаждает его. Описание ужасов голода; под его гнетом две женщины съели семнадцать мужчин.

21. Мартин и Улиарий, которым было приказано идти на помощь Милану, медлят у реки По. Павел обращается к ним с резкими словами. Письма Мартина Велизарию и Велизария Нарзесу. Мундила напрасно отговаривает своих от сдачи. Жалкая гибель Милана.

22. Скорбь Велизария при известии о несчастье Милана. Император отзывает из Италии Нарзеса. Отсюда уходят эрулы и заключают мирный

договор с готами. Витигис безрезультатно призывает лангобардов к союзу с готами. Через послов он убеждает Хозроя, чтобы он нарушил мир, заключенный с римлянами. Юстиниан готов заключить мир с готами.

23. Киприан и Юстин осаждают Фезулы. Мартин и Иоанн занимают Дертопу. Велизарий осаждает Ауксим. Мудрый совет Прокопия. Двойной сигнал дается двумя родами труб.

24. Готы из Ауксима отправляют письмо Витигису, прося помощи. Пустые обещания Витигиса. Киприан и Юстин теснят Фезулы осадой. Урай вызывается к Тичино. Перейдя По, он не решается напасть на римлян.

25. Поход короля франков Теодеберта на Италию. Оружие франков. Около Тичино они переходят через По. Прокопий приписывает им сохранение старинных обрядов язычества. Из готов и римлян они многих убивают в их лагерях. Многие из них погибают от дизентерии. Письмо Велизария к Теодеберту. Франки возвращаются в Галлию.

26. Письмо готов, которые были осаждены в Ауксима, один римский воин-предатель доставляет Витигису, а от него затем осажденным. Славянин из засады захватывает гота и доставляет его в лагерь к Велизарю; он выдает предателя, который и получает заслуженное наказание.

27. Жестокое сражение у водоема Ауксима. Фезулы, а затем, наконец, и Ауксим сдаются римлянам.

28. Велизарий отрезает подвоз продовольствия в Равенну. Посольства, направленные королями франков и Велизарием к Витигису. Пожар житниц Равенны. Готы, которые стояли в Коттийских Альпах, сдаются римлянам.

29. Юстиниан отправляет к Витигису послов вести переговоры о мире. Когда были выработаны условия, Велизарий отказывается их подписать. Собрав военный совет предводителей, он не советует заключать мир. Когда готы предложили ему царство, он делает вид, что соглашается с ними, и, обманывая их, вступает в Равенну. Он берет в плен Витигиса. Занимает гарнизоном Тарвизий и другие укрепленные пункты.

30. Велизарий отозван в Византию. Готы своим королем избирают Урайю. Он советует, чтобы они избрали Ильдибада. Ильдибад предлагает Велизарю королевское достоинство. Велизарий, преданный Юстиниану, с замечательной скромностью отказывается от этой чести.

КНИГА VII

(книга III Войны с готами)

1. Велизарий Витигиса и пленных готов отправляет в Византию. Ему не дается триумф. Восхваление Прокопием Велизария, порицание других вождей. Ильдибад, король готов, собирает в Италии остатки готского племени. Дело римлян губит жадность логофета Александра по прозвищу Форфикула («Ножницы»), потому что он обрезал золотые монеты.

Ильдибад побеждает Виталия в открытом бою. Под влиянием жалоб обиженной жены он убивает Урайю, а затем сам погибает во время пира.

2. Руги, одно из готских племен, выбирают королем Эрарика. Другие готы призывают на престол Тотилу. Эрарик, в то время как через послов ведет переговоры с Юстинианом, умерщвляется, Тотила становится королем готов.

3. Римские вожди, упрекаемые Юстинианом, собираются на военный совет. К Вероне двигаются Константин, Александр и другие вожди. Город взят благодаря измене, но по вине своих вождей римляне его теряют.

4. Речь Артабаза римлянам, Тотилы — к готам. Единоборство Артабаза с Валарисом между двумя войсками. Кончается для обоих несчастливо. Поражение римлян и позорное бегство.

5. Готы осаждают Флоренцию. Услышав о приближении римлян, они снимают осаду. Когда началась битва, из-за ложного слуха римляне обращаются в бегство.

6. Тотила вновь захватывает много укреплений, городов и целых провинций. Осаждает Неаполь. Юстиниан посылает с флотом в Италию Максимиана, префекта претория, и Деметрия. Деметрий готовит помощь неаполитанцам. Другой Деметрий, в то время как ведет этот отряд в Неаполь (после того как флот римлян был обращен в бегство), несет кару за невоздержанность своего языка.

7. Медлительность Максимиана. Римский флот разбросан бурей и враждебно встречен готами. Тотила приказывает взятому в плен Деметрию посоветовать неаполитанцам сдаться и сам побуждает их к тому же. Наконец, овладевает городом.

8. Необыкновенная мягкость Тотилы по отношению к побежденным. Он разрушает стены Неаполя. Одного из своих телохранителей, который изнасиловал девушку, он наказывает смертью, по этому поводу произнеся очень важную речь.

9. Бесчестность римских вождей и солдат. Бедствия итальянцев. Письмо Тотилы к римскому сенату. Арианские священники изгоняются из Рима. Осада крепости Гидрунта.

10. Посланный вторично в Италию, но с очень маленькими силами, Велизарий при помощи Валентина спасает Гидрунт. Тотила хитро узнает настроение войска Велизария. Берет Тибур.

11. В Равенне Велизарий обращается с речью к готам и к римским воинам. Виталий действует в провинции Эмилии; его покидают иллирийцы. Ауксим, осажденный Тотилой, получает помощь. Глупая храбрость Ридциласа приводит его к смерти. Те, кого Велизарий послал на помощь в Ауксим, выйдя из города, попадают в засаду готов. Укрепленный Велизарием Пизавр Тотила напрасно старается захватить. Готы осаждают Фирм и Аскулум.

12. Велизарий письмами просит от императора помощи. Иоанн женится на дочери Германа. Тотила берет Фирм, Аскул, Сполеций, Азий. Он тщательно старается взять Перузию.

13. Тотила осаждает Рим; в городе голод. Готы осаждают также Плаценцию. Доведенный до крайности Велизарий из Равенны удаляется в Эпидаму; сюда император присылает войско. Нарзес привлекает к себе эрулов. Ими наголову разбиты славяне.

14. В виде отступления рассказывается об обманщике лже-Хильбудие. Нравы славян и антов. Нарзес вскрывает обман.

15. Валентин и Фока, посланные Велизарием, вызывают готов, осаждавших Рим, но Бесс остается внутри стен Рима. Попав в засаду, они погибают. Посланные в Рим папой Вигилием корабли с хлебом попадают в руки готов. У епископа Валентина под предлогом, что он лжет, Тотила велит отрубить обе руки.

16. Папа Вигилий вызывается в Византию. Жители Плаценции сдаются готам. Милосердие диакона Пелагия к римлянам. Он посылается к Тотиле, чтобы просить перемирия. Речи того и другого.

17. Речь римских граждан, обращенная к своим вождям, под давлением голода. Описываются ужасы этого голода.

18. Обсуждение в Эпидамне об отправлении. Своим прибытием в Гидрунт Велизарий заставляет готов обратиться в бегство. Тотила укрепляет Тибр. Иоанн захватывает Калабрию. Туллиан привлекает на его сторону бруттиев и луканцев. В битве Иоанн побеждает Рецимунда. Велизарий ожидает Иоанна в Римском Порте.

19. Приготовление Велизария, желающего оказать помощь осажденному Риму; его отправление и битва с врагами. Неразумие Исаака. Велизарий, получив известие о несчастье с ним, отказывается от своего первоначального плана. Болезнь Велизария. Гибель Исаака.

20. Жадность Бесса и его небрежность в деле охраны Рима. Исавры, несшие охрану азинарийских ворот, замышляют измену. Тотила берет Рим. В храме апостола Петра Пелагий обращается к нему с речью о милосердии. Крайняя нужда сенаторов. Милостивое отношение Тотилы к Рустициане и к римским женщинам.

21. Тотила побуждает готов помнить и чтить справедливость. Он упрекает римский сенат в неблагодарности. Речь к нему Пелагия о милости и снисхождении. Тотила отправляет послов с письмом о мире к Юстиниану. Император отправляет их к Велизарю.

22. Туллиан разбил готов в Лукании. Велизарий обращается к Тотиле с письмом, где он порицает его намерение уничтожить Рим. Тотила оставил Рим почти пустым. Иоанн спасается в Гидрунт. Туллиан покинут римлянами.

23. Марциан вновь захватывает для римлян Споледию. Велизарий отправляется в Рим. Иоанн занимает Тарент и его укрепляет. Тотила, овладев Ахеронтидой, идет против Равенны.

24. Велизарий берет и укрепляет Рим. Он храбро отражает нападение Тотилы. Описание трибола. Готы упрекают своего короля в легкомыслии. Они удаляются в Тибур.

25. Тотила побуждает свое войско к осаде Перузия и оправдывается в своих неудачах.

26. В Капуе происходит внезапное столкновение между римлянами и готами. Бегство готов. Иоанн берет с собой римских матрон. Тотила нападает в Лукании ночью на Иоанна, когда он не был готов для отражения. Гибель Гилация, армянина.

27. Император посылает войска в Италию. Неразумие Вера, вождя эрулов. Валериан посылает Иоанну триста человек из своего войска. Велизарий направляется в Тарент. Откуда произошло имя Сциллы. Почему так названы кинокефалы и ликокраниты.

28. Велизарий, плывя в Тарент, вследствие бури принужден пристать к Кротону. Его войска начали сначала удачное предприятие, которое окончилось крайне неблагоприятно. Велизарий в страхе вместе с женой своей Антониной переправляется в Сицилию

29. Славяне опустошают Иллирик. Землетрясение. Необычайный разлив Нила. Морское чудовище, которому было наименование «порфирион», поймано. Тотила осаждает крепость Русциан.

30. Император посылает на помощь пешее войско. Валериан встречается с Велизарием. Антонина отправляется в Византию. Смерть императрицы Феодоры. Договор гарнизона Русциана с Тотилой. Конон в Риме убит солдатами. Велизарий и Иоанн соединяются, чтобы оказать помощь Русциану. Они отражены готами. Составляют новые планы. Тотила берет крепость Русциан. Его жестокость по отношению к Халазару. Антонина добивается у императора права для Велизария вернуться в Византию.

31. Первые семена заговора против императора Юстиниана. Артабан, вернувшийся из Африки, сватается за Прейекту, племянницу императора, но он принужден вновь взять отвергнутую им прежнюю жену браком Прейекты с Иоанном, сыном Помпея, он глубоко обижен. Герман, племянник Юстиниана, назначенный своим братом Борандом наследником, лишен своим дядей наследства.

32. Арзак, наказанный императором, составляет против него заговор вместе с Артабаном. Свой план они открывают Ханарангу и Юстину, сыну Германа. Юстин сообщает об этом отцу, а тот — Марцеллу. Слова Ханаранга подслушивает из засады Леонтий и передает Марцеллу. Марцелл докладывает об этом императору. Заговорщики заключены в тюрьму, все дело обнаруживается. Суд. Когда Герман подвергся сильной опасности, Марцелл выступает с сильной речью в его защиту. Назначаются наказания виновным.

33. Варвары постепенно захватывают западную империю. Юстиниан предоставляет франкам владение той Галлией, от которой отказались готы. Среди варваров одни только франкские короли чеканят золотую монету с своим изображением. Положение дел у гепидов, лангобардов и эрулов.

34. Когда между гепидами и лангобардами возникло несогласие, оба племени через послов стараются привлечь Юстиниана на свою сторону.

Император посылает войска на помощь лангобардам. Много эрулов римлянами побеждено и убито. Варвары заключают между собой мир.

35. Бесславное возвращение Велизария из Италии. Предзнаменование его благополучия. Папа Вигилий побуждает императора к завоеванию Италии. Юстиниан весь погрузился в теологические споры. Положение дел в стране лангобардов. Коварство и успех Индульфа.

36. Тотила осаждает Рим. Юстиниан упускает благоприятный момент. Исавры предают город готам. Павел со своими войсками храбро защищается в замке Адриана. Тотила падит взятый город.

37. Король франков отказывается выдать замуж за Тотилу свою дочь. Тотила восстанавливает Рим и укрепляет свою власть. Так как Юстиниан отказывается заключить с ним мир, Тотила осаждает Центумцеллы и крепость Регию, берет Тарент и Ариминум. Юстиниан меняет свое намерение послать Германа. Поражение Вера.

38. Славяне переходят через Истр и Гебр; они прогоняют римские войска; их свирепость по отношению к Асбаду. Завоевывают город Топер. Их страшная жестокость.

39. Готы теснят крепость Регию и берут ее. Тотила опустошает Сицилию. Император во главе флота ставит Либерия, а потом Артабана. Поручает вести эту войну Герману. Настроение и подготовка Германа. Бодрость римлян. Диоген отказывается сдать Центумцеллы.

40. Вторжение славян. Их устрашает имя Германа, некогда победителя антов. Смерть Германа и его восхваление. Император во главе войска ставит Иоанна и Юстиниана. Либерий пристает к Сиракузам. Артабан попадает в бурю. Готы уходят из Сицилии, по совету Спина. Набег славян. Поражение римлян, а потом их победа.

КНИГА VIII

(книга IV Войны с готами)

1. Автор указывает содержание этой книги и приступает к дальнейшему рассказу о войне с персами, предварительно взявшись за описание Лазики и соседних с ней земель.

2. Описание Эвксинского Понта от Халкедона до страны апсилиев.

3. Кавказский хребет и двое его ворот. Гунны-сабиры. Амазонки. Принятие христианства абасгами. Юстиниан запрещает, чтобы юношей делали евнухами.

4. Брухи. Зехи. Сагины. Севастополь и Питиус. Эвлизия. Готы-тетракситы просят августейшего императора Юстиниана прислать им епископа.

5. Откуда произошло название утигуров и кутригуров. Древнее местожительство (готов) тетракситов. Убегающая лань показывает брод. Переселение готов. Их место занимают кутригуры. Тетракситы переселяются на противоположный берег. Утригуры остаются на родине. Таврика и там храм Артемиды. Города Босфора: Херсонес, Кеши, Фанагория.

Источники Истра и его течение. Длина береговой линии Понта Эвксинского.

6. Танаис, или Фазис отделяет Европу от Азии? Где начало Понта Эвксинского? Исследования Аристотеля у Эвриппа. Сицилийский пролив. Двойное течение воды во фракийском Босфоре.

7. Что побуждало персидского царя Хозроя к походу на Колхиду. Его напрасные попытки захватить Дару.

8. Автор возвращается к намеченному в первой главе рассказу о вторжении персов в Колхиду под начальством Хориана. Бессмысленная самоуверенность лазов. Речь Губаза, их царя. Бегство лазов. Единоборство Артабана. Столкновение обоих войск. Ввиду смерти Хориана персы обращаются в бегство.

9. Дагисфей, обвиненный лазами в измене, заключен в тюрьму. Бесс, начальник войск в Армении, назначен в Лазику. Цари Лазики обычно брали себе жен среди знатных римских фамилий. Отпадение абасгов. Местность, называемая «Трахей» (крутая). Римляне нападают и обращают в бегство абасгов.

10. Персы занимают Тзибил, укрепление апсилив, но затем они все перебиты из-за преступной страсти своего вождя. Хозрой получает оскорбление от своего сына Анасозада. Слабое здоровье Хозроя. Он высоко уважает врага Трибуна, прекрасного человека. Позорное наказание Анасозада за мятеж.

11. Окончание срока перемирия. Взаимные посольства. Спесь персидского посла Исдигусны. Толмача Брадуция Хозрой казнит. Римляне осаждают в Лазике Петру. Они подкапывают стену. Их попытка остается тщетной. Сабирь — подданные отчасти римлян, отчасти персов. Они изобретают таран нового, более легкого типа. Римляне подносят к стенам машины. Персы стараются сжечь их нефтью, или «медеевым маслом». Удивительная доблесть начальника войска Бесса, хотя и очень преклонного годами. Часть стены рушится. Иоанн, сын Гузы, поднимается на верх стены. Персы сгорают на своей деревянной башне. Римляне берут город.

12. Персы, которые бежали в кремль Петры, приглашенные сдаться, предпочли умереть в пожаре кремля, чем отдаться во власть врагов. Щедрость Хозроя в заготовке продовольствия для Петры и искусство постройки водопровода. Бесс посылает пленных в Византию, разрушает стены Петры; восхваляется императором и многими другими.

13. Мермероес, предводитель персов, опаздывает с помощью Петре. Он отводит свои войска и слонов в Археополис. Недостойная жадность Бесса. Чрезмерное снисхождение Юстиниана по отношению к начальникам. Сканда и Серапанис — укрепления Лазики. Лазы разрушают Родополис. Бегство римлян, стоявших лагерем у реки Фазиса.

14. Местоположение Археополя. Мермероес осаждает его. Сабирь приходят на помощь персам. Возбужденные речью вождя римляне делают вылазку и наносят персам поражение. Слон, приведенный в замешательство, в ярости бросается на своих. В виде отступления Проко-

пий рассказывает о том, как при осаде Эдессы слон был приведен в замешательство поросячьим визгом. Бывшее там предназначение. Персы снимают осаду. Мермероес уходит в Мохерезис и поправляет укрепления Котатиса.

15. Император Юстиниан покупает позорное перемирие у персов на пять лет. Прокопий свободно выражает свое мнение о событиях. После сбора винограда вновь растут новые грозди.

16. Лазы обижаются на римлян. Персы занимают укрепление Утимерей при содействии знатного лаза Феофобия. Царь лазов, Губаз, змует в горах. Хотя Мермероес письмами побуждал его отпасть от римлян, он остается им верен.

17. Монахи приносят из Индии яички шелковичного червя и учат римлян, как получить шелк-сырец. Хозрой подтверждает перемирие, но тем не менее ведет войну в Лазике. Положение дел в Африке.

18. Гепиды и лангобарды, готовые вступить друг с другом в сражение, были охвачены паническим страхом и разошлись. Их вожди Торисин и Аудуин заключают между собой перемирие. Гепиды подсылают кутригуров на римские владения. Юстиниан возбуждает утигуров против кутригуров. Сражение между ними.

19. Римлянам, которые были в плену у кутригуров, удается бежать. Кутригуры, услышав о поражении своих, заключают мир с римлянами. Император назначает им местожительство во Фракии. По этому поводу к Юстиниану отправляется Сандил, вождь утригуров.

20. Местожительство варнов. Расположение и население острова Бриттии. Гермегискл, король варнов, берет замуж сестру Теодоберта, короля франков, а для сына своего от первой жены Радигиса сватает сестру короля англов. Предсказав свою собственную смерть, Гермегискл советует своему сыну и старейшинам нарушить брачный договор с англами и женить Радигиса на мачехе. Оскорбленная этим сестра короля англов идет войной, разбивает варнов и берет Радигиса в плен. Часть острова Бриттии отделена стеною и необитаема для живых людей, но считается, что она принимает души покойников, привозимых на судах при помощи гребцов, подвластных франкам.

21. Прокопий возвращается к описанию войны с готами. Великая честь, воздаваемая Велизарии в Византии. Иоани змует в Салонах. Почему Юстиниан назначает Нарзеса начальником в войне с готами. Нарзес из-за нашествия славян некоторое время задерживается в Филиппополе. Оттуда он двигается в Италию.

22. Тотила вызывает назад в Рим некоторых сенаторов. Горячее стремление римлян сохранить украшения своего города. Описание корабля Энея. Остров феаков. Предположение Прокопия об острове Калипсо. Каменный корабль в Корцире поставлен в честь Зевса-Касия; другой каменный корабль — в честь Артемиды на Эвбее. Могила Анхиза. Флот Тотилы, посланный в Грецию, захватывает в плен много вражеских кораблей.

23. Готы осаждают Анкону с суши и с моря. Валериан письменно убеждает Иоанна вместе с ним подать помощь осажденным. Оба, объединив войска, двигаются в Сеногаллию. Готы выступают им навстречу. Речи предводителей и с той и с другой стороны для ободрения своих войск. Морское сражение. Поражение и бегство готов.

24. Артабан приводит дела римлян в Сицилии в хорошее положение. Готы напрасно просят императора о мире. Внедрение франков в Италию. Леонтий отправляется императором Юстинианом в качестве посла к королю франков Теодебальду, сыну Теодеберта. Их речи друг другу. Готы занимают Корсику и Сардинию и прогоняют римлян. «Сардоническая» трава. На Корсике люди и лошади карликового роста.

25. Славяне опустошают Иллирик. Император заключает договор с гепидами, а затем посылает против них помощь лангобардам. Победа лангобардов. Города, разрушенные землетрясением. Наводнение. Готы осаждают Кротону.

26. Когда к Кротоне пристал римский флот, готы сняли осаду. Рагнарис и Морас, предводители готов, ведут разговоры о сдаче. Военные приготовления Нарзеса и состав его войска. Франки отказывают ему в пропуске через Венетскую область. План Тотилы. Нарзес направляется к Равенне.

27. Лангобард Ильдигисал, который раньше перебежал на сторону императора, вместе с готом Гоаром бежит из Византии. Соединившись с своими соплеменниками, Ильдигисал и Гоар побеждают кутригуров, в бою во Фракии и в Иллирике убивают римских вождей, неосторожно отошедших в сторону от своих войск. Спасаются к гепидам. В свою очередь гепид Устригот отдается под покровительство лангобардов. Ильдигисал и Устригот погибают, коварно убитые теми, верности которых они себя поручили.

28. Начальник готов, находившихся в Ариминуме, послал письмо Нарзесу, вызывая его на военные действия. Нарзес с войском направляется в Ариминум, но ввиду разрушения моста встречает затруднение при переправе. После того как Усдрила убит, он двигается дальше.

29. Тотила поджидает Тейю с конницей. Услышав об убийстве Усдрилы, он направляется к Апеннинам. Туда же направляется Нарзес и предлагает Тотиле назначить день сражения. Тотила является перед римлянами раньше назначенного срока. Он напрасно старается прогнать их с занятого ими холма. Славные подвиги Павла и Анзилы.

30. Речи к своим воинам Нарзеса и Тотилы.

31. Расположение того и другого фронта. Описание единоборства. Тотила показывает свое искусство в верховой езде.

32. Тотила уходит со своим войском с поля битвы. Предусмотрительность Нарзеса. Возвращение готов. Завязывается сражение. Победа римлян. Смерть Тотилы.

33. Нарзес отпускает от себя лангобардов. Валериан собирается осаждать Верону; на это возражают франки. Тейя выбран королем готов.

Нарзес берет Нарнию, Сполеций и Перузию. Он осаждает Рим и легко его захватывает.

34. Победа Нарзеса принесла горе сенату и римскому народу. Обман со стороны гота Рагнара, его жестокость и его поражение. Тейя напрасно просит помощи у франков. Римляне осаждают Кумы и Центумцеллы. Тейя и Нарзес со своими войсками уходят в Кампанию.

35. Некоторые явления при извержении Везувия. Лагерь того и другого войска. Готы уходят на «Молочную» гору. Нападают на римлян. Героическая храбрость Тейи. После его смерти готы продолжают упорно сражаться. Наконец, просят мира. Совет Исанна. Заключение мира.

ПРОКОПИИ
из Кесарии

ВОЙНА С ГОТАМИ

Книги V—VIII

ИЗ «ИСТОРИИ ВОЙН ЮСТИНИАНА С ПЕРСАМИ,
ВАНДАЛАМИ И ГОТАМИ»

К Н И Г А V

(КНИГА I ВОЙНЫ С ГОТАМИ)

1 1. В таком-то положении находились у римлян дела
в Ливии. Теперь я перейду к описанию войны с готами,
предварительно рассказав, что было у готов и у римлян
2 до этой войны. Одновременно с Зеноном, царствовавшим
в Византии, власть на Западе принадлежала Августу,¹
которого римляне ласково, как ребенка, называли уменьши-
тельным именем Августула, так как императорский престол
3 он занял совсем юным. До него (мудро) правил его отец
Орест, человек очень большого ума. Несколько времени
раньше римляне приняли в качестве союзников скиров, ала-
нов и другие готские племена, которым за это время со сто-
роны Алариха и Аттилы пришлось испытать много того, что
4 рассказано мною в предыдущих книгах (III, гл. 2, 4, § 30 и
сл.). И насколько за это время (военное) положение варваров
окрепло и пришло в цветущее положение, настолько значение
римских военных сил пало, и под благопристойным именем
союза они испытывали на себе жестокую тиранию со стороны
этих пришлых народов: не говоря уже о том, что последние
бесстыдно вымогали у них против их воли многое другое,
5 они в конце концов пожелали, чтобы римляне поделили с ними
все земли в Италии. Они потребовали от Ореста, чтобы из
этих земель он дал им третью часть, и, видя, что он не про-
6 являет ни малейшей склонности уступить им в этом, они

7 тотчас убили его. В их среде был некий Одоакр,² один из императорских телохранителей; он согласился выполнить для них то, на что они заявили претензию, если они поставят его во главе правления. Захватив таким образом реальную власть (тиранию),³ он не причинил никакого зла императору, но позволил ему в дальнейшем жить на положении частного человека.⁴ Передав варварам третью часть земель, он тем самым крепко привязал их к себе и укрепил захваченную власть на десять лет.

9 Приблизительно в это же время⁵ готы, поселившиеся с разрешения императора⁶ во Фракии, с оружием в руках восстали против римлян под начальством Теодориха, патриция, получившего в Византии звание консула. Умевший хорошо пользоваться обстоятельствами, император Зенон убедил Теодориха⁷ отправиться в Италию и, вступив в войну с Одоакром, добыть себе и готам власть над западной империей; ведь достойнее, говорил он, для него, тем более что он носит высокое звание сенатора, победив захватчика власти, стоять во главе всех римлян и италийцев, чем вступать в столь тяжелую войну с императором. Теодорих, обрадовавшись этому предложению, двинулся на Италию, а за ним последовали и все готы, посадив на повозки детей и жен и нагрузив весь скарб, который они могли взять с собой. Когда они подошли вплотную к Ионийскому заливу, они убедились, что, не имея кораблей, они никак не могут переправиться на другой берег. Тогда они пошли вдоль берега, собираясь обогнуть этот залив, и, двигаясь дальше, они прошли через пределы тавлантиев и других живших тут племен. Навстречу им вышел Одоакр со своими войсками; побежденные во многих сражениях, они вместе со своим вождем заперлись в Равенне и в других наиболее укрепленных местах. Осадив их, готы захватили все остальные укрепления, когда им представлялся для этого благоприятный случай, крепость же Цезену,⁸ находившуюся от Равенны на расстоянии трехсот стадий, и самую Равенну, где находился и Одоакр, они не могли взять, ни заставив их капитулировать, ни силою. Сама Равенна лежит на гладкой равнине, на самом краю Ионийского залива; отделенная от моря расстоянием в две стадии,

она, казалось, не могла считаться приморским городом, но в то же время она была недоступна ни для кораблей, ни
17 для пешего войска. Дело в том, что корабли не могут приста-
вать в этом месте к берегу, так как этому мешает само море,
образуя мель не меньше чем в тридцать стадий, и хотя плы-
вущим берег тут кажется очень близким, но эта мель ввиду
18 своей величины заставляет их держаться возможно дальше
от берега. И для пешего войска не представляется никакой
возможности подойти к городу: река По, которую называют
также Эриданом, выходя из пределов кельтов * и протекая
здесь, равно как и другие судоходные реки вместе с несколь-
19 кими озерами, окружают этот город водою. Каждый день
здесь происходит нечто удивительное: с утра море, образо-
вавши род реки такой длины, сколько может пройти в день
человек налегке, вдается заливом в землю и позволяет в этих
местах плыть кораблям посередине материка; поздно вече-
ром оно вновь уничтожает этот залив и во время отлива
20 вместе с собой увлекает всю воду. Так вот те, которые имеют
намерение ввезти туда провиант или оттуда вывезти что-
либо для продажи или приезжают с какой-либо иной целью,
погрузив все это на суда и спустив эти корабли в то место,
где обыкновенно образуется пролив, ожидают прилива.
21 И когда он наступает, корабли, быстро поднятые морским
приливом, держатся на воде, а находящиеся при них матро-
сы, энергично приступив к делу, отправляются в путь.
22 И это бывает не только здесь, но и по всему этому берегу
23 вплоть до города Аквилей. Обычно это происходит не всегда
одинаково, но при новолунии и ущербе, когда свет луны
бывает небольшим, прилив моря бывает несильным, после
же первой четверти до полнолуния и далее, вплоть до второй
четверти, на ущербе прилив бывает гораздо сильнее. Но до-
статочно об этом.

24 Когда уже пошел третий год, как готы с Теодорихом стали
осаждать Равенну, и готы уже утомились от этого бесплод-
ного сидения, а бывшие с Одоакром страдали от недостатка
необходимого продовольствия, они при посредничестве

---

* Другое чтение: «с Кельтских гор».

равеннского епископа заключили между собой договор, в силу которого Теодорих и Одоакр должны будут жить в Равенне, пользуясь совершенно одинаковыми правами.⁹ И некоторое время они соблюдали эти условия, но потом Теодорих, как говорят, открыв, что Одоакр строит против него козни, коварно пригласив его на пир, убил его,¹⁰ а тех из варваров, которые раньше были его врагами и теперь еще уцелели, он привлек на свою сторону и таким образом получил единичную власть над готами и италийцами. Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал (скромно) называться и в дальнейшем именем тех¹¹ (так обычно варвары называют своих начальников); подданными своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору. Он в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости и доблести. Сам лично он не притеснял и не обижал своих подданных, а если кто-либо другой пытался это делать, то он не позволял этого, исключая того, что ту часть земли, которую Одоакр дал своим сторонникам, Теодорих (тоже) распределил между своими готами. По имени Теодорих был тиранном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул; любовь к нему со стороны готов и италийцев была огромна, не в пример тому, что обычно бывает у людей. Ведь другие, находясь во главе правления, становятся или на ту, или на другую сторону, и поэтому установившаяся власть нравится тем, кому она в данный момент своими постановлениями доставляет удовольствие, и вызывает к себе нерасположение в том случае, если идет против их пожеланий. Он умер,¹² прожив тридцать семь лет, грозный для всех своих врагов, оставив по себе глубокую печаль у всех своих подданных. А умер он следующим образом.¹³

Симмах и его зять Боэций были оба из старинного патрицианского рода; они были первыми лицами в римском сенате

33 и консулярами. Оба они занимались философией и не меньше
всякого другого они отличались справедливостью; многим
из своих сограждан и иностранцев они облегчили нужду бла-
годаря своему богатству; этим они достигли высокого ува-
34 жения, но зато и вызвали зависть у негодных людей. Послу-
шавшись их доносов, Теодорих казнил обоих этих мужей,
будто бы пытавшихся совершить государственный переворот,
35 а их состояние конфисковал в пользу государства. Когда он
обедал несколько дней спустя после этого, слуги поставили
36 перед ним голову какой-то крупной рыбы. Теодориху пока-
залось, что это голова недавно казненного им Симмаха. Так
как нижняя губа у нее была прикушена зубами, а глаза ее
смотрели грозно и сурово, то она показалась ему очень по-
37 хожей на угрожающую. Испуганный таким ужасным чудом,
он весь похолодел и стремительно ушел в свой покой к себе
на ложе; велел покрыть себя многими одеждами, он старался
38 успокоиться. Затем, рассказав все, что с ним случилось, своему
врачу Эльпидию, он стал оплакивать свой ошибочный и не-
справедливый поступок по отношению к Симмаху и Боэцию.
39 Раскаившись в таком своем поступке и глубоко подавленный
горем, он умер немного времени спустя, совершив этот пер-
вый и последний проступок по отношению к своим поддан-
ным, так как он вынес решение против обоих этих мужей,
не расследовав дела со всей тщательностью, как он обычно
это делал.

526 год н. э. 1 2. После его смерти власть принял Аталарих,¹⁴ внук
Теодориха по дочери. Ему было восемь лет, и он воспитывался
своей матерью Амалазунтой, так как отца его не было уже
2 в живых. Немного спустя в Византии императором сделался
3 Юстиниан. Будучи опекушкой своего сына, Амалазунта
держала власть в своих руках, выделяясь среди всех своим
разумом и справедливостью и являя по своей природе вполне
мужской склад ума. Пока она стояла во главе управления,
ни один римлянин не был подвергнут ни телесному наказа-
нию, ни конфискации имущества; равным образом и готам,
которые под влиянием своей вспыльчивости и невыдержан-
ности хотели проявить против них несправедливость, она
этого не разрешала и даже вернула детям Симмаха и Боэция

6 имущество, конфискованное (у их отцов). Амалазунта хо-
тела, чтобы ее сын по своему образу жизни был совершенно
7 похож на первых лиц у римлян и уже тогда заставляла его
трех, которых она знала как наиболее умных и достойных,
8 она велела им все время быть при Аталарихе. Все это не пра-
вилось готам, так как, желая иметь право действовать неспра-
ведливо по отношению к подданным, они хотели, чтобы Ата-
ларих правил ими более согласно с варварскими обычаями.
9 Как-то мать, взяв его к себе в спальню, за какой-то проступок
наказала розгами; он весь в слезах пошел оттуда в обеденную
10 залу мужей. Готы, встретив его в таком виде, пришли в силь-
ный гнев и, браня Амалазунту, утверждали, что она хочет
возможно скорее лишить жизни своего сына, чтобы самой,
выйдя замуж за другого, вместе с ним властвовать над го-
11 тами и италийцами.* И вот собрались те, которые у готов
считались наиболее высокопоставленными, и, придя к Ама-
лазунте, обвиняли ее, что сын ее воспитывается у них непра-
12 вильно и не так, как следует для их вождя; что науки очень
далеки от мужества, а наставления старых людей по большей
13 части обычно приводят к трусости и нерешительности. По-
этому необходимо, чтобы тот, кто в будущем хочет быть сме-
лым в любом деле и стать великим, был избавлен от страха
перед учителями и занимался военными упражнениями.
14 Они говорили, что и Теодорих не позволял никому из сыновей
готов посещать школы учителей; что он всегда говорил, что
15 если у них явится страх перед плеткой, то они никогда не
будут способны без страха смотреть на меч или копье. Они
предлагали ей подумать, что вот ее отец Теодорих умер,
оказавшись владыкой столь великой страны и захватив
ни с какой стороны не принадлежавшую ему императорскую
власть, хотя о всяких науках он не слышал даже краем уха.
17 «Так вот, государыня, — сказали они, — всем этим педагогам
отныне веля убираться по добру по здорову, а Аталариху
дай товарищами кого-нибудь из сверстников, которые, про-

---

* Двух последних слов у Свида, цитирующего это место Проко-
пия, нет.

вода с ним свои цветущие годы, будут побуждать его к доблести согласно нашему варварскому обычаю».

18 Услыхав это, Амалазунта хотя и не одобрила их слов, но, боясь какого-либо заговора со стороны этих лиц, сделала вид, что ей по душе их речи, согласилась со всем, чего требовали от нее варвары. Удалив от Аталариха старейшин, она
19 допустила к нему как сотоварищей его жизни еще не взрослых, но таких, которые немного были старше его. По мере того как он становился взрослым, они стали побуждать его к пьянству, к общению с женщинами, окончательно портили его характер и, пользуясь его неразумием, внушали ему не-
20 послушание матери, так что он вообще не считал нужным считаться с ней, тем более что и из варваров многие уже восставали против нее и без стеснения требовали, чтобы она, женщина, сложила царскую власть. Амалазунта не испугалась этих злоумышлений со стороны готов и не проявила слабости, как обычная женщина, но явно показывая еще величие своей царской власти, выбрав из варваров трех наиболее влиятельных и являющихся главнейшими виновниками движения против нее, она велела им итти к границам Италии; и не всем вместе, но возможно дальше друг от друга; посланы же они были под предлогом, чтобы охранять страну от нападения
22 врагов. Тем не менее эти люди все-таки поддерживали связь друг с другом благодаря своим друзьям и родственникам, которые, несмотря на длинный путь, все еще приходили к ним, и они продолжали организовывать все, что было нужно для заговора против Амалазунты. Так как эта <властная> женщина не была уже больше в состоянии переносить все
23 это, она решила на следующее. Она послала в Византию спросить императора Юстиниана, будет ли ему угодно, если к нему явится Амалазунта, дочь Теодориха, так как ей
24 желательно возможно скорее уехать из Италии. Император был очень обрадован такой речью; он предложил Амалазунте прибыть и приказал приготовить ей лучший дом в Эпидамне, чтобы, прибыв туда, Амалазунта могла там остановиться и, проведя там столько времени, сколько захочет, могла затем
25 отправиться в Византию. Узнав об этом согласии императора, она выбрала среди готов несколько человек, людей энергич-

ных и наиболее ей преданных, и послала их с поручением убить тех трех, о которых я только что упоминал, как бывших главными виновниками восстания против нее. Сама же, погрузив на корабль, кроме других ценностей, сорок тысяч фунтов золота и посадив на него некоторых из самых ей верных велела им плыть в Эпидамн и, прибыв туда, стать на якорь в его гавани, из груза же, пока она не прикажет, ничего с корабля не выносить. Сделала она это для того, чтобы в случае, если она узнает о гибели этих трех «своих врагов», она могла остаться в Италии и вернуть назад корабль, не чувствуя уже никакого страха перед другими своими врагами. Если же случится, что кто-нибудь из них уцелеет и, таким образом, у нее не будет уже никакой надежды на удачный исход, то она быстро отплывет и спасется со всеми своими богатствами в земле императора. С этой-то целью Амалазунта и отправила корабль в Эпидамн. Когда он прибыл в гавань Эпидамна, те, которым было поручено охранять сокровища, точно исполнили ее поручение. Немного спустя, когда были выполнены согласно ее желанию убийства, она вызвала назад корабль и, оставаясь в Равенне, продолжала держать власть в своих руках, считая себя в полной безопасности.

3. Среди готов был некто, по имени Теодат, сын Амальфриды, сестры Теодориха, человек уже преклонных лет, знающий латинский язык и изучивший платоновскую философию, но совершенно неопытный в военном деле; у него не было никакой энергии, но корыстолюбие его было непомерное. Этот Теодат был владельцем большинства земель в Этрурии (Тоскане), но он всячески старался насильно отнять и остальную землю у владевших ею; иметь соседа для Теодата казалось своего рода несчастьем. Амалазунта всячески старалась противодействовать такому его стремлению; за это она заслужила его вечную ненависть; он не мог терпеть ее. И вот он задумал передать Этрурию (Тоскану) во власть Юстиниана с тем, чтобы, получив за это крупные деньги и сверх того звание сенатора, провести остальную часть жизни в Византии. Когда у Теодата сложился такой план, прибыли из Византии к римскому архиепископу послы, Гипатий, епископ Эфесский, и Деметрий из Филипп в Македонии, для установления

догматов, из-за которых христиане, держась различных точек зрения, спорили между собою. Хотя я лично хорошо знаю все эти разногласия, но я менее всего хочу здесь говорить о них. Я полагаю, что это некое недомыслие и безумие — исследовать природу бога, какова она может быть. Я думаю, что для человека недоступно понять даже и то, что касается самого человека, а не то, чтобы разуместь, что относится к природе бога. Да будет мне позволено, не подвергаясь опасности обвинения, пройти молчанием обо всем этом с единственным убеждением, что я не оказываю неверия тому, что все чтут и признают. Я лично ничего другого не мог бы сказать относительно бога, кроме того, что он является всеблагим и все содержит в своем всемогуществе. Пусть же всякий и духовный и светский человек говорит об этих вещах так, как по его мнению он это разумеет. Тайно встретившись с послами, Теодат поручил им сообщить императору Юстиниану тот план, который у него зародился, изложив перед ними то, что я только что рассказал.

В это время Аталарих, предавшись безграничному пьянству, впал в болезнь и в полный маразм. Поэтому и Амалазунта колебалась, не зная, что ей делать; видя, до какой степени безумия дошел ее сын, она не могла положиться на его добрую волю, а с другой стороны, в случае смерти Аталариха она не считала, что и жизнь ее самой в будущем останется в безопасности, так как она была ненавистна самым важным из готов. Поэтому, чтобы спастись самой, она захотела передать власть над готами и италийцами императору Юстиниану. Случилось, что с Деметрием и Гипатием прибыл в Италию один из сенаторов, Александр. Когда император услышал, что корабль Амалазунты стал на якорь в гавани Эпидамна, сама же она медлит, хотя прошло много времени, он послал Александра, чтобы он высмотрел, в каком положении находятся все дела Амалазунты, и дал ему знать. Официально император отправил Александра в качестве посла, беспокоясь о положении около Лилибея (об этом я уже рассказывал в прежних книгах (IV [II], гл. 5 (§ 11 сл.)), а также потому, что десять гуннов, бежавших из лагеря в Ливии, прибыли в Кампанию, и Улиарий, начальник охраны в Неаполе,

с полного согласия Амалазунты принял их к себе; кроме того, готы, воевавшие около Сирмия с гепидами, обошлись с городом Гратианой, находящимся на границе Иллирии, как с вражеским. Жалуясь на это, он написал письмо Амалазунте и с ним послал Александра. Когда он прибыл в Рим, он оставил там духовных лиц, чтобы они вели дела, из-за которых они были, сам же отправился в Равенну и, тайно сообщив <Амалазунте> слова императора, открыто вручил ей его письма. В этих письмах говорилось следующее: «Крепость в Лилибее, принадлежащую нам, ты захватила силой и владеешь ею и сейчас; варваров, беглецов из моего лагеря, ты приняла к себе и не думаешь даже сейчас их вернуть, а с моей Гратианой ты поступила недопустимо и недостойно тебя. Ввиду всего этого тебе следует подумать, чем все это может закончиться». Когда Амалазунта прочла переданные ей письма, она ответила следующее: «Великому государю, выдающемуся своими достоинствами, более прилично взять под свое покровительство сироту, совсем не понимающую, что делается, чем затевать вражду из-за ничтожных причин. Ведь если бы возникла борьба из-за причин, которые вовсе не являются неразрешимыми, то даже победу она принесла бы бесславную. А ты с угрозой указываешь Аталариху и на случай с Лилибеем, и на десять беглецов, и на то, что наши воины, идя против своих врагов, по ошибке и вместе с тем по какому-то недоразумению напали на дружественный город. Да будут далеки от тебя такие мысли, о великий государь; вспомни, когда ты шел походом против вандалов, мы ни в чем тебе не препятствовали, но предоставили тебе и свободный путь на врагов, и с великой охотой продавали тебе все, что тебе было самым необходимым; между прочим мы доставили тебе такое большое количество коней, благодаря которому главным образом и была одержана тобою победа над врагами. Ведь имя союзника и друга по справедливости заслуживает не только тот, кто в бою предоставляет свое оружие в распоряжение своим близким, но и тот, кто является готовым служить всем тем, что необходимо для войны. Прими во внимание, что тогда твой флот на море нигде не мог иметь пристанища, кроме как в Сицилии, и в Ливию мог идти, купив только здесь про-

25 довольствие. Так что в сущности успех твоей победы зависел
от нас. Ведь тот, кто дает выход из трудного положения,
по справедливости заслуживает награду при счастливым
26 окончании. А что для человека, о государь, приятнее победы
над врагами?! Для нас же это является немалым унижением,
что мы, вопреки законам войны, не имеем части в твоей до-
27 быче. А теперь ты хочешь отнять у нас в Сицилии Лилибей,
с самого начала принадлежавший готам, пустую скалу, го-
сударь, не имеющую никакой ценности, которую было бы
вполне естественно для тебя дать в качестве вознаграждения
Аталариху, оказавшему тебе содействие в тяжелые для тебя
времена, если бы даже этот Лилибей принадлежал с самого
28 начала твоей империи». Вот что Амалазунта официально
написала императору; в тайных же переговорах она согласи-
29 лась отдать ему во власть всю Италию. Вернувшись назад
в Византию, послы сообщили обо всем императору Юсти-
ниану: Александр — то, что задумала сделать Амалазунта,
Деметрий и Гипатий — то, что они слышали от Теодата.
а также что Теодат пользуется в Этрурии (Тоскане) великою
властью, владея там большею частью земли, и поэтому может
30 выполнить условие без всякого труда. Очень обрадованный
всем этим, император тотчас послал в Италию Петра, по про-
исхождению иллирийца; родился он в Фессалонике, был од-
ним из риторов в Византии, человеком выдающегося ума,
мягкого характера и обладающий даром убеждения.

1 4. Пока происходило здесь все это, многие этруски (то-
сканцы) жалуются Амалазунте на Теодата на то, что он на-
сильничает над всеми людьми в этой провинции и без всяких
рассуждений отнимает земли как частновладельческие, так
и имения императорского дома, которые римляне обычно
2 называют «удельными» (*patrimonium*). Поэтому Амалазунта
призвала Теодата к ответу, и так как он совершенно опре-
деленно был уличен обвинявшими его, то она заставила его
отдать и возместить все то, что он отнял неправильно, и толь-
3 ко тогда отпустила его. С этого времени она вызвала к себе
у этого человека, считавшего себя обиженным, самую жесто-
кую ненависть, и на все остальное время он являлся ее вра-
гом, так как, мучаясь сильнейшим корыстолюбием, он уже

не имел возможности ни совершать правонарушения, ни производить насилия.

4 К этому времени Аталарих, истощенный болезнью, умер,¹⁵
прожив с титулом короля восемь лет. Тогда Амалазунта
(ей суждено было испытать такую гибель), не приняв совер-
шенно во внимание ни характера Теодата, ни того, что она
недавно сделала против него, сочла, что для нее не произой-
дет от него ничего неприятного, если она сделает этому чело-
5 веку большое добро. Она послала за ним, и когда он явился,
дружески приняв и успокаивая его, она стала говорить, что
давно хорошо знает, какой <плохой> славой пользуется ее
сын, что скоро он должен умереть (она слышала, что все
врачи одинаково это утверждают, да и сама она замечает,
6 как тает тело Аталариха). Так как она видела, что по отно-
шению к самому Теодату, к которому в конце концов свелся
род Теодориха, мнение у готов и италийцев не очень высокое,
она поставила себе целью <своим требованием возмещения>
очистить его от такого плохого мнения, чтобы ничто не могло
7 помешать ему, в случае если он будет приглашен на престол.
Вместе с тем она обошла и закон: если бы пришлось жалую-
щимся на него за то, что он их обидел, обратиться сюда, то
они не имели бы кому сообщить о случившемся с ними,
а своего владыку они имели бы настроенным против себя.
8 Благодаря этому его, очищенного ею от таких обвинений,
она призывает на престол. Но самыми страшными клятвами
он должен обязаться, что к нему, Теодату, переходит только
титул короля, а что сама Амалазунта, как и прежде, будет
9 обладать все той же фактической властью. Когда Теодат
это услышал, он поклялся во всем, что было угодно Амала-
зунте, но согласился он на это со злым умыслом, помня,
10 что раньше она сделала против него. Таким образом, Амала-
зунта, обманутая и собственными намерениями и клятвен-
ными обещаниями Теодата, провозгласила его королем.
11 И отправив в Византию послов из числа важных готов, она
сообщила об этом Юстиниану.

12 Теодат, получив главную власть, стал действовать со-
вершенно обратно тому, на что надеялась Амалазунта и что
13 он сам обещал. Он приблизил к себе тех родственников из

готов, которые были ею убиты, а их среди готов было много, и они пользовались большим почетом; из числа же приближенных к Амалазунте он внезапно некоторых убил, а ее самое заключил под стражу еще прежде, чем послы успели притти в Византию.¹⁶ В Этрурии (Тоскане) есть озеро, под названием Вульсина, в середине которого находится остров, сам по себе очень маленький, но имеющий сильное укрепление. Заключив здесь Амалазунту, Теодат стерег ее. Боясь, как бы за такой поступок император не рассердился на него (как это и было на самом деле), он отправил из римских сенаторов Либерия и Опиллиона с некоторыми другими с поручением всеми силами умиловить гнев императора, утверждая, что с его стороны ничего не сделано неприятного для Амалазунты, хотя она прежде совершала против него ужасные и нетерпимые поступки. Это он и сам написал императору и заставил написать хоть и против воли также и Амалазунту. Вот что происходило тогда там. Петр же в качестве посла был уже в пути; ему были даны императором предварительные инструкции встретиться тайно от всех других с Теодатом и, дав ему клятвенные уверения, что ничего из того, о чем они ведут переговоры, не станет кому бы то ни было известным, спокойно заключить с ним договор относительно Этрурии (Тосканы); а затем, тайно встретившись с Амалазунтой, он должен был со всей ловкостью договориться с ней обо всей Италии, как будет полезно для них обоих. Официально же он шел послом для переговоров о Лилибее и обо всем остальном, о чем я только что упомянул (гл. 3, § 15). Император еще ничего не знал ни о смерти Аталариха, ни о том, что королевскую власть получил Теодат, ни о том, что случилось с Амалазунтой. На пути Петр, прежде всего встретившись с послами Амалазунты, узнал об избрании Теодата. Немного позднее, находясь в городе Авлоне, лежащем у Ионического залива, он встретился с посольством Либерия и Опиллиона и узнал от них обо всем случившемся. Послав обо всем этом доклад императору, он остался ожидать приказаний в этом городе.

22 Когда император Юстиниан услышал обо всем этом, он, имея в виду привести в смущение готов и Теодата, отправил

письмо Амалазунте, заявляя, что он сильнейшим образом озабочен тем, чтобы оказать ей покровительство, и поручил Петру этого отнюдь не скрывать, но совершенно открыто поставить это на вид самому Теодату и всем готам. Когда послы из Италии прибыли в Византию, то все остальные рассказали императору, все как было, и больше всего Либерий. Это был человек исключительных нравственных достоинств, умевший говорить только правду. Один только Опилион неизменно утверждал, что со стороны Теодата по отношению к Амалазунте не было совершено никакого насилия. Когда Петр прибыл в Италию, то Амалазунты уже не было в живых. Дело в том, что родственники тех готов, которые были ею убиты, явившись к Теодату, настаивали, что ни он, ни они не могут жить и чувствовать себя в безопасности, если Амалазунта возможно скорее не будет устранена. Он согласился с ними, и они, явившись на остров, тотчас же убили Амалазунту. Ее смерть вызвала огромную печаль среди всех италийцев и остальных готов: эта женщина, как я сказал несколько раньше, в высокой степени выдавалась всякого рода достоинствами. В силу этого Петр перед лицом Теодата и других готов заявил, что, так как они совершили столь ужасное преступление, то и с ними самими император будет вести беспощадную войну. Теодат, по обычной своей низости оказывая убийцам Амалазунты почести и уважение, хотел убедить Петра и императора, что это кровавое дело совершенно готами менее всего по его желанию и с его согласия, наоборот, против его воли и при всяком его противодействии.

1   5. В это время огромной славой пользовался Велизарий ввиду недавней своей победы над Гелимером и вандалами. Узнав о том, что постигло Амалазунту, император тотчас решил начать войну; это был девятый год его царствования.

2   И Мунду, главнокомандующему в Иллирии, он приказал двинуться в Далмацию, бывшую под властью готов, и попытаться захватить Салону. Мунд был родом варвар, но исключительно предан интересам императора и очень сведущ в военном деле. Велизария же император послал с флотом, дав ему

3   из кадровых солдат и союзников четыре тысячи и из исавров приблизительно три тысячи. Начальниками были прославлен-

ные Константин и Бесс из Фракии и происходивший из царского дома иберов Пераний из Иберии, пограничной с мидийцами; он уже давно пришел к римлянам в качестве перебежчика вследствие ненависти к персам. Кадровыми всадниками командовали Валентин, Магн и Иннокентий, пехотой — Геродиан, Павел, Деметрий и Урсидин; начальником исавров был Енн. В качестве союзников следовало двести гуннов и триста мавров. Над всеми главнокомандующим был Велизарий, который имел с собой много прославленных преторианцев, копье- и щитоносцев. Отправился с ним и сын его жены Антонины от первого брака, Фотий; он был еще молод и первый пух бороды украшал его лицо, но он отличался замечательным разумом и обладал физической силой большей, чем соответствовало возрасту. Император дал Велизарию инструкцию делать вид, что он направляется в Карфаген; когда же он прибудет в Сицилию, то высадиться там под предлогом какой-то необходимости и попытаться захватить остров; если возможно будет подчинить его себе без труда, то завладеть им и уже не выпускать из своих рук; если же встретятся какие-либо затруднения, то плыть спешно в Ливию, не дав никому заметить подобного плана.

Также и к королям франков он написал следующее: «Захватив нам принадлежавшую Италию силой, готы не только не имели ни малейшего намерения возратить ее нам, но еще прибавили нестерпимые и огромные обиды. Поэтому мы были принуждены двинуться на них походом, и было бы правильно, если бы вы помогли нам в этой войне, которую делает общей для нас православная вера, отвергающая арианские заблуждения, и наша общая к готам вражда».

Вот что написал император и, послав им богатые денежные подарки, он соглашался дать им еще больше тогда, когда они приступят к выполнению этого дела. Они с большой готовностью обещали ему свое содействие. Между тем Мунд с бывшим при нем войском прибыл в Далмацию и, вступив в сражение с готами, которые там выступили против него, победил их в открытом бою и завладел Салоной. А Велизарий, переплыв в Сицилию, захватил Катану; двинувшись оттуда, он без всякого труда овладел Сиракузами и другими

городами, добровольно сдавшимися ему. Исключение составили только готы, которые охраняли Панорм; они, полагаясь на его стены (это место было сильно укреплено), совершенно не желали сдаваться Велизарии и требовали, чтобы он медленно увел отсюда войско. Поняв, что с суши взять это укрепление невозможно, Велизарий велел флоту войти в гавань, доходившую до самых стен. Гавань эта находилась вне укреплений и была совершенно безлюдна. Когда корабли стали здесь на якорь, оказалось, что их мачты выше зубцов укреплений. И вот тотчас, наполнив шлюпки всех судов стрелами, он подвесил их на край мачт. Непреодолимый страх охватил готов, когда их стали поражать сверху, и они тотчас добровольно сдали Велизарии Панорм. С этого времени император имел уже под своею властью всю Сицилию и мог наложить на нее подать. Трудно передать, насколько удачно провел Велизарий все это предприятие. Получив звание консула за победу над вандалами, он был еще облечен этим званием, когда он покорил всю Сицилию и в последний день своего консульства он совершил свой въезд в Сиракузы, горячо приветствуемый войском и сицилийцами и разбрасывая всем золотые монеты. Это сделано было им не с заранее обдуманном намерением, но для него случайно совпали эти счастливые обстоятельства, что в тот самый день, когда он вновь приобрел для римлян весь этот остров, он вступил в Сиракузы, и не в сенате, как обычно в Византии, а здесь, в Сицилии, он сложил свою консульскую власть и остался консуляром. Вот какой успех выпал на долю Велизария.

31 дека-
бря 535
год н.э.

1   **6.** Когда Петр узнал об этом, он стал оказывать еще боль-
2   шее давление на Теодата и не переставал пугать его. Теодат, охваченный страхом и как бы лишившись дара речи, все равно как если бы он сам был уже вместе с Гелимером взят в плен, тайно от всех остальных вступил с Петром в переговоры, и между ними было заключен договор, в силу которого Теодат уступает императору Юстиниану всю Сицилию и каждый год будет посылать ему золотой венец в триста фунтов весом и по первому его требованию три тысячи (лучших) готских воинов. Сам же Теодат не будет иметь права убивать кого бы то ни было из духовенства или сенаторов

или конфисковать в казну их имущество без согласия императора. Если кого-либо из своих подданных Теодат пожелает возвести в звание патриция или дать ему другой какой-либо, сенатский ранг, то это он будет делать не лично, но будет просить императора давать его. При приветствиях в театрах или на гипподромах, или в других каких-либо местах, как это обычно делается римским народом, на первом месте должно возглашаться имя императора, а затем Теодата. Статуи из меди или из другого материала никогда не должны ставиться одному Теодату, но всегда обоим и ставиться таким образом: направо — императора, а по другую сторону, т. е. налево, Теодату. Подписав на этих условиях договор, Теодат отправляет к императору посла.

Немного спустя беспокойство охватило душу этого человека; он впал в безграничный страх, мысли его мешались в ужасе от одного имени войны; ему казалось, что предстоит немедленная война, если только император в чем-либо не согласится с тем, о чем они договорились с Петром. Вновь вызвав к себе Петра, который был уже в Албании, как человек, желающий тайно посоветоваться, он стал допытываться у него, как он думает, будет ли император доволен их договором? Когда Петр сказал, что он предполагает, что да, он спросил: «А если ему это не понравится, что тогда будет?» Тогда Петр сказал: «Тогда тебе, светлейший, придется вести войну». «А разве это, милейший посол, справедливо?» сказал Теодат. Тогда Петр, прервавши его, ответил: «А разве, дорогой мой, несправедливо для каждого выполнять со всем старанием стремления своей души?» «Что это значит?» — спросил Теодат. «А то, — ответил Петр, — что у тебя главнейшее стремление заниматься философией, а у императора Юстиниана — быть славным и могущественным. Разница в том, что тебе, человеку, преданному философии, и особенно последователю платоновской школы, быть виновником смерти людей, да еще в таком числе, вовсе не подобает; ведь ясно, что для тебя — это нечестие, если ты не будешь проводить жизнь так, чтобы быть совершенно свободным от всякого убийства; для Юстиниана же вовсе не недостойно стараться приобрести страну, издревле

11 принадлежавшую управляемой им империи». Убеденный та-
кими соображениями, Теодат согласился отказаться от власти
12 в пользу императора Юстиниана, и в этом как он сам, так
и его жена принесли клятву. С своей стороны и Петр дал
клятвенное обязательство, что он сообщит об этом решении
13 только тогда, если увидит, что император не принял преж-
него договора. И для заключения этого договора он послал
с ним Рустика, одного из духовенства и человека ему наибо-
лее близкого, римлянина родом; им обоим он вручил также
и письма.

14 Прибыв в Византию, Петр и Рустик, согласно поручению,
данному им Теодатом, сообщили императору первые усло-
вия. Когда император решительно отказался принять этот
договор, они предъявили ему те письма, которые были напи-
15 саны впоследствии. Содержание их было таково: «Я не чужой
в жизни дворца, так как я родился во дворце моего дяди
и воспитан достойно своего происхождения; но я очень не-
опытен в деле войны и во всех тех волнениях, которые свя-
16 заны с нею. С детства я был охвачен любовью к философским
беседам и всегда занимался этой наукой; до сих пор мне
17 удавалось оставаться очень далеко от военных бурь. Таким
образом, менее всего прилично мне из-за стремления к цар-
ским почестям проводить жизнь среди опасностей, тогда как
я могу окончательно избавиться и от того и от другого.
18 Ни то, ни другое мне не доставляет удовольствия: первое,
так как до тошноты выказываемый почет вызывает пресы-
щение ко всяким удовольствиям; второе же из-за отсут-
19 ствия привычки приводит душу в смущение. Лично я, если
бы у меня были имения с ежегодным доходом не меньше чем
в тысяча двести фунтов золота, не так бы уж высоко поста-
вил свое царское достоинство и тотчас же передал бы тебе
20 власть над готами и италийцами. Лично я с большим удоволь-
ствием предпочел бы, не занимаясь никакой политикой,
стать земледельцем, чем проводить жизнь в царских забо-
21 тах, посылающих мне одни опасности за другими. Пошли же
возможно скорее человека, которому бы я мог передать Ита-
22 лию и все государственные дела». Таково было содержание
письма Теодата. Император, до крайности обрадованный,

ответил ему следующее: «Давно уже по слухам я считал
тебя человеком разумным, теперь же я убедился в этом на
23 опыте, видя, что ты решил не кидаться очертя голову во все
крайности войны. Некоторые уже испытали такую преврат-
24 ность судьбы, обманувшись в своих величайших надеждах.
И ты никогда не раскаешься, что вместо врагов ты сделал
нас своими друзьями. Ты будешь иметь все то, что ты просишь
25 от нас; кроме того, ты получишь все высшие звания в римском
государстве. В данный момент я посылаю к тебе Афанасия
и Петра, чтобы было положено твердое основание нашему
взаимному договору. А вскоре прибудет к тебе и Велитарий,
26 чтобы завершить все то, о чем мы с тобой договорились». Так император писал Теодату; он послал к нему Афанасия,
брата Александра, который, как было сказано, был от него
раньше послом к Аталариху, и опять того же ратора Петра,
о котором я упоминал выше, поручив им предоставить Тео-
дату дворцовые имения, которые они называют «удельными»
(*patrimonium*), сделать письменный договор и подтвердить его
клятвами и для этого вызвать из Сицилии Велитария с тем,
27 чтобы он, взяв в свое распоряжение дворец и всю Италию,
держал бы их под своей охраной. А Велитарю он послал
сообщение, чтобы он, будучи вызван Афанасием и Петром,
поспешно прибыл к ним.

1 7. В то время как император действовал таким образом
и его послы были отправлены в Италию, готы под началь-
ством Азинания, Гриппа и других большим войском при-
2 были в Далмацию. Когда они близко подошли к Салонам,
с ними встретился сын Мунда, Маврикий, вышедший с неболь-
3 шим числом воинов не для битвы, а для разведки. Тем не
менее произошла сильная схватка, в которой со стороны
готов пали первые и храбрейшие, римляне же — почти все,
4 вместе со своим предводителем Маврикием. Когда об этом
услыхал Мунд, глубоко потрясенный таким несчастьем и
охваченный сильным гневом, он тотчас же двинулся против
5 неприятелей без всякого порядка. Произошел горячий бой,
но можно сказать, что римляне одержали Кадмейскую по-
беду.²⁶ Очень многие из врагов здесь пали, остальные явно
обратились в бегство, но Мунд, убивая и преследуя подряд,

как придется, всех, совершенно неспособный сдерживаться вследствие горя о погибшем сыне, пал пораженный кем-то из бегущих; вследствие этого прекратилось преследование, и оба войска разошлись каждое на свое прежнее место.

6 Тогда римляне вспомнили и уразумели предсказание Сивиллы, которое, произносимое в прежнее время, им казалось

7 какой-то несообразностью. Это предсказание говорило, что когда будет захвачена Африка, то «мир погибнет с потомством». Но это предсказание говорило вовсе не об этом; предсказывая, что действительно Ливия вновь будет под властью римлян, оно предсказывало также и то, что погибнет и Мунд вместе с сыном. Оно звучало так: «Africa capta Mundus cum nato peribit». Так как латинское слово «Мунд»

8 обозначает также и мир, вселенную, то все думали, что это предсказание касается мира. Но довольно об этом. В Салоны

9 не вошло ни одно из вражеских войск. Римляне, оставшись совершенно без начальников, удалились домой, а готы, так как у них не осталось ни одного из храбрейших воинов,

10 охваченные страхом, заняли в этой стране укрепленные замки; они не доверяли стенам Салон, тем более что жившие там римляне относились к ним не очень дружелюбно.

11 Когда Теодат услышал об этом, то к послам, уже прибывшим к нему, он стал относиться с полным пренебрежением. По своей природе он был склонен к коварству, у него никогда не было ни твердого слова, ни твердого решения, но всегда данный момент приводил его безрассудно и несоответственно

12 бывшему в данный момент положению дел то в безграничный ужас, то, наоборот, внушал ему чрезмерную дерзость. Так и тогда, услышав о смерти Мунда и Маврикия, он чрезмерно воспрянул духом, совершенно несоответственно тому, что произошло, и решил для себя возможным издеваться над

13 прибывшими к нему послами. Когда Петр стал как-то упрекать его за то, что он нарушил договор с императором, Теодат, вызвав обоих послов, публично сказал им следующее:

14 «Священным и высокочтимым считается у всех людей звание посла; но это почетное звание послы сохраняют за собой только до тех пор, пока они своим приличным поведением

15 охраняют достоинство звания посла. Но по общечеловече-

скому закону считается вполне законным убить посла, если он уличен в преступлении против государя или если он взошел на ложе чужой жены». Такую фразу Теодат бросил против Петра, не потому что он сошелся с какой-либо женщиной, но для подтверждения того, что естественно могут быть обвинения, которые приводят посла к смертной казни. Но послы ответили ему следующими словами: «Дело вовсе не так, как ты говоришь, о вождь готов, и ты не можешь сделать виновными в тяжких преступлениях послов, выдвигая против них столь неразумные предлоги. Послу, которому нельзя получить глоток воды без согласия тех, которые его стерегут, сделаться любовником не так-то легко при всем его желании. За те же речи, которые он может сказать, выслушав их от того, кто его послал, вину, конечно, нести должен не он, если они окажутся не очень приятными, но это обвинение следует по справедливости предъявить тому, кто велел ему их передать; долг посла заключается только в том, чтобы выполнить поручение. Так что мы скажем все, что мы слышали от императора и с чем мы были им посланы; ты же выслушай это с полным спокойствием, так как, если ты придешь в волнение, тебе придется совершить преступление против личности послов. Итак, уже время тебе добровольно выполнить то, о чем ты договорился с императором. За этим только мы и пришли. Письмо, которое он тебе написал, ты уже получил от нас; послание же, с которым он обращается к первым лицам среди готов, мы никому не отдадим, кроме их самих». Когда присутствовавшие тут начальники варваров услышали такие слова послов, они поручили вручить Теодату написанное к ним послание. Там значилось следующее: «Нашей заботой является принять вас в состав нашего государства, конечно, так, чтобы это доставило вам удовольствие. Вы придете к нам не для того, чтобы быть униженными, но чтобы сделаться еще более важными. Ведь мы приглашаем вас не с тем, чтобы вы соединились с людьми чуждого для вас образа жизни и приняли обычаи, неизвестные готам, но чтобы вы вернулись к тем, которые были вашими друзьями и с которыми на некоторое время вам пришлось расстаться. Для этого мы теперь посылаем к вам Афанасия

и Петра, совместно с которыми вам следует разрешить все
25 вопросы». Вот что говорило это письмо. Прочитав все эти
письма, Теодат решил не выполнять ничего из того, что он
обещал императору, и заключил послов под строгую стражу.

26 Император Юстиниан, услышав обо всем этом и о том,
Первый год войны, 535/6 г. н. э. что произошло в Далмации, послал в Иллирию Констанциана,
начальника императорских конюшен, предписав ему там
набрать войско и попытаться захватить Салоны каким бы то
ни было способом; а Велизария он приказал с елико возмож-
ной быстротой идти в Италию и действовать против готов,
27 как против врагов. Констанциан прибыл в Эпидамн и задер-
жался там некоторое время, собирая войско. За это время
готы под начальством Гриппа с другим войском прибыли
28 в Далмацию и заняли Салоны. Констанциан, окончив все при-
готовления наилучшим образом и отплыв из Эпидамна со
всем флотом, пристал к Эпидавр — городу, находящемуся
направо для тех, кто плывет в Ионийский залив. Там были
29 люди, которых Грипп послал в качестве разведчиков. Когда
они увидели флот и пешее войско Констанциана, им показа-
лось, что все море и вся земля покрыты вооруженными воина-
ми, и, явившись к Гриппу, они утверждали, что Констан-
30 тиан ведет с собой огромное число мириад. Грипп впал
в великий страх и считал, что будет неблагоприятно встретиться
в открытом сражении с прибывающими силами; менее
всего он хотел быть осажденным императорским войском,
31 особенно столь сильным на море; больше всего его приводили
в смущение укрепления Салон, так как большая часть их
уже лежала в развалинах и отношение жителей этого города
32 к готам было весьма подозрительное. Поэтому, выйдя отсюда
со всем войском, он со всей поспешностью становится лаге-
рем на равнине, которая находится между Салонами и го-
родом Скардоной. Отправившись из Эпидавра, Констанциан
со всем флотом пристал к Лисине, находящейся в заливе.
33 Отсюда он послал некоторых из своих спутников с тем, чтобы
они разузнали, в каком положении находятся дела у Гриппа
и его войска, и дали бы ему об этом знать. Узнав от них обо
34 всем, он быстро направился прямо к Салонам. Когда он по-

* Разночтение: Константина.

дошел очень близко к городу, он высадил войско на сушу и спокойно оставался там; тем временем, выбрав из войска пятьсот человек и поставив над ними начальником Сифиллу, одного из своих телохранителей, он велел им занять теснины и узкий проход, которые, как он слышал, находятся в пригороде. Сифилла так и сделал. На следующий день Константин и все войско сухим путем и морем вошло в Салоны, и корабли стали в гавани на якорь. Константин прежде всего стал заботиться об укреплениях Салон, спешно восстанавливая все те их стены, которые лежали у них в развалинах. Что же касается Гриппа и войска готов, то, когда римляне заняли Салоны, они, на седьмой день поднявшись из своего лагеря, удалились в Равенну. Таким образом Константин оказался обладателем всей Далмации и Либурнии и привлек на свою сторону всех готов, которые жили в этих местах. Так шли в это время дела в Далмации. Кончалась зима, а с ней заканчивался и первый год войны, которую описал Прокопий.

8. Оставив гарнизоны в Сиракузах и Панорме, Велизарий с остальным войском переправился из Мессены в Региум (где по сказаниям поэтов была Сцилла и Харибда); сюда к нему ежедневно стекались окрестные жители. Свои укрепления места, которые давно уже у них стояли без стен, они нигде не занимали охраной из-за ненависти к готам: понятно, что готы особенно тяготились их настоящей <тяжелой> властью. Из числа готов перебежчиком к Велизарию явился Эбримут¹⁷ со всей своей свитой; он был зятем Теодата; его женой была дочь Теодата, Теодената. Тотчас же отправленный к императору, он получил много различных почестей и, кроме того, был возведен в звание патриция. Из Региума войско двинулось сухим путем через область бруттиев и луканцев, а флот из <многочисленных> кораблей следовал за ним близко от материка. Когда они прибыли в Кампанию, то они оказались там около приморского города, по имени Неаполя, укрепленного природой местности и занятого большим гарнизоном готов. Кораблям Велизарий велел стать на якорь в гавани вне досягаемости выстрелов, сам же, устроив лагерь рядом с городом, благодаря добровольной сдаче занял укрепление, которое находилось перед городом,

Второй
год
войны
536/7
год 2
н. э.

а затем жителям города по их просьбе позволил прислать в лагерь некоторых из знатнейших лиц с тем, чтобы они сказали, чего они хотят, и в свою очередь, услышав его требования, всенародно их объявили. Неаполитанцы тотчас же послали Стефана. Явившись к Велизарии, он сказал следующее: «Несправедливо ты делаешь, начальник, идя войной на нас, римлян, не совершивших притом никакого преступления. Мы населяем маленький город; в нем стоит гарнизон наших властителей-варваров, так что не в нашей власти, даже если бы хотели, противодействовать <им> в чем-либо. Да и этим воинам из гарнизона пришлось притти сюда и нас стеречь, оставив в руках Теодата детей, жен и все самое для них дорогое. Итак, если бы они что-либо сделали в вашу пользу, то будет ясно, что они предадут не город, а самих себя. Если следует сказать правду, ничего не скрывая, то вы ведете против нас войну в ущерб вашим личным интересам. Если вы возьмете Рим, то без всякого труда и Неаполь подчинится вам; но если вы будете отбиты от Рима, то, конечно, вы не будете спокойно владеть и Неаполем. Так что напрасно будет здесь вами потрачено время на осаду». Вот что сказал Стефан.

Велизарий на это ответил: «Хорошо или плохо обдумали мы, что явились сюда, об этом мы предоставим судить не неаполитанцам. Что же касается того, что подлежит вашему обсуждению, то мы хотели бы, чтобы вы, обдумав все, стали действовать так, как это в будущем могло бы вам принести пользу. Итак, примите в город войско императора, пришедшее для освобождения вас и других италийцев, и не выбирайте для себя из всего самое ужасное. Те, которые, избегая рабства или чего-либо другого столь же позорного, вступают в войну, получив успех в этой борьбе, имеют двойное утешение, приобретя вместе с победой также и свободу от всех несчастий; а побежденные, они получают для себя утешение, что не добровольно попали за худшей участью. Те же, кто мог бы и без всякого сражения стать свободными, вступают в борьбу, чтобы еще больше усилить свое рабство, даже в случае победы, если бы это и произошло, обманываются в самом важном для себя и, выйдя из этой войны в худшем

положении, чем им думалось, ко всякому другому своему
16 злосчастью прибавят еще печальное сознание <потерянных>
надежд.. Передай это неаполитанцам от моего имени; находя-
щимся же здесь готам мы предоставляем на выбор или вместе с
нами на все остальное время служить великому государю, или,
17 не испытав никакого зла, вернуться прямо домой. Но если они
вместе с вами отвергнут все эти предложения и осмелятся под-
нять оружие против нас, то и нам придется по необходимости
с божьей помощью поступить со всяким, кто нам встретится,
18 как с врагом. Если же неаполитанцы пожелают стать на сто-
рону императора и таким образом избавиться от тяжкого
рабства, то я даю гарантии и ручаюсь вам, что с нашей сторо-
ны будет сделано то, в надежде на что недавно (перешли на
нашу сторону) сицилийцы, и они до сих пор не имели основания
сказать, что наши клятвенные обещания оказались ложными».

19 Вот что Велизарий велел Стефану объявить всенародно.
Частным образом он обещал ему великие блага, если он
сумеет склонить неаполитанцев на сторону императора.
20 Вернувшись в город, Стефан объявил о словах Велизария
и высказал сам мнение, что бороться с императором — дело
21 опасное. Вместе с ним совместно действовал Антиох, родом
сириец, который уже давно жил в Неаполе, ведя морскую
торговлю, и пользовался здесь большой славой за свой ум и
22 честность. Но там были два ритора, Пастор и Асклепидот,
очень чтимые неаполитанцами, оба очень дружествен-
ные готам и менее всего желавшие изменения настоящего
23 положения. Оба они, задумав поставить переговоры в затруд-
нительное положение, убеждали народ предъявить Велизарию
много больших требований и взять от него клятвенное
обещание, что они будут немедленно выполнены. Написав
24 на листе список всех этих требований, таких, что никто даже
и не думал, чтобы Велизарий их принял, они дали их Стефану.
25 Когда он опять пришел в императорский лагерь, он по-
казал вождю это послание и спросил, угодно ли ему выпол-
нить все те требования, которые выдвигают неаполитанцы,
и в этом дать клятву. Велизарий обещал, что выполнит для
26 них все это и отправил его назад. Услыхав об этом, неапо-
литанцы уже были готовы принять условия и с возможной

27 поспешностью предложили императорскому войску войти
в город; они были убеждены, что лично для них не будет
ничего неприятного; в этом для них достаточным являлся
пример сицилийцев, которые недавно сменили тираннию
варваров на подчиненне императору Юстиниану, благодаря
28 чему им действительно удалось стать свободными и избавить-
ся от всяких тягот. И с большим шумом они бросились к во-
ротам, чтобы их открыть. Готам все то, что происходило,
не доставляло большой радости, но они, не имея возможности
29 этому помешать, держались в стороне. Тогда Пастор и Аскле-
пиодот, созвав в одно место народ и готов, сказали следующе-
е: «Что простые горожане на первое место ставят себя
и свое спасение, это вполне естественно, особенно, если не
посоветовавшись ни с кем из первых лиц города, они сразу
самостоятельно постановляют решение о делах, касающихся
30 всех. И пока еще не грозит нам вместе с вами общая гибель,
мы считаем необходимым, как это велит нам наш долг любви
31 к родине, дать следующие указания. Мы видим, граждане, что
вы всячески стремитесь передать и самих себя и город Вел-
лизарию, который обещает вам целые горы всяких благ и
готов в подтверждение этого принести самые торжественные
32 клятвы. Конечно, если он может обещать вам и то, что он
достигнет победного успеха в этой войне, то никто не стал бы
возражать, что согласиться на его условия для вас выгодно.
33 Не сделать всего, что может быть приятным для будущего
господина, конечно, явное безумие. Но если это покрыто
мраком неизвестности и никто из людей добросовестно не
может ручаться за исход судьбы, то смотрите, какие несча-
34 стия вы спсните навлечь на себя. Если готы окажутся на
войне победителями своих противников, то они накажут
вас, как своих врагов, и при этом таких, которые по отно-
35 шению к ним совершили самые ужасные преступления. Ведь
не под влиянием необходимости, а в силу вашей преступной
воли вы склонились к измене. А в результате этого и Вели-
зарию, если бы он победил врагов, конечно, вы будете ка-
заться подозрительными и предателями ваших вождей и,
как явных беглых рабов, естественно император будет все
36 время вас держать под надзором. Ибо тот, кто имеет дело

с предателем, в момент победы рад оказанной им помощи, впоследствии же у него в силу такого его поступка рождается подозрение, и он начинает ненавидеть и бояться своего благодетеля, перед своими глазами имея доказательства его неверности. Наоборот, если в настоящий момент мы окажемся верными готам, благородно противясь опасности, то они, победив врагов, сделают нам много хорошего, да и Велизарий, если по воле судьбы будет победителем, окажет нам снисхождение. Преданность, даже в случае неудачи, никем из людей не наказывается, если только он не совсем безумный. Каких бедствий боитесь вы от неприятельской осады? У вас нет недостатка в продовольствии, вы не отрезаны от подвоза всего необходимого, находитесь дома и, защищенные укреплениями и вот этим гарнизоном, вы можете смело чувствовать себя в безопасности. Смеем думать, что если бы у Велизария была какая-нибудь надежда взять город силой, он не заключил бы с нами такого договора. Ведь если бы он хотел действовать справедливо и с пользой для нас, то ему следовало бы не нагонять страх на неаполитанцев и не стараться собственную силу укреплять нашим преступлением против готов, но он должен был бы вступить в открытое сражение с Теодатом и готами, чтобы без всякой опасности для нас и без нашей измены город перешел во власть тех, кто победил». Так сказали Пастор и Асклепиодот; они вывели перед народным собранием иудеев, которые утверждали, что город не будет испытывать никакого недостатка в предметах первой необходимости; и готы решительно заявили, что будут тщательно охранять стены. Под их влиянием неаполитанцы предложили Велизарию возможно скорее уйти отсюда. Тогда он приступил к осаде. Делая многократные приступы, он был отбит от стен, потеряв много воинов и при этом таких, которым не раз приходилось отличиться своей доблестью. Укрепления неаполитанцев с одной стороны были защищены морем, а с другой недоступны вследствие трудных условий местности, и тем, кто задумал бы на них подняться, это было бы невозможно вследствие крутизны. Велизарий не очень испугал неаполитанцев, перерезав водопровод, который подавал воду в город, так как внутри укреплений были колодцы;

они вполне удовлетворяли жителей и не очень дали почувствовать отсутствие водопровода.

1   9. Осажденные тайно от врагов не раз посылали в Рим к
Теодату, прося возможно скорее прислать им помощь. Но Тео-
дат очень плохо вел военную подготовку, будучи, как я сказал
2 выше, по природе своей человеком невоинственным. Говорят,
что с ним произошло еще нечто другое, что особенно его пора-
зило и повергло его в еще больший страх; я не очень верю
3 этим рассказам, но все же я их передам. Теодат и раньше был
весьма склонен обращаться к тем, кто говорил, что может
предсказывать будущее; и теперь, находясь в постигших его
тяжелых обстоятельствах и не видя выхода, что обычно тол-
кает людей к гаданиям и предсказаниям, спросил одного из
евреев, пользовавшегося в этом отношении большой славой,
4 какой будет результат начавшейся войны. Он предложил
Теодату запретить три партии поросят по десяти штук в трех
помещениях, дать каждому десятку имя: одному — готов,
другому — римлян, третьему — императорских воинов и
определенное число дней оставить их в покое. Теодат так
5 и сделал. Когда наступил назначенный день, они оба, войдя
в эти помещения, стали осматривать поросят и нашли, что
из тех, кому было дано имя готов, остались в живых только
двое, все же остальные погибли; наоборот, живыми, за
немногими исключениями, были все те, которым было дано
имя императорских воинов; у тех же, которые были названы
римлянами, вылезла вся щетина, но живыми осталась при-
6 близительно половина. Когда Теодат это увидел и вывел
отсюда заключение об исходе войны, говорят, на него напал
великий страх: он ясно понял, что римлянам суждено вообще
вымереть наполовину и лишиться всех своих богатств, что
племя готов, побежденное на войне, будет сведено к очень
небольшому числу; а что император, потеряв немногих
7 из своих воинов, достигнет полной победы на войне. Вслед-
ствие этого, говорят, Теодат не проявил никакой энергии
в борьбе с Велизарием. Пусть обо всем этом каждый судит
так, как ему это кажется вероятным или невероятным.

8   Осаждая неаполитанцев и с суши и с моря, Велизарий
был очень сердит. Он не думал, что они когда-либо сдадутся

ему, а тем более он не надеялся, что сможет взять их силой, имея против себя главным образом неблагоприятные условия местности. Он мучился, что даром тратит здесь время, думая как бы не пришлось ему итти против Теодата и Рима зимою. Он уже собирался приказать всему войску собираться, намереваясь уйти отсюда возможно скорее. Но когда он находился в крайнем затруднении, ему на помощь пришел следующий счастливый случай. У одного из исавров явилось желание осмотреть постройку водопровода, его интересовало, каким образом вода им доставлялась в город. Уйдя в сторону от города, туда, где Велизарий перервал водопровод, он без всякого труда вошел в него, так как ввиду разрушения воды в нем не было. Когда он <идя по водопроводу> подошел к укреплениям, он встретил большой камень, положенный там не руками людей, но в силу природы места: древние строители водопровода, создавая это сооружение, сделали здесь сквозь него проход, не такой однако, чтобы мог пройти человек, но такой, что он давал проток для воды. Его ширина совершенно не соответствовала ширине водопровода, но в этой скале получилась узкая щель, совершенно непроходимая для человека, особенно одетого в панцырь или имеющего с собою щит. Исавринец сообразил, что для войска представляется не невыполнимой задачей проникнуть в город, если бы этот проход сделать чуть пошире. Будучи человеком простым, никогда не говорившим с важными начальниками, он, придя назад в лагерь, доложил об этом деле Павкарису, родом исавру, занимавшему важное место в числе телохранителей Велизария. Павкарис тотчас обо всем этом деле сообщил Велизарию. В радости от этого рассказа Велизарий вновь стал спокойно дышать, и, пообещав, что наградит этого человека крупной суммой денег, он стал побуждать его приступить к делу и приказал ему привлечь себе в товарищи кого-либо еще из исавров и сделать возможно скорее вырубку в этой скале, только велел остерегаться, чтобы не дать кому-либо заметить эту работу. Павкарис, отобрав всех исавров, которые были наиболее пригодны для этой работы, тайно вместе с ними всшел в этот водопровод. Дойдя до того места, где скала делала этот проход узким, они

приступили к работе, рубя скалу не топорами и секирами, чтобы шумом не дать знать неприятелям о том, что делается, но
21 какими-то острыми железными орудиями они непрерывно
скоблили ее. И в короткое время они сделали возможным для
человека, одетого в панцырь и со щитом, пройти этим
путем.

22 Когда все уже было в полном порядке, у Велизария
явилась мысль, что если войско проникнет в Неаполь с боем,
то и людям придется погибнуть и, кроме того, случится все
остальное, что обычно бывает с городом, взятым врагами.

23 Тотчас, послав за Стефаном, он сказал ему следующее:
«Часто видел я взятые города и по опыту знаю, что там про-
24 исходит: всех способных к войне мужчин убивают, женщин
же, которые сами просят о смерти, не считают нужным уби-
вать, но подвергают их насилию и заставляют переносить
25 всякие ужасы, достойные всяческого сожаления. Дети, ли-
шенные пропитания и свободного воспитания, должны в силу
необходимости становиться рабами и при этом рабами людей,
самых для них ненавистных, руки которых они видели оба-
26 гренными кровью своих родителей. Я не говорю уже, до-
рогой Стефан, о пожаре, которым уничтожаются все богат-
ства, весь блеск и красота города. То, что испытали раньше
взятые города, это, я как в зеркале вижу, придется испытать
и Неаполю. И я скорблю и за город и за вас самих. Против
27 него мною сделаны такие приготовления, что он не может быть
не взят. Я вовсе не радовался бы, если бы такая судьба по-
стигла древний город, искони имевший жителями христиан
и римлян, особенно когда я являюсь главным начальником
римлян: ведь у меня в лагере много варваров, потерявших
убитыми у этих стен своих братьев и родственников; если бы
они взяли город с боем, я не был бы в состоянии сдержать
28 их гнев. Поэтому, пока в вашей власти выбрать и сделать то,
что будет для вас лучше, примите более благоразумное ре-
шение и постарайтесь избежать несчастья. Если же оно вас
постигнет, как этого надо ожидать, то по всей справедливости
обвиняйте не вашу судьбу, но собственную волю».

29 С такими словами Велизарий отпустил Стефана. Стефан
выступил перед неаполитанским народом, обливаясь слезами,

и с плачем и стенаниями он сообщил им все, что слышал из
30 уст Велизария. Но, видимо, не суждено было неаполитанцам
стать подданными императора, не испытав жестокого нака-
зания: неаполитанцы не испугались и не высказали желания
сдаться Велизарю.

1 10. Тогда Велизарий установил следующий порядок для
проникновения в город. С наступлением ночи, отобрав около
четырёхсот человек и поставив во главе их Магна, который
командовал всей конницей, и начальника исавров Энна,
он велел им всем надеть панцыри, взять щиты и мечи и ожи-
2 дать спокойно, пока он не даст знака. Послав за Бессом, он
велел ему оставаться при нём, говоря, что он хочет посове-
3 товаться с ним относительно войска. И когда была уже
глубокая ночь, он сообщил Магну и Энну, что им предстоит
сделать, и указал место, где прежде был разрушен водопро-
вод; он велел им ввести в город своих четыреста воинов,
4 захватив с собою светильники. Он послал с ними двух лиц,
умеющих играть на трубе, с тем чтобы они, будучи внутри
укреплений, могли привести в замешательство (этими зву-
ками) город и дать знать своим, что поручение выполнено.
5 Сам он держал наготове возможно большее число лестниц,
которые были заранее заготовлены. Посланные, проникнув
в водопровод, двигались в середину города, а сам Велизарий
с Бессом и Фотием оставался на месте и вместе с ними все
6 приводил в порядок. Он послал по лагерю людей с поручением
приказать всем бодрствовать и держать оружие в руках.
Около себя он собрал большой отряд тех, кого он считал
самыми смелыми. Из тех, которые пошли в город, приблизи-
тельно половина, испугавшись опасности, вернулась назад.
7 Так как Магн, несмотря на усиленные увещания, не мог
убедить их следовать за собой, то он вместе с ними вернулся
8 к главнокомандующему. Велизарий обратился к ним с суро-
выми и обидными словами и, выбрав из тех, кто окружал
его, около двухсот, велел им идти с Магном. Желая вести
их, вскочил в проход водопровода и Фотий, но Велизарий
9 ему этого не позволил. Устыдившись упреков начальника
и Фотия, также и те, которые только что старались бежать
от опасности, вновь почувствовали смелость подвергнуться

10 ей и последовали за первыми. Боясь как бы кто-либо из не-
приятелей не заметил, что задумано и выполняется (дело
в-том, что неприятельские воины держали караул на башне,
которая была очень близка к водопроводу), Велизарий пошел
туда и велел Бессу на готском языке вступить в разговор
с варварами, чтобы какой-нибудь шум оружия не дошел до
11 них. И Бесс, громким голосом обратившись к ним, увещевал
сдаться Велизарию, заявляя, что за это они получают боль-
12 шие награды. Готы же издевались над ним, сильно оскорбляя
и Велизария и самого императора. Вот что делали тут Вели-
зарий и Бесс.

13 Неаполитанский водопровод, доходил не только до стены,
но таким же образом проходил и через большую часть города,
имея высокий свод, сделанный из обожженного кирпича,
так что, оказавшись в середине водопровода, все воины,
шедшие с Магном и Энном, не могли нигде спуститься на
14 землю. Они не могли оттуда никуда и уйти, пока передовые
не дошли до места, где водопровод случайно не имел крыши
15 и где находился дом, оставленный без всякого внимания. В нем
жила женщина, одинокая и очень бедная, а над водопроводом
16 росла маслина в виде дерева. Когда воины Велизария увидели
небо и заметили, что находятся в середине города, они решили
сойти на землю, но у них не было никаких средств выйти
из водопровода, особенно в таком вооружении. Стены здания
здесь были высокие и не было лестницы, по которой можно
17 было бы подняться кверху. Воины находились в большом
недоумении, и их собралось много в этом узком проходе,
так как большая толпа тех, которые шли позади, вливалась
сюда же; и вот у кого-то явилась мысль попытаться подняться
18 кверху. Тотчас же положив оружие, изо всех сил работая
ногами и руками при подъеме, он вошел в жилище женщины.
Увидав ее там, он пригрозил ей, что убьет ее, если она не
19 будет молчать. Пораженная ужасом, она оставалась без-
гласной. Он же, сплетя из древесины оливы крепкую веревку,
сбросил другой конец этой веревки в водопровод. Держась
20 за него, каждый воин с трудом поднимался наверх. Когда
все вышли, оставалась последняя четверть ночи; они все
двинулись к стене. Они убивают не ожидавших никакой

беды сторожей на двух башнях, находившихся на северной
стороне укреплений, где стояли Велизарий с Бессом и Фо-
21 тием, ожидая исхода предприятия. Звучком труб они стали
звать войско к стене, а Велизарий, приставив лестницы
к стене, велел воинам подниматься здесь на укрепления.
22 Но оказалось, что ни одна из лестниц не доходит до края
стены, так как рабочие делали их втемную, на-глаз, не имея
23 возможности получить точного размера. Поэтому они стали
связывать две лестницы вместе и по ним подниматься наверх,
так что воины оказались выше укреплений. Так шли здесь
дела у Велизария.

24 В той части укреплений, которые прилегали к морю и
где держали караул не варвары, а иудеи, воины не могли
воспользоваться лестницами, а потому и подняться на стены.
25 Эти иудеи были особенно ненавистны своим неприятелям:
ведь это они были виновниками, помешавшими Велизарию
взять город без боя, и поэтому у них не было никакой на-
дежды на спасение. Хотя город был уже взят, они продол-
жали храбро сражаться и, сверх ожидания, сопротивлялись
26 натиску неприятелей. Когда наступил день и некоторые
из перешедших стены двинулись на них, то и они, поражаемые
с тыла, стали обращаться в бегство. Неаполь был взят с боем.
Через ворота, которые были уже открыты, вошло в город
27 все римское войско. Те, которые были поставлены у ворот,
обращенных на восток, так как у них нигде не было под ру-
кой лестниц и так как эти ворота остались совершенно без
28 охраны, сожгли эти ворота: на этой стене не было никого,
29 так как стража обратилась в бегство. Тут произошло страш-
ное избиение. Все, охваченные гневом, особенно те, у которых
брату или родственнику суждено было погибнуть в битве
под стенами, избивали всякого попадавшего им навстречу,
не щадя возраста; врываясь в дома, они обращали в рабство
детей и женщин, грабили; особенно отличались массагеты,
которые не чтити даже храмов и многих бежавших туда
захватили в плен, пока Велизарий, повсюду проходя, не
запретил таких насилий и, созвав всех, не произнес следую-
щей речи: «Так как бог дал нам стать победителями и достиг-
30 нуть столь великой славы, отдав в наши руки город, который

до сих пор считался неприступным, то и нам необходимо не быть недостойными такой милости, но человеколюбивым отношением к побежденным показать себя по справедливости одолевшими их. Не проявляйте к неаполитанцам бесконечной ненависти и вражду к ним не продолжайте за пределы войны. Ведь никто из победителей не продолжает ненавидеть побежденных. Убивая их, вы не освобождаетесь на будущее время от неприятелей, но будете наказывать смертью своих же подданных. Поэтому дальше не делайте этим людям зла и не давайте своему гневу полной свободы. Ведь позорно оказаться победителями своих врагов и явно быть слабее своего гнева. Все их богатства да будут вам наградой за вашу доблесть, но жены с детьми да будут возвращены их мужьям. Пусть побежденные поймут на самом деле, каких друзей лишились они по своему неразумию». Сказав это, Велизарий отдал неаполитанцам женщин и детей и всех остальных пленных, не испытавших никакого насилия, и примирил с ними своих воинов. Так пришлось неаполитанцам в один этот день сделаться пленниками и вновь получить свободу, вновь приобрести самое ценное из своего имущества: ведь те, которые имели золото или другое что-либо ценное, давно уже спрятали их, зарыв в землю, и так как враги этого не знали, они, получив назад свои дома, смогли скрыть от них и свои богатства. Так окончилась осада, затянувшаяся приблизительно на двадцать дней. Взятых здесь готов, числом не меньше восьмисот, не испытавших никакого зла, Велизарий оставил при себе и держал их не в меньшем почете, чем своих воинов.

Пастор, который, как я раньше рассказал, внушал народу безумную решимость, когда увидал, что город взят, был поражен ударом и внезапно умер, хотя раньше он не хворал и не испытал ни от кого никакой другой неприятности. Асклепидот же, который действовал в этом деле совместно с Пастором, с оставшимися в живых знатнейшими лицами пришел к Велизарию. Издеваясь над ним, Стефан обратился к нему с такими бранными словами: «Смотри, о негоднейший из всех людей, какое зло причинил ты родине, отдав за благоволение готов спасение своих сограждан. Ведь если бы успех ока-

зался на стороне варваров, то ты удостоен был бы с их стороны награды и каждого из нас, дававших более благо-
разумные советы, обвинил бы в измене в пользу римлян.
42 Теперь же, когда император взял город и мы спасены благода-
ря благородству вот этого человека, ты столь бессовестно
осмелился явиться к главнокомандующему, как будто ты
не сделал ничего ужасного, достойного законного отмщения
ни по отношению к неаполитанцам, ни по отношению к войску
43 императора». Такие обвинения бросил Стефан в лицо Аскле-
пидота, глубоко страдая от несчастья неаполитанцев.
А этот ответил ему следующими словами: «Незаметно для
себя, любезнейший, ты воздал нам хвалу в тех словах, где
44 ты упрекаешь нас в расположении к готам. Ведь никогда
никто не может быть расположенным к своим владыкам,
находящимся в опасном положении, если это не человек,
обладающий твердым характером. Поэтому лично меня
победители найдут таким же твердым стражем своего госу-
дарства, каким недавно имели врагом, так как тот, кто по
своей природе имеет в душе чувство верности, не меняет
45 своих мыслей вместе с изменением судьбы. Ты же, если бы
их дела пошли не так удачно, готов был бы принять условия
первых пришедших сюда. Тот, кто страдает неустойчивостью
убеждений, чувствует страх и по отношению к самым близ-
46 ким друзьям не проявляет верности». Вот что со своей сто-
роны сказал Асклепидот. Когда же неаполитанский народ
увидал, что он уходит оттуда, то, собравшись толпой, они
стали упрекать его во всех своих настоящих несчастьях.
И поносили они его, не переставая до тех пор, пока не убили
47 и не разорвали его тело на мелкие кусочки. Равным образом
они пошли к дому Пастора и требовали к себе этого человека.
Когда его рабы утверждали, что Пастор умер, они меньше
всего сочли возможным поверить этому, пока им не показали
его труп. Неаполитанцы, взяв и его, посадили на кол в при-
48 городе. Затем они просили у Велизария прощения за то, что
они сделали, охваченные законным гневом, и, добившись
его прощения, разошлись. Так неаполитанцы спаслись от
этих бед.

1 11. Готы, которые были в Риме и в его окрестностях, уже

раньше крайне изумлялись спокойствию Теодата, что, несмотря на близость неприятеля, он не хочет вступить с ним в сражение; у них было сильное подозрение, что он сознательно хочет предать дело готов императору Юстиниану и что он заботится только о том, как бы ему жить спокойно, собрав возможно больше богатств. Когда же до них дошло известие, что Неаполь взят, то они, открыто упрекая его во всем этом, собрались в местечке, отстоящем от Рима на расстоянии двухсот восьмидесяти стадий, которое римляне называют Регета; им показалось, что здесь лучше всего стать лагерем, так как тут была большая равнина для прокорма коней. Тут протекала и река, которую местные жители по-латыни называют Деценноввиум («девятнадцатимильный»), так как она, пройдя в своем течении девятнадцать миль, что составляет сто тринадцать стадий, впадает в море около города Террацины, рядом с которым находится гора Цирцей; здесь, говорят, Одиссей жил с Цирцеей. По моему мнению, эти рассказы неверны, так как Гомер утверждает, что дом Цирцеи находился на острове. Но я должен сказать, что эта гора Цирцей, вдаваясь далеко в море, очень похожа на остров, и для тех, которые плывут очень близко от берега или идут пешком по нему, издали кажется островом. Когда же кто-либо попадет на эту гору, тогда он понимает, что ошибся и что его обмануло первое впечатление. Вот поэтому, конечно, Гомер мог назвать это место островом. Я возвращаюсь теперь к прерванному рассказу.

Когда готы собрались к Регете, то они выбрали себе и италийцам королем Витигиса,¹⁸ человека родом незнатного, но раньше очень прославившегося в битвах около Сирмия, когда Теодорих вел войну с гепидами. Услыхав об этом, Теодат быстро решил бежать и направился в Равенну. Но Витигис со всей поспешностью отправил одного из готов, Оптариса, поручив ему привести Теодата живым или мертвым. У этого Оптариса были с Теодатом дурные отношения вот по какой причине. Оптарис сватался за одну девушку, богатую наследницу, выдающуюся красотой. Теодат, подкупленный деньгами, отнял ее у жениха и выдал замуж за другого. Поэтому в силу своего гнева и желания угодить

в де-
набре,
536 год
н. э.

Витигису, Оптарис с величайшим рвением и поспешностью, непрерывно и днем и ночью преследовал Теодата. Он захватил его еще в пути и, повергнув на землю, убил его,¹⁹ как бы принося в жертву какое-либо священное животное. Таков был тяжкий конец и жизни Теодата и его царствования, продолжавшегося три года.

10 Витигис вместе с бывшими с ним готами вступил в Рим. Он с удовольствием узнал о постигшей Теодата судьбе, а его
11 сына Теодегискла заключил в тюрьму. Так как он увидел, что у готов ничего не приготовлено для войны, то он счел более благоразумным сначала пойти в Равенну и, организовав
12 там все возможно лучше, затем уже начать войну. Созвав всех готов, он сказал следующее: «Великие подвиги, дорогие товарищи по оружию, надо хотеть совершать не случайной удачей, благодаря подвернувшимся обстоятельствам, а на
13 основании благоразумно составленных планов. Часто во-время проявленная медлительность больше приносит пользы, а не во-время показанная стремительность у многих погубила надежду на благоприятный исход. Те, которые более
14 многочисленны, но не приготовлены к бою, сражаясь с равными силами неприятеля, побеждаются легче, чем те, которые вступают в сражение, имея меньше сил, но очень хорошо
15 подготовленные. Поэтому, побужденные внезапной гордостью, да не совершим мы во вред себе непоправимых поступков. Лучше, претерпев стыд на короткое время, сохранить славу на вечные времена, чем, избегая унижения в данный момент, покрыть себя позором естественно на все вре-
16 мена. Вы и сами, конечно, знаете, что как народ готов, так и в Галлиях, и у венетов, и в странах, самых отдаленных, все
17 находится, можно сказать, в готовности к войне. Кроме того, мы ведем войну и против франкских племен, ничуть не меньшую, чем эта; не приведя ее к благоприятному концу, приступать к другой войне является полным безумием. Ведь находящиеся между двух огней и не обращающие всех своих сил на одного врага естественно побеждаются своими против-
18 никами. Поэтому я лично заявляю, что нужно теперь немедленно идти отсюда в Равенну, положить конец войне с франками и, приведя все в надлежащий порядок, всем войском

19 готов двинуться против Велизария. И пусть никто из вас не
конфузится этого удаления и не боится, что его будут назы-
20 вать бегством. Мнение о трусости, во-время примененное,
помогло многим, равно и имя храбрости, проявленное не
21 в надлежащее время, обращалось потом в поражение. До-
стойно (умных людей) принимать во внимание и гнаться не
за блестящими именами дел, но за их полезностью. Не начало
дела обнаруживает доблесть человека, но конец указывает
22 на нее. Бегут от врагов не те, которые тотчас же, как только
хорошо подготовятся, идут против них, но те, которые,
желая навсегда сохранить себя целыми и невредимыми, устраи-
ваются с их пути. Пусть ни у кого из вас не будет страха,
23 что этот город может быть взят. Если <живущие в нем> рим-
ляне будут относиться к нам дружески, то они надежно сохра-
нят этот город за готами, и сами они не подвергнутся никакому
испытанию и нужде, так как в скором времени мы вернемся
24 к ним. Если же у них есть какой-либо замысел против нас,
то они меньше принесут нам вреда, приняв наших врагов
в город. Лучше против лиц, настроенных враждебно к нам,
25 сражаться в открытую. Но я позабочусь, чтобы не случилось
ничего подобного. Я оставлю здесь многочисленный отряд и
самого разумного предводителя, которых будет достаточно
для охраны Рима; так что и это устроится у нас благополучно
и от этого нашего удаления для нас не произойдет никакого
вреда».

26 Так сказал Витигис. Все готы одобрили его решение и
стали готовиться к отправлению. После этого Витигис обра-
тился с горячим убеждением к епискому города Сильверию,
к римскому сенату и народу; он напомнил им о времени прав-
ления Теодориха и усиленно советовал им относиться дру-
жественно к племени готов; затем, сверх всего обязав их са-
мыми страшными клятвами, отобрав не меньше четырех
тысяч человек и поставив над ними начальником Левдериса,
человека зрелого возраста и пользующегося великой славой за
свой разум, с тем чтобы они охраняли для них Рим, распоря-
дившись так, он с остальным войском двинулся в Равенну,
имея при себе в качестве заложников очень многих сенаторов.
27 Когда он прибыл туда, он против ее воли взял за себя замуж

Матазунту, дочь Амалазунты,²⁰ бывшую уже взрослой де-
28 вушкой, чтобы этим родством с родом Теодориха сделать
готов, всех их переписал и распределил по порядку, раздав
каждому из них согласно списку оружие и коней. Только тех
готов, которые охраняли Галлию, из страха перед франками
он не мог вызвать. Эти франки в древности назывались гер-
29 манцами. Где они вначале жили и каким образом перешли
в Галлию и как они стали врагами готам, я сейчас рас-
скажу.

- 1 12. Для плывущего из океана и Гадеса страна, лежащая
налево, как сказано в прежних книгах (III [1] гл. 1, § 6, 7),
носит название Европы, лежащая же против нее называется
Ливией, которая в дальнейшем получает название Азии.
- 2 О местностях, лежащих по ту сторону Ливии, в точности я не
могу рассказать. Там идут огромные безлюдные пустыни,
и потому начальных истоков Нила, который, как говорят,
3 течет оттуда по Египту, мы до сих пор так и не знаем. Европа
с того места, где она начинается, совершенно точно похожа
на Пелопоннес и с той и другой стороны омывается морем.
Первая страна, обращенная к океану, к западу, носит назва-
ние Испании вплоть до Альп, находящихся у Пиренейского
4 хребта. У местных жителей в обычае давать название Альп
проходам в ущельях. Страна, простирающаяся отсюда вплоть
до пределов лигуров, называется Галлией. Здесь другие
5 Альпы отделяют галлов от лигуров. Галлия естественно
много шире, чем Испания, так как Европа, начинаясь
с узкого (выступа), в дальнейшем расширяется до огромных
6 размеров. Эта страна с обеих сторон омывается водами:
с севера океаном, а с юга к ней подходит так называемое
7 Тирренское море. У галлов в числе других рек текут Рона
и Рейн. Обе эти реки имеют течение в противоположном на-
правлении: Рона впадает в Тирренское море, а Рейн — в
8 океан. Тут большие болота, где в древности жили германцы,
племя варварское, с самого начала не заслуживавшее боль-
9 шего внимания, которое теперь называется франками. Рядом
с ними жили арборихи, которые издавна наравне с жителями
всей остальной Галлии и Испании были подданными Рима.

10 За ними, по направлению к востоку, основалось варварское
племя турингов, там, где им дал места для поселения первый
11 римский император Август. Немного в стороне от них к югу
жили бургунды, к северу от турингов — свевы и аламаны,
могущественные племена. Все они издревле занимали эти
места, и все они были независимы.

12 С течением времени, напав на Римскую империю, они за-
владели всей Испанией и Галлией по ту сторону реки Роны
13 и сделали их своими данницами. Военную службу для рим-
лян несли тогда арборихи. Желая подчинить их себе как своих
соседей и как изменивших своему древнему политическому
строю, германцы стали их грабить и, будучи воинственными,
14 всем народом двинулись против них. Но арборихи, проявляя
свою доблесть и расположение к римлянам, показали себя
в этой войне людьми достойными. Так как германцы не могли
одолеть их силою, они сочли их достойными стать им товари-
15 щами и породниться друг с другом близким родством. Арбо-
рихи охотно приняли это предложение. Так как и те и другие
были православными, то они, таким образом, слились в один
16 народ и стали еще более сильными. Но и другие римские
воины были поставлены там для охраны в крайних пределах
17 Галлии. Так как они не имели никаких средств, чтобы вер-
нуться в Рим, а тем более ни в коем случае не хотели сдать
врагам, которые были арианами, то они себя со всеми зна-
менами, и ту страну, которую они издавна охраняли для
римлян, сдали арборихам и германцам; своим потомкам они
передали все свои традиции и сохранили обычаи своей ро-
18 дины, свято храня их и теперь. Их легко можно узнать по
номерам тех легионов, в которых в прежнее время они несли
военную службу; и в бой они идут, неся перед собой те зна-
мена, которые у них были, и всегда применяют законы
19 своей родины. Они сохранили также римский костюм как
во всем остальном, так и в своей обуви.*

20 Пока неизменным оставался государственный строй у
римлян, то Галлией, которая по сю сторону реки Роны,

---

* Некоторые, по конъектуре, переводят: «в своем головном боре». См. Comparetti.

владел император; когда же Одоакр переменял этот строй в тираннию, тогда с разрешения, данного им Одоакром, визиготы заняли всю Галлию до Альп, которые определяют
21 границы галлов и лигуров. После падения Одоакра туринги и визиготы, боясь силы германцев, уже ставшей очень значительной (они стали очень многочисленны и очень сильны и явно одолевали всех бывших на их пути), всячески старались заключить союз с готами и Теодорихом. Да и Теодорих, желая склонить их к дружбе, не считал недостойным для себя вступить с ними в родство. Поэтому он выдал замуж за бывшего тогда вождем визиготов Алариха младшего ²¹ свою дочь, девушку, Теодихузу, а за Герменефрида, главного начальника турингов, — дочь своей сестры Амалафриды,
23 Амалабергу. Вследствие этого франки из-за страха перед Теодорихом воздерживались от явного нападения на них и пошли войной на бургундов. Впоследствии между франками и готами был заключен союз и договор на предмет истребления бургундов, с тем чтобы каждый из них направил против
24 них войско; если одна из сторон откажется послать войско, а другая, двинувшись походом, победит бургундов и овладеет страной, которую они занимали, то победители от тех, которые не пошли с ними в поход, получают в виде пени условленную сумму золота, но и в этом случае эта завоеванная
26 земля становится общим достоянием их обоих. Германцы, согласно договору между ними и готами, с большим войском двинулись на бургундов, Теодорих же делал вид, что готовится к походу, но сознательно со дня на день откладывал
27 отправление войска, выжидая результата. Наконец, послав войско, он поручил начальникам войска двигаться возможно медленнее, а когда они услышат, что франки победили, остальной путь совершить возможно скорее; если же они узнают что с ними случилось что-либо по заслугам, чтобы они не
28 шли дальше, но оставались на месте. Они так и поступали, как велел им Теодорих; германцы же вступили в бой с бургундами одни. Битва была ожесточенная, и с обеих сторон было много убитых; долгое время исход битвы был нерешительным. Наконец франки обратили в бегство врагов и прогнали их в крайние пределы страны, которую они тогда за-

31 селяли, где у них тогда было много укреплений, а сами они
заяли всю остальную область. Услыдав об этом, готы яви-
лись со всей поспешностью. Когда союзники обратились к ним
с укоризненными словами, они стали ссылаться на трудность
32 пути по этой стране; уплатив пеню, они, как было договорено,
поделили землю с победителями. Отсюда еще яснее можно
понять предусмотрительность Теодориха, который, не по-
терев ни одного из своих подданных, за небольшую сумму
золота приобрел себе половину неприятельской земли.
Так вначале готы и германцы получили себе во владение
часть Галлии.

33 После этого германцы по мере роста их силы стали прене-
брежительно относиться к Теодориху и, перестав бояться
34 его, двинулись войной на Алариха и визиготов. Узнав об
этом, Аларих со всей поспешностью вызвал на помощь Тео-
дориха. Он двинулся ему на помощь с большим войском.
35 В это время визиготы, услыдав, что германцы стали лагерем
около города Каркасианы, двинулись им навстречу и, устроив
36 там лагерь, держались спокойно. Когда (у них) прошло дол-
гое время в таком ожидании, они стали выходить из себя и
негодовать, так как их страна опустошалась неприятелями.
37 В конце концов они стали оскорблять Алариха, говоря ему
неприятные речи по поводу его страха перед врагами и по-
ридая медлительность его тестя. Они утверждали, что они
38 равны силами и мужеством неприятелю и очень легко в бою
и одни победят германцев. Поэтому Аларих был принужден
39 вступить в сражение, хотя готы еще не пришли к ним на по-
40 мощь. Германцы в этом сражении оказались сильнее, и они
убили очень многих из визиготов и самого их короля Алариха.
41 Овладев большей частью Галлии, они усиленно стали осаж-
дать Каркасиану, так как они услыдали, что там находятся
царские сокровища, которые в прежнее время взял Аларих
42 старший, ограбив Рим. В числе их были драгоценности
иудейского царя Соломона, в высшей степени удивительные
по виду. Большинство из них было украшено драгоценным
43 камнем смарагда; их в древние времена римляне взяли
в Иерусалиме. Оставшиеся в живых визиготы выбрали себе
королем Гизелиха, побочного сына Алариха, так как Ама-

ларих, его сын от дочери Теодориха, был еще совсем маленьким ребенком. Но затем, испугавшись прибытия Теодориха с готским войском, германцы сняли осаду Каркасианы. Удалившись оттуда, они подчинили своей власти земли Галлии, лежащие по ту сторону Роны и обращенные к океану. Не имея возможности изгнать их оттуда, Теодорих разрешил им владеть ими, сам же он сохранил за собой обладание остальной Галлией. Устранив с пути Гизелиха, он всю власть над визиготами передал своему внуку по дочери, Амалариху, а так как он был еще маленьким мальчиком, то опекунство над ним он взял на себя. Взяв все сокровища, которые хранились в Каркасиане, он быстро вернулся в Равенну. Посылая в Галлию и Испанию начальников и войска, Теодорих работал над тем, чтобы предусмотрительно закрепить за собой навсегда власть над этими странами. На тамошних начальников он наложил определенные подати, которые они должны были ему посылать. Получая их каждый год, чтобы не показаться корыстолюбивым, он посылал войску готов и визиготов ежегодные подарки (донативы). Поэтому с течением времени готы и визиготы, будучи управляемы одним вождем и живя в одной стране, заключая взаимные браки между своими детьми, смешались и стали одним народом благодаря таким родственным отношениям.

После этого Тевдис, родом гот, которого Теодорих послал к войску в качестве начальника, женился на испанской женщине, не из рода визиготов, но из богатого местного дома, владевшей, кроме больших денежных средств в Испании, большими земельными богатствами. Собрав оттуда около двух тысяч воинов и окружив себя большим отрядом телохранителей, он правил готами на словах от имени Теодориха, на деле же он был явный узурпатор власти. Будучи человеком крайне благоразумным и опытным, Теодорих, опасаясь, как бы, в случае если он пойдет войной на своего подданного (а этого можно было ожидать), против него не двинулись франки или визиготы и не произвели бы какого-либо государственного переворота, не только не отрешил от власти Тевдиса, но повелел, чтобы он навсегда стоял во главе войска, если ему, Теодориху, придется пойти на войну. Однако

знатнейшим из готов он дал знать, чтобы они написали Тевдису, что было бы справедливо и достойно его мудрости, если бы он прибыл в Равенну для приветствия Теодориха. Все, что приказывал Теодорих, Тевдис выполнил и посылал безотказно ежегодную подать, но прибыть в Равенну он не пожелал и не обещал этого тем, которые писали ему об этом.

1   **13.** После смерти Теодориха франки, не имея опасных противников, двинулись походом на турингов, убили их короля Герменефрида и их всех подчинили своей власти.

2   Жена Герменефрида со своими детьми тайно ушла к свсему

3   брату Теодату, бышему тогда уже правителем готов. После этого германцы псшли войной на оставшихся бургундов и, победив их в сражении, заключили их короля в какое-то быгшее там укрепление, где и держали под стражей; их же самих, сделав своими подданными, заставили в дальнейшем, как взятых в плен с оружием в руках, участвовать вместе с ними в походах против неприятелей, а всю ту страну, которую прежде заселяли бургунды, подчинив себе, заставили

4   платить подать. Амаларих же, который считался королем визиготов, возмужав и боясь силы германцев, женился на

5   сестре Теодоберта, короля германцев, и Галлию разделил с готами и своим двоюродным братом Аталарихом так, что земли по сю сторону реки Роны получили готы, а власть над теми, которые были по ту сторону реки, была предоставлена визиготам. Они договорились, чтобы ту подать, которую установил Теодорих, они больше не платили готам, а те со-

6   кровища, которые Теодорих увез из Каркасианы, Аталарих добросовестно возвратил Амалариху. Так как оба эти пле-

7   мени вошли в близкое родство друг с другом, то каждому воину, заключившему брак с женщиной другого племени, было предоставлено на выбор, хочет ли он следовать за своей

8   женой, или увести к своему племени. И было много таких, которые увели своих жен, куда они сами пожелали, но многих

9   увели и их жены. Впоследствии Амаларих, став во враждебные отншения с братом своей жены, потерпел большую беду.

10   Его жена была православной веры, сам же он придерживался арианской ереси; поэтому он не позволял ей выполнять привычные ей обряды и выполнять богослужение по родным обы-

чаям и, так как он заставлял ее против воли принять его исповедание, он обращался с ней самым недостойным образом.

11 Не имея сил выносить этого, женщина передала обо всем этом брату. Вследствие этого германцы и визиготы вступили друг с другом в войну. Долгое время битва была крайне ожесточенной, но в конце концов Амаларих был побежден;

12 он потерял многих из своих близких и сам погиб. Теодоберт взял с собою свою сестру со всеми сокровищами и ту часть Галлии, которою, получив на свою долю, владели визиготы.

13 Из побежденных оставшиеся в живых с женами и детьми, поднявшись, из Галлии удалились в Испанию к Тевдису, уже явно ставшему узурпатором власти. Так Галлия перешла во власть готов и германцев.

14 Позднее, когда король готов Теодат узнал о прибытии Велизария в Сицилию, он заключил договор с германцами с условием притти готам на помощь в этой войне, получив за это ту часть Галлии, которая приходилась на долю готов,

15 и две тысячи фунтов золота. Он фактически еще не заключил этого договора, как его постигла предназначенная ему участь. Поэтому очень многие наиболее могущественные готы, под начальством Марция, охраняли тамошние места. Витигис не был в силах отозвать их оттуда, но, с другой стороны, он считал, что готы не будут в состоянии выдержать нападение франков, если они задумают произвести вторжение в Галлию и Италию (а этого можно было ожидать), когда он сам со

17 всем войском двинется к Риму. И вот, созвав всех готов, сохранивших в наибольшей чистоте дух готского племени, он сказал следующее: «Я собрал вас сейчас сюда, дорогие родичи, чтобы дать вам наставление не очень приятное, но для вас необходимое. Я хотел бы, чтобы вы выслушали его со спокойствием и кротостью и как следует подумали

18 о настоящем положении дел. Для тех, у кого дела идут не так, как им хочется, нет пользы обдумывать, как бы их устроить в настоящее время, если только они не хотят подчиниться необходимости. Все остальное у нас очень хорошо

19 приготовлено для войны. Мешают нам только франки, наши старинные враги; до сих пор мы могли противодействовать им и их удерживать, тратя на это то деньги, то жизнь собствен-

ных наших воинов, так как у нас не было никакого другого
20 врага. Но так как теперь мы принуждены идти на других,
нам необходимо будет прекратить с ними войну, прежде всего
потому, что если они останутся нам враждебными, то они
во всяком случае двинутся против нас вместе с Велизарием;
21 ведь сама природа вещей заставляет тех, которые имеют
одного и того же врага, заключить друг с другом дружбу
22 и союз. А затем, если мы отдельно будем вести войну против
каждого из этих врагов, то нам не избежать быть разбитыми
23 и там и здесь. Итак, лучше для нас, потерпев небольшой
ущерб, сохранить большую часть своих владений, чем, стре-
мясь сохранить все, погибнуть от руки врагов, погубив и
24 всю силу нашей власти. Поэтому я думаю, что, если мы дадим
германцам соседнюю с ними Галлию и те деньги, которые
вместе с этой страной обещал дать им Теодат, то они не только
перестанут питать к нам вражду, но и возьмутся вместе с нами
25 вести эту войну. А о том, чтобы нам опять, если дела у нас
пойдут хорошо, вернуть себе Галлию, пусть никто из вас
(пока) не разговаривает. Мне лично на память приходит
старинное изречение, повелевающее хорошо устраивать на-
26 стоящее». Выслушав слова Витигиса и считая это полезным,
они дали согласие выполнить все это. Поэтому тотчас отпра-
вляются послы к племени германцев с тем, чтобы передать
им Галлию и золото и заключить с ними военный союз.
27 Вождями франков были тогда Хильдеберт, Теодеберт и Кло-
тарий, которые, приняв Галлию и деньги, разделили их про-
порционально величине власти каждого из них; они согла-
сились быть в высшей степени дружественными готам и тайно
послать на помощь, но не франков, а из подчиненных им пле-
28 мен. Заключить открыто военный союз во вред римлянам они
не могли, так как немного раньше они согласились оказать
29 помощь в этой войне императору. Послы, выполнив то, ради
чего они были посланы, вернулись назад в Равенну. Тогда
Витигис мог отозвать и Марция с его силами.

1   **14.** В то время как Витигис все это делал, Велизарий го-
товился идти на Рим. Выбрав триста человек из кадровой
пехоты и поставив над ними начальником Геродиана, он
2 поручил им охрану Неаполя. Он послал гарнизон и в Кумы,

- каковой он считал достаточным для охраны там укрепления.
- 3 Других крепостей, кроме как в Кумах и в Неаполе, в Кампаниии не было. В этих Кумах местные жители показывают пещеру Сибиллы, где, говорят они, она давала свои предсказания. Кумы стоят у моря на расстоянии от Неаполя в сто
- 4 двадцать восемь миль. Когда Велизарий приводил свое войско в порядок, римляне в страхе, чтобы с ними не случилось того же, что пришлось пережить неаполитанцам, подумав, решили, что для них лучше впустить войско императора в город. Особенно к этому их побуждал архиерей города,
- 5 Сильверий. Послав к нему Фиделия, родом из Медиолана (Милана), города, расположенного в области лигуров, который раньше у Аталариха был ассессором (должность, которую римляне называют квестором), они пригласили Велизария войти в Рим, обещая сдать ему город без боя.
- 6 Он повел войско по Латинской дороге, оставив влево Аппиеву дорогу, которую римский консул Аппий девятьсот лет тому назад выстроил и дал ей свое имя. Аппиева дорога длиною в пять дней пути для идущего без багажа человека; она ведет
- 7 из Рима в Капую. Ширина этой дороги такая, что на ней могут разехаться две встречные повозки; и из всех дорог она
- 8 наиболее замечательная. Весь камень для нее, являющийся таким же, как в жерновах, и твердым по природе, Аппий выламывал и привозил сюда издали, из другой области.
- 9 В этой стране его нигде нет. Сделав эти камни гладкими и ровными и по краям прямоугольными, он плотно положил их один к другому, не проложив внутри ни цементом, ни чем-
- 10 либо другим. Они так плотно были прилажены друг к другу и как бы слиты, что для смотрящих на них казались не приложенными друг к другу, но сросшимися между собою.
- 11 И несмотря на то, что в течение столь долгого времени по ней ежедневно проезжало много телег и проходило всякого рода животных, их порядок и согласованность не были нарушены, и ни один из камней не был попорчен и не стал меньше, а тем более не потерял ничего из своего блеска. Вот что я хотел рассказать об Аппиевой дороге.
- 12 Когда готы, которые составляли гарнизон Рима, узнали, что враги находятся очень близко, и заметили намерение рим-

лян, то они стали тоже беспокоиться о судьбе города и, не имея возможности вступить в сражение с приближающимся
13 неприятелем, не знали, что им делать; но затем, с разрешения римлян, они все вышли из города и удалились в Равенну, кроме их начальника Левдериса, который остался там, сты-
14 дясь, думаю, постигшей его судьбы. Случилось, что в один и тот же день Велизарий с императорским войском входил в Рим через ворота, которые назывались «Азинариями» (ослиными), а готы уходили оттуда другими воротами, носившими название «Фламиниевых». Таким образом, Рим вновь был взят через шестьдесят лет <римлянами>, в девятый день последнего месяца, называемого у римлян декабрем; это был одиннадцатый год, после того как император Юсти-
15 ниан получил императорский титул. Начальника готов Левдериса и ключи от ворот Велизарий отправил императору, сам же занялся исправлением стен, во многих местах обвалившихся, придав каждому брустверу прямоугольную форму и присоединив с левого бока некое другое сооружение, чтобы те, которые будут сражаться здесь с наступающим неприятелем, меньше всего могли быть поражены теми, которые слева будут сражаться с ними у стен; вокруг стен
16 он вырыл ров, глубокий и замечательный. Римляне восхваляли предусмотрительность главнокомандующего и особенно его опытность, выказанную им при постройке брустверов, но они очень беспокоились и страшно удивлялись, зачем ему нужно было входить в Рим, если у него была мысль, что он будет в нем осажден: ведь Рим не мог выдержать осады вследствие недостатка продовольствия, так как он не был приморским городом, и вследствие огромного протяжения его стен, особенно же потому, что он был расположен на равнине, чересчур ровной и естественно дававшей наступающим возможность легко подойти к нему. Слыша все это,
17 он тем не менее все предусмотрительно заготавливал для осады, и весь тот хлеб, который он привез с собой на кораблях из Сицилии, он бережно сложил в государственные хранилища и заставлял римлян, хотя они были очень недовольны, все свои запасы свозить с полей в город.

1   **15.** Тогда же пришел к нему из Самния Пидзас, родом гот,

и отдал в руки Велизария как самого себя, так и тех готов, которые жили там вместе с ним, и половину Самния, прилегающего к морю, до реки, которая протекает по середине этой области. Те же готы, которые жили на той стороне реки, не пожелали ни последовать за Пидзасом, ни подчиниться императору. Велизарий дал ему немного воинов, чтобы они вместе с ним охраняли эту местность. Еще раньше добровольно сдались Велизария жителя Калабрии и Апулии, в стране которых не было готов; они занимали как побережье, так и внутренние местности страны. В их области находится и Беневент, который в древности римляне называли Малевентом, теперь же называют Беневентом, избегая неблагоприятного смысла первого названия. «Вент(ус)» на латинском языке обозначает «ветер». В Далмации, которая лежит против этого города, на противоположном материке, обычно налетает суровый («малус») и невероятно бурный ветер; всякий раз как он начинает дуть, невозможно найти человека, идущего по дороге, но все прячутся по домам. Сила его порывов бывает столь велика, что, подхватив всадника с конем, она несет его по воздуху и, очень долго вертя в воздухе, кидает его куда придется и убивает. Беневенту, как лежащему против Далмации (я сказал об этом выше), на возвышенном месте, приходится переносить часть неприятностей от этого ветра. Этот город некогда основал Диомед, сын Тидея, который после взятия Илиона был изгнан из Аргоса. И как приметные знаки для города он оставил здесь клыки калидонского кабана, которые получил как награду за охоту его дядя Мелеагр. Они и до моего времени оставались там как достопримечательность, заслуживающая осмотра, имея по периметру, изогнутому в виде месяца, не меньше трех ладоней. Тут, говорят, Диомед встретился с Энеем, сыном Анхиза, плывшим из Илиона, и, по сказанию, дал ему изображение Афины, которое ему удалось вместе с Одиссеем похитить из Илиона, когда они оба пошли разведчиками в Илион, прежде чем город был взят греками. Говорят, что, когда он позднее захворал и послал спросить у бога указания относительно болезни, ему дано было предсказание, что он никогда не избавится от своей беды, если он не отдаст

11 это изображение мужу из Трои. Римляне говорят, что не
знают, где оно теперь находится, но показывают его копию,
12 высеченную из какого-то камня. Она еще в мое время стояла
в храме Судьбы (Фортуны) перед медной статуей Афины,
которая сооружена под открытым небом в восточной части
13 храма. Это изображение в камне похоже на воительницу,
поднявшую копьё как бы для сражения. Но и в этом случае
ее туника опускается до самых пят. Ее лицо не похоже на
греческие изображения Афины; оно совершенно такое, как-
14 ким его в древности делали египтяне. Если слушать визан-
тийцев, то эту статую (Палладиум) император Константин
зарыл на той площади, которая носит его имя. Таковы-то
были эти дела.

15 Таким образом, Велизарий подчинил своей власти всю
ту Италию, которая находится от Ионийского залива вплоть
до Рима и Самниума, а земли за этим заливом до Либурнии,
16 как было сказано выше, завоевал Константин. Каким образом
заселяют Италию живущие в ней народы, я сейчас расскажу.
Вдаваясь далеко в материк, Адриатическое море образует
Ионический залив, вовсе не так, как в других местах, где море
в конце, глубоко вдаваясь в материк, образует перешеек
17 (Истм). Например, так называемый Крисейский залив,
кончаясь в Лехее, где находится город Коринф, образует
18 здесь перешеек длиной стадий в сорок. И другой залив, от-
ветвляющийся от Геллеспонта, который называют Меласом
(Черным), образует перешеек в Херсонесе, приблизительно та-
19 кой же, если не большей длины. Из города же Равенны, где кон-
чается Ионический залив, до Тирренского моря для человека,
20 идущего налегке, не меньше восьми дней пути. Причина
этого та, что течение вливающегося в этот залив моря глав-
ным образом направляется направо. Внутри этого залива
первым расположен маленький городок Дриунт, который
21 теперь называется Гидрунтом (Отранто). Направо от него
живут калабры и апулийцы, а также самниты; с ними сопри-
касаются пицены, поселения которых простираются до города
22 Равенны. По левую сторону живут остальная часть калабров,
бруттий и луканы, а за ними кампанцы до города Терачины,
23 следом за которыми идут уже пределы города Рима. Эти пле-

мена занимают берега и того и другого моря и все внутренние местности между этими морями. Это и есть прежде так называемая Великая Греция. В области бруттиев находятся
24 локры эпизефирские, кротониаты и турии. По ту сторону залива первыми являются греки, называемые эфиротами, вплоть до города Эпидамна, который расположен у моря.
25 С ними граничит область Прекамис, за ней та, которая называется Далмацией, и то, что причисляется к Восточной империи. Отсюда далее идет Либурния, Истрия и страна венетов,
26 простирающаяся до города Равенны. Таковы приморские народы, живущие в этих местах. Выше (севернее) их сисции и свабы (не подданные франков, но кроме этих были еще и другие) занимают срединные земли, а за ними основались
27 карнии и норики. Направо от них живут даки и паннонцы, которые, кроме других местечек, занимают Сингедон и Сирмию, простираясь до реки Дуная. В начале этой войны над теми племенами, которые были по ту сторону Ионийского залива, властвовали готы, а над городом Равенной (севернее), на левом берегу реки По, жили лигуры. По их северным границам живут албанцы в местности в высшей степени прекрасной, называемой Лангубилла, а дальше — племена,
29 подчиненные франкам; на запад от них — галлы, а за ними испанцы. На правом берегу По находятся Эмилия и Тоскана, простирающиеся вплоть до границ Рима. Вот как они там расположены.

1   **16.** Велизарий укрепил кругом всю территорию Рима вплоть до реки Тибра. И когда он все привел в надлежащий порядок, то многих из своих щитоносцев и копьеносцев, среди которых были массагеты Зантер, Хорсоман и Эсхман, и другое войско он дал Константину и велел идти в Этрурию,
2 чтобы подчинить эти местности. Бессу он дал знать, чтобы он овладел Нарнией, бывшей самым укрепленным городом в Этрурии. Этот Бесс был родом гот из числа тех, которые в древности жили во Фракии и не последовали за Теодорихом, когда он повел оттуда народ готов на Италию. Это был человек энергичный и очень хорошо знающий военное дело;
3 прекрасный полководец, он сам мог очень искусно проводить военные предприятия. Этот Бесс при полном согласии жите-

лей занял Нарнию, а Константин без всякого труда подчинил своей власти Сполитион (Сполето), Перузию и другие
4 маленькие укрепления: этруски добровольно принимали его в свои города. Поставив гарнизон в Сполитии, он сам с остальным войском остался в Перузии, бывшей главным городом
5 Этрурии,²² и спокойно выжидал. Услыхав об этом, Вигитис направил против него во главе войска Унилу и Питзу. Константин выступил против них и вступил в бой в предместье Перузии. Так как варвары превосходили численностью, то вначале битва была нерешительной, но затем римляне, превосходя их своим искусством и доблестью, обратили
7 врагов в бегство и во время их беспорядочного отступления они истребили их почти всех, а их предводителей, взятых в плен живыми, они послали к Велизарии. Когда об этом услышал Витигис, он не захотел больше оставаться в Равенне, где его задерживали Марций и его войско, еще не пришедшие
8 из Галлии. В Далмацию он послал с большим войском Азинария и Улигизала, чтобы они удержали Далмацию во власти
9 готов, и поручил им, привлекая на свою сторону войско местных варваров из местечек вокруг Свабии (Свевии),
10 вместе с ними двинуться на Далмацию и к Салонам. Вместе с ними он послал много длинных (военных) кораблей, чтобы
11 они могли осадить Салоны с суши и с моря. Сам же он поспешил со всем войском двинуться к Риму против Велизария, ведя с собой не меньше ста пятнадцати тысяч пеших и конных; из них было много конных, одетых в кольчуги.

12 Азинарий в Свевии собирал варварское войско; тем временем Улигизал один во главе готов двинулся в Либурнию.
13 С ними римляне вступили в сражение около местечка Скардона; побежденные в этой битве готы отступили к городу
14 Бурну, и там Улигизал ожидал своего товарища по командованию, Азинария. Услыхав о приготовлениях Азинария и боясь за Салоны, Константин послал за теми отрядами, которые занимали все мелкие укрепления в этой области.
15 Он вырыл ров вокруг всех крепостных стен и все остальное заготовил для осады как только мог лучше. Азинарий, собрав очень большое войско варваров, прибыл к городу Бурну
16 и, соединившись там с Улигизалом и бывшим с ним войском

готов, двинулся на Салоны. Они возвели вокруг стены го-
рода вал и, наполнив корабли воинами, сторожили и при-
морскую часть укреплений. Так они держали Салоны в осаде
17 и с суши и с моря. Римляне, сделав внезапное нападение на
корабли неприятелей, обратили их в бегство и многие из
них, наполненные людьми, потопили, а пустые захватили
18 себе. Но готы не сняли блокады и еще сильнее стеснили
находящихся в городе римлян упорной осадой. Так шли воен-
19 ные дела римлян и готов в Далмации. Витигис, услышав
от некоторых местных жителей, пришедших из Рима, как
незначительно войско Велизария,* стал раскаиваться в том,
что ушел из Рима; он уже не мог придерживаться раньше
20 намеченного плана, но, охваченный гневом, двинулся про-
тив них. На пути ему встретился священник, шедший из
Рима. Говорят, что Витигис в сильном возбуждении спросил
его, находится ли Велизарий еще в Реме? Как будто он
боялся, что не сможет захватить его там и Велизарий успеет
убежать оттуда раньше его прибытия. Священник сказал ему,
21 что меньше всего он должен об этом беспокоиться [он ему
ручается, что Велизарий никогда не прибегнет к бегству
и что останется там]. Но это подстрекнуло Витигиса еще
больше, чем прежде, и он громко вслепелся, чтобы ему удалось
увидать стены Рима прежде, чем Велизарий труда успеет.

1 17. Когда Велизарий услышал, что готы движутся на
него всем народом, он стал колебаться. Ему не хотелось
остаться без войск Константина и Бесса, так как его войско
было невелико, но и покинуть укрепления в Этрурии он счи-
тал опасным, боясь, как бы этими укреплениями не восполь-
2 зовались готы против римлян. Итак, хорошо обдумав поло-
жение, он поручил Константину и Бессу оставить гарнизоны
в самых нужных укреплениях этой страны, какие могли бы
их охранять, а самим с возможной поспешностью вместе
с остальным войском двигаться к Риму. Константин и стал
3 действовать по этим указаниям. Оставив гарнизоны в Пе-
рузии и Сполитии, он со всеми остальными направился в Рим.

---

* При другом чтении (Вардатов): «что римляне очень тяготеют к войском Велизария».

4 Так как Бесс устраивал дела в Нарнии медленно, то случи-
лось, что равнина перед городом оказалась наполненной
5 проходившими здесь отрядами готов; это был авангард всего
войска. С ними Бесс вступил в сражение и, сверх ожи-
дания, обратил в бегство стоявших против него и многих
6 убил; но, когда его стала теснить численность неприятелей,
он удалился в Нарнию. Оставив там гарнизон, как было при-
казано Велизарием, он со всей поспешностью двинулся
к Риму и дал знать, что неприятели вот-вот появятся; ведь
7 Нарния отстоит от Рима только на расстоянии трехсот пяти-
десяти стадий. Витигис вовсе не пытался подчинить себе Пе-
рузию и Сполитий; эти крепости были очень сильны, и он
8 совершенно не хотел тратить тут время. Единственно, чего
он хотел, это застать Велизария в Риме и не дать ему бежать.
Даже узнав, что Нарния занята врагами из Рима, он и тут
ничего не хотел изменить, зная, что это укрепление трудно
9 доступно и стоит на отвесных скалах: оно стоит на высокой
горе, подошву которой омывает река Нарн, давшая назва-
ние городу, куда ведут от реки два (крутых) подъема, один
10 с восточной, другой с западной стороны. Один из этих подъе-
мов представляет трудную узкую дорогу по обломкам скал,
а к другому можно было попасть только через мост, который,
11 перекрывая здесь реку, дает возможность перехода. Этот
мост некогда выстроил император Август, и он заслуживает
всякого внимания: из всех, какие мы только знаем сводча-
тых мостов, это самый высокий.

12 Не теряя здесь времени, Витигис со всей поспешностью
ушел отсюда и со всем войском двинулся к Риму, совершая
13 путь по Сабинской области. Когда он был близко от Рима,
на расстоянии не больше четырнадцати стадий, он встретил
14 мост на реке Тибре. Незадолго перед тем Велизарий, соорудив
башню и укрепив мост воротами, поставил здесь военную
охрану не потому, чтобы для неприятелей Тибр был удобным
для перехода только здесь (на реке было много в других ме-
стах и кораблей и мостов), но он желал, чтобы неприятели
потратили возможно больше времени на переход, так как сам
он ожидал от императора еще другое войско и хотел, чтобы
15 римляне ввезли еще больше продовольствия. Если бы, отра-

женные здесь, варвары попытались перейти по мосту в другом месте, он считал, что им придется на это потратить не меньше двадцати дней, а если бы они захотели спустить в Тибр такое огромное число судов, то естественно они потратили бы еще больше времени. Имея все это в виду, Велизарий и поставил здесь военную охрану. Готы провели здесь 16 ночь этого дня, находясь в нерешительности и полагая, что 17 на следующий день им предстоит штурмовать башню. К ним пришло двадцать два перебежчика, родом варвары, римские воины, из отряда всадников, которым командовал Иннокентий. А тем временем у Велизария явилась мысль стать ла- 18 герем около реки Тибра, чтобы, во-первых, еще более затруднить переход варваров через реку и, во-вторых, дать дока- 19 зательство своей смелости по отношению к врагам. Но воины, которые, как было сказано, несли охрану моста, пораженные массой явившихся готов и испугавшись огромной опасности, ночью покинули башню, которую они охраняли, и обратились 20 в бегство. Считая, что им уже нельзя показаться в Рим, они тайно удалились в Кампанию, или боясь наказания военачальника, или стыдясь своих товарищей.

1 18. На следующий день готы без всякого труда разбили ворота башни и совершили переход, так как никто им не 2 препятствовал. Велизарий, все еще не зная, что случилось с охраняющим отрядом, взяв с собой тысячу всадников, отправился к мосту на реке, с тем чтобы выбрать место, где 3 им лучше всего будет стать лагерем. Когда они были близко, они встретились с неприятелями, уже перешедшими реку, и против воли принуждены были вступить в бой с некоторыми из них. И с той и с другой стороны шел конный бой. 4 Тут Велизарий, хотя вначале и старался держаться в безопасном месте, не смог устоять там, где следует находиться военачальнику, но стал сражаться в первых рядах, как простой 5 воин. И из-за него в этот день все дело римлян подверглось величайшей опасности, так как вся тяжесть войны лежала 6 на нем одном. В этот день Велизарий был на коне,²³ очень привычном к бою и знающем, как спасти сидящего на нем всадника; он был темного цвета (дымчатый), вся же морда от головы до ноздрей ярко белая. Греки называют такого

коня «фалион», а варвары «балан». В него и в Велизария большинство из готов старалось попасть и дротиками и другими метательными орудиями по следующему основанию.

7 Перебежчики, которые накануне перешли на сторону готов, увидав Велизария сражающимся в первых рядах и понимая, что если он погибнет, то тотчас же и у римлян погибнет все дело, стали кричать, приказывая стараться попасть в пегого

8 коня. Отсюда это слово разнеслось по всему войску готов, причем, как бывает при большом смятении, меньше всего старались расспрашивать, в чем дело, и даже многим было

9 совсем неизвестно, что это Велизарий. Однако полагая, что не случайно поднялся такой приказ и переходит от одного к другому, оставив всех остальных, большинство стало бросать копьа в одного Велизария. Равным образом те из готов,

10 которые выдавались доблестью, охваченные великим честолюбием, старались пробраться к нему возможно ближе, чтобы схватиться с ним в рукопашном бою, и, охваченные

11 сильным гневом, поражали его и копьями и мечами. Сам Велизарий всех тех, которые выступали против него, убивал одного за другим. В такой опасный момент особенно ярко проявилась любовь к нему его копьеносцев и щитоносцев:

12 все, окружив его, проявили такую доблесть, какой, думаю, до этого дня не проявлялось ни к какому иному человеку.

13 Выдвинув свои щиты перед военачальником и его конем, они принимали все стрелы на себя и отражали нападавших, отталкивая их от Велизария. Так вся эта схватка была

14 направлена на одного человека. В этом тяжелом столкновении из числа готов пало не меньше тысячи человек, и при этом все это были люди, сражавшиеся в первых рядах; пали многие лучшие из близких к Велизарю, в том числе Максенций, его телохранитель, совершивший много славных дел

15 против врагов. Велизарю же в этот день выпала такая счастливая судьба, что он не был ранен и не был даже поражен стрелой, хотя вся битва была направлена на него одного.

16 Наконец, римляне с обычной доблестью обратили в бегство врагов, и огромное количество варваров бежало, пока не достигло своего лагеря. Там пехота готов, будучи совсем

неутомленной, двинулась против неприятелей и без большого
17 труда отразила их; с другой стороны, когда на помощь коннице
готов выступили другие конные отряды, римлянам пришлось
усиленно бежать, пока они не поднялись на какой-то холм и
18 не остановились там. Их догнали здесь всадники варваров,
и конное сражение завязалось вновь. Тут Валентин, конюший
Фотия, сына Антонины, дал ясное доказательство своей
19 доблести: он один ворвался в толпу врагов, задержал натиск
готов и спас бывших с ним. Так они бежали и достигли
укреплений Рима, причем варвары преследовали их до самых
20 стен, в которых находятся ворота, называвшиеся Салларии.
Римляне, испугавшись, как бы вместе с убегающими не
ворвались в город и враги и не оказались внутри укреплений,
21 совершенно не желали открывать ворот, хотя Велизарий громко
им это приказывал и с угрозами кричал на них. Дело в том,
что те, которые смотрели на них через отверстия укреплений
башни, не могли его узнать, так как все его лицо и голова
были покрыты грязью и пылью, а кроме того, нельзя было
22 и ясно рассмотреть: день уже склонялся к вечеру. Сверх того,
римляне думали, что Велизария уже нет в живых, так как те,
которые при первом бегстве, повернув тыл, бежали, сообщили,
что Велизарий умер, славно сражаясь в первых
23 рядах. Вся толпа неприятелей, устремившись в большом числе
и охваченная сильным воодушевлением, задумала перейти
24 ров и напасть там на отступающих. Римляне, отнесенные
к стене, находясь по сю сторону вала, стояли, тесно
25 прижавшись друг к другу. Те же, которые находились внутри
укреплений, чувствуя себя без начальника и совершенно
неприготовленными, в страхе и за себя и за город никак не
могли помочь своим, хотя те и находились в таком опасном
положении.

26 Тогда Велизарий решился на следующий решительный поступок,
который, сверх ожидания, спас положение римлян. Подбодрив
27 словами, обращенными ко всем тем, которые были с ним,
он внезапно напал на неприятелей. Среди них и раньше
был большой беспорядок, так как было уже темно и они
преследовали (кто как мог), когда же они увидели, что
отступавшие нападают на них сверх ожидания, предпо-

ложив, что им на помощь вышло из города другое войско, они, охваченные великим страхом, все стремительно бросились бежать. Велизарий, не дав себе увлечься преследованием, быстро повернул к стенам. Римляне, при виде этого почувствовав смелость, приняли и его и всех бывших с ним в город. Такой-то опасности подвергся Велизарий и все дело императора; битва, начавшаяся рано утром, окончилась к ночи. В этой битве выделился своею доблестью со стороны римлян Велизарий, а со стороны готов Визанд Бандаларий; когда битва кипела вокруг Велизария, то Визанд, сражаясь в первых рядах, прекратил бой не раньше, как, получив тринадцать ран по всему телу, упал. Считая, что он уже умер, товарищи оставили его без внимания, хотя и были победителями, и он остался там лежать среди убитых. На третий день, когда варвары стали лагерем очень близко от укреплений Рима, они послали некоторых из своих, чтобы они похоронили своих убитых и воздали им полагающиеся благочестием погребальные почести; разбирая тела лежащих, они нашли и Визанда Бандалария еще дышащим, и один из товарищей просил его сказать им хоть слово. Так как он не мог говорить — его внутренности от голода и от жара, вызванного другими страданиями, страшно горели — он дал знак влить ему в рот воды. Когда он напился и пришел в себя, его подняли и отнесли в лагерь. За это Визанд Бандаларий получил великую славу среди готов и, очень чтимый, прожил еще долгое время. Вот что случилось на третий день после битвы.

Тогда, оказавшись в безопасности вместе со своими спутниками, Велизарий собрал на стены солдат и почти весь римский народ, велел жечь частые костры и бодрствовать всю ночь. Он сам ходил вокруг по всем укреплениям, давая различные распоряжения; между прочим для каждого ворот он назначил отдельного начальника. Державший охрану так называемых Пренестинских ворот Бесс, отправив к Велизарию вестника, велел ему сказать, что город занят врагами, вошедшими в него через другие ворота, находящиеся по ту сторону Тибра и носящие название святого Панкратия. Услышав об этом, окружающие Велизария советовали спастись возможно скорее через другие ворота. Но Велизарий не

испугался и утверждал, что это известие неосновательно. Он
37 быстро послал за реку Тибр нескольких всадников; они, осмотрев все места около этих ворот, сообщили, что не нашли там
38 ничего опасного для города. Тогда Велизарий послал начальникам каждаых отдельных ворот приказ: если они услышат, будто враги вошли в город через другую часть укреплений, не посылать туда подкреплений и не покидать места своей охраны, но спокойно оставаться; обо всем этом он позаботится сам. Сделал он это для того, чтобы вследствие ложных слухов они опять не пришли в смущение. Когда римляне были еще в большом волнении, Витигис отправил к Саларийским воротам одного из своих начальников, по имени Ваки, человека очень известного. Придя туда, он бранил римлян за неверность готам и упрекал за измену, которую, как он говорил, они совершили и перед родиной и перед самими собой, за то, что могуществу готов предпочли греков, которые не в состоянии их защищать; ведь раньше они никого из них не видели приходящими в Италию, кроме как трагических актеров,
41 мимов и морских разбойников. Много таких слов сказал Ваки и, так как никто ему не отвечал, он вернулся назад к готам и к Витигису. С другой стороны, и Велизарий вызвал большой смех у римлян, так как, избегнув с трудом неприятелей, он приказывал им быть смелыми и презирать варваров, говоря, что он убежден, что победит их силою. Почему он дошел до такого убеждения, будет рассказано в дальнейшем.
42
43 Была уже глубокая ночь, а Велизарий еще ничего не ел; тогда жена и те из родственников, которые были с ним, с трудом заставили его съесть кусок хлеба. Так провели эту ночь обе стороны.

1 19. На следующий день, с одной стороны, готы, полагавшие, что вследствие величины города они без всякого труда возьмут его, с другой — римляне, защищавшиеся в нем, приняли следующие меры. Весь круг стен города имеет
2 четырнадцать больших ворот и несколько маленьких. Не имея возможности окружить все стены своим войском, готы поставили шесть укреплений вокруг пяти ворот, от Фламиниевых до так называемых Пренестинских, и штурмовали это про-
3 странство. Все эти укрепления они устроили по сию сторону

Тибра. Но боясь, как бы враги не разрушили моста, который назывался Мильвийским, и тем не сделали для них недоступными все те места, которые находятся по ту сторону реки вплоть до моря, а сами поэтому даже совсем не почувствовали бы всех тех неприятностей, которые связаны с осадой, варвары выстроили седьмое укрепление по ту сторону Тибра, на Нероновой равнине, с тем, чтобы у них мост был между лагерями. Этим было достигнуто то, что еще двое ворот оказались под угрозой со стороны неприятелей, Аврелиевы (которые теперь носят название Петра, старшего из апостолов Христа, похороненного недалеко от них) и Транстиберинские. Таким образом, готы, охватив своими укреплениями больше половины римских стен, так как река им нигде не мешала, могли, когда хотели, идти войной (на приступ) кругом на эти укрепления. Я сейчас расскажу, как римляне выстроили городскую стену по обеим сторонам реки. Еще с древних времен Тибр протекал мимо большей части стен Рима. То место, где стены подходят близко к реке, является плоским и очень легко доступным. Против этого места, по ту сторону Тибра, находился большой холм, где с древних времен были выстроены все мельницы города, так как большое количество воды, отведенной сюда на холм при помощи водопровода, падало по скату с большой силой. Поэтому-то издревле римляне и этот холм, и прилегающий к нему берег реки решили обнести стеной с тою целью, чтобы врагам не было возможности испортить мельницы или, перейдя реку, легко злоумышлять против укреплений города. Перекинув в этом месте через реку мост, они соединили его со стеною и выстроили на противоположной стороне много зданий; таким образом, у них течение реки Тибра оказалось посреди города. Но достаточно об этом.

Готы вокруг всех укреплений вырыли глубокие рвы, щебень и землю, которые они отсюда вынули, они свалили под внутреннюю стену, сделав ее возможно выше; сверху они набили большое количество острых кольев и сделали все эти лагеря укрепленными ничуть не хуже, чем бойницы сторожевых отрядов. Укреплением на Нероновой равнине начальствовал Марций (он уже прибыл из Галлии со своими

войсками, с которыми он и стал здесь лагерем). Над остальными командовал Витигис, сам шестой: над каждым укреплением был свой начальник. Устроив все таким образом, готы разобрали все водопроводы, чтобы возможно меньшее количество воды поступало в город. В Риме было четырнадцать водопроводов, выстроенных еще древними жителями из обожженного кирпича, такой ширины и высоты, что там можно было человеку проехать верхом. В свою очередь Велизарий так организовал охрану города. За небольшими воротами, Пинцианскими, и за большими, которые были направо от них, называвшимися Салариями, он наблюдал сам. В этом месте укрепления были наиболее уязвимыми, и римляне могли отсюда легче всего напасть на неприятелей. Пренестинские ворота он дал Бессу; над Фламиниевыми воротами, которые были по другую сторону от Пинцианских, он поставил Константина, но сначала он запер ворота и завалил их изнутри целой кучей огромных камней, чтобы никто не мог их открыть. Так как они были наиболее близки к одному из неприятельских лагерей, он боялся, как бы здесь со стороны неприятелей не было устроено какого-либо покушения против города. Остальные ворота он поручил охранять начальникам оставшихся пехотных войск. Каждый из водопроводов он заделал для полной безопасности возможно крепкой стеной, чтобы никто извне не мог этим путем проникнуть в город с целью причинить ему вред.

19 Так как водопроводы, как я сказал, были испорчены, то вода уже не двигала мельницы, и заставить их работать силой каких-нибудь животных ни в коем случае нельзя было, так как продовольствием они вообще были стеснены, как это бывает при осаде, так что и коней, необходимых им, они с трудом могли прокормить. Тогда Велизарий придумал следующий выход. Перед мостом, который, как я недавно упоминал, находился рядом с укреплением, с одного берега реки на другой он привязал канаты, возможно сильнее натянув их; к ним он прикрепил две лодки, связанные друг с другом на расстоянии двух футов одна от другой, там, где течение реки из-под свода моста выходит с особенной силой; на каждую лодку он поставил две мельницы, а посередине он привесил

механизм, который обыкновенно заставлял мельницы вер-
21 теться. Затем он стал привязывать все дальше и дальше по
порядку другие лодки и совершенно так же ставил на них
22 машины. Под влиянием идущего дальше течения реки все
машины по порядку, сами собой вращаясь, приводили в дви-
жение мельницы и мололи достаточное для города количе-
ство муки. Когда неприятели узнали об этом от перебежчиков,
они следующим образом постарались уничтожить эти маши-
23 ны. Стащив отовсюду большие деревья и трупы только что
24 убитых римлян, они бросали их в течение реки. Большая
часть их, занесенная течением реки в середину лодок, ломала
механизмы. Увидав, что делается, Велизарий со своей сторо-
25 ны придумал следующее. Перед мостом он приделал длинные
железные цепи, хватающие на всю ширину Тибра. Все, что
несла река, попадая на них, останавливалось и дальше уже
26 не шло. Те, кому это дело было поручено, вытаскивали при-
носимое течением на берег и уносили. Он это делал не столько
из-за мельниц, сколько из-за того, что он боялся, как бы
27 враги на многих легких челноках не проникли по сую сторону
моста и не оказались бы в середине города. Таким образом,
варвары отказались от этого опыта, так как им от него не
было никакой пользы. Римляне и в дальнейшем пользова-
лись этими мельницами, но от бань ввиду недостатка воды
28 они должны были совершенно отказаться. Питьевой же воды
у них было вполне достаточно, так как те, которые жили
довольно далеко от реки, могли пользоваться водой из ко-
29 лодцев. Что же касается подземных каналов (клоак), которые
выносят из города всякие нечистоты, Велизарий не считал
нужным принимать какие-либо меры предосторожности,
так как все они несут отбросы в реку Тибр и поэтому со сто-
роны врагов тут нельзя было устроить никакого злоумышле-
ния.

1   **20.** Таковы были меры, которые Велизарий принял ввиду
осады. В это время самнитская молодежь, в большом коли-
честве пасшая стада в своей стране, выбрав из своей среды
двух крепких телом молодцов и назвав одного из них Вели-
зарием, а другого Витигисом, велела им бороться друг с дру-
2   гом. Они вступили в ожесточенную борьбу, и случилось, что

3 Витигис, побежденный в ней, упал; в шутку толпа ребят
повесила его на дереве. Но тут случилось, что появился
волк, и вся молодежь бросилась бежать, а повешенный
на дереве Витигис, так как ему пришлось подвергнуться та-
кому наказанию слишком долгое время, умер. Когда это стало
известно самнитам, они не наложили никакого наказания
на молодежь, но, считая это предзнаменованием будущего,
были убеждены, что победителем в этой войне будет Велиза-
рий. Вот что тогда случилось.

5 Римский народ, совершенно не привыкший к бедствиям
войны и осады, страдал от отсутствия бань и от недостатка про-
дольствия; к тому же принуждаемый без сна охранять укреп-
ления, предполагая, что город будет вскоре взят, и кроме
того, видя, как враги грабят поля и все остальное, был очень
недоволен и считал для себя ужасным, что он, ни в чем не-
повинный, переносит осаду и подвергается столь большой
6 опасности. Собираясь между собой, римляне открыто бра-
нили Велизария за то, что он, взяв у императора недостаточ-
ную военную силу, решился двинуться против готов. В том
же, но скрытно упрекали Велизария члены совета, который
7 называют сенатом (синклитом). Услыхав об этом от перебеж-
чиков и желая возбудить у них еще больший гнев, думая
этим привести еще в большее смущение дело римлян, Витигис
отправил к Велизарию послов, в числе которых был Албис.
8 Когда послы предстали перед Велизарием в присутствии
римлян, членов сената и начальников войск, они сказали сле-
дующее: «Еще в древние времена, о начальник, у людей были
хорошо и точно установлены значения слов; одно из таких
9 различий было установлено в понятиях дерзкой решимости
и храбрости. У кого проявляется первое качество, оно ведет
его с бесчестьем в опасность, второе же приносит в достаточ-
10 ной мере славу доблести. Одно из них побуждает тебя вести
войну против нас; которое же из них, ты сейчас покажешь.
Если ты двинулся против готов, полагаясь на свою хра-
брость (ты ведь со стены видишь лагерь неприятелей), то тебе
в достаточной мере предоставлена возможность, о славный
вождь, проявить всю силу своей доблести; если же, охва-
ченный дерзостью, ты двинулся против нас, то, конечно, тебе

придется раскаяться в твоём легкомысленном поступке. Обычно мысли тех, кто решился на безрассудный поступок, когда они приступают к борьбе, меняются. Так и теперь не заставляй, чтобы римляне дальше терпели это несчастье, те римляне, которым Теодорих дал жить жизнью роскошной и во всех отношениях свободной, и не стой на пути законного владыки готов и италийцев. Разве это не странно, что ты, возгордясь и боясь врагов, сидишь в Риме, а государь Рима проводит жизнь в лагерной стоянке и причиняет такие беды своим подданным. Мы предоставим тебе и всем твоим спутникам полное право добровольного удаления, с тем чтобы вы могли унести с собой все вам принадлежащее. Ведь обращаться жестоко с теми, кто передумал, принимая благоразумное намерение, мы считаем не дозволенным ни божеским, ни человеческим правом. Мы охотно спросили бы и здесь присутствующих римлян, в чем они могли упрекнуть готов, что они предали и нас, и самих себя, тех римлян, которые до этого времени пользовались нашим расположением, а теперь испытали, что значит помощь с вашей стороны». Вот что сказали послы.

Велизарий ответил им следующими словами: «Момент обсуждения наших дел будет зависеть не от вас. Люди привыкли воевать, менее всего пользуясь советами врагов. Существует неизменный закон, чтобы каждый устраивал свои домашние дела так, как ему кажется лучше. Я вам предсказываю, что наступит время, когда вы захотите спрятать свои головы под кустами терна и не найдете нигде места. Что же касается Рима, то, взяв его, мы ничем чужим не владеем: но вы, в прежнее время вступившие в него, овладели тем, что вам совсем не принадлежало, и теперь против воли отдадите его прежним властителям. И всякий из вас, мечтающий, что он вступит в Рим без боя, ошибается в своих ожиданиях: пока жив Велизарий, чтобы он вам его уступил, это невозможно». Вот что с своей стороны сказал Велизарий. Римляне, находясь в великом страхе, сидели тихо и не решались в чем бы то ни было возражать послам, хотя они много упрекали римлян за измену готам; только один Фиделий, который был в это время поставлен Велизарием префек-

том претория и с этого времени, казалось, был наиболее предан императору, решил выступить против них со своими насмешками.

- 1   21. Так послы готов вернулись в свой лагерь. На вопрос
Витигиса, что за человек Велизарий и каковы его мысли
относительно удаления отсюда, они ответили, что напрасно
2 готы надеются, что каким-либо образом Велизария можно
устрашить. Услыхав это, Витигис решил энергично присту-
3 пнуть к штурму укреплений и стал готовить все для раз-
рушения стен. Он велел сделать деревянные башни, высотой
4 равные со стенами неприятелей, не раз примеривая их истин-
ный размер с облицовкой башен, сделанных из камня.
5 Под каждый угол основания этих башен он приделал колеса,
качаясь на которых, они очень легко могли перевозиться в лю-
бое место по желанию штурмующих; эти башни тащили за-
6 пряженные в них быки. Затем он приготовил огромное коли-
чество лестниц, достигающих до бойниц неприятеля, и четыре
7 машины, которые называются таранами. Это сооружение та-
ково. Ставят четыре прямых деревянных столба один против
другого, совершенно одинаковых. К этим четырем столбам
8 приделывают сверху четыре перекладины (балки) и столько
же у основания. Выстроив своего рода маленький четырех-
угольный домик, они со всех сторон и сверху натягивают
на него кожи для того, чтобы эта машина для двигающих ее
9 была легка, а находящиеся внутри были бы в безопасности
и по возможности меньше подвергались ударам стрел и копий
10 неприятелей. Внутри этого сооружения сверху вешают по-
перек другое бревно на свободно двигающихся цепях, ста-
раясь приделать его по возможности в середине сооружения.
Край этого бревна делают острым и покрывают толстым
11 железом, как острие стрел и копий, или же делают это же-
лезо четырехугольным, как наковальня. Эта машина двигается
на четырех колесах, приделанных к каждому столбу, а из-
нутри ее двигают не меньше пятидесяти человек. Когда эту
машину плотно приставят к стене, то, двигая бревно, о ко-
тором я упоминал, при помощи какого-то приспособления,
отводят его назад, а затем отпускают, ударя с большой силой
в стену. При частых ударах оно очень легко может в том

месте, где бьет, раскачать и разрушить стену, от этого данная машина и получила свое название («баран»), так как выдающийся конец бревна обычно бьет, где попало, вроде того, как самцы мелкого скота. Таковы эти тараны у штурмующих стены.

13 Готы, приготовив большое количество связок хвороста и тростника, готовились набросать их в рвы, чтобы сделать место ровным и чтобы в этом месте для машин не было пика-
14 ного затруднения для перехода. Приготовившись таким образом, готы устремились на штурм. Велизарий поставил на своих башнях машины, которые называются балистрами. Эти машины имеют вид лука; снизу у него выдается (поднима-
15 маясь кверху) выдолбленный деревянный рог; он движется свободно и лежит на прямой железной штанге. Когда из этой машины хотят стрелять в неприятелей, то, натягивая при помощи короткого каната, заставляют сгибаться деревянные части, которые являются краями лука, а в ложбинку рога кладут стрелу длиною в половину тех стрел, которые
16 пускаются из обыкновенных луков, толщиной же больше в четыре раза. Перьями, как у обычных стрел, они не снабжены, но вместо перьев у них приделаны тонкие деревянные пластинки, и по внешнему виду они совершенно похожи на стрелу. К ней приделывают острый наконечник, очень большой и соответствующий ее толщине; стоящие по обе стороны при помощи некоторых приспособлений с великим (усилием) натягивают тетиву, и тогда выдолбленный рог, двигаясь вперед, выкидывается и с такой силой выбрасывает стрелу, что ее полет равняется минимум двойному расстоянию полета стрелы из простого лука, и, попав в дерево или камень, она
18 легко его пробивает. Эта машина названа таким именем потому, что действительно она очень хорошо стреляет («бáл-лей»). Другие машины, приспособленные к бросанию камней, он поставил наверху укреплений; они похожи на пращи и
19 называются «онаграми». В воротах же с внешней стороны они поставили «волков»,²⁵ которых они делают следующим об-
20 разом. Ставят две решетки, идущие от земли до верха укреплений, положив обделанные деревянные брусья одни на другие <на-крест>, одни прямо, другие поперек, так, что ы от-

верстия посередине соединений <у обеих решеток> совпадали друг с другом. Из каждого соединения выдается острие, совершенно похожее на широкий шип. Поперечные брусья прикрепляют к той и другой решетке, причем верхнюю часть решетки <на шарнирах> они спускают на половину высоты стены, нижнюю же половину прислоняют к воротам. Когда враги подходят очень близко к воротам, то назначенные для этого люди, взявшись за края верхней решетки, сталкивают ее, и она, внезапно упав на близко подошедших к проходам, легко убивает всех, кого бы она ни захватила. Вот что делал Велизарий.

22. Готы в восемнадцатый день осады при восходе солнца под начальством Витигиса двинулись к укреплениям для штурма. Необычный вид двигающихся башен и таранов поразил всех римлян, Велизарий же, видя войско неприятелей двигающимся со всеми этими машинами, смеялся и приказывал воинам держаться спокойно и ни в коем случае не вступать в сражение, пока он сам не даст знака. Что вызвало его смех в данный момент, он не объяснил, но впоследствии это стало понятным. Римляне же, предполагая, что он смеется иронически, бранили его и называли бесстыжим и были очень недовольны, что он не посылает своих войск против все ближе и ближе подходящих неприятелей. Когда готы были уже около рва, то Велизарий, сам первый натянув лук, поразил одного из готов, одетого в панцырь и командовавшего отрядом, попав ему в шею. Получив смертельную рану, он упал навзничь, а римский народ поднял ужасный и неслышанный крик, полагая, что ему послано самое счастливое предзнаменование. Вторично Велизарий пустил стрелу, и вновь случилось то же самое; на стенах поднялся еще более сильный крик, и римляне считали, что враги уже побеждены. Тогда Велизарий дал приказ по всему войску пустить в ход все метательные орудия, тем же, которые были около него, он велел стрелять только в быков. Все быки были тотчас же перебиты, и враги уже не могли дальше двигать башни и задержанные в разгаре наступления не в состоянии были придумать чего-либо другого. Таким образом, выяснилась предусмотрительность Велизария, не пытавшегося задержать врагов, когда

они были сравнительно далеко, и стало ясно, что он смеялся над глупостью варваров, которые столь неосмотрительно питали надежды, что они подведут быков до самых неприятельских стен. Вот что было около Саларийских ворот.

10 Отбитый здесь Витигис оставил в этом месте большой отряд готов, поставил его в виде очень глубокой фаланги и приказал начальникам ни в коем случае не делать нападения на укрепления, но, оставаясь в рядах, посылать тучи стрел на бойницы и не давать Велизарии никакой возможности посылать помощь к другой части укреплений, где он сам собирался произвести нападение с более многочисленным войском. Таким образом, с большим войском он двинулся к той части укреплений по соседству с Пренестинскими воротами, которую римляне называли «Вивариум», и где стена

11 была наиболее доступна для захвата. Там уже находились другие заготовленные башни, тараны и много лестниц.

12 В это время велось готами другое наступление на Аврелиевы ворота следующим образом.

За Аврелиевыми воротами была могила римского императора Адриана; она отстояла от укреплений приблизительно

13 на полет камня; это было замечательное сооружение. Сделано оно было из паросского мрамора, и камни были плотно пригнаны один к другому, не имея внутри никакой скрепы. Его четыре стороны были все одинаковы, и каждая имела в ширину расстояние на полет камня, высота же его превосходила высоту городских стен. Наверху стояли удивительные статуи, сделанные из того же мрамора, изображавшие

14 людей и коней. Эту могилу еще в прежние времена (казалось, что это пристроенное к городу укрепление) при помощи двух стен, проведенных до нее от укреплений, соединили с ними и

15 сделали как бы частью стен. Она, казалось, была высокой башней, выдвинутой впереди прилегающих к ней ворот. Таким

16 образом, она была очень сильным укреплением. Начальником для охраны в этом месте Велизарий поставил Константина и поручил ему же заботу об охране прилегающей стены, имевшей гарнизон слабый и незначительный. Так как в этом месте труднее всего было захватить укрепления, так как река протекала у самых стен, Велизарий, полагая, что здесь

не будет никакого нападения, оставил здесь незначительный гарнизон и, так как у него воинов было мало, он направил
17 все главные силы в более важные места. В начале этой осады войско императора в Риме состояло самое большое из пяти
18 тысяч человек. Константин (так как ему было дано знать, что враги пытаются перейти через Тибр), боясь за ту часть укреплений, спешно сам с небольшим числом воинов двинулся на помощь, а большей части гарнизона он поручил
19 охранять ворота и могилу. В это время готы бросились на приступ Аврелиевых ворот и могилы Адриана, не имея никаких машин, неся лишь с собой огромное количество лестниц, вооружившись стрелами и копьями и полагая, что этим они легче поставят в затруднение врагов и вследствие их малочисленности без труда победят здесь (оставленный) гарнизон.
20 Они шли, выставив перед собою большие четырехугольные щиты, ничуть не меньше, чем плетеные щиты персов, и хотя они были очень близко от неприятелей, им удалось незаметно
21 подойти к ним. Их прикрывала галлерея, которая прилежала к храму апостола Петра. Внезапно появившись оттуда, они тотчас приступили к делу, так что стороживший отряд не был в состоянии пустить в дело так называемую балистру (эти машины посылают стрелы только по фронту), не мог защищаться от наступающих при помощи метательных стрел и
22 копий, так как ему в этом мешали большие щиты. Так как готы производили сильный натиск, посылая тучи стрел на верх укреплений, и уже собирались приставлять лестницы к стенам, почти окружив тех, которые защищались с могилы (ведь всякий раз, как варвары продвигались, они с обоих флангов заходили им в тыл), то на короткое время римлян охватил страх; они потеряли надежду каким бы то ни было образом защититься и спастись, но затем, придя в себя, они стали ломать большие статуи и, подняв обеими руками полученные таким образом огромные обломки мрамора, стали сбрасывать их вниз на головы врагов. Поражаемые ими враги отступили. Когда они немного отступили и римляне уже одержали над ними верх, то к последним вернулась смелость, и они с еще большим криком, при помощи луков и метания камней стали отражать штурмующих.

24 И пустив в ход машины, они привели в большой страх своих
25 противников, и их наступление вскоре прекратилось. Явился
и Константин, наведший страх на тех, которые пытались
переправиться через реку, и легко их оттеснивший, так как
они нашли эту часть укреплений не совсем уже неохрانية-
мой, как они думали. Так благополучно окончилась битва
около Аврелиевых ворот.

1   **23.** Неприятельские силы, подошедшие к Транстиберин-
ским воротам, которые называются Панкратиевыми, не сде-
лали ничего, о чем стоило бы упоминать, ввиду сильных
2 укреплений в этом месте: стены города здесь были крутые,
и на них не легко было подняться. Охрану этого места нес
Павел с когортой пехоты, которой он командовал. На Фла-
миниевы ворота готы даже не сделали попытки произвести
нападение, так как они расположены на обрыве и подход
3 к ним очень труден. Тут стоял на страже отряд пехоты,
называвшийся «Регии» (царские), под начальством Урси-
кина. Между этими воротами и маленькими воротами,
находящимися направо и называемыми Пинцианскими,
часть стены с древних времен сама по себе треснула пополам,
не с самого основания, а так на половине высоты, но не упала
и не разрушилась как-либо иначе, но наклонилась на обе
стороны таким образом, что одна ее часть казалась впереди
4 всей другой стены, а другая — позади. Поэтому римляне
издавна называют это место «лопнувшей стеной». Когда в са-
5 мом начале Велизарий хотел разрушить эту стену и выстроить
новую, римляне запротестовали, утверждая, что апостол
Петр обещал им, что он сам будет заботиться об охране этого
6 места. Этого апостола римляне чтут больше всякого другого
и надеются на его помощь. И в этом месте все произошло
у них, как они думали и ожидали: ни в этот день, ни во все
остальное время, пока готы осаждали Рим, перед этой сте-
ной не появлялись неприятельские силы, и не было здесь
7 никакого смятения. И можно было удивляться, что на нашей
памяти за все время эта часть укреплений не подвергалась
попытке нападения со стороны врагов, даже тогда, когда они
пытались коварно производить ночные штурмы против стен,
8 как они это пытались делать не раз. Поэтому и впоследствии

никто не решался перестраивать эту стену, и до сегодняшнего дня она так и стоит треснувшей. Но довольно об этом.

9 У Саларийских ворот один гот, огромного роста и прославленный доблестью в военных делах, одетый в панцырь и со шлемом на голове, очень известный среди племени готов, не остался вместе с другими в рядах, но, став под деревом, 10 посылал частые стрелы на верх укреплений. Какая-то машина, стоявшая на левой стороне башни, случайно поразила 11 его стрелою. Стрела прошла через панцырь и тело этого человека и больше чем на половину вонзилась в дерево; этим ударом она как бы прибила этого человека к дереву. 12 Когда это увидели готы, то, испугавшись, остались стоять в рядах, но вне ударов этих стрел и перестали уже причинять беспокойство тем, кто защищал стены.

13 Так как Витигис очень сильно теснил римлян в Виварии, то Бесс и Пераний посылают за Велизарием. Он, боясь за стену в этом месте (как было сказано, она была здесь наиболее доступна для штурма), спешно пошел им на помощь сам, оставив 14 одного из своих близких у Саларийских ворот. Найдя воинов в Виварии переуганными нападением врагов, так как оно было очень сильно и враги были очень многочисленны, он велел им относиться с презрением к таким врагам и вновь вернул им смелость. Место здесь было очень ровное 15 и потому открытое для наступления врагов. По случайности стена в этом месте на большом пространстве так расселась, 16 что связь между кирпичами была не очень крепкой. Поэтому древние римляне провели перед ней с наружной стороны небольшую стену не ради какой-либо защиты (это новое укрепление не имело ни башен, не было сделано на нем даже стальных зубцов, и ничего другого, откуда можно было бы отражать нападение неприятелей на это укрепление), но для 17 некоей роскоши, не очень достойного (культурных людей) удовольствия, чтобы держать здесь запертых львов и других диких животных. Поэтому-то это место и называется «Виварием» (зверинцем). Так римляне называют место, где они обычно содержат не прирученных животных. Другие машины Витигис велел готовить для другой части стены, а внешнее укрепление он велел готам подрывать или пробить, полагая,

что если он окажется внутри ёго, то без всякого труда овладеет стеною, так как он знал, что она совсем не крепкая.

18 Видя, что враги пробивают Виварий и во многих местах готовятся штурмовать стену, Велизарий не позволил войнам ни отражать их, ни даже оставаться на верху укреплений, кроме очень немногих, хотя он имел при себе весь цвет своего

19 войска. Напротив, он держал всех внизу около ворот в полной боевой готовности, в панцырях и с одними только мечами в руках. Когда готы, пробив стену, оказались в середине Вивария, он, послав Киприана с некоторыми другими со всей поспешностью в середину между стен, приказал ему

20 вступить с ними в бой. Они перебили всех врагов, пораженных страхом: они даже не защищались и вследствие узости выхода сами себя губили. Так как враги были поражены такой

21 неожиданностью и не стояли правильными рядами, но каждый стремился в разных направлениях, то Велизарий, открыв ворота стен, внезапно со всем войском напал на неприятелей.

22 Готы уж больше не думали о доблести, а только о скорости ног и бросились бежать куда кто только мог. Преследуя их, римляне очень легко избивали всех попадавшихся им под руку. Они преследовали их долго, так как готы ушли на

большое расстояние от своих укреплений, собираясь здесь

23 штурмовать стены. Велизарий велел поджечь машины неприятелей, и высоко поднявшееся пламя естественно поразило еще бóльшим страхом бегущих.

24 В то же время и около Саларийских ворот произошло то же самое. Римляне внезапно открыли ворота и неожиданно напали на варваров, которые не стали защищаться, а тотчас повернули тыл. Римляне их избивали, а машины, выстроенные

25 против них, они сожгли. Пламя высоко поднялось во многих местах около стен, и готы стали отступать от всех укреплений со всей поспешностью; с обеих сторон поднялся сильный крик: находившиеся на стенах римляне подбодряли преследовавших, а бывшие в полевых укреплениях варвары оплакивали страшное поражение. В этот день у готов погибло тридцать тысяч, как утверждали их начальники, а раненых было еще больше: благодаря многочисленности

26 готов бывшие в них со стен по большей части поражали их

без промаха, а те, которые участвовали в вылазках, произвели огромное избиение среди перепуганных и бегущих врагов. Эта битва под стенами, начавшись рано утром, окончилась поздно ночью. И с той и с другой стороны эта ночь прошла без сна: римляне внутри стен пели победные песни, восхваляли Велизария и собирали военные доспехи с убитых, готы же залечивали раны своих и оплакивали убитых.

1   **24.** Велизарий написал письмо императору; оно гласило
следующее: «Мы прибыли в Италию, как ты повелел, завое-
вали большую часть этой страны и захватили Рим, вытеснив
оттуда варваров, начальника которых Левдерия недавно
2 я послал к вам. Часть воинов нам пришлось оставить в Си-
цилии и в Италии для охраны тех укреплений, которыми мы
завладели; таким образом войско дошло до пяти тысяч.
3 Враги же собрались против нас в числе ста пятидесяти
тысяч. И с самого начала во время рекогносцировки у реки
Тибра мы, сверх ожидания, должны были вступить с ними
в рукопашный бой и едва не были засыпаны тучей их копий.
4 Затем варвары пошли на приступ стен всем войском, отовсюду
к стенам подвинув машины, и едва не захватили нас и город
при первом же натиске, если бы не спасла нас от них некая
5 счастливая судьба. То, что превосходит естественный ход
событий, конечно, надо отнести не к человеческой храбрости,
6 но к соизволению высших сил. То, что нами совершено до
сих пор, волей ли какой-либо судьбы или доблестью, пока
находится в блестящем состоянии. Что же последует потом,
7 я хотел бы, чтобы оно было еще лучше для твоих дел. Итак,
что мне полагается сказать и вам сделать, я ни в коем случае
не скрою, зная то, что человеческие дела идут так, как угодно
богу, а что те, которые стоят во главе всех дел, навсегда
несут обвинения или получают похвалу в зависимости от
8 того, что ими сделано. Итак, да будут нам посланы оружие
и солдаты в таком количестве, чтобы в дальнейшем в этой
войне наши силы соответствовали бы силам неприятеля.
9 Ведь не должно же во всем всегда доверяться судьбе, так как
она обычно не все время бывает одинаковой. Прими во
внимание, государь, и то, что если теперь варвары победят нас,
то мы будем изгнаны из твоей Италии, потеряем все войско,

а сверх того присоединится и величайший позор для нас за
10 все нами сделанное. Я не хочу говорить, что тем самым,
ясно, мы погубим и римлян, которые меньше заботились
о своем спасении, чем доверяли твоему императорскому
11 авторитету; так что бывшие до сих пор наши счастливые дни
нам придется закончить признанием последующих бедствий.
12 Ибо если бы случилось, что нас вытеснят из Рима, Кампании
и прежде всего из Сицилии, то — из всех несчастий самое
легкое — нас грызло бы сознание, что мы не смогли сделаться
13 богатыми за счет чужого достояния. Кроме того, вам надо
обратить внимание и на то, что Рим никогда не мог очень
долгое время защищаться даже при гарнизоне во много
десятков тысяч человек, так как Рим занимает очень боль-
шую площадь и, не будучи приморским городом, отрезан от
14 подвоза всяких съестных припасов. Римляне сейчас отно-
сятся к нам дружественно, но если их бедственное положение,
как это и естественно, будет продолжаться, они не задумают-
ся выбрать то, что для них лучше. Ведь те, которые недавно
15 с кем-нибудь заключили дружбу, обыкновенно сохраняют
ему верность, не перенося бедствия, но получая от него бла-
годеняния. Так и римлян голод заставит сделать многое, чего
16 бы они не хотели. Я лично твердо знаю, что за твое царское
величество я должен умереть, и потому меня живым никто
не может отсюда удалить. Смотри же сам, принесет ли тебе
18 какую честь такая смерть Велизария». Вот что написал
Велизарий. Император был очень взволнован и со всей по-
спешностью стал набирать войско и корабли и приказал
Валериану и Мартину идти возможно скорее со своими си-
19 лами. Они были отправлены с другим войском около зимнего
солнцееворота с приказом плыть в Италию. Доплыв до
20 Эллады (так как дальше с таким трудом продолжать путь
они не могли), они зазимовали в Этолии и Акарнании. Им-
ператор Юстиниан дал знать об этом Велизарю и тем еще
21 больше усилил бодрость у него и у всех римлян.

22 В это время в Неаполе случилось вот какое событие.
Там на площади находилось изображение Теодориха, короля
готов, сделанное из каких-то камешков, очень маленьких, но
23 разных цветов. У этого изображения как-то еще при жизни

Теодориха развалилась голова, и связь между рядами этих камешков сама собой нарушилась; очень скоро после этого
24 пришло известие о смерти Теодориха. Восемь лет спустя камешки, образовывавшие живот, внезапно развалились, и тотчас последовала смерть Аталариха, сына дочери Теодориха.
25 Прошло еще немного времени, упали на землю камешки около половых органов, и Амалазунта, дочь Теодориха
26 окончила свою жизнь. Вот что тогда там произошло. Когда готы приступили к осаде Рима, случилось, что на этом изображении выпали все камешки от бедер до самого конца ног.
27 Вследствие этого все изображение совершенно исчезло со стены, и римляне, принимая в соображение это обстоятельство, утверждали, что на войне войско императора одержит верх; ведь по их мнению ногами Теодориха не могло быть ничего другого, кроме народа готов, над которыми он властвовал; поэтому у них были еще более радостные надежды.
28 В Риме же некоторые из патрициев огласили предсказания Сивиллы, утверждая, что опасность для Рима будет продолжаться только до июля; что предсказано, будто тогда явится у римлян некий император, благодаря которому Рим в дальнейшем не будет бояться со стороны гетов. Они утверждали, что племя гетов это и есть готы. Это предсказание
<на латинском языке> гласило так:* «В месяце Квинтилии (т. е. пятом) под властью <нового> царя римлянин уже ничего
31 не <будет бояться> от гетов». Они утверждали, что пятым месяцем был июль, одни из них указывая на то, что с наступлением марта началась осада, другие же, что раньше, до царя Нумы, март считался первым месяцем, когда действительно время года делилось у римлян на десять месяцев
32 и июль поэтому назывался Квинтилием. Но во всем этом не было никакой правды: (новый) император не появился тогда у римлян, да и осада спустя еще целый год не была снята, и вновь при Тотиле, короле гетов, Риму пришлось испытать
33 те же опасности, о чем я расскажу впоследствии. Мне кажется, что это сивиллино предсказание указывало не на это

---

* Хаури (Haury) в критическом аппарате делает такое замечание: «Это предсказание до сих пор никто не мог прочесть и понять».

наступление варваров, но на какое-то другое или уже бывшее, или которое будет впоследствии. Я полагаю, что смысла сивиллиных предсказаний до исполнения этих событий для человека понять невозможно. Причина этого та, которую я сейчас изложу, исследовав все это сам. Сивилла говорит не обо всех событиях подряд, и нет связи и последовательности в ее речах. Указав в своем стихе о бедствиях Ливии, она тотчас же переносится к жизни персов. И там же, упомянув о римлянах, она переносит свое предсказание на ассирийцев; и вновь пророча о римлянах, она предсказывает бедствия британцев. Вот почему невозможно для какого-либо человека до исполнения дела понять что-либо из сивиллиных предсказаний; только само время, когда уже исполнится это дело и ее предсказания можно уже проверить, становится точным истолкователем ее песен. Но пусть об этом каждый думает, как ему угодно. Я же возвращусь к тому, на чем я закончил свой рассказ.

25. Ту ночь, когда готы были отбиты при штурме стен, обе стороны, как было сказано, провели без сна. На следующий день Велизарий велел всем римлянам отправить в Неаполь детей и жен и тех рабов, которые, по их мнению, не будут для них необходимы при охране стен, чтобы не оказаться перед лицом недостатка съестных припасов. То же самое он велел сделать и воинам, у кого был какой-либо раб или слуганка. Он им говорил, что во время осады он не в состоянии давать им продовольствия в обычном размере, но что он принужден им самим ежедневно выдавать половинную норму, а остальную в деньгах. Они так и сделали. И тотчас большое количество народа направилось в Кампанию. Одни из них отправлялись на кораблях, воспользовавшись теми, которые стояли на якоре в гавани Рима, другие же шли пешком по так называемой Аппиевой дороге. Тем, которые шли этой дорогой, так же как и идущим в гавань, не грозила никакая опасность, и им нечего было бояться со стороны осаждающих, так как неприятели не были в состоянии охватить укреплениями весь Рим вследствие величины города, а маленькими отрядами удаляться на большое расстояние от своих лагерей они не решались, боясь вылазок римлян. Поэтому осаж-

денные в течение долгого времени имели полную возможность уходить из города и извне ввозить в него продовольствие.

8 Особенно же по ночам варвары всегда испытывали великий страх и, поставив стражу, тихо сидели в своих лагерях.

9 Дело в том, что из Рима в числе других часто выходили маврусии и там, где они заставляли врагов или спящими, или на дороге малочисленными отрядами (что обычно часто случается при многочисленном войске вследствие необходимости добывать всякое продовольствие или пасти лошадей, мулов или другой скот, идущий на еду), они их убивали и тотчас же забирали добычу; если же случалось, что они попадали на неприятелей более многочисленных, чем они, они бегом уходили от них, будучи по природе людьми быстроногими,

10 легко вооруженными и привычными к бегу. Таким образом, из Рима спокойно могло переселиться большое количество народа, и одни из них отправались в Кампанию, другие в Сицилию, а некоторые ушли в другие места, где они считали,

11 что им будет лучше и куда легче добраться. Видя, что число воинов у него совсем не соответствует длине стен (воинов у Велizarия, как было мной сказано выше, было мало), и так как одни и те же воины не могли нести без сна сторожевой службы, но часть их естественно должна была спать, когда другие стояли на страже, кроме того, видя, что большая часть простого народа страдает от бедности и недостатка съестных припасов (ведь люди рабочие и ремесленники запасов всего имеют лишь на один день, а вследствие осады вынужденные остаться без заработка, они не имели никаких средств для приобретения себе пропитания), Велizarий зачислил их в качестве рядовых воинов и присоединил к каждому сторожевому отряду, назначив такому рядовому определенное ежедневное жалованье. Таких групп оказалось достаточно для несения сторожевой службы, и каждой такой группе в определенную ночь была назначена охрана укреплений, и все они сторожили попеременно. Этим Велizarий разрешил вопрос о недостатке и с той и с другой стороны.

12 Так как появилось подозрение, что архиерей города Сильверий замышляет измену в пользу готов, Велizarий тотчас выслал его в Элладу и немного спустя назначил

13

14 архиереем другого, по имени Вигилия. Некоторых сенаторов
по той же самой причине он изгнал из города, когда же враги,
сняв осаду, удалились, он вновь вернул их на родину.
15 В числе их был и Максим, предок которого, тоже Максим,
совершил убийство императора Валентиниана. Боясь, как
бы не произошел какой-либо злой умысел со стороны сторо-
жей у ворот и чтобы извне не пришел кто-нибудь, чтобы под-
купить их деньгами, два раза в месяц он менял все ключи,
передельвая их на новый лад, а сторожей ставил на другое
сторожевое место, далеко в стороне от прежнего, стороже-
вым же отрядам, охранявшим стены, он каждую ночь давал
16 новых начальников. Им было поручено обходить последо-
вательно определенный участок стены и записывать имена
сторожей, и если кого-либо из них не было, тотчас же ставить
на его место другого и на другой день доносить ему, кого не
было на месте, чтобы подвергнуть его надлежащему наказа-
17 нию. Он приказал, чтобы музыканты играли ночью на стенах
на своих музыкальных инструментах; некоторых из воинов,
особенно маврусиев, он посылал по ту сторону стены; они
должны были ночевать всегда перед рвом, а с ними вместе
он посылал и собак, чтобы никто даже издалека не мог неза-
18 метно подойти к укреплениям. В это время некоторые из
римлян попытались тайно открыть ворота храма Януса.
19 Этот Янус является первым из древних богов, которых рим-
ляне на своем языке называют пенатами. Он имеет храм на
площади (форуме) перед зданием сената, немного выше храма
Tria Fata (три судьбы), — так римляне на своем языке сочли
20 нужным называть Мойр. Весь его храм медный, выстроен
в виде четырехугольника, такой, что только прикрывает
21 статую Януса. Она из меди, не меньше чем в пять локтей
величиной, во всем похожа на человека, но имеет голову
с двумя лицами; одно из ее лиц обращено на восток, другое
22 на запад. Перед его лицами находятся медные двери; в древ-
ности во время мира при счастливых обстоятельствах римляне
считали нужным держать эти двери закрытыми, а когда у них
23 была война, они их открывали. Когда же римляне вместе
со всеми другими приняли христианскую веру, эти двери
24 они уже не открывали, даже когда у них была война. Но во

время этой осады некоторые, как я думаю, еще исповедующие древнее суеверие, попытались тайно их открыть, но не смогли сделать это вполне, если не считать, что в дальнейшем двери
25 не запирались уже так плотно, как раньше. Те, кто хотел это сделать, остались ненайденными. По этому делу не было произведено никакого следствия, так как время было смутное и так как это не исходило от начальников, а если шло от народа, то от очень малого числа.

1   **26.** Полный гнева, не зная, что ему делать, Витигис послал в Равенну некоторых своих телохранителей с приказанием убить всех римских сенаторов, которых он увел туда
2 в начале этой войны. Некоторые из них, узнав об этом вперед, успели бежать, в том числе были Вергентин и Репарат, брат Вигилия, римского архиерея; оба они удалились в Лигурию
3 и там оставались. Все же остальные были убиты. Затем Витигис, видя, что враги с полной безопасностью вывозят из города все, что захотят, и водой и сухим путем получают съестные припасы, решил захватить гавань, которую римляне
4 называют Портом. Она была расположена от Рима на расстоянии ста двадцати шести стадий: на такое расстояние Рим отстоял от моря, и это мешало ему (считаться) приморским
5 городом. Там есть место, где начинается устье реки Тибра; протекая мимо Рима, когда он подходит к морю приблизительно на расстояние стадий на пятнадцать, он разделяет свое течение и образует там остров, называемый «Священным»
6 (Isola sacra). При дальнейшем течении реки остров становится все шире и шире, так что его длина становится одинаковой с его шириной, и расстояние между тем и другим рукавом равняется пятнадцати стадиям. Тибр остается судоходным
7 и с той и с другой стороны. Правый рукав реки впадает в Порт. Рядом с этим устьем на берегу реки римляне в древности выстроили город, окруженный очень крепкой стеной,
8 и одноименно с гаванью дали ему название «Порт». Налево же, у места второго впадения Тибра в море, по ту сторону реки, на берегу лежит город Остия; в древности это был знаменитый город, теперь же он совершенно лишен стен. Дорогу,
9 которая ведет из Порта в Рим, ровную и очень удобную (для передвижения), римляне выстроили еще в древности.
10

В гавани специально стоят всегда на якорях много египетских грузовых судов, и поблизости находится наготове много быков. Когда купцы приходят в гавань на своих кораблях, то, перегрузив товары с своих судов на эти барки, они плывут по Тибру в Рим, совершенно не пользуясь ни парусами, ни веслами; никакой ветер здесь не в состоянии двигать эти суда, так как река делает частые повороты и течет не прямым путем, да и весла не могут здесь ничем помочь, так как сильное течение реки все время несетя им навстречу; но при помощи канатов, накинутых с барок на шею быков они тащат их, как повозки, вплоть до самого Рима. По другую сторону реки, если направляться из Остии в Рим, идет лесистая и совершенно заброшенная дорога и не по берегу Тибра, так как здесь не было волока для барок. Найдя город и гавани неохранными, готы взяли его при первом же падении и многих из римлян, живших там, убили и вместе с городом захватили и гавань. Оставив там гарнизон в тысячу человек, все остальные готы вернулись к себе в лагерь. Поэтому осажденным получать продовольствие с моря стало невозможно, кроме как через Остию, и при этом, конечно, с большим трудом и опасностью. Корабли римлян уже больше не могли приставать сюда, но становились на якорь в Анции, отстоявшем от Остии на расстоянии одного дня пути. Перегрузив там товары, они с трудом доставляли их в Рим. Причиной всего этого был недостаток в людях. Боясь за укрепления Рима, Велизарий не имел возможности занять гавань какой-либо охраной. Я думаю, если бы ее охраняло всего триста человек, варвары не сделали бы даже попытки взять это место, так как оно было очень сильно укреплено.

27. Вот что сделали готы на третий день, после того как они были отбиты при штурме стен. Дней двадцать спустя после того, как они взяли Порт, город и гавань, прибыли Мартин и Валериан, приведя с собой тысячу шестьсот всадников. Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега. Велизарий был обрадован их прибытием и считал, что в дальнейшем им нужно перейти в наступление против врагов. И вот, на другой день он приказывает

одному из своих телохранителей, человеку смелому и деятельному, по имени Траяну, взяв из щитоносцев двести всадников, итти прямо на варваров и, подойдя очень близко к их укреплениям и поднявшись на высокий холм (он ему указал его), держаться спокойно. В случае если неприятель двинется против них, он приказал не давать им вступать в рукопашный бой или браться за мечи или дротики, а пользоваться только луками; когда же он увидит, что их колчаны опустели, то без всякого стыда обратиться в бегство и изо всех сил бегом вернуться в укрепления. Дав такие поручения, он держал наготове метательные машины и специалистов около них. Выйдя с двумястами из Саларийских ворот, Траян двинулся на неприятельский лагерь. Пораженные неожиданной вылазкой, готы двинулись из лагерей, вооружившись каждый чем попало. Воины, бывшие с Траяном, взойдя на холм, который им указал Велизарий, отражали оттуда варваров, поражая их стрелами. И их стрелы, так как они попадали в большую толпу, всегда поражали или человека, или коня. Когда же у них истощились все стрелы, они изо всех сил помчались назад, а на них наседали преследовавшие их готы. Когда они оказались близко от стен Рима, то приставленные к этому люди стали пускать во врагов из машин стрелы, и испуганные варвары приостановили свое преследование. Говорят, что в этом деле у готов погибло не меньше тысячи. Немного дней спустя Велизарий послал Мундилу, другого из своих телохранителей, и Диогена, людей исключительно хорошо знавших военное дело, с тремястами щитоносцев, приказав им делать то же, что и первым. И они действовали тем же способом. Когда неприятели двинулись против них, то им удалось тем же способом порубить их не меньше, если не больше, чем в первом деле. Послав в третий раз с тремястами всадников своего телохранителя Оилу, чтобы сделать с врагами то же самое, он и на этот раз получил тот же результат. В этих трех, как мною сказано, вылазках он убил приблизительно четыре тысячи человек.

15 Так как Витигис не понимал различия между обоими войсками как в отношении вооружения, так и в отношении опытности в военном деле, то он полагал, что очень легко

16 может нанести врагам сильное поражение, если сделает
на них вылазку небольшим отрядом. И вот он послал пятьсот
всадников, приказав им идти возможно ближе к укреплениям
и выполнить по отношению ко всему их войску то, что они
сами неоднократно испытали от небольшого числа врагов.
17 Они, остановившись на возвышенном месте недалеко от го-
18 рода, но так, чтобы быть вне полета стрел, стояли там. Ве-
лизарий, выбрав тысячу человек и поставив во главе их
19 Бесса, велел им всем вместе напасть на неприятелей. Окру-
жив неприятелей и все время поражая их с тыла, они многих
20 убили, а остальных принудили спуститься в равнину. Когда
здесь завязалась рукопашная битва, не равная по силам, то
многие готы были убиты, и лишь очень немногие с трудом
21 бежали и вернулись в свой лагерь. Витигис встретил их рез-
кими словами, как побежденных из-за собственной трусости;
он надеялся, что вскоре он поправит этот несчастный случай
при помощи доблести других; в данное же время он оставался
спокойным. Спустя три дня, выбрав из всех лагерей пятьсот
22 человек, он велел им проявить с своей стороны по отношению
к врагам дела, достойные доблести (могучих воинов). Когда
Велизарий увидел, что они подошли близко к стенам, он
послал против них тысячу пятьсот человек под начальством
23 Мартина и Валериана. В произошедшей тотчас же конной
битве римляне, намного превосходя их численностью, без
всякого труда обратили их в бегство и перебили почти
всех.
24 Враги считали это вообще несчастным случаем и проявлени-
ем злой судьбы, именно то, что, будучи в большом коли-
честве, они терпят поражение от небольшого отряда неприят-
25 телей, выступивших против них, а с другой стороны, сами,
нападая на них небольшими отрядами, ими избиваются.
Римляне же открыто восхваляли умение и предусмотритель-
ность Велизария, само собой разумеется, очень им удивлялись,
но в частных беседах его близкие спрашивали его, основыва-
ясь на чем в тот день, когда он, побежденный врагами,
должен был от них бежать, высказывал твердую уверенность,
что он победит их на войне силой в открытом сражении?
26 И он сказал, что, в самом начале, вступив в сражение с не-

большим отрядом, он заметил, какая разница между тем и другим войском, так что если вступить в сражение, сохраняя пропорциональное соотношение сил, то многочисленность врагов не может причинить вреда его малочисленному войску. Разница в том, что почти все римляне и их союзники гунны являются хорошими стрелками из луков верхом, а из готов с этим делом никто не знаком,²⁴ но их всадники привыкли пользоваться только дротиками и мечами; их же стрелки сражаются пешими и вступают в бой, прикрытые рядами тяжеловооруженных воинов. Поэтому их всадники, если идет не рукопашный бой, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луками, легко ими поражаемые (стрелами), гибнут, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников. Вследствие этого, утверждал Велизарий, варвары в этих столкновениях побеждаются римлянами. Готы же, принимая во внимание такие странные несчастья, происходящие с ними, уже в дальнейшем не подходили к стенам Рима небольшими отрядами, и не преследовали врагов, вызывавших и беспокоивших их; они только отгоняли их на известное расстояние от укреплений.

1   28. Затем всех римлян, возгордившихся удачными стычками, охватило страстное желание вступить в бой со всем войском готов; они полагали, что им надо сразиться с ними
2 в открытом сражении. Велизарий же, полагая, что слишком велика еще <численная> разница между обоими войсками, боялся подвергнуть опасности все войско; вместо этого он старался делать все чаще и чаще вылазки и придумывал
3 всякие хитрости против врагов. Однако, подвергаясь обидным упрекам со стороны войска и остальных римлян, он отказался (от этой тактики), решив сражаться всем войском
4 и не совершать больше нападений в виде вылазок. Выступая таким образом, он часто бывал отбит и принужден был откладывать наступление до следующего дня, так как, сверх ожидания, он находил врагов в полной готовности: они были извещены перебежчиками о предстоящем нападении.
5 Поэтому-то в дальнейшем он решил сражаться в открытом бою. И варвары охотно приняли сражение. И вот когда и с той и с другой стороны все было приготовлено как можно

лучше, Велизарий, собрав все войско, обратился к нему с таким увещанием: «Не потому, чтобы я видел в вас, воины, какую-либо слабость, и не потому, что я, боясь силы врагов, уклонялся от открытого боя с ними, но так как я думал, что, ведя войну мелкими стычками, которые приводят к прекрасным результатам, мы навсегда должны закрепить за собою эти причины наших успехов. Менять методы, благодаря которым (в данное время разумно примененным) наши дела счастливо движутся вперед, на другие я считал неблагоприятным. Однако, видя ваше воодушевление и решимость к бою, я исполнился лучших надежд и не буду стоять на дороге вашему стремлению. Ведь я знаю, что всегда по большей части в решительный момент на войне жребий решается волей сражающихся и дело получает счастливое направление по большей части благодаря их воодушевлению. Что войско небольшое, но доблестное может преодолеть численностью превышающего врага, это знает каждый из вас не по слухам, но придя к этому на основании ежедневных боев. От вас будет зависеть не покрыть стыдом славу прежних моих походов и мою надежду на вас, внушенную вашим рвением. Ведь все, что нам предстоит совершить в этой войне, по необходимости должно быть решено исходом нынешнего дня. Я вижу, что и данный момент нам помогает: настроение врагов, подавленное предшествующими успехами нашими, даст нам, конечно, легко победу над ними. Ведь мысли людей, не раз терпевших поражение, менее всего способны проявиться в храбрых и решительных действиях. Пусть из вас никто не падит ни коней, ни копий, ни другого какого оружия: я немедленно все испорченное в бою заменю вам другим».

После такого увещания Велизарий вывел войско через маленькие ворота, Пинцианские, и через большие ворота, Саларийские, и немногим велел идти через Аврелиевы ворота на Нероново поле; во главе их он поставил Валентина, начальника регулярной конницы, и приказал ему не начинать никакого боя и не подходить очень близко к лагерю врагов, но всегда делать вид немедленного своего нападения, чтобы никто из врагов, находящихся на этой стороне, перейдя

мост в этом месте, не мог помочь тем, которые находятся
17 в других лагерях. Так как большое число варваров, как
я указывал выше, стояло лагерем на Нероновом поле, ему
казалось вполне достаточным не дать возможности принять
им всем участие в сражении и отделить от другого войска.
13 Когда некоторые из римских плебеев хотели в качестве волон-
теров следовать за ними, он не позволил им стать в одни ряды
со своими воинами, боясь, как бы во время боя они, являясь
простыми ремесленниками и людьми совершенно неопытными
в военном деле, испугавшись опасности, не привели в заме-
19 шательство все войско. Но он велел им стать отдельным от-
рядом за воротами Панкратия, которые находились по ту
сторону Тибра, и стоять спокойно, пока он не даст им знака;
он предвидел, как это и случилось, что враги, увидав их и
тех, которые были с Валентином на Нероновом поле, не
рискнут покинуть свой лагерь и вместе с другим войском
20 вступить в сражение против него. Он считал счастливой
находкой для себя и делом очень важным — удержать столь
большое количество врагов вдали от неприятельского войска.
21 У Велизария было намерение в этот день дать только кон-
ное сражение, так как очень многие из пехотинцев, не желая
уже оставаться в этом положении, забрав себе в качестве
добычи коней неприятелей и будучи опытными в езде
22 верхом, сами стали всадниками. Пехотинцы же были
немногочисленны и не могли составить отряда, стоящего
внимания; они и смелости не имели вступить с варварами
в рукопашный бой, но при первом же натиске обращались
в бегство; поэтому Велизарий не считал безопасным ставить
их далеко от укреплений, но держал их близко от рва в бое-
вом порядке с тем, чтобы, если случится, что его всадники
обратятся в бегство, они могли принять бегущих и вместе
с ними, сохранив свежими свои силы, отразить противников.
23 Но некий Принципий, бывший в числе его телохранителей,
человек очень видный, писид родом, и исавр Тормут, брат
Энна, вождя исавров, представ перед Велизарием сказали
24 ему следующее: «О лучший из вождей! Не считай нужным
лишить свое войско, столь маленькое, которому предстоит
сражаться с десятками тысяч варваров, помощи отряда

пехоты, и не следует тебе относиться с таким презрением к римской пехоте, благодаря которой одной, как мы слышим, власть древних римлян дошла до такой степени величия.

25 Если ей не пришлось в этой войне совершить чего-либо достойного упоминания, это доказательство не негодности воинов, но по справедливости вину за это несут начальники пехоты; они одни в строю ездят верхом и не считают нужным подвергнуться общей судьбе сражения со своими воинами, но каждый из них спешит обратиться в бегство даже еще до

26 начала столкновения. Всем этим начальникам пехоты, которые, как ты видишь, сделались всадниками и меньше всего хотят стоять в одних рядах со своими подчиненными, вели идти в это сражение, став вместе с остальным конным войском. Нам же разреши командовать пехотой в этом столкновении. Являясь и сами пехотинцами, мы вместе с ними вынесем на себе все множество варваров, надеясь совершить против врагов все то, что пошлет бог». Услышав это, Велизарий сначала не согласился. Он очень любил обоих этих лиц, очень воинственных и смелых, и не хотел подвергать опасности пехотинцев, которых было мало. Наконец под настойчивым давлением этих людей он разрешил немногим из них

27 стать вместе с другими римскими плебеями у ворот и наверху стен у бойниц, а другим, поставив их под начальство Принципия и Тармута, он велел стоять в рядах позади них, чтобы они, сами охваченные страхом, не привели в замешательство

28 остальное войско, и если случайно какая-либо часть конницы обратится в бегство, чтобы она не убегала очень далеко, но, скрывшись за ряды пехотинцев, могла вместе с ними отразить преследователей.

1 **29.** Такие приготовления были сделаны римлянами для этого сражения. С другой стороны, Витигис вооружил всех готов, не оставив в вооруженных лагерях никого, кроме не-

2 способных к бою. Отрядам Марция он велел оставаться на Нероновом поле, заботясь об охране моста, чтобы враги не напали на них с этой стороны; сам же он, собрав все остальное войско, сказал следующее:

3 «Быть может кому-нибудь из вас покажется, что я боюсь за свою власть и поэтому так ласково отношусь к вам и

говоря такие заманчивые речи, призывая вас к храбрости.

4 Их мысли не далеки от того, что свойственно человеческому характеру. Обычно глупые люди к тем, в чьей помощи они нуждаются, проявляют всякую любезность, хотя бы по своему положению эти люди были много ниже их; по отношению же к другим, чья служба им не требуется, они держатся недо-

5 ступно. Меня же не беспокоит ни потеря жизни, ни лишение власти. Я бы с радостью сегодня же скинул с себя этот пурпур, если бы им мог быть облечен какой-либо муж из племени готов. И конец Теодата я считал самым счастливым потому,

6 что ему пришлось потерять и власть, а вместе и жизнь от руки своих соплеменников. Несчастье, выпадающее на долю какого-нибудь частного человека, если оно не влечет за собою гибель народа, для человека разумного заключает в себе

7 некоторое утешение. Когда же я подумаю о несчастьи вандалов и связанном с ним концом Гелимера, передо мной рисуется тяжелая картина, и я вижу уже готов с их детьми рабами, вижу, как ваши жены должны служить игрушкой позорнейшего разврата для жестоких врагов наших, себя и внучку по дочери Теодориха отправленными туда, куда угодно нынешним нашим врагам. Желал бы я, чтобы и вы,

9 боясь да не случится этого, смело шли на этот бой. Да будет так, чтобы вы гибель на месте боя поставили для себя выше, чем спасение после поражения. Единственно, в чем благородные люди видят для себя несчастье, это быть побежденными врагами. Смерть, помимо того, что приходит быстро, делает всегда счастливыми тех, которые раньше не пользовались радостями жизни. Совершенно ясно, что если с такими мыслями вы поведете бой, то очень легко победите врагов, немногочисленных, при этом греков или им равных, и тотчас же накажете их за обиды и оскорбления, которые

11 они с самого начала нам нанесли. Ведь мы с гордостью можем сказать, что и доблестью, и численностью, и всем остальным мы превосходим их. Они же проявляют дерзость против нас, окрыленные нашими бедами, и единственной поддержкой им служит то, что они нас по своей глупости недооценивают. Их дерзость питает лишь доставшаяся им незаслуженно (прежняя) удача».

12

13 Обратившись с такими словами ободрения, Витигис стал
строить свое войско в боевой порядок; пехоту он поставил
14 в центре, а всадников — на обоих флангах. Свой боевой строй
он устанавливал недалеко от укрепленных лагерей; сознатель-
но он его развернул очень близко от своих укреплений
с той целью, чтобы, как только начнется бегство (врагов),
его воины, имея, таким образом, большое пространство для
преследования, легко могли бы их захватить и уничтожить.
15 Он надеялся, — если сражение произойдет на равнине вблизи
от лагерей, — что враги не смогут оказать сопротивление да-
же на короткое время; ему это казалось вещь невероятной,
так как между войском врагов и его собственным не было
никакого соответствия <по численности>.

16 С обеих сторон рано утром воины вступили в сражение.
Витигис и Велизарий, находясь в тылу, побуждая тех и дру-
17 гих, старались внушить им смелость. И вначале успех был
на стороне римлян: варвары под ударами их стрел падали
18 в большом числе, но не обращались в бегство. Так как готы
стояли в огромном числе, то на место погибших очень легко
становились другие, и не чувствовалось никакого урона
с их стороны. Римлянам, бывшим в столь незначительном
числе, казалось достаточным закончить битву таким успе-
19 хом; ведь до полудня они вели битву почти у самого лагеря
неприятелей, убили многих из противников, поэтому им
хотелось вернуться в город, если бы для этого явился какой-
20 нибудь предлог. В этом бсю наиболее блестящими бойцами
оказались римляне Афеодор, родом исавр, наиболее славный
из телохранителей Велизария, Феодорет и Георгий — тело-
21 хранители Мартина, оба родом кашпадокийцы. Они, постоянно
выезжая на боевую линию фронта, своими копьями поражали
22 многих из варваров. Так шли дела в этом месте. На Неро-
новом поле обе стороны долго стояли друг против друга,
а маврусии, делая постоянные налеты и поражая врагов дро-
23 тиками, причиняли готам много неприятностей. Выступить
против них готы никак не решались, боясь недалеко стоя-
щего отряда, состоящего из римских плебеев; они считали
их воинами и думали, что они, готовя им какое-либо ковар-
ное нападение, стоят сейчас спокойно, с тем чтобы, зайдя

24 им в тыл и напав с двух сторон, всех их перебить. День при-
ближался уже к полудню, когда римское войско делает
внезапно натиск на врагов, а готы сверх ожидания обращают-
ся в бегство, пораженные таким внезапным действием.
25 У них нехватило мужества бежать в укрепленный лагерь,
но, бросившись к находящимся здесь холмам, они на них
остановились. Римлян было много, но не все были воинами,
большинство было простой толпой, вышедшей с голыми ру-
26 ками. Так как главный начальник был на другой стороне,
то многие из матросов и обслуживающих рабов, желая при-
нять участие в этой битве, соединились с войском, бывшим
27 на этой стороне. Своей численностью они испугали, как было
сказано, варваров и заставили их бежать, но своей недисци-
28 плинированностью они испортили дело римлян. Благодаря
этой примеси воины пришли в полный беспорядок, и хотя
Валентин не раз давал им точные и настойчивые приказания,
29 они не стали слушать его увещаний. Поэтому они не убили
никого из бегущих, не пожелав их преследовать, но позво-
лили им спокойно и безопасно остановиться на холмах и
30 смотреть на то, что происходило (далее). Им даже не при-
шло на ум разрушить находящийся здесь мост, для того чтобы
в дальнейшем город не подвергался осаде со стороны варва-
ров с двух сторон, так как тогда варвары не могли бы уже
31 стоять лагерем по ту сторону Тибра. Не перешли они и по
мосту, чтобы напасть с тыла на врагов, которые там сража-
лись с Велизарием. Если бы это было сделано, то, я думаю,
готы, несмотря на всю свою силу, тотчас же обратились бы
32 в стремительное бегство, как только кто мог. Теперь же они,
овладев лагерем врагов, приступили к грабежу бывших там
ценностей и стали тащить оттуда много серебряной посуды
33 и других ценных вещей. Некоторое время варвары смотрели
спокойно на то, что творится, и оставались на месте. Но в кон-
це концов, придя в себя, они, единодушно охваченные
сильным гневом, с громким криком устремились на
врагов.
34 Захватив людей, которые без всякого порядка грабили их
имущество, они многих убили, а остальных заставили стре-
мительно бежать. Те же из них, которые были захвачены

в лагере, но не убиты, сбросив с плеч забранные ими драгоценности, были рады, что им удалось бежать.

35 В то время как это происходило на Нероновом поле, дру-
гое войско варваров, находившееся вблизи от своего укреп-
ленного лагеря, прикрывшись щитами, стало сильно напи-
рять на противников; они убили многих воинов, а еще больше
36 коней. Когда многие из римлян, получивших раны, или по-
терявших своих коней, должны были покинуть строй, то
в их войске, и прежде бывшем небольшим, еще заметнее
стала малочисленность и ярко бросилось в глаза, насколько
37 оно уступает огромному количеству готов. Заметив это, всад-
ники варваров с правого фланга стремительно двинулись
на врагов. Римляне в этой части войска не выдержали их
копий, обратились в бегство и устремились к отряду пехоты.
38 Но и пехотинцы точно так же не выдержали наступления
врагов, и большинство их вместе с всадниками бежало.
Тотчас же стало отступать и остальное войско римлян, на
39 которое наседали готы, и бегство стало всеобщим. Принци-
пий и Тармут с немногими из окружающих их пехотинцев
40 показали примеры доблести, достойные их: они продолжали
сражаться и меньше всего желали вместе с другими обращать-
ся в бегство. Готы, охваченные глубоким изумлением перед
их храбростью, остановились, и это дало возможность осталь-
41 ным пехотинцам и большинству всадников спастись. Прин-
ципий, тело которого все было изрублено, пал тут же и около
42 него сорок два пехотинца. Тармут же, держа в обеих руках
исаврийские дротики, все время поражая нападающих то
с той, то с другой стороны, под влиянием ран начал осла-
бевать; тогда ему на помощь с несколькими всадниками при-
шел его брат Энн. Это дало ему возможность передохнуть,
и он, весь покрытый кровью и ранами, но не потеряв ни од-
ного из своих дротиков, быстрым бегом бросился к укрепле-
43 ниям. Будучи по природе быстроногим, он имел силы добе-
жать, хотя телом был истерзан, и пройдя через Пинцианские
ворота, пал. Сочтя его умершим, некоторые из его товарищей
44 подняли его на щит и отнесли домой. Прожив еще два дня,
он умер, оставив по себе великую славу и среди исавров и
45 во всем остальном войске. Римляне, находясь в величайшем

страхе, стали заботиться об охране стен и, закрыв среди
полного смятения ворота города, не принимали бегущих,
46 боясь, как бы вместе с ними не ворвались и враги. Беглецы,
не успевшие оказаться внутри укреплений, перешли через
ров и, прислонившись спиной к укреплениям и забыв о вся-
кой доблести, стояли в страхе, не имея уже сил защищаться
от варваров, наседавших на них и собиравшихся перейти
47 через ров. Дело в том, что у многих во время боя и бегства
копья поломались, а луками они не могли пользоваться,
48 так как в этом узком месте они сами себя стесняли. Пока
наверху укрепления не появилось много защитников, готы
наступали, надеясь перебить всех отрезанных от города и
штурмовать стены города и тех, которые были в укреплении.
49 Когда же они увидели на укреплениях у бойниц большое ко-
личество воинов и римских плебеев, готовых защищаться,
они тотчас отказались от своего намерения и отступили, при-
чинив много зла неприятелям.

50 Так битва, начатая около лагеря варваров, окончилась
около рва и стен города.

К Н И Г А VI

(КНИГА П ВОЙНЫ С ГОТАМИ)

1 1. После этого римляне уже не решались подвергаться
опасности сражения всем войском, но, как и прежде, они де-
2 лали внезапные конные вылазки и по большей части по-
беждали варваров. Выходили также и пехотинцы с той и
3 другой стороны, но не большими боевыми фалангами, а (не-
большими отрядами), сопровождая всадников. Как-то раз
Бесс при первом натиске ворвался в ряды врагов с копьём
в руке и убил трех из славнейших всадников готов, а осталь-
4 ных обратил в бегство. В свою очередь Константин, выведя
поздно вечером гуннов на Нероново поле и увидав, что враги
5 подавляют их своей численностью, сделал следующее. С преж-
них времен здесь находился большой стадион, на котором
в древности сражались гладиаторы Рима; старинные жители
города построили вокруг этого стадиона много разных зда-
6 ний и поэтому, что и естественно, повсюду в этом месте обра-
зовались узкие проходы. И вот тогда-то Константин, не имея
возможности ни одолеть такой большой толпы готов, ни от-
ступить, не подвергаясь большой опасности, приказав всем
гуннам сойти с коней, сам пеший вместе с ними стал в одном
7 из здешних узких проходов. И отсюда, поражая безопасно
для себя стрелами врагов, они убили многих. Поражаемые
8 ими готы некоторое время выдерживали: они надеялись, что
как только в колчанах гуннов не окажется больше стрел,

они без всякого труда окружают их и, связав, отведут их
9 в свой лагерь. Когда же массагеты, бывшие отличными стрел-
ками, посылая свои стрелы в большую толпу врагов, попадали
ими почти каждый раз то в одного, то в другого неприятеля,
то готы, заметив, что у них погибло больше половины, на
закате солнца, не зная, что им делать, устремились в бегство.
10 Массагеты, преследуя их, так как они прекрасно умели стре-
лять из лука даже на полном скаку, все так же искусно по-
ражали их во время бегства в спину. Таким образом, в Рим
Константин вернулся с гуннами уже ночью.

11 Когда немного дней спустя Пераний вышел на врагов
с несколькими римлянами через Саларийские ворота, готы
стремительно бежали; но когда около захода солнца они вне-
запно сами сделали нападение, то один из римских пехотин-
цев, придя в большое замешательство, упал в какую-то глу-
бокую яму, каких прежние жители наделали здесь много,
12 думаю, для того, чтобы в них сохранять хлеб. Не смея под-
нять крик, так как недалеко стояли лагерем враги, и не имея
возможности никаким образом выйти из этой ямы, так как
нигде нельзя было подняться наверх, он принужден был там
13 провести ночь. На следующий день, когда вновь произошло
14 бегство варваров, в ту же яму упал один из готов. Под влия-
нием необходимости они заключили между собою близкую
дружбу и дали друг другу слово, что каждый из них должен
15 будет заботиться о спасении другого. Тогда они оба подвляли
сильный крик. Идя на их голоса и заглянув в яму, готы
16 спросили, кто это кричит. Тут, как было уговорено между
ними обоими, римлянин хранил молчание, а другой на род-
ном языке вкратце рассказал, как во время происшедшего
бегства он свалился в эту яму, и просил опустить веревку,
17 чтобы ему подняться наверх. Они тотчас же сбросили туда
концы канатов, думая дать возможность подняться готу,
но наверх был вытащен римлянин, схватившийся за веревки;
он говорил, что если он поднимется первым, то готы никогда
не покинут своего товарища, если же они узнают, что там
остался один только неприятель, то они не обратят на него
никакого внимания. С такими словами он стал подниматься.
18 Когда готы увидели его, они удивились и находились в боль-

шом недоумении, но выслушав весь рассказ, они затем вы-
тащили своего товарища, который подтвердил бывший у них
19 уговор и данное друг другу обещание. Сам гот со своими
товарищами ушел в лагерь, римлянина же, не сделав ему
20 никакого вреда, отпустили в город. И после этого всадники
часто выходили с обеих сторон, но небольшими отрядами,
вооруженные, как на битву, но эти столкновения у них всегда
оканчивались единоборством, при этом во всех случаях
римляне оказывались победителями. Так шли тогда дела.
21 Немного времени спустя после битвы на Нероновом поле,
когда небольшими конными отрядами римляне преследовали
врагов в различных направлениях, Хорсамант, один из слав-
нейших телохранителей Велизария, массагет родом, с дру-
22 гими семьюдесятью воинами также преследовал их. Когда они
продвинулись далеко по равнине, остальные римляне повер-
нули назад, но Хорсамант один продолжал преследование.
23 Увидав это, готы, повернув коней, бросились на него. Он же
ворвавшись в середину их и убив копьем одного из лучших
воинов, кинулся на других; тогда они, повернув тыл, вновь
24 бросились бежать. Стыдясь тех, которые были в лагере
(а они могли думать, что оттуда смотрят на них), они вновь
25 решились обратиться против него. Но испытав то же, что
и раньше, потеряв одного из лучших своих воинов, они все
также обратились в бегство и остановились не раньше, чем
Хорсамант, загнав их в укрепление, не повернул, оставшись
26 один, назад. Немного времени спустя в другом сражении
он был ранен в икру левой ноги и почувствовал, что стрела
27 затронула у него поверхность кости. Став неспособным к бою
в течение нескольких дней, как это естественно при такой ране,
будучи варваром, он не мог снести этого спокойно, но гро-
зил, что отомстит при первой возможности готам за такое
28 оскорбление и вред, нанесенный его голени. Немного спустя,
поправившись и выпив за обедом по обычаю вина, он замы-
слил один итти против врагов и отомстить им за обиду, на-
несенную его ноге; у Пинцианских (маленьких) ворот он
сказал, что послан Велизарием к неприятельскому лагерю.
29 Стоявшие там сторожа (они не имели основания не верить
лучшему из телохранителей Велизария) открыли ему во-

30 рота и дали возможность отправиться, куда он хотел. Увидав
его, враги сначала подумали, что к ним идет какой-либо
перебежчик; когда же он был близко от них и пустил в ход
свой лук, не зная, кто он такой, они вышли против него в ко-
31 личестве двадцати человек. Легко отразивши их, он медленно
поехал дальше, и, когда против него выступило еще большее
32 число готов, он не обратился в бегство. Окруженный со всех
сторон огромной толпой, он счел для себя долгом чести с ними
сражаться; римляне, смотревшие на него с башен, стали
подозревать, что этот человек сошел с ума, но они совсем
33 не думали, что это Хорсамант. Совершив много подвигов,
заслуживающих великих похвал, но попав в кольцо неприят-
34 тельского войска, он понес наказание за свою неразумную
смелость. Когда об этом узнал и Велизарий и римское войско,
их охватила большая печаль; они были огорчены, так как
в лице этого человека у всех погибла их надежда на <храб-
рость> и помощь со стороны этого героя.

1 2. Около летнего солнцеповорота некий Евфалий прибыл
из Византии в Террацину с деньгами, которые император
2 был должен солдатам. Боясь, как бы встретившиеся ему
на дороге неприятели не отняли у него денег и не убили бы
его самого, он пишет Велизарию, чтобы он дал ему возмож-
3 ность безопасно прибыть в Рим. Велизарий, выбрав из своей
свиты сто самых славных щитоносцев, с двумя своими тело-
хранителями посылает их в Террацину, чтобы они доставили
4 ему деньги. А варваров все это время он держал в ожидании,
что будет сражаться с ними всем войском, с тем чтобы враги
даже небольшими отрядами не уходили отсюда для добыва-
5 ния продовольствия или за чем-либо другим. Когда он узнал,
что на другой день прибудет Евфалий с отрядом, он распреде-
лил и устроил войско как будто для битвы, а варвары
6 в свою очередь были на-чеку. С самого раннего утра он дер-
жал солдат около ворот; он знал, что Евфалий и его спутники
7 придут к ночи. В полдень он велел войску пообедать;
то же самое сделали и готы, полагая, что битва откладывается
8 на следующий день. Немного позже Велизарий послал
Мартина и Валериана с их свитой на Нероново поле, поручив
им привести в возможно большее смущение неприятельское

9 войско. А из маленьких Пицианских ворот он послал против
10 укрепленного лагеря варваров шестьсот всадников. Во главе
их он поставил трех своих телохранителей — Артасира,
родом перса, Боху, родом массагета, и Кутилу, фракийца.
11 Им навстречу выехал большой отряд неприятелей. Долгое
время сражение не переходило в рукопашный бой, но каждая
сторона при наступлении других отступала, каждая делала
быстрые и неожиданные наступления, и, казалось, они желали
такими действиями протянуть время на весь этот день.
12 Но уже при наступлениях они охватывались взаимным гневом.
Бой становился более сильным; с обеих сторон пало
много самых храбрых воинов и к тем и другим из города и
13 из укрепленных лагерей подошли на помощь отряды. Когда
они смешались с сражающимися, то бой разгорелся еще сильнее.
Крик, поднявшийся и в городе и в лагерях, еще больше
14 подстрекал сражавшихся. Наконец, римляне, благодаря
своей доблести, потеснили врагов и обратили их в бегство.
В этом деле Кутила был поражен дротиком в середину головы,
но продолжал преследовать врагов с вонзившимся в эту
15 часть тела дротиком. Когда враги были обращены в бегство,
он вместе с оставшимися в живых около захода солнца въехал
в город, причем дротик качался в его голове — зрелище,
16 послужившее темой для многих рассказов. В этом же сражении
Арзу, одного из щитоносцев Велизария, какой-то готский
стрелок из лука поразил между носом и правым глазом.
17 Острие этой стрелы прошло до задней части шеи, но не вышло
наружу, остаток же стрелы остался на лице и дрожал там,
18 когда этот человек ехал верхом. Смотри на него и на Кутилу,
римляне приходили в удивление, что они могли ехать верхом,
не обращая никакого внимания на боль. Так шли дела здесь.
19 На Нероновом поле дела варваров шли лучше. Сражаясь
с большим числом врагов, отряды Валериана и Мартина твердо
выдерживали их нападение, но несли очень большой урон,
так что дело приняло для них крайне опасный оборот. Тогда
Велизарий велел Боху, взяв с собой вернувшихся из боя
воинов, оставшихся не ранеными, на свежих конях итти
21 на Нероново поле. Дело было уже к вечеру. Благодаря оказанной
помощи римлянам со стороны Боха и его войск, враги

тотчас же обратились в бегство. Преследуя очень далеко бегущих, Боха попал в окружение двенадцати врагов, воору-
22 женных копьями. Они все вместе направили на него удары копий. Так как на нем был надет панцырь, то все эти удары причинили ему мало вреда, но один из готов, зайдя ему в тыл, поразил юношу около плеча в обнаженную часть тела над правой подмышкой. Правда, рана была не роковая и
23 не ведущая к немедленной смерти. А спереди другой готский воин ранил его в левое бедро и рассек ему тут мускул не прямым ударом, но поразив его наискось. Увидав, что тут де-
24 лается, Валериан и Мартин со всей поспешностью бросились на помощь; обратив в бегство врагов и взяв под уздцы с обеих сторон коня Боха, они прибыли в город. Тем временем наступила ночь и прибыл Евфалий с деньгами.
25 Вернувшись в город, все занялись лечением ран. Когда врачи хотели извлечь стрелу из лица Арзы, они долгое время в страхе колебались, не столько из-за глаза, о котором они вообще думали, что его нельзя будет спасти, но чтобы глубокими разрезами кожи и нервов, которых тут много, не причинить смерти этому виднейшему человеку среди прибли-
26 женных Велизария. Наконец один из врачей, по имени Феоктист, проткнувши стрелу глубже в шею, спросил Арзу, очень ли ему больно. Когда он сказал, что, конечно, больно, — «зато, — сказал ему врач, — ты сам останешься жив и твой
27 глаз будет неповрежденным». Он мог так утверждать, исследовав, что острие стрелы находится недалеко от поверхности кожи. Ту часть стрелы, которая торчала наружу, он отрезал и выбросил, а кожу на затылке он надрезал и, раздвинув жилы (а это было самым болезненным), вытащил без всякого труда наконечник, имеющий сзади три выдающихся острия,*
28 который вытащил за собою и оставшуюся часть стрелы. Таким образом, Арза остался совсем не пострадавшим от этого несчастья, и на лице у него не осталось даже следа
29 от этой раны. Кутила же, когда у него вытащили из головы дротик (он вонзился очень глубоко), от сильной боли впал
30 в обморочное состояние. Когда же у него в этом месте нача-
31

* Вместо «три... острия» (τρίσι), Хаури (Хаури) предлагает читать τριήσει: «имеющий острые зазубрины».

лось воспаление мозговых оболочек, он впал в безумие и
32 немного позднее умер. Что касается Боха, то у него тотчас
же открылось сильное кровотечение из бедра, и было ясно,
что он вскоре умрет. Причиною этого врачи считали, что рана
33 рассекла его мускул не прямо, а наискось. И действительно,
три дня спустя он умер. Поэтому всю ту ночь римляне про-
вели в глубокой печали. Но они слышали и со стороны готов
громкий плач и сильные стенания в их укрепленных лагерях.
34 Римляне этому удивлялись, так как казалось, что накануне
у врагов не произошло никакой столь тяжелой потери, о ко-
торой стоило бы говорить, кроме того, что в этих столкно-
35 вениях у них погибло много народу. Но и раньше у них это
случалось в не меньшей степени, даже иногда и больше,
но ввиду их многочисленности эти случаи их не беспокоили.
36 Но на другой день стало известно, что готы оплакивали
своих знатнейших воинов из лагеря на Нероновом поле,
37 которых Боха убил при первом столкновении. И впослед-
ствии происходили, но не столь заслуживающие внимания
столкновения, описывать которые я не счел нужным. Во время
этой осады они сталкивались между собою всего семьдесят
семь раз; у них было еще две последние битвы, о которых
я расскажу впоследствии. Этим окончилась зима и второй
год войны (536/537), которую описал Прокопий.

1 **3.** С началом летнего солнцеповорота на жителей города
напала вместе с голодом и чума. У воинов хлеб еще был, но
из остального продовольствия ничего больше не осталось,
у других же римлян не было уже хлеба, и их жестоко мучил
2 наряду с моровой язвой и голод. Когда это узнали готы,
они уже не хотели вступать с врагами в открытое сражение,
но всячески остерегались, как бы и к ним не была
3 занесена зараза. Между Латинской и Аппиевой дорогами
и до сих пор есть еще два очень высоких водопровода,
4 высоко поднимающихся на арках. Оба эти водопровода в мест-
ности, отстоящей от Рима на пятьдесят стадий, сходятся
и некоторое пространство идут в противоположном направ-
5 лении. Тот, который раньше шел направо, идет теперь на-
6 лево. Вновь сойдясь и получив прежнее направление, в даль-
нейшем они уже навсегда расходятся в разные стороны.

7 Поэтому место между этими водопроводами образует неко-
торого рода укрепление. Нижнюю часть арок этих водопро-
водов варвары заложили камнями и глиной и сделали здесь
род крепости и поместили здесь отряд не меньше как в семь
тысяч человек для охраны, чтобы враги ни в коем случае
не могли ввезти к себе в город какое-либо продовольствие.

8 Тогда у римлян пропала всякая надежда на хороший исход,
и их охватили всяческие мысли о бедствиях. Пока вызревал
хлеб, наиболее смелые солдаты, подстрекаемые жаждой де-
нег, верхом на лошадях, ведя с собою других лошадей на
привязи, отправлялись за добычей с этих полей ночью недалеко
9 от города. Нарезав колосьев и навьючив их на лошадей,
которых они привели с собой, они незаметно от неприятелей
ввозили все это в город и за большие деньги продавали бо-
10 гатым римлянам. Другие же скудно питались травой, кото-
рой было много в пригородах и внутри укреплений. На почве
Рима этой травы было много и в зимнюю пору и во всякое
другое время и она пышно росла и зеленела круглый год.

11 Поэтому-то осажденным удалось прокормить и лошадей.
Некоторые, наделав колбас из мяса подошедших в Риме мулов,
12 тайно их продавали. Когда же на полях нечесталось посевов
и римляне стали терпеть еще большие бедствия, они обрати-
лись к Велизарию с настойчивой просьбой решить дело одним
сражением с врагами, обещая, что из римлян все, как один,
выйдут на это сражение. Велизарий был в затруднительном
положении и очень опечален; тут некоторые из римских пле-
13 беез сказали следующее: «Не такая судьба в данное время,
о славный вождь, постигла нас, на какую мы шли, и все
произошло совсем против тех надежд, какие у нас были.

14 Достигнув того, что прежде было нашей мечтой, теперь мы
попали в постигшее нас сейчас бедственное положение и при-
нятое нами раньше решение следовать за мудрой прозор-
ливостью императора обратилось против нас, являясь в на-
ших глазах безумием и основой величайших наших несча-
15 стий. Мы дошли до такой степени нужды, что в данное время
у нас явилась решимость обратиться к насилью и взяться
16 за оружие против врагов. Мы просим прощения, если перед
лицом Велизария будем говорить смелее обычного. Желудок,

17 не имеющий пропитания, не умеет стыдиться. Да будет
служить нам извинением та судьба, в которую мы попали
по нашей неосмотрительности. Ведь жизнь кажется самым
несчастливым положением из всего, если она протекает среди
18 неблагоприятных обстоятельств. Ты сам, конечно, видишь,
что выпало нам на долю. Эти поля и вся эта область попали
в руки врагов. Мы не можем сказать, с какого уже времени
19 этот город лишен всего ему нужного. Из римлян одни уже
лежат мертвыми и на их долю досталось даже не быть похоро-
роненными в земле, мы же, оставшиеся еще в живых, чтобы
в одном слове сказать обо всех наших бедах, мечтаем о том,
20 чтобы лечь рядом с лежащими таким образом. Для тех, кто
страдает от голода, всякое другое бедствие кажется более
легко переносимым; там, где является голод, он заставляет
забывать все остальные несчастья и даже самая смерть для
людей, кроме смерти от гнетущего их голода, кажется им
21 приятной и радостной. Поэтому пока мы еще не совсем сло-
млены бедствием, дай нам возможность вступить в бой за нас
самих, в результате которого нам удастся или одолеть врагов,
22 или положить конец нашим несчастьям. Для кого промедле-
ние приносит надежду на спасение, те поступают безумно,
торопясь подвергнуться опасности, которая сразу должна
решить судьбу всего; но для кого медлительность делает
исход сражения более безнадежным, те заслуживают пори-
цания, если хоть на короткое время откладывают возможность
23 немедленного решительного наступления». Так сказали рим-
ляне. В ответ им Велизарий заявил: «То, что происходит
сейчас у вас, я очень хорошо предвидел раньше и для меня
24 нет ничего неожиданного. Я уже давно знаю, что народ, обы-
вательская масса, является самой неразумной толпой; не
может он ни переносить настоящее положение, ни предвидеть
будущее, но легкомысленно берется за невыполнимое и умеет
25 только по своей неосмотрительности гибнуть. Но из-за вашего
скудоумия я вовсе не хочу видеть вашей гибели и вместе
с вами погубить все дело императора. Военный успех является
26 результатом не бессмысленной торопливости, но на основе
предусмотрительности и благоразумия он всегда точно сле-
дует за ходом благоприятных обстоятельств. Вы, как бы играя
27

в кости, хотите одним ударом достигнуть всего, в моем же характере нет привычки выбирать более короткий путь
28 в ущерб полезности. Затем вы заявляете, что вместе с нами вы пойдете на врагов; но когда вы занимались военными упражнениями? И кто же, даже изучивший искусство владеть оружием, не знает, что умение вести бой не дается
29 без опыта? Сейчас я восхищаюсь вашей готовностью и прощаю поднятое вами волнение. Что вами все это сделано несвоевременно и что я руковожусь разумным промедлением, я вам сейчас это докажу. Собрав со всей земли бесчисленное войско, император уже послал его к нам на помощь, и флот, какого никогда не было у римлян, покрывает большую часть
31 берегов Кампании и Ионийского залива. Через несколько дней они придут к нам со всем необходимым для нас удовольствием; они положат конец вашей нужде, а тучей своих стрел они засыпят лагеря неприятелей. Поэтому я решил отложить счастливый момент столкновения с врагами до их прибытия и, не подвергаясь опасности, одержать победу на войне, вместо того, чтобы бессмысленной торопливостью безрассудно подвергнуть опасности спасение всех нас. А чтобы они пришли возможно скорее и больше уже не медлили, об этом сам я позабочусь».

1 4. Такими словами ободлив население Рима, Велизарий отпустил их, а Прокопию, автору этой истории, он велел немедленно отправиться в Неаполь: распространился слух,
2 что император туда направил войско. Он приказал ему наполнить хлебом возможно большее число кораблей и собрать всех воинов, которые придут в данный момент из Византии или которые были оставлены там ради охраны лошадей или по другой какой-либо причине (их, как он слышал, много собралось в Кампанской области), а некоторых даже взять из тамошних гарнизонов; вместе с ними он поручил ему прибыть самому и доставить хлеб в Остию, где у римлян была
3 пристань. Прокопий с Мундилой, телохранителем Велизария, и немногими всадниками ночью вышел из ворот, которые носили имя апостола Павла, и прошел незамеченным неприятельским лагерем, неслим охрану вблизи Аппиевой дороги.
4 Когда же отряд во главе с Мундилой вернулся назад в Рим

и сообщил, что Прокопий прибыл уже в Кампанию, не встретив ни одного из варваров, так как ночью враги не выходили из лагеря, все исполнилось лучшими надеждами, а Велизарий решился даже на следующее предприятие. Он стал посылать большие отряды всадников к ближайшим укрепленным лагерям врагов с приказом, если кто-либо из врагов появится здесь с целью доставить продовольствие в лагерь, делать на них нападения и устраивать всюду засады, ни в коем случае не позволяя им провозить продовольствие, но всеми силами препятствуя им в этом, для того, чтобы город меньше, чем прежде, был стеснен недостатком продовольствия и варвары почувствовали, что скорее их осаждают, чем они осаждают римлян. Мартину и Траяну с тысячей воинов он велел идти в Террацину. С ними он послал и свою жену Антонину, поручив отправить ее с небольшим отрядом в Неаполь; находясь в безопасном месте, они должны были ожидать там предстоящей им судьбы. Магна и Синфуэса, своего телохранителя, поставив их во главе приблизительно пятисот человек, он отправил в крепость Тибур, находившуюся от Рима на расстоянии ста сорока стадий. Ещё раньше в маленький городок Албанской области, отстоящий на таком же расстоянии и расположенный на Аппиевой дороге, он уже послал Гонфариса с отрядом герулов, которых немного спустя готы насильно оттуда прогнали.

Там есть храм апостола Павла, отстоящий от укреплений Рима на расстоянии четырнадцати стадий; мимо него протекает река Тибр. Там нет никаких укреплений, но из города до самого храма идет галлерей и много выстроено разных других зданий вокруг него; все это делает данное место не очень доступным. Кроме того, готы питают какое-то почтение к этим святым местам. Ни один храм обоих апостолов — Петра и Павла — в течение всей этой войны не подвергся с их стороны какому-нибудь оскорблению, так что священники в этих храмах могли совершать, как они привыкли, свое служение. В этом месте Велизарий приказал Валериану, взяв с собою всех гуннов, устроить на берегу Тибра укрепленный лагерь, чтобы у них могли здесь пастись безопасно лошади, да и готы должны были бы в большей

степени воздерживаться уходить очень далеко от своего ла-
12 гера. Он так и стал делать. Когда же гунны стали там лаге-
рем, как было приказано главнокомандующим, Валериан
13 вернулся в город. Сделав все это, Велизарий сохранял спо-
койствие, не начиная общего сражения, но приготовившись
защищаться со стен всеми силами, если кто-нибудь двинется
14 на них с враждебными намерениями. И некоторым из римских
плебеев он доставлял хлеб. Мартин же и Траян, пройдя
ночью через неприятельские укрепления и придя в Тера-
цину, отправили Антонину с немногими воинами в Кампа-
нию, сами же, захватив в этих местах укрепления, делали
оттуда нападения и, совершая внезапные набеги, теснили
15 тех из готов, которые заходили в эти места. Магн и Синфуэс
в короткое время вновь воздвигли укрепление, лежавшее
в развалинах, и когда они сами оказались в безопасности, они
стали причинять тем больше неприятностей врагам, так как
их укрепление было недалеко от лагерей готов: они делали
частые набеги, неожиданно нападая на тех варваров, которые
провозили мимо них продовольствие; это продолжалось до
тех пор, пока Синфуэс в какой-то битве не был ранен копьем
в правую руку; оно перервало ему мышцы, и он оказался
16 уже неспособным к войне. С своей стороны, и гунны, устроив,
как сказано, лагерь по соседству с готами, причиняли им
не меньше неприятностей, так что сами готы стали уже стра-
дать от голода: они уже не могли с прежней безопасностью
17 подвозить себе продовольствие. Также и моровая язва по-
разила их и многие из них умерли, особенно в лагере, кото-
рый они, как мною выше было указано, в последнее время
18 устроили около Аппиевой дороги. Немногие из них, остав-
шиеся в живых, удалились в другие укрепления. То же самое
19 испытали и гунны, поэтому и они вернулись в Рим. Вот что
происходило здесь. Прокопий же, прибыв в Кампанию, со-
брал там не меньше пятисот воинов и, наполнив хлебом боль-
20 шое количество судов, стоял в готовности. Немного позже
прибыла к нему и Антонина и вместе с ним стала заботиться
о флоте.

21 В это же время в горе Везувии слышались подземные
удары, но извержения не было, хотя можно было вполне

ожидать, что оно произойдет. Поэтому все местные жители
22 находились в величайшем страхе. Эта гора отстоит от Неа-
поля на расстоянии семидесяти стадий к северу,* поднимаясь
круто вверх, внизу же она окружена густыми рощами; ее
23 вершина поднимается отвесно и трудно доступна. На самом
перевале Везувия по середине находится очень глубокий
провал, так что кажется, что он уходит до самого основания
24 горы. Там можно видеть и огонь, если кто решится пере-
гнуться за край отверстия, а иной раз оттуда появляются
языки пламени, не причиняющего никаких бед живущим
тут людям; когда же в горе раздаются подземные удары,
по звуку похожие на мычание, то немного спустя обыкно-
25 венно выкидывается большое количество пепла. И если эта
беда застигнет кого-нибудь на дороге, то никоим образом этот
человек не может остаться живым; если же этот пепел падает
на какие-либо дома, то и они разваливаются, подавленные
26 тяжестью этого пепла. Если же случится, что поднимется
сильный ветер, то бывает, что этот пепел поднимается высоко
в воздух, так что для людей становится невидимым, и не-
сется туда, куда дует ветер, и падает на землю, которая
27 иной раз бывает очень отдаленной. И говорят, как-то он упал
в Византии и до такой степени напугал тамошних жителей,
что вследствие этого они решили с того времени умиловать
бога ежегодными всенародными молебствиями; в дру-
28 гой раз он упал в Триполи, городе Ливии. Говорят, что такое
«мычание» с землетрясением бывало и раньше, лет
сто тому назад или даже и более, а в прежние времена оно
29 происходило гораздо чаще. И вот что настойчиво утверждают:
та земля, на которую упадет этот пепел Везувия, должна
обязательно сделаться плодородной для всяких злаков.
30 Воздух на Везувии очень легкий и более чем где-либо являет-
ся здоровым. Поэтому еще с древних времен врачи посылают
сюда страдающих чахоткой. Вот что говорится о Везувии.

1 5. За это время приплыло из Византии и другое войско;
в неаполитанский залив прибыло три тысячи исавров под
начальством Павла и Конона, в Дриунт (Гидрунт) восемьсот

---

* Ошибка Прокопия.

фракийских всадников, которыми командовал Иоанн, племянник бывшего недавно узурпатором Виталиана, а с ними еще тысяча воинов из кадровой конницы; ими в числе других командовали Александр и Марценций. В то же время прибыл в Рим и Зенон с тремястами всадниками, пройдя через Самний по Латинской дороге. Когда же и Иоанн со всеми остальными войсками прибыл в Кампанию с большим количеством повозок, собранных им в Калабрии, то с ним соединились пятьсот всадников, набранных, как мной уже было сказано, в Кампании. Они шли вдоль берега моря с повозками, имея в виду, что если с ними встретится какой-либо неприятельский отряд, они могли бы, составив из этих повозок круг и придав ему вид укрепления, отразить нападение врагов, а войску под начальством Павла и Конона они велели плыть возможно скорее и соединиться с ними в Остии, бывшей пристанью римлян. Нагрузив хлеб в достаточном количестве на телеги, они наполнили корабли не только хлебом, но и вином и всем необходимым продовольствием. Они думали, что найдут около Террацины отряды Мартина и Траяна и отсюда пойдут вместе с ними. Но когда они подошли близко, они узнали, что незадолго перед тем за ними прислали из Рима, и они туда ушли. Велизарий, узнав, что приближается войско под начальством Иоанна и боясь, как бы враги, встретив их в большом числе, их не истребили, стал действовать так. Еще в начале войны, как я сказал в самом начале (V [I], гл. 19, § 16), он сам завалил громадными кучами камней Фламиниевы ворота, около которых враги устроили свой лагерь; сделано было это с тем, чтобы в этом месте враги не могли легко или идти на штурм, или совершить какое-либо покушение на город. Поэтому здесь не происходило никаких столкновений, да и варвары не думали, что с этой стороны на них может быть произведено какое-либо враждебное нападение. Ночью он велел разобрать каменную стену у этих ворот и, не предупредив об этом никого из римлян, собрал сюда большую часть войска. С наступлением дня он отправил Траяна и Диогена с тысячей всадников через Пинцианские ворота и велел им напасть на тех, которые находятся в укрепленных лагерях, и, когда враги пойдут против них,

забывши всякий стыд, бежать и стремительно отступать к самым стенам Рима. Некоторые отряды он поставил и внутри за этими маленькими воротами. И вот воины Траяна, как им приказал Велизарий, стали вызывать варваров; готы, собравшись из всех укрепленных лагерей, стали их теснить. И те и другие устремились с возможной быстротой к стенам Рима, одни из них, делая вид, что бегут, другие же, думая, что они преследуют врагов. Как только Велизарий увидал, что враги устремились в преследование, он открывает Фламиниевы ворота и выводит войско против варваров, не ожидавших этого. Один из лагерей готов находился возле проходившей тут дороги. Перед ним был узкий и крутой проход, трудно доступный. Кто-то из варваров, одетый в панцырь, огромного роста и огромной силы, увидав подходящих врагов, бросившись вперед, стоял здесь, звал к себе товарищей и требовал, чтобы они вместе с ним защищали узкий проход. Но Мундила предупредил его, убив его, и из других варваров никому не позволили войти в эти теснины. Когда войска римлян прошли их, не встретив никакого сопротивления, они подошли к ближайшему укрепленному лагерю; некоторые тут тотчас же старались взять его, но напрасно, так как он был сильно укреплен, хотя тут было оставлено очень мало варваров. Вокруг него шел ров, вырытый на большую глубину, а земля, которая была вынута из этого рва, была навалена на внутреннюю часть лагеря, высоко поднималась кверху и служила как бы стеной, а по ней сверху шли крепко вбитые колья, очень острые и частые. Полагаясь на эти укрепления, варвары сильно отбивались от неприятелей. Тогда один из щитоносцев Велизария, по имени Аквилин, человек очень энергичный, взяв коня под уздцы, вскочил в середину укрепления и убил там некоторых из врагов. Когда неприятели окружили его и стали засыпать его градом копий и стрел, его конь, пораженный насмерть, пал, сам же он, сверх всякого ожидания, ускользнул от врагов. Пешим вместе со своими товарищами он двинулся к Пинцианским воротам. Захватив варваров еще преследовавшими всадников Траяна и ударив им в тыл, они произвели разгром. Траян со своими воинами, заметив это, когда

и те всадники, которые стояли тут наготове, двинулись им
22 на помощь, сам быстро двинулся против преследователей.
Тут-то готы, попавшие в такую военную ловушку и неожиданно угрожаемые врагами со всех сторон, подверглись
23 позорному уничтожению. Убитых было огромное количество,
и лишь немногие с трудом бежали в свой лагерь, остальные
же со всем своим укреплением, дрожа от страха и приготовившись к защите, все время оставались там; они думали,
24 что римляне немедленно двинутся на них. В этом сражении
кто-то из варваров ранил стрелой Траяна в лицо над правым
25 глазом, недалеко от носа. Железный наконечник весь вошел
в середину лица и был совершенно невидим, хотя имел большое и длинное острие, остальная же часть стрелы, деревянная,
тотчас упала на землю без усилия с чьей бы то ни было
26 стороны, думаю, потому, что это железное острие не крепко
сидело на древке. Однако Траян не почувствовал этой раны
и так же, как прежде, продолжал убивать и преследовать
врагов. Пять лет спустя сам собой на лице высунулся кончик
27 железного острия. В течение трех лет после этого понемногу
он выходил все больше и больше наружу. И вполне возможно,
что много времени спустя весь наконечник выйдет сам собою.
Он не доставлял человеку никакого беспокойства. Вот что
случилось тогда.

1 6. После этого варвары решили отказаться от войны и
держали в мыслях, как бы им уйти отсюда; помимо моровой
язвы, они гибли и от оружия неприятелей и теперь, вместо
многих десятков тысяч, у них осталось уже очень малое число;
больше же всего их мучил голод: на словах они осаждали
Рим, а на деле они сами были осажены противниками и
2 лишены всякого подвоза продовольствия. Когда же они узнали,
что к врагам на помощь пришло из Византии и сушей и морем
другое войско, при этом не такое, каким оно было в действительности,
а такое, каким обычно делает его свободная фантазия молвы,
они, испугавшись этой (новой) опасности, стали совещаться
3 о быстрейшем уходе. И вот они отправили в Рим послов,
римлянина, пользовавшегося среди
4 готов большим уважением, и с ним двух других. Явившись
к Велizarию, он сказал: «Что ни нам, ни вам военные

действия не принесли пользы, это понимает каждый из нас,
5 испытывший на себе все эти бедствия. Кто из того или другого
войска мог бы это отрицать, из которых никому не суждено
6 было остаться не испытанными (таких бедствий)? Я думаю,
что никто из людей, не совсем лишенных разума, не будет
мне возражать, что хотеть до бесконечности терпеть бедствия
из-за самолюбия в данный момент и не искать никакого вы-
хода из угнетающих их обстоятельств есть свойство людей
7 совершенно безрассудных. В таком случае надо, чтобы на-
чальствующие и с той и с другой стороны ради лично своей
славы не рисковали спасением своих подчиненных, но при-
няли справедливое решение и полезное не только для них
самих, но и для своих противников и таким образом нашли
8 выход из настоящих бедствий. Стремление к умеренности
дает выход из всех трудностей, человеку же, исполненному
честолюбием, не суждено добиться результата ни в чем, что
9 он считает нужным. Итак, мы приходим к вам, приняв ре-
шение о прекращении этой войны, и делаем предложение,
полезное для обеих сторон, причем, думается, мы сами ума-
10 ляем наши законные права. И вы подумайте, чтобы, увле-
каясь жаждой борьбы с нами, вы не предпочли скорее вместе
с нами погибнуть, чем принять то, что и вам самим принесет
11 пользу. Необходимо, чтобы и мы и вы вели переговоры,
состоящие не из одних только слов и поучений,* но тотчас,
взяв слово, указать, если что-либо сказанное покажется не-
12 подходящим. Таким образом, каждому удастся в коротких
словах сказать, что он думает, и выполнить свой долг».
13 Велизарий на это ответил: «Я вовсе не против, чтобы наша
беседа шла так, как вы говорите, но смотрите, чтобы речи
14 ваши вели к миру и справедливости». Тогда послы готов
вновь сказали: «Вы, римляне, незаконно поступили с нами,
подняв несправедливо оружие против нас, бывших вам друзь-
ями и союзниками. Мы скажем то, что думаем, каждый из вас
15 знает так же хорошо, как и мы. Готы приобрели для себя
Италию, не отняв силой у римлян эту землю; но было время,

---

* По другому чтению (ἐὺν ἐγγυερήσει): «лишь пытаюсь приступить к делу», «ходя возле да около».

когда Одоакр, низложив императора и превратив государственный строй в этой стране в тиранию, владел ею. Императором на востоке был тогда Зенон; но хотел отомстить за своего соправителя и освободить эту страну от захватчика власти; но не имея сил разрушить военную мощь Одоакра, он убеждает нашего вождя Теодориха, тем более что Теодорих собирался осаждать его самого и Византию, прекратить вражду с ним в память того высокого звания, которое было ему даровано (он получил звание патриция и сделан консулом римского народа), и отомстить Одоакру за обиду, нанесенную Августулу, и дал право ему и готам на будущее время по праву и справедливости владеть этой страной. Таким образом, получив на этих основаниях власть над Италией, мы сохранили и законы и политический строй ничуть не хуже, чем кто-либо из прежних императоров, и нет в сущности ни одного закона, занесенного ли в кодексы, или существующего без записей, который был бы издан Теодорихом или кем-либо другим, принявшим власть над готами. Что же касается церковного служения и веры, то мы с такой осторожностью охраняли их в интересах римлян, что из италийцев никто, ни добровольно, ни под насилием, до сего дня не переменял ее, а если из готов кто-либо переменял свою веру, за это на него не налагалось никакого наказания. В самом деле, римские святые пользовались от нас высшим почетом. Ни один из прибежавших к ним никогда не подвергался никакому насилию ни от одного человека с нашей стороны. Все высшие должности по государственному управлению всегда несли сами римляне, и никто из готов не имел участия в них; пусть любой выступит и уличит нас, если по его мнению мы сказали неправду. Прибавьте к этому, что готы предоставили римлянам право получать ежегодно (утверждение) в консульском звании от восточного императора. При таком положении дел вы не претендовали на Италию, когда ее мучили варвары Одоакра, притом не какой-нибудь короткий срок, но они совершали свои бесчинства целых десять лет; теперь же вы действуете насилием, не имея на то никаких оснований, против тех, которые законно овладели ею. Поэтому уйдите отсюда, оставив нас, вместе

со всем вашим добром и всей добычей, которую вы награбили». На это Велизарий: «Обещание ваше было говорить кратко и делать умеренные предложения, выступление же ваше
23 было длинное и не далеко от наглого самохвальства. Император Зенон послал Теодориха сражаться с Одоакром не с той целью, чтобы сам Теодорих захватил власть над Италией (чего ради императору было желать заменить одного захватчика власти другим?), но с тем, чтобы эта страна была сво-
24 бодной и подчиненной императору. Но Теодорих, хорошо расправившись с тираном, в остальном проявил безграничную неблагодарность и безумие: он решил ни в коем случае
25 не возвращать этой земли ее владыке. Мне кажется, что тот, кто отнял силой, и тот, кто добровольно не хочет отдать имущество соседа, совершают равное преступление. Я лично эту страну, принадлежащую императору, никогда не отдам
26 никому другому. Если у вас есть какое-либо другое предложение, я разрешаю вам его высказать». На это варвары:
27 «Что мы сказали правду, это, конечно, ясно для каждого из вас. Но чтобы было ясно, что мы меньше всего желаем заводить споры, мы готовы отдать вам Сицилию, столь огромный и столь богатый остров, не обладая которым вам
28 невозможно спокойно владеть Ливией». На это Велизарий ответил: «А мы разрешаем готам владеть всей Британией,
29 которая гораздо больше Сицилии и которая некогда была под властью римлян. Тем, которые начали нам оказывать
30 милость и благодеяние, мы считаем правильным ответить тем же». (Варвары:) «Что же, неужели вы не ответите согласием, если мы вам предложим еще Кампанию и самый Неаполь?» (Велизарий:) «Мы не полномочны договариваться о
31 делах, касающихся императора, не так, как угодно было ему высказать свою волю». (Варвары:) «Даже если мы постановим ежегодно вносить императору установленную сумму?»
32 (Велизарий:) «Конечно, нет; ведь мы полномочны только
33 в том, чтобы охранять приобретенную для императора страну». (Варвары:) «Значит, необходимо нам отправиться к императору и с ним договориться обо всем. Нужно поэтому
34 назначить определенное время, в течение которого следует установить перемирие между нашими войсками». (Велиза-

рий:) «Хорошо, да будет так: я никогда не буду вам помехой,
35 когда вы начинаете думать о мире». На этом прекратились
их переговоры, и послы готов удалились в свой лагерь.
36 В последующие дни они часто обменивались друг с другом
посольствами, устанавливая условия перемирия и договариваясь,
чтобы дать друг другу в качестве заложников некоторых из славнейших лиц.

1 7. В то время как здесь все это происходило, флот исавров
прибыл в римскую гавань, а войско, шедшее с Иоанном,
вошло в Остию. Никто из врагов не мешал им, ни тогда,
когда они высаживались, ни тогда, когда разбивали свой
2 лагерь. Чтобы быть в безопасности в течение ночи от нападения
со стороны неприятелей, исавры вырыли глубокий ров
вблизи гавани и попеременно все время несли стражу;
войско же, шедшее с Иоанном, огородившись повозками,
3 могло держаться спокойно. Когда наступила ночь, в Остию
прибыл Велизарий с сотней всадников; он рассказал о бывшей
перед тем битве и о его договоре с готами. Вдохнув в них
уверенность, он велел послать привезенный с собою груз и со
4 всей стремительностью итти в Рим. «А чтобы путь для вас был
безопасен,— сказал он,— об этом я позабочусь».
4 Он сам ранним утром уехал в город; с наступлением дня
Антонина стала совещаться с начальниками относительно доставки
5 грузов. Это дело казалось трудным и почти невыполнимым.
Быки уже больше не держались на ногах, но все лежали
полумертвыми, да и ехать с повозками по узкой дороге было
6 не безопасно, а тащить вверх по реке баржи, как это было
обычно с древних времен, было для них невозможно, так как та
7 дорога, которая шла налево от реки, как это мною рассказано
выше, была занята неприятельскими войсками и вследствие этого
недоступна для римлян, другая же дорога, шедшая по другой
8 стороне, по высокому берегу была совершенно непроезжей. Поэтому,
отобрав легкие лодки с более крупных судов, они укрепили их по
бокам кругом высокими досками с тем, чтобы плывущие совершенно
не могли быть поражаемы неприятельскими стрелами, посадили
на каждую стрелков и моряков в соответственном числе, нагрузили
на них грузов, сколько они могли поднять

и, дождавшись попутного ветра, поплыли в Рим по Тибру; часть же войска шла по правому берегу, чтобы с этой стороны
9 оказать им помощь. Для охраны судов они оставили большое количество исавров. Там, где течение реки было прямое, они плыли без больших затруднений, подняв паруса. Там же, где течение реки, делая повороты, образовывало изгибы, паруса, не надуваемые ветром, уже были бесполезны, и матросы, работая веслами и преодолевая течение реки, несли
10 немалый труд. С своей стороны, варвары, сидя в своих лагерях, совершенно не хотели мешать неприятелям или в страхе перед опасностью, или потому, что они не думали, чтобы римляне могли этой дорогой провезти какое-либо значительное количество продовольствия, или же полагая для себя невыгодным такой нестоящей внимания причиной лишить себя надежды на перемирие, которую Велизарий подкрепил своим обещанием. Поэтому готы, которые были
11 в Порте, видя проплывающих мимо них неприятелей, совсем их не трогали и сидели смирно, удивляясь их выдумке. Когда таким образом, не раз поднимаясь вверх по реке, римляне перевезли по возможности весь свой груз, матросы быстро удалились со своими судами (ведь уже время приближалось к зимнему солнцеповороту), а остальное войско вошло в Рим. Только Павел с отрядом исавров остался в
12 в Остии.

13 После этого они дали друг другу заложников во исполнение перемирия: римляне дали Зенона, готы — Улию, человека очень известного. Они условились, что в течение трех месяцев они не будут производить друг на друга нападений, пока послы, вернувшись из Византии, не сообщат
14 мнения императора. Если же кто-либо из них <нарушив перемирие> совершит несправедливость по отношению к своим противникам, то тем не менее послам будет предоставлена
15 возможность вернуться к своему народу. Послы варваров в сопровождении римлян отправились в Византию; в это время из Ливии прибыл с многочисленной конницей зять
16 Антонины, Ильдигер. Те готы, которые в Порте стояли гарнизоном, ввиду недостатка у них съестных припасов, оставили это укрепление по согласию с Витигисом и вернулись

17 в лагерь, вызванные им. Это место занял Павел с исаврами
из Остии. Господствуя на море, римляне в большой степени
18 были виновниками недостатка продовольствия у этих варва-
ров, не позволяя провозить к ним ничего из съестных при-
пасов. Из-за того же самого недостатка продовольствия готы
19 в это же время оставили очень важный приморский город,
по имени Центумцеллы. Этот город, большой и населенный,
расположен в Этрурии, на запад от Рима, на расстоянии
20 двухсот восьмидесяти стадий. Римляне заняли и этот город
и тем еще более увеличили свои силы, кроме того, захватив
и маленький городок Албанской области, прилегающий
к восточной части Рима, так как и из него тогда ушли вар-
21 вары все по той же причине. Таким образом, варвары оказа-
лись в середине римских войск, окруженные ими со всех
сторон. Поэтому готы очень хотели нарушить договор и
нанести римлянам какой-либо вред. Послав к Велизарию
22 послов, они жаловались, что во время перемирия терпят
несправедливости. Когда Витигис послал за готами, бывшими
в Порте, по какой-то причине нуждаясь в них, Павел и исав-
ры без всякого основания захватили это укрепление и им
23 владеют. На то же самое они для виду жаловались в своей
речи относительно городка на Албанской горе и Центум-
целл и грозили, что если он их не вернет им, они так этого
24 не оставят. Велизарий со смехом отослал их назад, сказав,
что их жалоба — одна только видимость, так как нет никого,
кто бы не знал, из-за чего готы оставили эти местности.
25 И в дальнейшем они стали относиться друг к другу с подо-
зрением. После этого, видя, что в Риме собралось огромное
войско, Велизарий отослал другие конные отряды далеко
в сторону от Рима, Виталиану же, племяннику Иоанна,
он велел в сопровождении восьмисот всадников провести зи-
26 му в окрестностях города Альбы, расположенного в Пицен-
ской области; вместе с ним он послал из войск Валериана
четыреста человек, во главе которых был поставлен Дамиан,
племянник Валериана. Он выделил восемьсот человек из
своих щитоносцев, людей, исключительно хорошо знающих
27 военное дело. Над ними он поставил двух из своих телохра-
нителей, Сунта и Адегина, и велел им следовать за Иоанном,

куда бы он их ни повел, а самому Иоанну приказал, пока он будет видеть, что враги сохраняют договор, держаться спокойно; когда же случится, что перемирие будет ими нарушено, сделать вот что. Со своим войском внезапно и стремительно сделать набег на Пиценскую область, быстро проходя подряд по всем местечкам этой области, которые должны их увидеть раньше, чем до них дойдет молва об их движении. Так как во всей этой области мужчин совсем не осталось (повидимому, они все двинулись походом против Рима), то повсюду они найдут детей и жен врагов и много денег. Пусть они забирают в рабство и грабят все попадающееся им навстречу, но пусть они остерегутся нанести какую-либо обиду кому бы то ни было из римлян, живущих в этой стране. Если же где-нибудь он встретится с местечком, где будет и укрепление и вооруженные люди, как обыкновенно бывает, пусть он всеми силами попытается взять его. Если он сможет его взять, пусть идет дальше; если же случится, что он встретит сильный отпор, пусть отступит назад и останется там. Если же он пойдет вперед и оставит у себя за спиной это укрепление, то обычно это создает большую опасность, так как им будет трудно защищаться, если они в дальнейшем подвергнутся нападению со стороны врагов; трудно будет и сохранить всю добычу, чтобы потом по всей справедливости разделить между войском. Затем, смеясь, он прибавил следующее: «Ведь несправедливо, чтобы одни с великим трудом уничтожали трутней, а другие без всякой неприятности наслаждались медом, как своей добычей». Дав такие наставления, Велизарий отправил с войском Иоанна.

Около того же времени пришли в Рим миланский епископ Датис и знатнейшие из граждан: они просили у Велизария послать им небольшой гарнизон. Они утверждали, что сами они достаточно сильны, чтобы без труда добиться отложения от готов не только Милана, но и всей Лигурии и перехода их на сторону императора. Этот город расположен в области лигуров, как раз по середине,* между городом Равенной и

---

* Его латинское название «Mediolanus» обозначает «Серединный город».

38 Альпами, составляющими границу Галлии. И с той и с другой стороны до него для человека налегке пути восемь дней; из всех западных городов после Рима это первый по величине, населенности и по всякому другому благосостоянию. Велизарий пообещал им выполнить их просьбу. Так он провел все зимнее время.

1 8. В таком положении были тогда дела. Но зависть судьбы, видевшей, что до сих пор дела римлян шли блестяще, навлекла на римлян беды, пожелав к их успехам примешать и несколько неприятностей; она вызвала вражду между Велизарием и Константином из-за ничтожного повода; как она началась и чем закончилась, я сейчас расскажу. Был некий римлянин Президий, живший в Равенне, человек очень знатный; он стал во враждебные отношения с готами, когда Витигис собирался идти походом на Рим; и вот тогда, отправившись с несколькими из своих слуг как бы на охоту, он бежал (от готов), никому не сообщив своего плана и не взяв с собой ничего, кроме двух кинжалов, которые он носил при себе и ножны которых были украшены большим количеством золота и очень дорогими драгоценными камнями. Когда он был в Сполетии, он остановился в каком-то храме, находящемся вне укреплений. Услышав об этом, Константин (он еще был там) послал одного из своих питоносцев, по имени Максенциола, который отнял у него без всякого основания оба кинжала. Очень огорченный случившимся, этот человек со всей поспешностью отправляется в Рим к Велизарию, куда немного спустя прибыл и Константин. Сообщалось, что 3 войско готов находится недалеко. Пока дела римлян были в опасном и смутном положении, Президий молчал; когда же он увидел, что римляне одолевают и послы готов отправились к императору, как об этом мной сказано выше, то он, неоднократно приходя к Велизарию, жаловался на причиненную ему обиду и требовал от него справедливой помощи. 4 5 Велизарий, сильно упрекая Константина и лично и через других, убеждал его ликвидировать свою несправедливость 6 и возникающее отсюда дурное общественное мнение. Но, по-видимому, Константину суждена была гибель. Он, издеваясь, 7 отвергал все эти речи и глумился над потерпевшим. Как-то 8

встретившись с Велизарием, ехавшим верхом по форуму, Президий схватил его коня за узду и, громко крича, стал его спрашивать, таковы ли законы у императора, чтобы у человека, который бежал от варваров и пришел к ним в качестве просителя, они насильно отнимали то, что случайно оставалось у него в руках? Когда большая толпа окружила их и с угрозами требовала, чтобы он отпустил узду, он не прежде отпустил ее, пока Велизарий не дал ему обещания, что возвратит ему эти кинжалы. На другой день, собрав многих из начальников и призвав Константина в одну из комнат Палатия, он рассказал, что произошло вчера, и убеждал Константина, хоть и поздно, но все же отдать эти кинжалы. Константин сказал, что он их не отдаст, что с большим удовольствием он бросит их в воды Тибра, чем вернет Президию. Тогда Велизарий в гневе спросил его, знает ли Константин, что он является ему подчиненным? Константин ответил, что во всем остальном он готов его слушаться, так как такова воля императора; но того, что он приказывает ему сделать в настоящее время, он никогда не исполнит. Тогда Велизарий приказал позвать своих телохранителей. Константин спросил: «Конечно, для того, чтобы меня убить?» «Ничуть, — ответил Велизарий, — но для того, чтобы они заставили твоего щитоносца Максенциола, который, применив насилие, принес тебе эти кинжалы, отдать этому человеку то, что он у него взял насильно». Но Константин, полагая что ему предстоит тотчас умереть, решил сделать что-либо значительное, прежде чем самому пострадать. Поэтому он извлек из ножен кинжал, который у него висел на боку, и внезапно бросился, чтобы поразить им Велизария в живот. Велизарий в страхе отступил назад и, подхваченный близко от него стоящим Бессом, смог уклониться. Еще пылая гневом, Константин продолжал наступать. Видя, что делается, Ильдигер и Валериан схватили Константина один за правую, другой за левую руку и оттащили назад. В это время вошли телохранители, которых немного раньше велел позвать Велизарий, с усилием отняли из рук Константина кинжал и, с большим шумом схватив его, увели; в данный момент они не причинили ему ничего плохого, думая из уважения к присутствующим начальникам, но уведя его

18 в другое помещение, немного спустя, по приказу Велизария убили его. Это был единственный недостойный поступок Велизария и совершенно несоответствующий его характеру. Ко всем другим он относился с большой выдержанностью и снисходительностью. Но, как мной сказано выше, Константину суждена была смерть.

1 9. Немного позднее готы задумали коварным образом ворваться в укрепления. И прежде всего они ночью впустили отряд своих воинов в один из водопроводов, откуда они сами
2 в начале войны отвели воду. Со светильниками и факелами в руках они пытались этим путем найти возможность проникнуть в город. Случайно недалеко от Пиценских ворот в своде
3 этого водопровода оказалось небольшое отверстие. Один из римских сторсжей, увидав там свет, сказал своим сотоварищам по страже; они же сказали, что, вероятно, он видал пробежавшего здесь волка. В этом месте как раз сооружение водопровода не выдавалось высоко над землей, а глаза волка,
4 по их мнению, похсжи на огонь. Те из варваров, которые сделали попытку найти дорогу через водопровод, оказавшись в середине города, где еще в древности был подъем, ведущий
5 на самый Палатин, встретились с каким-то сооружением, которое не давало им возможности ни итти дальше, ни вообще
6 воспользоваться этим подъемом. Сооружение это Велизарий предусмотрительно устроил в начале осады, как мною это
7 рассказано в предшествующей книге (V [I], гл. 19, § 18). Вынув оттуда небольшой камень, варвары решили тотчас
8 вернуться и, явившись к Витигису, показали ему камень и долсжили обо всем. Об этом замысле Витигис стал совещаться
с главнейшими из готов; тем временем у римлян, которые
9 несли стражу у Пиценских ворот, на другой день возникло подозрение при воспоминании о волке. И когда эти разговоры, распространяясь, дошли до Велизария, то главнокомандующий не оставил этого дела без внимания, но тотчас
10 отправил в водопровод людей из войска наиболее рассудительных вместе со своим телохранителем Диогеном и велел возможно скорее во всем этом разобраться. В этом водопроводе они нашли светильники врагов и брошенные ими остатки факелов и, обследовав сооружение, откуда готами был вынут

11 камень, они донесли об этом Велизарию. Поэтому и Велизарий велел особенно тщательно сторожить этот водопровод, и готы, заметив это, отказались от своей попытки.

12 После этого варвары задумали прямое нападение на римские стены. Выждав время обеда, когда враги могли меньше всего ожидать этого, неся с собой лестницы и зажигательные средства, они двинулись против Пиценских ворот, возбужденные надеждой, что возьмут город с одного натиска, так как тут было оставлено немного воинов. Случилось, что тогда охрану нес Ильдигер со своим отрядом: все поочередно назначались для несения стражи. Увидя врагов, движущихся в беспорядке, он встретил их, когда они не были выстроены в боевой порядок, но шли без всякого строя, и без большого труда своими силами обратил в бегство и многих убил. Когда в городе, что и естественно, поднялся крик и смятение, римляне быстро отовсюду сбежались на укрепления, а вскоре затем и варвары, не сделав ничего, вернулись в свой лагерь. Витигис вновь придумал коварный план нападения на укрепления. Наиболее легкой для завоевания была для него та часть укреплений, которая шла по берегу Тибра, так как здесь еще древние римляне, полагаясь на сильную защиту реки, соорудили стену небрежно, сделав ее низкой и совершенно без башен. Витигис надеялся, что здесь он легче, чем где-либо в другом месте, сможет взять город.

17 Да и сторожевой отряд был тут далеко не достаточный. И вот он подкупает двух римлян, живших около храма апостола Петра, чтобы они, захватив с собой мех вина, с наступлением вечера пошли к воинам, стоящим в карауле, преподнесли им этого вина, выражая некоторым образом свое дружеское расположение и уважение, а затем они должны были провести там ночь, распивая со стражей это вино, потом всыпать каждому в кружку сонного снадобья, которое он сам им и дал. На другом берегу он тайно держал наготове челноки; как только сторожей охватит сон, часть варваров по знаку одного из заговорщиков с лестницами должна была переправиться через реку и сделать нападение на укрепления.

18 Все войско готов было к этому времени в готовности, чтобы штурмовать весь город. Когда они так договорились,

19
20

то один из тех, которых Витигис подговорил на такое предательство (но римлянам не было суждено быть захваченными этим войском готов), придя добровольно, осведомил обо всем
21 Велизария и выдал другого. Подвергнутый пытке огнем,
22 тот сообщил все, что он должен был делать, и показал снадобье, которое дал ему Витигис. Отрезав ему нос и уши, Велизарий отправил его в неприятельский лагерь верхом
23 на осле. Увидя его, варвары поняли, что нет божьей воли на то, чтобы их планы шли намеченным путем и что поэтому Рим никогда ими взят не будет.

1 10. В то время как это происходило, Велизарий написал Иоанну, приказывая ему приступить к условленному делу. Тогда Иоанн с двумя тысячами всадников сделал набег на Пиценскую область, грабя все, что попадалось навстречу и,
2 как было условлено, обращая в рабство детей и жен врагов. Улифея, дядю Витигиса, вышедшего против него с войском, он победил в открытом бою, самого его убил и перебил почти
3 все неприятельское войско. Поэтому уже никто не осмеливался вступать с ним в открытое сражение. Когда он подошел к городу Ауксиму, он узнал, что там стоит незначи-
4 тельный гарнизон готов, но что это местечко сильно укреплено и неприступно. Он вовсе не захотел засесть здесь, осаждая его, но, отойдя отсюда, возможно скорее двинулся
5 дальше. То же самое он сделал и около города Урбинума и быстро двигался к городу Ариминуму, причем местные римляне служили ему проводниками, приходя ему на помощь. Ариминум отстоит от Равенны на расстоянии одного
6 дня пути. Варвары, которые стояли там гарнизоном, относились с большим недоверием к жившим вокруг римлянам и, когда они узнали, что войско (врагов) приближается к ним, они ушли из города и, устремившись в поспешном
7 бегстве, спаслись в Равенну. Таким образом, Иоанн занял Ариминум, оставив позади себя неприятельские гарнизоны в Ауксуме и Урбине, не потому, что он забыл о наставлениях Велизария и не под влиянием безрассудной храбрости, так как с энергией у него сочеталась и рассудительность, но подумав, как это и оказалось на самом деле, что в случае, если готы узнают, что римское войско находится так близко

от Равенны, то они тотчас снимут осаду Рима, боясь за этот
8 свой город. И предположение его оказалось справедливым.
Когда Витигис и войско готов услышали, что Ариминум за-
нят Иоанном, они были охвачены величайшим страхом за
Равенну; они уже не думали ни о чем другом и без всяких
9 задержек приступили к отходу, о чем я буду рассказывать
дальше. Великую славу за это дело заслужил Иоанн, и рань-
ше будучи весьма прославленным. В решительные моменты
10 он был смелым и предприимчивым на собственный страх,
во время опасности не терялся; что же касается суровой пищи
или бесконечной выносливости, то он не уступал в этом ни
11 одному варвару или <своему> воину. Таков был Иоанн.
Жена Витигиса, Матазунта, сильно настроенная против
своего мужа, потому что с самого начала она насильем была
принуждена к сожительству с ним, услышав, что Иоанн
прибыл в Ариминум, пришла в великую радость и тайно
отправила к нему послов вести переговоры о браке и преда-
тельстве.

12 И вот они, посылая друг к другу послов, все время тайно
от других вели между собой переговоры. Готы же (стоявшие
под Римом), узнав, что делается под Ариминумом, и так как
все запасы у них пришли к концу и трехмесячный срок пере-
мирия уже истек, хотя они еще не узнали результатов своего
13 посольства, решили уйти от Рима. Время года подходило
уже к весеннему солнцеповороту, на осаду было потрачено
год и девять дней. И вот готы подожгли все свои укреплен-
14 ные лагеря и с наступлением дня двинулись в путь. Видя
бегство врагов, римляне были в нерешительности, что им
делать в данный момент. Случилось, что в это время большей
части конницы не было, так как она была разслана в раз-
ные стороны, как я говорил выше, а при том количестве
неприятелей они не считали себя достаточно сильными для
битвы. Однако Велизарий велел всем пешим и конным во-
15 оружиться. И когда он увидал, что большая половина врагов
перешла мост, он вывел свое войско через Пинцианские
16 ворота. Произошел рукопашный бой, ничуть не меньший,
чем прежние. Вначале варвары решительно отбивались от
врагов и при первом столкновении много пало людей и с той

и с другой стороны. Но затем, обращенные в бегство готы по своей собственной вине стали терпеть огромные потери и подверглись окончательной гибели. Каждый стремился первым перейти через мост; поэтому, устроив в этом узком месте страшную давку, они подверглись тягчайшим несчастиям. Они избивались и своими и неприятелями. Многие из них с той и с другой стороны моста падали в Тибр и, отягченные своим оружием, тонули и погибали. Таким образом, потеряв очень многих, оставшиеся соединились с теми, которые перешли реку раньше. В этой битве проявили исключительное героическое телохранители Велизария, Лонгин из Исавров и Мундила. Мундила, вступив в бой с четырьмя врагами, поочередно всех их убил, а сам остался невредимым. А Лонгин, главный виновник бегства неприятелей, пал в этой битве, оставив по себе во всем римском войске самую глубокую печаль.

11. Витигис, направившись с остатками войска к Равенне, занимал укрепления бывших по пути местечек крепкими гарнизонами; он оставил в Клузиуме, городе Этрурии, тысячу человек под начальством Гибимера, в «Старом городе» (*urbe vetere*) столько же, начальником над которыми поставил Албилу, родом гота. В Тудере он оставил Улигисала с четырьмястами воинов. В Пиценской области он оставил гарнизон в четыреста человек в Петре из числа тех, которые и прежде тут жили, но в Ауксуме, который является крупнейшим из здешних городов, он оставил четыре тысячи готов, выбранных за свою доблесть, поставив их начальником крайне энергичного человека, по имени Висандра, а в городе Урбине — две тысячи под начальством Моры. Есть еще два укрепленных пункта — Цезена и Монтеферетра; в каждом из них он поставил гарнизон не меньше чем по пятьсот человек. Сам же с остальным войском двинулся прямо к Ариминуму с тем, чтобы его осадить. Но Велизарий со своей стороны, как только готы сняли осаду, послал Ильдигера и Мартина с тысячей всадников с тем, чтобы они, быстро двигаясь другой дорогой, успели раньше неприятелей притти в Ариминум, и велел им возможно скорее отозвать оттуда Иоанна и всех бывших с ним и вместо них поместить большой

отряд, вполне достаточный для охраны этого города, взяв его из гарнизона города по имени Анконы, который находится у Ионического залива, отстоящего от Ариминума на расстоянии двух дней пути. Дело в том, что не так давно он захватил этот город, отправив туда Конона с немалым войском из исавров и фракийцев. Он надеялся, что если только они и пехотинцы, находясь под начальством не очень известных командиров, будут находиться в Ариминуме, то весь цвет готского войска не останется здесь для осады, но, не обратив на них внимания, тотчас отправится к Равенне; если же они захотят осаждать Ариминум, то для пехотинцев там хватит удовольствия на более продолжительное время; вместе с тем он полагал, что две тысячи конницы, не находясь внутри стен крепости, а передвигаясь с остальным войском, причинят врагу, конечно, много бед и скорее заставят их снять осаду. Имея это в виду, Велизарий дал свой приказ Мартину и Ильдигеру с их войском. Двигаясь по Фламиниевой дороге, они немного обогнали варваров, так как готы при большой своей численности двигались много медленнее и принуждены были делать большие обходы как вследствие недостатка в предметах первой необходимости, так и потому, что они меньше всего хотели итти поблизости от укреплений по Фламиниевой дороге, так как там, как я раньше указывал, римляне держали в своих руках Нарнию, Сполеций и Перузию.

Римское войско, подойдя к Петре, считая дальнейшее продвижение делом неважным, сделало попытку захватить ее гарнизон. Это укрепление было создано не человеческими руками, но таким его сделала природа места. Подход к нему крайне крут. На этой дороге справа течет река, благодаря быстроте течения недоступная для перехода, а слева, немного в сторону от дороги, поднимается отвесная скала такой высоты, что для людей, стоящих внизу, те, которые случайно заберутся на вершину, кажутся величиной с самых маленьких птиц. И еще с древних времен тут не было никакого прохода, если кто хотел итти прямо. Подошва горы подходит вплотную к самому руслу реки, не давая возможности прохода тем, кто вздумал бы избрать этот путь. Поэтому еще

14 древние пробили здесь проход и сделали тут маленькие
ворота для входа в город. Так как они разломали большую
часть второго подъема и оставили только столько, сколько
нужно для ворот, то получилось природное укрепление,
и они назвали его вполне подходящим именем — именем Петра
15 («Скала»). Войска Мартина и Ильдигера начали бой у одних
из этих двух ворот и, хотя они посылали много стрел,
сделать ничего не могли, несмотря на то, что находящиеся
здесь варвары отбивались от них очень плохо. Тогда, подняв-
16 шись по крутой дороге с задней стороны входа, они стали
наготов сбрасывать камни с самой вершины. Готы устреми-
лись тогда бегом с великим шумом и смятением под крыши
домов и там успокоились. Тогда римляне, не имея возможно-
сти поразить никого из варваров сбрасываемыми камнями,
17 придумали следующее. Отламывая большие куски скалы и
толкая их руками целого отряда, они в конце концов свали-
18 вали их на дома этого местечка. Эти обломки при падении,
задевая даже малую часть строения, в достаточной степени
все распатывали и повергали варваров в великий страх.
19 Поэтому готы стали простирать руки к тем, которые еще стоя-
ли около ворот, и сдались вместе с крепостью, договорившись,
чтобы им самим не подвергнуться никаким бедам, став ра-
20 бами императора и подданными Велизария. Из них привлек-
ши на свою сторону очень многих, Ильдигер и Мартин увели
их с собой на одинаковых и равных правах со всеми своими;
немногим с детьми и женщинами разрешили продолжать жить
21 тут, оставив здесь небольшой отряд римлян в качестве гар-
низона. Отсюда они направились в Анкону и, выведя оттуда
большое число пехотинцев, бывших в этом городе, на третий
день прибыли в Ариминум и сообщили план Велизария.
22 Но Иоанн не пожелал сам следовать (за ними), даже более:
он удержал при себе Дамиана с четырьмястами воинов.
Тогда они, оставив ему всю пехоту, спешно удалились с те-
лохранителями и щитоносцами Велизария.

4 12. Немного времени спустя прибыл к Ариминуму Витигис
со всем войском и, став вокруг него лагерем, стал его осаж-
дать. Тотчас сделав деревянную башню выше стен города
и поставив ее на четыре колеса, готы стали ее двигать к той

части укреплений, которая казалась им наиболее легкой
2 для завоевания. Чтобы им не испытать такой неудачи, какая
постигла их под стенами Рима, они двигали эту башню не
быками, но тащили ее собственными руками, скрывшись под
3 прикрытие башни. Внутри ее была очень легкая лестница,
по которой варвары собирались в большом количестве быстро
подняться наверх, надеясь, что как только они пододвинут
башню вплотную к укреплениям, то благодаря ей они без-
всякого труда взойдут на верх стены с ее зубцами; это позво-
4 ляла им сделать высота башни, превышающая стены. И вот,
когда они с этим сооружением были уже очень близко от
укреплений, они остановились, так как уже наступал вечер,
и, поставив сторожей вокруг башни, они заночевали, не ожи-
дая, что они встретят откуда-либо какое-нибудь противо-
5 действие. Перед ними не было никакого препятствия, не было
между ними и стеной никакого рва, если не считать очень
маленького. Римляне проводили ночь в большом страхе,
считая, что на следующий день им предстоит погибнуть.
6 Но Иоанн, не скрывая от себя опасности, но и не охваченный
страхом, придумал следующий план. Оставив остальных
на страже, сам он с исаврами, взяв с собой двузубые мотыки
и другие подобного рода орудия, глубокою ночью, никому
не сообщив своего плана, вышел из укреплений и велел ко-
7 пать ров. Они приступили к этой работе и землю, которую
они вынимали, они все время валили на другую сторону рва,
к стене; этот вал послужил им тут вместо укрепления. Делали
8 они это незаметно, так как большинство врагов было охваче-
но глубоким сном; в короткое время они сделали ров доста-
точной ширины в том месте, где укрепления города были
наиболее уязвимы и где варвары собирались сделать напа-
9 дение при помощи сооруженной ими башни. К концу ночи
варвары заметили, что тут делается, и устремились на тех,
которые рыли ров, но Иоанн с исаврами успел уйти в укреп-
ления, так как все, что касалось рва, было им выполнено
10 отлично. С наступлением дня, узнав о случившемся, Витигис
был этим страшно огорчен и некоторых из сторожей велел
казнить, но тем не менее, желая продолжать двигать это
сооружение к стенам, он приказал готам возможно скорее

завалить ров связками прутьев и таким образом продолжать
11 тащить башню. Согласно приказанию Витигиса, они при-
ступили к делу с величайшим рвением, хотя враги очень силь-
но отбивались от них со стены. Но связки прутьев, когда
башня надавила на них всей своей тяжестью, что и естествен-
12 но, осели книзу. Поэтому варвары никак не могли дальше
двигаться со своим сооружением, так как наклонная плос-
кость у них еще больше увеличилась там, где, как я сказал,
13 римляне навалили к стене земли. Боясь, как бы с наступле-
нием ночи враги, выйдя из города, не сожгли этого соору-
14 жения, они стали тащить его опять назад. Иоанн, решив
спешно помешать этому всеми имеющимися у него силами,
15 велел воинам вооружиться и, созвав их всех, обратился
к ним с такою речью: «Воины, вы, которые вместе со мною
принимаете участие в этой опасности! Если кто-либо из вас
хочет еще жить и увидеть тех, кого он оставил дома, пусть
знает, что исполнения этих надежд он добьется не чем-
либо другим, как только силой и храбростью своих собствен-
16 ных рук. Когда Велизарий послал нас сюда, нас побуждали
к бодрости и смелому выполнению дела великие надежды
17 и страсть к подвигам. Мы не подозревали, что на побережье
моря, где римляне являются владыками, мы будем осаждены;
никто не мог бы себе представить, что до такой степени забуд-
18 дет о нас войско императора. Помимо всего этого, тогда по-
буждало нас к благородной отваге сознание наших услуг,
которые мы окажем государству, и будущая слава от этих
19 подвигов среди всех людей. Теперь мы можем, не говоря
о другом, уцелеть только благодаря нашему мужеству, и
нам необходимо подвергнуться этой опасности не ради чего-
либо другого, а только для того, чтобы остаться живыми.
20 Поэтому, если некоторым из вас хочется добиться славы до-
блести, им это предоставляется: пусть они, как и всякий
другой, проявят себя доблестными воинами и тем станут
21 славными. Приобретают славу не те, которые одолели более
слабых, но те, которые, пусть слабее по вооружению, одер-
живают победу величием своего духа. Для тех, у кого больше,
22 чем у других, жажда жизни, особенно будет полезно быть как
можно более смелыми. Ведь те, для кого, как теперь для нас,

все дело на острие ножа, по большей части все они могут
23 спастись только тем, что будут презирать опасности». С та-
кими словами Иоанн повел свое войско против врагов, оста-
24 вив на стенах очень немногих для охраны. Произошел до
крайности ожесточенный бой, так как враги храбро отражали
25 нападение. И только с большим трудом и поздно вечером
варвары смогли увезти башню в свой лагерь. Однако они
потеряли значительное число своих лучших бойцов, так что
в дальнейшем они уже не решались на штурм стен, но, от-
казавшись от этой мысли, сидели смиренно, лаская себя желан-
ной надеждой, что враги, томимые голодом, сами сдадутся
им. Ведь недостаток всяких съестных припасов достиг у них
исключительной силы, так как они не знали, откуда бы их
можно было вывезти в достаточном количестве. †

26 Таковы были тут дела. С теми, кто пришел к нему из Ми-
27 лана, Велизарий послал тысячу исавров и фракийцев. Во
главе исавров стоял Энна, а во главе фракийцев — Павел;
главным начальником над всеми был Мундила; он вел с со-
бой небольшой отряд щитоносцев Велизария. К ним присоеди-
28 нился и Фиделий, который был префектом дворца. Будучи
родом из Милана, он, казалось, был очень подходящим спут-
ником для войска, так как имел известное значение у лигу-
29 ров. Отплыв из гавани Рима, они пристали к Генуе, являю-
щейся крайним городом Этрурии, очень удобно расположен-
ным на перепутьи для тех, кто отправляется к галлам и
30 к испанцам. Оставив там большие корабли, они дальше дви-
нулись сухим путем, положив челноки с кораблей на те-
леги, чтобы при переходе через По не встретить никаких
31 затруднений. И действительно, они так и перешли через
эту реку. Когда же они после перехода через По прибыли
к городу Тичино, то вышедшие к ним навстречу готы вступили
32 с ними в бой. Готов было много, это был отборный отряд,
так как все варвары, жившие в этой области, спрятали в Ти-
чино самые ценные из своих вещей, как в местечке, обладаю-
щем наиболее сильными укреплениями; и потому готы
33 оставили здесь достаточный гарнизон. Произошел сильный
бой, и победа осталась за римлянами. Обратив в бегство
врагов, римляне многих из них убили и при преследовании

чуть было не взяли самого города. С трудом варвары смогли запереть ворота перед лицом наседавших на них врагов.

34 Когда римляне стали удаляться, Фиделий остался позади, зайдя в какой-то из находящихся там храмов, чтобы помолиться.

35 По какой-то случайности его конь упал на передние ноги, так что он сам свалился. Видя его в таком положении, так как он лежал очень близко от укреплений, готы незаметно для неприятелей вышли и убили его. Когда впоследствии Мундила и римляне это заметили, они были охвачены

36 гневом. Затем они прибыли в Милан и без боя заняли его с помощью жителей всей остальной Лигурии. Когда об этом узнал Витигис, он немедленно послал большое войско под

37 начальством Урайи, своего племянника. А Теодеберт, король франков, по его просьбе послал ему во исполнение союзного договора десять тысяч человек, но не франков, а бургундов,

38 чтобы не показалось, что он нарушает свои отношения с императором. Эти бургунды делали вид, будто бы они отправившись туда как добровольцы, самостоятельно, а не по приказанию Теодеберта. Соединившись с ними, готы подошли к Милану, чего римляне меньше всего ожидали, и, став лагерем около него, стали его осаждать. Таким образом, римляне не имели времени ввезти сюда продовольствия и тотчас же стали страдать от недостатков предметов первой необходимости. Да и охрана стен состояла не из воинов, так как

40 Мундилье удалось захватить города, которые были очень близки от Милана и имели укрепления, — Бергомон, Ком, Новарию и некоторые другие городки; в них он повсюду поставил достаточные гарнизоны, а сам, имея всего при себе триста человек, остался в Милане, а с ними вместе Энн и Павел. Таким образом, по необходимости сами горожане по очереди несли сторожевую службу на стенах. Таково было положение дел в Лигурии. Окончилась зима, а с ней пришел к концу и третий год войны (537/8), которую описал Прокопий.

1 13. Около летнего солнцеповорота Веллизарий двинулся против Витигиса и войска готов. Оставив немногих в Риме для охраны, всех остальных он повел с собой: Послав небольшие отряды к Тудеру и Клузиуму, он велел им устроить укрепленный лагерь; он собирался следовать за ними и

Четвер-
тый
год 2
войны,
538/9
год
н. э.

3 осадить вместе с ними бывших там варваров. Они же, узнав
о приближении войска и не желая подвергаться опасности,
отправили послов к Велизарии и обещали добровольно сдать-
4 ся и сдать оба города с условием, что они не подвергнутся
никаким насилиям. С его прибытием они в точности выпол-
нили обещание. Выведя оттуда всех готов, Велизарий напра-
вил их в Сицилию и в Неаполь, а в Клузиуме и в Тудере по-
5 ставил гарнизон. Сам он повел войско дальше. В это время
Витигис послал другое войско в Ауксим под начальством
Вакима, велел им соединиться с бывшими там готами и вместе
с ними двинуться против врагов, находящихся в Анконе, и
6 попытаться захватить ее укрепление. Эта Анкона представ-
ляет собой скалу, изогнутую под прямым углом, откуда она
и получила свое название «Анконы» — «угла»: она больше
7 всего похожа на изогнутый под прямым углом локоть. Она
стоит приблизительно на восемьдесят стадий от города Аук-
сима, для которого она служит гаванью. Самое укрепление
и его стены, расположенные в изгибе скалы, находятся
8 в безопасности, а все внекрепостные сооружения (а их очень
много) с древних времен не были окружены стенами. Стояв-
ший во главе гарнизона в этом местечке Конон, как только
он услышал, что приближается войско во главе с Вакимом
и что оно уже близко, дал пример неразумного решения.
9 Считая делом незначительным, если он сохранит от всяких
бедствий укрепление и тех его жителей, которые находились
там с воинами, он оставил укрепление почти без войска,
выведя его стадий на пять перед городом и выстроив как бы
в боевой строй, устроив неглубокую фалангу, но так, чтобы
охватить ею всю подошву горы, как будто он делал облаву
10 для охоты. Но когда римляне увидели, что враги намного
превосходят их численностью, повернув тыл, они тотчас же
11 бежали в крепость. Бросившиеся их преследовать варвары
многих из них, которые не успели скрыться за стенами,
на месте убили и, приставив к стенам лестницы, пытались
туда проникнуть, а некоторые стали поджигать дома, которые
находились вне укреплений. Римляне, жившие и раньше
12 в этой крепости, пораженные создавшимся положением,
перед тем открыли ворота с тем, чтобы принять этим путем

13 бегущих без всякого порядка воинов. Когда же они увидели, что варвары очень близко заседают на бегущих, боясь, как бы они вместе с ними не ворвались в укрепление, быстро закрыли ворота, а сверху стен спустили канаты и, на них поднимая кверху бегущих, спасли между прочим и самого
14 Конона. Поднявшиеся по лестнице варвары были готовы в кратчайшее время силою захватить крепость, если бы не нашлось двух людей, совершивших удивительный подвиг: когда враги уже стояли на вершине стен, они с поразительным мужеством столкнули их оттуда. Один из них был телохранителем Велизария, фракиец родом, по имени Улимут, другой же — телохранителем Валериана, массагет родом,
15 Губульгунд. Оба эти человека случайно незадолго перед этим попали на корабле в Анкону. В такой критический момент, отразив мечами тех, которые поднялись на стену, они, сверх всякого ожидания, спасли укрепление; сами же, полумертвые, с истерзанным телом, они тем не менее уехали отсюда.

16 В это время было дано знать Велизария, что из Византии прибыл с большим войском Нарзес и находится в Пипенуме. Этот Нарзес был евнухом и хранителем императорских сокровищ; вообще человек острого ума и энергичный более,
17 чем это свойственно евнухам. За ним следовало пять тысяч воинов, распределенных по отдельным отрядам, под командой других: Юстина — начальника иллирийских войск, и другого Нарзеса, который был перебежчиком из Армении, бывшей подвластной персам; он уже давно стал настоящим римлянином со своим братом Аратием, который незадолго
18 перед тем с другим войском прибыл к Велизария. Следовало за ним две тысячи из племени эрулов, которыми командовал Визанд, Алуит и Фанифей.

1 14. Я хочу сейчас рассказать, что это за племя эрулы и откуда пришли они в качестве союзников к римлянам. Они жили по ту сторону реки Истра, к северу, и почитали большое количество богов; они считали делом благочестия ублажать их даже человеческими жертвами. Многие их законы и обычаи были совершенно не похожи на законы и обычаи других людей. У них не полагалось стараться продлить

жизнь стариков или болящих; но всякий раз, как ко-
нибудь из них поражала болезнь или старость, он обяза-
тельно должен был просить своих родственников возможно
3 скорее устранить его из числа (живых) людей. Тогда его
родные, навалив большую и высокую кучу дров и положив
этого человека на самый ее верх, посылают к нему кого-
либо из эрулов, но только не родственника, вооруженного
4 ножом. Полагается, чтобы убийца этого человека не был ему
5 родственником. Когда убийца их родича возвращается к ним,
они тотчас же поджигают всю кучу дров, начиная с самого
низу. Когда костер потухнет, они, собрав кости, тотчас же
6 предадут их земле. После смерти какого-либо эрула, если его
жена хочет проявить свое высокое нравственное достоин-
ство и приобрести себе вечную славу, она обязательно дол-
7 жна спустя короткое время удавиться у могилы своего мужа.
Если она этого не сделает, то в дальнейшем ей предстоит
позор, и со стороны родственников мужа она является отвер-
женной. Таковы-то были обычаи эрулов в древности.

8 С течением времени превзойдя окружающих их варваров
и силою и многочисленностью населения, они, нападая на
соседей, что и естественно, побеждали их поочередно каж-
9 дого в отдельности, насиловали и грабили их. В конце кон-
цов они подчинили себе лангобардов, ставших уже христи-
анами, и некоторые другие племена и заставили их платить
себе дань,— дело необычное для варваров, живших в тех
10 местах; сделать это их заставили жадность и бахвальство.
Когда же Анастасий вступил на престол римских импера-
торов, эрулы, не имея уже, на кого бы они могли даль-
ше идти войной, сложили оружие и оставались спокойными;
11 в такой мирной жизни у них прошло три года. И вот они,
исполненные сильного гнева, без всякого стеснения бранили
своего короля Родульфа и, постоянно приходя к нему, на-
зывали его впадшим в изнеженность и ставшим слабым,
как женщина, и, насмехаясь и обзывая его другими непод-
ходящими словами, всячески понося, бранили его. Болез-
12 ненно перенося их оскорбления, Родульф двинулся походом
против лангобардов, хотя они ни в чем не провинились
против них; он не мог возвести на них никакой вины и не

видел с их стороны какого-либо нарушения договора, но
13 начал с ними войну без всякой причины. Когда слух об этом
дошел до лангобардов, они отправили к Родульфу послов
разузнать об этом и просили сказать, ради чего эрулы идут
против них с оружием в руках, соглашаясь, что в случае
если они ему чего-либо полностью не выплатили из дани, то
заплатят это тотчас с большими процентами. Если они недо-
вольны тем, что дань наложена на них слишком умеренная,
то лангобарды не будут отказываться вносить ее в большем
14 размере. Когда послы привели ему все эти доводы, Родульф
с угрозами отослал их назад и продолжал двигаться. Они
же, вторично отправив к нему послов, продолжали настой-
15 чиво умолять его о том же самом. Когда и второе их посоль-
ство было отослано назад таким же образом, к нему пришли
16 в третий раз послы, убеждая, чтобы эрулы не начинали
с ним войны совершенно без всякого основания. Если же,
говорили они, эрулы решили, несмотря ни на что, идти против
них, то и они не по доброй воле, но под давлением крайней
необходимости выступят против нападающих, призывая
в свидетели себе бога, самое легкое дуновение воли которого
будет сильнее всякого человеческого могущества; само собой
разумеется, что он, исходя из причин войны, присудит и тем
17 и другим соответствующий ее конец. Так сказали послы,
полагая, что этим они внушат страх нападающим, но эрулы,
не испугавшись и не отказавшись от своих намерений, ре-
18 шили вступить с лангобардами в рукопашный бой. Когда
они оказались близко уже друг против друга, то часть неба
над лангобардами покрылась по воле рока черной и густой
19 тучей, а над эрулами небо было абсолютно чистое. На осно-
вании этого всякий мог бы себе ясно представить, что эрулы
идут на это столкновение себе на гибель. Считается, что
не может быть для варваров, идущих в бой, знамения более
20 зловещего, чем это. Тем не менее даже на это эрулы не об-
ратили внимания, но, как бы совершенно потеряв разум,
с величайшим презрением двинулись против врагов, о кон-
21 це войны делая заключение по численности войска. Когда
же начался рукопашный бой, то много эрулов погибло,
погиб и сам Родульф, все же остальные из всех сил кинулись

22 бежать, уже не вспоминая ни о каком мужестве. Лангобарды преследовали их и очень многие из эрулов тут были убиты; лишь немногие из них спаслись.

23 Поэтому жить так, как жили их отцы, они уже не могли, но, снявшись оттуда возможно скорее, они все время двигались вперед и вперед, блуждая с детьми и женами по всей
24 той стране, которая лежит за рекою Истром. Прибыв наконец в страну, где в древности жили руги, которые, соединившись с войском готов, вместе с ними ушли в Италию, эрулы обосновались тут. Но под давлением голода, так как страна была
25 пустынной, немного времени спустя они поднялись оттуда и подошли близко к пределам гепидов. И сначала гепиды на их просьбу позволить им поселиться и быть их соседями
26 дали им разрешение; но затем без всякого повода они начали проявлять против них всякие незаконные действия: они насильовали их женщин, угоняли их быков и грабили их достояние. Они не останавливались ни перед какой несправедливостью и, наконец, беззаконно начали с ними войну.
28 Не имея возможности дольше терпеть это, эрулы, перейдя реку Истр, решили поселиться там вместе с римлянами; императорский престол занимал тогда Анастасий; он принял
29 их с большой охотой и дал им разрешение устроиться здесь.³ Но немного времени спустя эти варвары стали к нему во враждебные отношения, совершая безбожные поступки против живших здесь римлян. Поэтому император послал против них свое войско. Победив их в сражении, римляне многих из них убили, имея полную возможность уничтожить
30 всех их. Тогда оставшиеся в живых эрулы стали умолять военачальников и просили сохранить им жизнь и на будущее время принять их как подданных императора и верных его слуг. Уведомленный об этом Анастасий дал свое согласие и, таким образом, остаткам эрулов удалось сохранить свою жизнь; однако они не стали союзниками римлян и по отношению к ним не проявили никакой доброй воли.

33 Когда на престол вступил Юстиниан, он одарил их прекрасной землей и всякими другими богатствами; он всячески старался привлечь их к себе и сделать дружественными
34 и убедил всех принять христианскую веру. Поэтому, перейдя

к более культурному образу жизни, они, насколько могли, приняли христианское учение и часто вместе с римлянами
35 в качестве союзников ходили против неприятелей. Однако и в этом случае они не всегда были верными союзниками римлян, а побуждаемые жадностью, всегда старались насилловать своих соседей, и подобный образ действия не вызывал
36 у них стыда. Они вступали в безбожные (половые) сношения, между прочим, с мужчинами и с ослами; из всех людей они были самыми негодными и преступными и потому
37 им суждено было позорно погибнуть. Впоследствии лишь немногие из них, заключив договор с римлянами, остались здесь жить, как я буду об этом писать в дальнейших книгах (VII [III], гл. 34, § 48); * все же остальные отказались
38 от этого союза по следующей причине. Проявляя по отношению к своему королю (имя ему было Ох) чисто зверское и достойное безумных отношение, эрулы внезапно без всякой вины убили этого человека, не выставляя никакой другой
39 причины, кроме той, что в дальнейшем они хотят жить без царей. Но и прежде их король носил это звание только на словах, не имея почти никаких преимуществ сравнительно
40 с любым частным человеком. Все могли сидеть вместе с ним и требовали права быть его сотрапезниками, и беспрепятственно всякий, кто хотел, мог нанести ему оскорбление.
41 Нет людей более недобросовестных и непостоянных, чем эрулы. Совершив это преступление, они тотчас же в нем раскаялись. Они стали говорить, что жить в анархии, без вождей они не могут. После многих общих совещаний всем
42 им показалось лучшим послать просить себе в короли кого-нибудь из людей царского рода с острова Фулы. А что это такое, я сейчас объясню.

1   **15.** Когда эрулы были побеждены в бою лангобардами и должны были уйти, покинув места жительства отцов, то один из них, как я выше рассказывал (гл. 14, § 28), поселился в странах Иллирии, остальные же не пожелали нигде пере-
2 ходить через реку Истр, но обосновались на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской

---

* Другое чтение: «как я раньше об этом писал».

крови, они прежде всего последовательно прошли через все славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, достигли страны так называемых варнов. После них они прошли через племена данов, причем живущие здесь варвары не оказывали им никакого противодействия.

Отсюда они прибыли к океану, сели на корабли, пристали к острову Фуле и там остались. Этот остров Фула очень большой. Полагают, что он в десять раз больше Британии (Ирландии). Он лежит от нее далеко на север. На этом острове земля по большей части пустынна, в обитаемой же части живет тринадцать племен, очень многочисленных, и у каждого племени свой царь. Здесь каждый год происходит чудесное явление. Около летнего солнцеповорота в течение приблизительно сорока дней солнце здесь никуда не заходит, но в течение этого времени непрерывно сияет над землей.

Но (не меньше) месяцев через шесть после этого, около зимнего солнцеповорота, дней сорок солнце совсем не показывается над этим островом и он погружен в непрерывную ночь. Это время живущие здесь люди проводят в полном унынии, так как они не имеют никакой возможности тогда сноситься друг с другом. Лично мне отправиться на этот остров, чтобы своими глазами увидеть то, что мне рассказывали, хоть я и очень старался, никак не удалось. Тех, которые оттуда приходят к нам, я спрашивал, как они могут вести (счет и деление дня), если солнце не всходит и не заходит там в установленное время? Они дали мне ответ правильный и убедительный. Они сказали, что в те сорок дней, когда солнце, как сказано выше, не заходит, оно сияет людям то с востока, то с запада. И всякий раз, как оно, совершая свой путь, вновь окажется у края неба на том же месте, откуда в прежние дни его видали поднимающимся, они считают, что прошли одни сутки. А когда наступает время непрерывной ночи, то, наблюдая за ходом луны и движением звезд, сообразуясь с ними, они рассчитывают деление дня. По прошествии тридцати пяти дней этой великой ночи, определенные люди, которым это привычно, посылаются на вершины гор и, увидав оттуда определенным образом солнце, они объявляют стоящим внизу людям, что через

14 пять дней солнце засияет им. Получив эту добрую весть,
они, хотя еще в темноте, отмечают ее всенародным веселым
15 праздником. У жителей Фулы это самый большой из празд-
ников. Мне кажется, что жители этого острова находятся
всегда в страхе, как бы солнце не покинуло их навсегда,
хотя это явление у них происходит всегда одинаковым
образом каждый год.

16 Из всех варваров, живущих на Фуле, одно племя, которое
называется скритифинами,⁴ ведет особенно звериный образ
жизни. Скритифины не носят одежды, не ходят в обуви,
не пьют вина, не добывают себе никакого пропитания по-
17 средством возделывания земли. Они сами не пахут земли,
и женщины у них не знают никаких домашних работ, но
мужчины вместе с женщинами заняты одной только охотой.
18 Находящиеся там леса огромны, изобилуют дикими и дру-
гими животными, а равно и горы, которые поднимаются там.
19 Скритифины питаются всегда мясом пойманных животных,
а в шкуры одеваются, так как у них нет ни льна, ни приспо-
собления, чтобы сучить нитки, но, связав звериными жилами
20 кожи друг с другом, они таким образом закрывают все тело.
21 И их младенцы вынянчиваются у них не так, как у осталь-
ных людей. Дети скритифинов выкармливаются не женским
молоком, и сосут они не материнскую грудь, но выкармли-
22 ваются только мозгом пойманных животных. Как только
женщина родит, она заворачивает новорожденного в шкуру
животного, тотчас же привешивает ее к какому-нибудь де-
реву, кладет ему в рот мозг, а сама тотчас же отправляется
23 с мужем на обычную охоту. Они все делают вместе и на это
занятие охотой ходят вместе. Таков образ жизни этих вар-
варов. Но другие жители Фулы, можно сказать, все,
не очень отличаются от остальных людей: они поклоняются
многим богам и демонам (гениям), живущим на небе и в
воздухе, на земле и в море, и некоторым другим мелким
божествам, считающимся, что они находятся в водах источ-
24 ников и рек. Они непрерывно приносят всякие жертвы,
приносят жертвы мертвым и героям. Из жертв они считают
самой прекраснейшей принесение в жертву человека, ко-
25 торый был их первым военнопленным. Они приносят его

в жертву в честь Ареса, так как этого бога они почитают выше всех. Они посвящают этого пленника богу, не просто убивая его, как приносят жертву, но вешают его на столбе или бросают на спицы или умерщвляют какими-либо другими особыми способами, вызывающими жалость к его мучениям.

26 Так живут обитатели Фулы. Из них самым многочисленным племенем являются гавты, у которых и поселились пришедшие сюда эрулы.

27 И вот эрулы, которые жили в римских пределах, совершив убийство своего короля, послали некоторых из значнейших своих людей на остров Фулу, чтобы они разыскали и привели с собой, если они будут в состоянии найти там

28 кого-нибудь царской крови. Когда эти люди прибыли на остров, они нашли там многих лиц царского рода; выбрав одного, который им особенно понравился, они вместе с ним

29 поехали обратно. Когда они были в пределах данов, он умирает от болезни. Поэтому эти послы вновь вернулись на остров и взяли с собой оттуда другого, по имени Датия. *

30 За ним последовал брат его Аорд и двести юношей из бывшей в Фуле эрульской молодежи. Так как на все эти поездки было потрачено много времени, то эрулам, бывшим около Сингидона, пришла в голову мысль, что они могут повредить себе, вызывая вожда из Фулы без согласия императора Юстиниана.

31 Поэтому, послав в Византию, они просили императора дать им короля, который был бы ему угоден. Император тотчас же послал им в качестве короля одного из эрулов, давно уже

32 жившего в Константинополе, по имени Сватуаза. Вначале эрулы приняли его и подчинились ему охотно и слушались

33 его, когда он приказывал, что полагалось. Но несколько дней спустя прибыл человек с известием, что посольство

34 с острова Фулы находится уже близко. Сваруаз велел выступить против них, чтобы их истребить, и эрулы, одобрив его план, тотчас последовали за ним. Когда они отстояли друг от друга на расстоянии одного дня пути, ночью все,

35 покинув его, перебежали на сторону пришедших, и он, оставшись один, сумел бежать и вернуться в Византию.

---

* Другие рукописи: «Годасия».

36 Император всеми силами старался вернуть ему прежнее положение. Тогда эрулы, боясь могущества римлян, рѣшили удалиться в пределы гепедов. Такова была причина отпадения эрулов.

1   **16.** Велитарий и Нарзес, каждый со своим войском, соединились около города Фирма, который лежит у самого берега Ионийского залива и отстоит от города Ауксима на расстоянии дня пути. Там они устроили совещание с начальниками всех частей войска о том, каким образом им будет выгоднее всего итти на врагов. Если они двинутся на тех, которые осаждали Ариминум, то они опасались, как бы те, кто был в Ауксимае, зайдя в тыл, не нанесли им и живущим в этой местности римлянам непоправимого, что и естественно, вреда; с другой стороны, они боялись и за осажденных, чтобы из-за недостатка продовольствия они не испытали чего-либо ужасного. Большинство говорило, сердясь на Иоанна. Его упрекали, что, вследствие своей неразумной храбрости и любви к большой наживе, он поставил себя в такое опасное положение и не дал военным операциям итти в том порядке и тем путем, как это наметил Велитарий. Но Нарзес (так как Иоанн из всех людей был для него самым близким другом), боясь, как бы Велитарий, склонясь к тому, что говорили начальники, не поставил дела под Ариминумом на второй план, сказал следующее: «Вы, начальники, рассуждаете не о том, о чем обычно надо рассуждать на собраниях, и вы держите совет не о том, что, естественно, каждому может казаться сомнительным и спорным, но вы обсуждаете такой вопрос, в котором возможно людям, даже не имеющим никакого опыта в военном деле, выступить с самостоятельным мнением и выбрать лучшее. Если опасность (положения) кажется одинаковой и при несчастливом исходе дела ущерб, понесенный с той или другой стороны, равновеликим, нужно было бы в достаточной мере дело обдумать, и, сделав все возможные выводы, вынести твердое решение о положении в данный момент. Если бы мы нашли нужным отложить нападение на Ауксим на какое-либо другое время, мы ни в коем случае не понесем наказания и ущерба за пренебрежение к насущным интересам. Что может произойти за

это время? Но если мы совершим, как это возможно, непоправимую ошибку по отношению к Ариминуму (да не покажутся слова мои чересчур горькими!), мы разрушим всю
9 силу духа и мощь римлян. Если Иоанн поступил самонадеянно, не подчинившись твоим приказаниям, о славнейший Велизарий, ты получил уже за это полное удовлетворение относительно его и держишь в своих руках возможность
10 спасти поверженного или предать его врагам. Смотри, как бы то отмщение, которое заслужил Иоанн, погрешив по неведению, ты не получил в ущерб интересам императора и нашим. Если готы возьмут теперь Ариминум, то суждено будет стать их военнопленными (рабами) энергичному римскому
11 вождю, целому войску и городу, бывшему уже подвластным императору. И несчастье не остановится только на этом; оно может повернуть всю судьбу войны. Сообрази сам о положении неприятелей: количеством воинов они сейчас намного превосходят нас, но они потеряли всякое мужество вследствие многих своих поражений. Естественно, постоянные удары судьбы отняли у них всякую решимость.
12 Если же в данный момент им улыбнется удача, то не в малой степени воспрянут они духом и в дальнейшем не с теперешней смелостью, а с значительно большей поведут с нами войну.
13 Ведь те, кто спасся из бездны несчастий, всегда бывают более воодушевленными, чем те, кто еще не испытывал ударов судьбы». Так сказал Нарзес.
14 Какой-то воин из Ариминума, не замеченный стражей варваров, пришел в лагерь римлян и принес Велизарию письмо, которое написал ему Иоанн. Это письмо гласило:
15 «Знай, что уже давно у нас нет продовольствия, и в дальнейшем мы не в состоянии ни противиться народу, ни защищаться против нападающих, но через семь дней против воли придется и самих себя и этот город сдать неприятелям.
16 Мы уже совершенно не в состоянии дальше противиться грозящей нам неизбежной необходимости, которая безусловно будет служить нам оправданием, если мы совершим
17 что-либо не очень славное». Так написал Иоанн. Велизарий не знал, что ему делать; он попал в безвыходное положение. С одной стороны, он боялся за осажденных, с другой —

имел подозрение, что враги из Ауксима (после его ухода) будут без всякого страха грабить всех, делая набеги на все эти местности, нападать с тылу на его войско и делать всяческие засады, причиняя, конечно, много зла и непоправимого вреда, особенно когда римляне вступят в сражение с неприятелем. Но затем он стал действовать так. Он оставил тут Аратия с тысячью воинов с тем, чтобы они стали лагерем у моря на расстоянии стадий двухсот от города Ауксима. Им он велел оттуда никуда не удаляться и не вступать в сражение с врагами, разве только если они пойдут на них и им придется отражать их от лагеря. Благодаря всему этому он очень надеялся, что при наличии римского лагеря в такой близости варвары будут спокойно оставаться в Ауксимах и не будут пытаться делать им неприятности (в тылу). Очень значительное войско он послал на кораблях; во главе этого флота он поставил Геродиана, Улиария и брата Аратия, Нарвеса. Главнокомандующим над этим флотом был поставлен Ильдигер. Велизарий приказал ему прямо плыть к Ариминуму, но чтобы он остерегался пробовать приставать к берегу, если пешее войско намного отстанет от него. Он хотел, чтобы флот двигался вдоль морского берега. Другому войску, под начальством Мартина, он велел двигаться вдоль береговой линии, сопровождая эти корабли, и велел ему, когда оно подойдет близко к неприятелям, разложить многочисленные костры, не пропорциональные численности войска, и дать представление неприятелям о гораздо большей своей многочисленности. Сам же он вместе с Нарвесом и остальным войском пошел другой дорогой, более отдаленной от моря, через город Урбисалию, который в предшествующее время Аларих разрушил так (основательно), что у него ничего не осталось от прежних зданий, кроме ворот, небольшого количества развалин и фундаментов домов.

- 1 17. Тут мне пришлось видеть следующее зрелище. Когда в Пиценскую область пришло войско Иоанна, то, что и естественно, у местных жителей произошло большое смещение.
- 2 Одни из женщин тотчас же бежали, кто куда мог, другие же были захвачены и, невзирая ни на что, уведены первыми

3 встречными. В этой местности была женщина, только что
родившая; случилось, что она оставила ребенка лежащим
в пеленках на земле; бежала ли она, или кем-нибудь была
захвачена, но уже вернуться сюда не могла; ясно, что ей
4 выпала судьба исчезнуть или из среды людей, или из пре-
делов Италии. Ребенок, оказавшись покинутым среди та-
кого безлюдья, стал плакать. Тут какая-то коза, увидав его,
сжалилась и, подойдя ближе (она тоже недавно родила),
дала ему свои соски и заботливо охраняла ребенка, чтобы
5 собака или какой-либо зверь не причинил ему вреда. Так
как в этом смятении прошло много времени, то ребенку
6 пришлось долго пользоваться этой кормилицей. Когда в
Пиценской области потом стало известно, что войско импе-
ратора пришло с враждебными целями только против готов,
а что римляне от него не потерпят никакой неприятности,
7 все тотчас вернулись по домам. И в Урбисалию вместе
с мужьями вернулись и их жены, те, кто из них был родом
римлянки; увидав ребенка в пеленках, оставшегося в живых,
8 совершенно не зная, как это объяснить, они были в большом
изумлении, что он еще жив. Каждая из них давала ему свою
грудь, та, у которой в данное время было молоко. Но ребенок
еще не принимал человеческого молока, да и коза вовсе
не хотела отказаться от него: она непрерывно блеяла, бегая
вокруг ребенка, и, казалось, была готова напасть на при-
сутствующих за то, что женщины, подойдя так близко
к ребенку, ему надоедают; одним словом, она хотела обра-
9 щаться с ним как бы со своим собственным козленком.
Поэтому женщины уже перестали приставать к ребенку,
и коза без всякого страха стала его кормить и охраняла его,
заботясь о нем и во всем остальном. Поэтому местные жи-
10 тели стали называть этого ребенка Эгисфом («Сыном козы»).
И когда мне пришлось быть там, желая показать мне такую
невероятную вещь, они повели меня к ребенку и нарочно
11 сделали ему больно, чтобы он закричал. Ребенок, сердясь на
причиняющих ему неприятность, стал плакать; коза, услы-
хав его плач (она была от него на расстоянии полета камня),
бегом с сильным блеянием бросилась к нему и, подойдя,
стала над ним, чтобы в дальнейшем никто не мог его обидеть.

Вот что хотел я рассказать относительно Эгисфа.

12 Велитарий двигался через горы этой дорогой. Будучи
численностью намного слабее неприятелей, он не хотел
тотчас вступать с ними в открытый бой; он видел, что варвары
вследствие предшествующих постигших их неудач почти
13 умирают от страха; поэтому он думал, что, узнав о надвига-
ющемся на них со всех сторон неприятельском войске, они
забудут о всякой храбрости и немедленно обратятся в бег-
ство. Мнение его оказалось правильным, и в дальнейшем
14 случилось то, что он и полагал. Когда они были в горах,
отстоявших от Ариминума на один день пути, они столкну-
лись с небольшим отрядом готов, отправившихся этой до-
15 рогой за чем-то, что было нужно для них. Столь неожиданно
наткнувшись на войско неприятелей, они никуда не могли
свернуть с дороги; одни из них, поражаемые идущими впе-
реди, пали на месте, другие же, будучи ранеными, бежали
16 на находящиеся здесь скалы и скрылись. Видя отсюда рим-
ское войско, идущее всеми горными проходами, они пред-
17 ставили себе его более многочисленным, чем оно было на
самом деле. Увидав там знамена Велитария, они поняли, что
он командует этим войском. Наступила ночь, и римляне здесь
18 остановились на ночлег, а раненые готы тайно пошли в лагерь
Витигиса. Придя туда около полудня, они показали свои
раны и утверждали, что Велитарий с войском, более много-
19 численным, чем какое они могли сосчитать, вот-вот появится.
Готы стали готовиться к бою, выстроившись на север от
города Ариминума (они думали, что враги придут этой
20 дорогой), и все время смотрели на вершины гор. Когда же
с наступлением ночи они сложили оружие и успокоились,
они увидели огромное количество костров (их зажгло войско,
шедшее с Мартином) на восток от города, на расстоянии ста-
дий шестидесяти, и пришли в неопикуемый ужас: у них
явилось подозрение, что с наступлением дня враги окружат
21 их. Таким образом, эту ночь они провели в великом страхе,
с наступлением же дня, с восходом солнца, они увидели
огромный флот из бесчисленного количества кораблей,
22 двигающийся против них. Онемев от ужаса, они бросились
бежать. Они собирали свой багаж с такой поспешностью,

с таким смятением и криком, что не слышали уже приказаний, и ничего другого у них не было на уме, как только первыми выбраться из лагеря и оказаться поскорее за стенами Равенны. И если бы еще оставалось силы и храбрости у осажденных, то они, сделав вылазку, могли бы произвести избивание врагов и тем бы закончили всю войну. Но сделать это теперь помешал им как сильный страх, вызванный всем предшествующим, так и физическая слабость, поразившая многих вследствие недостатка в самой необходимой пище. А варвары при этом крайнем смятении, оставив здесь часть своего имущества, стремительно бежали в Равенну.

1 18. Первыми из римлян прибыли в лагерь готов Ильдигер и бывшее с ним войско. Тех врагов, которые остались там вследствие каких-либо болезней, они обратили в рабов и захватили все имущество, которое оставили там бежавшие
2 готы. К полудню пришел и Велизарий со всем войском. Когда Велизарий увидал Иоанна и бывших с ним, бледных и покрытых грязью, слегка упрекнув Иоанна за неразумную храбрость, он сказал, что (за свое спасение) он должен
3 поблагодарить Ильдигера. Но Иоанн сказал, что он согласен благодарить, но не Ильдигера, а Нарзеса, казначея императора, тем показывая, как мне кажется, что Велизарий пришел на помощь, хотя ему не очень хотелось это делать по настоятельному совету Нарзеса. И в дальнейшем оба стали
4 относиться друг к другу с большим недоверием. Да и близкие к Нарзесу люди не позволяли ему участвовать в военных походах Велизария, но убеждали его, насколько позорно для него, одного из приближеннейших людей к императору, не быть самостоятельным начальником войска, но подчиняться главнокомандующему. Они указывали, что Велизарий
5 никогда не согласится командовать вместе с ним войском, будучи на одинаковом с ним положении; а ведь он, Нарзес, желает самостоятельно командовать римским войском и чтобы за ним последовало наибольшее число воинов со своими
6 наиболее выдающимися начальниками. * Они говорили, что

---

* Конъектура Наугу; обычное чтение: «чтобы за своими начальниками последовало более многочисленное и лучшее войско».

эрулы, его личные копьеносцы и щитonosцы и те войска, которыми командовал Юстин и сам Иоанн, вместе с войсками Аратия и Нарзеса составляют не меньше десяти тысяч храбрых и исключительно опытных в военном деле воинов; что желательно, чтобы слава покорения Италии была приписываема не одному Велизарю, но чтобы в этом принял участие и Нарзес; что, по их мнению, он покинул возможность общения с императором не для того, чтобы личными опасностями увеличить славу Велизария, но чтобы, проявив дела своего разума и храбрости, стать славным среди людей, как он того и заслуживает. Они говорили, что и Велизарий в дальнейшем не будет в состоянии без них что-либо сделать.

7 Войско, которым он командовал, по большей части он оставил уже в гарнизонах и по городам, которые он завоевал; и они перечислили ему всех их подряд, начиная с Сицилии вплоть до Пиценской области.

10 Услышав это, Нарзес страшно обрадовался этому предложению и уже больше не мог ни скрывать своих намерений, ни держаться в назначенных для него границах. Часто, когда Велизарий требовал, чтобы кто-либо взялся за то или другое дело, Нарзес мешал выполнению его приказаний, высказывая то те, то другие сомнения. Заметив это, Велизарий созвал всех начальников и сказал следующее: «Мне кажется, господа начальники, что относительно этой войны мы держимся разных точек зрения. Вы относитесь к врагам с полнейшим презрением, как будто они уже окончательно

11 побеждены; я же полагаю, что благодаря такой вашей уверенности мы подвергаемся несомненной опасности. Ведь я знаю, что варвары побеждены нами не вследствие их трусости или недостатка в людях, но только благодаря нашей прозорливости и сообразительности они, обманутые военной хитростью, должны были бежать отсюда. Боюсь, как бы в этом отношении, поддавшись ошибке и не учтя правильно положения, мы не совершили бы неправильных поступков

12 во вред себе и всему делу римлян. Ведь те, которые считают себя победителями, величаясь своими делами, легче гибнут, чем те, которые сверх ожидания потерпели поражение и поэтому в дальнейшем держатся по отношению к неприятелям

13

14

15

16

метода осторожности и большой продуманности. Легко-
17 мыслие погубило многих из тех, которые стояли на
верху удач; труд и заботливость принесли пользу многим
18 из тех, кто потерпел крушение. Сила тех, которые поддались
чувству пренебрежения (к врагам), по большей части обыч-
но слабеет, а внимательное отношение бывает достаточным,
19 чтобы восстановить силу. Итак, пускай каждый из вас
подумает про себя: в Равенне находится Витигис и многие
десятки тысяч готов, Урайя осаждают Милан, являясь
хозяином всей Лигурии, а город Ауксим полон неприятель-
ского войска, большого и заслуживающего внимания; да
и много других крепостей охраняется боеспособными против
нас варварами, вплоть до города Урбибента, который яв-
20 ляется чуть ли не соседом Рима. Так что теперь наше поло-
жение находится в большей опасности, чем прежде, так как
21 мы попали, можно сказать, в окружение врагов. Я уже
не говорю о том, что, по слухам, франки соединили свое ору-
жие с готами; в высшей степени необходимо, чтобы все рим-
ляне очень об этом помнили и испытывали бы при этом
22 немалый страх. Поэтому я утверждаю, что надо часть войска
отправить в Лигурию, к Милану, а всех остальных немед-
ленно направить к Ауксиму против находящихся там врагов
для того, чтобы они приступили к делу, исход которого
будет тот, какой угоден богу. А затем следует приняться
и за другие военные дела, как нам покажется лучше и успеш-
нее всего их выполнить». Вот что сказал Велизарий. Нарзес
23 ему отвечал: «Никто не будет возражать, что все остальное,
24 начальник, тобой сказано совершенно правильно. Но
разделять все императорское войско только против Милана
25 и Ауксима я считаю совершенно нецелесообразным. Вполне
естественно, чтобы ты сам повел войско римлян туда, куда
тебе будет угодно, мы же приобретем для императора об-
ласть вдоль Эмилиевой дороги, о которой, как говорят,
больше всего заботятся готы, и приведем Равенну в такое
замешательство, что с теми врагами, которые будут против
вас, вы будете в состоянии делать все, что хотите, так как
у них будет отнята всякая надежда на прибытие помощи.
26 Если же мы решимся вместе с вами сидеть и осаждать Аук-

сим, боюсь, что варвары выйдут из Равенны, и тогда нам придется по отношению к врагам оказаться запертыми в стенах, и, лишенные всего самого необходимого, мы тут и погибнем». Так говорил Нарзес. Но Велизарий, боясь как бы вследствие разделения римского войска на много частей не пострадало дело императора и не возник беспорядок от получившейся здесь анархии, предъявил письмо императора Юстиниана, которое он написал всем начальникам войска.

27 Это письмо гласило: «Нарзеса, нашего казначея, мы посылаем не за тем, чтобы он начальствовал над войском в Италии. Мы желаем, чтобы во главе всего войска стоял один Велизарий и распоряжался им, как ему покажется лучше всего; вам же всем предлагаем следовать за ним на пользу нашего государства». Таково было приблизительно письмо императора.

28 Но Нарзес, опираясь на последние слова письма, утверждал, что в данный момент план Велизария противоречит пользе государства, поэтому не надо следовать ему.

29

1 **19.** Услыхав это, Велизарий послал Перания с большим войском к Урбиветеру («Старому городу») с тем, чтобы они его осадили, сам же повел войско к Урбину, городу очень укрепленному и имевшему значительный гарнизон из готов (он отстоял от Ариминума на расстоянии одного дня пути для человека налегке). Войском начальствовал Велизарий,

2 а Нарзес, Иоанн и все остальные следовали за ним. Когда они подошли близко, они стали у подножия холма двумя лагерями. Они не объединили своих сил, но Велизарий со своими стоял на восток от города, а Нарзес и его войска

3 занимали места на запад. Город Урбин расположен на круглом и очень высоком холме, однако этот холм не крутой и не совсем недоступный, трудно проходим он только на самом верху, особенно в непосредственной близости от города.

4 Есть только одно место подъема по ровному склону, к северу. К осаде римляне приступили следующим образом. Полагая, что перед лицом грозящей опасности варваров легче будет привлечь на свою сторону и склонить к добровольной сдаче, Велизарий отправил к ним послов и, обещая им в будущем много всяких благ, убеждал сдаться и

5 начиниться императору. Послы, подойдя близко к воротам

(в город враги не позволяли им войти), говорили им много для них привлекательного, но готы, уверенные в крепости своего положения и в изобилии снабженные запасами, были менее всего склонны выслушивать их предложения и велели римлянам возможно скорее уйти оттуда прочь. Услыхав это, Велизарий приказал войску собирать палки и ветки потолка и сделать из них длинную галлерею. Под ее прикрытием они собирались ближе подойти к воротам той дорожкой, где место было ровное, и воспользоваться этим сооружением для нападения на стену. Войска так и стали делать.

Некоторые из близких к Нарзесу лиц стали говорить, что Велизарий делает вещь бесцельную и невыполнимую, что уже Иоанн потерпел неудачу при попытке взять это укрепление (а ведь тогда оно имело очень небольшой гарнизон), что он ясно увидал, что это укрепление взять штурмом совершенно невозможно (и это было верно) и что он, Нарзес, должен подчинить власти императора местности и укрепления по Эмилиевой дороге. Убежденный такими доводами, Нарзес ночью снялся со стоянки, прекратив осаду, хотя Велизарий усиленно умолял его остаться здесь и вместе с ним взять город Урбин. Но они со своей частью войска быстро направились в Ариминум. Когда с наступлением дня враги увидели, что половина врагов ушла, то Морас с варварами со стен стали издеваться и глумиться над оставшимися. Но Велизарий решил штурмовать стены с оставшимся войском. Когда он принял это решение, ему на помощь пришел удивительно счастливый случай. В Урбине был только один источник, из которого все живущие там брали воду. Этот источник сам собою стал высыхать и в скором времени перестал давать воду. И в течение трех дней у него настолько пропала вода, что варвары черпали ее оттуда с грязью и так пили. Поэтому они решили сдаться римлянам. Не зная об этом ничего, Велизарий решил попытаться напасть на укрепления. И вооружив все остальное войско, он поставил его вокруг холма, а части войска он велел двигать по ровному месту сделанную из прутьев галлерею *

---

* Римское ее название «винея» (vinea).

15 (они так обычно называют это сооружение). Воины, войдя
под ее прикрытие, стали двигаться вперед и тащить эту
16 галлерею, не видимые для врагов. И вот варвары, вытянув
вперед с укреплений правые руки, стали просить мира.
Римляне, не зная всего, что случилось с источником, стали
думать, что они испугались войны и этого сооружения.
И та и другая стороны с удовольствием прекратили военные
17 действия. Готы добровольно сдались Велизариию сами и
сдали ему город на условии, что им не будет сделано ничего
плохого и что они будут подданными императора и будут
служить ему на равных и одинаковых правах со всем римским
18 войском. Услыхав об этом, Нарзес был поражен удивлением
и очень огорчен. Сам он еще спокойно сидел в Ариминуме,
а Иоанну со всем войском велел двинуться против Цезены.
20 Неся с собой лестницы, они двинулись туда. Когда они были
очень близко от укреплений, они сделали нападение на них
и попытались их штурмовать. Варвары сильно защищались,
а римляне потеряли здесь многих убитыми, в их числе Фа-
21 нифея, начальника эрулов. Потерпев такую неудачу под
Цезеной, Иоанн не захотел вновь делать попытку ее взять,
так как ему показалось, что взять ее нельзя, но вместе
с Юстином и всем другим войском он двинулся дальше.
22 Внезапным нападением он взял старинный город, который
назывался «Форумом Корнелия», и так как варвары всегда
перед ним отступали и нигде не вступали в открытое сраже-
ние, то он подчинил императору всю область по Эмилиевой
дороге. Так шли там дела.

1 20. Взяв Урбин около зимнего солнцеповорота, Вели-
зарий считал, что итти сейчас на Ауксим нецелесообразно;
он имел основание думать, что на его осаду придется потра-
2 тить долгое время. Взять же эту крепость силой ввиду мощ-
ности ее укреплений было невозможно; варваров в качестве
гарнизона там было помещено, как я указывал выше, много
и отборных; кроме того, подвергнув грабежу большую
3 область, они свезли себе туда много продовольствия. Он
приказал Аратию с большим войском зимовать в Фирме
и сторожить, чтобы в дальнейшем варвары не могли с этой
стороны по произволу делать набеги и вполне безнаказанно

4 для себя опустошать находящиеся там места. Сам же повел
войско к Урбиветеру. На эту мысль навел его Пераний, так
как от перебежчиков он раньше слышал, что находящиеся
там готы начинают страдать от недостатка запасов, и наде-
ялся, что если вдобавок к нужде во всем необходимом они
еще увидят Велизария, явившегося со всем войском, то они
5 с тем большей легкостью сдадутся. Так оно и оказалось.
Как только Велизарий прибыл к Урбиветеру, он велел всем
стать лагерем на пригодном для этого месте, сам же, объехав
город кругом, смотрел, нельзя ли каким-либо образом взять
6 его силой. Он решил, что нет никакого средства взять это
укрепление открытой силой. Но ему казалось не совсем
неисполнимым делом овладеть этим городом тайно, при
7 помощи хитрости. На равнине, идущей в виде небольшой
полой впадины, поднимался одинокий холм, наверху он был
выравненным и гладким, внизу же отвесным. Вокруг этого
холма стояли, образуя как бы его окружение, равные с ним
по высоте скалы; они были не рядом с ним, но стояли пример-
8 но на полет камня (из пращи). На этом-то холме древние
выстроили город, не окружив его стеной и не сделав никаких
других укреплений, так как им казалось, что это место по
9 своему природному положению взять нельзя. Единственный
подъем туда был со стороны скал, и живущим в этом месте,
если они будут охранять эту дорогу, нечего было бояться
10 нападения врагов с другой стороны. Исключая то место,
где природа создала вход в этот город, как я только что
сказал, пространство между холмом и скалами, о которых
я упомянул выше, занимала всегда полноводная и трудно
11 переходимая река. Поэтому в древности римляне в этом про-
ходе соорудили только небольшую постройку; в ней-то и были
ворота, которые тогда охраняли готы. Такова была мест-
12 ность около Урбиветера. Велизарий приступил к его осаде
всем войском, надеясь, что он сумеет благодаря какой-либо
хитрости проникнуть в город со стороны реки или заставить
13 врагов сдаться из-за голода. Пока у варваров еще не ощу-
щалось сильного недостатка в съестных припасах, хотя их
было меньше, чем нужно для нормального питания, они,
сверх ожидания, твердо боролись с нуждой, далеко не пи-

таясь досыта, но каждый день употребляя лишь столько пищи, сколько было необходимо, чтобы только не умереть с голоду.

14 Когда же у них все запасы истощились, они стали питаться кожами, как обделанными, так и не обделанными, долгое время размачивая их в воде. Дело в том, что начальствовавший над ними Альбила, известнейший человек среди готов, питал их пустыми надеждами (на помощь).

15 Время шло, и вновь наступило лето. На полях сам собой стал вызревать хлеб, но совсем не в таком количестве, как

16 в прошлом году, а гораздо меньше. Так как зерна его не были скрыты в бороздах, проведенных плугом или руками человека, а им пришлось лежать на поверхности земли, то лишь небольшой части их земля могла сообщить расти-

17 тельную силу. Еще никто его не жал, но уже задолго до созревания он вновь полег, и в дальнейшем ничего отсюда

18 не выросло. То же самое случилось и в области Эмилиевой дороги. Поэтому жители, покинув тут свои жилища и родные поля, ушли в Пиценскую область, думая, что там они будут

19 меньше страдать от голода. По той же самой причине не меньший голод поразил Этрурию; те из ее жителей, которые обитали в горах, вместо зерна питались желудями с дубов;

20 они пекли себе из той муки хлеба и их ели. Вполне естественно, что большинство из них было поражено различ-

21 ными болезнями; лишь немногие уцелели. Говорят, в Пиценской области погибло от голода не менее пятидесяти тысяч римских землевладельцев и еще гораздо больше по ту

22 сторону Ионийского залива. Я сейчас расскажу, так как я сам был очевидцем этого, какого они были вида и как умира-

23 рали. Все были худы и бледны; плоть, не имея питательной пищи, по древнему выражению, сама себя поедала, и желчь, властвуя над оставшимся телом, окрашивая его, придавала

24 внешнему его виду свой собственный цвет. При продолжении этого бедствия вся влага уходила из тела, кожа страшно высыхала и была похожа на содранную шкуру, давая пред-

25 ставление, что держится она только на костях. Их синий, как кровоподтек, цвет лица постепенно переходил в черный, и они были похожи на сильно обожженных факелами. Выражение лица у них было как у людей, чем-либо пораженных,

и их глаза смотрели всегда страшно и безумно. Одни из них умирали от недостатка пищи, другие же от чрезмерного ею пресыщения. Так как у них потух весь внутренний жар, который природа зажгла у них, то если кто-либо давал им есть сразу досыта, а не понемногу приучая к пище, как своевременно рожденных детей, то они, уже не имея сил переваривать пищу, умирали еще скорее [чем от голода].

Некоторые, страдая от ужасного голода, поедали друг друга. И говорят, что две женщины в какой-то деревне, севернее города Ариминума, съели 17 мужчин. Случилось, что они одни только уцелели в этом месте. Поэтому проходившим по этой дороге иноземцам приходилось заходить в тот домик, где они жили. Во время сна они их убивали и поедали. Но говорят, что восемнадцатый гость проснулся в тот момент, когда эти женщины собирались наложить на него руки; вскочив * с постели, он узнал от них все это дело и обеих их убил. Вот что, говорят, произошло там. Большинство жителей, понуждаемые голодом, если где-нибудь встречалась трава, стремительно бросались к ней и, став на колени, старались ее вырвать из земли. А затем (так как вырвать ее они не могли: вся сила покинула их) они падали на эту траву и на свои руки и умирали. И никто нигде их не хоронил: ведь не было никого, кто бы мог позаботиться о погребении. И ни одна из птиц, которые обычно питаются трупами, не коснулась их, так как на них не было мяса, которое бы они могли взять себе. Все их тело, как я выше сказал, было уже раньше поглощено голодом. Но достаточно мне рассказывать о голоде.

21. Когда Велизарий услышал, что Урайя и варвары осаждают Милан, он послал Мартина и Улиария с большим войском против них. Дойдя до реки По, которая отстоит от Милана на расстоянии одного дня пути, став там лагерем, они медлили итти дальше. Они потеряли там много времени, совещаясь, как им перейти реку. Когда об этом услышал Мундила, он послал к ним некоего римлянина, по имени

---

* Науру и Крашенинников; по другому чтению: «разобрав и раз-узнав все это дело».

4 Павла; незамеченный врагами, он пришел к берегу По.
Не найдя в данный момент никакого челнока, он скинул
5 одежду и вплавь с величайшей опасностью переплыл реку.
Доставленный в римский лагерь к начальникам, он сказал
следующее: «Мартин и Улиарий! Неправильно вы делаете
и недостойное вашей собственной славы; на словах вы при-
шли для спасения того, что принадлежит императору, на
6 деле же, чтобы увеличить могущество готов. Этот Милан,
из всех италийских городов наиболее выдающийся и по своей
величине и по своему многолюдству, а равно и всяким дру-
гим богатствам; кроме того, он является передовым укреп-
лением против германцев и других варваров и, так сказать,
оплотом всей власти римлян; так вот этот Милан находится
7 в великой опасности вместе с Мундилой и императорским
войском, врагами тесным, вами забытый. Какое пре-
ступление совершаете вы теперь перед императором, я не
буду говорить. Данный момент не позволяет мне разли-
ваться в длинных речах: он требует скорейшей помощи го-
8 роду, пока еще остается хоть какая-нибудь надежда. Я за-
являю, что вы должны немедленно притти на помощь ми-
ланцам, находящимся в крайней опасности. Если по отно-
шению к нам в настоящее время вы еще из-за чего-либо
будете медлить, то нам придется погибнуть, испив самую
горькую чашу страданий, вы же наложите на себя пятно
изменников императору, отдавших во власть врагам его силы.
9 Ведь предателями, думаю, справедливо называть не только
тех, которые открывают ворота неприятелям, но ничуть
не меньше, если не больше, тех, которые хотя и могли оказать
помощь своим ближайшим друзьям, осажденным врагами,
но предпочли безопасную медлительность поспешной и энер-
гичной деятельности и тем дали возможность врагам одолеть
10 их». Так сказал Павел. Мартин и Улиарий, уверив его, что
11 немедленно последуют за ним, отослали его обратно. Вновь
незамеченный врагами, ночью он вернулся в Милан; у вой-
нов и у всех римлян он поднял надежду и еще более укрепил
12 их верность императору. Тем не менее войска Мартина,
охваченные страхом, оставались все там же, и долгое время
13 было напрасно здесь потрачено в промедлении. Тогда Мартин,

желая снять с себя обвинение, написал Велизарию следующее: «Ты послал нас на помощь миланцам, находящимся в опасном положении, и мы со всем старанием и поспешностью, как ты приказал, дошли до реки По, перейти которую войско боится, потому что мы слышим, что здесь в Лигурии большое войско готов и с ним огромное количество бургундов, сражаться с которыми мы одни, по нашему мнению, не можем. Но прикажи Иоанну и Юстину возможно скорее (они находятся по соседству с нами в области Эмилиевой дороги) вместе со своими войсками совместно с нами взяться за это опасное дело. Если мы пойдем туда вместе с ними, то будем в состоянии и сами остаться целыми и неприятелям причинить много зла». Вот что гласило письмо Мартина. Прочитав его, Велизарий приказал Иоанну и Юстину тотчас же идти вместе с войском Мартина на Милан. Они же отказались это исполнить, если им этого не прикажет Нарзес. Поэтому и Нарзесу Велизарий написал следующее: «Знай, что все войско императора есть единое тело; если оно не проявит единодушия, как члены человеческого тела, а захочет действовать в своих частях отдельно одна от другой, то нам останется только погибнуть, не совершив ничего из того, что мы должны сделать. Поэтому оставь Эмилиеву область, не имеющую укреплений и в данный момент никакого решительного значения для римлян. Прикажи сам Иоанну и Юстину тотчас же возможно скорее идти против врагов, находящихся у Милана, вместе с войском Мартина, так как они находятся вблизи от него и имеют силы, вполне достаточные для победы над варварами. У меня здесь нет достаточного количества войск, которые я мог бы послать туда, тем более что я считаю невыгодным посылать в Милан воинов отсюда. Пройдет большой срок, так что они придут туда позднее нужного момента и ни в коем случае не будут в состоянии использовать коней против неприятелей вследствие их утомления за долгую дорогу. Если же эти начальники пойдут на Милан вместе с Мартином и Улиарием, то, конечно, они победят находящихся там варваров и могут опять занять Эмилиеву область, так как никто еще им там не сопротивляется». Когда Нарзес увидал эти доставленные ему письма,

он со своей стороны приказал Иоанну и Юстину отправиться в Милан вместе с остальным войском. Немного позднее Иоанн был послан к морю забрать оттуда легкие суда, чтобы при их помощи войско могло перейти через реку. Но поразившая его болезнь задержала выполнение этого дела.

В то время как войска Мартина тратили время на раздумывание о переходе, а войска Иоанна ждали приказаний Нарзеса, прошел большой срок, во время которого продолжалась осада. Осажденные, до крайности мучимые голодом, будучи уже не в состоянии преодолеть своего тяжелого положения, стали питаться преимущественно собаками, мышами и другими животными, которые раньше никогда не шли на питание человеку. Послы варваров, отправленные ими к Мундиле, предлагали ему сдать город с тем условием, что ни он, ни его воины не понесут никакой неприятности. Он соглашался это сделать, если они дадут обещание, что не только им, но и остальным жителям города они не сделают ничего плохого. Так как враги давали обещание пощадить Мундилу и римских воинов, напротив, питая сильный гнев против лигуров, как было ясно, хотят всех их погубить, то Мундила, собрав всех воинов, сказал следующее: «Если когда-нибудь кто-либо, имея возможность жить покрытым позором, выбрал славную смерть, предпочтя почетный уход из жизни немедленному спасению, то я хотел бы, чтобы в настоящее время такими были вы и из-за любви к жизни не гнались бы за этим существованием, связанным с позором. Ведь это было бы вразрез с наставлениями Велизария; если вы их как следует за прежнее время усвоили, то вы должны и действовать благородно и с огромной смелостью. Всем рождающимся на свет предстоит общая неизбежная участь умереть в назначенное время; только родом смерти люди по большей части отличаются друг от друга. Разница только в том, что трусы, как и естественно, испытывают сначала со стороны врагов всякого рода издевательства и насмешки, а затем в свыше указанное им время тем не менее их постигает предназначенная им судьба. А людям благородным приходится испытать то же с доблестью и наличием доброй славы. Помимо этого, если бы было возможно нам, проявляя такую

покорность перед варварами, спасти вместе с собой и всех этих сограждан, то это могло бы служить для нас некоторым извинением за нашу позорную жажду спасения. Но если нам нужно будет увидеть такую массу римлян, гибнущих под руками врагов, то кто не скажет, что это зрелище будет горше любой смерти? Ведь это то же самое, как если бы мы вместе с варварами, как могут подумать, произвели это избиение. Пока мы сами себе господа, решим же, раз уже выпала нам такая судьба, выполнить с доблестью эту славную необходимость. Поэтому я утверждаю, что нам нужно, вооружившись возможно лучше, двинуться на врагов, не ожидающих этого. Нам предстоит одно из двух — или судьба в некотором отношении повернется к нам лицом, или, получив на долю блаженную сверх ожидания смерть, мы с великой славой избавимся от настоящих несчастий». Так сказал Мундила, но никто из воинов не пожелал подвергнуться опасности; они сдались сами, сдали и город на тех условиях, которые предлагали враги. Их самих вместе с Мундилой, не сделав им ничего дурного, варвары держали под стражей, город же они разграбили и разрушили до основания, избивая мужчин, способных носить оружие, всех подряд, не меньше тридцати тысяч, женщин же обратили в рабство, ими они одарили бургундов в благодарность за оказанную помощь. Найдя префекта претория Репарата, они изрубили его в куски и мясо его бросили собакам. Бергентин (и он случайно был в Милане) через область венетов и соседних племен отправился со своими в Далмацию, оттуда он отправился к императору и рассказал ему об этом ужасном несчастии, которое пришлось перенести римлянам. После этого готы по добровольной сдаче взяли и другие города, которые до этого занимали римские гарнизоны, и опять овладели всей Лигурией; Мартин же и Улиарий вернулись со своим войском в Рим.

- 1   22. Так совершилось это событие. Велизарий, еще не зная, что случилось в Лигурии, так как зима уже кончилась (538/9 год), со всем войском двинулся в Пиценскую область.
- 2   Узнав во время этого похода о судьбе, постигшей Милан,
- 3   он впал в величайшую печаль. В дальнейшем он не позволил

Улиарию показываться на глаза и тотчас же написал императору обо всем случившемся. Император не наложил за это ни на кого тяжелого наказания, но, услышав о неприязненных отношениях между Велизарием и Нарзесом, тотчас же отозвал Нарзеса и полномочным предводителем во всей этой войне назначил Велизария. Таким образом, Нарзес вернулся в Византию с небольшим числом воинов. Эрулы не пожелали больше оставаться в Италии после удаления Нарзеса, хотя Велизарий от своего имени и от имени императора обещал им всякие блага, если они останутся, но, забрав весь свой багаж, они удалились сначала в Лигурию. Там они встретились с войском Урайи и, продав врагам тех рабов и тот скот, который они вели с собой, и получив от них много денег, они поклялись, что никогда не будут участвовать в войне против готов или вступать с ними в открытый бой. Получив таким образом возможность мирно удалиться, они пришли в пределы венецов. Там, побеседовав с Виталием, они раскаялись в совершенных против императора Юстиниана прегрешениях. Чтобы очиститься от обвинения, они оставили тут одного из своих начальников, Висанда, с его свитой, а остальные все были доставлены в Византию; начальниками их были Алуэт и Филимут, который принял власть после смерти Фанифея в Цезене.

Витигис и бывшие с ним готы, слыша, что с наступлением весны Велизарий собирается двинуться против них и против Равенны, были в великом страхе и вели совещания о настоящем положении дел. После долгих обсуждений (не считая себя в силах один на один сражаться с врагами) они решили привлечь к себе на помощь других варваров. Они воздержались от германцев, по опыту зная их лживость и вероломство, довольные уже тем, что они вместе с Велизарием не идут против них и по отношению к обоим не стоят им на дороге. Но к Ваке, королю лангобардов, они отправили послов, предлагая много денег и приглашая заключить военный союз для общей борьбы. Когда послы убедились, что Вака — друг и союзник императора, они вернулись, ничего не сделав. И вот Витигис, находясь, как и естественно, при таком положении дел в нерешительности, неоднократно

собирал большой совет старейшин. И он не раз спрашивал их, что ему придумать или что сделать, чтобы дела пошли лучше.

14 Много мнений высказывалось участниками совещаний; одни из них были неподходящими для данного положения дел, другие же были в некотором отношении заслуживающими

15 внимания. В числе последних было высказано такое замечание, что император римлян только тогда смог начать войну с западными варварами, когда у него был заключен мир с персами. Только тогда он смог окончательно покорить

16 вандалов и маврусию и довести готов до нынешнего положения. Так что, говорили они, если бы кто-либо и теперь мог вызвать враждебные действия между Юстинианом Августом и царем мидян, то никогда римляне, начав войну с этим народом, не рискнули бы в дальнейшем вести какую

17 бы то ни было войну с другими народами. Это соображение понравилось Витигису и всем остальным. Было решено отправить послов к персидскому царю Хозрою, но не готов, — для того, чтобы, будучи узнаны там, они не испортили дела, — а римлян, которые настроили бы его против императора

18 Юстиниана. Поэтому они уговорили за большие деньги двух лигурийских священников на такое дело. Из них один, который был представительнее, облекшись званием и внешним видом епископа, никогда ему не принадлежавшими, был назначен послом, а второй следовал за ним в качестве

20 спутника. Витигис вручил им письма, которые он посылал Хозрою, и отправил их обоих. По их наущению Хозрой во время перемирия совершил против римлян недопустимые

21 дела, как мною было рассказано в прежних книгах. Когда император Юстиниан услышал, что замышляют Хозрой и персы, он решил возможно скорее прекратить войну на западе и вызвать Велизария, чтобы он вел войско против

22 персов. Послов же Витигиса (ведь они все еще продолжали находиться в Византии) он тотчас отослал назад, обещая, что он пошлет к Витигису своих людей в Равенну и заключит с готами мир, который послужит на пользу той и другой

23 стороне. Этих послов Велизарий отпустил к неприятелям лишь после того, как они отпустили от себя Афанасия и

24 Петра с их свитой. Когда они прибыли в Византию, импе-

ратор удостоил их великих даров, Афанасия назначив начальником преторианской гвардии в Италии, а Петру дав звание так называемого магистра. Кончилась зима, а вместе с ней кончился и четвертый год войны (538—539), которую описал Прокопий.

539/40
год 1
н.э.

23. Велизарий хотел сначала взять Ауксим и Фезулу и потом идти против Витигиса и Равенны, не имея против себя никого из врагов, кто бы мог или помешать римлянам, или в тылу причинить какую-либо неприятность. Поэтому он послал в Фезулу Киприана и Юстина с их войсками, отрядом исавров и пятьюстами из того легиона, которым командовал Деметрий, с тем чтобы они, став лагерем у этого укрепления, осаждали находящиеся в нем варваров. Мартина же и Иоанна с их отрядами и другим войском, которым командовал Иоанн, по прозванию «Обжора», он направил к реке По. Им он велел заботиться, чтобы Урайя и бывшие с ним войска не могли из Милана притти на помощь своим; если же они не будут в состоянии удержать наступление врага, незаметно двигаться у них в тылу, преследуя их. Они, захватив город Дортану, расположенный у реки и бывший неукрепленным, стали там лагерем и ожидали (что будут делать враги); сам же Велизарий двинулся к Ауксиму с одиннадцатью тысячами воинов. Этот Ауксим является первым из городов Пицциума; римляне называют его метрополией этой области. От берега Ионийского залива он отстоит приблизительно на восемьдесят четыре стадии, а от Равенны на расстоянии трех дней пути и восьмидесяти стадий. Он расположен на высоком холме; нигде к нему нет доступа с равнины и потому для неприятелей он совершенно неприступен. Сюда в виде гарнизона Витигис поместил весь цвет войска готов, рассчитывая на то, что римляне, не взяв этого города, никогда не осмелятся двинуться походом на Равенну. Когда римское войско пришло в Ауксим, Велизарий велел своим воинам стать лагерем у самого края холма вокруг всего города. Они, разбившись на отдельные отряды в разных местах этой местности, стали строить себе палатки; увидя, что они отделены друг от друга большим пространством, и считая, так как равнина была большая, что они не так

легко и скоро могут подать друг другу помощь, готы внезапно поздним вечером сделали нападение на врагов с восточной стороны города, где случайно находился еще Велизарий, строивший лагерь со своими копьеносцами и щитносцами. Они, схватив оружие, какое им в данную минуту подвернулось под руку, отразили нападающих и благодаря своей доблести заставили их отступить и обратили в бегство; преследуя бегущих, они оказались на середине холма. Тут варвары повернулись против преследующих и, полагаясь на крепкую позицию, стали сопротивляться им и многих из них убили, так как ведь они били сверху, пока наступление ночи не прекратило их боя. Так, разойдясь, и те и другие провели эту ночь. Случайно накануне этого дела некоторые из готов ранним утром были посланы в эти местности ради того, чтобы заготовить и доставить продовольствие. Ничего не зная о появлении неприятелей, они к ночи возвращались обратно. Внезапно увидя костры римлян, они пришли в великое изумление и страх. Многие из них решились пойти на опасность и, незамеченные врагами, вошли в Ауксим. Те же, которые вследствие внезапно охватившего их страха скрылись в лесах, с тем, чтобы уйти потом в Равенну, немного позднее, попав в руки врагов, погибли. Видя, что Ауксим обладает очень сильными укреплениями и с этой стороны в безопасности, что для него совершенно невозможно штурмовать стены, Велизарий думал, что открытой силой ему никогда не взять этого места, но он надеялся, что при помощи строгой осады он сможет довести врагов до голода и с течением времени покорить их. Несколько в сторону от укреплений был большой луг с густой травой; этот участок земли каждый день давал римлянам и готам возможность нападать друг на друга. Заметив, что враги постоянно ходят сюда для того, чтобы косить траву для лошадей, римляне, быстро поднимаясь вверх по холму и вступая с врагами в рукопашный бой, совершая подвиги, достойные их доблести, не позволяли врагам уносить с собою эту траву и многих из врагов убивали на месте. Варвары, побуждаемые доблестью римлян, придумали следующую хитрость. Сняв телеги с колес и оставив их на одних только осях, они держали их

наготове; начав косить траву и увидя, что римляне поднялись уже до середины холма, они пустили на них эти колеса с самой вершины холма. По какому-то счастливому случаю эти колеса докатились до самой равнины, не задев ни одного человека. Потерпев неудачу в этой попытке, варвары тогда бежали за укрепления, а потом попытались сделать следующее. Те рвы и ямы, которые были очень близко от укреплений, они заняли самыми лучшими воинами, посадив их в засаду; врагам могло показаться, что за травой явилось их немного, когда же начался бой, то сидевшие в засаде выскочили оттуда и, намного превосходя численностью своих врагов (пораженных страхом, так как они этого не предвидели), многих убили, а остальных обратили в бегство. Те из римлян, которые стояли в лагерях, заметили врагов, выходявших из засады, и хотя сильным криком они давали знать своим товарищам, однако ничего не могли сделать, так как сражающиеся, отделенные большим пространством холма, не слышали крика, да кроме того враги нарочно все время громко стучали оружием.

Когда Велизарий находился в раздумье, что ему делать ввиду такого положения, к нему пришел Прокопий, написавший эту историю, и сказал: «В древние времена, военачальник, те, которые пользовались трубами в римском войске, знали два способа <какой звук издавать>. Один из них был очень похож на голос приказывающего и побуждающего воинов к бою, а другой звал сражающихся назад в лагерь, если это казалось начальнику самым лучшим. Таким образом военачальники всегда приказывали своим воинам то, что в данный момент нужно, воины же, услышав приказ, что им надо делать, это и исполняли. Крик при столкновениях мешает делать точные распоряжения, так как, естественно, со всех сторон раздается стук оружия и страх поражает чувства сражающихся. Так как теперь люди забыли это искусство сигналов, а одной трубой давать оба сигнала невозможно, то на будущее ты сделай следующее. Звучком труб, употребляемых в коннице, давай приказ воинам начинать сражение с неприятелями, а трубами пехоты зови воинов к отступлению. Невозможно, чтобы они не разобрали

того или другого звука, так как в одном случае звук, исходящий из инструментов кожаных или деревянных, очень высокий, а в другом — из медных инструментов, более густой». Так сказал Прокопий. Велизарий обрадовался этому предложению и, созвав все войско, сказал следующее: «Смелость и решительность, думаю, заслуживают похвалы и полезны лишь в той степени, когда, будучи умеренными, не приносят проявляющим их никакого вреда. Ведь всякая чрезмерность обычно всякое благо обращает во зло. Остерегитесь для будущего, чтобы из-за жажды борьбы вы не понесли потери. Иной раз бежать от того, кто хочет причинить вам вред, нет никакого стыда. Тот, кто непредусмотрительно идет на гибель, стоящую перед его глазами, даже если случится, что он спасется от нее, все же заслуживает обвинения в неразумии: благородную храбрость проявляет тот, который в нужный момент опасности смело идет в бой. Так вот и варвары: не будучи в состоянии открыто с вами сражаться, они устраивают засады и стараются вас губить. Для нас является большим позором подвергать себя такой опасности, чем стараться избегнуть их засад. Нет ничего позорнее, как быть игрушкой в руках врагов, идя навстречу их планам. Мое дело позаботиться, чтобы вы не попадали в руки неприятельских засад. Ваше дело может быть одно: как только я дам знак, возможно скорее отступать. Этот знак, воины, будет вам дан трубой пехоты». Так сказал Велизарий. Воины, увидя врагов за косьбой травы, бегом бросились на них и некоторых из них при первом столкновении убили. В их числе был один, блистающий золотыми украшениями. Один из маврусиев, увидя его, схватил за волосы на голове и потащил его труп, чтобы снять с него доспехи и украшения. Один из готов ударил его дротиком и попал в узел мускулов на обеих ногах, который находится у икр; этим ударом дротика он как бы сшил обе ноги. Тем не менее маврусий продолжал тащить труп, держа его за волосы. В это время варвары стали двигаться из засады, и Велизарий, видя из лагеря то, что делается, велел пехотинцам, которые были для этого назначены, возможно скорее трубить в трубы. Римляне, услышав этот сигнал, тотчас же стали отступать,

подняв и унося с собой маврусия вместе с дротиком. Готы не осмелились их преследовать и безрезультатно ушли назад.

1   **24.** С течением времени, когда недостаток продовольствия
стал у них очень силен, варвары стали думать, как бы им
2 сообщить о своем положении Витигису. Так как никто из
них не решался предложить себя на это дело (они не могли
и думать, что им удастся пройти незамеченными осаждавшими
3 их римлянами), они придумали следующее. Дождавшись
безлунной ночи и велел людям, которых они думали послать
к Витигису, быть в полной готовности и дав им в руки
письма, когда была уже глубокая ночь, они на всех укреп-
4 лениях подняли сильный крик. Можно было думать, что
кто-то привел их в сильное волнение, что на них нападают
5 враги и что сверх ожидания город взят. Не имея возмож-
ности понять, в чем дело, римляне согласно приказу Велиза-
рия спокойно оставались в лагерях, предполагая, что со
стороны города будет какое-либо коварное наступление или
что войско из Равенны, явившись на помощь врагам, идет
на них. Боясь этого, они думали, что для них лучше будет
оставаться в безопасности и держаться спокойно в своем
укрепленном лагере, чем в безлунную ночь идти на явную
6 опасность. Таким образом, варварам удалось незаметно
от врагов послать в Равенну своих людей. Они, пройдя так,
что не попались на глаза ни одному неприятелю, на третий
7 день прибыли к Витигису и показали ему письмо. Это письмо
гласило: «Когда ты, государь, поставил нас на охрану
Ауксима, ты сказал, что передаешь нам ключи от Равенны
8 и всего твоего королевства. Поэтому ты повелел нам охранять
город всеми силами, чтобы мы, насколько это от нас зависит,
не предали врагам мощи готов, и твердо обещал, что в ми-
нуту нужды ты явишься к нам со всем войском так, что никто
9 раньше тебя не будет вестником твоего прибытия. До сих
пор мы боролись и с голодом и с Велизарием и были верными
стражами твоего королевства, ты же и не подумал нам
10 в чем-либо помочь. Подумай же о том, как бы для римлян,
в случае если они завоюют Ауксим и возьмут те ключи,
которые ты сам здесь положил и о которых перестал

заботиться, в дальнейшем ничего из твоих владений не было
11 заперто». Так гласило письмо. Когда Витигис прочел достав-
ленные ему письма, он, пообещав немедленно со всем войском
готов пойти на помощь Ауксиму, отправил послов назад,
но затем, много раз обсудив дело, он оставался на месте.
12 Он боялся, как бы войска, бывшие с Иоанном, находясь
у него в тылу, не заставили его вести бой на два фронта;
кроме того, полагая, что с Велизарием находится большое
войско, состоящее из воинственных и сильных мужей, он
13 впал в несказанный страх. Больше всего его беспокоил голод,
так как он не знал, откуда он может доставить продоволь-
14 ствие войску. Ведь римляне, властвуя на море и имея гар-
низон в Анконе, свезли туда все нужные запасы из Сицилии
и Калабрии и в нужное время легко могли их получать
15 оттуда. Для готов же в случае войны в Пиценской области,
как он видел, неоткуда было получать какие бы то ни было
запасы продовольствия; поэтому он был в безвыходном по-
16 ложении. Посланные недавно к Витигису возвратились
в Ауксим и незамеченные врагами вновь проникли в город,
принеся обещание Витигиса, и укрепили дух готов этими
17 пустыми надеждами. Узнав об этом от перебежчиков, Ве-
лизарий велел еще более внимательно нести сторожевую
охрану, чтобы опять не повторилось что-либо подобное.
Так шли там дела.

18 Киприан и Юстин со своими войсками, осаждая Фезулу,
ни с какой стороны не могли ни штурмовать укрепления, ни
подойти вплотную к городу. Эта крепость была совершенно
недоступной. Варвары часто нападали на них, предпочитая
бороться с ними с оружием в руках, чем изнывать от недо-
статка продовольствия. Вначале битвы велись с равным
успехом, но потом римляне стали уже одерживать верх
и заперли врагов в их стенах; они старательно стерегли,
19 чтобы никто из готов не мог оттуда выйти. Варвары, страдая
от недостатка продовольствия и не зная, что им теперь
делать <в свою очередь>, незаметно для врагов послали
к Витигису, прося его возможно скорее помочь им, говоря
что они больше уже не могут выдержать даже в течение
20 короткого времени. Витигис тогда приказал Ураие с

войском, бывшим в Лигурии, итти в область Тичино; равным
образом он твердо обещал, что и сам со всем войском явится
21 на помощь осажденным. Ураив так и действовал и, двинув-
шись со всем своим войском, он пошел в область Тичино.
22 Перейдя реку По, они подошли близко к римскому лагерю.
В свою очередь став там лагерем, они сидели против врагов,
отстоя от них приблизительно стадий на шестьдесят. Ни те,
23 ни другие не начинали открытого сражения. Римлянам ка-
залось достаточным, если они помешают врагам итти войной
на занятых осадой, а варвары боялись вступить здесь в сра-
жение с врагами, рассуждая, что если в этом сражении они
24 будут разбиты, то погубят этим все дело готов. Тогда ведь
они не смогут соединить своих сил с войском Витигиса и с
ним вместе итти на помощь осажденным. По таким-то при-
чинам и те и другие спокойно сидели на месте.

1   25. В это время франки, слыша, что во время войны готы
и римляне нанесли друг другу большие потери, и полагая
поэтому, что они очень легко могут подчинить себе большую
часть Италии, считали для себя позором, что другие столь
долгое время ведут между собой войну из-за страны, столь
близкой к ним, а они, оставаясь спокойными, не мешают ни
2 тем ни другим. И вот, тотчас же забыв о клятвах и договорах,
которые так недавно они заключили с римлянами и готами
(это племя в смысле верности самое лживое из всех), быстро
собрал войско в сто тысяч человек, двинулись в Италию
под начальством Теодеберта, имея всадников только около
3 своего короля в небольшом числе; эти всадники имели только
одни копья; все же остальные были пешими, не имели ни
луков, ни копий, но каждый нес меч, щит и одну секиру.
4 Ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое
до крайности, деревянная же ручка очень короткая. При
первом же натиске по данному знаку они обычно бросают
во врагов эти секиры, разбивают их щиты и убивают их
5 самих. Таким образом, франки, перейдя через Альпы, ко-
торые служат границей галлам и итальянцам, появились
6 в Лигурии. До этого готы были сердиты на них за их
неблагодарность: несмотря на неоднократные обещания го-
тов дать им вперед и большую страну и много денег за их

союз, они (получив все это) никак не хотели выполнить обещание; когда же готы услышали, что явился Теодеберт с большим войском, они обрадовались и воспрянули великими надеждами, думая, что в дальнейшем они и без боя 7 одолеют врагов. Пока германцы были в Лигурии, они не делали готам никаких неприятностей, чтобы с их стороны не было для них никаких затруднений при переходе через 8 По. Когда они прибыли к городу Тичино, где еще древние римляне выстроили мост через эту реку, то охранявшие этот 9 мост оказали им всяческие услуги и разрешили беспрепятственно перейти через По. Захватив мост, франки принесли в жертву детей и жен тех готов, которых тут нашли, и их 10 тела бросили в реку, как начатки войны. Эти варвары, будучи христианами, сохранили многое из своих прежних верований: они приносят человеческие жертвы и совершают другие религиозные обряды, далекие от истинного благоче- 11 стия, в том числе прибегают и к гаданиям. Увидя такое дело, готы пришли в непреодолимый ужас и, бросившись бежать, скрылись за стенами города. Перейдя реку По, германцы подошли к лагерю готов. Готы вначале смотрели с удовольствием, как они подходят к ним большими отрядами, полагая, 12 что это воины, идущие им на помощь. Когда же стала прибывать сюда все ббльшая толпа германцев и они приступили к делу, когда они, кидая свои секиры, многим неожиданно нанесли раны, готы, повернув тыл, бросились бежать и, 13 в бегстве пройдя через римский лагерь, бежали в Равенну. Видя их бегство, римляне думали, что Велизарий, идя им на помощь, взял неприятельский лагерь и, победив в сражении, выгнал их оттуда. Желая (скорее) соединиться с ним, они, взяв оружие, ускоренным маршем пошли к нему. 14 Но встретив сверх ожидания неприятельское войско, они против своей воли должны были вступить в бой и, разбитые наголову в бою, они уже не могли вернуться в свой лагерь, 15 а все бежали в Этрурию. Когда, наконец, они оказались в безопасности, они донесли Велизарию обо всем, что с ними случилось. Оказавшись победителями, как сказано, и тех 16 и других и взяв два лагеря совершенно безлюдных, франки нашли там запасы продовольствия, но в скором времени

вследствие своего многолюдства, они их истратили, добыть же себе чего-нибудь другого в этой обезлюдившей стране, кроме мяса быков и воды из реки По, они не могли. Вследствие чрезмерного избытка выпитой воды (они так испортили пищеварение, что) не могли переварить это мясо и были почти все поражены поносом и дизентерией, избавиться от которых они не могли ввиду недостатка продовольствия. Говорят, что треть франкского войска таким образом погибла. Поэтому, не имея возможности двигаться дальше, они там оставались.

Услыхав, что появилось войско франков, что войска Мартина и Иоанна, разбитые в бою, бежали, Велизарий увидел себя в безвыходном положении, беспокоясь обо всем войске и особенно о тех, которые осаждали Фезулу, так как он слышал, что варвары особенно близки к ним. Поэтому он тотчас написал Теодеберту следующее: «Я думаю, благородный Теодеберт, что мужу, стремящемуся к славе и доблести, особенно же властителю столь многочисленных и могучих племен, не очень достойно явиться открытым нарушителем слова. Ведь презреть данные клятвы, записанные в документах, нарушить преступно договор — это несвойственно даже самым бесчестным людям. Ты хорошо знаешь сам, что в настоящее время ты совершил преступление против всего этого, хотя недавно еще ты соглашался вести вместе с нами войну против готов. Теперь ты уже не довольствуешься тем, что стоишь в стороне от обоих, но, подняв столь неразумно оружие, идешь против нас. Смотри, как бы не оказалось, что ты, любезнейший, этим нанес оскорбление великому императору, которому вполне естественно <обидившим его> в важнейших делах давать надлежащее возмездие. Лучше спокойно владеть своим, чем, стремясь к тому, чего не следует желать, подвергнуть опасности и себя и самое себе близкое и дорогое». Когда Теодеберт прочитал это письмо, он уже не знал, что ему делать при сложившихся обстоятельствах; горько упрекаемый германцами, что из-за ничтожного повода они умирают в опустошенной стране, он, поднявшись с уцелевшими франками, вернулся с поспешностью домой.

1   **26.** Так Теодоберт, двинувшись походом в Италию, со-
вершил свое отступление. Войска Мартина и Иоанна (придя
в себя после бегства) тем не менее вернулись назад, боясь,
2   чтобы враги не совершили какого-либо нападения на римлян,
занятых осадой. Готы, находившиеся в Ауксиме, ничего
не зная о нашествии франков и устав ожидать столь долго
медлящей прибытием помощи из Равенны, решили вторично
3   усиленно указать на это Витигису, но обмануть вновь стражу
врагов они не могли и огорчились. После этого, увидав одного
из римских воинов, родом басса (из Фракии), по имени
Бурценция, служившего под начальством Нарзеса Армян-
ского, среди дня в одиночестве стоявшего на страже для на-
блюдения за тем, чтобы никто из города не выходил за тра-
вой, готы, подойдя ближе, вступили с ним в разговор и,
дав ему обещание, что ничего плохого ему не сделают, пред-
ложили ему встретиться с ними, обещая ему, что он зарабо-
4   тает от них большие деньги. Когда они встретились, вар-
вары просили этого человека доставить в Равенну письмо,
выплатив ему тотчас же договоренную сумму и обещая дать
гораздо больше, когда он вернется к ним назад с письмом
5   от Витигиса. Под влиянием денег этот воин согласился
оказать им такую услугу и точно выполнил свое обещание.
Взяв от них запечатанные письма, он быстро прибыл в Ра-
венну. Явившись перед Витигисом, он вручил ему послание.
6   Там было написано: «В каком мы теперь находимся поло-
жении, вы ясно узнаете, сообразив, кто тот, кто доставил вам
7   это письмо. Какому-нибудь готу выйти за стены укреплений
уже невозможно. Самой роскошной едой для нас является
трава, растущая у стены, но и ее получить нам теперь не-
возможно без того, чтобы не потерять многих в бою из-за
8   нее. Чем это кончится для нас, и ты и готы, находящиеся
в Равенне, должны понять». Когда Витигис прочитал это,
в ответ он написал следующее: «Да не подумает никто из
вас, самые дорогие мне из всех людей, что мы пали духом
или дошли до такой низости, что по своей лености и без-
9   деятельности оставили заботу о положении готов. Еще недавно
у меня было все уже вполне готово для выступления, и выз-
ванный из Милана Урайя уже шел ко мне со всем войском.

Но неожиданно поразившее нас нашествие франков спутало все наши приготовления. По всей справедливости я не несу
11 вины за это дело. Все это выше человеческих сил, и испытавшим такое несчастье позволяется не нести на себе пятна обвинения, так как вину за то, что так совершилось, всегда должна
12 брать на себя судьба. Но теперь (так как я слышал, что Теодеберт не стоит уже у нас на пути) в скором времени, если богу будет угодно, я приду к вам со всем войском. Вам
13 следует выпавшее на вашу долю несчастье переносить храбро и как диктует необходимость, принимая во внимание вашу доблесть, ради которой, выбрав вас из всех, я поместил вас в Ауксуме, и стыдясь потерять ту славу и твердое на вас
14 упование, которое питают к вам все готы, считая вас оплотом Равенны и собственного спасения». Вот что написал Витигис и, одарив посланного большими деньгами, отправил его назад. Придя в Ауксим и вернувшись к своим товарищам, он сослался на свое нездоровье, говоря, что это время он провел недалеко отсюда в каком-то храме; затем он снова стал на стражу там, где обычно, и незаметно для всех он передал врагам письмо; оно было прочитано в присутствии
15 всех и еще больше укрепило их дух, хотя они сильно страдали от голода. Поэтому они не хотели сдаваться Велизарю, предлагавшему им самые мягкие условия. Так как к ним не приходило известий, что им на помощь вышло войско из Равенны, и они уже страшно страдали от недостатка продовольствия, то они вторично посылают Бурценция, указав в письме только то, что в дальнейшем они не будут в состоянии бороться с голодом дольше пяти дней. Он вновь вернулся к ним с письмом от Витигиса, возбуждающим их дух теми же обещаниями.

16 Римляне не в меньшей степени были недовольны, что в опустошенной стране им приходится так долго вести осаду, и недоумевали, видя, что варвары, терпя такие бедствия,
17 не сдаются им. Поэтому Велизарий больше всего старался захватить живым в плен кого-нибудь из знатнейших среди врагов, чтобы узнать, чего ради варвары так терпеливо переносят столь страшные мучения. Валериан обещал ему
18 легко оказать эту услугу. В числе его воинов были люди

славянского племени, которые привыкли прятаться даже
19 за маленькими камнями или за первым встречным кустом
и ловить неприятелей. Это они не раз проделывали у реки
Истра, где их места жительства, как по отношению к римля-
нам, так и с другими варварами. Велизарий пришел в во-
сторг от его слов и велел возможно скорее позаботиться об
20 этом деле. Выбрав из своих славян одного, огромного и креп-
кого телом и очень энергичного, он поручил привести живым
неприятельского воина, дав твердое ему обещание, что Вели-
21 зарий наградит его за это большими деньгами. Этот воин
сказал, что он легко это сделает там, где растет трава. Давно
22 уже готы за недостатком продовольствия питались ею. И вот
этот славянин, ранним утром пробравшись очень близко
к стенам, прикрывшись хворостом и свернувшись в клубочек,
23 спрятался в траве. С наступлением дня пришел туда гот
и быстро стал собирать свежую траву, не ожидая себе ни-
какой неприятности со стороны куч хвороста, но часто
оглядываясь на неприятельский лагерь, как бы оттуда кто-
24 либо не двинулся против него. Бросившись на него сзади,
славянин внезапно схватил его и, сильно сжав его обеими
25 руками поперек тела, принес в лагерь и вручил Валериану.
На его вопрос, на что надеются готы и почему они продол-
жают занимать укрепление и решительно не желают сдать
его римлянам, но добровольно переносят жесточайшие стра-
дания, варвар рассказал все о Бурценции и, когда привели
26 его к готу, уличил его (в предательстве). Когда Бурценций
увидал, что все уже открыто, он не скрыл ничего из этого
дела. Поэтому Велизарий отдал его товарищам, чтобы они
поступили с ним, как хотят, и они в скором времени сожгли
его живым на глазах у неприятелей. Так наслаждался Бур-
ценций своей любовью к деньгам.

1 27. Видя, что варвары продолжают, несмотря на стра-
дания, твердо держаться, Велизарий нанес им удар со сто-
роны водоснабжения, полагая, что таким путем он легче
2 и скорее всего возьмет неприятелей. Был источник на се-
верной стороне Ауксима, на очень крутом месте, отстоящий
от укреплений на расстоянии полета камня из пращи. Этот
источник очень тонкой струей вливался в бывшую тут

издревле цистерну, и цистерна, наполняясь этим маленьким источником, дала возможность без всякого труда находившимся в Ауксиме людям черпать себе воду. У Велизария явилась мысль, что если вода не будет собираться в эту цистерну, то варвары под ударами копий и стрел врагов ни в коем случае не будут в состоянии в течение долгого времени собирать в свои амфоры воду из этого маленького источника.

- 3 Желая уничтожить эту цистерну, он придумал следующее. Вооружив все войско и поставив его кругом всех стен как бы для сражения, он дал повод врагам думать, что он собирается со всех сторон тотчас же начать штурм укреплений.
- 4 Поэтому, испуганные его нападением, готы, не двигаясь, стояли у своих бойниц на верху стены, чтобы отсюда отразить
- 5 неприятеля. В это же время Велизарий, выбрав пять исавров, опытных в сооружении каменных строений, с топорами и другими орудиями, пригодными для разбивания камня, прикрыв их большим количеством щитов, повел к цистерне и велел им возможно скорее испортить и разрушить стены
- 6 цистерны. Варвары до тех пор все еще думали, что эти люди идут против их стены, и держались спокойно, с тем чтобы, когда они подойдут ближе, легко поразить их; меньше всего им могло притти на ум то, что собирался делать Велизарий.
- 7 Когда же они увидели, что исавры вошли в цистерну, они стали бросать в них камни и копья. Тут все римляне стали отступать бегом, одни только пятеро исавров, оказавшись в безопасности, приступили к делу. Еще древними жителями здесь над водой ради тени была сделана арка. Оказавшись под ней, исавры могли совершенно не обращать внимания на врагов, хоть бы они бросали сюда тучу стрел и копий. Тогда готы, уже не будучи в состоянии дольше оставаться за стенами, открыв маленькие ворота с одной стороны, с большим воодушевлением и шумом бросились на исавров.
- 10 С своей стороны и римляне, возбуждаемые Велизарием, с величайшим упорством стали им сопротивляться. Произошел в течение долгого времени сильный бой; теснили то одни,
- 11 то другие, и с обеих сторон было много убитых. Римлян пало больше, так как благодаря тому, что варвары защищались

с более высокого места, немногие имели возможность одо-
12 левать многих, и при наступлении они имели явное преимущ-
ство; поэтому они убили большее число, чем сами потеряли.
Однако римляне ни в коем случае не хотели уступить; им
13 было стыдно, так как тут присутствовал сам Велизарий и
громким голосом подбодрял их. В это время стрела со стороны
врагов с сильным свистом была направлена прямо в живот
Велизария, пущенная оттуда или случайно, или с опреде-
14 ленной целью. Ее Велизарий совсем не видел; он не мог
ни защититься от нее, ни отстраниться. Но его телохранитель
по имени Унигаст, стоявший около него, заметил ее, когда
она была уже близко от живота Велизария и, подставив
правую руку, спас военачальника от неминуемой смерти,
сам же, пораженный стрелой, страдая от нестерпимой боли,
тотчас же удалился из боя. Впоследствии он уже не мог
15 владеть этой рукой, так как мускулы на ней были перере-
заны. Битва, начавшаяся рано утром, продолжалась до
16 полудня. И семь армянских воинов, стоявших под началь-
ством Нарзеса и Аратия, проявили подвиги, достойные их
доблести, взбегаая вверх по этой крутой дороге так же легко,
как по ровному месту, и убивая тех из врагов, (которые
им выступали навстречу, пока они, оттеснив стоявших там
17 варваров, не обратили их в бегство. Тогда и остальные
римляне, видя, что варвары уже сдают, стали их преследо-
вать; было уже ясно, что враги бегут; они вновь укрылись
18 в своих стенах. Римляне думали, что цистерна уже испор-
чена и все дело исаврами окончено, на самом же деле исав-
рам совершенно не удалось вынуть оттуда даже маленького
19 камня. Древние строители прилагали к своему делу все
совершенство своего искусства и техники, и это сооружение
создали так, что оно не уступало ни времени, ни зловердным
20 планам людей. Когда исавры увидели, что римляне овладели
положением, они, ничего не сделав, вышли из цистерны
21 и ушли в лагерь. Поэтому Велизарий велел воинам набро-
сать в воду трупы животных и растения, растущие на вер-
ную гибель людей, и вечно горящий камень (древние назы-
вали его известью, теперь же принято его называть асбестом —
22 «нетушимым») и тем самым его тут потушить. Они точно

выполнили его приказание, варвары же стали пользоваться водою из колодца, находившегося внутри укреплений, очень бедного влагою и дававшего им в это время питья меньше, чем было необходимо им по потребности. В дальнейшем Велизарий не старался взять это место ни открытой силой, ни придумать какую-нибудь хитрость с водой или с чем-либо другим, но имел надежду одолеть их одним голодом. И поэтому он особенно усилил наблюдение за охраной. Готы же, все еще мечтая о приходе войска из Равенны, продолжали спокойно сидеть, несмотря на крайнюю нужду в продовольствии.

Те, которые были осаждены в Фезуле, были уже до крайности измучены голодом; не будучи уже в состоянии переносить это бедствие и потеряв надежду на помощь из Равенны, они решили сдаться врагам. Они вступили в переговоры с Киприаном и Юстином и, получив обещание личной неприкосновенности, добровольно сдались сами и сдали укрепление. Оставив в Фезуле достаточный гарнизон, ведя пленных вместе с римским войском, Киприан пошел к Ауксиму. Показывая не раз находившимся в Ауксиме варварам их вождей, он настаивал, чтобы они перестали предаваться безумию и откинули несбыточные надежды на помощь из Равенны; пользы им от этого не будет никакой, но, еще больше изнулив себя всяким мучением, они в конце концов должны будут подчиниться той же участи, как и бывшие в Фезуле. Неоднократно обсудив такое положение, так как больше выдерживать голода они не могли, они приняли его предложение и согласились сдать город на условиях, чтобы, оставшись лично неприкосновенными, они могли уйти в Равенну со всем своим имуществом. Но Велизарий колебался согласиться на это в данных условиях; он полагал для себя невыгодным, чтобы такое количество выдающихся по доблести воинов соединилось с теми, кто был в Равенне. Но он меньше всего хотел упустить благоприятный момент для того, чтобы идти на Равенну и Витигиса при таком шатком для них и благоприятном для римлян положении дел. Его беспокоили также франки: казалось очень вероятным, что они вскоре придут на помощь готам. Очень заботясь о том,

чтобы предупредить их появление, он тем не менее, не взяв
31 Ауксима, снять осаду не мог. И войны не позволяли ему разрешить варварам сохранить свои деньги; показывая ему на многие свои раны, которые они получили здесь от них, и перечисляя все труды, которые выпали им на долю при этой
32 осаде, они настойчиво заявляли, что имущество побежденных является их добычей и наградой за победу. Наконец, римляне, побуждаемые острою положением, и готы под гнетом голода сговорились друг с другом на том условии, чтобы римляне разделили между собою половину их денег, вторую же
33 половину готы удержали при себе и стали подданными императора. Таким образом, и те и другие обменялись твердыми обещаниями верности, начальники римлян — что договор
34 будет ненарушимым, а готы — что они ничего не скроют из денег. И вот таким-то образом они поделили все деньги, римляне заняли Ауксим, а варвары присоединились к императорскому войску.

1 28. Когда Велизарий взял Ауксим, он решил быстро осадить Равенну и повел туда все войско. Послав вперед Магна с большим войском по направлению к Равенне, он велел ему все время идти берегом реки По и наблюдать, чтобы
2 в дальнейшем оттуда готам не подвозилось продовольствия. Со своей стороны, Виталий, прибыв со своим войском из Далмации, охранял другой берег реки. Здесь им представился благоприятный случай: судьба явно хотела показать,
3 что она произнесла свой суд относительно тех и других. Раньше этого готы собрали по Лигурии большое количество барж и спустили их на реку По; наполнив их хлебом и дру-
4 гим продовольствием, они думали плыть к Равенне. Но в это время вода в реке так обмелела, что плыть туда оказа-
5 лось совершенно невозможным до тех пор пока явившиеся римляне не захватили этих барж со всем грузом. Немного спустя уровень воды в реке поднялся до нормальной высоты, и в дальнейшем река стала судоходной. Насколько мы слы-
6 хали, этого с ней никогда не случалось. И вот уже теперь варвары стали терпеть недостаток в продовольствии. Они не имели возможности получать что-либо через Ионийский залив, так как враги везде господствовали на море; теперь

7 они были отрезаны и от реки. Узнав о том, что делается, и желая подчинить Италию своей власти, короли франков отправляют к Витигису послов, которые должны были предложить ему союз на условии совместного обладания этой страной. Когда об этом услыхал Велизарий, он и сам отправил послов с тем, чтобы они выступили против франков. В их числе был и Феодосий, начальник его дома.

9 [Первыми перед Витигисом выступили послы германцев и сказали следующее: «Нас послали правители франков, огорченные тем, что вы, как они слышали, осаждаются Велизарием, и они со всей силой готовы немедленно отомстить за вас в силу союзнического договора. Мы полагаем, что уже перешло через Альпы войско, состоящее не меньше чем из пятисот тысяч смелых бойцов; мы с гордостью заявляем, что при первом же столкновении они своими секирами закидают все войско римлян. Вам же нужно считать, что они явились не с целью сделать вас рабами, но из расположения к готам, поставленным войною в тяжелое положение. Если вы возьметесь за оружие вместе с нами, то у римлян не останется никакой надежды, вступив в бой, выдержать натиск обеих войск, но без всякого труда с этого момента все преимущества войны будут в наших руках и в нашей власти. Если же готы соединят свои силы с римлянами, то и в этом случае они не будут в состоянии сопротивляться франкам (война будет далеко не с равными силами), но вам придется погибнуть вместе с самыми враждебными к вам людям. Итти на явную гибель, тогда как можно спастись и быть вне опасности, — явное безумие. Римский народ у всех варваров вызывает полное недоверие, будучи по природе своей им враждебным. Мы же предлагаем установить с вашего согласия общую власть над всей Италией и установить в этой стране такую форму правления, которая покажется наилучшей. Дело твое и готов выбрать то, что вам может принести пользу». Так сказали франки. Тогда выступили послы Велизария со следующей речью: «Что Императорскому войску ни в чем не может повредить многочисленность германцев, хотя они считают нужным этим пугать вас, кто станет об этом разглашествовать перед вами, которым долгим опытом пришлось

на себе испытать всю силу и тяжесть войны? А равно и то, что менее всего доблести свойственно уступать толпе людей (как бы велика она ни была). Не будем говорить о том, что император, больше чем кто другой, может превзойти врагов численностью своего войска. Что же касается их верности, которую, как они хвалятся, они проявили по отношению ко всем варварам, то после турингов и бургундов они показали ее и на вас, своих союзниках (насколько она тверда) со стороны этих людей. Мы бы охотно спросили франков: собираясь клясться, именем какого бога они сумеют утверждать, что дадут нам непоколебимое слово верности? Да вы и сами, конечно, знаете, с каким уважением отнеслись они к той клятве, которую они дали вам раньше! Они, получив от вас такое огромное количество денег, получив от вас за свой союз целую Галлию, не только не решились соединиться с вами и принять участие в малейшей опасности, грозившей вам, но столь беспричинно подняли оружие против вас, если только не исчезло из вашей памяти то, что случилось около По. К чему, перечисляя бывшее раньше, уличать франков в безбожных деяниях? Ведь нет ничего отвратительнее теперешнего их посольства. Как будто забыв о прежних соглашениях с вами, о договорах, исполнять которые они клялись, они теперь требуют, чтобы вы поделились с ними всем своим достоянием. Если они добьются этого от вас, то вам следует подумать, на чем же остановится их ненасытная жажда денег?».

Вот что сказали в свою очередь послы Велизария. Витигис, много совещаясь с лучшими из готы, решил предпочесть договор с императором и отослал назад послов франков, не добившихся никакого результата. И в дальнейшем готы и римляне обменивались уже между собою многими посольствами с предложениями мира, но тем не менее Велизарий все так же сторожил, чтобы к варварам не были доставлены съестные припасы. Он велел Виталию идти в область венетов и подчинить своей власти возможно большее число бывших там укреплений, а сам, послав к По Ильдигера, охранял эту реку с обеих сторон с тем, чтобы варвары ввиду все усиливающегося недостатка в продовольствии скорее сдались

25 и заключили договор, какой ему хотелось. Так как он узнал,
что большое количество хлеба лежит в Равенне в государ-
ственных хранилищах, то кого-то из тех, кто жил в этом
26 городе, он деньгами убедил тайно поджечь эти зернохрани-
лища вместе с хлебом. Говорят, что они погибли по наущению
Матазунты, жены Витигиса. Этот внезапный пожар хлебных
27 запасов они приписывали злостному намерению, другие же
предполагали, что в это место ударила молния. Думая и на
то и на другое, Витигис с готами почувствовали себя в еще
более безвыходном положении; в дальнейшем они уже не
доверяли даже друг другу и думали, что они ведут войну
с богом. Таковы-то были там дела.

28 В Альпах, которые отделяют галлов от лигуров и которые
римляне называют Альпами Коттианскими, находилось
29 много мелких укреплений. В них издавна со своими детьми
и женами жило много самых лучших готов, несших сторо-
жевую службу. Когда Велизарий услышал, что они готовы
сдаться, он послал к ним одного из своих приближенных, по
имени Фому, с небольшим отрядом, с тем чтобы он, дав слово
30 верности, принял под свою власть находящихся там варваров.
Когда они пришли в Альпы, то Сисигис, который был там
начальником сторожевых отрядов, принял их в одно из
31 укреплений, подчинился сам и всех остальных, одного за
другим, побудил к тому же. В это время Урайя, набрав
из лигуров и гарнизонов альпийских крепостей четыре
тысячи человек, с возможной быстротой шел на помощь
32 Равенне. Когда эти войска услышали, что сделал Сисигис,
то они, боясь за своих близких, прежде всего просили Урайю
33 итти туда. Поэтому Урайя со всем войском пошел к Кот-
тианским Альпам и стал осаждать там Сисигиса вместе с от-
рядом Фомы. Когда об этом услышали Иоанн, племянник
Виталиана, и Мартин (случилось, что они были очень близко
от реки По), они стремительно со всеми войсками двинулись
на помощь осажденным и, напав прямо с пути на некоторые
из альпийских укреплений, взяли их, а жителей их обра-
34 тили в бегство; оказалось, что в их числе было много детей
и жен тех, которые были в войске под начальством Урайи.
35 Большинство было выведено им из этих укреплений, чтобы

следовать за ним. Когда они узнали, что их близкие попали в плен, то, внезапно уйдя из войска готов, решились сдаться Иоанну; вследствие этого Урайя не мог ни здесь что-либо сделать, ни помочь готам, попавшим в Равенне в тяжелое положение; ничего не сделав, он с небольшим количеством воинов вернулся в Лигурию и там оставался спокойным, а Велизарий получил возможность запереть в Равенне Витигиса с знатнейшими из готов.

- 1   **29.** Тогда пришли и послы от императора, Домник и Ма-
ксимин (оба были они сенаторами), чтобы заключить мир
2 на следующих условиях. Витигис получает половину всех
императорских сокровищ (в Италии) и управление той стра-
ной, которая по ту сторону реки По; другая же половина
3 сокровищ принадлежит императору, и те области, которые
находятся по сю сторону реки По, становятся подчиненными
императору и платят ему подать. Показав Велизарии эту
императорскую грамоту, послы отправились в Равенну.
4 Узнав, с какой целью они пришли, Витигис и готы с радостью
это согласились и готовы были присягнуть. Услыхав
это, Велизарий очень огорчился, считая для себя великим
несчастьем, если ему не позволят, тем более без всякого
труда, одержать полную победу и ввести в Византию Вити-
5 гиса как военнопленного. Когда послы из Равенны пришли
к нему, то он решительно отказался поставить под этим
6 договором свою подпись. Когда это заметили готы, они стали
подозревать, что римляне заключили мир с обманными
целями, и стали относиться к ним с большим недоверием
и прямо им говорить, что без подписи Велизария и без при-
7 сяги с его стороны они никогда не заключат с ними дого-
вора. Услыхав, что некоторые из начальников бранят его,
будто он, имея замыслы против императора, никак не хочет
окончить войну, Велизарий, созвав всех, в присутствии
8 Домника и Максимиана сказал следующее: «Как мало можно
считать постоянным и надежным военное счастье, я и сам
9 знаю, да и каждый из вас, думаю, знает это вместе со мною.
Кажущаяся надежда вот-вот уже готовой победы обманула
многих, и гибнущим удавалось не раз, сверх ожидания,
10 оказаться победителями своих врагов. Поэтому я утвер-

жду, что те, кто думает о мире, должны опираться не на одну только добрые надежды, но крепко держа в уме, что
11 исход может быть двояким, основываясь на этом, и выбирать свое решение. Если это так, то я сам решил собрать вас, моих сотоварищей по командованию, и их, послов императора, чтобы в настоящий момент по силе возможности избрали мы то, что нам покажется служащим на пользу императору и что-бы впоследствии ни за что из случившегося вы не возлагали
12 на меня ответственности и не порицали меня. Ведь самым нелепым делом является молчать, пока еще можно выбрать лучшее, а видя, как пропадает один счастливый случай за
13 другим, обвинять. Какова точка зрения императора на окончание войны, чего жаждет Витигис, вы, конечно, знаете. Если и вам это кажется выгодным, пусть каждый выступит здесь и скажет это. Если же вы думаете, что можете завоевать всю Италию и одержать над врагами решительную победу,
15 ничто не мешает вам сказать это совершенно открыто». Так сказал Велизарий. И все открыто заявили, что мнение
16 императора — самое лучшее и что они ничего больше не могли бы сделать против врагов. Велизарий был доволен таким заявлением командиров и потребовал все это записать на документе и подписать, чтобы впоследствии они не могли отречься. Они же, записав все это на маленьком документе, ясно сказали, что они не в состоянии войной одолеть неприятелей.

17 Вот что происходило в лагере римлян. Тем временем готы, мучимые голодом, не имея уже сил выносить тяжести положения, с неудовольствием подчинились власти Витигиса, как человека, которому ни в чем нет счастья; колебались они сдаться и императору, боясь только одного, как бы, став подданными императора, они не были вынуждены
18 уйти из Италии и поселиться в Византии. Тогда уцелевшие среди готов наиболее знатные, посоветовавшись между собой, решили провозгласить Велизария императором Запада. И, тайно отправив к нему посольство, они просили его взойти на престол. Они утверждали, что тогда они охотно
19 последуют за ним. Но Велизарий решительно не желал вступить на престол без согласия императора. Он глубоко
20

ненавидел имя тирана и еще раньше был связан с императором самыми страшными клятвами, что никогда при его жизни он не помыслит ни о каком перевороте; но чтобы возможно лучше устроить в этот момент все дела, он решил
21 благосклонно принимать речи варваров. Заметив это, Витигис испугался и, заявив, что готы придумали очень хороший план, тайно побуждал Велизария вступить на трон;
22 ведь никто, говорил он, не может ему противиться. И вот тогда-то Велизарий вновь созвал императорских послов и всех командиров и спросил их, трудным ли делом кажется им теперь взять всех готов вместе с Витигисом в плен, забрать
23 все деньги в качестве добычи и всю Италию покорить римлянам. Они же стали говорить, что для римлян это будет великое и неизмеримое счастье, и просили его действовать
24 возможно скорее, как он найдет нужным. Он тотчас же посылает к Витигису и к знатнейшим из готов несколько своих приближенных с поручением выполнить то, что они обещали.
25 Откладывать дело до другого времени им мешал уже голод;
26 угнетая их все сильнее и сильнее, он побуждал их к этому делу. Поэтому они опять отправляют послов в римский лагерь, говоря, что народу они скажут что-либо другое, * тайно же получают от Велизария клятвенные обязательства, что он никому из них не сделает ничего плохого и в дальнейшем будет императором италийцев и готов и что на этих условиях они вместе с ним и с римским войском войдут
27 в Равенну. Велизарий во всем остальном дал клятвенное обещание, относительно же императорского звания он сказал, что даст клятву самому Витигису и начальникам готов.
28 Думая, что он (подобно другим) никогда сам не откажется от императорского звания и что он стремится к нему больше,
29 чем к чему-либо другому, они предлагали ему вместе с ними немедленно войти в Равенну. Тогда Велизарий велел Бессу, Иоанну, Нарзесу и Аратию (он подозревал, что они особенно плохо относятся к нему) отправиться в разные места вместе с их частями и заготовить для себя все необходимое; он говорил, что для него невозможно доставить сюда для всего войска

---

* По другому чтению: «не скажут ничего».

30 провиант. Они, выполняя его приказание, отправились вместе
с Афанасием, префектом претория, недавно пришедшим
31 из Византии, сам же он с другим войском и послами готов
пошел в Равенну. А флоту из большого числа кораблей,
полных зерном и другим провиантом, он велел плыть возможно
32 скорее к гавани Класее («Корабельная»). Так римляне
называют предместье Равенны, где] находится гавань.
Когда я тогда смотрел на вход римского войска в Равенну,
у меня явилась мысль, что то, что совершилось, менее всего
совершенно человеческим разумом или вследствие какой-
либо исключительной доблести, но что это — нечто божес-
ственное, что изменяет мысли людей и ведет их туда, где
33 для выполняющих не будет никакого затруднения. Ведь
готы и числом и силой намного превосходили своих против-
ников, и когда они были в Равенне, они не были побеждены
в сражении и их мысли не были подавлены чем-либо другим;
и тем не менее они оказались военнопленными людей гораздо
более малочисленных, и имя рабов, подданных, они не счи-
34 тали для себя позором и оскорблением. Их женщины (случа-
лось, что они слышали от своих мужей, что враги их огромны
телом и числом много их многочисленной) плевали в лицо
своим мужьям, когда видели, что все они сидят в городе,
35 и, указывая пальцами на победителей, упрекали их в тру-
сости. Велитарий держал Витигиса под стражей, но с боль-
шим почетом, а варварам, которые жили по сю сторону реки
36 По, когда они уходили на свои поля, он разрешил свободно
их возделывать. Он полагал, что с этой стороны ему не гро-
зит никакой опасности и что готы здесь никогда не соберутся
против него, так как раньше ему удалось многих из римского
войска разместить по этой местности. И скоро они с удо-
37 вольствием стали уходить из города. Таким образом, уже
вскоре римляне оказались в безопасности, так как число
их в Равенне сравнительно с готами было не меньше. После
38 этого Велитарий стал брать деньги из дворца, которые он
хотел доставить императору. Готов он ни сам не грабил,
ни кому-либо другому не позволял грабить, но каждый из
39 них по договору сохранил свое имущество. Когда варвары,
несшие гарнизонную службу по крепостям маленьких

местечек услышали, что Равенна и Витигис находятся во власти римлян, они отправили послов к Велизарю, предлагая
40 сдать и сдать те укрепления, которые они охраняли. Охотно дав им со своей стороны обещание неприкосновенности, он овладел Тарвизием и другими укреплениями, которые были в области венетов. Оставалась одна только Цезена
41 в Эмилиевой области, которой ему удалось овладеть еще раньше вместе с Равенной. Все готы, которые начальствовали в этих местечках, как только получили от Велизария обещание неприкосновенности, пришли к нему и у него остались. Но Ильдибад, человек знатного рода, бывший начальником гарнизона в Вероне, хотя и отправил послов к Велизарю на тех же условиях, что и остальные (Велизарий захватил его сыновей в Равенне и держал в своей области), однако сам не пришел в Равенну и не сдался Велизарю. С ним произошел вот какой случай, о котором я сейчас расскажу.

1   30. Некоторые из командиров римского войска, завидуя Велизарю, возвели на него перед императором клевету, будто он захватил не принадлежащую ему ни с какой стороны
2 тиранию. Не столько убежденный этой клеветой, сколько потому, что уже надвигалась на него война с мидянами, император спешно вызвал Велизария, чтобы послать его начальником в войне с персами. Охранять же Италию он велел Бессу, Иоанну с остальными вождями, а Констанциану
3 велел из Далмации идти в Равенну. Готы, жившие по ту сторону По, на север от Равенны, услышав, что император вызывает Велизария, сначала считали этот слух бессмысленным, полагая, что никогда Велизарий во имя своей верности
4 императору не откажется от царства над Италией. Когда же они узнали, что он делает большие приготовления к отбытию, то все из оставшихся у них из знатных и благородных фамилий, сговорившись между собою, собрались в Тичино
5 к Ураюе, племяннику Витигиса, и, пролив вместе с ним много слез, сказали следующее: «Никто другой из племени готов не является столь виновным во всех несчастиях, которые мы переживаем, как ты; мы бы давно сместили с королевского трона твоего дядю, так трусливо и несчастливо правившего

нами, как сделали с Теодатом, племянником Теодориха, если бы, уважая твой энергичный образ мыслей, мы не решились оставить за Витигисом одно только имя королевского
6 достоинства, а фактически передать тебе одному власть над готами. В гибель ввергло нас тогдашнее, казавшееся нам
7 хорошим, благодушие, теперь же явное для нас безумие и причина всех наших бед. Как тебе известно, дорогой Урайя, на войне убито очень много готов и самых лучших, а из
8 оставшихся в живых все лучшее с Витигисом и всеми богатствами увозит с собой Велизарий. Что то же самое немного спустя придется испытать также и нам, оставшимся в не-
9 большом числе и в горестном положении, этого отрицать никто не может. Так вот, когда нас окружает такое множе-
10 ство бед, лучше погибнуть со славой, чем видеть, как враги увезут наших детей и жен на край земли. И, конечно, мы совершим нечто достойное нашей славы, если будем иметь тебя во главе нашего дела». Так сказали готы. Урайя им
11 ответил: «Что при теперешних тяжелых обстоятельствах нам следует предпочесть опасность войны состоянию рабства, в этом я с вами согласен. Но то, что вы хотите меня сделать
12 королем готов, я считаю совершенно бесполезным. Прежде всего потому, что, будучи племянником Витигиса, преследуемого всегда столькими несчастиями, я считался бы со
13 стороны врагов человеком, вызывающим к себе мало уважения: ведь люди считают, что счастье или несчастье всегда переходит и на родственников. А затем я считал бы свой
14 поступок кощунственным, вступая на престол дяди; и это очень многих из вас, естественно, отстранило бы от меня. Лично я утверждаю, что правителем готов для этой войны
15 надо избрать Ильдибада, человека высшей доблести и удивительно энергичного. Так как Тэвдис, король визиготов, ему приходится дядей, то благодаря родству ему вполне возможно будет привлечь его к этой войне. А вследствие этого и войну с нашими врагами мы поведем с большими надеж-
дами».

16 Эта речь Урайи показалась всем готам очень полезной. И тотчас же вызванный ими из Вероны Ильдибад явился
17 к ним. Там он был облачен в королевскую порфиру и

провозглашен королем готов. Они просили его при теперешнем положении дел принять все возможные меры в их интересах. Так вступил на престол Ильдибад. Немного времени спустя, созвав всех готов, он сказал: «Я знаю, что все вы, мои сотоварищи по боям, люди очень опытные в ведении войны, так что, конечно, мы никогда не пойдем на войну очертя голову. Разумная опытность менее всего может толкнуть на бессмысленную храбрость. Вспомнив обо всем, что случилось с нами раньше, следует теперь подумать о настоящем положении дел. Забвение того, что уже успело пройти, многих в ненужный момент побуждало на решительные действия вследствие именно этого незнания и в минуты крайней важности в достаточной мере им повредило. Ведь Витигис не против нашей воли, не действуя самостоятельно против вас, отдал себя в руки врагов, но, отказавшись от энергичного образа действия, утомленные постигшими вас тогда превратностями судьбы, вы решили, что вам самим выгоднее, сидя дома, повиноваться Велизарию, чем без конца подвергать опасности собственную жизнь. Теперь же, услышав, что он отправляется в Византию, вы решили начать переворот. Но каждый из вас должен бы подумать, что не все делается для людей так, как им кажется нужным, но что часто исход дел, казавшийся верным, сверх всякого ожидания, бывает обратным. Удача и раскаяние, многое исправляющие, бывают неожиданными. Что это случится и теперь с Велизарием, нет ничего невозможного. Поэтому сначала нужно спросить его самого, не хочет ли он вернуться к прежде заключенному договору, и затем уже, если это не удастся, приступить к каким-либо действиям». Так сказал Ильдибад. И готам показалось, что его планы хороши, и они спешно отправили послов в Равенну. Явившись к Велизарию, они напомнили ему о договоре и горько упрекали за нарушение, по их мнению, обещаний. Они называли его добровольным рабом, стыдили его, говорили, что ему не стыдно променять царское достоинство на рабство; упрекая его во многом другом подобно же рода, они звали его к власти. Равным образом они твердо обещали, что Ильдибад придет к нему добровольно, чтобы сложить свою порфиру к его ногам и про-

27 возгласить Велизария императором готов и италийцев. Так
говорили послы, думая, что Велизарий немедленно без вся-
28 кого колебания схватится за титул императора. Он же, чего
они никак не ожидали, прямо ответил им, что при жизни
императора Юстиниана нога его не вступит на императорский
29 трон и он не примет звания императора. Услыхав это, они
30 быстро удалились и передали Ильдибаду весь этот разговор.
Велизарий отправился в Византию. Вместе с тем окончилась
зима, а с ней окончился и пятый год (539—540) войны,
которую описал Прокопий.

К Н И Г А VII

(КНИГА Ш ВОЙНЫ С ГОТАМИ)

1. И вот, хотя дела были еще в неопределенном положении, Велизарий прибыл в Византию вместе с Витигисом и знатнейшими из готов, имея при себе сыновей Ильдибада и везя все сокровища. Его сопровождали только Ильдигер, Валериан, Мартин и Геродиан. С удовольствием увидал император Юстиниан Витигиса и его жену своими пленниками и удивлялся толпе варваров, их физической красоте и огромному росту. Приняв замечательные сокровища Теодориха в Палатин (дворец), он разрешил сенаторам секретно их осмотреть, завидуя огромности совершенных Велизарием подвигов. Он не выставил их на показ народу и не дал Велизарию триумфа, подобно тому как это сделал он для него, когда Велизарий вернулся с победой над Гелимером и вандалами. Однако имя Велизария было на устах у всех: ¹ ведь он одержал две такие победы, какие раньше ни одному человеку никогда не удавалось одержать, привел в Византию с боем взятые корабли, двух пленных царей, отдав в руки римлян в качестве военной добычи потомство и сокровища Гензериха и Теодориха, славнее которых среди варваров никогда никого не было, и вновь вернул римскому государству богатства, отобранные им от врагов, в столь короткое время возвратив под власть империи почти половину земли и моря. Для византийцев было величайшим удовольствием видеть каждый день, как Велизарий выходил из своего дома,

идя на площадь, или возвращался назад, и им никогда не надоедало смотреть на него. Его выходы были похожи на блестящие триумфальные шествия (окации), так как его всегда сопровождала большая толпа вандалов, готов и маврусиев. Он был красив и высок ростом и превосходил всех благородством выражения лица. И со всеми он был настолько мягок и доступен, что был подобен человеку очень бедному и незнатному. Любовь к нему как к начальнику со стороны воинов и земледельцев была непреодолима. Дело в том, что по отношению к воинам он больше, чем кто-либо другой, был щедрым. Если кто из воинов в стычке подвергнулся какому-либо несчастию (будучи ранен), то он прежде всего успокаивал его мучения, вызванные раной, крупными суммами денежных подарков, а наиболее отличившимся подвигами он позволял иметь как почетные отличия браслеты и ожерелья; если же воин терял в сражении или коня, или лук, или другое какое оружие, то он тотчас же получал от Велизария другое.² Земледельцы любили его за то, что он настолько бережно и заботливо относился к ним, что под его командованием они не испытывали никакого насилия; напротив, все те, в стране которых он находился со своим войском, обычно богатели сверх меры, так как все, что продавалось ими, он у них брал по той цене, какую они спрашивали. И когда созревал хлеб, он очень заботливо принимал меры, чтобы проходящая конница не причинила кому-нибудь убытка. Когда на деревьях висели уже зрелые плоды, он строго запрещал кому бы то ни было касаться их. Ко всему этому он отличался замечательной сдержанностью: он не касался никакой другой женщины, кроме своей жены. Взяв в плен такое огромное количество женщин из племени вандалов и готов, столь выдающихся красотой, что более прекрасных никто на свете не видал, он никому из них не позволял явиться себе на глаза или встретиться с ним каким-либо другим образом. Во всех делах он был исключительно прозорлив, но особенно в затруднительных положениях он лучше всех других умел найти наиболее благоприятный выход. В опасных условиях военных действий он соединял энергию с осторожностью, огромную смелость с благоразу-

мием, и в операциях, предпринятых против врагов, он был
15 то стремителен, то медлителен в зависимости от того, чего
требовали обстоятельства. Помимо всего этого, в самых
тяжелых случаях он никогда не терял надежды на удачу
и никогда не поддавался панике; при счастье он не кичился
16 и не распускался; так, пьяным никто никогда не видел Велизария.
Все время, когда он стоял во главе римского войска в Ливии и в Италии, он всегда побеждал, захватывая
17 и овладевая всем, что ему попадалось навстречу. Когда он
прибыл в Византию, вызванный императором, его заслуги
18 стали понятны еще больше, чем прежде. Сам он, выдаваясь
высокими духовными качествами и превосходя бывших
когда-либо военачальников как огромными богатствами, так
и силами своей щитоносной охраны и копьеносных тело-
19 хранителей, стал, естественно, страшен для всех — и властвующих
и воинов. Думаю, никто не осмеливался противоречить
его приказаниям и совершенно не считал недостойным себя
со всем рвением выполнять то, что он приказывал, уважая
20 его высокие душевные достоинства и боясь его могущества.
Семь тысяч всадников выставял он из собственных своих
владений; все они были, как на подбор, и каждый считал
21 себе за честь стоять в первых рядах и вызывать на бой лучших
из неприятелей. Старейшие из римлян, осаждаемые
готами, видевшие, что происходит в отдельных столкно-
вениях с врагами, с величайшим удивлением в один голос
говорили, что один дом (Велизария) уничтожает всю силу
22 Теодориха. Таким образом, Велизарий, могущественный,
как сказано, и по своему политическому значению и по
таланту, всегда имел в виду то, что может принести пользу
императору, и то, что он решил, он всегда выполнял само-
стоятельно.

23 Остальные же предводители, одинаково похожие друг
на друга, не желавшие и не думавшие даже делать что-либо,
что не приносило им личной пользы, начали грабить римлян
24 и отдавать их на произвол солдат. Поэтому-то много было
совершено с их стороны ошибок, и в короткое время все
дело римлян рухнуло. Как это произошло, к рассказу об
этом я теперь приступаю.

25 Когда Ильдибад узнал, что Велизарий отбыл из Равенны
и направился в Византию, он собрал всех бывших с ним
варваров и тех из римских воинов, которым нравились госу-
26 дарственные перевороты. Он усиленно заботился об укреп-
лении своей власти и прилагал все старания, чтобы вернуть
27 готскому народу власть над Италией. Вначале за ним сле-
довало не больше тысячи человек, и в его распоряжении был
один только город Тичино, но вскоре к нему присоединились
28 все, кто был в Лигурии и в области венетов. Был в Византии
некий Александр, заведывавший государственными финан-
сами: римляне, говорящие по-эллински, называют занима-
29 ющих эту должность логофетами.³ Он все время обвинял
солдат, что они предъявляют к государственному казна-
чейству несправедливо высокие требования. Подвергая их
таким несправедливым обвинениям, он снижал им жало-
ванье, и, будучи незнатным, быстро достиг высоких должно-
стей, из человека бедного став страшно богатым; вместе с тем
он и для императора больше, чем кто-либо другой, добывал
крупные суммы, и из всех людей он был наиболее виновным
в том, что солдат осталось мало, что они обнищали и с не-
30 охотой подвергались военным опасностям. Византийцы дали
ему прозвище «Псалидион» — «Ножницы», потому что он
ловко обрезал золотую монету кругом, делая ее меньше,
31 насколько хотел, но сохраняя прежнюю круглую форму.
«Псалидион» — «ножницы» называется инструмент, которым
при этом орудуют. Этого Александра император послал
32 в Италию, после того как вызвал к себе Велизария. Поя-
вившись в Равенне, он произвел подложные раскладки с бес-
смысленными требованиями. От италийцев, которые даже
не касались императорских сокровищ и не имели никакого
даже косвенного отношения к казначейству, он требовал
отчета, обвиняя их в обмане Теодориха и других готских
33 властителей и заставляя их выплачивать то, что, по его сло-
вам, они обманно присвоили себе. На раны и опасности вои-
нов он отвечал мелочными придирками своих расчетов и
требовательных ведомостей, обманывавших их надежды.
Всем этим он, конечно, отвратил расположение италийцев
от императора Юстиниана. Из воинов никто уже не хотел

подвергаться военным опасностям, но, сознательно проявляя свою пассивность, они позволяли усиливаться положению врагов. Поэтому другие военачальники держались спокойно, 34 один только Виталий (он находился в области венетов, имея при себе значительное количество войск, в том числе из варваров много эрулов) решился пойти войной на Ильдибада, боясь, как это потом и оказалось, чтобы он с течением времени не получил большой силы, и полагая, что римляне 35 не будут тогда в состоянии подчинить его себе. Около города Тарбесиона произошло ожесточенное сражение, в котором Виталий понес решительное поражение. Он должен был бежать, сохранив лишь немногих из своих воинов, большинство же войска он потерял в бою. В этом сражении пало 36 большинство эрулов, погиб и начальник эрулов Висандр. В этом бою Теодимунд, сын Маврикия и внук Мунды, еще совсем мальчик, подвергся смертельной опасности, но ему удалось бежать вместе с Виталием. Благодаря этому сражению имя Ильдибада дошло до императора и стало известно среди всех людей.

37 Впоследствии между Урайей и Ильдибадом произошло столкновение по следующей причине. Жена Урайи отличалась и богатством и телесной красотой, занимая безусловно первое место среди всех женщин в кругу тогдашних варваров. 38 Как-то она пошла в баню, одетая в блестящие одеяния с удивительными украшениями, сопровождаемая большой свитой. Увидав там жену Ильдибада, одетую в простые одежды, 39 она не только не приветствовала ее как супругу короля, но даже, взглянув на нее с презрением, нанесла ей оскорбление. Действительно, Ильдибад жил очень бедно, не прикасаясь 40 к государственным деньгам. Очень обиженная бессмысленностью нанесенного оскорбления, жена Ильдибада пришла в слезах к мужу и просила защиты, как потерпевшая со 41 стороны жены Урайи нестерпимое оскорбление. Из-за этого Ильдибад прежде всего оклеветал Урайю перед варварами, будто он хочет стать перебежчиком (на сторону римлян), 42 а немного спустя убил его. Этим поступком он вызвал против себя ненависть готов; они менее всего сочувствовали убийству Урайи без всякого суда и следствия. Многие из них,

собравшись между собой, бранили Ильдибада как совершившего беззаконный поступок. Но отомстить ему за этот
43 поступок никто не хотел. В их числе был некто Велас, родом гепид, удостоенный звания царского телохранителя. Он был
44 женихом очень красивой женщины и любил ее безумно. И вот, когда он был послан на врагов с тем, чтобы вместе с другими сделать на них набег, Ильдибад по неведению ли, или руководясь каким-либо другим основанием, выдал замуж
45 его невесту за кого-то другого из варваров. Когда же, вернувшись из похода, об этом услышал Велас, то, будучи по природе человеком вспыльчивым, он не перенес такого оскорбления и тотчас же решил убить Ильдибада, думая,
46 что этим он сделает приятное всем готам. Дождавшись дня, когда Ильдибад пировал с знатнейшими из готов, он решил
47 выполнить свой замысел. Был обычай, чтобы, когда король пировал, многие лица, а также и телохранители стояли около него. Когда Ильдибад, протянув руку за кушаньем, склонился с ложа над столом, Велас неожиданно ударил его мечом по шее, так что пальцы Ильдибада держали еще
49 пищу, а голова его упала на стол, приведя всех присутствующих в величайший ужас и внеся крайнее смятение. Такое отмщение постигло Ильдибада за убийство Урайи. Кончилась зима, а с нею кончился и шестой год (540—541) войны, которую описал Прокопий.

1   2. В войске готов был некто Эрарих, родом из племени ругов, пользовавшийся среди этих варваров огромной властью. Эти руги являются одним из готских племен, но издревле
2 они жили самостоятельно. Когда первоначально Теодорих объединил их с другими племенами, то они стали числиться
3 в среде готов и вместе с ними во всем действовали против врагов. Они никогда не вступали в браки с чужеземными женщинами и благодаря этому несмешанному потомству
4 они сохраняли в своей среде подлинную чистоту своего рода.⁴ Когда после убийства Ильдибада положение дел у готов стало
5 смутным, руги внезапно провозглашают Эрариха королем. Это было вовсе не по душе готам, и большинство их впало в глубокое отчаяние, так как они видели, что погибают их надежды, которые они возымели при Ильдибаде, так как

6 он действительно был способен вернуть готам власть и го-
сподство над Италией. Эрарих же вообще ничего не сделал,
7 о чем стоило бы упоминать. Пробыв королем пять месяцев,
он умер следующим образом. Был некто Тотила, племянник
Ильдибада, человек большого ума, очень энергичный и поль-
зовавшийся большим влиянием среди готов. В то время
8 случилось, что этот Тотила стоял во главе готов, занимавших
Тарвизий. Когда он услышал, что Ильдибад скончался так,
как рассказано выше, он отправил послов в Равенну к Кон-
стантиану и просил его дать ему гарантию в личной его
безопасности, обещая, что за это он передаст в руки римлян
9 самого себя и тех готов, которыми он командовал, вместе
с городом Тарвизием. С удовольствием выслушал Констан-
тиан эти предложения и дал клятву во всем, о чем просил
Тотила, и с обеих сторон был установлен для выполнения
этого дела день, в который Тотила и готы, стоявшие гарни-
зоном в Тарвизии, были готовы принять в город некоторых
из приближенных Константиана и самих себя вместе с го-
родом отдать в их руки.

10 Готы уже тяготились властью Эрариха, видя, что этот
человек неподходящ для того, чтобы вести войну с римля-
нами, и очень многие открыто поносили его, говоря, что
он после убийства Ильдибада служит препятствием в совер-
11 шении великих дел. Наконец, сговорившись между собою,
все они посылают в Тарвизий к Тотиле, приглашая его всту-
пить на престол. Они сильно тосковали по власти Ильдибада,
и всю свою надежду на победу они перенесли на Тотилу,
его родственника, вполне надеясь, что и у него те же цели
12 и желания, как и у них. Когда они пришли к нему, он от-
крыл им совершенно откровенно свой договор с римлянами
и сказал, что если готы убьют Эрариха в назначенный для
13 их собрания* день, то он последует за ними и выполнит все,
что они хотят. Услышав это, варвары составили заговор для
низвержения Эрариха. Пока все это происходило в лагере
14 готов, римское войско, пользуясь полной безопасностью
и видя полную бездеятельность врагов, даже не думало на-

---

* Другие толкуют: «до условленного им с римлянами дня».

15 ступать или действовать как-либо против врагов. Эрарих, созвав всех готов, убедил их отправить послов к императору Юстиниану и просить, чтобы он заключил с ними мир на тех условиях, на которых прежде он хотел заключить с Витигисом, а именно так, чтобы всей страной по ту сторону По владели готы, всю же остальную Италию уступили императору. Когда готы одобрили эти предложения, то, выбрав несколько человек, наиболее себе преданных, он отправил их послами к императору; в их числе был и Кабалларий. Считалось, что они будут вести переговоры с императором только о том, о чем я сказал выше, а тайно он поручил им добиваться у императора только одного: чтобы он мог получить от императора крупную сумму денег и быть зачисленным в ряды патрициев; за это Эрарих обещал передать ему 16 власть над всей Италией и сложить с себя знаки королевского достоинства. Прибыв в Византию, послы стали действовать по этим инструкциям. В это время готы убивают по тайному заговору Эрариха. Когда он был убит, то согласно договоренности Тотила принял власть над готами. 17

18
1 **3.** Когда император Юстиниан узнал, что случилось с Эрарихом и что готы выбрали себе королем Тотилу, он стал непрерывно бранить и издеваться над военачальниками, находившимися там при войске. Поэтому все они, оставив в своих городах гарнизоны для охраны, собрались в Равенну: 2 и Иоанн, племянник Виталиана, и Бесс, и Виталий, и все остальные; в Равенне же жили Константиан и Александр, 3 о котором я упоминал выше. Когда они все собрались, то они решили, что лучше всего для них сначала двинуться на Верону, которая находится в области венецов, и когда они возьмут ее и захватят в плен готов, находящихся в этом 4 городе, только тогда идти на Тотилу и жителей Тичино. Таким образом, собралось римское войско в количестве двенадцати тысяч человек; начальников над ними было одиннадцать, первыми из которых был Константиан и Александр, 5 которые двинулись прямо к горсду Вероне. Подойдя близко к нему, приблизительно на расстояние стадий шестидесяти, они стали лагерем на этой равнине. Равнины всей этой страны вполне удобны для конных передвижений вплоть

до города Мантуи, которая отстоит от Вероны на день пути.

6 Среди венетов был некто, человек очень уважаемый, по имени Маркиан; он жил в укрепленном местечке, не очень далеко от города Вероны, и, будучи горячим сторонником императора, всячески старался передать город во власть

7 римского войска. Среди сторожей ворот был у него там один знакомый ему с дней детства; он послал к нему некоторых из своих близких, чтобы подкупить деньгами этого человека с тем, чтобы он открыл доступ в город императорскому вой-

8 ску. Когда этот страж ворот дал на это согласие, то Маркиан посылает к нему лиц, действовавших от имени начальников римского войска, с тем, чтобы они договорились об условиях и чтобы затем вместе с ними под покровом ночи войско могло

9 войти в город. Вождям показалось удобным предварительно направить кого-либо из своей среды с небольшим отрядом; если этот страж откроет им ворота, — овладеть ими и тогда

10 безопасно дать войти в город всему войску. Никто из всех начальников не хотел идти на это опасное дело, один только Артабаз, родом из Армении, исключительно храбрый воин,

11 сам совершенно добровольно предложил себя на это дело. Он был начальником персов, которых Велизарий незадолго перед тем прислал из Персии в Византию вместе с Блесхамой,

12 взявши крепость сисавранов (II, гл. 19, § 24). И вот, выбрав из всего войска сто человек, глубокой ночью он подошел к укреплениям. Когда сторож, как было условлено, открыл им ворота, то некоторые из них, стоя в воротах, стали вы-

13 зывать войско, другие же, взойдя на стену, убили стороживших там, напад на них неожиданно.

14 Когда все готы заметили, что случилось такое несчастье, они бросились бежать через другие ворота. Перед укреплениями города поднимается очень высокая скала, с которой можно видеть все то, что делается в Вероне, и пересчитать всех находящихся там людей, а особенно далеко можно было

15 видеть равнину. Бежав туда, готы провели спокойно на этой горе ночь. Римское же войско, подойдя к Вероне стадий на сорок, не приближалось к городу, так как вожди спорили друг с другом, как им делить находящиеся в городе богатства.

16 Пока они еще препирались из-за этой добычи, наступил

день и стало совершенно светло; тут с вершины горы готы ясно увидели, сколько врагов находится в городе и на каком расстоянии от Вероны находится другое войско. Они бегом бросились в город через те же ворота, через которые они только что ушли, так как те, которые ночью вошли в город, не имели достаточно сил, чтобы занять и эти ворота. Заметив это, римляне отступили к верхним зубцам стен; так как враги наступали на них, вступая в рукопашный бой в значительно превосходном числе, все римляне, а всех больше Артабаз, совершили ряд удивительных подвигов, храбро отражая нападавших врагов. В это время вожди римского войска, договорившись, наконец, друг с другом относительно сокровищ Вероны, решили двинуться с остальным войском к городу. Найдя ворота города запертыми и видя, что враги защищаются очень смело, они стали отступать со всей поспешностью, хотя они увидели, что на укреплениях другие из их же войска ведут бои и умоляют не покидать их, но остаться здесь, пока они не сумеют бежать к ним и спастись. Поэтому-то воины из отряда Артабаза, теснимые превосходными силами врагов и потеряв надежду на помощь со стороны своих, стали все прыгать со стен вниз. Те, которым удалось упасть на ровное место, невредимо спаслись среди римского войска, — в числе их был и Артабаз; те же, которые попали на место неровное, с ухабами и камнями, все тут же и погибли. Придя к римскому войску, Артабаз страшно поносил и бранил всех их; но все же ему пришлось идти с ними вместе. Перейдя реку Эридан, они дошли до города Фавенции; это был уже город в Эмилиевой области и отстоит он от Равенны на сто двадцать стадий.

1 4. Узнав о том, что произошло в Вероне, и вызвав из Вероны большую часть готов, по их прибытии Тотила со всем войском, числом до пяти тысяч, двинулся против врагов. Когда римские военачальники узнали об этом; они стали обсуждать на совещании сложившиеся обстоятельства. Тут выступил Артабаз и сказал следующее: «Пусть никто из вас, начальники, не вздумает относиться сейчас к врагам с презрением лишь только потому, что они малочисленнее вас, или потому, что вы боретесь с людьми, которые подчи-

3 нились Веллизарию; не думайте идти против них спустя рукава. Многие, обманутые неверным мнением, сами себя погубили, у многих неуместное презрение к врагам смогло погубить бывшую лично у них силу. С другой стороны, неудачи тех, с кем нам придется сражаться, постигшие их раньше, побуждают надеяться на счастливую перемену в их пользу. Судьба, приведшая людей в отчаяние и лишившая их надежд на что-либо лучшее, часто заставляет их проявлять верх смелости. Я это говорю вам, будучи побуждаем не просто слепой подозрительностью, но как испытавший недавно на себе смелость этих людей и сам подвергшийся опасности в столкновении с ними. И пусть никто не подумает, что я удивляюсь мощи врага потому, что, окруженный маленькой кучкой своих воинов, я был побежден им. Доблесть людей, превосходят ли они числом своих противников, являются ли они малочисленнее их, вполне ясна для тех, которые будут сражаться с ними. Поэтому я считаю более полезным для нас, выждав момент перехода врагов через реку, напасть на варваров, когда их перейдет половина, чем напасть на них всех тогда, когда они все соберутся. Да не покажется никому такая победа бесславной! Обычно исход дела дает ему имя славы или беславия, и люди привыкли восхвалять победителей, не расследуя, каким образом досталась победа». Так сказал Артабаз. Остальные же начальники, споря между собою о мнениях, не делали ничего, что было нужно, но, оставаясь там, тратили попусту дорогое время.

10 Уже войско готов было близко, и, когда они собрались переходить реку, Тотила собрал их всех и обратился к ним с таким увещанием:

«Во всех остальных битвах, друзья-соплеменники, одинаковые условия, предъявляемые для войск при вступлении в сражение, вызывают стремление к состязанию, мы же вступаем в эту борьбу совершенно не в одинаковых условиях с врагами, но при совершенно различных. При поражении, если это случится, они очень скоро могут вновь начать борьбу с нами. Во всех укреплениях Италии ими оставлено большое количество воинов, и вполне естественно, что из Византии

12 придет им на помощь другое войско. Для нас же, если мы
и самое имя племени готов. Из двухсот тысяч человек нас
осталось теперь только пять тысяч. Указав на это, я считаю
нужным напомнить вам также и то, что, когда вы вместе
с Ильдибадом решили поднять оружие против императора,
13 вас, связанных совместной жизнью, было не больше тысячи,
а вся область, бывшая под вашей властью, заключалась
в городе Тичино. Но когда вы победили в сражении, у вас
возросло и войско и область владений. Так что и теперь, если
у вас есть желание проявить себя храбрыми людьми, то я
14 надеюсь, что в предстоящей войне мы решительно победим
своих врагов. А у победителей обычно бывает, что они ста-
новятся и более многочисленными и более сильными. Поэтому
пусть каждый из вас постарается решительно всеми силами
вместе со всеми двинуться на битву с врагами, твердо помня,
что, если мы не одержим победу теперь, потом нам будет
15 невозможно вновь начать войну с нашими врагами. Нужно
и нам с доброй надеждой идти в бой с врагами, имея тем боль-
16 шую смелость, чем большую несправедливость проявляют
эти люди. Они устроили своим подданным такую жизнь, что
италийцам за их измену, которую они осмелились проявить
по отношению к готам, уже нечего бояться какого-либо дру-
гого наказания: настолько пришлось им, говоря одним сло-
вом, испытать всяких бед от тех, кого они дружески приняли.

17 Кто же из врагов может быть легче всего побежден, как не
тот, на дела которого нет божьего благоволения! Сверх того,
нам следует иметь надежду на благоприятный исход сражения
18 вследствие того страха, который мы внушили им. Ведь мы
сейчас идем на тех самых людей, которые недавно, находясь
уже в самом центре Вероны, бессмысленно бросив все, что
они захватили, хотя никто не преследовал ни одного из них,
позорно устремились в бегство».

19 Обратившись с такой ободряющей речью, он велел трем-
стам из своей свиты, перейдя реку стадий за двадцать отсюда,
оказаться позади неприятельского войска и, когда начнется
рукопашный бой, зайти им в тыл и со всей силой ударить
20 на них и, приведя их в беспорядок, заставить забыть о всякой

смелости и противодействии. Сам же, перейдя тотчас
21 с остальным войском реку, двинулся прямо на врагов. Рим-
ляне немедленно стали двигаться им навстречу. Когда оба
войска, двигаясь своим путем, оказались близко одно от
другого, один гот, по имени Валарис, * огромный ростом
и видом, несказанно страшный, смелый и воинственный,
одетый в панцырь и со шлемом на голове, выехав на коне
перед войском и став посредине между двух войск, начал
вызывать всех римлян, не хочет ли кто вступить с ним в еди-
22 ноборство. Все в страхе не двигались с места, один только
23 Артабаз выступил против него на состязание. Оба погнали
коней друг на друга и, когда были близко один от другого,
столкнулись копытами; но Артабаз предупредил противника
24 и поразил Валариса в правый бок. Получив смертельную
рану, варвар готов был уже упасть навзничь на землю, но
его копье, упершись сзади его в землю в какой-то камень,
25 не давало ему упасть. Артабаз еще сильнее налег на свое
копье, стараясь вонзить его во внутренности врага: он думал,
26 что Валарис получил еще не смертельную рану. Тут случи-
лось, что железный наконечник копья Валариса, стоявшего
почти прямо, коснулся панцыря Артабаза и, вонзаясь все
глубже и глубже, прошел через весь панцырь и, выступив
7 оттуда, коснулся кожи Артабаза около шеи. Случайно этот
острый наконечник, вонзаясь глубже, рассек проходившую
28 там артерию, и кровь полилась сильной струей, причем
Артабаз не испытывал никакого чувства боли, так что он
сам погнал своего коня назад к римскому войску, а Валарис
29 трупом упал на месте. Так как кровь никак не останавли-
валась, то Артабаз спустя три дня скончался и тем отнял
у римлян всякую надежду на успех, так как даже в этом
сражении из-за того, что он был уже небоеспособен, не мало
30 пострадало все дело римлян. Оставаясь вне линии боя, он
31 лечил свою рану, оба же войска вступили в рукопашный
бой. Когда бой уже кипел и был в самом разгаре, триста
варварских всадников, двигаясь в тылу римского войска,
внезапно появились у самого войска. Увидя их и думая,

---

* Другое чтение: «Валиарис».

32 что в бой с ними вступает большее число врагов, римляне
впали в панику и тотчас же бросились бежать изо всех сил,
кто как только мог. Варвары произвели страшное избиение
римлян, бежавших без всякого порядка, многих взяли в
плен живыми и заключили под стражу и, кроме того, захва-
тили все знамена, чего прежде с римлянами не случалось.
Каждый из римских начальников, как только мог, бежал,
имея при себе небольшое число спутников; они заботились
об охране тех городов, куда им удалось укрыться.

1 5. Немного времени спустя Тотила отправил войско
против Юстина и Флоренции; во главе его он поставил самых
воинственных готов — Бледу, Родерика и Улиариса. По-
2 дойдя к Флоренции, они стали лагерем вокруг ее стен и на-
3 чали осаду. Юстин был этим очень обеспокоен, так как ему
не удалось запастись никаким провиантом. Поэтому он
4 послал в Равенну к начальникам римского войска, прося
возможно скорее притти к нему на помощь. Ночью послан-
5 ный, пройдя незаметно для врагов, прибыл в Равенну и со-
6 общил о настоящем положении дел. Поэтому тотчас же было
7 послано во Флоренцию значительное войско, которым ко-
мандовали Бесс, Киприан и Иоанн, племянник Виталиана.
8 Когда через своих лазутчиков об этом узнали готы, то, сняв
осаду, они удалились в местечко, называвшееся Муцелла,
находившееся от Флоренции на расстоянии двух дней пути.
9 Когда римское войско соединилось с Юстином, то, оставив
для охраны города немногих из бывших с ним, римские
военачальники, выведя всех остальных, двинулись с ними
против врагов. Во время этого пути они пришли к мысли, что
было бы очень хорошо, если бы один из начальников, выбрав
самых лучших из всего войска, пошел вперед и неожиданно,
прямо с пути, напал на неприятеля, остальное же войско,
двигаясь медленнее, должно было подойти туда же. Отно-
сительно этого они бросили жребий, ожидая решения и ука-
зания судьбы. Жребий выпал на Иоанна, хотя остальные
военачальники вовсе не желали выполнять условие.⁵ Поэтому
Иоанн был принужден итти вперед со своим отрядом и с ним
напасть на врагов. Варвары, узнав о наступлении врагов,
охваченные сильным страхом, решили покинуть равнину,

на которой они случайно стояли тогда, и с большим шумом бежали на высокий холм, который там возвышался. Когда здесь появился Иоанн со своим отрядом, они тоже бросились на этот холм и вступили в бой с врагами. Враги упорно отбивались; произошла сильная свалка, и многие с обеих сторон, проявив чудеса храбрости, пали. Когда Иоанн с великим криком и шумом устремился на стоящих против него врагов, случилось, что один из его телохранителей, пораженный копьем, пущенным кем-то из неприятелей, пал мертвым; тут римляне (дрогнули и отбитые) стали отступать. Уже и остальное римское войско успело прибыть на равнину и стояло там, выстроив фалангу. И если бы они приняли в свои ряды бежавший отряд Иоанна и двинулись вместе с ними на неприятелей, они победили бы в этой битве и могли бы всех взять в плен. Но по какому-то случаю в римском войске распространился ложный слух, будто в этом деле Иоанн погиб от руки одного из своих телохранителей. Когда эти речи дошли до начальников, они не сочли для себя возможным дольше оставаться здесь, но все устремились в позорное отступление. И они стали отступать не стройными рядами, не сплоченными отрядами, но каждый устремился в бегство, как только мог скорее. И многие погибли в этом бегстве, те же, которые спаслись, хотя никто их не преследовал, продолжали бежать еще много дней. Позже, укрывшись в первых попавшихся им укреплениях, они ничего другого не могли сообщить жителям этого места, кроме того, что Иоанн умер. И тут они уже не стали соединяться друг с другом и уже не собирались в дальнейшем идти на врагов, но каждый оставался внутри своих укреплений и готовился к осаде, боясь одного, как бы варвары не пошли против него. Со стороны же Тотилы к пленным была проявлена большая мягкость и дружеское отношение: он хотел привлечь их на свою сторону, чтобы большинство их добровольно принимало участие в его походах против римлян. Тем временем окончилась зима и с нею седьмой (541—542) год войны, которую описал Прокопий.

542/3 год
н. э. 1

6. Затем Тотила взял крепости Цезену и Петру. Немного времени спустя он прибыл в Этрурию и попытался взять

там укрепленные места, но так как никто не захотел сдаться ему добровольно, он, перейдя реку Тибр, не пошел в пределы Римской области, но быстро двинулся в Кампанию и в Самниум; там он без труда взял укрепленный город Беневент и сравнял с землею его стены с тем, чтобы войско, если оно 2
прибудет из Византии, опираясь на этот укрепленный пункт, не могло причинять затруднения готам. Затем он решил осаждать Неаполь, так как принять его в свой город граждане решительно не пожелали, хотя он обещал им много хорошего. Начальником гарнизона там был Конон, имевший 3
при себе тысячу римлян и исавров. Сам Тотила с большей частью войска, став лагерем недалеко от укреплений, оставался спокойным, другую же часть войска он послал по окрестностям и с его помощью взял укрепление Кум и другие защищенные городки и смог собрать оттуда много денег. 4
Захватив там жен сенаторов, он не нанес им никакого оскорбления и, проявив большую сдержанность, дал им свободно уехать, за что заслужил у всех римлян великую славу человека умного и благородного. Так как он не встречал никакого противодействия, то, рассылая из своего войска 5
мелкие отряды, он совершил весьма важные дела. Он подчинил себе бруттиев, луканов, захватил Апулию и Калабрию; государственные налоги он взыскивал в свою пользу, деньги он велел вносить за доходы с земли владельцам этих мест и устанавливал и все остальное, как будто бы являясь вла- 6
дыкой Италии. Поэтому и римскому войску в назначенное время не было доставлено обычное жалованье, и император задолжал им крупные суммы. Из-за этого италийцы, ли- 7
шенные своих обычных доходов и подвергшиеся столь крупной опасности, находились в глубокой печали. А солдаты стали проявлять себя еще более непослушными по отноше- 8
нию к начальникам и охотно оставались по городам. Таким образом, Константин держал в своей власти Равенну, Иоанн — Рим, Бесс находился в Сполетии, Юстин — во Флоренции, Киприан — в Перузии, а остальные там, куда с самого начала каждый успел бежать и спастись.

Узнав об этом и считая это великим несчастьем, император тотчас же назначил префектом претория для Италии

Максимиана с тем, чтобы он был главнокомандующим над военными начальниками и доставлял воинам все, что нужно. С ним он послал флот, на корабли которого он посадил войско из фракийцев и армян. Начальником фракийцев был Геродиан, а во главе армян стоял Фаза, родом ибер, племянник Перания. Вместе с ним плыло и немного гуннов. Поднявшись со всем флотом из Византии, Максимин прибыл к Эпиру в Элладе. Там он без всякого основания остановился, теряя дорогое время. Он был совершенно неопытен в военном деле, а поэтому труслив и крайне медлителен. Затем как начальника (пешего) войска император послал Деметрия, который и раньше совершал походы с Велизарием, командуя пешими легионами. Этот Деметрий, пристав к Сицилии, услышал, что Конон и неаполитанцы терпят очень тяжелую осаду, так как у них полный недостаток продовольствия; он решил возможно скорее двинуться к ним на помощь, но сделать это он был не в силах, так как войско у него было малочисленное и вообще весьма неважное. Тогда он придумал следующее: собрав из Сицилии возможно большее число кораблей и наполнив их хлебом и всяким продовольствием, он заставил неприятелей думать, что на кораблях плывет большое войско. Как оказалось, враги так и подумали. Они считали, что против них идет большое войско, заключая это из того, что, по их сведениям, из Сицилии плывет против них большой флот. И если бы Деметрий решился сразу идти прямо к Неаполю, думаю, он испугал бы врагов и спас город, так как никто не выступил бы против него. Но он сам, испугавшись опасности, решил совсем не приставать к Неаполю, а поплыл в гавань Рима и там спешно стал набирать солдат. Они же, разбитые варварами и чувствовавшие перед ними большой страх, решительно отказывались идти с Деметрием против Тотилы и готов. Поэтому он был принужден идти в Неаполь только с теми, которые прибыли с ним из Византии. Был тут другой Деметрий, родом из Кефалении, старый моряк, очень опытный в морских делах и опасностях. Он участвовал вместе с Велизарием в его походах на Ливию и Италию и настолько прославился своей опытностью, что император назначил его наместником Неаполя. Когда варвары начали

осаждать это место, он, будучи человеком несдержанным на язык, очень часто оскорблял Тотилу и позволял себе говорить чересчур много лишнего. Когда стало ухудшаться и без того их плохое положение и быстрыми шагами приближалась к осажденным гибель, он решился с согласия Конона оди-
22 ннадцатью тайно на маленький челнок и отправиться к начальнику
23 войска Деметрию. Сверх вероятия, прибыв благополучно
и встретившись с Деметрием, он очень его ободрил и по-
24 будил к данному предприятию. Тотила же, услышав, что
это за флот, держал наготове очень много быстроходных
судов («дромонов»). Как только враги пристали к берегу
в этом месте, недалеко от Неаполя, Тотила, появившись
25 внезапно, поверг их в ужас и всех обратил в бегство. Многих
из них он убил, очень многих взял в плен живыми; бежали
только те, которые с самого начала сумели вскочить в кора-
бельные шлюпки; в числе их был и сам военачальник Демет-
рий. Все корабли со всем их грузом и экипажем варвары за-
26 хватили в свои руки. Там они нашли и Деметрия-наместника.
Отрезав ему язык и обе руки, они не убили его, но, иска-
лечив его таким образом, разрешили ему идти куда он хочет.
Такое возмездие понес Деметрий за свое злоречие и распу-
щенность языка по отношению к Тотиле.

1 7. Спустя некоторое время пристал к Сицилии и Максимин
со всем флотом. Прибыв в Сиракузы, он сидел спокойно,
2 боясь военных действий. Узнав об этом, начальники римского
войска со всей поспешностью отправили к нему гонцов, прося
возможно скорее идти на помощь. В числе других послал
к нему гонцов и Конон из Неаполя, до крайности стесненный
3 осадой со стороны варваров: у него уже совсем не было про-
довольствия. Но Максимин, потеряв все благоприятное
время в своих страхах и нерешительности, испугавшись
угроз со стороны императора, подвергаясь упрекам и изде-
вательствам со стороны других, все-таки продолжал оста-
ваться там, все же войско послал в Неаполь под начальством
Геродиана, Деметрия и Фазы, когда наступила уже зима.
4 Когда римский флот был уже близко от Неаполя, задул силь-
5 ный ветер и поднялась ужасная буря. Все покрыл мрак,
а волны не давали гребцам поднимать весла или вообще

6 делать что-либо другое. Из-за шума бушующих волн они не
могли даже слышать друг друга; все перемешалось, и свиреп-
ствовала одна только буря, которая прибила их к берегу,
7 где стояли лагерем враги. Таким образом, варварам можно
было входить на любой корабль римлян, и они их избивали
и топили без всякого с чьей-либо стороны сопротивления.
8 Очень многие были взяты живыми в плен, в том числе и сам
начальник Деметрий. Геродиану и Фазе с очень немногими
удалось бежать, так как их корабли подошли не очень
9 близко к неприятельскому лагерю. Вот что случилось
с римским флотом. Тотила, велел кинуть на шею Деметрия
веревку, потащил его к стенам Неаполя и велел убеждать
осажденных не предаваться дальше бессмысленным надеж-
10 дам и не губить себя, но возможно скорее, сдав город готам,
избавить себя от величайших бед. Ведь император в даль-
нейшем уже не может послать им на выручку другое войско,
и с этим флотом для них пропала и вся военная сила и вся
надежда на спасение. Все это сказал Деметрий, как велел
11 ему Тотила. Осажденные, уже и без того страшно мучимые
голодом и недостатком во всем остальном, когда увидели
несчастное положение Деметрия и услышали все его речи,
потеряв всякую надежду, предались воплям и стенаниям,
не зная, что им делать, и весь город был полон великого смя-
тения и плача.

11 После этого Тотила, вызвав их всех на стены, сказал
следующее: «Не потому, что мы имели против вас какие-
либо обвинения или упреки, граждане неаполитанские,
приступили мы к этой осаде, но сделали это с той целью, чтобы
избавив вас от самых жестоких деспотов, могли воздать
каждому из вас благодарность за то, что он сделал для нас
хорошего в течение этой войны, и за это испытал столь много
12 тяжелого от наших врагов. Дело в том, что вы одни из ита-
лийцев всегда показывали свое полное расположение к пле-
мени готов и меньше всех выражали желание подчиниться
13 нашим врагам. Так что и теперь, хотя мы и принуждены
осаждать вас вместе с ними, мы, конечно, уважаем и чтим
вашу верность, стараясь вести эту осаду не во вред неапо-
14 литанцам. Поэтому, если вы страдаете от тяжести осады,

не думайте, что за это вы должны сердиться на готов. Ведь те, которые стремятся сделать хорошее друзьям, не заслуживают с их стороны никакого обвинения, если даже будут принуждены высказать им свое расположение мерами, не всегда для них приятными. Пусть меньше всего будет у вас страха к нашим врагам, и, основываясь на том, что было, не думайте, что они опять победят нас. Все неожиданные и чудесные превращения в жизни, которыми иногда судьба награждает нас сверх ожидания, обычно с течением времени вновь входят в свое русло. И мы настолько чувствуем к вам расположение, что согласны, чтобы Конон и все его воины, не испытав никакой от нас неприятности, ушли куда хотят, если, сдав нам город, захотят удалиться отсюда, при этом со всем их достоянием. Мы вполне готовы дать им в этом клятву и клятвенно же обещать полную неприкосновенность для неаполитанцев». Эта речь Тотилы вызвала одобрение со стороны неаполитанцев и всех воинов, бывших с Кононом: они страшно мучились от голода ввиду недостатка продовольствия. Но, сохраняя верность императору и все еще надеясь, что к ним на выручку придет какое-либо вспомогательное войско, они согласились на то, что сдадут город через тридцать дней. Тотила же, желая лишить их всякой надежды на помощь от императора, назначил им срок в три месяца, с тем чтобы после этого срока они поступили, как было условлено. И он им твердо обещал, что до этого он не будет делать никаких нападений на стены и не употребит против них никакой хитрости. На этом они и порешили. Но осажденные, не дожидаясь назначенного срока (они уже очень страдали от недостатка предметов первой необходимости), немного времени спустя приняли в город Тотилу и варваров. Тем временем кончился восьмой год той войны (542—543), которую описал Прокопий.

8. Когда Тотила взял Неаполь, он проявил по отношению к сдавшимся так много человечности, что этого нельзя было ожидать ни со стороны врага, ни со стороны варвара. Застав римлян настолько истощенных голодом, что у них уже и в теле не оставалось никакой силы, боясь, как бы, внезапно накинувшись на еду до крайнего насыщения, они, как это

3 обычно бывает, не задохнувшись, он придумал следующее:
4 поставив стражу в гавани и у ворот, он не велел никому
5 выходить оттуда. Сам он стал выдавать всем пищу в меньшем
6 количестве, чем им хотелось, мудро проявляя в этом своего
7 рода скупость, но каждый день он прибавлял столько к этой
8 норме, что не чувствовалось, что происходит эта прибавка.
9 Таким образом, он укрепил их силы, а затем, открыв ворота,
10 он разрешил каждому из них идти куда он хочет. Коно-
11 ну же и его воинам, которые не хотели тут оставаться,
12 он разрешил сесть на корабли и плыть куда угодно. Считая,
13 что возвращение в Византию им принесет позор, они заду-
14 мали со всей поспешностью плыть в Рим. Так как им мешал
15 встречный ветер и они никак не могли отплыть отсюда, они
16 находились в затруднительном положении, опасаясь, как бы
17 не случилось, что ввиду своей победы Тотила оставит без
18 исполнения что-либо из своих обещаний, и как бы им не при-
19 шлось испытать от него чего-либо очень плохого. Когда
20 Тотила заметил их в таком настроении, он, создав их всех,
21 стал успокаивать и, еще сильнее подтвердив данное слово,
22 велел им быть бодрыми и без всякого страха общаться с вой-
23 ском готов, покупать продовольствие и если им нужно что
24 другое получать от них, как от друзей. Так как все время
25 дул противный ветер и уже прошло много времени, он дал
26 им коней и повозки, одарил их деньгами на дорогу и разре-
27 шил им отправиться сухим путем в Рим, послав вместе с ними
28 в качестве проводников некоторых из знатнейших готов.
29 Стены Неаполя он постарался разрушить до основания,
30 чтобы римляне, в случае если вновь захватят его, действуя
31 из этого укрепленного места, не доставили бы затруднений
32 готам. Он предпочитал сражаться с ними в поле, в открытом
33 бою, чем соревноваться с ними в технических и военных
34 хитростях. Разрушив большую часть этих стен, остальную
35 он оставил нетронутой.

36 Около этого времени один римлянин, родом из Калабрии,
37 явившись к нему, жаловался, что кто-то из его телохрани-
38 телей изнасиловал его дочь, девушку. Так как этот человек
39 не отрицал этого обвинения, то Тотила, всячески стараясь
40 дать удовлетворение за преступление, заключил его под

14 стражу. Окружающие Тотилу знатнейшие из варваров, боясь за арестованного — это был человек энергичный и зна-
ющий военное дело — собравшись вместе, тотчас явились
15 к Тотиле и просили простить этого человека. Он выслушал их речь благосклонно, без всякой нервности и ответил сле-
дующее: «То, что я скажу, сотоварищи по оружию, я скажу не под влиянием бесчеловечной жестокости или из-за того, что я радуюсь несчастьям моих соплеменников, но более
всего боясь, как бы для готов не произошло чего-либо пло-
хого. Я очень хорошо знаю, что обычно большинство людей
16 переделывает имена поступков и действий и придает им другие значения. Человеколюбием и мягкостью они называют нарушение законов, в результате чего происходит гибель
17 всего честного и хорошего и общая смута; они обычно называют человеком неприятным и тяжелым того, кто хочет точно выполнять закон, чтобы, прикрывшись этими именами, точно питом, им было бы безопаснее проявлять свою распу-
щенность и предаваться разврату. Убеждаю вас, да не погубите вы все свое спасение, добиваясь прощения вины од-
ного, и сами, будучи непричастными к этому грязному делу, не примите тем на себя части его вины. Ведь совершить пре-
18 ступление и мешать, чтобы совершивший его понес наказание, по моему мнению одно стоит другого. Поэтому-то я и хочу,
19 чтобы, рассматривая данное дело, вы подошли к нему с этой точки зрения, полагая, что теперь вам предлагается выбор одного из двух: или чтобы этот человек не понес наказания за то, в чем он совершил преступление, или чтобы нам со-
хранить племя готов и вместе с тем приобрести новые силы
20 для войны. Смотрите сами: в начале этой войны было у нас воинов много, блистали они славой и опытностью в боях и военных опасностях, деньгами, просто говоря, счета не было, выше всякой меры было коней и оружия; в наших руках были все крепости, какие только есть в Италии. Кажется, что все это далеко не бесполезная помощь, крупные
21 исходные средства для начала войны. Но в правление Теодата, человека, который справедливость ставил ни во что сравнительно с жаждой к богатству, мы своими беззакониями в своей жизни сами навлекли на себя гнев божий. Вы сами

хорошо знаете, куда привела нас судьба, какими и сколькими
22 людьми были мы побеждены. Ныне же, решив, что достаточно
понесенное нами наказание, бог по воле своей вновь привел
в порядок нашу жизнь, дела наши идут лучше, чем можно
было надеяться, и нам удалось одержать победу над врагами
23 свыше наших сил. Позаботиться о том, чтобы своим справедли-
вым образом действий закрепить за собой возможность
и в дальнейшем пользоваться такой же победой, принесет
нам больше пользы, чем, действуя обратно, показать, что
мы сами, завидуя самим себе, разрушаем свое благополучие.
24 Невозможно, ни в коем случае невозможно, чтобы преступ-
ник и насильник в жизни в боях мог проявлять доблесть
и удачу, но военное счастье каждого определяется личной
25 жизнью каждого». Так сказал Тотила. Похвалили его слова
знатнейшие из готов и не стали уже просить его за его тело-
хранителя, предоставив ему поступить, как он найдет нуж-
ным. В скором времени он казнил этого человека, все же его
деньги, которые у него оказались, он отдал жертве его на-
силия.

1 9. В то время как Тотила так действовал, начальники
римского войска вместе с солдатами грабили достояние под-
данных императора; не было тех оскорблений и распущен-
ности, которые они не проявили бы; начальники в укрепле-
ниях пировали вместе со своими возлюбленными, а солдаты,
проявляя крайнее неповиновение начальникам, предавались
2 всяким безобразиям. Таким образом, италийцам пришлось
3 переносить крайние бедствия со стороны обеих войск. Поля
их опустошались врагами, а все остальное сплошь забирало
войско императора. Сверх того, мучаясь муками голода
вследствие недостатка продовольствия, они же подвергались
всяким обвинениям и издевательствам и без всякого основа-
4 ния — смерти. Солдаты, не имея сил защищать их от непри-
ятелей, наносивших вред их полям, совершенно не счита-
ли нужным краснеть и стыдиться того, что делалось, и
своими проступками они сделали варваров желанными для
5 италийцев. Не зная, что делать в таком положении, Кон-
стантин написал письмо императору Юстиниану, открыто
заявив, что он не в состоянии выдержать войну с готами.

6 Остальные начальники, как бы голосуя за это мнение, в том же письме высказали свое согласие с ним, показывая свой страх перед войной. В таком положении были дела в Италии.

7 Тотила послал письмо римскому сенату. Оно гласило следующее: «Если кто поступил несправедливо со своими соседями под влиянием неведения или побуждаемые забвением, то обиженные все же могут простить совершивших это, так как самая причина, вызвавшая с их стороны такой поступок, освобождает их в большой степени от обвинений.

8 Если же кто наносит обиду вполне сознательно и заведомо, тому нет возможности когда бы то ни было возражать на обвинения по поводу им совершенного. Ведь по всей справедливости он будет нести обвинение не только за дело, им совершенное, но и за сознательность цели своего поступка.

9 Так вот, если это так, подумайте же, как вам удастся защитить себя за то, что вы сделали по отношению к готам. Или, может быть, вы забыли благодеяния, оказанные вам Теодорихом и Амалазунтой, или с течением времени, преданные забвению, они изгладились из вашей памяти? Но, конечно,

10 не верно ни то, ни другое. Ведь его милости вам пришлось получить не по ничтожному какому-либо поводу, не кому-либо из ваших (предков) и не в стародавние года; нет, вы получили их в самый тяжелый момент вашей жизни, получили их недавно, можно сказать, только что из их рук,

11 любезнейшие римляне. Но может быть вы по слухам узнали или на опыте испытали благородство греков по отношению к своим подданным и поэтому решили, что отдадите в их руки всю судьбу готов и италийцев? Думаю я, прекрасных гостей пригласили вы себе в их лице и хорошо поняли, каких друзей и приятелей получили вы в них, если вы еще помните

12 расчетные листы Александра (гл. 1, § 32). Я не говорю уже о солдатах и их начальниках, от благоразумной сдержанности которых и великодушия вы получили столько приятного; из-за этого у них самих дела пришли в столь плачевное

13 состояние. И пусть из вас никто не думает, что я возвожу на них такие позорные обвинения из-за мальчишеского самолюбия или что я, будучи королем варваров, занимаюсь

14 чересчур большим самохвальством. То, что мы одолели этих

15

16

людей, я приписываю не своей доблести, но я утверждаю, что их преследует отмщение за те несправедливости, которые
17 они совершили против вас. И кому же не показалось бы в высшей степени странным, что бог наказует их за вас, вы же сами с удовольствием сидите в месте своих мучений и не хотите избавиться от ваших бедствий, происходящих от этих людей? Дайте же хоть какой-нибудь повод, в своих же собственных интересах, иметь право защищаться перед готами,
18 а для нас — основание для снисхождения к вам. Вы дадите его, если не будете ожидать конца войны, пока у вас еще на короткое время осталось немного этой несбыточной надежды (на спасение со стороны императора), выберете то, что лучше для вас, и тем поправите то, чего делать против
19 нас вам ни в коем случае было не должно». Так гласило его послание. Вручив его некоторым из пленных, Тотила велел им идти в Рим и отдать сенаторам. Они выполнили его
20 приказание. Тем, которые получили и читали это послание, Иоанн запретил отвечать Тотиле. Поэтому Тотила вторично написал длинное письмо. Там он приносил самые страшные клятвы и давал совершенно точные заверения, что готы
21 никому из римлян не сделают никакого зла. Кто доставил в Рим все эти писания, я не могу сказать. В самую темную ночь они были прибиты в наиболее посещаемых местах города, а когда наступил день, они были прочтены. Римские военачальники сильно подозревали в этом деле арианских священников; поэтому они немедленно выслали их всех.
22 Услыхав об этом, Тотила часть своего войска послал в Калабрию и велел попытаться взять крепость Дриунт (Гидрунт). Так как находившиеся там в гарнизоне решительно не желали сдаваться им, он велел отправленному войску начать осаду, а сам с большей частью войска пошел в Римскую
23 область. Когда император узнал об этом, понимая всю безвыходность положения, он признал необходимым послать против Тотилы Велизария, хотя персы все еще очень сильно теснили. Так кончилась зима, а с ней и девятый год той войны, которую описал Прокопий (543—544).

1 10. Таким образом, Велизарий вторично отправился в Италию. Так как он имел с собой очень мало воинов (тех,

которые были с ним на войне с мидийцами, он никак не мог
1 снять с фронта), то, пройдя через всю Фракию и вперед
2 уплачивая деньги, он набирал себе новых волонтеров. При-
был к нему согласно приказу императора и Виталий, началь-
ник иллирийских войск, недавно прибывший из Италии, где
3 он оставил иллирийских воинов. Они оба, собрав около
четырех тысяч человек, двинулись в Салону, имея в виду
прежде всего двинуться в Равенну и оттуда, насколько будет
4 возможно, вести войну. Двинуться в Римскую область они
никак не могли, ни тайно от врагов (так как они слышали,
что готы стоят лагерем в Калабрии и в Кампании), ни как-
либо силой прорвавшись и победив их. Ведь они шли на
5 них с силами далеко не равными. В это время ввиду недостат-
ка продовольствия осажденные в Дриунте (Гидрунте)
вступили в переговоры с осаждавшими их варварами на
условиях, что они добровольно сдадут им укрепление; и
с той и с другой стороны пришли к соглашению, и был уже
6 назначен день. Велизарий, погрузив на суда продовольствия
на целый год, велел Валентину с его войском плыть к Дри-
унту (Гидрунту) и возможно скорее вывести оттуда тех,
которые до того времени несли гарнизонную службу (он
узнал, что они буквально истаяли от голода и болезней);
часть приплывших с ним он велел оставить вместо них в
гарнизоне: будучи свежими и не нуждаясь ни в чем из про-
довольствия, они легко сохранят в неприкосновенности
7 укрепление. Пользуясь попутным ветром, Валентин со своим
флотом пристал к Дриунту (Гидрунту) за четыре дня до
назначенного срока и, найдя гавань неохраняемой, овладел
8 ею и без всякого труда смог войти в укрепление. Полагаясь
на договоренность и не предполагая, чтобы за этот срок им
могло встретиться какое-либо вражеское нападение, готы
9 спокойно сидели, оставив всякую заботу об осаде города.
Увидя совершенно неожиданно подплывающий флот, они
испугались и сняли осаду; уйдя далеко от этого местечка
и став лагерем, сообщили Тотиле обо всем, что у них про-
изошло. Вот какой опасности избег гарнизон Дриунта
10 (Гидрунта). В это время некоторые из бывших с Валентином,
желая пограбить здешние места, сделали набег. Случайно

встретившись с некоторыми из врагов у берега моря, они
11 вступили с ними в бой и, позорно побежденные ими в битве,
многие из них бежали в самое море, и здесь их было убито
сто семьдесят человек, а все остальные отступили в укреп-
12 ление. Найдя прежний гарнизон, бывший здесь, полумертвым,
Валентин вывел его, и вместо него поместил другой, свежий,
как ему велел Велизарий, и, оставив ему продовольствия
на целый год, ушел со всем остальным войском в Салоны.
13 Отплыв отсюда со всем флотом, Велизарий прибыл в Полу
и оставался тут некоторое время, приводя в порядок свое
14 войско. Услыхав, что он прибыл туда и желая узнать ту
силу, которую он вел с собой, Тотила сделал следующее. Был
некто Бон, племянник Иоанна, начальник гарнизона в Генуе.
15 Воспользовавшись его именем, под видом, что письмо от
него, Тотила написал Велизарию как будто бы прося его
притти поскорее к ним, находящимся в крайне тяжелом
16 положении. Выбрав пять человек очень ловких, он вручил
им письмо и велел самым внимательным образом высмотреть
все силы Велизария, причем они должны были говорить,
17 что посланы Боном. Этих людей, когда они явились к нему,
Велизарий принял с обычной для него большой приветли-
18 востью. Прочитав письма, он велел передать Бону, что в
скором времени он к нему придет со всем войском. Они же,
высмотрев все, как им велел Тотила, вернулись в лагерь
готов и утверждали, что войско Велизария ничего не стоит.
19 В это время Тотила взял город Тибур, занятый гарни-
зоном исавров, при помощи измены следующим образом.
Некоторые из жителей этого города сторожили ворота вме-
20 сте с исаврами. Они, поссорившись с исаврами, стороживши-
ми вместе с ними, без всякой вины с их стороны, ночью
впустили в город врагов, которые стояли лагерем очень
21 близко от города. Исавры, сообразив, что город взят, почти
все сумели бежать. Из жителей же готы не пощадили ни
22 одного, но вместе с городским священнослужителем убили
всех таким способом, что хотя я это и знаю, но не буду об
этом говорить, чтобы на будущие времена не оставить памяти
о людской бесчеловечности. В числе их погиб и Кателл, один
23 из известных среди италийцев людей. Таким образом, вар-

вары заняли Тибур, и теперь уже римляне не могли получать продовольствие из Этрурии по Тибру. Ведь этот город лежал как раз у самой реки,⁶ приблизительно в ста двадцати стадиях от Рима, являясь для тех, которые хотели отсюда плыть в Рим, препятствующим им враждебным укреплением.

- 1   11. Вот каким образом произошло взятие Тибура. Вели-
зарий же, придя со всем войском в Равенну, собрав бывших
там готов и римских воинов, сказал следующее: «Не в первый
раз теперь, воины, дела, совершенные доблестью, уничто-
2   жаются трусостью негодных людей. Искони, попросту го-
воря, это присуще человеческим делам, и развращенность
негоднейших людей имела достаточно сил, чтобы низвергнуть
и окончательно погубить великие деяния прекрасных мужей.
3   Так и теперь разрушилось дело императора. И он так сильно
заботится исправить все эти погрешности, что окончательное
одоление персов он поставил ниже, чем здешние дела, и ре-
шил вновь послать меня к вам, чтобы исправить и залечить
те раны и беды, которые нанесены военачальниками его
4   воинам или готам. Чтобы никто не делал никогда никаких
ошибок, это не свойственно человеку, неестественно и про-
тивно природе, но ошибки эти поправлять вполне надлежит
императору, и это в данном отношении вполне достойное
5   утешение для тех подданных, кого он любит. Этим вам будет
возможно не только избавиться от всех наших бедствий, но
и уразуметь благоволение к вам императора и им насладиться.
6   А что другое может быть для человека дороже? Что поставит
он выше всякого богатства? А так как именно для этого я и
прибыл к вам, надо, чтобы и каждый из вас употребил все уси-
7   лия, чтобы вновь к вам вернулось проистекающее отсюда
благополучие. Если есть у кого из вас родственники или
друзья, находящиеся у этого узурпатора Тотилы, вызовите
8   их возможно скорее, сообщив им решение императора. Таким
образом, вы приобретете себе все блага мира и милости
великого императора; ведь я сюда прибыл не для того, чтобы
все время воевать, и не очень охотно стал бы я врагом под-
9   данных императора. Если же они и теперь, сочтя для себя
унизительным выбрать для них же лучшее, пойдут против нас,
то и мы, как бы нам этого ни не хотелось, будем обращаться

10 с ними как с врагами». Так сказал Велизарий. Но к нему
11 не явился никто из врагов, ни гот, ни римлянин. Затем Ве-
лизарий посылает своего телохранителя Торимута с неко-
торыми из тех, кто прибыл с ним, и Виталия с иллирийским
отрядом в Эмилиеву область и велит ему попытаться захва-
12 тить ее укрепленные пункты. С этим войском Виталий по-
дошел к Бононии и, взяв по добровольной сдаче несколько
13 укреплений, спокойно задержался в Бононии. Немного вре-
мени спустя, все иллирийцы, которые участвовали с ним
в походе, внезапно, не испытав и не услышав ни о каких
неприятностях, тайно ушли оттуда и вернулись домой.
14 Отправив к императору послов, они просили простить их,
говоря, что они таким образом вернулись домой не вследствие
чего-либо другого, как только потому, что им, прослужившим
в Италии долгое время, жалованье выплачивалось очень
15 плохо и казна много им задолжала. Случилось же в это
время, что войско гуннов напало на иллирийцев, забрало
16 в плен и обратило в рабство их жен и детей. Узнав об этом,
они, мучимые голодом в Италии, и ушли. Вначале император
гневался на них, но затем он их простил. Узнав об уходе
иллирийцев, Тотила послал войско против Бононии с тем,
17 чтобы захватить там Виталия и бывших с ним. Но Виталий
и Торимут, устроив засаду шедшим на них врагам, многих
18 из них убили, остальных же обратили в бегство. В этом деле
один из знатных иллирийцев, по имени Назар, начальник
иллирийского отряда, проявил против врагов исключитель-
ную храбрость и геройство. Таким образом, Торимут вер-
нулся назад к Велизарю в Равенну.

19 Тогда Велизарий послал трех своих телохранителей,
Торимута, Рикилу и Сабиниана, с тысячей воинов к городу
20 Ауксиму на помощь осажденным там Магну и римлянам. Они,
обманув Тотилу и все его войско, вошли ночью в Ауксим
21 и решили делать постоянные набеги на неприятелей. На
другой день, около полудня, узнав, что какой-то отряд вра-
гов находится поблизости, они вышли из города, чтобы встре-
титься с ними, но решили послать сначала к ним разведчиков
22 Рикила, телохранитель Велизария (он был в это время пьян),

не позволил другим итти на разведки, но сам, погнав коня
23 изо всех сил, поехал на них. Встретившись с тремя готами
на крутой дороге, он сначала остановился, готовясь встре-
тить их нападение (был он человеком поразительной храб-
рости); но видя, что очень многие из готов со всех сторон
24 несутся на него, он обратился в бегство. На неудобном
месте его конь, поскользнувшись, упал. Тут поднялся силь-
ный крик со стороны врагов, и все стали бросать в него свои
25 копья. Заметив это, римляне бегом бросились ему на помощь.
Рикила, засыпанный огромным количеством дротиков, ис-
пустил дух, римский же отряд под начальством Торимута
обратил врагов в бегство; затем воины подняли его тело
и отнесли в город Ауксим; конец жизни, выпавший ему на
26 долю, совсем не соответствовал его доблести. Тогда Сабиниан
и Торимут, посоветовавшись с Магном, нашли, что
нет никакой пользы им оставаться здесь дольше, принимая
в соображение, что ввиду многочисленности врагов они не
могли бы с надеждой на успех вступить с ними в сражение,
а истощая запасы осажденных, они дадут еще скорее для
27 врагов возможность взять город. Когда они пришли к такому
решению, они сами и тысяча их воинов стали готовиться
к отправлению, чтобы начать обратный поход ночью. Тот-
час же один из солдат, перебежав тайно в неприятельский
28 лагерь, сообщил им о готовящемся походе. Поэтому Тотила,
отобрав две тысячи воинов, отличающихся доблестью, на
следующую ночь в стадиях тридцати от Ауксима стал
сторожить дорогу, никому даже вида не показывая, зачем
29 он это делает. Когда в полночь они увидели идущих мимо
них врагов, обнажив мечи, они начали с ними бой. Человек
30 двести из римлян они убили, остальные же с Сабинианом и
Торимутом, так как дело шло в темноте, имели возможность
31 скрыться и бежать в Аримин; однако готы овладели всеми
вьючными животными, которые везли весь скарб воинов,
их оружие и платье.

32 На берегу Ионийского залива, между Ауксимом и Ари-
мином, есть два городка, Пизавр и Фанум. В начале этой
войны Витигис разрушил их дома и сломал почти половину
их стены, чтобы римляне, захватив их, не доставляли за-

33 трудней готам. Одним из них, Пизавром, Велизарий ре-
шил овладеть; ему показалось, что около него лежат мест-
ности, удобные для пастбы коней. Ночью послав нескольких
34 близких к себе людей, он велел им тайно вымерить точно
их железом, он велел погрузить их на несколько судов и на-
править их в этот городок, а Сабиниану и Торимуту он
велел с возможной поспешностью приделать их к стенам,
самим оставаться за укреплениями и, находясь в безопасно-
сти, ту часть укреплений, которая лежала разрушенной,
вновь возвести каким-либо образом, накидав камней, грязи
35 и всего другого. Они так и сделали. Тотила, узнав об этом
36 деле, с большим войском пошел на них. Попытавшись взять
его приступом и потеряв тут некоторое время, он, не будучи
в состоянии его захватить, ничего не добившись, удалился
в лагерь под Ауксимом.

Никто из римлян уже не выступал против врагов, но
37 каждый из них оставался внутри своих стен. Но двоих из
своих телохранителей, Артасира, родом перса, и фракийца
Барботиона Велизарий послал в Рим, чтобы они вместе
с Бессом, который в это время там находился, берегли город,
38 приказав ни в коем случае не нападать на врагов. Тотила
и войско готов, зная, что силы Велизария не равноценны их
силам, настолько, чтобы он осмелился выступить против них,
39 решили беспокоить наиболее укрепленные места. Поэтому
они стали лагерем в Пиценской области, в окрестностях
Фирма и Аскалона, и принялись их осаждать. Тут кончилась
зима, а с ней кончился и десятый год той войны, которую
описал Прокопий (544—545).

1 12. Не имея сил помочь осажденным, Велизарий послал
в Византию Иоанна, племянника Виталиана, взяв с него
самые страшные клятвы, что он приложит всякое старание
вернуться возможно скорее; он послал его с тем, чтобы он
умолял императора послать им сюда большое войско и при-
2 слать много денег, а также оружия и лошадей. Он должен
был сказать, что солдат у него очень мало, да и те не хотят
сражаться, говоря, что казна должна им большие суммы
3 и что у них ничего нет. Так это и было на самом деле. Сверх

того Велизарий написал письмо императору, гласившее следующее: «Мы прибыли в Италию, о могущественнейший император, без людей, без коней, без оружия и денег. Не имея всего этого в достаточном количестве, я думаю, никто
4 и никогда не мог бы вести войну. Проехав сплошь всю Франкию и Иллирию, мы набрали солдат страшно мало, жалких, никогда не державших оружия в руках и совершенно не-
5 опытных в военном деле. Я не вижу, чтобы те, которые оставались здесь, были всем довольны; они исполнены страха перед врагами, и ум их поработен мыслью о постоянных поражениях; они не просто бегут от врагов, но бросают
6 коней и кидают оружие. Получить денежные доходы с Италии нам невозможно, так как давно уже она захвачена врагами. Поэтому, не заплатив во-время жалованья солдатам,
7 мы не можем им приказывать. Наши долги отнимают у нас право резко разговаривать с ними. Знай и то, государь, что
8 из числа тех, которые служили тебе, большая часть теперь оказалась перебежчиками к неприятелю. Если нужно было
9 только послать Велизария в Италию, то все у тебя готово для войны: я ведь опять уже среди италийцев. Если же ты хочешь победить на войне своих врагов, то нужно пригото-
10 вить и все остальное снаряжение. Я по крайней мере думаю, что, не имея помощников и нужных средств, никто не может считать себя военачальником. Поэтому прежде всего нужно послать ко мне сюда моих телохранителей и щитоносцев, а затем большое количество гуннов и других варваров, которым надо немедленно же дать денег».

11 Вот что написал Велизарий. Иоанн же, потратив долгое время в Византии, ничего не сделал из того, ради чего он был послан, но зато женился на дочери Германа, племянника
12 императора.⁷ За это время Тотила взял Фирм и Аскул, они сдались ему по договору. Прибыв в Этрурию, он стал осаждать Споленций и Азизу. Начальником гарнизона в Споленции был Геродиан, а в Азизе Сизиффрид, родом гот,
13 чрезвычайно преданный римлянам и стоявший на стороне императора. Геродиан вступил в переговоры с неприятелями,
14 чтобы они тридцать дней оставили их в покое, что если за это время к ним не придет никакой помощи, то он сдаст

готам и себя и город вместе с солдатами и с его жителями. Заложником этого договора он представил своего сына.

15 Когда наступил назначенный день, а римского войска не
пришло ни откуда, то Геродиан и те, которые держали там
гарнизон, согласно договору сдались Тотиле и готам, сдали
16 и город Сполеций. Говорят, что Геродиан сдался готам и
сдал им Сполеций вследствие ненависти к Велизарю;⁸
ибо Велизарий пригрозил ему, что он потребует от него
17 отчет за его прежний образ действий. Вот что случилось с
Сполецием. Сизифрид же со своим отрядом, сделав вылазку,
18 потерял очень многих, бывших с ним, и сам погиб. Жители
Азизы, смущенные создавшимся положением, тотчас же сдали
город неприятелям. Послав тотчас к Киприану, Тотила
потребовал, чтобы он сдал ему Перузию, грозя всякими ужа-
сами, если он не послушается, и обещая одарить его крупным
19 денежным подарком, если он это исполнит. Так как от Кип-
риана он ничего не мог добиться, он подкупил одного из его
телохранителей, по имени Улифа, чтобы тот убил его тайным
образом. Оставшись с Киприаном один на один, Улиф убил
20 его и бежал к Тотиле. Тем не менее воины Киприана про-
должали сохранять город для императора. Поэтому готы
решили от него отступить.

1 13. После этого Тотила пошел на Рим и, ставши близко,
начал осаду. Земледельцам по всей Италии он не сделал ни-
чего неприятного, он разрешил им навсегда без страха возде-
лывать землю, где они привыкли, внося ему те подати, которые
2 они прежде вносили в казну и владельцам земли. Когда от-
ряд готов подошел очень близко к стенам Рима, то Артасир
и Барбатюон, подговорив многих из своих частей, несмотря
на то, что Бесс решительно им этого не советовал, сделали
3 на него нападение. При первой схватке они многих убили,
остальных обратили в бегство. Увлеченные их преследова-
нием, они зашли слишком далеко и попали в засаду, устро-
енную врагами. Потеряв тут очень многих, они с очень немно-
гими с трудом бежали и в дальнейшем уже не решались
4 выходить против врагов, хотя последние и наступали на них
близко. С этого времени римлян стал мучить подлинный
5 голод, так как они не могли ввозить к себе в город никаких

продуктов с полей, а от грузов, идущих морем, были тоже
6 отрезаны. Когда готы взяли Неаполь, они создали там
флот из быстроходных судов, а также на так называемых
Эоловых островах (Липарских) и островах, лежащих у бе-
7 рега, строго следя за проезжающими. Суда, которые шли
из Сицилии открытым морем, направляясь в римскую гавань,
все попали с экипажем в их руки. Послав войско в Эмилиеву
8 область, Тотила велел взять город Плаценцию, силой ли,
9 по добровольному ли соглашению. Это первый из городов
Эмилиевой области с очень сильными укреплениями. Лежит
он на реке Эридане и был единственным из всех городов, на-
ходящихся в этой области, оставшимся под властью римлян.
10 Когда посланное войско было очень близко от Плаценции,
готы завели переговоры с находившимся там гарнизоном,
11 чтобы он сдал город добровольно Тотиле и готам. Когда им
это не удалось, став лагерем, они приступили к осаде, заме-
тив у находящихся в городе недостаток продовольствия.
12 В это время в Риме у начальников императорского войска
явилось подозрение в измене Цетега, патриция и первопри-
сутствующего (принцепса) римского сената. Поэтому Цетег
13 удалился в Центумцеллы (Чивита-Веккия). Велизарий, бес-
покоясь за Рим, как и вообще за общее положение дел, так
как он не мог подать помощи из Равенны, имея так мало
войска, решил оттуда сняться и захватить местечки около
Рима, чтобы, находясь поблизости, оказать помощь нахо-
14 дящимся в Риме и страдающим от вражеской осады. Он
раскаивался, что, послушавшись Виталия, с самого начала
пришел в Равенну; прежде всего это было в ущерб интересам
императора, так как, заперев самого себя в Равенне, он
предоставил врагам возможность по их личному желанию
15 направлять ход войны. И я думал,⁹ что или Велизарий при-
нял неправильное решение, так как суждено было римлянам
попасть в тяжелое положение, или что планы его были хо-
роши, но воспрепятствовала ему воля божья, желавшая
покровительствовать Тотиле и готам и поэтому уничтожавшая
лучшие из планов Велизария и во всем обращающая их про-
16 тив него же. Кому дует попутный ветер счастья, даже если он
замыслит самое неудачное, то все же с ним не случается

17 ничего плохого, так как бог обращает ему все это на пользу; у
человека же, ставшего неудачником, нет уже никаких удачных
решений, так как predeterminedенная ему судьбой необходи-
18 мость испытать несчастье отнимает у него и умение, и пра-
вильную точку зрения. Если он и примет решение, какое
следует, то действующая против его планов судьба обращает
его благоприятные, казалось бы, замыслы против него, да-
19 вая самые плачевные результаты. Так ли, или иначе это
происходит, я не могу сказать. Оставив в Равенне с неболь-
шим отрядом для охраны города Юстина, сам Велизарий
двинулся через Далмацию и прилегающие к ней местности
в Эпидамн, где, ожидая войска из Византии, он и оставался,
не предпринимая ничего. Отсюда он написал императору
20 и сообщил ему настоящее положение дел. Немного спустя,
император послал к нему Иоанна, племянника Виталиана
и Исаака, родом армянина, брата Аратия и Нарзеса, с вой-
21 ском варваров и римлян. Придя в Эпидамн, он соединился
с Велизарием. Нарзеса евнуха император послал к начальнику
эрулов с тем, чтобы он убедил их в возможно большем числе
22 отправиться походом в Италию. Многие из эрулов выразили
желание следовать за ним, в числе прочих и те, которыми
командовал Филемут, и вместе с ним направились во Фракию.
Перезимовав там, с наступлением весны они собирались
23 отправиться к Велизарию. С ними был и Иоанн, которому
дано было прозвище Фага (Обжора). На этом пути им было
суждено совершенно неожиданно оказать римлянам великое
24 благодеяние. Случилось, что незадолго перед тем большой
отряд славян, перейдя реку Истр, стал грабить тамошние места
25 и забрал в рабство большое количество римлян. Эрулы не-
ожиданно напали на них и, сверх ожидания, победили их,
хотя славяне намного превосходили их численностью. Они
перебили их, а всех пленных отпустили, дав им возможность
26 возвратиться домой. Захватив тут некоего человека, при-
своившего себе имя Хильбудия, человека знатного, некогда
бывшего у римлян претором, Нарзес легко уличил его в са-
мозванстве. Как это все было, я сейчас расскажу.

1 14. Был некто Хильбудий, близкий к императорскому
дому, в военном деле человек исключительно энергичный

и настолько чуждый жажды стяжательства, что вместо величайших богатств он не приобрел никакого состояния.

2 На четвертом году своей единодержавной власти император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку. Дело в том, что жившие по Истру варвары, гунны, анты и славяне, часто совершая такие переходы, наносили римлянам непоправимый вред. Хильбудий настолько был страшен варварам, что в течение трех лет, пока он был облечен званием военачальника, не только никто из варваров не осмеливался перейти Истр для войны с римлянами, но сами римляне, недонократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров.

4 Спустя три года после своего прибытия Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая; пало много римлян, в том числе и их начальник Хильбудий.

6 После этого река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область совершенно открытой для их вторжения. Таким образом, оказалось, что все могущество Римской империи в этом деле совершенно не может равняться доблести одного человека.

7 Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами. В этом столкновении один славянин взял в плен юншу, едва достигшего зрелости по имени Хильбудия, и отвел его к себе домой. С течением времени этот Хильбудий оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным. Не раз подвергаясь опасностям из-за своего господина, он совершил много славных подвигов и смог добиться для себя великой славы. Около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они

12 вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеколюбивому и мягкому хозяину. Сам же этот пленник был очень коварным и способным

13 обмануть любого встречного. Так как при всем желании он не находил никаких средств вернуться в римскую землю, он придумал следующее. Придя к хозяину, он рассыпался в похвалах его милосердию, утверждая, что за это ему от бога будет много всяких благ, что сам он ни в коем случае не окажется неблагодарным своему добрейшему господину и что если хозяин захочет послушать его добрых советов, которые он очень хорошо обдумал, то в скором времени он
14 сделается обладателем большой суммы денег. У одного славянского племени на положении раба находится Хильбудий, бывший военачальник римлян, скрывающий от всех варваров, кто он такой. Если ему будет угодно выкупить
15 Хильбудия и доставить его в землю римлян, то вполне естественно, что он получит великую славу и очень много денег от императора. Такими речами римлянин тотчас убедил своего
16 хозяина и вместе с ним отправился к славянам. У этих народов был заключен мирный договор, и они без страха общались друг с другом. И вот, предложив хозяину Хильбудия большую сумму, они купили этого человека и с ним быстро вернулись домой. Когда они вернулись к себе, на свое местожительство, купивший стал его спрашивать,
18 правда ли, что он Хильбудий, римский военачальник? Он не отказался рассказать все, как было, и со всей откровенностью изложил по порядку всю свою жизнь, что он сам родом ант, что, сражаясь вместе со своими родичами с славянами, бывшими тогда их врагами, был кем-то из неприятелей взят в плен, теперь же, придя в родные земли, он
19 в дальнейшем согласно закону будет уже свободным. Заплативший за него деньги остолбенел, лишившись даже речи от изумления, и впал в величайший гнев, потеряв столь
20 великую надежду на выгоду. Но римлянин, желая его утешить и скрыть истину, чтобы не сделать своего возвращения домой более затруднительным, продолжал настаивать, что этот человек тот самый (римский) Хильбудий, но что он, находясь в среде варваров, боится открыть все, когда же окажется в римской земле, не только не будет скрывать правды, но, естественно, будет гордиться этим именем. Вначале все это делалось тайно от остальных варваров.

21 Когда же этот слух, распространяясь в народе, стал до-
стоянием всех, то по этому поводу собрались почти все анты,
считая это дело общим и полагая, что для них всех будет боль-
шим благом то, что они — хозяйева римского полководца
22 Хильбудия. Эти племена, славяне и анты, не управляются
одним человеком, но издревле живут в народоправстве
(демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни
считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих
23 варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они
считают, что один только бог, творец молний, является
владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и со-
вершают другие священные обряды. Судьбы они не знают
и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет
какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охва-
ченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное по-
ложение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же
принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они
приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение
24 ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф,
и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при
помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жал-
ких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все
25 они часто меняют места жительства. Вступая в битву, боль-
шинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в ру-
26 ках, панцырей же они никогда не надевают; иные не носят
ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны,
подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут
на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык,
27 достаточно варварский. И по внешнему виду они не отли-
чаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной
силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый
28 и не совсем черный, но все они темнокрасные. Образ жизни
у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно
они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем
не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы.
29 И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же.
В древности оба эти племени называли спорами («рассеян-
ными»), думаю потому, что они жили, занимая страну

30 «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказанное об этом народе.

31 Собравшись, как сказано выше, анты заставили этого человека признать, как они хотели, что он Хильбудий — римский военачальник. Они грозили, что накажут его, если
32 он будет это отрицать. В то время, когда все это происходило, император Юстиниан, отправив некоторых лиц послами к этим варварам, предлагал им поселиться в древнем городе, по имени Туррис, расположенном у самого берега реки Истра. Этот город построил римский император Траян, но он уже издавна был покинут, так как местные варвары его постоянно
33 грабили. Император Юстиниан соглашался одарить их этим городом и окружающей его областью, так как искони она принадлежала римлянам, обещая, что будет жить с ними, всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег с тем только, чтобы на будущее время они клятвенно обещали соблюдать с ним мир и всегда бы выступали против гуннов, когда те захотят сделать набег на Римскую импе-
34 рию. Варвары все это выслушали, одобрили и обещали сделать все это, если он восстановит начальником римского вождя Хильбудия и даст ему жить вместе с ними, утверждая, как они и задумали, что этот человек и есть Хильбудий.
35 Возьмев надежды на столь высокое положение, уже и сам этот человек пожелал быть им и утверждал, что он Хильбудий, римский военачальник. Его, отправленного с этой
36 целью в Византию, Нарзес захватил на своем пути. Встретившись с ним и найдя, что он обманщик (хотя он говорил на латинском языке и искусно притворялся, узнав уже наперед многое из того, чем можно было воспользоваться в качестве примет Хильбудия), он заключил его в тюрьму и принудил рассказать все дело. После этого отступления я возвращаюсь к продолжению своего рассказа.

1 15. Император действовал так, как выше было мной сказано. В это время Велизарий послал в гавань Рима Валентина и одного из своих телохранителей, по имени Фоку, человека, исключительно хорошо знавшего военное дело,

с войском с тем, чтобы они сторожили укрепление в Порте вместе с тамошним гарнизоном, которым командовал Иннокентий, и, поскольку им будет возможно, делали набеги и беспокоили неприятельский лагерь. Войска, посланные с Валентином и Фокой, тайно дали знать в Рим Бессу, что они собираются двинуться на укрепление врагов для внезапного нападения; следовало бы, чтобы он, выбрав в Риме самых воинственных из воинов, как только заметит их нападение, бегом бросился им на помощь с тем, чтобы они вместе могли совершить против варваров что-либо великое. Но Бессу это было совсем не по душе. Поэтому, когда Валентин и Фока с пятьюстами воинов, сделав неожиданное нападение на неприятельский лагерь, немногих из них убили и когда шум, возникший там, быстро дошел до осажденных, все-таки никто не вышел из города. Вследствие этого нападающие стремительно возвратились в гавань, не испытав никаких неприятностей, совершенно невредимыми. Послав к Бессу, они спрашивали его, что за ненужная боязливость напала на него; заверяя его, что в скором времени они сделают на врагов второй набег, убеждали его, чтобы и он в надлежащее время сделал на варваров нападение всеми своими силами. Но он тем не менее все так же решительно отказывался сражаться с врагами и выходить из укреплений. Тем не менее Валентин и Фока со своими приближенными и с более многочисленным войском собирались напасть на неприятелей и уже готовились к этому. В это время какой-то солдат из бывших под начальством Иннокентия пришел в качестве перебежчика к Тотиле и объявил ему, что на следующий день на них будет сделано нападение из Порты. Поэтому Тотила в местах, которые он нашел для этого подходящими, успел заранее поставить в засаду храбрых и сильных воинов. Когда на следующий день Валентин и Фока со своими войсками наткнулись на них, они потеряли очень многих из своих и погибли сами. Лишь очень немногие с большим трудом бежали и прибыли в Порт.

В это время Вигилий, римский архиерей, имевший пребывание в Сицилии, наполнив очень много кораблей хлебом, послал его к своим, думая, что тем или другим способом

10 перевозящие сумеют доставить его в Рим. И вот эти корабли
плыли к римской гавани; заметив это, враги, опередив их
на очень короткое время, оказались в гавани; они скрылись
там за стенами, чтобы, как только суда пристанут, без всякого
11 труда овладеть ими. Бывшие в гарнизоне Порты, увидев это,
поднялись на укрепления и, размахивая одеждами, хотели
дать знать бывшим на кораблях не плыть дальше, а повер-
12 нуть в другое место, куда придется. Но плывущие не пони-
мали, что делают эти воины; они думали, что находящиеся
в Порте римляне радуются и зовут их пристать к гавани,
и так как ветер был попутный, то они быстро пристали
13 к гавани. На этих кораблях плыло много римлян, в том числе
епископ Валентин. Выйдя из засад, варвары овладели всеми
14 кораблями, так как никто им не сопротивлялся. Взяв в плен
живым епископа, они привели его к Тотиле, всех же осталь-
ных они перебили и, таща (на буксире) корабли с грузом,
15 удалились. Тотила стал допрашивать священника, стараясь
узнать, что ему хотелось, но, признав, что он говорит совер-
шенную неправду, отрубил у него обе руки. Такой результат
16 имело все это дело. В это время окончилась зима, и с ней
закончился одиннадцатый год войны, которую описал Про-
копий.

1 **16.** Римский архиепископ Вигилий, вызванный к импе-
ратору в Византию, отправился туда из Сицилии; вследствие
этого ему пришлось долгое время провести на этом острове.
2 За это время римляне, осажденные в Плаценции, уже давно
лишенные всех необходимых запасов, прибегли к безбожному
питанию, принуждаемые к этому голодом, а именно — они
3 поедали друг друга. Поэтому они по договору добровольно
4 сдались сами и сдали город готам. Вот что случилось здесь,
да и в Риме, уже осажденном Тотилой, был полный недоста-
5 ток во всем необходимом. Среди римских священнослужи-
телей был некто, по имени Пелагий, по занимаемому поло-
жению — дьякон; пробыв долгое время в Византии, он стал
очень близким другом императора Юстиниана и незадолго
6 перед тем с большими деньгами прибыл в Рим. Во время этой
осады людям, нуждающимся в продовольствии, он роздал
много денег; пользуясь и прежде большой славой среди

италийцев, он, естественно, приобрел еще большую известность за свое человеколюбие. Так как римляне терпели невероятные мучения от голода, они умоляют Пелагия пойти к Тотиле и добиться от него перемирия на несколько дней с тем, чтобы, если за время этого перемирия к ним не придет никакой помощи из Византии, добровольно по договору сдать и передать город готам. С таким поручением Пелагий прибыл к Тотиле. Тотила встретил его с большим уважением и почетом и первый обратился к нему с такими словами: «У большинства варваров, я даже скажу, у всех есть закон уважать личность посла; я же лично людей, ведущих достойный образ жизни, каким являешься ты, искони старался особенно чтить. Но уважение и оскорбление по отношению к послу выражается не почтительным выражением лица и не красноречием и важностью речей со стороны тех кто их принимает, но правдивостью по отношению к нему или, наоборот, речами нездоровыми, внутренне извращенными. Исключительное уважение высказывается тому, кому прямо открываются мысли в правдивых словах, и с этим отпускают его; наоборот, наибольшее оскорбление терпит тот посол, который уходит, услышав притворные и обманчивые речи. Во всем, о чем ты будешь просить нас, Пелагий, ты не получишь от нас отказа, кроме трех пунктов. И тебе нужно всячески остерегаться касаться их и стараться обойти их молчанием, чтобы, оказавшись сам виновным в том, что не получил от нас согласия на свои просьбы, ради которых ты пришел сюда, ты не возложил бы вины за это на нас. Просить о том, что не соответствует настоящему положению дел, по большей части значит не добиться никакого успеха. Я предупреждаю, чтобы ты не ходатайствовал ни за кого из сицилийцев, не говорил ни о римских укреплениях, ни о рабах, перешедших на нашу сторону. Для готов невозможно ни оказать пощаду кому-либо из сицилийцев, ни разрешить остаться этим стенам, ни позволить, чтобы рабы, которые воевали в наших рядах, стали снова рабами своих прежних господ. Чтобы не показалось, что эти моменты мы выставляем совершенно неосновательно, я тотчас же точно перечислю тебе причины такого отношения и тем самым

16 уничтожу всякое подозрение в нашем легкомыслии. Этот остров Сицилия был с древних времен богат и денежными доходами и изобилием плодов, росших там в большом количестве и различных видов, так что их не только хватало для живущих там, но и вы, римляне, ввозили их себе оттуда, и этот ежегодный ввоз был достаточен для вас. Поэтому с самого начала римляне просили Теодориха не ставить там больших гарнизонов, чтобы не причинить этим ущерба их свободе или другому их благополучию. При таком положении дел к Сицилии пристал неприятельский флот и войско, ни по количеству людей, ни в другом каком-либо отношении не равносильные нам в военном отношении. Увидя этот флот, сицилийцы не донесли об этом готам, не заперлись в своих укреплениях, не решились в чем-либо другом оказать сопротивление врагам, но со всей готовностью раскрыли ворота городов и приняли неприятельское войско с распростертыми объятиями, как самые неверные рабы, выжидавшие уже давно удобного случая, чтобы бежать из-под власти хозяев и найти себе каких-либо новых неизвестных господ. Двигаясь оттуда, как из какого-либо укрепления, враги без труда захватили всю остальную Италию и завладели вот этим Римом, ввезя сюда из Сицилии такое количество запасов, что их хватило всем римлянам, чтобы выдерживать годовую осаду. Таковы наши отношения к сицилийцам; невозможно поэтому готам чувствовать к ним сожаление, так как тяжесть обвинений уничтожает чувство жалости к совершившим преступление. Что же касается этих стен, то враги, запершись внутри их, решили совершенно не выходить на равнину и не вступать с нами в бой; действуя хитростями и проволочками, они изо дня в день тянут время, обманывая готов, и совершенно против всякого человеческого смысла стали господами наших владений. Чтобы в будущем этого не испытать, нам нужно принять меры. Те, кто один раз ошибся и потом опять впал в то же самое тяжелое положение, не приняв во внимание несчастья, хорошо знакомого им уже по опыту, должны считать, что это не противодействие судьбы, но что это, конечно, глупость тех, которые попали в такое положение. Надó прибавить, что

уничтожение стен Рима принесет пользы больше всего вам. Ведь в дальнейшем вы не будете подвергаться осаде то со стороны одних, то со стороны других и не будете лишены возможности пользоваться продовольствием; вы, таким образом, не будете осаждены нападающими, но те и другие будут подвергаться опасностям в открытых боях друг с другом, и вы без всякой опасности для себя будете награждены для победителя. Что же касается рабов, перешедших на нашу сторону, то о них я скажу одно: если бы тех, которые стали в одни ряды с нами против врагов и получили от нас обещание, что они никогда не будут возвращены своим прежним господам, мы решили теперь возвратить вам, то и с вашей стороны мы не будем иметь доверия. Невозможно и недопустимо, чтобы тот, кто нарушил свое слово в отношении лиц самого несчастного положения, мог обнаружить твердость своих убеждений в отношении кого-либо другого, но со стороны всех, с кем ему придется сталкиваться, он будет всегда чувствовать на себе их недоверие (за свое предательство), являющееся характерным признаком его природы».

27 Так сказал Тотила. Пелагий на это ему ответил: «Сказав вперед, о благороднейший, что ты высоко уважаешь лично меня и звание посла, ты поставил меня в положение самого презренного человека. Решает нанести оскорбление человеку, расположенному к нему и облеченному званием посла, я по крайней мере полагаю, не тот, который хочет бить его по щекам или применить к нему другие насмешки

29 и издевательства, но тот, который вперед уже решает отпустить его от себя без всякого результата. Ведь не для того, чтобы получить какую-либо почесть от тех, кто их принимает, люди обычно берут на себя обязанности посла, но чтобы,

30 добившись чего-либо хорошего для пославших их, с этим вернуться. Так что больше пользы, если, подвергшись сначала поношению, все-таки добиться чего-нибудь из того, ради чего они пришли, чем, наслушавшись весьма лестных слов, вернуться, не выполнив ничего, на что надеялись.

31 Во-первых, я не знаю, о чем из всего того, что ты сказал, могу я просить тебя переменить мнение. Зачем своими просьбами буду я надоедать тому, кто, раньше чем выслушав

оправдание, отказал в своем согласии? А затем я не могу замолчать, что ты совершенно ясно показал, какую милость хочешь ты оказать римлянам, поднявшим против тебя оружие, если ты по отношению к сицилийцам, никогда не выступавшим против тебя с оружием в руках, решил проявить такую непримиримую вражду. Поэтому я, оставив намерение умолять тебя, цель своего посольства обращаю к богу, который воистину на тех, кто презрел просьбы умоляющих, всегда обращал свое отмщение».

- 1 17. Сказав это, Пелагий удалился. Когда римляне увидели, что он вернулся к ним, не добившись ничего, они почувствовали себя в безвыходном положении. С каждым днем усиливавшийся голод заставлял их делать ужасные
- 2 поступки. Так как у воинов еще не совсем истощились запасы, то они еще держались. Поэтому все римляне, собравшись вместе, пошли к начальникам императорского войска, Бессу и Конону, и, заливаясь слезами, со стенаниями сказали следующее: «Мы видим, о вожди, что в данный момент мы дошли до такого состояния, что если бы мы решились совершить против вас какое-либо безбожное дело, то никто не
- 3 бросил бы в нас упрека с обвинением в этом. Непреодолимая сила необходимости уже заключает в себе оправдание. Ныне, не имея возможности защитить себя на деле, мы пришли к вам, чтобы хоть на словах объяснить вам свое несчастье и оплакать его. Выслушайте же нас с кротостью, не возмущаясь дерзостью наших речей, но принимая во внимание силу
- 4 нашего страдания. Тот, кто принужден потерять надежду на спасение, в дальнейшем не может соблюдать приличия ни в словах своих, ни в действиях. Считайте, о военачальники, что мы не римляне, не родственны вам по племени, но живем и пользуемся одинаковым правлением, что мы сразу не
- 5 приняли с полной готовностью императорского войска, не считайте, что с самого начала были вашими врагами, что мы подняли против вас оружие, а затем, побежденные в бою, стали в силу закона войны вашими военнопленными рабами.
- 6 Так дайте же вашим пленникам пищу не в соответствии с нашими потребностями, но в размерах, достаточных, чтобы мы остались живы для того, чтобы, уцелевши, мы в свою

очередь могли вам отслужить так, как следует рабам служить
7 своим хозяевам. Но если это для вас трудно, хотя бы вы
этого и желали, * то сочтите справедливым отпустить нас
из-под вашей власти; вы выгадаете в том, что вам не придется
трудиться над нашим погребением. Но если и этот выход
не предоставляется нам, сочтите нужным убить нас и не
лишите нас достойной кончины и не отнимите у нас завидной
8 смерти, сладчайшей из всех, но одним этим деянием осво-
бодите римлян от бесчисленных бедствий». Услыхав это,
Бесс и его приближенные сказали, что дать им продоволь-
ствия они не могут, что убить их было бы противно божеским
законам, однако и отпустить их небезопасно. Они утверждали,
что Велизарий и войско из Византии вот-вот должно прийти.
С такими словами ободрения они их отпустили.

9 При дальнейшей задержке голод еще более усиливался,
обращаясь в великое бедствие; он заставил прибегнуть к
10 формам пищи странным и противоестественным. Прежде
всего Бесс и Конон, которые стояли во главе римского гар-
низона (у них было отложено много хлеба в стенах Рима),
и солдаты, урезая от своего обычного пайка, продавали этот
хлеб богатым римлянам за большие деньги: цена медимна
11 (около сорока пяти литров) была семь золотых. Но те, которые
в свей домашней жизни не были настолько богаты, чтобы
иметь средства питаться столь дорогой едой, купив за чет-
вертую часть этой цены полный медимн отрубей, питались
этим, так как нужда сделала даже это питание желанным
12 и роскошным. Быка, которого щитоносцы Бесса, выйдя из
города, могли захватить, они продавали римлянам по пять-
десять золотых. У кого падал конь или случалось что-либо
подобное, того считали самым счастливым человеком, потому
что он мог роскошествовать, питаясь мясом павшего живот-
13 ного. Вся же остальная масса народа питалась только кра-
пивой, которой много росло вокруг укреплений повсюду,
14 и в развалинах и пустырях города. А чтобы эта трава не об-
жигала им губ и глотки, они ели ее, хорошо проваривши.

---

* По другим чтениям: «если это для вас не легко или вы этого не желаете делать».

15 До тех пор пока у римлян были золотые монеты, они, как
сказано, покупали хлеб и отруби и спасались от голода;
когда же у них не стало золота, они стали выносить на рынок
все движимое имущество и весь свой скарб меняли на еже-
16 дневное питание. В конце концов, когда и солдаты императора
уже не имели хлеба, который бы они могли продавать рим-
лянам (только у Бесса его оставалось еще немного), все
17 обратились к крапиве. Так как такое питание было для них
недостаточно, а иные и этим не могли напиться досыта,
то по большей части они худели телом, цвет кожи делался
вскоре синим, и они становились совершенно похожими
18 на привидения. Многие из них, еще двигавшиеся и на ходу
жевавшие крапиву, внезапно умирали и падали на землю.
19 Они уже поедали друг у друга экскременты. Многие под
давлением голода сами на себя накладывали руки, так как не
могли уже найти ни собак, ни мыши, ни трупа другого како-
20 либо животного, которым бы они могли питаться. Был тут
некий римлянин, отец пятерых детей. Окружив его и хватая
его за платье, дети просили у него пищи. Тогда он, не изда-
вая ни единого стоны и не показывая волнения, но твердо,
глубоко скрыв свое страдание, велел детям следовать за собой,
22 как будто он собирался дать им есть. Когда он пришел на
мост Тибра, то повязав себе на лицо гиматий и закрыв им
23 лицо, он бросился с моста в воды Тибра на глазах у своих
детей и тех римлян, которые там были. В дальнейшем импе-
раторские военачальники, беря и за это деньги, выпустили
из города тех римлян, которые хотели удалиться оттуда.
24 В Риме осталось немного; все остальные бежали кто куда
мог. Многие из них, так как силы их были раньше подорваны
голодом, во время плавания или двигаясь сухим путем умира-
25 ли. А многие на пути были захвачены неприятелями
и уничтожены. Такова была жестокая судьба, до которой
дошел сенат и римский народ.

18. Когда войско под начальством Иоанна и Исаака при-
было в Эпидамн и соединилось с Велизарием, то Иоанн пред-
ложил, чтобы все войско, переплыв залив, сухим путем
шло к Риму, вместе претерпевая все, что выпадет на долю;
но Велизарий признал это невыгодным и указал, что будет

больше пользы плыть прямо к местам около Рима. Если
итти пешком строем, то потратится больше времени и, конеч-
2 но, встретятся затруднения. Он велел, чтобы Иоанн, дви-
гаясь через Калабрию и тамошние племена, прогнал оттуда
варваров, бывших в очень небольшом количестве, и, под-
чинив власти императора все местности, прилегающие к Ио-
нийскому заливу, отправился к Римской области и соеди-
3 нился там с ним. В эти же места он имел в виду плыть и сам
с остальным войском. Он думал, что при тех тяжелых усло-
виях, в которых находятся осажденные римляне, самое
короткое промедление, естественно, может принести делу
4 непоправимый вред. Если же плыть при попутном ветре, то
он будет в состоянии пристать к римской гавани уже на
пятый день, а если итти пешком строем из Дриунта (Гидрунта),
то едва ли на сороковой день можно добраться (до Рима).
5 Дав такие поручения Иоанну, Велизарий двинулся оттуда
со всем флотом. Встретив сильный ветер, он пристал к Дри-
6 унту (Гидрунту). Заметив это, готы, которые были заняты
осадой здешнего гарнизона, сняв ее, тотчас же отправились
к городу Брундузию, отстоящему от Дриунта (Гидрунта)
на расстоянии двух дней пути; он лежал у моря и не имел
укреплений. Они полагали, что Велизарий тотчас перейдет
через пролив в этом месте, и дали знать Тотиле о положении
7 дела в данный момент. Он тотчас привел все войско в боевую
готовность, как будто собираясь выступить против врагов,
а готам в Калабрии он велел, насколько у них будет сил,
8 сторожить проход. Когда же Велизарий, воспользовавшись
попутным ветром, отплыл из Дриунта (Гидрунта), готы,
успокоившись, стали менее бдительны и не так старательно
сторожили, оставаясь в Калабрии, а Тотила, оставшись на
месте, еще более тщательно сторожил подходы к Риму,
9 чтобы не удалось ввезти туда продовольствия. Он придумал
устроить на Тибре следующее сооружение. Выбрав место,
где река течет наиболее узким руслом, приблизительно
от города на расстоянии стадий девяносто, он положил через
реку очень длинные балки, достающие с одного берега до
10 другого, сделав своего рода мост. Выстроив на том и на
другом берегу две деревянные башни, он поместил в них

гарнизон из сильных и смелых воинов, чтобы ни на баржах, ни на других судах, идущих снизу, из Порта нельзя было пройти в город.

11 В это время Велизарий пристал к римской гавани и ожидал прибытия войска с Иоанном. Между тем Иоанн переправился в Калабрию, причем готы, которые, собравшись около Брундузия, как сказано выше, сидели там без дела, совсем
12 не заметили его перехода. Захватив на пути двух неприятелей, шедших для разведки, одного из них он тотчас же убил, другой же, обняв его колени, просил оставить ему
13 жизнь. «Я,— говорил он,— буду не бесполезен тебе и римскому войску». На вопрос Иоанна, чем, в случае если он его пощадит, он думает когда-либо быть полезным римлянам и ему, этот человек обещал устроить так, что он нападет на
14 готов тогда, когда они меньше всего этого ожидают. Иоанн сказал ему, что он не отказывает ему в его просьбе, но что прежде всего он должен показать, где у них пасутся кони.
15 Варвар согласился и на это и пошел вместе с ними. Захватив пасущихся коней неприятеля (а этих коней было много и были они хороши), все, бывшие пешими в войске Иоанна,
16 сели на них верхом. Затем они во весь опор бросились на лагерь неприятелей. Варвары, пораженные внезапным нападением, были захвачены невооруженными и совершенно неготовыми; многие, забывшие о всякой доблести, были здесь уничтожены, и лишь немногие, успевшие бежать,
17 добрались до Тотилы. Иоанн, обратившись к калабрийцам с увещаниями и ласковыми речами, всех их снова сделал сторонниками императора, обещая, что много хорошего будет им от императора и от римского войска. Выступив
возможно скорее из Брундузия, он захватил город, по имени Канузий, который расположен в центре Апулии и от-
18 стоит от Брундузия на пять дней пути к западу по направлению к Риму. На расстоянии двадцати пяти стадий от этого Канузия отстоят Канны, где, говорят, в давние времена
19 Ганнибал, начальник ливийцев, нанес римлянам жестокое поражение.

20 Тут некий Туллиан, сын Венанция, родом римлянин, имевший большую силу среди бруттиев и луканцев, явившись

к Иоанну, обвинял войско императора за совершенные им прежде несправедливости против италийцев; он утверждал, что если в будущем они будут относиться к населению с известным доброжелательством, то бруттии и луканцы отдадут себя в их руки и, вновь подчинившись императору, будут
21 платить подати так же, как они это делали и раньше. Не по доброй воле, говорил он, перешли они на сторону варваров, и тем более ариан, но главным образом под влиянием, с одной стороны, насилия врагов, а с другой — из-за обид от
22 императорского войска. Когда Иоанн дал ему твердое обещание, что в дальнейшем италийцы увидят от них во всем только одно хорошее, Туллиан стал его спутником. Благодаря
23 этому войны уже не проявляли никакого недоверия к италийцам, и большая часть местечек, лежащих по Ионийскому заливу, стала им дружественной и подчинилась власти императора.

24 Когда об этом услышал Тотила, то он, отобрав триста готов, послал их в Капую. Он дал приказ, чтобы они, как только увидят, что войско, шедшее с Иоанном, направилось к Риму, следовали за ним, не подавая никакого вида; все
25 остальное будет уже его заботой. Вследствие этого Иоанн, испугавшись как бы ему не попасть в какое-либо окружение врагов, не пошел к Велизарю, а удалился к бруттиям и луканцам. В числе готов был некто Рецимунд, муж знатный
26 и прославленный, которого Тотила поставил во главе войск, охранявших Бруттий; с ним были готы, несколько римских воинов и мавританских перебежчиков для того, чтобы охранять пролив Сциллы и тамошний берег, так чтобы ни оттуда
27 никто не мог переправиться в Сицилию, ни из Сицилии никто не мог беспрепятственно переправиться сюда. На это войско Иоанн напал между Регием и Вибоном; нападение было неожиданным, раньше чем пришло какое-либо известие о его
28 движении; пораженные внезапною появлением, забыв о всякой храбрости, они тотчас же обратились в бегство. Они бежали на гору, которая высится здесь, трудно доступную и обрывистую. Иоанн преследовал их и, нагнав неприятелей на склоне горы, когда они еще не укрепились в трудно
проходимых местах, вступил с ними в бой. Римляне (бывшие

с готами) и маврусии отчаянно защищались, но Иоанн почти всех их перебил, а Рецимунд и остальные готы сдались ему добровольно. Добившись такого успеха, Иоанн оставался там; с своей стороны и Велизарий, все время поджидая Иоанна, держался спокойно. Он упрекал его, что он не рискнул вступить в сражение с теми тремя стами (готами), которые были на охране Капуи, и не попытался проложить себе дороги, хотя имел при себе отборный по доблести отряд варваров. Но Иоанн, потеряв надежду на возможность пройти, удалился в Апулию и спокойно стал лагерем в местечке, называемом Перварием.

1 **19.** Боясь за осажденных, как бы вследствие недостатка продовольствия они не совершили чего-либо такого, чего уже нельзя будет поправить, Велизарий все время думал, каким бы образом ему доставить продовольствие в Рим.

2 Так как у него совершенно не было сил, которые в боевом отношении он мог бы считать равносильными врагам, он

3 не мог решиться на открытое сражение с ними; поэтому он придумал следующее: соединив между собой и крепко связав два легких и очень широких судна, он воздвиг на них

4 деревянную башню, гораздо более высокую, чем те, которые были выстроены неприятелями на мосту. Ему удалось раньше точно вымерить их, подослав туда некоторых из своих спутников, которые, по его указанию, конечно, пере-

5 ходили к варварам под видом перебежчиков. Затем он собрал на Тибре двести барж, укрепив их деревянными стенами и сделав в них отверстия вроде бойниц, чтобы

6 воинам можно было через них поражать неприятелей. Погрузив на эти баржи хлеб и другое продовольствие, он посадил на них самых воинственных и смелых воинов. Остальное войско он поместил в укрепленных местах с той и с

7 другой стороны устья Тибра; он велел ему оставаться там, и если какие-либо отряды врагов пойдут на Порт, всеми силами отражать их. Велев Исааку принять начальство над Портом, он передал ему город, свою жену и все, что там было. При этом он ему приказал ни в коем случае не уходить оттуда, даже если бы он услышал, что Велизарий убит врагами, но неизменно сторожить это место для того, чтобы

если с ним произойдет что-либо неблагоприятное, он имел
8 бы место куда бежать и где спастись. Ведь другого укрепления
в этой местности в них не было, но все и повсюду было
9 враждебно им. Сам Велизарий, взойдя на одну из этих барж,
стал во главе этого похода и велел тащить те суда, на которых
10 он выстроил башню. Над башней он поместил маленькую
лодочку, наполнив ее смолой, серой, (резиновым) соком и всем
другим, что дает наиболее быструю и сильную пищу огню.
11 По другому берегу реки, который ведет из Порты в Рим
12 правой стороной, шел для поддержки отряд пехоты. Кроме
того, послав накануне к Бессу, он велел ему с наступлением
дня, выйдя с большим войском из города, держать в тревоге
13 лагерь врагов. Не раз уже Велизарий посылал ему и раньше
14 такие приказы. Но Бесс ни раньше, ни в этом сражении не
пожелал выполнить данное приказание. У него одного оста-
валось еще немного хлеба, так как из всего того хлеба, ко-
торый раньше еще прислали в Рим начальники Сицилии
с тем, чтобы его хватило для всего войска и всего народа,
Бесс народу дал очень мало, а большую часть его под благо-
видным предлогом сохранения для войска он спрятал; его-то
он и продавал сенаторам за большие деньги и поэтому меньше
всего хотел, чтобы была снята осада.

15 Велизарий и римский флот плыли с великим трудом, так
как им препятствовало противное течение. Готы нигде не
выходили против них, но спокойно оставались в своих укреп-
16 ленных лагерях. Когда римляне были уже близко от моста,
они встретились с отрядом врагов, которые с того и другого
берега были поставлены для охраны железной цепи, которую
незадолго перед этим Тотила тут протянул, с одного берега
Тибра до другого, чтобы врагам была отрезана всякая воз-
17 можность легко подойти к мосту. Римляне одних перестре-
ляли, других обратили в бегство, и, сняв цепь, быстро дви-
нулись к мосту. Когда они со всей поспешностью подошли
к нему, началось настоящее дело, и варвары защищались
18 с башен очень смело и упорно. С другой стороны, из их укреп-
ленных лагерей вышли варвары и бегом бросились к мосту.
Тогда Велизарий приказал подвинуть суда, на которых
у него была выстроена башня, возможно ближе к одной из

19 неприятельских башен, находившейся у самой дороги, ведшей в Порт, и возвышавшейся над водой, поджечь челнок и бросить его сверху на неприятельскую башню. Римляне так и сделали. Упав на башню, челнок тотчас зажег ее и, с ней сгорели и все готы, которых там было приблизительно двести
20 человек. С ними сгорел и их начальник Осдас, самый храбрый и воинственный из готов. Ободрившиеся римляне, поражая все сильнее и сильнее шедших из лагерей на помощь варваров, стали их уже гнать. Варвары, пораженные всем случившимся, повернули тыл и устремились в бегство, кто как мог. Римляне уже стояли у самого моста и собирались его тотчас разрушить, двигаться дальше и доставить в Рим
21 хлеб, так как никто им уже не противостоял. Но так как судьбе не было угодно, чтобы это так совершилось, то по воле какого-то злого демона произошел вот какой несчастный случай, * который погубил все дело.

22
23 Когда дела в войске находились в том положении, как я описал, некая молва о несчастьи римлян дошла до Порта, сообщая, что Велизарий победил, что цепь снята, причем погибли бывшие тут варвары и все прочее, как мной рассказано выше. Услыхав все это, Исаак никак не мог остаться спокойным, но ему страшно захотелось принять участие в этой славе. И презрев приказы Велизария, он со всей поспешностью двинулся на ту сторону реки.** Из тех воинов, которых там оставил Велизарий, он взял с собой сто всадников и с ними двинулся на укрепленный лагерь, которым командовал Родерих, человек опытный в военном деле. Напав неожиданно на находящиеся там варваров, он разбил их и некоторых из них, в том числе и Родериха, выехавшего против него (сделал небоеспособными). Готы, тотчас же бросив лагерь, удалились, подозревая, что отряд врагов под начальством Иоанна идет следом за ним, обманывая врагов, чтобы иметь возможность захватить их, как это потом и оказалось. Бывшие с Исааком, войдя в неприятельский лагерь, стали грабить серебро, которое там было, и осталь-

---

* Буквально: «каверза», «штука».

** Некоторые рукописи прибавляют: «там, где находится Остия».

29 ные богатства. Внезапно вернувшиеся готы многих из своих
противников убили, немногих оставшихся целыми вместе
с Исааком взяли живыми. Всадники, прискакавшие к Ве-
лизарию, сообщают ему, что Исаак находится во власти
30 врагов. Пораженный тем, что он услышал, и не расспросив,
каким образом Исаак взят в плен, но полагая, что Порт
и жена погибли, что все их дело погибло, зная, что нет дру-
гого укрепления, куда бы могли спастись те, которые бе-
жали, он потерял всякую возможность соображать, чего
31 раньше с ним никогда не бывало. Поэтому он со всей стреми-
тельностью повел войско назад, чтобы напасть на врагов,
находящихся еще, как он думал, в беспорядке, и чтобы вся-
кими способами сохранить себе это место. Так, ничего не
32 сделав, римское войско и удалилось оттуда. Прибыв в Порт,
Велизарий узнал о безумном поступке Исаака и понял, что
нечего ему было так сильно беспокоиться. Тяжко страда-
я от такого противодействия судьбы, он сильно захворал.
33 Его охватила горячка и долгое время сильно мучила его,
так что жизнь его была в опасности. Два дня спустя Родериху
суждено было умереть от полученной раны; Тотила, крайне
огорченный этим несчастьем, велел казнить Исаака.

1 20. Бесс, продавая хлеб все дороже и дороже, богател;
эти цены диктовала ему нужда голодающих. И весь погру-
зившись в эти заботы о продаже, он больше не обращал
внимания ни на охрану стен, ни на другие меры предосторож-
ности; солдатам, при желании, можно было бездельни-
чать, лишь очень немногие несли сторожевую службу по
2 стенам и при этом крайне небрежно. Те, кому приходилось
стоять на карауле, имели полную возможность спать, так
как над ними не было начальника, который обращал бы
на это внимание. Не было людей, которые, обходя кругом
все укрепления, как это обыкновенно делается, считали бы
нужным наблюдать, что делают сторожа. Кроме того, никто
3 из горожан не мог вместе с ними нести сторожевую службу:
их вообще осталось здесь мало, как я сказал раньше
(гл. 17, § 23 сл.), да и оставшиеся очень страдали от голода.

4 И вот четверо исавров, несшие караул у Азинарийских
ворот, выбрав тот момент ночи, когда бывшие с ними пре-

дались сну, а на них была возложена обязанность сторожить эту часть стены, спустили сверху стены веревку, которая доходила до земли, и, держась за нее обеими руками, оказались на той стороне укреплений и, прибыв к Тотиле, предложили ему принять в город его и войско готов: они утверждали, что могут это сделать без всякого труда. Тотила обещал оказать им великие милости, если они выполнят свои слова, и сделать их владельцами огромных богатств; вместе с ними он послал двоих, чтобы они осмотрели это место, о котором эти люди говорили, что оно даст готам легкий доступ в город. Когда они подошли к стене, то, схватившись за веревки, поднялись на укрепления, причем никто их не окликнул, никто даже не заметил, что они делают. Когда все это так произошло, исавры стали показывать варварам, что при их желании войти в город им ничего не помешает, а если они хотят вернуться назад, то им предоставляется для этого полная возможность, так как никто не стоит им на пути; велел все это передать Тотиле, они отпустили их. Когда Тотила все это услышал, он обрадовался этому известию, но даже и в этом случае, питая некоторое недоверие к исаврам, он не считал возможным очень положиться на них. Немного дней спустя эти люди опять пришли к нему, приглашая приступить к делу. А с ними послал двух других с тем, чтобы и они все точно высмотрели и донесли ему. Вернувшись к нему, и эти сообщили ему то же, что и первые. В это время большой отряд римских воинов, посланных для разведки, недалеко от города встретил по дороге десятых гот. Они взяли их в плен и тотчас же привели к Бессу. Он стал допрашивать варваров, что замышляет Тотила? Готы сказали, что он надеется, что какие-то исавры сдадут ему город и что слух об этом распространился среди многих варваров. Услыхав даже такое заявление, Бесс и Конон сочли все это пустяками и не придали ему никакого значения. Наконец, исавры в третий раз явились к Тотиле, побуждая его приступить к делу. Он послал с ними еще раз других лиц и кого-то из близких родственников, которые, вернувшись и доложив ему все, побудили его приступить к делу.

14 Как только наступила ночь, вооружив тихо все войско, Тотила повел его к Азинарийским воротам. Он велел четырем готам, наиболее выдающимся по храбрости и силе, вместе с исаврами подняться по веревкам на верх стены, конечно, в тот момент ночи, когда на долю этих исавров выпало нести караул на этой части стены, так как остальные в свою очередь отправились спать. Когда готы оказались внутри укрепления, они спустились к Азинарийским воротам, не встречая никакого противодействия, и топорами разрубили деревянный запор, который обыкновенно вкладывался в (углубления) стены с той и другой стороны и этим запирали ворота, а также и все железные запоры, вкладывая куда ключи, сторожа всегда могут запирать ворота и по желанию отпирать. Раскрыв таким образом, ворота, как и желали, они без всякого труда впустили в город Тотилу и все войско готов (17 декабря 546 г.). Тотила, отведя его в одно место, не позволил ему расходиться в разные стороны; он все еще боялся, нет ли какой-нибудь засады со стороны врагов.

17 Когда в городе, как и естественно, поднялись смятение и шум, большинство римских солдат бежало через другие ворота вместе со своими начальниками, кто как только мог, немногие из них с остальными римлянами бежали в храмы.

18 Из патрициев Деций и Василий с некоторыми другими (у них были еще кони) смогли бежать с Бессом.¹⁹ Максим же, Олибрий, Орест и некоторые другие бежали в храм апостола Петра. Из простого народа во всем городе осталось всего пятьсот человек, которые с трудом скрылись по храмам.

20 Из остальных же одни уже раньше ушли из города и разошлись по другим странам, другие, как мною сказано раньше, погибли от голода (гл. 17, § 9). Хотя Тотиле ночью многие сообщали, что Бесс и все неприятели бежали, но он, говоря, что они сообщают ему приятные вещи, все же не позволял преследовать их: «Что,— говорил он,— может для человека быть приятнее, как не то, когда враги бегут?»

22 Когда наступил день и уже нельзя было подозревать какую-либо засаду, Тотила отправился в храм апостола Петра с тем, чтобы там помолиться, готы же избивали тех, кто попадался им навстречу. Было убито таким образом

23

двадцать шесть солдат и шестьдесят человек из народа. Когда Тотила прибыл в храм, перед ним предстал Пелагий, держа в руках священное для христиан евангелие и всячески умоляя его, сказал: «Пощади своих людей, о владыка!» Он же с насмешкой и высокомерием ответил ему: «Что же, Пелагий, ты теперь пришел, чтобы умолять меня?» «Да,— сказал Пелагий,— когда бог повелел, чтобы я был твоим рабом. Но хотя бы рабов своих, владыка, пощади в дальнейшем». Тотила принял его такое моление и запретил в дальнейшем готам убивать кого бы то ни было из римлян. Из ценностей он велел самое дорогое отобрать для себя, все же остальное позволил грабить, как они хотят. Много богатства нашел он в домах патрициев, но, особенно много, где было логово Бесса; этот проклятый демон бессовестно собрал для Тотилы груды золота за хлеб, эту цену голода. Таким образом пришлось остальным римлянам и римским сенаторам, а наряду с ними также и Рустициане, бывшей жене покойного Боэция и дочери Симмаха, которая всегда раздавала свои богатства нуждающимся, жить одетыми в рубище рабов или крестьян и выпрашивать у врагов хлеба или чего другого, что нужно для человека. Ходя из дома в дом и стучась в двери, они просили подаяния, не считая это для себя позором. Готы настойчиво требовали казни Рустицианы, обвиняя ее в том, что, подкупив деньгами начальников римского войска, она разрушала статуи Теодориха, мстя этим за убийство отца своего Симмаха и своего мужа Боэция. Но Тотила не позволил причинить ей зла; как ее, так и остальных он охранял от оскорблений, хотя готы очень хотели сделать их своими наложницами. Поэтому ни одной из них не пришлось испытать физического насилия, ни мужней жене, ни девушке, ни вдове; за это Тотила получил великую славу выдержанности.

1 21. На следующий день, созвав всех готов на собрание, Тотила сказал следующее: «Я пригласил вас сюда, мои сотоварищи по оружию, не для того, чтобы произнести перед вами речь с какими-либо новыми увещаниями и советами, неизвестными вам, но чтобы сказать вам то, что я лично не раз говорил вам, что вы охотно выслушивали и что при-

2 несло нам великие блага. Не отнеситесь же поэтому к насто-
3 ящему моему увещанию, как к ничему не стоящему. Не может
получиться пресыщения от слов, ведущих к благополучию,
если даже кому покажется, что он тяготится многословием:
ведь не стоит отказываться от блага, проистекающего из
4 них. Я утверждаю, что еще недавно, когда у нас было двести
тысяч собранных вместе воинственных бойцов, когда были
у нас огромные богатства, было такое изобилие оружия
и коней, какого только можно было пожелать, было большое
количество разумнейших старейшин (а это для воюющих
является вещь крайне полезной), имея все это, мы были
5 побеждены семью тысячами греков, потеряли власть и все
остальное позорнейшим образом. Теперь же нам, доведен-
ным до ничтожного числа, голым и жалким и неопытным
во всем, удалось победить врагов, которых было больше
6 двадцати тысяч. Говоря кратко, вот все, что было. А причину
всего, что случилось, я вам, хоть вы это и сами знаете, сей-
час укажу: дело в том, что прежде готы, меньше всех других
людей обращавшие внимание на справедливость, и по отно-
шению друг к другу и по отношению к своим подданным,
римлянам, совершали много безбожного; вполне естественно;
7 что бог, разгневанный этим, вместе с нашими врагами пшел
на них войною. И поэтому-то мы, и числом, и доблестью,
и всем остальным военным снаряжением намного превос-
сходившие своих противников, все же были побеждены не-
коей таинственной и менее всего постижимой силой. Итак,
сохранить добытые блага зависит от вас от самих, если, ко-
8 нечно, вы сохраните свою справедливость. Если же вы этому
измените и станете другими, то и со стороны бога тотчас все
9 станет вам враждебным. Ведь на войне он помогает не какому-
либо определенному роду людей, не природным качествам
того или другого племени, но тем, кто больше других чтит
слово справедливости. Для него нет никакого труда полу-
10 ченные вами блага перенести на других. Для человека в мыс-
лях должно быть только одно: «да не совершит он неправды»;
11 для бога же все является возможным и совершимым. Поэтому
я утверждаю, что вам следует всячески придерживаться
справедливости и по отношению друг к другу и по

отношению к своим подданным. А это значит то же, что сказать — сохранять навсегда счастливую жизнь».

12. Вот что сказал Тотила готам. Затем, созвав римских сенаторов, он много упрекал их и наговорил им много обидных слов за то, что они, несмотря на то, что действительно видели много хорошего от Теодориха и Аталариха, всегда привлекались ими к исполнению всех важнейших должностей и к участию в государственном управлении, награждались великими богатствами, все же враждебно относились по своему неразумию к своим благодетелям, готам, на собственное несчастье решились на отпадение, чего они никогда не должны были делать, и призвали греков на свою родину, 13. внезапно став своими же собственными предателями. Он стал их спрашивать, какое зло они когда-либо испытали 14. от готов? Затем он заставлял их сказать, что хорошего видели они от императора Юстиниана? Он сам перечислял по порядку все: право занимать почти все высшие должности он у них отнял, так называемым логофетам дал над ними право телесного наказания, требуя у них отчетов за все то управление, которое им было поручено при готах; наконец, всеми правдами и неправдами их заставляли платить грекам государственные налоги во время войны, ничуть не меньшие, чем во время мира. В своей речи он упомянул еще о многом другом, в чем свойственно раздраженному владыке упре- 15. кать своих поработанных слуг. Наконец, показав им Геродиана и предавших ему город исавров, он сказал: «Вы, выросшие и воспитавшиеся вместе с готами, до этого дня не хотели нам дать даже самого пустого места, эти же впустили 16. нас в самый Рим и Сполецию. Поэтому вы будете на положении рабов, эти же, будучи друзьями готов, естественно, став им близкими, будут в дальнейшем нести те должности, 17. которые вы несли прежде». Слушая это, патриции хранили молчание. Только Пелагий не переставал умолять Тотилу за людей, павших с высоты и находящихся в бедствиях, пока он, обещав оказать им милосердие, не отпустил их.

18. Затем он послал Пелагия и одного из римских риторов, по имени Феодора, послами к императору Юстиниану, связав их самыми страшными клятвами, что они будут дейст-

19 вовать в его пользу и будут стараться возможно скорее
20 вернуться в Италию. Он поручил им всеми силами добиваться
мира у императора, чтобы он не был принужден, уничтожив
до основания весь Рим и погубив всех сенаторов, перенести
21 войну в Иллирию. Он написал и письмо императору Юсти-
ниану. Ведь император уже слышал о том, что произошло
в Италии. Когда пришли к нему послы от Тотилы, они со-
22 общили ему, что поручил им Тотила, и вручили ему письмо.
Оно гласило следующее: «Что произошло в городе Риме,
23 так как, я думаю, ты все знаешь, я решил обойти молчанием.
А чего ради я отправил к тебе этих послов, ты сейчас узнаешь.
Мы просим тебя извлечь из этого мира для себя все самое
24 лучшее и нам дать то же. Памятником и примером этого мы
имеем договор между Анастасием и Теодорихом, которые
царствовали не так уж давно и все время своего царствования
25 наполнили миром и благополучием. Если бы ты пожелал
сделать то же самое, то, конечно, ты был бы для меня отцом
и имел бы в нас на все остальное время союзников, против
кого бы ни пожелал». Когда император Юстиниан ознакомился
с доставленными ему письмами и выслушал все речи послов,
он тотчас же отослал их назад, ответив им только одно,
а равно написав и Тотиле, что полномочным предводителем
в этой войне является Велизарий, поэтому он имеет право
обо всем этом договариваться с Тотилой, как он найдет
нужным.

1 **22.** В то время как эти послы отправляются в Византию
и потом назад в Италию, вот что произошло в области лука-
2 нов. Собрав местных крестьян, Туллиан сторожил дорогу
в эту страну, бывшую очень узкой, с тем чтобы враги не
3 могли войти в Луканскую область и причинить ей разорение.
Вместе с ним сторожили триста антов, которых еще раньше
оставил тут Иоанн по просьбе Туллиана; эти варвары лучше
всех других умели сражаться в гористых и трудных местах.
4 Когда об этом узнал Тотила, он решил, что посылать готов
на это дело бесполезно, но, собрав толпу крестьян и прислав
к ним нескольких, очень немногих, готов, он велел им всеми
5 силами попытаться взять теснины. Когда они столкнулись
друг с другом, между ними произошел сильный бой; анты

благодаря своей доблести, так как к тому же им благоприятствовала гористость места, вместе с крестьянами Туллиана обратили врагов в бегство, произведя большое избиение.

6 Узнав об этом, Тотила решил разрушить Рим до основания и, оставив тут большую часть войска, с остальной итти

7 против Иоанна и луканцев. Во многих местах он разрушил стены укреплений, так что эти разрушения составляли почти третью часть. Он собирался сжечь самые красивые и самые знаменитые здания и сделать Рим пастбищем для овец. Но узнав об этом, Велизарий отправил к нему послов с письмами. Явившись к Тотиле, они сказали, ради чего они пришли к нему, и вручили ему письмо. Содержание его было таково: «Насколько создавать новые украшения города есть дело и особенность людей разумных и понимающих общественную жизнь, настолько уничтожать существующее свойственно людям глупым и не стыдящимся на позднейшее

9 время оставить эти приметные знаки своей <дикой> природы. Из всех городов, которые находятся под солнцем, Рим по единогласному признанию всех является самым большим

10 и самым замечательным. Он создан не доблестными силами одного человека и не мощь короткого времени довела его до такой величины и красоты: целый ряд царей и императоров, целые большие союзы и совместный труд выдающихся людей, долгий ряд лет и наличие неисчислимых богатств, все, что есть только замечательного на земле,— все это собрали они сюда и особенно людей опытных в искусстве

11 и строительстве. Таким образом, создавая мало-помалу этот чудесный город, который ты видишь, они оставили

12 потомкам памятники доблести всех поколений. Так что всякое насилие, совершенное против них, будет считаться великим преступлением против людей всех веков, и правильно: это ведь лишит прежние поколения памяти об их доблести, а тех, кто будет после них, радости созерцания

13 этих творений. При таком положении дел твердо знай следующее. Неизбежно должно произойти одно из двух: или ты будешь побежден императором в этой войне, или, если это случится, ты одолеешь. Так вот, если ты победишь, то, разрушив Рим, ты уничтожишь, любезнейший, не чье-либо

чужое, а свое собственное достояние; сохранив его, ты обогатишься богатством, естественно, из всех самым прекраснейшим. Если же для тебя суждено исполниться более тяжелой судьбе, то, сохранив невредимым Рим, ты сохранишь себе со стороны победителя великую признательность; если же ты его погубишь, не будет уже смысла говорить о милосердии. Прибавь, что от этого дела тебе не будет никакой пользы. А затем среди всех людей сохранится за тобой слава, достойная твоего дела: она готова произнести свое решение над тобой и в ту и в другую сторону. Каковы бывают дела правителей, такое по необходимости им присваивается и имя». Вот что написал Велизарий. Тотила не раз прочитал это письмо и с вниманием изучил все его наставление. Он понял его справедливость и уже больше ничего не делал во вред Риму. Сообщив Велизарию свое решение, он тотчас отпустил 5 послов. Оставив большую часть войска недалеко от Рима, он поместил его в лагерь, стадиях в ста двадцати к западу, в местечке Алгедоне, и велел ему спокойно там оставаться; это он сделал для того, чтобы не дать возможности Велизарию и его войскам двинуться куда-либо из Порты. Сам же он 9 с остальным войском двинулся против Иоанна и луканцев. Из римлян он держал при себе сенаторов, всех же остальных с женами и детьми он отослал в кампанские местности, в Риме же он не оставил ни одного человека, сделав его совершенно безлюдным.

20 Узнав, что Тотила идет на него, Иоанн не считая возможным оставаться в Апулии, он быстро двинулся к Дриунту (Гидрунту). Из патрициев те, которые были отправлены в Кампанию, послав в Луканию некоторых доверенных людей, согласно желанию Тотилы, велели своим крестьянам не принимать участия в том, что там делается, и возделывать поля, как они привыкли. Они объявили, что за это им будут всякие блага от хозяев. * Тогда они ушли из римского войска 21 и спокойно сидели на своих полях. Туллиан бежал, а триста 22 антов решили удалиться к Иоанну. Таким образом, все места по Ионийскому заливу, кроме Дриунта (Гидрунта),

---

* Другое чтение (у Диндорфа): «что они снова станут их хозяевами».

опять оказались во власти готов и Тотилы. Варвары осмелели и, разбившись на маленькие отряды, кругом обходили
23 все эти места. Узнав об этом, Иоанн послал на них многих
из своих воинов. Напав неожиданно на врагов, они многих
24 из них убили. Испугавшись этого, Тотила собрал всех бывших с ним вместе и оставался спокойным, став лагерем у горы Гарганы, находящейся посредине Апулии, в бывшем укрепленном лагере Ганнибала, вождя ливийцев.

1 **23.** В это время один из тех, которые вместе с Кононом бежали из Рима, когда город был взят, по имени Мартиниан, родом из Византии, придя к Велизарию, просил у него разрешения отправиться, разумеется фиктивно, под видом перебежчика, к врагам, обещая, что он сделает много хорошего для римлян. Когда Велизарий дал ему на это согласие, он ушел туда. Увидав его, Тотила очень обрадовался.
2 Он и слышал, и сам часто видел, что молодой человек отличается удивительным искусством в единоборстве. В числе пленных была его жена и двое детей. Жену и одного ребенка Тотила тотчас отдал ему, второго же оставил в качестве заложника и вместе с несколькими другими отправил его
3 в Сполеций. Когда Геродиан сдался и готы взяли Сполеций, то все укрепления города они снесли до самого основания; здание для травли зверей, которое обычно называют амфитеатром, находящееся перед городом, тщательно заложив все входы, они заняли гарнизоном из готов и римских перебежчиков с тем, чтобы они охраняли здешние места. <Придя
4 в Сполеций и привлеки на свою сторону человек пятнадцать воинов>, Мартиниан стал убеждать их совершить какой-нибудь славный подвиг против варваров и таким
5 образом вернуться в римский лагерь. Послав нескольких <из своих доверенных> также и к начальнику гарнизона в Перузии, он велел ему возможно скорее послать свое войско
6 к Сполецию, открыв ему весь свой замысел. Начальником в Перузии был в это время гунн Одолган, так как Киприан, как мною рассказано выше (гл. 12, § 20), одним из своих телохранителей был предательски убит. Он сейчас же двинулся
7 с войском к Сполецию. Когда Мартиниан заметил, что это войско находится близко, то вместе с пятнадцатью воинами

[столько их он смог привлечь на свою сторону] он внезапно убивает начальника гарнизона и, раскрыв ворота, принимает всех римлян в укрепленное место. Они избивают большинство врагов, а некоторых, взятых живыми, отводят к Велизарю.

8 Немного времени спустя у Велизария явилась мысль отправиться в Рим и самому посмотреть, до какого разрушения он дошел. Отобрав тысячу воинов, он пошел туда. Тогда какой-то римлянин, бросившись бегом к врагам, которые стояли лагерем в Алгедоне, объявил им, что явилось
10 войско Велизария. Варвары устроили засаду недалеко от Рима и, когда увидели близко от себя Велизария и его воинов, выскочили из засады и набросились на них. Произошел
11 упорный бой, но со своей обычной доблестью римляне обратили в бегство неприятеля и, убив очень многих, тотчас ушли в Порт. Вот что там происходило тогда.

12 В Калабрии есть приморский город, по имени Тарент, отстоящий от Дриунта (Гидрунта) приблизительно на два
13 дня пути по дороге, которая ведет к Фуриям и к Регию. По приглашению тарентинцев туда прибыл Иоанн с небольшим отрядом, оставив остальных в Дриунте (Гидрунте)
14 в качестве сторожевого отряда. Увидя, что город очень велик, но совершенно не укреплен, он решил, что охранять его весь он никоим образом не может. Но он заметил, что в северной части города вокруг очень узкого места с двух сторон море образует залив, который для тарентинцев является гаванью, и что перешеек, занимающий середину между за-
15 ливами, в ширину имеет не меньше двадцати стадий. Тогда Иоанн придумал следующее. Отрезав от остального города часть, образующую этот перешеек, он укрепил его стеной, идущей от одного берега моря до другого, и перед укреплением вырыл глубокий ров. Сюда он собрал не только одних тарентинцев, но и всех тех, которые жили в этой местности,
16 и оставил им, таким образом, значительный гарнизон. Благодаря этому все калабрийцы, оказавшись в безопасности,
17 решились отпасть от готв. Вот как шли дела здесь. Тотила, взяв в области луканов очень сильное укрепление, находящееся недалеко от границ Калабрии, которое римляне
18

называют Ахеронтидою, и поставив там гарнизон не менее чем из четырехсот человек, сам с другим войском двинулся на Равенну, оставив несколько (небольших отрядов) варваров в местностях Кампании, на которых было возложено поручение сторожить римлян, бывших там из числа римских сенаторов.

1   24. Тут у Велизария явился смелый план, акт прѳзорливой мудрости, который сначала показался безумным для тех, которые в первый раз услышали о нем и увидели приготовления к его осуществлению; в результате это оказалось делом высокой доблести и имело чрезвычайно важное значение. Оставив несколько немногочисленных отрядов воинов для охраны Порта, сам он с остальным войском двинулся в Рим, всеми силами стремясь опять завладеть им. Так как он в короткое время не был в состоянии вновь выстроить то, что из укреплений разрушил Тотила, то он сделал следующее. 4 Камни, которые были поблизости, он свез вместе и навалил одни на другие в беспорядке, без всякой внутренней связи; ведь у него не было под рукой ни извести, ни чего-либо подобного; но для того, чтобы придать всему этому только вид крепкого сооружения, он с внешней стороны набил 5 большое количество кольев. Там оставались еще и глубокие рвы вокруг всех стен, которые он вырыл раньше, как это мною было рассказано в предшествующих книгах. После того как все войско с большим рвением проработало над этим в продолжение двадцати пяти дней, оно таким образом 7 заделало все места в стенах, которые были разрушены. Из римлян, которые жили по окружным местам, многие собрались сюда, как руководимые желанием жить в Риме, так и потому, что, страдая до сих пор от недостатка в продовольствии, они нашли там большие запасы, которые сумел сделать Велизарий, доставив в город по реке очень много судов, наполненных всем необходимым.

8   Когда Тотила услышал об этом, то, тотчас же поднявшись всем войском, он пошел на Велизария и на Рим. Велизарий к этому времени еще не сумел приделать ворот к укреплениям; их все уничтожил Тотила, и Велизарий в виду недостатка в мастерах не успел их сделать. Когда войско варва-

ров подошло близко, то они провели ночь, став лагерем на берегу реки Тибра, а на следующий день, с восходом солнца, охваченные воодушевлением, с большим шумом
11 двинулись к стене. Выбрав самых храбрых и воинственных, Велизарий поставил их вместо ворот, а остальным велел
12 отражать наступление врагов сверху, со стен, из всех сил. Таким образом, произошел упорный бой. Вначале варвары
надеялись, что возьмут город при первом же натиске, одним, можно сказать, криком; когда же дело показало им обратное
и римляне защищались мужественно, то, охваченные гневом, готы стали напирать на неприятелей: самый гнев толкал их
13 на смелые действия, превышавшие их силы. Римляне, вопреки всякому ожиданию, твердо выдерживали их нападение, так как самая опасность естественно внушала им
14 решимость. В конце концов произошло огромное избиение варваров, поражаемых сверху; и та и другая сторона были охвачены утомлением от продолжительной и тяжелой битвы,
15 которая, начавшись рано утром, закончилась только к ночи. После этого варвары, уйдя в свой лагерь, провели там ночь, залечивая полученные раны, из римлян же одни несли караул на укреплениях, другие же, наиболее выдающиеся по
своей храбрости, посменно сторожили ворота, положив перед собой много триболов (капканов), чтобы враги не
16 могли напасть на них неожиданно. Эти триболы были следующего вида. Соединив края четырех остроконечных кольев, по возможности одинаковой длины, их со всех сторон делают в виде прямоугольного треугольника и разбрасывают по
17 всюду по земле. Таким образом, три кола очень крепко лежат на земле, а один, поднимаясь кверху, является всегда помехой и для людей и для коней. Если кто-либо покатит такой
18 трибол, то кол, торчащий кверху, ложится на землю, а другой, вместо него поднявшись кверху, мешает двигаться. Такого-то вида эти триболы. Так каждая сторона проводила ночь после битвы.

19 На следующий день Тотила вновь со всем войском решил сделать нападение на стены Рима, римляне же защищались так же, как было указано раньше. Оказавшись победителями в этом столкновении, они осмелились выйти против врагов

20 за стены. Варвары стали уступать; некоторые из римлян
в пылу преследования оказались далеко от стен. Варвары
собирались окружить их, чтобы не дать им возможности
вернуться в город. Но Велизарий — он уже заметил, что
21 делается, — послав большой отряд из числа окружавших
его, смог спасти этих людей. Так отбитые и на этот раз от
стен Рима, варвары удалились, потеряв многих храбрей-
22 ших убитыми, а многих уведя к себе в лагерь ранеными.
Там они оставались (несколько дней) спокойно, залечивая
свои раны, приводя в порядок оружие (у них уже много
было попорчено) и заготавливая другое. Через много дней
23 они опять двинулись, собираясь штурмовать стены. Рим-
ляне вышли им навстречу и вступили в рукопашный бой.
Знаменосец Тотилы, получив смертельную рану, упал с коня
24 и уронил знамя. Те римляне, которые сражались в первых
рядах, бросились, чтобы унести знамя и труп знаменосца.
Но наиболее храбрые из варваров успели схватить знамя
25 и, отрубив у убитого левую руку, унесли с собой. Дело в том,
что убитый носил на этой руке очень ценный золотой браслет,
и варвары совсем не хотели, чтобы их враги хвалились им;
26 конечно, для варваров было бы позором такое дело. Таким
образом, войско варваров беспорядочно стало отступать,
римляне же сняли доспехи с тела (знаменосца) и, преследуя
усиленно врагов, многих убили, сами же возвратились в
город, не понеся ни малейшего урона.

27 Наиболее влиятельные из готов, придя к Тотиле, поно-
сили его и резко упрекали его за непредусмотрительность
и за то, что, взяв Рим, он не разрушил его до основания так,
чтобы врагам нельзя было уже никогда его захватить. Они
обвиняли его в том, что он не удержал Рим в своей власти,
и сделанное ими с большим трудом и потерей времени по-
28 гублено им ни за что. Ведь людям уже так свойственно свои
суждения ставить в зависимость от результатов поступков
и дел, и мысли свои пускать по течению счастья, с измене-
'29 нием его делая внезапные перемены и в своих оценках. По-
этому-то готы, пока счастье покровительствовало предпри-
ятиям Тотилы, благоговели перед ним; как перед богом,
называя его непобедимым и неодолимым, когда он <прика-

звал) частично разрушать стены взятых городов; когда же его постигла неудача, как сейчас сказано, они не считали недостойным для себя поносить его, забыв то, что недавно еще говорили о нем, и без всякого колебания говоря противоположное. Но при всех подобных обстоятельствах невозможно, чтобы всегда были в них виновны люди, так как в силу своей природы им свойственно ошибаться и грешить. Сняв осаду, Тотила и варвары отцравились к городу Тибуру, разрушив почти все мосты на Тибре, чтобы римляне не могли легко на них нападать. Один только мост, называвшийся Мульвийским, они никак не могли разрушить, так как он был очень близко от города. Они решили из всех сил стараться восстановить укрепление Тибура, так как прежде они его разрушили. Сложив сюда все свои богатства, они держались спокойно. Теперь Велизарий с гораздо большей безопасностью мог приделать со всех сторон ворота к укреплению Рима и, сделав на них железные запоры, вновь послал от них ключи императору. Между тем кончилась зима, а с ней окончился и двенадцатый год войны (546—547), которую описал Прокопий.

1   25. Много раньше Тотила послал войско против Перузии, с тем, чтобы готы, став лагерем вокруг укреплений города, бдительно и со всей тщательностью осаждали находящихся там римлян. Так как стало заметно, что у осажденных уже нехватает продовольствия, то отправленные туда люди стали просить Тотилу явиться к ним со всем войском, думая, что таким образом им будет легче и безопаснее взять Перузию и находящихся там римлян. Видя, что варвары не очень охотно выполняют приказания, Тотила пожелал произнести перед ними речь с увещанием. Поэтому, созвав их всех, он сказал следующее: «Видя, что вы, мои сотоварищи по оружию, неправильно сердитесь на меня, негодуя на случившийся несчастный поворот судьбы, я решил теперь созвать вас, чтобы, заставив вас отказаться от совершенно неправильного мнения, я мог дать вашим мыслям лучшее направление, чтобы вы поняли, что вам не следует совершенно неподобающим для вас образом быть мною недовольными и по глупости выражать свое недовольство богом. Что человеческие

2
3
4
5

дела иногда терпят неудачу, это вполне естественно; но всякий, кто, будучи человеком, проявляет по отношению к выпадающим на его долю несчастьям нетерпение, сам, без сомнения, прослышет глупцом, но не устранит этим ничего, что должно совершиться из назначенного ему судьбой.

6 Я хочу вам напомнить некоторые из предшествующих событий не столько для того, чтобы оправдаться в том, что случилось теперь, сколько для того, чтобы показать, что вину

7 за это справедливее возложить на вас самих. * В самом начале этой войны, еще только приступая к ней, Витигис разрушил стены Фана и Пизавра, двух приморских городов, Рим же и все другие города Италии он пощадил, не сделал

8 им никакого вреда. От Фана и Пизавра ничего плохого готам не произошло, от стен же Рима и других укреплений, как вы сами знаете, для готов и Витигиса произошли все

9 тогдашние их несчастья. И я лично, когда принял данную вами мне власть, решил следовать в своих поступках тому, что казалось мне лучшим, а не подражать тому, что причинило нам позор, ** и действсвать во вред нашему делу.

10 Ведь по своей природе люди, повидимому, ничем сильно не отличаются друг от друга, но опыт, став учителем, делает научившегося более сильным во всем, чем те, кто не соприкоснулся с этим учением. Поэтому, когда мы взяли Беневент

11 и разрушили его стены, то точас же мы овладели и другими городами, стены которых мы точно так же разрушили, чтобы неприятельское войско, двигаясь от какого-либо укрепленного пункта, не могло всякими хитростями затягивать войну, но было бы принуждено тотчас же, выйдя на равнину,

12 вступить с нами в открытый бой. Но они убегали от нас,

13 я же приказывал разрушать стены взятых городов. И вы, удивляясь предусмотрительности, охотно склонялись к этой мысли, считая, что и естественно, это дело своим делом. Ведь тот, кто воздал хвалу сделавшему, тем самым становится

14 соучастником этого дела. Теперь же вы сами на себя

---

* По Науру; по другому чтению: «на других».

** Критически сомнительное место; другие разночтения дают перевод: «которые легко выполнимы»; «чем в зависимости от возможного» и т. д.

стали непохожи, милейшие готы, когда случилось, что Велизарий одержал победу сверх всякого вероятия, решившись на поступок, превышающий своей безумной дерзостью все, что он когда-либо решался сделать, и поэтому вы пришли в остолбенение, пораженные этим и считая храбростью

15 поступки этого человека. Конечно, тех, кто проявляет безумную дерзость, скорее называют благородно храбрым, чем проявляющих предусмотрительную осторожность — разумно медлительными. Дерзнувший совершить выходящее вон из обычных понятий деяние почтен славой кажущейся энергии; а тот, кто при опасности предусмотрительно медлит, если он потерпит неудачу, то на него возлагается вина за случившееся, а если он сделает согласно своему плану, то неискушенным в таких делах кажется, что он ничего

16 не сделал. И кроме того, сердясь на меня, вы не отдаете себе отчета в том, из-за чего вы стали негодовать на меня. Или вы думаете, что Велизарий так уж прославился благодаря своему успеху над вами, которые, быв его военнопленными и беглыми рабами, под моим лишь водительством сами подняли против него оружие и смогли на войне не раз

17 нанести ему поражение? А ведь если вам удалось все это совершить благодаря моей доблести, то вам бы следовало молчать, стыдясь говорить о последней неудаче, на человеческих несчастиях научившись понимать, что в жизни ничего не остается неизменным. Если же некая счастливая судьба позволила вам на поле брани обрести эту силу, то для вас будет полезнее с почтением относиться к ней, чем отзываться с неуважением и резкостью, чтобы, лишившись

18 ее милостей, вам не пришлось переучиваться и в другой раз более почтительно к ней относиться. Разве не кажется несовместимым с каким бы то ни было благоразумием, получив не так давно много великих благодеяний, а сейчас, потерпев столь незначительную неудачу, стать рабами своего

19 нетерпения и сомнения. Ведь это не что иное, как отрипать и не признавать себя за людей. Ведь никогда не терпеть неудач свойственно одному только богу. Поэтому я полагаю, что вам следует, откинув такие мысли, со всем рвением итти против врагов в Перузии. Если вы сможете их захватить,

20 вновь вернется к вам счастье в ваших предприятиях. Ведь то, что уже произошло, сама вечность не может сделать, чтобы оно не было сделанным; но если для потерпевших неудачу вновь появляется возможность счастливого выполнения дела, то сглаживается память о понесенных несчастьях.

21 Завоевание же Перузии для вас не представит никаких трудностей. Киприан, который был начальником находящихся там римлян, волей судьбы и благодаря нашей предусмотрительности устранен (и уже не существует); вся их толпа, безначальная и нуждающаяся в самом необходимом, менее

22 всего может проявить доблесть. И с тыла нам никто не может причинить вреда: ведь из-за этого я решил уничтожить все мосты, чтобы нам не потерпеть от неожиданного нападения. Велизарий и Иоанн относятся друг к другу с подозрением и недоброжелательством, что можно видеть из всего,

23 что произошло. Их мысли, друг другу враждебные, уличаются их же собственными действиями. Ведь до этого времени они не могли объединить свои силы. У каждого висит на шее и поднимает его на дыбы друг против друга взаимное недоверие. Раз оно закралось в их души, то необходимо будут

24 жить там и зависть и вражда. А раз между ними установились такие отношения, то им невозможно что-либо сделать, что по ходу дел они сделать должны бы». Сказав это, Тотила повел войско к Перузии. Прибыв туда, они стали лагерем около самых укреплений, окружили их и приступили к осаде.

1 26. В то время как это происходило здесь, у Иоанна безрезультатно осаждавшего крепость Ахеронтиду, явилась дерзкая мысль, которая принесла спасение римскому сенату, а ему самому среди всех людей смогла создать великую, можно сказать, сверхестественную славу. Услыхав, что Тотила и войско готов ушло осаждать стены Рима, он, отобрав, цвет конницы, самых прославленных храбростью всадников, никому не сказав ни слова, двинулся в Кампанию, не оставившаяся ни днем, ни ночью. Здесь Тотила, уходя, оставил римских сенаторов. У Иоанна была цель — внезапным падением похитить и спасти из рук врагов членов римского

3 сената, так как тамошние города были все без укреплений. В это же время случилось, что Тотила, боясь, как это и про-

изошло на самом деле, как бы кто-либо из неприятелей; сделав нападение, не захватил пленников, отправил в Кампанию конное войско. Когда они дошли до города Минтурны, им показалось лучшим остаться там и спокойно дать отдохнуть и выправиться коням (во время этого пути им пришлось встретиться с большими трудностями и утомлением), нескольких же человек послать в Капую, чтобы осмотреть места, находящиеся вокруг нее. Да и расстояние, думали они, между ними не больше трехсот стадий. Они послали для этой разведки четыреста человек, у которых лошади были еще крепкими, и сами они не были очень утомлены. Случайно произошло, что в тот же день, в одно и то же время в Капую вошли и войско, бывшее с Иоанном, и эти четыреста всадников варваров, хотя ни те, ни другие раньше не слыхали друг о друге. Внезапно завязалась ожесточенная битва: они сразу вступили в рукопашный бой. Победа осталась за римлянами, и они тотчас же убили большинство неприятелей. Немногие из варваров смогли бежать и примчались во весь опор в Минтурну. Увидя их покрытыми кровью (у некоторых в теле еще торчали стрелы и копья, а иные не могли сказать ни слова, ни рассказать о постигшей их неудаче, но были лишь охвачены стремлением бежать и всем своим видом обличали страх), остальные всадники готов, тотчас вскочив на своих коней, бежали вместе с ними. Прибыв к Тотиле, они объявили, что врагов пришло несметное число; ясно, что этим сообщением они стремились прикрыть стыд своего бегства. Были тут и римские солдаты, не меньше семидесяти, из числа тех, которые прежде перешли на сторону готов; они уже раньше были в Кампании и теперь решили примкнуть к Иоанну. Сенаторов Иоанн нашел здесь мало, но жен их почти всех. По взятии Рима большинство мужчин бежало вместе с солдатами и прибыло в Порт, а женщинам всем пришлось попасть в плен. Однако Клементин, патриций, бежал в какой-то из находящихся там храмов, ни в коем случае не желая следовать за римским войском, так как, сдав Тотиле и готам укрепление, которое находилось рядом с Неаполем, естественно боялся гнева императора; Орест же, римский консул, находясь близко от этих

14 мест, вследствие недостатка коней против своей воли остался
здесь. Таким образом, римских сенаторов вместе с присоеди-
единившимися семьюдесятью воинами Иоанн тотчас отправил
в Сицилию.

15 Услыхав об этом, Тотила был в большой печали и решил
отомстить Иоанну за это дело. Он двинулся против него
с большею частью войска, оставив лишь часть под Перузией
16 ради несения сторожевой службы. Иоанн с бывшими при
нем войсками в числе тысячи человек стоял лагерем в Лука-
нии; послав предварительно вперед разведчиков, которые,
исследуя все пути, сторожили, как бы не явилось против них
17 неприятельское войско с враждебными целями. Имея это
в виду, уверенный что войско Иоанна не может сидеть
в лагере, не имея своих разведчиков, Тотила, оставив в сто-
роне обычные дороги, двинулся на них через высокие и об-
рывистые горы, которых там много; этого никто не мог бы
даже предположить, так как эти горы считаются неприступ-
18 ными. Поставленные здесь на страже воины, посланные
Иоанном, заметив, что войско неприятелей находится около
этих мест, ничего не разузнав об этом как следует, но, как
19 всегда бывает, испугавшись, бросились в римский лагерь.
Случилось, что варваров захватила тут ночь. Тотила, охва-
ченный сильным гневом, а не руководясь предусмотритель-
20 ным планом, пожал здесь плоды своего неразумия. Он
имел с собой войско, в десять раз превосходившее числен-
ностью врагов. Ясно, что для войска более сильного выгод-
нее сражаться открыто днем. Поэтому он должен был бы
итти против врагов на рассвете, чтобы в темноте они не
могли скрыться, чего он должен был больше всего остере-
гаться: ведь он мог, как на охоте, обложив облавой всех
врагов, тотчас же взять их живыми. Но он, уступая порыву
своего гнева, в непроглядную ночь двинулся на войско вра-
21 гов. Никто из войска Иоанна и не думал о сильном сопро-
тивлении; так как многие еще спали, но тем не менее готы
не могли захватить многих; большинство из римлян, вско-
22 чив, так как было еще темно, смогло скрыться. Оказавшись
за лагерем, они бегом бросились на горы, которых много
23 было поблизости. В их числе был сам Иоанн и Аруф, предво-

24 дитель эрулов. Из римлян погибло приблизительно сто
человек. С Иоанном был некто, по имени Гилакий, родом
25 армянин, начальник небольшого отряда армян. Этот Ги-
лакий не говорил по-гречески, не знал никакого другого
языка, ни латинского, ни готского, а умел говорить только
по-армянски. Несколько готов, встретившись с ним, стали
спрашивать, кто он такой? Они не хотели убивать каждого
попадающегося им на пути, боясь, как бы в такой ночной
схватке, что и естественно, им не пришлось бы губить друг
26 друга. Он ничего другого им ответить не мог, кроме того,
что он военачальник Гилакий. Он смог запомнить название
высокой должности, которую он получил от императора,
27 вследствие частого ее повторения. Поняв из этого, что он
является врагом, варвары в данный момент взяли его в плен
28 живым, но немного позднее убили * его. Иоанн же и Аруф
со всем своим войском бежали без оглядки и, таким образом,
достигли Дриунта (Гидрунта). Готы, разграбив римский
лагерь, удалились.

1 27. Таково было положение дел в Италии. Император
Юстиниан решил послать другое войско против готов и То-
тилы, побуждаемый к этому письмами Велизария: в них
2 Велизарий постоянно настаивал на этом, указывая на сло-
жение дел. Прежде всего он послал Пакурия, сына Пе-
рания, и Сергия, племянника Соломона¹¹, с небольшим от-
рядом. Прибыв в Италию, они сейчас же соединились с дру-
3 гим войском. Затем он посылает Вера с тремястами эрулов
и Варазу, родом армянина, с восьмьюстами (армянами);
затем он велел идти в Италию Валериану, начальнику войск
в Армении, сняв его оттуда с бывшими при нем копьенос-
4 цами и щитоносцами, больше тысячи человек. Вер первым
пристал к Дриунту (Гидрунту) и, оставив там корабли,
не захотел оставаться там, где был лагерь Иоанна, но с теми
5 всадниками, которые были у него, двинулся вперед. Это
был человек легкомысленный, постоянно страдающий за-
поем, и поэтому проявлявший всегда в пьяном виде необ-
6 думанную храбрость. Когда он подошел со своими войсками

---

* По-гречески буквально стоит: «вывели в расход».

близко к Брундузию, став лагерем, остановился там. Узнав об этом Тотила сказал: «Что-нибудь одно из двух: или Вер располагает большими силами, или охвачен большим безумием. Двинемся же сейчас возможно скорее на него, чтобы или испытать и разузнать его силы, или дать ему почувствовать результат его безумия». С этими словами Тотила, взяв большое войско, двинулся против него. Эрулы, увидя приближавшихся уже неприятелей, бежали в находящийся в близости лес. Враги, окружив их, убили из них более двухсот человек; они собирались захватить и самого Вера и оставшихся римских воинов, скрывавшихся в зарослях аканта, но по воле какой-то судьбы им, сверх ожидания, удалось спастись. Дело в том, что неожиданно к этому берегу пристали корабли, на которых плыл Вараза со своими армянами. Когда это увидел Тотила, то, предполагая, что прибыло войско врагов большее, чем оно было на самом деле, снялся с места тотчас же и удалился отсюда; уцелевшие же войска Вера радостно бегом бросились к кораблям. Вараза решил не плыть уже дальше, но пристал с ними у Тарента, куда немного позже прибыл и Иоанн, сын Виталиана, со всем своим войском. Так устроились здесь все.

Велизарий император написал, что он посылает ему большое войско, с которым ему нужно соединиться в Калабрии и вместе идти на врагов. И Валерий, уже подойдя очень близко к берегам Ионийского залива, полагал, что данный момент является неблагоприятным для переправы. Так как время было около зимнего солнцезаворота, то заготовить продовольствие для воинов и корм для лошадей он не считал возможным. Послав Иоанну триста человек из тех, кто шел с ним, он определенно обещал, что, перезимовав тут, он с наступлением весны явится и сам. Что касается Велизария, то, получив письма императора, он отобрал себе девятьсот человек, выдающихся храбростью, семсот всадников и двести пехотинцев, всех остальных оставил охранять эту область, поставив над ними начальником Конона; сам же тотчас отплыл в Сицилию. Оттуда он вышел в открытое море, намереваясь пристать к Тарентинской гавани, имея слева местечко, так называемое Сцилей;

это название ему дано потому, что, как говорят поэты, тут родился Сцилла; но это название дано не потому, что тут обитало, как они говорят, звероподобное женское существо, но потому, что в этом проливе и прежде и в мое время водилось много «скилаков» (дельфинов), которых и теперь еще называют «морскими собаками». Название предметов вначале всегда дается по сходству, молва же, перенося их к другим людям, создает вследствие неведения истинного смысла другие, неправильные представления. И в дальнейшем время становится могучим творцом таких сказаний, а свидетелями тех событий, которые никогда не происходили, берет себе поэтов, в силу, конечно, права свободного творчества в их искусстве. Так издревле местные жители называли один из мысов острова Керкиры, который обращен к востоку, «Кинós-Кефале» («собачья голова»), а другие на этом основании пожелали (создать легенду), что тут были люди с собачьими головами. Еще и у псидов иные называют некоторые племена «ликокранитами» («волчьими головами») не потому, чтобы они имели волчьи головы, но потому, что гора, находящаяся у них, называется «Ликокрана» («Голова волка»). Но пусть все это каждый представляет себе, как ему хочется, пусть соответственно с этим он и рассказывает. Я возвращаюсь к тому, от чего я отошел в этом экскурсе.

1   28. Велитарий всячески спешил идти прямо в Тарент. Морской берег в этих местах имеет вид серпа луны; там, где берег уходит вглубь, море глубоко вливается в материк, как в какой-либо большой залив. Все расстояние по этому берегу равняется тысяче стадий. С той и с другой стороны, у того места, где воды моря вливаются в этот залив, лежат два города: один, обращенный к западу, Кротон, другой — к востоку, Тарент. По середине береговой линии лежит город Фурий. Так как бушевал ужасный ураган и сильные порывы ветра вызывали большое волнение, которое никак не давало кораблям плыть дальше, то Велитарий пристал к кротонской гавани. Так как он не нашел там ни укрепления, ни мест, откуда бы он мог достать воинам продовольствие, то сам он с женой и пехотинцами остался тут, чтобы

5 иметь возможность отсюда послать за войском Иоанна и при-
вести все в порядок; всадникам же он велел итти вперед и
стать лагерем у входов в эту область, поставив над ними
начальниками иберийца Фазу и своего телохранителя —
6 копьеносца Барбатиаона. Он думал, что им будет легче всего
в этом случае достать продовольствие себе и своим коням,
а в узком проходе естественно они будут в состоянии отре-
7 зить неприятелей. Луканские горы тянутся до пределов
Бруттиев и, сходясь друг с другом в узком месте, образуют
два очень узких прохода, из которых один называется на
латинском языке «Камнем крови», а второй местные жители
8 решили назвать Лабулой. Там у берега есть Русциана, га-
вань Фуриев. Немного выше (к северу), стадиях приблизи-
тельно в шестидесяти, древние римляне воздвигли очень
сильное укрепление. Захватив его много раньше, Иоанн
поставил в нем значительный гарнизон.

9 Воины Велизария, идя туда, встретились с войском вра-
гов, которых послал Тотила с тем, чтобы они попытались
10 взять укрепление. Вступив с ними тотчас в рукопашный
бой, они, благодаря своей доблести, без всякого труда обра-
тили их в бегство, хотя по численности они были много
11 слабее их, и убили из них более двухсот. Остальные бежали
и, прибыв к Тотиле, передали ему все, что случилось. Рим-
ляне же, оставшись там, стали лагерем; но так как они были
без своего главного начальника и к тому же одержали по-
12 беду, то они не принимали никаких мер предосторожности.
Отдыхая ночью, они не собирались вместе и не стерегли
узкие проходы, сидя около теснин; проявляя небрежность,
они предавались сну, рассеявшись возможно дальше друг
от друга; днем же, разыскивая продовольствие, они расхо-
13 дились в разные стороны, не послав никого вперед на разведки
и не позаботившись ни о чем другом ради своей безопасности.
Когда Тотила узнал обо всем этом, то, выбрав из всего вой-
14 ска около трех тысяч всадников, двинулся на неприятелей.
Внезапно напав на них, не выстроенных в боевой порядок,
а просто блуждающих всюду, как сказано выше, он поразил
15 их ужасом и привел всех в беспорядок. Тут Фазас (он нахо-
дился в своей палатке поблизости), бросившись навстречу

неприятелям, проявил подвиги, достойные своей доблести, и помог некоторым из своих бежать, сам же со всеми, которые его окружали, погиб. Это причинило римлянам великую печаль, так как на них, как на людей исключительной доблести, все возлагали большие надежды. Те, которые сумели бежать, спаслись кто как мог. Барбацион, копьеносец Велизария, с двумя другими, поспешно убегая, явился в Кротон и сообщил о понесенном несчастье, сказав, что он думает, что варвары немедленно явятся сюда. Услыхав об этом, Велизарий был в большой печали. Он решил сесть на корабли; пользуясь благоприятным ветром, он со всем своим войском в тот же день пристал к Месене в Сицилии, которая от Кротона отстоит на семьсот стадий и лежит как раз напротив Региума.

1 29. Приблизительно в это время войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, так как их никто не защищал, славянам удалось взять; они разбрелись по всем окрестным местам, совершенно свободно производя опустошения. Начальники Иллирии с пятнадцатитысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелям близко они нигде не решались. Тогда в Византии и в других местах происходили частые и очень сильные и необычные землетрясения в зимнюю пору, преимущественно ночью. Живущие в этих местах были в великом страхе, предполагая, что они будут засыпаны, однако им не пришлось испытать ничего дурного. В то же время и река Нил, поднявшись выше восемнадцати локтей, наводнила и оросила весь Египет. Когда в верхней Фиваиде вода стала спадать и уходить в свои берега в установленное время, она позволила живущим там сеять и заниматься другими сельскохозяйственными работами, как обычно. В нижних же частях страны, вода как покрыла поверхность земли, так и не уходила, причиняя крайние бедствия, и держалась все время посева, чего прежде не случалось никогда. Немного времени

спустя местами вода, вошедшая было в свое русло, вновь
8 разлилась. Поэтому погнили все семена, которые за это время
были посеяны. Люди в виду необычности такого несчастья
были в большом затруднении, а из животных многие вслед-
ствие недостатка корма погибли.

9 Тогда же было поймано и то морское чудовище (кит),
которое византийцы называли Порфирием. Это чудовище
больше пятидесяти лет мучило Византию и прилегающие
к ней местности; правда, оно делало это с большими иной
10 раз перерывами. Оно потопило много судов, моряков со
многих кораблей оно своим стремительным нападением
заставляло теряться и разгоняло их очень далеко. Император
Юстиниан очень заботился поймать это чудовище, но никак
11 не мог сделать это. Как удалось поймать его теперь, сейчас
расскажу. Случилось, что море было совершенно гладкое
и спокойное и у устья Эвксинского Понта плавала очень
12 большая стая дельфинов. Внезапно увидя чудовище, они
рассыпались кто куда мог; большинство кинулось к устью
13 реки Сагарис. Захватив некоторых из них, чудовище тотчас
же их проглотило. Но затем под влиянием ли голода, или
жажды борьбы оно продолжало их преследовать, пока не-
14 заметно не подплыло близко к берегу. Попав здесь на глу-
бокий ил, оно стало биться и всячески двигаться, чтобы воз-
можно скорее уйти отсюда, но никак не могло уйти с отмели,
15 а еще сильнее засасывалось илом и грязью. Когда слух об
этом прошел по всем окрестностям, все бегом бросились сюда
и, поражая его непрерывно всякого рода топорами, не толь-
16 ко его убили, но и вытащили крепкими веревками на берег.
Положив его на телеги, они нашли, что длиной оно прибли-
зительно локтей тридцать, шириной десять. Разрезав и раз-
делив его на части, некоторые сейчас же съели свою долю,
17 другие же решили доставшуюся им часть засолить. Когда
византийцы приняли в соображение бывшие землетрясения
и то, что случилось на Ниле, и узнали о поимке морского
чудовища, тотчас стали предсказывать, что произойдет
18 нечто, именно то, чего каждому хотелось. Не находя выхода
из настоящих трудностей, люди любят говорить о чудесах,
относящихся к будущему, и в тягостях текущих бедствий

19 находить указания без всякого основания на будущее. Я предоставляю заниматься этими гаданиями и толкованиями чудес другим, а сам я только вот что знаю: задержка воды в Ниле на этой земле была в данный момент причиной больших несчастий, и с гибелью морского чудовища получилось
20 освобождение от многих бедствий. Иные говорят, что то чудовище, которое было поймано, не то, о котором я упоминал, но другое. Я же возвращаюсь к тому, от чего я сделал отступление в своем рассказе.

21 Совершив все то, что мною было указано выше, и узнав, что римляне, стоящие гарнизоном в Русциане, начинают чувствовать недостаток в съестных припасах, Тотила думал, что он сможет взять их очень скоро, если они не будут в состоянии откуда бы ни было ввозить себе продовольствие; он стал лагерем от них возможно ближе и держался здесь, упорно ведя осаду. Так пришла к концу зима и с ней кончился тринадцатый год (547—548) войны, которую описал Прокопий.

1   30. Император Юстиниан послал в Сицилию на кораблях
548/9   не менее двух тысяч пехоты и велел Валериану без всякого
год н. э. промедления итти к Велизарю. Отплыв, он пристал к Дри-
2 унту (Гидрунту), где нашел и Велизария с женой. К этому
3 времени Антонина, жена Велизария, отправилась в Византию, чтобы просить императрицу дать для этой войны больше
4 сил и снабжения. Но императрица Феодора, захворав, скончалась (28 июня), прожив как императрица двадцать один
5 год и три месяца.¹² В это время римляне, осажденные в крепости Русцианы, страдавшие от недостатка питания, вступили в переговоры с врагами и согласились сдать им укрепление приблизительно в середине лета, если за это время
6 никто не придет к ним на помощь, с тем чтобы лично воспользоваться безопасностью. В гарнизне было много знатных италийцев, в том числе Деоферон, брат Туллиана, из римского войска триста иллирийских всадников, которых Иоанну удалось здесь поместить, поставив начальниками над ними Халазара — копьеносца, родом массагета, исключительно хорошо знающего военное дело, и фракийца Гудилу; были здесь и сто человек пехоты, посланных Велизарием

7 для охраны этого гарнизона. В то же время те солдаты, которые Велизарием были оставлены в Риме для охраны, убили своего начальника Конона, возведя на него обвинение в торговле хлебом и другими продуктами в ущерб войску.

8 Затем они отправили к императору послами некоторых священников, твердо заявив, что если император не простит им этой вины и к определенному сроку не заплатит по ведомостям денег, которые им задолжало казначейство, то они без всякого промедления перейдут на сторону Тотилы и готов. Император исполнил их просьбу.

9 Между тем Велизарий вызвал к себе в Дриунт (Гидрунт) Иоанна и вместе с Валерианом и другими предводителями собрал большой флот и тотчас же с поспешностью поплыл

10 к Русциане, стараясь всячески помочь осажденным. Когда с высоты осажденные в крепости увидели этот флот, у них вновь воскресли надежды, и они решили не сдаваться неприятелям, хотя уже подходил назначенный ими день.

11 Но во время этого похода поднялась ужасная буря, и, кроме того, весь этот берег не имел никаких гаваней; поэтому все корабли были разбросаны далеко друг от друга, так что им

12 пришлось здесь бесполезно потратить много времени. Собравшись в гавани Кротона, они вновь отплывают к Русциане. Когда варвары увидели флот, они вскочили на коней и вытянулись вдоль всего берега, имея намерение помешать

13 неприятелям организовать высадку. Тотила поставил их в большом числе на берегу против корабельных носов, причем одни из них были вооружены копьями, другие

14 стояли с натянутыми луками. Увидя это, римляне испугались и никак не решались подойти близко к берегу, но, поставив недалеко корабли на якорь, они ничего не предпринимали; потом, отказавшись от высадки, они повернули

15 назад и, отплыв в открытое море, вновь пристали к кротонской гавани. На общем совете им показалось наилучшим, чтобы Велизарий отправился в Рим и там все устроил возможно лучше и ввез туда продовольствие, а Иоанн и Валериан, высадив людей с кораблей и посадив их на коней, отправились сухим путем в Пипенскую область с тем, чтобы внести замешательство в ряды тех врагов, которые осаждали

16 там городки. Они надеялись, что таким образом они заставят
17 Тотилу снять осаду и двинуться против них. Иоанн так
и сделал со своей тысячей всадников. Валериан же, испу-
гавшись опасности, переплыл на кораблях по Ионийскому
заливу и поплыл прямо в Анкону. Он думал, что таким пу-
тем он с полной безопасностью прибудет в Пиценскую об-
18 ласть и соединится с Иоанном. Но Тотила не захотел даже
при этих условиях снять осаду, он остался и сам продолжал
ее, а из всего войска выбрал две тысячи всадников и послал
их в Пиценскую область, для того, чтобы они соединились
с бывшими там варварами и отражали Иоанна и Валериана.
19 Осажденные в русцианской крепости в виду полного от-
сутствия продовольствия и не имея никакой надежды на
помощь со стороны римлян, отправили к Тотиле послами ко-
пьяносца Гудилу и италийца Деоферонта относительно со-
20 хранения им жизни, прося, чтобы он им простил содеянное.
Тотила заявил им, что он не накажет никого, кроме Халазара,
нарушившего прежний договор, на всех же других он не
распространит этого обвинения. На этих условиях он при-
21 нял сдачу крепости. У Халазара же он отрубил обе руки
и его половые органы, а затем казнил его. Из воинов тем,
которые пожелали остаться, он разрешил сохранить свое
имущество с тем, чтобы и в будущем они несли военную служ-
бу на одинаковых и равных правах с готами; это он обыкно-
венно делал и с другими пленными, взятыми им в других
22 укреплениях. Тем же, которые совершенно не хотели оста-
ваться, он разрешил удалиться куда они хотят, но с совер-
шенно голыми руками, не желая, чтобы кто-либо из них
23 служил у него против своей воли. И вот восемьдесят человек
из римского войска, оставив все свое достояние, ушли
в Кротон, другие же, сохранив свое имущество, остались
24 у Тотилы. Имущество у всех италийцев он отобрал, но жизнь
25 их оставил неприкосновенной. Тем временем жена Велизария,
Антонина, прибыв в Византию после смерти императрицы,
просила императора, чтобы он отозвал сюда ее мужа. Она
очень легко добилась этого. К этому побуждала императора
Юстиниана и война с персами, тяжелым гнетом лежавшая
на нем.

1   31. В это время некоторые лица составили заговор на им-
ператора Юстиниана. Как они дошли до такого замысла и
как он у них провалился, так что они не могли выполнить
2 своего намерения, я сейчас расскажу. Когда Артабан низло-
жил тирана Гонтариса, как я об этом уже рассказал в пре-
дыдущих книгах (IV [II], 28, § 29), у него вспыхнула не-
обычайная страсть к племяннице императора, Прейекте,
которая была уже помолвлена с ним; он во что бы то ни стало
3 хотел взять ее себе в жены. Этого очень желала и она сама,
руководимая в этом не любовью к этому человеку, а тем,
что она была ему обязана большой благодарностью: он
отомстил за убийство ее мужа Ареобинда, спас, похитив, ее,
когда она была пленницей и вот-вот должна была против
4 воли разделить ложе с тираном Гонтарисом. Так как оба
они пришли к такому решению, то Артабан послал к импе-
ратору Прейекту, а сам, хотя был назначен начальником
всей Ливии, надоедал императору с просьбами, придумывая
всякие неосновательные мотивы, чтобы быть вызванным
5 в Византию. К этому побуждала его надежда на брак,
рисовались ему и многие другие блага, проистекающие от-
сюда, между прочим возможность в дальнейшем быть в
6 близком кругу императрицы. Люди, добившиеся неж-
данно-негаданно благополучия, не могут на этом успокоить
свои мысли, но стремятся все дальше и в своих надеждах
заходят так далеко, что в конце концов лишаются не по
7 заслугам полученного ими благополучия. Однако император
исполнил его просьбу. Он вызвал Артабана в Византию,
назначив другого правителем Ливии, как мной это и рас-
8 сказано (IV [II], 28, § 45). Когда Артабан появился в Визан-
тии, то народ, восхищенный его подвигами, всячески выска-
9 зывал ему свое расположение. Он был высок ростом и красив,
10 по характеру приветливый и немногословен. Император
оказал ему исключительные почести. Он назначил его на-
чальником войск, стоящих в Византии, и командиром феде-
ратов (союзных отрядов), и в знак чести записал его в число
11 консулов. Но женить его на Прейекте он никак не мог, так
как у Артабана раньше была жена, единоплеменная с ним
12 и бывшая за ним замужем еще с детских лет. Давно уже он

отверг ее на основании одной из тех причин, которые вы-
13 ставляются обычно, когда жена становится чужой мужу.
Пока положение Артабана было не блестящим, она сидела
дома, ничего не предпринимая, но молча перенося свое
положение. Когда же Артабан прославился своими подвигами
и был возвеличен судьбой, женщина не могла уже пере-
14 носить своего униженного положения и отправилась
в Византию. Она явилась молящей к императрице и просила
вновь вернуть ей мужа. Привыкшая протягивать руку по-
15 мощи женщинам, находящимся в несчастном положении,
императрица решила, что Артабан должен обязательно
жить с ней, против всякого его желания, а на Прейекте
16 женился Иоанн, сын Помпея и внук Гипания. Такого не-
счастья Артабан не мог спокойно перенести, но рассвирепел
и стал говорить, что уже приходится пожалеть о его подвиг-
17 гах, если ему, оказавшему столько услуг римлянам, не
позволяют жениться с обоюдного согласия на той, которая
была уже ему просватана, а заставляют жить с той, которая
18 для него является самой неприятной из всех; а ведь это
обычно особенно мучит душу человека. Поэтому вполне
естественно, что тотчас же после смерти императрицы он
19 вновь с большим удовольствием отослал от себя эту жену.
Был у императора племянник Герман; у него был брат Бо-
ранд. Этот Боранд недавно умер, оставив большую часть
20 состояния брату и его детям. Так как у него была жена и
единственная дочь, император приказал девушке столько
получить из его состояния, сколько велит закон. Этим
император хотел защитить интересы девушки, но это больше
21 всего уязвило Германа.

1 32. Таковы были отношения у императора с Артабаном
и Германом. Был в Византии некто, именем Арсак, родом
армянин, потомок Арсакидов, близкий по родству с Арта-
2 баном. Незадолго до этого он был уличен в том, что замыслил
предательство и государственный переворот, т. е. был уличен
в измене, так как в интересах персидского царя Хозроя
3 хотел у римлян произвести восстание. Император не при-
чинил ему ничего плохого; он только велел его слегка высечь
и провезти по всему городу на верблюде, но не изувечил

его тела, не отнял у него богатств и даже не наказал изгнанием. Но обиженный даже таким наказанием, Арсак стал строить козни против Юстиниана и политического строя. Когда он увидал, что одинаково с ним считает себя обиженным и Артабан, он стал его еще сильнее подстрекать, как своего родственника, и, опутывая этого человека хитрыми словами, делал его все более и более враждебным императору; он, не переставая, говорил ему это и днем и ночью и упрекал в несвоевременной храбрости и благородстве. Он постоянно повторял ему, что при чужих тяжелых обстоятельствах, не касавшихся лично его, он высказал себя решительным, что он был тем самым, кто низложил тирана, и без возражений взялся убить своею собственной рукой Гонтираса, бывшего его другом и сотрапезником. А теперь он присмирел и так робко сидит здесь, в то время как его родина замучена непрерывными наборами и военными постоями, истощена чрезвычайными поборами, отец его казнен под предлогом невыполнения договоров и соглашения, вся его родня порабощена и рассеяна по всей Римской империи. И при таких-то обстоятельствах Артабан довольствуется тем, что он — начальник римских войск и носит пустой титул римского консула: «И ты,— сказал он,— будучи мне родственником, ни в чем не сочувствуешь мне, претерпевшему ужасное унижение; я же, дорогой мой, очень сожалею о твоей судьбе с этими двумя женами, из которых одной ты не по заслугам лишен, а с другой по принуждению должен жить. Поэтому никто, конечно, у кого есть хоть капля разума, не должен отказываться от участия в убийстве Юстиниана под предлогом трусости или какого-либо страха: ведь он постоянно без всякой охраны сидит до поздней ночи, толкая с допотопными старцами из духовенства, переворачивая со всем рвением книги христианского учения. А кроме того,— продолжал он,— никто из родственников Юстиниана не пойдет против тебя. Самый могущественный из них — Герман, как я думаю, очень охотно примет участие в этом деле вместе с тобою, а равно и его дети; они еще юноши, и телом и, душою готовы напасть на него и пылают против него гневом. Я питаю надежду, что они и сами схватятся

за это дело. Они чувствуют себя обиженными им настолько, как никто ни из нас, ни из других армян». Такими словами Арсак околдовал Артабана. Когда он увидел, что Артабан сдается, он повел дело против другого персо-армянина, по имени Ханарагна. Этот Ханаранг был юноша красивый с виду, но легкомысленный, с чисто детским умом.

Когда таким образом Арсак сделал его и Артабана участниками своих планов и получил их согласие, он оставил их, говоря, что он хочет сделать в этом деле Германа и его сыновей своими единомышленниками. Старшим из сыновей Германа был Юстин, юноша с первым пушком бороды, очень энергичный и быстрый на всякое дело; незадолго перед тем он получил консульское кресло. Придя к нему, Арсак стал говорить, что хочет по секрету побеседовать с ним, встретившись в каком-нибудь храме. Когда они оба оказались в храме, Арсак прежде всего потребовал от Юстина, чтобы тот клятвенно ему обещал никому, кроме отца, не открывать тех речей, которые он услышит. Когда тот дал требуемую клятву, он стал упрекать юношу, что он, будучи ближайшим родственником императора, спокойно смотрит, как главные должности по управлению государством не по заслугам и не по положению занимают люди низкого звания. из рыночной толпы, а он, будучи таким, что ему следовало бы вершить делами, не обращает внимания на то, что всего этого лишен не только он сам, но и его отец, человек высочайших достоинств и при этом брат Юстиниана, и что они являются лишь частными людьми. Ведь вышло же, что и состояние его дяди не перешло к нему; насколько это зависело от воли Боранда, он был назначен наследником этого богатства, а затем неправильно был его лишен (императором). И естественно, что ими еще больше будут пренебрегать, когда из Италии вернется Велизарий. Говорят, что он уже находится посредине Иллирии. Такими словами Арсак побуждал юношу к заговору на жизнь императора, открыв ему, что у него было уже договорено относительно этого дела с Артабаном и Ханарангом. Услыхав это, Юстин пришел в страшное замешательство, голова у него пошла кругом, и он заявил Арсаку, что ни он, ни отец его Герман этого делать никак не могут.

22 Арсак сообщил о своей неудаче Артабану, а Юстин пе-
редал весь свой разговор своему отцу. Поделившись в свою
очередь этими сведениями с Марцеллом, начальником двор-
цовой стражи, он спрашивал у него по этому делу совета,
23 будет ли полезно, если они донесут об этом императору?
Этот Марцелл был человеком суровым по характеру, крайне
молчаливым; он ничего не делал из-за денег, не любил
ни смешных слов, ни смешных представлений; не чувствовал
расположения к распущенному времяпрепровождению;
вел он всегда жизнь суровую и чуждую удовольствий; до
мелочности был предан справедливости и страстно любил
24 правду. Он не позволил тогда говорить с императором.
«Неудобно,—сказал он,—чтобы ты был доносчиком. Если
бы ты пожелал о чем-либо тайно беседовать с императором,
то сторонники Артабана сейчас же будут думать, что ты сделал
донос об этом деле, а если Арсак сумеет бежать и скрыться,
25 то обвинение останется недоказанным. Я лично, не проверив
дела совершенно точно, не привык ни сам верить ему, ни
докладывать о нем императору. Поэтому я хочу об этом деле
26 или услышать своими собственными ушами, или чтобы кто-
либо из моих близких по уговору с вами совершенно ясно
слышал от кого-либо, кто будет говорить об этих делах».
27 Услыхав это, Герман велел своему сыну Юстину сделать так,
28 чтобы поручение Марцелла было выполнено. Но с Арсаком
по этому делу Юстин говорить никак не мог, так как он
29 наотрез, как сказано, ему отказал. Тогда он спросил Ханаранга,
приходил ли недавно к нему Арсак с известным пред-
ложением, будто бы, по согласованию с Артабаном? «Лично
я,—сказал он,—никогда не решился бы доверить какою-
30 нибудь тайну подобному человеку. Но если бы ты сам за-
хотел поговорить со мной по этому делу, то, посоветовавшись
вместе, может быть, мы могли бы сделать какое-либо прекра-
31 сное дело». Посоветовавшись об этом с Артабаном, Ханаранг
все рассказал Юстину, что раньше ему сказал
Арсак.
32 Когда Юстин обещал, что и сам он это выполнит и поста-
рается привлечь отца к согласию с ним, то Герман решил
пригласить Ханаранга на беседу к себе; они и установили

33 определенный день для разговора. Дав зная об этом Мар-
целлу, Герман просил прислать к ним кого-либо из его
34 близких, чтобы он своими ушами слышал речи Ханаранга.
Он прислал Леонтия, зятя Афанасия, человека, ставящего
35 выше всего правдивость и известного как человек, исклю-
чительно справедливый. Введя его к себе в дом, Герман по-
местил его в комнате, где висела плотная шелковая занавеска,
являвшаяся занавесом того ложа, за которым они всегда
36 ели. За этим занавесом он спрятал Леонтия, а сам с сыном
Юстином оставался по другую сторону занавески. И тут,
37 когда Ханаранг пришел, Леонтий совершенно ясно слышал
все его речи, о чем они договорились между собой,— он,
38 Артабан и Арсак. В этих разговорах им было заявлено сле-
дующее: если они убьют императора, когда Велизарий будет
еще на пути в Византию, то ничего у них не выйдет из наме-
ченного плана. Так как им хотелось бы провозгласить им-
ператором Германа, то Велизарий, конечно, соберет большое
войско во Фракии, и, если он двинется на них таким образом,
они ни в коем случае не будут в состоянии отразить его.
Итак, в страхе перед прибытием Велизария они откладывают
39 это дело. Но как только Велизарий прибывает в Византию
и будет у императора во дворце, тогда поздним вечером они
явятся туда, захватив кинжалы, и убьют Марцелла и Ве-
40 лизария вместе с императором. Таким образом, им будет
безопаснее тогда устроить все то, что они хотят. Узнав обо
всем этом от Леонтия, Марцелл даже и тогда решил не до-
41 кладывать императору; он еще долго медлил, чтобы боль-
шой поспешностью опрометчиво не упустить из рук Артабана.
Герман же сообщил об этом деле Бузе и Константину,
боясь, как это и случилось, чтобы от этого промедления не
возникло какого-либо подозрения.

42 Спустя много дней, когда было дано знать, что Велизарий
уже близко, Марцелл доложил императору все это дело.
Император велел тотчас же арестовать и заключить в тюрьму
Артабана и его соумышленников и приказал некоторым из
43 начальников произвести допрос под пыткой. Когда стал ясен
весь этот заговор и уже был точно записан в протоколах,
император назначил заседание полного сената во дворце,

где обыкновенно бывают разбирательства по спорным пунктам. Сенаторы, прочтя все, что удалось выяснить следственной комиссии, тем не менее хотели привлечь к ответу Германа и его сына Юстина, пока наконец Герман, представив в качестве свидетелей Марцелла и Леонтия, не смыл с себя этого подозрения. Они, а вместе с ним и Буза и Константиан под клятвой подтвердили, что ничего Герман не скрыл от них по этому делу, но передал им все так, как я только что рассказал. Тотчас все сенаторы освободили от обвинения его и его сына, как не совершивших никакого преступления против государственного строя. Когда все явились во внутренние покои императора, то сам император был очень разгневан; он негодовал и особенно был раздражен против Германа, ставя ему в вину задержку осведомления. Какие-то двое начальников, подслуживаясь к нему, подтвердили его мысли и вместе с ним делали вид негодующих. Этим они еще больше усилили гнев императора, стараясь на чужих несчастиях заслужить у него себе милость. Все остальные молчали, подавленные страхом и своим сопротивлением представляя свободу проявлению его воли. Один только Марцелл своей прямой и открытой речью мог спасти этого человека. Беря вину на себя, он настойчиво заявлял, что Герман давно и усиленно предлагал сообщить императору об этом факте, но он, Марцелл, очень тщательно разбирался во всех мелочах и поэтому так медлил сообщением. Этим он утишил гнев императора. За это Марцелл получил великую славу среди всего народа, так как он в минуту, самую трудную для Германа, проявил всю свою душевную доблесть. Император Юстиниан отрекся от занимаемой им должности, не сделав ему, помимо этого, ничего дурного, а равно и всем остальным, если не считать того, что всех их он держал под арестом, но без бесчестия, во дворце, а не в обычной тюрьме.

33. За это время войны варвары стали определенно владыками всего запада. Для римлян эта война с готами, хотя вначале они одержали ряд блестящих побед, как я об этом уже сказал раньше, принесла тот результат, что они не только без всякой пользы для себя погубили много и людей

и денег, но сверх того потеряли и всю Италию и должны были видеть, как Иллирия и Фракия подвергаются грабежу и уничтожению без всякого сожаления со стороны варваров, поскольку они были соседями этих стран. Произошло это следующим образом. В начале этой войны все те части Галлии, которые были им подвластны, готы отдали германцам, полагая, что у них не будет сил одновременно бороться на два фронта — и с римлянами, и с германцами. Обо всем этом я уже рассказывал в предыдущих книгах. (V [I], гл. 13, § 24, 28). Этому факту римляне не только не могли помешать, но император Юстиниан сам подтвердил, закрепив его в их пользу для того, чтобы не встретить со стороны этих воинственных варваров какого-либо враждебного противодействия, в случае если и они будут вовлечены в эту войну. Ведь франки не считали свое обладание Галлией надежным, если к этому делу не приложит своей печати самодержавный император. С этого времени короли франков получили в свои руки Массилию, бывшую фокейскую колонию, и все приморские местности и владели морем в этих местах. Они стали председателями на конных состязаниях в Арелате, они стали чеканить золотую монету¹³ из металлов, бывших в Галлии, выбивая на этом статере образ не римского самодержца, как это было в обычае, но собственно свое, франкских королей, изображение. Правда, серебряную монету уже давно стал чеканить персидский царь, как он хотел, но на золотых статерах ставить свой образ не считал себя в праве ни он, ни какой-либо другой из всех варварских государей, хотя бы при этом он был владельцем большого количества золота, так как такую монету они не могли ввести в обращение с ведущими с ними торговые дела, хотя бы торговцами были даже сами варвары. Таково было положение у франков.

Когда дела готы и Тотилы оказались лучше, чем у римлян, то франки без всякого труда присвоили себе большую часть Венетской области, так как ни римляне не могли им сопротивляться, ни готы не были в состоянии вести войну против них обоих. С своей стороны и гепиды захватили и держали в своей власти город Сирмий и большую часть

Дакий, после того как император Юстиниан отнял эти места у готов. Они обратили в рабство живших там римлян и, идя все дальше и дальше, грабили и совершали насилия над Римской империей. Поэтому-то император перестал давать жалованье, которое они издавна привыкли получать от римлян. Что касается лангобардов, то император Юстиниан одарил их городом Норикой, крепостями в Паннонии и многими другими местностями, сверх того дал им огромные суммы денег. Поэтому лангобарды переселились из наследственных владений и осели на этом берегу Истра, недалеко от гепидов. Они в свою очередь грабили Далмацию и Иллирию вплоть до пределов Эпидамна и обратили в рабство жителей. Когда же некоторые из их пленных сумели бежать и вернуться на родину, то варвары, проходя по всей Римской империи как союзники римлян, если опознавали здесь кого-нибудь из бежавших, захватывали их как своих личных беглых рабов и, оторвав от груди родителей, уводили к себе домой, так как никто им в этом не препятствовал. Затем с соизволения императора другие места Дакии, около города Сингидона, заняли эрулы — они и ныне живут там; и они также делали набеги на Иллирию и местности, прилегающие к Фракии, и на широкое пространство опустошали их. Некоторые из них стали римскими солдатами и были зачислены в войска под именем «федератов» (союзников). И всякий раз, когда отправляются послы эрулов в Византию, они без большого труда получают от императора жалованье для тех людей, которые грабят римских подданных и затем спокойно удаляются.

34. Так поделили между собой варвары Римскую империю. Позднее гепиды и лангобарды, как живущие по соседству друг с другом, воспылали друг к другу жестокой враждой. Желая всеми силами души войны друг с другом, они страстно хотели вступить с врагами в открытый бой и уже назначили определенный срок для столкновения. Но лангобарды, полагая, что в войне один на один они не будут равносильны гепидам (они были по численности слабее своих противников), решили привлечь к союзу с собой римлян. Отправив к императору Юстиниану послов, они просили его

прислать к ним войско. Когда об этом узнали гепиды, *
то и они в свою очередь с тою же просьбой отправляют по-
слов в Византию. Во главе гепидов в это время стоял Тори-
5 зин, а во главе лангобардов Авдуин. Император решил вы-
слушать речи и тех и других, но не вместе, а допустив каж-
6 дого из них к себе отдельно. Первыми из них предстали перед
императором лангобарды и сказали следующее: «Нам, госу-
дарь, приходится поражаться наглости гепидов, которые,
столько раз и столь ужасно нарушив права вашей империи,
теперь явились сюда к вам с тем, чтобы нанести вам вели-
7 чайшее оскорбление. Они единственные, которые в сношениях
со своими соседями позволяют себе крайне оскорбительное
отношение; считая их крайне глупыми, так что их можно
8 и легковерием ими же обиженных, приходят к ним. Мы про-
сим вас посмотреть только на то, каково отношение гепидов
к дружбе. Этим путем вы можете совершенно точно вывести
заключение, которое послужит на пользу Римской империи,
если вообще люди могут с полным вероятием предугадывать
9 будущее, основываясь на примерах прошлого. Если бы слу-
чилось, что племя гепидов проявило свою наглую неблагод-
дарность только в сношении с кем-либо другим, то нам
потребовалось бы много слов, и много времени, и посторон-
ние свидетельства, если бы мы захотели уличить образ
действия и характер этих людей. Но теперь пример того,
10 как они поступают, вы можете найти тут же, на себе самих.
Смотрите: когда готы в прежнее время держали в своей
власти Дакию, которая им платила подати, то все гепиды,
как и искони, жили на том берегу Истра и настолько тре-
петали перед силою готов, что никогда не решались даже
пытаться когда-либо перейти через реку. Тогда они считали
себя союзниками и крепкими друзьями римлян и под пред-
логом этой дружбы каждый год получали большие дары от

---

* В некоторых рукописях читаем: «гепиды же, будучи союзни-
ками римлян, решили, что им надо просить римлян или вместе с ними
поднять оружие для этой войны и требовать, чтобы они совместно
с ними вели эту войну, или не мешали ни тем, ни другим и не оказывать
помощи ни одному из этих племен».

бывших раньше императоров и не в меньшей степени и от
11 тебя. Я охотно спросил бы этих лиц, что хорошего сделали
они римлянам за все это? Ведь они не могли бы сказать на это
12 ни слова. До тех пор пока они не могли наносить вам обиды,
не по какому-либо сознательному решению, но принужден-
ные к этому в силу своего безвыходного положения, они
13 оставались спокойными. Вы уже не считали для себя нужным
предъявлять претензии на земли по ту сторону Истра, а
явиться на эту сторону Истра им мешал страх к готам.
14 Кто же назовет сознательным добрым отношением просто
невозможность для них насилия. Разве можно назвать твер-
дой дружбой ту, нарушить которую не представляется воз-
можным? Не так это, государь, совсем не так! Природный
характер человека выясняется только при наличии для него
возможности свободно действовать, а эта свобода выявляет
его характер тем, что позволяет ему действовать, как он
15 найдет нужным. Смотри же: как только гепиды увидели, что
готы изгнаны из всей Дакии, а вы очень заняты другими
войнами, эти преступные люди точас же решились повсюду
16 перейти в ваши земли. Кто мог бы словами выразить недо-
пустимость такого поступка! Разве этим они не выразили
17 своего презрения к Римской империи? Разве не нарушили
святости установления клятв и союзных договоров? Разве
не проявили наглого поведения против тех, против кого
они менее всего могли его проявлять? Разве они не проявили
насилия над вашей империей, именем рабов которой они
так хвалились, в то время когда у вас была свобода действий,
чтобы двинуться против них? Гепиды, государь, владеют
Сирмием и обращают в рабство римлян и хвалятся, что овла-
18 дели всей Дакией. Какую же войну они выиграли когда-либо
за вас, или вместе с вами, или против вас самих? Или за
какое состязание они присвоили себе эту страну в качестве
награды? И при этом они действовали так не раз, будучи
вами оплачиваемыми людьми, вашими наемниками, и, как
говсрят, не знаю с какого времени получая с вас деньги.
19 Но никогда еще не было поступка более позорного, чем вот
это посольство. Когда они увидели, что мы горим желанием
вступить с ними в войну, они дерзнули явиться в Византию

и предстать перед лицом императора, столько раз оскорбля-
20 емого ими. Может быть, в безграничности своего бесстыдства
они будут приглашать вас к союзу против нас, с такой
21 серьезностью и заботливостью относящихся к вам. Даже
если они явились сюда, чтобы вернуть то, во владение чем
они вступили, не имея на это никакого права, то римляне
должны считать, что именно лангобарды являются главными
виновниками полученной вами от этого пользы: принуж-
денные страхом к нам гепиды хоть и так поздно надевают
22 на себя против воли личину доброго расположения к вам.
Обычно бывает, что тот, кто получил услугу, будет чувство-
вать расположение к тому, кто создал, для его врага, такую
необходимость (быть уступчивым). Если же они и теперь
не хотят отказаться от того, чем незаконно владеют, то что
23 же может быть выше подобного злонравия? Вот что да будет
сказано с варварской простотой нами, не умеющими говорить
длинных речей и вовсе не соответствующих важности данных
24 обстоятельств. Ты же, государь, рассмотри то, что недоста-
точно, чем это нужно было бы, нами сказано, и сделай то,
что будет полезно и для римлян и для твоих лангобардов,
приняв сверх всего остального в соображение еще и то, что
по всей справедливости римляне будут стоять в одних рядах
с нами, исповедующими с самого начала одну с ними рели-
гию, и уже тем самым пойдут против тех, которые являются
арианами».

25 Так сказали лангобарды. На другой день допущенные
к императору в свою очередь послы гепидов сказали сле-
дующее: «Справедливо, государь, тех, которые приходят
к своим соседям с просьбой о союзе, прежде всего спросить,
справедливо ли то, о чем они собираются просить и полезно
ли для обоих будущих союзников и так выступать со своими
речами по вопросу, ради которого они присланы послами.
26 Что лангобарды несправедливо поступают с нами, ясно
уже из того, что мы прилагаем старания прекратить наши
27 распри третейским судом; а для тех, которые <будто бы>
стремятся действовать насильственно, предлагать судебное
28 разбирательство совсем не подходит. О том, что гепиды и чис-
ленностью населения и доблестью намного превосходят

лангобардов, зачем разводить длинные речи перед теми,
29 которые и без того это знают? А чтобы итти на борьбу в сою-
зе с более слабыми и тем ввергнуть себя в неизбежную беду,
хотя можно было бы, став в один ряд с более сильными,
без всякой опасности добиться победы, этого, мы думаем,
30 не захотят себе люди даже и мало разумные. Так что и в
дальнейшем, если вы пойдете на кого-либо войною, гепиды
будут вместе с вами, во-первых, обязанные вам благодар-
ностью за содеянное, а во-вторых, избытком своих сил до-
ставляя вам, что и естественно, возможность одоления вра-
31 гов. К тому же вам следует обратить внимание еще вот на
что. Лангобарды только что стали друзьями римлян, гепидам
же с незапамятных времен пришлось быть вашими союз-
32 никами и знакомцами. А дружбу, закрепленную долгим вре-
менем, не так-то легко разорвать. Так что вы приобретете
союзников не только могущественных, но и постоянных.
33 Таковы те законные основания, которые должны привести
вас к союзу с нами. Посмотрите же теперь, каковы ланго-
34 барды по своему характеру: они ни в коем случае не желают
разрешить наши споры судебным разбирательством, хотя
мы много раз приглашали их к этому, но они одержимы
бессмысленной дерзостью. Теперь же, когда война, можно
сказать, у них на носу, они пятятся назад перед нею в со-
знании собственной своей слабости и обращаются к вам,
требуя чтобы римляне приняли на себя совершенно неза-
35 конно борьбу за них. Конечно, эти воры выставляют, что
основанием для вас к этой войне с нами является Сирмий
36 и другие места Дакии. Но ведь в твоей империи остается
еще столько городов и столько стран, что надо искать людей,
которым бы ты мог дать некоторую их часть для поселения.
37 Ведь в самом деле, и франков, и эрулов, и этих самых ланго-
бардов ты одарил столькими городами и странами, государь.
38 сколько и не сочтешь. Поэтому и мы в твердой уверенности
на твою дружбу все делали, что ты хотел. Желаящий развя-
заться с частью своего имущества считает, что гораздо выше
того, кто добивается его милостей, стоит тот, кто предупредил
его и сам по собственному выбору взял себе подарок, если
это, конечно, было сделано без обиды для владельца и если

такая решимость, повидимому, руководилась сознанием и смелостью очень близкой дружбы, как это имело место
39 у гепидов по отношению к римлянам. Подумайте же об этом: вот почему мы больше всего просим вас в союзе с нами идти войной всеми нашими силами на лангобардов; если же вы на это не согласны, то не вмешивайтесь ни с той, ни с другой стороны. Если вы так решите, то поступите справедливо и очень полезно для Римской империи».

40 Так сказали послы гепидов. После многих совещаний император Юстиниан решил отослать их с пустыми руками и, заключив военный союз с лангобардами и обменявшись клятвами, он послал им больше десяти тысяч всадников под
41 начальством Констанциана, Бузы и Аратия. Вместе с ними соединился и Иоанн, племянник Виталиана, причем от императора ему был дан приказ, как только произойдет сражение с гепидами, прямо оттуда спешно со своим войском
42 идти в Италию. Ведь он и сам прибыл из Италии. В качестве союзников за ними следовало тысяча пятьсот эрулов, над
43 которыми среди прочих начальников был Филемут. Все же остальные эрулы в числе трех тысяч стали на сторону гепидов, так как недавно они отпали от римлян по при-
44 чине, которая мною рассказана раньше (VI [II], гл. 15, конец).

Часть римлян, шедшая на помощь лангобардам, неожиданно наткнулась на отряд эрулов, бывших под начальством
45 Аорда, брата их вождя. Произошел горячий бой; победителями остались римляне, которые убили Аорда и многих из эрулов. Узнав, что римское войско очень близко, гепиды прекратили свои распри с лангобардами, и против воли
46 римлян эти варвары заключили между собой мир. Когда римское войско узнало об этом, оно оказалось в большом затруднении. Оно не могло уже идти дальше, но и повернуть назад предводители не считали возможным, боясь, как бы гепиды и эрулы не сделали набега на Иллирию и не раз-
47 грабили страну. Оставшись там, они донесли императору о сложившихся обстоятельствах. Так шли дела там. Я же возвращаюсь к тому месту моего рассказа, откуда я сделал это отступление.

1   **35.** Веллизарий возвращался теперь в Византию без вся-
кой славы; за пять лет он нигде не стоял твердой ногой на
земле Италии и нигде не прошел по ней сухим путем, но все
это время скрывался в бегстве, постоянно переплывая от
одного приморского укрепления к другому вдоль берега.

2   И поэтому враги могли более безбоязненно поработить Рим
и, можно сказать, все другие города. Тогда он покинул
и город Перузию, который был первым из городов Этрурии;
он подвергся жестокой осаде, и когда Веллизарий был еще
3   в пути, он был взят силой. Вернувшись в Византию Вели-
зарий остальное время жизни проводил тут, пользуясь
большим богатством, почитаемый за прежние свои успехи.
Прежде чем он отправился в Ливию, божество предсказало
4   ему эти успехи совершенно явным знамением. Это знамение
было следующего рода. В предместье Византии у Веллизария
было имение, которое называлось Пантейхион: лежит оно
на противоположном материке. Незадолго перед тем как
Веллизарий собирался вести римское войско против Гели-
мера и Ливии, его виноградники принесли невероятный
5   урожай. Его слуги наполнили вином, которое получается
из этого винограда, огромное количество бочек и поставили
их в винный погреб, низ бочек закопав в землю, а верх
6   аккуратно заделав глиной. Месяцев восемь спустя в неко-
торых бочках вино забродило, сорвало ту глину, которой
каждая из этих бочек была запечатана, и в таком количестве
вытекло и разлилось по земле, что образовало в этом под-
7   вале огромное озеро. Когда это увидели слуги, они пришли
в изумление; они наполнили этим вином много амфор и, вновь
8   заделав глиной эти бочки, хранили о случившемся молчание.
Но когда они увидели что это явление повторяется часто,
в одно и то же время, они рассказали хозяину; он же, собрав
многих из близких себе сведущих людей, показал им, что
тут делалось; они, признав это за знамение, предсказывали,
что все это указывает на большое счастье для этого дома.

9   На этом окончилась карьера Веллизария. Римский архи-
ерей Вигилий с теми италийцами, которые до тех пор
были (в Византии), очень многочисленными и очень знат-
ными, не переставал настойчиво умолять императора, чтобы

10 он приложил все силы овладеть Италией. Больше всех настаивал на этом Цетег,¹⁴ патриций, много раньше получивший консульское кресло; из-за этого он сам недавно
11 прибыл в Византию. Сказав, что он сам подумает об Италии, император большую часть времени проводил, занимаясь христианскими догматами, стараясь примирить встречающиеся там противоречия и весь отдавшись этим вопросам. Вот что делалось в Византии. В это время случилось, что один
12 лангобард бежал к гепидам по следующей причине. Когда королем лангобардов был Вацес, был у него племянник, по имени Ризнульф, который в случае смерти Вацеса по закону
13 должен был занять престол. Желая, чтобы власть перешла к его сыну, Вацес, возведя на Ризнульфа ложное обвинение,
14 присудил его к изгнанию. Поднявшись из наследственных владений, он с немногими спутниками тотчас же ушел
15 в изгнание в область варнов, оставив здесь двух сыновей. Вацес подкупил деньгами варнов, чтобы они убили Ризнульфа. Из сыновей Ризнульфа один умер от болезни, дру-
16 гой же, по имени Ильдигес, бежал к славянам. Немного времени спустя сам Вацес умер, и королевская власть у лангобардов перешла к Вальдару, сыну Вацеса. Так как он был совсем мальчик, то ему был назначен опекун
17 Аудуин; он распоряжался королевством. Обладая, кроме того, и сам большим могуществом, он вскоре стал королем,
18 так как этот мальчик погиб от болезни. Когда же между гепидами и лангобардами, как я уже рассказывал, возникла война, то Ильдигес с теми из лангобардов, которые последовали за ним, приведя с собой большой отряд славян,
19 тотчас же прибыл на помощь к гепидам, и гепиды надеялись, что они вернут ему королевский трон. Вследствие заключенного в данный момент мира между гепидами и лангобардами Аудин тотчас же стал просить гепидов, как ставших друзьями, выдать ему Ильдигеса. Но гепиды решили ни в коем случае не выдавать этого человека; поэтому они пред-
20 ложили ему уйти отсюда и спастись, куда он хочет. Ни минуты не колеблясь, он со своими спутниками и несколькими добровольцами из гепидов вновь ушел к славянам.
21 Поднявшись оттуда, он отправился к Тотиле и готам, имея
22

при себе войско не меньше чем в шесть тысяч; прибыв в Венетскую область, он встретился с несколькими отрядами римлян, которыми командовал Лазарь, вступил с ними в бой, обратил их в бегство и многих убил. Но он не соединился с готами, а, перейдя реку Истр, удалился в область славян.

23 В то время как это происходило в тех местах, о которых я рассказывал, один из копьеносцев, телохранителей Велизария, по имени Индульф, родом варвар, храбрый и энергичный, который случайно был им оставлен в Италии, 24 без всякого основания перешел на сторону Тотилы и готов. Тотчас же Тотила послал его с большим войском и с кораблями к побережью Далмации. Прибыв к местечку, называемому Муикуро, которое очень близко по берегу расположено от Салон, он сначала вошел в сношения со здешним населением, выдавая себя за римлянина и близкого Велизарию человека, а затем сам, обнажив меч и приказав сделать 25 то же своим спутникам, внезапно перебил всех жителей. Разграбив все ценности, он ушел отсюда и внезапно напал на другое укрепленное место по побережью, которое римляне 26 называют Лавреатой. Высадившись здесь, он уничтожил всех попавшихся ему навстречу. Когда об этом узнал Клавдиан, который был начальником Салон, он послал против него войско, посадив его на так называемые дромоны (быстроходные суда). Прибыв в Лавреату, римляне вступили с ними 27 в сражение, но понесли в битве решительное поражение и бежали, кто куда мог, покинув в гавани свои дромоны. Там находилось много и других судов, груженных хлебом 28 и продовольствием. Все это захватили Индульф и готы, перебили всех попавшихся им навстречу и, разграбив ценности, вернулись к Тотиле. Кончилась зима, а с ней окончился и четырнадцатый год (548—549) войны, которую описал Прокопий.

1 **36.** После этого Тотила повел все свое войско против Рима и, подвергнув его осаде, стал там лагерем. Велизарий оставил там три тысячи воинов, отборных по доблести; их он оставил в качестве гарнизона для Рима и дал им в начальники Диогена, одного из своих телохранителей, человека исклю- 2 чительно умного и опытного в военных делах. Поэтому он

продержался в этой осаде долгое время. Осажденные, благодаря выдающейся доблести, оказались равносильными при сражениях всему войску врагов; Диоген очень внимательно следил за стражей, чтобы никто не мог подойти к стенам с враждебными¹ целями, и, посеяв везде внутри укреплений хлеб, боролся этим способом с недостатком продовольствия. Много раз варвары пытались брать стены приступом, но при их попытках взойти на них римляне благодаря своей доблести их отражали. Однако, овладев Портом, варвары со всеми силами стали осаждать Рим. Таково было положение дел здесь. Когда император Юстиниан увидел, что Велизарий вернулся в Византию, он решил послать другого главнокомандующего с войском против готов и Тестилы. Если бы он выполнил это намерение, то, я думаю, что пока Рим был еще в его руках и воины, находившиеся там, были целы и могли соединиться с пришедшими на помощь из Византии, он мог бы победить своих врагов в этой войне. Теперь же, приказав готовиться к отправлению Либерию, одному из римских патрициев, он потом, конечно, в виду занятости другими делами отложил свое намерение.

Осада Рима продолжалась уже долгое время, и вот некоторые из исавров, которые сторожили ворота, называемые воротами Павла, тайно вошли в переговоры с Тотилой и договорились предать ему город. Они жаловались, что в течение многих лет им ничего не было дано императором, а одновременно они видели, что исавры, которые в первый раз предали готам Рим, живут роскошно и тонут в избытке богатств. Был назначен день для выполнения этого плана. Когда наступил назначенный срок, Тотила прибег к следующей хитрости. В первую ночную стражу он спустил на реку Тибр два больших* судна, посадив на них людей, умеющих играть на трубах. Он приказал им переплыть на веслах на противоположный берег Тибра и изо всех сил затрубить в трубы, когда они будут очень близко от укреплений. Сам он незаметно от врагов держал наготове войско готов около вышеупомянутых ворот, называвшихся воротами апостола

---

* Другое чтение: «маленьких».

11 Павла. Сообразив, что если бы некоторые из римского
войска, стараясь скрыться, как это бывает в темноте, захо-
тели бежать из города, то они направились бы в Центумцеллы,
так как другого укрепления у них в этих краях не было,
он решил занять ведущую туда дорогу и посадил в засаду
отряд храбрых воинов с приказанием убивать всех бегущих.
12 Те, которые были на судах, когда оказались около города,
13 затрубили, как им было приказано, в трубы. Пораженные
большим страхом и в крайнем волнении римляне, внезапно
покинув без всякого основания свои сторожевые посты,
бросились туда бегом на помощь, полагая, что на это место
14 укреплений сделано нападение. Одни только исавры, соби-
равшиеся совершить предательство, остались на месте своей
стражи и, получив полную возможность, открыли ворота
15 и приняли врагов в город. Тут произошло ужасное избиение
всех попадавшихся им навстречу; многие, стараясь
убежать, устремились к другим воротам; но все, кто шли
к Центумцеллам, попали в руки находящихся в засаде и по-
гибли. Лишь очень немногие из них с трудом могли убежать;
среди них, говорят, спасся и раненый Диоген.

16 Был в римском войске некто, по имени Павел, по про-
исхождению киликиец; он прежде стоял во главе дома Ве-
лизария, а затем, командуя конным отрядом, отправился
в Италию и вместе с Диогеном был поставлен во главе гар-
низона в Риме. По взятии города этот Павел с четырьмястами
17 всадников бежал в гробницу Адриана и занял мост, который
18 вел в храм апостола Петра. На рассвете войско готов всту-
пило с этим отрядом в бой; но они очень упорно сопротивля-
лись неприятелям и одержали победу, убив многих варваров,
так как в этом им помогало и большое число столпившихся
19 здесь неприятелей и узость прохода. Как только это заметил
Тотила, он тотчас же прекратил битву и велел готам занять
позиции против засевших в гробнице Адриана и оставаться
20 спокойными, полагая, что он возьмет этих людей голодом.
Этот день Павел и бывшие с ним четыреста человек провели
без пищи, так провели они и ночь. На другой день они
задумали убить себе в пищу нескольких лошадей, но до
глубокого вечера они колебались приступить к такой еде,

удерживаемые необычайностью для себя такой пищи, хотя
21 голод их очень сильно мучил. Тогда, посоветовавшись между
собой и призвав друг друга к благородной смелости, они
пришли к выводу, что лучше для них уже сейчас окончить
22 жизнь славной смертью. Они решили внезапно броситься
на неприятелей, убить из них, кто сколько сможет, и в этом
23 смелом подвиге найти свою кончину. Немедленно обнявшись
друг с другом и поцеловавшись, они радостно стали гото-
виться к смертному пути, намереваясь погибнуть все до
24 одного. Но об этом подумал и Тотила; он испугался, как
бы люди, обрекшие себя смерти и не имеющие уже в даль-
нейшем никакой надежды на спасение, не причинили готам
25 непоправимого ущерба. Поэтому, послав к ним двоих, он
предложил им выбор: хотя ли они, оставив тут коней и сло-
жив оружие, дав клятву, что никогда не пойдут войной на
готов, возвратиться в Византию, и за это получить обещание
полной личной неприкосновенности, или, сохранив при
себе все свое достояние, служить в дальнейшем у него на
26 одинаковых и равных правах с готами. Римляне с удоволь-
ствием услышали это предложение. И в первый момент все
выбрали возвращение в Византию, но потом, подумав, что
стыдно им возвращаться назад пешими и невооруженными,
боясь погибнуть, попав в какую-нибудь засаду при воз-
вращении, а вместе с тем и сердясь, что римская казна за
столь долгое время задолжала им жалованье, все добровольно
захотели остаться вместе с войском варваров, кроме Павла
и некоего исавра Минды; они явились к Тотиле и просили
27 отправить их в Византию. Они говорили, что у них на родине
остались жены и дети, без которых они не могут жить. Так
28 как они, по мнению Тотилы, говорили правду, то он принял
их просьбу и, одарив деньгами на дорогу, отпустил их, дав
им конвой. И все другие из римского войска, которые в бег-
стве скрылись по храмам города, числом до трехсот, получив
29 от Тотилы обещание безопасности, перешли на его сторону.
В дальнейшем Тотила не пожелал ни разрушать, ни покидать
Рима, но решил поселить здесь готов и римлян, принадле-
жащих к сенатскому званию, равно и всех других по следу-
ющей причине.

1   **37.** Незадолго перед тем, послав к королю франков, То-
2 тила просил дать ему в жены свою дочь. { Но франк отказал
ему в его просьбе, говоря, что он не является, да и не будет
никогда владыкою Италии, так как, взяв Рим, он не смог
его удержать в своей власти, но, разрушив часть его, он
3 вновь уступил его врагам. Поэтому Тотила стал спешно сво-
зить в него в данный момент продовольствие и велел возможно
скорее ремонтировать то, что он сам раньше разрушил или
сжег. Он послал за римлянами, за римскими сенаторами
4 и за всеми другими, которых он держал в Кампании. Затем,
после того как он присутствовал на конном состязании, он
стал готовить все войско, как бы собираясь идти походом
5 на Сицилию. Вместе с тем он снарядил четыреста военных
судов, как бы готовясь к морской битве. Кроме того,
у него был целый флот, очень многочисленный, из тех боль-
ших судов, которые были посланы с востока сюда импера-
6 тором и со всем экипажем и грузом попали в его руки. Од-
ного римлянина, Стефана, он отправил послом к императору,
прося его прекратить эту войну, заключить с готами клятвен-
ный договор, с тем чтобы они были в будущем его союзниками,
7 если он пойдет на других врагов. Но император Юстиниан не
разрешил его послу явиться к нему, а на его предложения во-
обще не обратил никакого внимания. Когда об этом услышал
8 Тотила, он тотчас же опять стал готовиться к войне. Ему пока-
залось более соответствующим обстоятельством сначала попы-
9 таться взять Центумцеллы, а уже потом идти в Сицилию. На-
чальствовал тогда над гарнизоном в этой крепости Диоген,
10 телохранитель Велизария, имея при себе значительную силу.
Когда войско готов пришло к Центумцеллам, оно стало ла-
11 герем под самыми стенами и приступило к осаде. Отправив
послов к Диогену, Тотила предлагал ему и воинам, что если
они хотят решить исход их спора битвой, то пусть приступят
12 к этому делу немедленно. Он убеждал их, чтобы они не ла-
скали себя никакими надеждами, будто от императора при-
дет к ним на выручку какое-либо другое сильное войско,
что император Юстиниан уже не в силах в дальнейшем вести
13 войну с готами; достаточным для этого доказательством
14 служит все то, что за это время случилось в Риме. Он пред-

ложил им на выбор, чего они желают: или соединиться с войсками готов на равных и одинаковых правах, или быть доставленными в Византию, выйдя отсюда с полной личной неприкосновенностью. Диоген и римляне заявили, что они 15
вовсе не желают ни решать этого дела одной битвой, ни объединяться с войском готов, так как они не могли бы жить без 16
своих детей и жен. Но и сдать в данный момент без всякого приличного основания ту крепость, охранять которую им поручено, им никак невозможно, так как в этом у них пока не будет никакого оправдания, а ведь они хотят быть от- 17
правленными к императору. Они просили отложить этот вопрос на некоторое время, чтобы за этот срок они могли известить императора, в каком они находятся положении; если же за это время от императора не придет никакой 18
помощи, они сдадут город готам и сами уйдут, но тогда их удаление не будет необоснованным. Когда Тотила выразил на это согласие, то был установлен день и с каждой стороны в подтверждение договора в качестве заложников было дано по тридцать человек. Готы, сняв осаду, направились против 19
Сицилии. Когда они прибыли в Регий, то, прежде чем перейти находящийся здесь пролив, они попытались взять силой 20
крепость, находящуюся в Регии. Начальниками находящегося здесь гарнизона были Торимут и Гимерий, которых поставил 21
во главе воинов в бытность свою здесь Велизарий. Так как они имели с собой много отборных воинов, то они отразили пытавшихся штурмовать стены неприятелей и, сделав вылазку из крепости, одержали победу. Но потом, намного 22
уступая по численности неприятелям, они заперлись в стенах и тихо сидели. Тотила оставил часть войска готов для того, чтобы их сторожить, ожидая, что этих римлян он может 23
спустя некоторое время захватить вследствие недостатка у них продовольствия, а остальное войско он послал на таррентинцев, и крепость, бывшую в этом городе, взял без всякого труда. Те же готы, которых он оставил в Пиценской области, взяли благодаря измене находящийся там город Аримин.

24 Услыхав об этом, император Юстиниан решил назначить своего племянника Германа полномочным военачальником

против готов и Тотилы и приказал ему приступить к приготовлениям. Когда слух об этом дошел до Италии, он очень
25 обеспокоил готов. У них Герман пользовался славой счастли-
ливого полководца. Все римляне тотчас же исполнились
счастливых надежд, и войны императорского войска еще
26 с большим воодушевлением выносили все опасности и невзгоды.
Но император, не знаю почему, передумал и, вместо Германа,
назначил на это дело римлянина Либерия, о котором я упо-
27 минал раньше. Он быстро все организовал и готовился
немедленно отплыть с войском; за это он также заслужил
добрую славу и возбудил лучшие надежды. Но когда импе-
28 ратор опять раздумал, то и он остался ожидать в бездействии.
В то же время и Вер, собрав вокруг себя очень воинственных
и храбрых солдат, вступил в открытый бой с готами, бывшими
в Пиценьской области недалеко от города Равенны; но в этом
сражении он потерял многих из следовавшего за ним войска
и погиб сам, проявив себя в эту трудную минуту как храб-
рый воин.

1 38. Около этого же времени войско славян, собравшись
не больше чем в три тысячи человек, перешло через реку
Истр, не встретив ни с чьей стороны противодействия, и за-
тем без большого труда, перейдя реку Гевр,¹⁵ разделилось
2 на две части. В одной части было тысяча восемьсот человек,
3 вторая включала всех остальных. Начальник римского
войска в Иллирии и Фракии вступили с этими войсками
в открытое сражение, но хотя эти части и были разъединены,
однако римляне были разбиты благодаря их внезапному напа-
дению, одни из них были убиты, другие в беспорядке бежали.
4 После того как начальники римлян были таким образом
разбиты обоими отрядами варваров, хотя варвары по чис-
ленности были намного слабее римлян, один из неприятель-
5 ских отрядов вступил в сражение с Асбадом. Это был воин
из отряда телохранителей императора Юстиниана, зачис-
ленный в состав так называемых кандидатов; он командовал
регулярной конницей, которая издавна имела пребывание
во фракийской крепости Тзуруле, и состояла из много-
6 численных отличных всадников. И их без большого труда
славяне обратили в бегство и во время этого позорного бег-

ства очень многих убили, Асбада же в данный момент взяли живым в плен, а потом убили, бросив в горящий костер, предварительно вырезав из кожи на спине этого человека ремни. После этого они стали безбоязненно грабить и все эти местности и во Фракии и в Иллирии, и много крепостей и тот и другой отряд славян взял осадой; прежде же славяне никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться на равнину (для открытого боя), так как эти варвары никогда прежде даже не пробовали проходить по земле римлян. Даже через реку Истр, повидимому, за все время они перешли только один раз, как я выше об этом рассказывал.

Эти славяне, победители Асбада, опустошив подряд всю страну вплоть до моря, взяли также приступом и приморский город, по имени Топер, хотя в нем стоял военный гарнизон. Это город был первым на фракийском побережье и от Византии отстоял на двенадцать дней пути. Взяли же они его следующим образом. Большая часть врагов спряталась перед укреплением в труднспроходимых местах, а немногие, появившись около ворот, которые обращены на восток, бесп^окоили римлян, бывших на стене. Римские воины, находившиеся в гарнизоне, вообразив, что врагов не больше, чем сколько они видят, взявшись за оружие, тотчас же вышли против них все. Варвары стали отступать, делая вид, что, испуганные их нападением, они обратились в бегство; римляне же, увлеченные преследованием, оказались далеко впереди укреплений. Тогда поднялись находившиеся в засаде и, оказавшись в тылу у преследующих, отрезали им возможность возвратиться назад в город. Да и те, которые делали вид, что отступают, повернувшись лицом к римлянам, поставили их между двух огней. Варвары всех их уничтожили и тогда бросились к стенам. Городские жители, лишённые поддержки воинов, были в полной беспомощности, но все же стали отражать, насколько они могли в данный момент, нападающих. Прежде всего они лили на штурмующих кипящее масло и смолу и всем народом кидали в них камни; но они, правда, не очень долго отражали грозящую им опасность. Варвары, пустив в них тучу стрел, принудили их покинуть стены и, приставив к укреплениям

18 местницы, силой взяли город. До пятнадцати тысяч мужчин
они тотчас же убили и ценности разграбили, детей же и жен-
19 щин обратили в рабство. Вначале они не щадили ни возраста,
ни пола; оба эти отряда с того самого момента, как ворвались
в область римлян, убивали всех, не разбирая лет, так что
вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными
20 телами. Они убивали попадавшихся им навстречу не мечами
и не копьями или какими-нибудь обычными способами, но,
вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми,
они с великой силой насаживали на них этих несчастных,
делая так, что острие этого кола входило между ягодцами,
а затем под давлением (тела) проникало во внутренности
21 человека. Вот как они считали нужным обращаться с ними.
Иногда эти варвары, вбив глубоко в землю четыре толстых
кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем
непрерывно били их палками по голове, убивая их таким
образом, как собак или как змей или других каких-либо
22 диких животных. Остальных же вместе с быками или мелким
скотом, который они не могли гнать в отеческие пределы,
они запирали в помещениях и сжигали без всякого сожаления.
Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им
жителей. Теперь же они и варвары из другого отряда, как
23 бы упившись морем крови, стали некоторых из попадав-
шихся им брать в плен, и поэтому все уходило домой, уводя
с собой бесчисленные десятки тысяч пленных.

1 **39.** Позднее готы напали на укрепление в Регию, осаж-
денные же, очень решительно защищаясь, отразили их на-
ступление, причем Торимут всегда проявлял против них
2 подвиги, достойные его доблести. Зная, что у осажденных
нехватает продовольствия, Тотила часть войска оставил
здесь для того, чтобы сторожить их, чтобы неприятели ни-
чего не могли в дальнейшем получать из продовольствия
и чтобы вследствие недостатка в предметах первой необхо-
димости они сдались бы сами и сдали крепость. Сам же,
с остальным войском переправившись в Сицилию, напал
3 на стены Мессены. Командовал находящимися здесь римля-
нами Домнециол, племянник Бузы. Он встретил варваров
под укреплениями стен, вступил с ними в бой и оказался

не хуже их. Но вновь войдя в город, он, заботясь об его охране, сидел там и не предпринимал ничего. Так как гстам никто не препятствовал, они опустошили почти всю Сицилию. Осажденные же в Регии римляне, которыми командовали Торимут и Гимерий, как я говорил выше, так как у них совершенно не осталось продовольствия, договорившись с врагами, сдались сами и сдали крепость.

Когда об этом услышал император, он собрал многочисленный флот, и, посадив на него большое количество пехоты из регулярного войска, поставил над ним начальником Либерия и велел ему возможно быстрее плыть в Сицилию и всеми силами стараться спасти (для римлян) остров. Но когда он назначил Либерия начальником этого флота, он тотчас опять стал раздумывать. Либерий был человеком уже в очень преклонных годах и совершенно неопытным в военном деле. Отпустив Артабану все его вины и все обвинения против него и назначив его начальником всех фракийских войск, он тотчас же послал его в Сицилию, дав небольшое войско и поручив принять от Либерия отправленный вместе с ним флот, а Либерия отозвал в Византию. Своего племянника Германа он назначил полномочным вождем для того, чтобы вести войну против Тотилы и готов. Войско ему он дал небольшое, но денег дал значительную сумму и поручил ему собрать возможно более крупные силы во Фракии и Иллирии и со всей поспешностью двигаться в Италию. Он приказал вместе с ним двинуться в Италию и зрулу Филемуту со своими отрядами, и Иоанну, бывшему зятем Германа и племянником Виталиана (назначенный начальником иллирийских войск, он имел там свое пребывание).

Тогда Германа охватило великое честолюбие, он захотел увенчать себя победой над готами, чтобы за ним в будущем осталась слава, что для Римской империи он сохранил Ливию и Италию. Когда в прежнее время Стоза стал узурпатором власти в Ливии и очень сильно упрочил за собой власть над нею, то Герман, посланный императором, победив сверх ожидания в открытом бою восставших, прекратил этот незаконный захват власти и вновь возвратил Ливию под владычество римлян, как мной рассказано в прежних книгах

43 (IV [II], гл. 16). И теперь, когда дела в Италии пришли
в такое критическое положение, как я только что рассказал,
он хотел приобрести себе и здесь великую славу за то, что,
14 покорив Италию, он вернул ее под власть императора. Прежде
всего (так как у него давно уже умерла жена, по имени
Пассара) он взял себе в законные жены Матазунту, дочь
15 Амалазунты и внучку Теодориха, так как Витигис уже умер.
Он надеялся, что если вместе с ним при войске будет она
в качестве его жены, то готы естественно постыдятся поднять
оружие против нее в память владычества Теодориха и Атала-
16 риха. Затем, тратя большие деньги, полученные от импе-
ратора и не щадя никаких личных средств, он несжданно
для всех собрал в самое короткое время большое войско
17 из очень воинственных людей. Дело в том, что римляне, как
люди опытные в военном деле, покинув без внимания многих
начальников, у которых они были их личными копьенос-
цами и щитоносцами, последовали за Германом как из самой
Византии, так и из Фракии и Иллирии. Большую энергию
в этой вербовке проявляли сыновья Германа, Юстин и Юсти-
18 ниан, которых, уходя на войну, он взял с собой. С разрешения
императора он набрал себе некоторые отряды и из регуляр-
19 ной конницы, находившейся во Фракии. Также многие из
варваров, которые жили около реки Истра, привлеченные
славой имени Германа, явились сюда и, получив крупные
20 суммы денег, соединились с римским войском. Стекались
сюда и другие варвары, собираясь со всех концов земли.
И король лангобардов, имея готовыми тысячу тяжело воору-
женных, обещал немедленно их прислать.

21 Когда слухи об этом, даже превосходя действительность,
стали достигать Италии (а в человеческих делах всегда так
бывает, что молва, чем дальше, тем больше растет), готы от-
части испугались, отчасти почувствовали себя в безвыход-
ном положении, если им придется воевать с потомством
22 Теодориха. И римские воины, которые принуждены были
против воли быть в рядах готов, отправив к Герману посла
велели ему дать знать, что как только они увидят, что он
явился в Италию и что его войско стало там лагерем, они без
промедления всеми средствами постараются соединиться

23 с ними. Ободренные всем этим, войны императора в Равенне,
а также и в других городах, которые еще удалось им удержи-
24 жать в своей власти, воспрянули надеждами, почувствовали
новую силу и решили со всей тщательностью охранять эти
и теперь поодиночке скитались, кто где мог, когда они услы-
25 хали, что этим путем идет Герман, собрались все в Истрии
и, поджидая его войска, не предпринимали ничего. В это
26 время, так как наступил срок, условленный между ним
и Диогеном относительно Центумцелл, Тотила послал к нему
и велел согласно договору сдать город. Но Диоген ему от-
ветил, что он уже не уполномочен это сделать, так как он
27 слышал, что полномочным военачальником в этой войне
назначен Герман и что он со своим войском находится неда-
28 леко; что касается заложников, то он желает получить об-
ратно своих, возвратив тех, которых он получил от готов.
Отпустив тех, которые были ему присланы, он усиленно
наблюдал за охраной города, с нетерпением ожидая Германа
29 с его войском. Вот в каком положении были здесь дела. Окон-
чилась зима, и с ней кончился и пятнадцатый год (549—550)
войны, которую описал Прокопий.

1 40. Пока Герман собирал свое войско в Сардине, городе
Иллирии, и приводил его в порядок, заготавливая усиленно
все, что нужно было для войны, огромная толпа славян, ка-
2 кой никогда раньше не бывало, явилась на римскую терри-
торию. Перейдя реку Истр, они подошли к городу Наису.
Когда немногие из них, отделившись от войска стали блуж-
дать в одиночку по этим местам, некоторые из римлян захва-
3 тили их и, связав, стали допытываться, чего ради это войско
перешло через Истр и что они собирались сделать. Славяне
твердо заявили, что явились сюда, чтобы осадить и взять
Фессалонику и города вокруг нее. Когда об этом услышал
император, он пришел в большое беспокойство и тотчас
приказал Герману отложить поход на Италию и защищать
Фессалонику и другие города и отразить, поскольку он
4 может, нашествие славян. Из-за этого Герман задержался.

5 Славяне же, узнав точно от пленных, что Герман находится
в Сардике, почувствовали страх. Среди этих варваров Гер-
ман пользовался большой известностью по следующей при-
чине. Когда Юстиниан, дядя Германа, вступил на престол,
анты, ближайшие соседи славян, перейдя Истр, с большим
6 войском вторглись в пределы римлян. Незадолго перед тем
император назначил Германа начальником войск всей Фра-
кии. Герман вступил в бой с войском неприятелей и, нанеся
им сильное поражение, почти всех их перебил. За это дело
Герман получил великую славу среди всех, а особенно среди
7 этих варваров. Боясь его, как я сказал, и полагая, что он
ведет с собою весьма значительную силу, как посланный импе-
ратором против Тотилы и готов, они тотчас прервали свой
поход на Фессалонику и не дерзали больше спускаться на
равнину, но, повернув назад и пройдя по горам через всю
8 Иллирию, оказались в Далмации. Избавившись от этой за-
боты, Герман велел всему войску готовиться, чтобы через
9 два дня начать поход на Италию. Но какая-то злая судьба,
поразив его внезапной болезнью, заставила его окончить
свой жизненный путь. Так внезапно умер Герман, человек
исключительной храбрости и энергии, во время войны пре-
красный и искусный военачальник, все делавший самостоя-
тельно, хороший организатор, во время мира и при счастли-
вых обстоятельствах умевший очень твердо охранять законы
и порядок государственной жизни; он был самый справед-
ливый судья, ссужавший всем нуждающимся большие суммы
и за них не бравший никогда никаких процентов, во дворце
и при народе наиболее строгий и гордо державшийся, дома
же радушный, приятный в обращении, откровенный и при-
ветливый. Насколько у него было сил, он не позволял, чтобы
во дворце происходили какие-либо правонарушения против
установленных порядков; он никогда не принимал участия
в заговорах византийских партий и не имел с ними общения,
хотя многие из власть имущих доходили до такой глупости.
Но будет об этом.

10 Император был очень огорчен произошедшим несчастьем.
Он приказал Иоанну, племяннику Виталиана и зятю Гер-
мана, вместе с Юстинианом, вторым сыном Германа, вести

11 Это войско в Италию. Они пошли по направлению к Дал-
мации, чтобы перезимовать в Салоне, так как им показалось
невозможным в такое время года пройти вокруг залива
и явиться в Италию. Переправиться же морем, не имея ко-
12 раблей, для них было невозможно. Что же касается Либерия,
который еще не знал, что император передумал относительно
командования флотом, то он пристал к Сиракузам, осажден-
13 ным врагами. Прорвавшись через ряды стоявших тут вар-
варов, он вошел в гавань и со всем флотом оказался внутри
14 укреплений. Немного позже прибыл к Кефалении Артабан
и, когда он узнал, что флот и войско с Либерием уже отплы-
ли отсюда и направились к Сицилии, тотчас поднял паруса
15 и сам переплыл здесь так называемое Адриатическое море.
Когда он был близ Калабрии, поднялся страшный ураган,
ветер был очень силен и дул им в лицо; все корабли были
раскиданы, так что можно было думать, что многие из них
16 занесены в Калабрию и оказались во власти врагов. Но ока-
залось не так; гонимые страшной силой ветра, они повернули
назад в открытое море и, терпя сильные бедствия, вновь ока-
зались в Пелопонезе. Из других — кому как посчастливи-
17 лось, одни погибли, другие спаслись. У одного корабля,
на котором плыл сам Артабан, сломалась в открытом море
при волнении мачта; корабль попал в опасное положение,
но, несясь по воле сильного ветра и следуя за течением, он
пристал к острову Мелите. Так совершенно неожиданно
удалось Артабану выйти невредимым из этого опасного
положения.

18 У Либерия не было достаточно сил, чтобы сделать вылазку
против осаждающих или сразиться с ними в открытом бою.
Да и продовольственных запасов у осажденных на долгое
время было недостаточно, так как осажденных было много.
19 Поэтому он со своим флотом отплыл оттуда и незамеченный
врагами удалился в Панорм. Тотила же и готы ограбили
почти все местности Сицилии, увели огромное количество
коней и других животных и увезли с острова хлеб, все другие
плоды и все ценности (а их было много); нагрузив все это на
суда, внезапно покинули остров и вернулись в Италию. Сде-
20 лали они это по следующему поводу. Был некий римлянин,

по имени Спин, родом из Сполетия, которого не так
21 давно Тотила сделал своим квестором (казначеем). Он жил
22 в городе Катане, бывшем не укрепленным. Как-то случилось,
что он был взят в плен врагами. Стараясь спасти его, Тотила
предлагал вместо него римлянам одну из знатных женщин,
23 бывших у него в плену. Но римляне ни в коем случае не счита-
ли справедливым сменить человека, носящего звание
24 квестора, на (какую-то) женщину. Тогда этот человек, испугавшись,
как бы враги его не убили, обещал римлянам, что
он тотчас убедит Тотилу удалиться из Сицилии, и со всем
25 войском готов переправиться в Италию. Римляне, на осно-
26 вании этого обещания связав его всякими клятвами, отдали
готам, получив за него женщину. Явившись к Тотиле, он
стал говорить ему, что готы, ограбив почти всю Сицилию,
вопреки своим интересам из-за каких-то маленьких крепо-
27 стей все еще теряют здесь время. Он утверждал, что не так
давно, когда он был у врагов, он слышал, что Герман, пле-
мянник императора, окончил свои дни; что Иоанн, его зять,
и Юстиниан, второй из его сыновей, со всем собранным
Германом войском находится уже в Далмации и, тотчас
снарядившись, прямо отправятся оттуда в Лигурию с тем,
чтобы сделать набег, забрать в рабство жен и детей готов
и ограбить все ценности: «Лучше было бы, — говорил он, —
нам самим встречным ударом пойти против них и в безопас-
28 ности вместе с нашими близкими провести зиму. Если мы их
победим, то с наступлением весны нам можно будет опять
без всякого страха двинуться против Сицилии, не думая
уже ни о каких врагах». Тотила был убежден этими доводами.
29 Он оставил гарнизоны в четырех крепостях, а сам со всем
остальным войском, забрав с собою всю добычу, переправился
в Италию. Таковы-то были дела здесь.

30 Иоанн с императорским войском, прибыв в Далмацию,
решил провести зиму в Салонах, имея в виду с окончанием
31 зимы двинуться прямо в Равенну. В это время славяне,
которые перед тем оказались в пределах владений импера-
тора, как я только что рассказывал, и другие, немного позд-
нее перешедшие через Истр и соединившиеся с прежними,
получили полную возможность беспрепятственно вторгаться

32 в пределы империи. Многие подозревали, что Тотила, под-
купив этих варваров крупными денежными суммами, направил их на римлян с тем, чтобы императору было невозможно
33 хорошо организовать войну против готов, будучи связанным
борьбой с этими варварами. Я не могу сказать, явились ли
эти славяне, делая угодное Тотиле, или пришли сами, никем
не призванные. Разделившись на три части, эти варвары при-
чинили всей Европе неслыханные бедствия, грабя эти мест-
ности не просто случайными набегами, но зимую здесь, как
34 бы в собственной земле, не боясь неприятеля. Позднее импе-
ратор послал против них отборное войско, во главе которого
между прочим стояли Константиан, Аратий, Назерес, Юстин,
другой сын Германа, и Иоанн, по прозвищу «Фага» («обжора-
35 расточитель»). Главным начальником над ними он поставил
36 Схоластика, одного из дворцовых евнухов. Это войско
захватило часть варваров около Андрианополя, города,
который лежит посреди Фракии, на расстоянии пяти дней
37 пути от Византии. Дальше уже варвары двинуться не могли;
ведь они имели с собой бесчисленную добычу из людей,
38 всякого скота и ценностей. Оставаясь там, они решили
вступить с врагами в открытый бой, но собирались сделать
это так, чтобы те даже и не предчувствовали, что они этого
хотят. Славяне стояли лагерем на горе, которая тут возвы-
шалась, римляне — на равнине, немного поодаль. Так как
39 уже прошло много времени, как они сидели так друг против
друга, то римские воины стали выражать нетерпение и по-
зволять себе недопустимые поступки, упрекая вождей, что
вот они, как начальники римского войска, имеют для себя
продовольствие в изобилии, а не обращают внимания на сол-
40 дат, мучимых недостатком в предметах первой необходимости,
и не хотят вступить с врагами в бой. Под их давлением воен-
начальники начали сражение. Произошел сильный бой,
41 и римляне были разбиты наголову. Здесь погибло много
прекрасных воинов; военачальники, которым грозила близ-
кая опасность попасть в руки врагов с остатками армии,
42 с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары захва-
тили знамя Константиана и, не обращая внимания на рим-
43 ское войско, двинулись дальше. Они получили возможность

ограбить местность, так называемую Астику, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом, опустошив большую область, варвары подошли к «Длинным стенам», которые отстоят от Византии не много больше одного
44 дня пути. Немного позже римское войско, идя следом за этими варварами, захватило одну часть их и, неожиданно
45 напав на них, обратило их в бегство. Из врагов они многих убили, спасли огромное количество римских пленников и, найдя в числе добычи знамя Константина, вновь его вернули себе. Остальные варвары со всей другой добычей возвратились домой.

К Н И Г А VIII

(КНИГА IV ВОЙНЫ С ГОТАМИ)

1 1. Все то, о чем я до сих пор рассказывал, я написал, насколько это было возможно, с таким расчетом, чтобы разделить содержание и распределить его по книгам в соответствии со странами, где приходилось вести военные действия. Эти книги уже вышли в свет и распространены повсеместно
2 в Римской империи. Но отныне в своем рассказе я не буду придерживаться этого порядка. К изданным мною произведениям, уже совершенно законченным, я не могу присоединить описание новейших событий, но обо всем том, чему суждено было совершиться в течение этих войн, равно и о войне против мидийского племени, о войнах с которым я уже писал раньше в прежних книгах, я напишу и в этой книге обо всем (что случилось нового). Таким образом, рассказ мой о событиях по необходимости будет «пестрой» всеобщей историей.

3 В моих прежних книгах изложено уже все то, что произошло до четвертого года того пятилетнего перемирия, которое было заключено между римлянами и персами. В следующем затем году большое полчище персидского войска
4 вторглось в землю Колхиды. Во главе их стоял некто, по имени Хориан, родом перс, человек очень опытный во всех военных делах; за ним в качестве союзников следовало много варваров из племени аланов. Когда это войско прибыло

6 в область Лазики, которая называется Мохересис, оно оста-
новилось, став лагерем на удобном месте. Протекает там
также река Гиппис, небольшая и несудоходная, но доступ-
ная для перехода, и для всадников и для пехотинцев. На
7 правом берегу ее они поставили укрепленный лагерь, но не
у самого берега, а довольно далеко в стороне. Чтобы чита-
ющие эти строки могли вполне ясно представить себе все
места в области лазов и то, какие племена живут в этой
стране, и чтобы читатели не были принуждены слушать все
эти рассказы, как будто сражаясь с какими-то тенями, мне
показалось вполне современным описать в этой части своей
книги, как и какие люди живут по так называемому Эвксин-
скому Понту. Я хорошо знаю, что и более древними писа-
8 телями все это было описано, но я думаю, что все то, что ими
сказано, не вполне точно. * Некоторые из них называли
соседей трапезунтцев или санами ** (мы их теперь называем
9 тзанами), или колхами, назвав лазами других, к которым
еще и теперь применяется это имя. На самом деле не верно
ни то, ни другое. Тзаны, находясь очень далеко от берега
моря, живут рядом с армянами в середине материка. Между
ними и морем вздымаются цепи высоких гор, трудно про-
ходимых и совершенно отвесных, большая область, искони
бывшая пустынной и безлюдной, русла горных рек, из ко-
10 торых трудно выбраться, непроходимые пропасти и холмы,
покрытые густыми лесами. Все это отделяет тзанов от берега,
не давая им права считаться приморским народом. Что же
касается лазов, то невозможно, чтобы они не были колхами,
так как они живут по берегу реки Фазиса: как это бывает
11 и у многих других племен, они только имя колхов пере-
менили на имя лазов. Но помимо этого, многие века, которые
протекли со времени тех, кто раньше писал об этих вопросах,
внеся новое в положение дел, могли изменить то, что было
12 прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следова-
вшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому
я счел крайне важным все это точно расследовать и изложить,

---

* Ксенофонт, Анабасис, IV, 8, 22; Арриан, Перипл, гл. XI.

** Конъектура Наугу.

а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не заниматься расследованием, в каком месте Эвксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей; я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница. Но я хочу точно изложить и историю названий и описать материальную культуру и отношения, какие донныне присущи каждой из этих местностей.

1   2. Этот Понт начинается от Византии и Калхедона (Хал-
кедона) и кончается в земле колхов. Если плыть по нем, дер-
2   жась правого берега, то здесь по его берегам живут вифинцы
и соседние с ними гонориаты и пафлагоняне, у которых,
кроме других приморских местечек, есть города Гераклея
и Амастрис. За этими племенами идет Понтийская область
до города Трапезунта и его границ. Затем идет ряд небольших
приморских городков, в том числе Синоп и Амис, а побли-
зости от Амиса так называемый Темискур и река Термодонт,
где, говорят, был военный лагерь амазонок. Об амазонках
3   я буду писать немного ниже. Границы Трапезунта прости-
раются до поселка Сусурмен и до местечка, носящего назва-
ние Ризей, которое отстоит от Трапезунта на расстоянии
4   двух дней пути вдоль берега по направлению к Лазике. Раз
я упомянул о Трапезунте, то не следует пропустить воз-
можности указать на то, что там встречается особенность,
совершенно противоречащая общераспространенным пред-
ставлениям, а именно: мед во всех этих местностях около
Трапезунта бывает горьким, опровергая, таким образом,
5   только в этом месте общее мнение о сладости меда. Направо
от этих мест сплошь высятся горы страны тзанов, по другую
6   сторону которых живут армяне, подданные римлян. Из этих
гор тзанов вытекает река, называемая Боас, которая, проте-
кая по густым и обширным зарослям и по холмистой *
местности, проходит очень близко от страны лазов и впадает
7   в Эвксинский Понт, но уже не носит имени Боаса. Дело в том,
что, когда он подходит к морю, он теряет свое имя, приоб-
ретаая в этих местах другое название, которое он получает
8   в силу следующих физических свойств. Местные жители

---

* Другое чтение: «лесистой».

в остальном его течении называют его «Акамписис» («Несклоняющимся») по той причине, что там, где он смешивает свои воды с водами моря, он не меняет своего течения: со столь огромной силой и быстротой он впадает в море, вызывая сильное волнение и бурное течение; вливаясь очень далеко в море, он делает недоступным плавание в этих местах. Те, которые плавают в этих местах Понта, направляясь ли прямо в страну лазов, или, снявшись оттуда и направляясь в открытое море, не могут плыть ближайшим путем; они не в состоянии пересечь течения реки, но, свернув в этом месте очень далеко в открытое море, они плывут почти посредине Понта и только таким образом могут избавиться от силы этого течения. Вот что я хотел сказать о реке Боас.

За Ризеем начинаются пределы независимых племен, которые живут между римлянами и лазами. Тут расположен некий поселок, по названию Афины, не потому, чтобы здесь осели выселившиеся афиняне, как некоторые думают, в качестве колонии, но потому, что в стародавние времена властительницей этой страны была некая женщина, по имени Аффинея, гробница которой существовала еще до моего времени. За Афинами лежит Архабис и старинный город Апсарус который отстоит от Ризея приблизительно на три дня пути. В древности он назывался Апсиртом*, получив название, одинаковое с именем человека, которого тут постигла кончина. Местные жители рассказывают, что по злому умыслу Медеи и Ясона погиб здесь Апсирт и что вследствие этого данное место получило такое название. Он в этом месте скончался, оно же в память о нем стало так называться. Но слишком много времени протекло от этого события до наших времен, бесчисленны были тут смены народов; время дало возможность явиться новому названию, ему укрепиться и стереть память о тех событиях, из-за которых получилось это имя, благодаря чему имя этого места могло начать звучать по-новому. И могила этого Апсирта была в восточной части этого города. В древности этот город был многолюдным, его окружала могучая стена, украшен он был театром и гипподромом и

---

* *Arriani. Periplus*, гл. 6.

всем остальным, что обычно указывает на обширность и значение города. Теперь же от всего этого не осталось ничего, если не считать фундаментов зданий.

15 Так что, конечно, можно было бы удивляться тем, которые говорят, что колхи — соседи жителей Трапезунта. Ведь ясно, что, похитив вместе с Медеей <золотое> руно, Ясон¹ этой дорогой мог бы бежать не в Элладу и не в родные
16 места, но назад к реке Фазису и к живущим в глубине страны варварам. Говорят, что во времена римского императора Траяна здесь стояли лагерем римские легионы вплоть
17 до страны лазов и сагин. Живущие ныне здесь люди не являются подданными ни римского императора, ни царя лазов; только в силу того, что они являются христианами,
18 епископы лазов назначают им священников. Эти племена по доброй своей воле являются в силу договора друзьями и той и другой стороны, причем они согласились все время безотказно служить проводниками тем, кого обе стороны
19 взаимно посылали друг к другу. Повидимому, они так поступали и до моего времени. Тех, которых оба властителя посылают друг к другу в качестве вестников, они перевозят
20 на своих легких судах. Но до сего времени они еще никому не платили дани. Направо от этих мест поднимаются очень отвесные горы и на огромное пространство простирается пустынная страна. За ней живут так называемые персармяне и армяне, подданные римлян, занимающие пространство вплоть до самых пределов Иберии.

21 От города Апсарунта до города Петры и границ лазов, где кончается Эвксинский Понт, пути один день. Упираясь
22 в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу — полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий, а все, что лежит за этой береговой линией, является
23 уже страной лазов и носит название Лазики. За этими местами внутри страны лежат области Скимния и Суания. Живущие здесь племена являются подчиненными лазам. Они управляются начальниками из числа местных жителей; и когда для того или другого из начальников наступает роковой час его жизни — его смертный час, то по обычаю,

раз навсегда установленному, царь лазов ставит над ними
24 другого, взамен умершего. В областях, граничащих с этой
страной, главным образом вдоль самой Иберии, живут
месхи, издревле являющиеся подданными иберов. Живут
25 они в горах, но горы месхов не кремнисты, не страдают
от бесплодия; напротив, они изобилуют всякими благами,
26 а сверх того и сами месхи — искусные земледельцы и хорошие
для этих мест виноградари. В этой стране поднимаются
очень высокие горы, покрытые лесом и трудно доступные.
Они тянутся до самых Кавказских гор, позади же них по
27 направлению к востоку лежит Иберия, простирающаяся
до пределов персоармян. Через эти горы, уходящие высоко
в небо, течет река Фазис, начинаясь с гор Кавказа и впадая
28 в середину этого «полумесячного» залива Понта. Некоторые
считают, что в этом месте река Фазис служит границей двух
материков. Места, которые идут налево, если смотреть
вниз по течению, являются Азией, а направо лежащие на-
29 зываются Европой. В той части, которая принадлежит Ев-
ропе, находятся все населенные места лазов, на другой же
стороне лазы не имеют ни городов, ни укреплений, ни заслу-
живающего какого-либо внимания поселка, если не считать,
30 что раньше римляне выстроили здесь крепость Петру. По
преданиям местных жителей, в этой части Лазики находилось
и то золотое руно, из-за которого в своих мифах поэты
31 заставили эллинов строить Арго. Но это, по моему мнению,
совсем неверно. Думаю, что Ясон с Медеей, захватив руно,
не мог бы уйти отсюда тайно от Эта, если бы река Фазис
не отделяла царский дворец и другие жилища колхов от того
места, где считали, что находилось это руно, на что ведь
32 действительно мимоходом указывают и поэты, писавшие
на эти темы. Так вот река Фазис, протекая той дорогой, как
я описал раньше, впадает в конечную часть Эвксинского
Понта, на краях залива — полумесяца; на одной его стороне,
принадлежащей Азии, находился город Петра, а на проти-
33 воположной стороне берега, принадлежащего уже Европе,
находится область апсилиев: они подданные лазов и
с давних уже времен христиане, как и все остальные племена,
о которых я упоминал в этом рассказе.

1   **3.** Над этой страной лежит горный хребет Кавказа.*
Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин
не касаются ни дожди, ни снегопады: они выше всяких туч.
2 Начиная от середины и до самой вершины они сплошь покры-
ты снегом; предгорья же их и у подошвы очень высоки, их
3 пики ничуть не ниже, чем у других гор. Отроги Кавказских
гор, обращенные к северо-западу, доходят до Иллирии
и Фракии, а обращенные к юго-востоку достигают до тех
самых проходов, которыми живущие там племена гуннов
4 проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов
называется Тзур, а другой носит старинное название Кас-
пийских ворот. Всю эту страну, которая простирается от
пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы;
это — племя независимое, по большей части оно было
союзным с персами и ходило походом на римлян и на других
врагов персов. Этим свой рассказ о Кавказском хребте
я считаю оконченным.

5   Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые
другие гуннские племена. Говорят, что отсюда же вышли
и амазонки и разбили свой лагерь около Темискура на реке
6 Термодонте, как я говорил немного выше, там, где теперь
находится город Амис. Теперь в окрестностях Кавказского
хребта нигде не осталось ни воспоминания, ни имени ама-
зонок, хотя и Страбон** и другие писатели много расска-
7 зывают о них. Мне кажется наиболее верным относительно
амазонок мнение тех, которые утверждали, что никогда не
существовало такого «отдельного» племени храбрых женщин
и что законы человеческой природы не могли быть нарушены
только в области Кавказского хребта; они говорили, что
огромное войско варваров двинулось из этих мест на Азию
со своими женами; став лагерем у реки Термодонта, варвары
мужчины, оставив здесь своих жен, стали бродить, грабя
и опустошая большую часть земель Азии. Когда против них
поднялись жившие здесь народы, они были все перебиты,
и никто из них, ни один человек, не вернулся в лагерь

---

* Ср. И о р д а н. Гетика, 52 сл.

** Ср. С т р а б о н, X, 5; XII, 3, 21.

к своим женам. Эти женщины в дальнейшем под влиянием страха перед окружающими их жителями и вынужденные к этому недостатком продовольствия приняли волей-неволей мужской облик, надев на себя оружие и воинские доспехи, оставленные мужчинами в лагере; вооружившись таким образом, они доблестно совершили много славных подвигов, так как их толкала на это необходимость. Это продолжалось до тех пор, пока они все не погибли. Я и сам думаю, что это было так, что амазонки шли походом вместе со своими мужьями, основываясь на том, что происходило фактически и в мое время: обычаи, дошедшие до позднейших потомков, являются отражением природных свойств и привычек предков. Так ведь гунны не раз делали набеги на Римскую империю и вступали в рукопашный бой с теми, кто выходил против них; конечно, некоторым из них приходилось здесь пасть убитыми. После удаления варваров, подбирая и осматривая тела убитых, римляне находили среди них и тела женщин.* Ведь другого женского войска нигде, насколько известно, не было найдено ни в одном месте, ни в Азии ни в Европе. Да и поскольку нам известно по слухам, и горы Кавказа никогда не были лишены мужского населения. Вот что хотел я рассказать относительно мужского населения. Вот что я хотел рассказать относительно амазонок.

За Апсилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта. Эти абасги издревле были подданными лавов, начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников; из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную. Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами. Со стороны своих властителей из-за их корыстолюбия эти племена испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, про-

---

* Ср. Плутарх и Помпей, гл. 35.

16 давали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие
17 деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали
18 для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем
19 отомстить царю за несправедливость по отношению к их
20 детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей,
21 для него подозрительных. Таким образом, красота их сыно-
вей осуждала их на гибель; эти несчастные погибали, имея
несчастье родить детей, обладавших роковой для них и смер-
тоносной красотой. Поэтому-то большинство евнухов у рим-
лян и главным образом в царском дворце были родом абасги.
При ныне царствующем императоре Юстиниане все отно-
шения у абасгов облеклись в более мягкие формы. Они при-
няли христианскую веру, и император Юстиниан, послав
к ним одного из императорских евнухов, родом абасга,
Евфрата именем, решительно запретил их царям на
будущее время лишать кого-нибудь из этого племени
признаков мужского пола, железом насилуя природу.
С удовольствием абасги услышали этот приказ импе-
ратора. Получив смелость в силу такого приказанья импе-
ратора, они уже решительно воспротивились таким дей-
ствиям своих властителей. А до этого времени каждый из
них боялся, как бы ему не стать отцом красивого сына.
Тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм бо-
городицы и, назначив к ним священников, добился того,
чтобы они приняли весь христианский образ жизни. В ско-
ром времени абасги, низложив своих царей, решили жить
на свободе. Так шли дела здесь.

1 4. За пределами абасгов до Кавказского хребта живут
2 брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Пон-
3 та Эвкси́нского утвердились зехи. В древности этим зехам
4 римский император назначил царя; теперь же эти варвары
5 ни в чем уже не повинуются римлянам. За ними живут
сагины; приморской же частью их страны издревле владели
римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских
укрепления, Севастополь и Питуинт, находящиеся друг
от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала
держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как
я сказал (гл. II, § 16), легионы римских войск занимали все

Местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны. Но когда персидский царь Хозрой был призван лазами в Петру, он очень хотел послать сюда персидское войско, с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противоположащий материк, ушли в город Трапезунт. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной; не достигнув никакого результата вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру. Вот какие дела были здесь.

7 За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского Болота» и до реки Танаиса (Дона), который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвкинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота», живут так называемые готы тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон. [Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского Болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой].² Принадлежали ли эти готы когда-нибудь к арианскому исповеданию, как и все другие готские племена, или в вопросах исповедания веры они следовали другому какому-нибудь учению, этого я сказать не могу, так как и сами они этого не знают, да и не задумывались над этим; но донныне с душевной простотой и великой без-

ропотностью чтут свою веру. Незадолго перед этим (а именно когда исполнился двадцать один год единодержавного правления императора Юстиниана) они прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который у них был священнослужителем, незадолго перед тем умер; они узнали, по их словам, что и абасгам император прислал священника. Император Юстиниан, очень охотно исполнив их просьбу, отпустил их.

13 Эти послы вследствие страха перед гуннами-утигурами открыто, в присутствии многочисленных слушателей, говорили довольно туманно, из-за чего они пришли, и ничего другого не объявили императору, кроме просьбы о назначении священнослужителя, но в беседе совершенно тайной, встретившись с глазу на глаз, они изложили все, насколько Римской империи будет полезно, если соседние с ними варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом. Каким образом и поднявшись откуда осели здесь тетракситы, я сейчас расскажу.

1 5. В древности великое множество гуннов, которых тогда
2 называли киммерийцами, занимало те места, о которых
3 я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех.
4 Как-то над ними властвовал царь, у которого было двое
5 сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур.
6 Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они по-
7 делили между собою власть и своих подданных каждый на-
8 звал своим именем. Так и в мое еще время они наименовались
9 одни утигурами, другие кутригурами. Они все жили в одном
10 месте, имея одни и те же нравы и образ жизни, не имея об-
11 щения с людьми, которые обитали по ту сторону «Болота»
12 и его устья (Керченского пролива), так как они никогда не
13 переправлялись через эти воды, да и не подозревали, что
14 через них можно переправиться; они имели такой страх
15 перед этим столь легким делом, что даже никогда не пытались
его выполнить, совершенно не пробуя даже совершить
этот переезд. [По ту сторону Меотийского Болота и его
впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут
с древних времен так называемые готы-тетракситы, о которых
я только что упоминал; значительно в стороне от них осели

готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов.

6 В прежние времена они назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности, назывались общим именем скифов; некоторые из них назывались савроматами, меланхленами («чернонакидочниками») или каким-либо другим именем]. По их рассказам, если только это предание правильно,* однажды несколько юношей киммерийцев, предаваясь охоте с охотничьими собаками, гнали лань; она, убегая от них, бросилась в эти воды. Юноши из-за честолюбия ли, или охваченные азартом, или их побудила к этому какая-либо таинственная воля божества, последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней они не достигли противоположного берега. Тут преследуемое ими животное (кто может сказать, что это было такое?) тотчас же исчезло (мне кажется, это оно явилось только с той целью, чтобы причинить несчастье живущим там варварам); но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи.

10 Вернувшись возможно скорее в отеческие пределы, они тотчас же поставили всех киммерийцев в известность, что для них эти воды вполне проходимы. И вот, взявшись тотчас же всем народом за оружие, они перешли без замедления «Болото» и оказались на противоположном материке. В это время вандалы уже поднялись с этих мест и утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании.³ И вот киммерийцы, внезапно напав на живших на этих равнинах готов, многих из них перебили, остальных же обратили в бегство. Те, которые могли бежать от них, снявшись с этих мест с детьми и женами, покинули отеческие пределы и, перейдя через реку Истр, оказались в землях римлян.

13 Сначала они причинили много зла живущему здесь населению, но затем с соизволения императора они поселились во Фракии. С одной стороны, они сражались вместе с римлянами, являясь их союзниками и получая от императора, как и другие воины, ежегодное жалованье и нося звание «федератов»: так называли их тогда римляне этим латинским

---

* Никифор Каликл. XI; 48; Иордан. Гетика, 123.

словом, желая, думаю, тем показать, что готы не были ими
14 побеждены на войне, но заключили с ними договор на осно-
вании известных условий. Условия, касающиеся военных
дел, по-латыни называются «федера» (foedera), как я это
указывал раньше в прежних книгах (III, гл. 11, § 4). С дру-
гой стороны, часть этих же готов вела с римлянами и войны
без всякого основания со стороны римлян, до тех пор пока
не ушла в Италию под начальством Теодориха. Таков ход
событий в истории готов.

15 Перебив одних, заставив других, как я сказал выше,
выселиться из страны, гунны заняли эти земли. Из них кутри-
гуры, вызвав своих жен и детей, осели здесь и до моего еще
16 времени жили на этих местах. И хотя они ежегодно полу-
чали от императора большие дары, но тем не менее, переходя
через реку Истр, они вечно делали набеги на земли импе-
17 ратора, являясь то союзниками, то врагами римлян. Ути-
гурь со своим вождем решили вернуться домой, с тем чтобы
18 в дальнейшем владеть этой страной одним. Недалеко от Мес-
19 тийского Болота они встретили так называемых готов-
тетракситов. И сначала готы, устроив преграду из своих
щитов против наступавших на них готов, решились отражать
их нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих
20 позиций (Перекопский перешеек); они ведь были самыми
сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало
устья Меотийского Болота, где в то время обосновались готы-
тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая
их почти со всех сторон и поэтому дает для наступающих
21 против них один, и при этом не очень широкий, путь. Но
потом (так как ни гунны не хотели тратить здесь на них
время, ни готы никак не могли надеяться с достаточным
успехом сопротивляться такой массе врагов) они вступили
друг с другом в переговоры, с тем чтобы, соединив свои силы
вместе, совершить переход; они решили, что готы поселятся
на противоположном материке у самого берега пролива, там,
где они живут и теперь, и, став на дальнейшее время друзьями
и союзниками утигуров, будут жить там все время, пользуясь
22 с ними равными и одинаковыми правами. Вот каким образом
основались здесь готы; так как кутригуры, как я уже сказал,

остались в землях по ту сторону Болота (на запад), то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними: между ними жило много племен, так что волей-неволей им не приходилось проявлять против них никаких враждебных действий.

- 23 За Меотийским Болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой;
- 24 там, говорят, был храм Артемиды, главной жрицей которого некогда была Ифигения, дочь Агамемнона. Говорят, однако, что и армяне в своей так называемой Келесенской области имели такой храм, а скифами в то время назывались все тамошние народы; доказывают они это тем, о чем я в ходе
- 25 своего исторического изложения рассказывал относительно Ореста и города Команы (I, гл. 17, § 13 сл.). Но пусть относительно этого каждый придерживается своего собственного мнения; ведь многое, что случилось в другом месте, а иногда и вовсе нигде не случалось, люди любят присваивать себе,
- 26 выдавая за исконные родные обычаи, негодую, если не все следуют их точке зрения. За этими племенами расположен приморский город по имени Боспор, не так давно ставший
- 27 подчиненным римлянам. Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между
- 28 ними занимают варвары из племени гуннов. Два других небольших городка поблизости Херсона, называемый Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских
- 29 племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания. От города Херсона до устьев реки Истра, которую называют также Дунаем, пути дней десять; все
- 30 эти места занимают варвары. Река Истр течет с гор страны кельтов и, обойдя (северные) пределы Италии, протекает по области даков, иллирийцев, фракийцев и впадает в Эвксинский Понт. Все же места отсюда, вплоть до Византии,
- 31 находятся под властью римского императора. Такова окруж-

32 ность Понта Эвксинского от Калхедона (Халкедона) до Ви-
зантии. Но какова величина этой окружности в целом, этого
я точно сказать не могу, так как там живет такое количество,
как я сказал, варварских племен, общения с которыми у
римлян, конечно, нет никакого, если не считать отправления
33 подобное измерение, ничего не могли сказать нам в точности.
Одно только ясно, что правая сторона Понта Эвксинского,
т. е. от Калхедона (Халкедона) до реки Фазиса, имеет в длину
пятьдесят два дня пути для человека налегке. Делая вполне
возможное заключение, можно было бы сказать, что и другая,
левая, часть Понта немногим меньше.

- 1 6. Так как в своем рассказе я дошел до этих мест, мне
показалось совершенно уместным рассказать о границах
Азии и Европы, т. е. о том, о чем спорят друг с другом люди,
2 занимающиеся этим вопросом. Некоторые из них говорят,
что оба эти материка разделяет река Танаис; они при этом
настойчиво утверждают, что нужно придерживаться при-
родных физических разделов, опираясь на то, что будто
«Средиземное» море продвигается с запада на восток, а река
Танаис вытекает с севера и, двигаясь к югу, протекает
3 Нил, вытекая с юга, течет на север и служит границей между
Азией и Ливией. Другие же, возражая им, утверждают,
что их положение не верно. Они говорят, будто эти материки
искони разделяет пролив в Гадейрах (Гибралтар) образу-
емый океаном, а равно и море, которое, вливаясь через него,
4 продвигается вперед, и что места, находящиеся вправо от
пролива и моря, называются Ливией и Азией, а налево все
пространство получило имя Европы, вплоть до крайних
5 пределов так называемого Понта Эвксинского. В таком слу-
чае река Танаис берет свое начало в Европе * и впадает
в Местийское Болото, а Болото изливается в Эвксинский
Понт; при этом, конечно, это не конец Понта и конечно, не
его середина, но море двигается и разливается дальше.
Левая часть этого моря относится уже к Азии. Кроме этого,

---

* И о р д а н. Гетика, 32, 45.

река Танаис вытекает из так называемых Рипейских гор, которые находятся на территории Европы, как утверждают и те, которые еще в древности касались этих вопросов. Установлено, что от этих Рипейских гор океан находится очень далеко. Поэтому все местности, находящиеся позади этих гор и реки Танаиса, необходимо должны быть и с той и с другой стороны причислены к европейским. С какого же места в этом случае Танаис начинает разделять оба эти материка, сказать не легко. Если же нужно сказать, что какая-то река отделяет оба эти материка, то это может быть только река Фазис. Она течет как раз напротив пролива в Гадейрах и разделяет между собою оба эти материка, так как пролив, идущий из океана, образует это море и по обеим его сторонам располагает оба материка; скатываясь к этому морю (Фазис), впадает в Эвксинский Понт, в самую середину полукруглого залива и таким образом совершенно явно продолжает деление земли, произведенное морем. Выдвигая такие положения, спорят между собою ученые и с той и с другой стороны. Что касается лично меня, то я докажу, что не только приведенное мною первым положение, но и эта последняя точка зрения, только что приведенная мною, может похвалиться и давностью своего происхождения и славою очень древних, выставивших ее, писателей. При этом я знаю, что по большей части все люди, проникшись каким-либо учением, восходящим к древним временам, упорно придерживаются его, не желая уже работать над дальнейшим исследованием истины и переучиваться в этом вопросе и принимать во внимание новые точки зрения: для них всегда все более древнее кажется правильным и заслуживающим уважения, а то, что является в их время, они считают достойным презрения и смехотворным. К тому же, вопрос сейчас идет не о каких-либо вещах отвлеченных и умозрительных, исследовать которые иначе никак не возможно, но о самой реальной реке и стране, чего, конечно, время не могло ни изменить, ни скрыть. Исследование этого вопроса совершенно просто и не может представить затруднения ни для кого, кто серьезно захочет найти истину, так как для доказательства вполне достаточно зрения. Таким образом, Геродот Галикарнасский

13 в четвертой книге своих «Историй» говорит, что вся земля
едина, но что установлено делить ее на три части, и давать
ей три названия — Ливии, Азии и Европы. Из них Ливию
и Азию разделяет египетская река Нил, протекающая между
ними, а Азию от Европы отделяет река Фазис в стране кол-
14 хов. Он знал, что некоторые думают это и относительно
реки Танаиса и в конце он об этом упоминает. Я считаю
совершенно своевременным привести здесь подлинные слова
Геродота (IV, 45). Они таковы: «Я не могу понять, почему
земле, раз она едина, дано тройное название, заимствовавшее
свои имена от трех женщин, и почему их границами назначен
15 египетский Нил и Фазис, река Колхиды. Другие же такой
границей считают реку Танаис, Меотийское (болото) и Ким-
мерийский пролив». С другой стороны, автор трагедии
Эсхил* в самом начале своей трагедии «Прометей освобожден-
ный» называет реку Фазис гранью земель Азии и стран
Европы.

16 Пользуясь данным случаем, я хочу указать еще вот на
что. Из ученых, занимающихся этими вопросами, одни счи-
тают, что Меотийское Болото образует Эвксинский Понт,
который и растекается частью налево, частью направо от
17 этого Болота; потому-то оно и называется «матерью Понта».
Утверждают они это, основываясь на том, что из так назы-
ваемого Гиерона** проток этого Понта идет как некая река
до Византии, и поэтому думают, что именно здесь-то и есть
18 конец Понта. Те же, которые опровергают эту точку зрения,
указывают, что это море является единым с Средиземным,
которое все целиком наполняется океаном, и, не прерываясь
нигде, простирается до земли лазов, если, говорят они, кто-
либо, исходя из различия названий, не будет настаивать
19 на двойности (этих морей), потому что и в самом деле море
отсюда называется уже Понтом. Если же течение идет от
так называемого Гиерона до Византии, то тут нет ничего
особенного. Это происходит во всех проливах и не поддается

---

* Прокопий заимствует дальнейшую цитату из «Перипла» Арриана, гл. 19.

** Местечко в Вифинии, на берегу Босфора, с храмом Зевса, откуда название: «Священное».

никакому логическому пониманию; никто никогда этого
20 объяснить не мог. Так, сам Аристотель из Стагиры, один
из самых ученых людей, прибыв именно с этой целью в Эв-
бейскую Халкиду и наблюдая находящийся здесь пролив,
который называют Эврипом, хотел точно выяснить физиче-
ские основания этого явления, как и почему в этом проливе
течение иногда бывает с запада, а иногда с востока и поэтому
всем кораблям приходится плыть в эту сторону; 'когда воз-
никает течение с востока и корабли обычно начинают плыть
отсюда вслед за бурным течением, то очень часто возникает
здесь обратное течение, и оно поворачивает корабли, застав-
ляя их направляться туда, откуда они только что отплыли,
другие же корабли от этого западного течения уносятся в
другую сторону, хотя никакой ветер тут совершенно не дул,
а было совершенно гладкое море и глубокое безветрие.
Когда Стагиритский философ стал думать об этом и долгое
время вращал свои мысли в разные стороны, он, смертельно
огорченный неудачей при объяснении этого явления, так
21 и кончил дни своей жизни. И не только здесь, но особенно
в проливе, который отделяет Италию от Сицилии, происходит
много необычного. Повидимому, сюда направляется течение
22 из так называемого Адриатического моря; с другой стороны,
тут образуется поступательное движение морской воды из
океана через Гайдеры (Гибралтар). Кроме того, внезапно
образовывающиеся водовороты без всякой видимой для нас
23 причины поглощают корабли. Поэтому-то поэты и говорят,
что корабли, попадающие в такой момент в этот пролив,
24 поглощаются Харибдой. Те (мнение которых я излагаю)
полагают, что все эти явления, столь необычайные, наблю-
даемые во всех проливах, происходят в виду близости с той
и другой стороны материка. Они говорят, что стремительное
течение, стесненное узким пространством, должно прояв-
25 ляться в таких странных и необъяснимых явлениях. Так
что, если течение идет от так называемого Гиерона к Ви-
зантии, то, конечно, не следует настаивать, что здесь кон-
26 чается и море и Эвксинский Понт; ведь такое утверждение
не имеет под собой твердого основания, но должно допустить,
что и здесь главной причиной является узость прохода. На

27 самом же деле подобное явление объясняется совсем другой
причиной. Рыбаки в здешних местах говорят, что не весь
поток доходит прямо по Византии, но его верхнее течение,
которое видимо нашим глазам, обычно идет в этом направле-
нии, а низовое течение, где пучина (она так и называется —
«Абисс»), идет как раз в противоположном направлении
28 и всегда стремится против видимого нами течения. Это до-
казывается тем, что когда рыбаки выезжают на рыбную лов-
лю и закидывают здесь свои сети, то, подхваченные нижним
29 течением, сети несутся к Гиерону. Но в Лазике берег по
всей линии удерживает дальнейшее продвижение моря и за-
ставляет море как бы вздыбиться на натянутых возжах,
впервые только здесь ставя ему преграду. Явно, что творец
30 мира здесь поставил ему пределы. Коснувшись берега в
этих местах, море уже не двигается дальше и не поднимается
больше вверх, хотя отовсюду в него вливается бесчисленное
количество очень больших рек, но уходит назад и вновь туда
же возвращается; сохраняя свою собственную, ему свойст-
венную высоту, оно держится в своих границах, как бы
свято соблюдая какой-то закон, как будто связанное точными
31 его предписаниями и как бы остерегаясь нарушить каким-
либо образом эти предписания. Все остальные берега этого
моря лежат не против него, но по окружности. Но обо всем
этом пусть рассуждает каждый, как он хочет.

1 7. Из-за чего Хозрой усиленно стремился подчинить
себе Лазик, мною сказано раньше (II, гл. 28, § 16 сл.);
что же особенно теперь побудило его и персов на это заво-
евание, я сейчас объясню, так как, дав описание всей этой
2 страны, я сделал яснее свой рассказ об этом предприятии.
Часто эти варвары под руководством Хозроя вторгались
с большими силами во владения римлян, причиняли своим
врагам неопишуемые бедствия, как это мною изложено в
книгах, посвященных описанию войны с ними, сами же не
извлекали отсюда никакой выгоды; напротив, им приходи-
лось терпеть ущерб деньгами и живой человеческой силой.
Дело в том, что из римских земель им приходилось уходить,
3 потеряв многих из своих воинов. Поэтому, вернувшись
в родные пределы, они, правда очень скрытно, брали

Хозроя и называли его губителем народа персидского. И как-то раз, возвращаясь из страны лазов, где они испытали ужасные страдания, они собирались открыто восстать против него и покончить с ним, предав его жестокой смерти. Они это исполнили бы, если бы он, предупрежденный об этом, не принял мер предосторожности, обойдя самых влиятельных из них льстивыми речами.* Желая тогда оправдаться в брошенном ему обвинении, он усиленно старался принести персидской державе какую-нибудь великую пользу. И вот он тотчас [делает попытку овладеть Дарой, но, как у меня рассказано раньше (II, гл. 28 § 35 сл.), был отражен и навсегда отказался от мысли завоевать эту крепость. И в дальнейшем для него было ясно, что он не захватит ее внезапным набегом, настолько внимательно охранял ее находящийся там гарнизон; тем более он не надеялся, что, осадив ее, сможет захватить какой-либо хитростью. Дело в том, что в городе Даре продовольствия всякого рода было предусмотрено собрано в достаточном количестве на веки вечные, так чтобы в этом отношении он мог выдержать осаду очень долгое время, а кроме того, источник, пробивающийся очень близко на кремнистом и крутом месте, образует там большую реку, которая течет рядом с городом, причем те, которые хотели бы в эту сторону направить свои враждебные замыслы, не могли бы никуда отвести ее в другое место или помешать ей воспользоваться вследствие неудобства местности. После же того, как эта река войдет во внутрь укреплений, протечет весь город и, наполнив все его бассейны, вновь затем выйдет из города, она очень близко от укреплений низвергается в расщелину земли и исчезает. И где она вновь появляется на поверхности земли, никому еще до этого времени не удалось узнать. Эта расщелина в земле образовалась не с давних времен, но много времени спустя после того, как император Анастасий основал этот город; природа сама в этом месте по своему произволу создала эту трещину, и поэтому те, которые задумали бы осаждать город Дару, принуждены были бы страдать от полного недостатка воды.

---

* См. «Тайная история», гл. 2, § 26 до конца.

10 Потерпев неудачу, как я сказал, в этой попытке, Хоз-
рой пришел к убеждению, что если бы даже ему удалось
взять другой какой-либо город римлян, он все-таки не мог
бы утвердиться в середине римских земель, так как в тылу
11 у него осталось бы много неприятельских укреплений.
Поэтому, разрушив до основания Антиохию, когда ему уда-
лось взять ее, он ушел из римских пределов. Теперь мыслями
он уже вознесся до небес, и надежды заносили его очень
12 далеко; он задумывал уже необычайные вещи. Услыхав,
как варвары, жившие по левому берегу Понта Эвксинского
и осевшие вокруг Меотийского Болота, бесстрашно нападают
на землю римлян, он говорил, что и персам, если они за-
владеют Лазикой, возможно будет без большого труда,
всякий раз как они этого пожелают, итти прямо на Визан-
тию, нигде не переправляясь через море, как это постоянно
13 делают и другие варварские племена, которые живут там.
Из-за этого персы стремились подчинить себе Лазикю. Теперь
я возвращаюсь к началу своего рассказа.

1 8. Так вот Хориан вместе с персидским войском стал
лагерем около реки Гипписса. Когда об этом узнал царь
колхов Губаз и начальник римского войска Дагисфей, то,
2 посоветовавшись, они совместно повели против врагов вой-
ско римлян и лазов. Оказавшись на другом берегу реки
и став там лагерем, они стали совещаться о положении
в данный момент, выгоднее ли им оставаться здесь и ожидать
наступления неприятелей, или же самим итти против врагов,
чтобы этим показать свою храбрость и воочию поставить
перед врагами факт своего презрения к ним; тем, что они
сами начали наступление, можно было бы, по их мнению,
3 заставить поколебаться самомнение стоящих против них
врагов. Когда одержало верх предложение тех, которые
предлагали наступление, все тотчас двинулись против пер-
сов. И тут лазы не пожелали стоять с римлянами в одних
рядах, выставляя на вид, что римляне вступают в сражение
и подвергаются такой опасности не во имя спасения своей
родины или своих близких; для них же, лазов, этот бой —
4 защита от опасности их детей, жен и отчих земель. Поэтому
им было стыдно своих жен, если бы случилось им быть

побежденными в этом сражении. Они считали, что со всей необходимостью сама собой явится доблесть и смелость у тех, которые ее даже не имеют. Поэтому они все воспылали желанием идти первыми один на один против врагов, чтобы римляне в этом деле не внесли смущения в их ряды, не будучи охвачены одинаковым с ними рвением и жаждой под-
6 вергаться опасности.

Обрадованный таким воодушевлением лазов Губаз, созвав их недалеко от римлян, обратился к ним с такой
7 речью: «Я не знаю, войны, нужно ли мне обращаться к вам с речами, возбуждающими смелость. Я думаю, что ни в каком поощрении не нуждаются те, которых, как это случилось с нами теперь, возбуждает и воспламеняет к про-
8 явлению храбрости тяжелое положение наших дел. Мы подвергаемся опасности во имя наших жен и детей, во имя земли наших отцов, одним словом, во имя всего того, из-за чего
9 подняли на нас оружие персы. Ведь ни один человек в мире добровольно не уступает тем, которые силою хотят отнять что-либо из его достояния, так как сама природа заставляет
10 его бороться за свое. Вы хорошо знаете, что жадность персов не имеет пределов, если они будут в состоянии добиться власти; если они победят нас в этой войне, они не только будут властвовать над нами, но наложат на нас дани и в других отношениях будут поступать с нами как с подданными, находящимися под их игом; ведь мы не забыли, как
11 недавно еще поступил с нами Хозрой. Пусть же не на словах только будет ваша решимость напасть на персов и имя лазов не будет равнозначно с трусостью. Да и не трудно нам, войны, сражаться с этими мидянами, с которыми мы не раз
12 сходились в бою и побеждали их. Людям уже привычным нет ничего трудного, так как уже раньше трудность дела была уничтожена упражнением и привычкой. Поэтому вам нужно презирать врагов, так как они были не раз побеждены в битвах нами и обнаруживают не одинаковую с нами
13 храбрость. А уже раз поработанный дух обычно менее всего способен найти себе путь к бодрости. Так вот, подумав обо всем этом, исполненные добрых надежд, идите в рукопашный бой с врагами».

14 Сказав так, Губаз повел войско лазов и выстроил их
следующим образом. Первыми шли всадники лазов, выстро-
енные фронтом, а позади, довольно далеко, за ними сле-
15 довала римская конница; ею командовал Филегаг, родом
гепид, человек очень энергичный, и Иоанн, родом из Арме-
нии, исключительно хорошо знающий военное дело, сын
Фомы, по прозванию Гудзы, о котором я упоминал раньше
16 в предшествующих книгах (II, гл. 30, § 4). В авангарде шли
Губаз, царь лазов, и римский полководец Дагисфей с пехо-
той того и другого народа с тем расчетом, что если случится
17 всадникам бежать, то они очень легко могут спасти их.
Таков был боевой строй римлян и лазов; а Хориан, выбрав
из своих приближенных войск примерно тысячу человек,
вооружив их панцырями и другим оружием, как только мог
лучше, послал их немного вперед в качестве сторожевого
отряда, а сам со всем остальным войском шел сзади их,
18 оставив в лагере небольшое количество воинов для охраны.
Шедшая передовым отрядом конница лазов своими дейст-
виями покрыла позором сделанные ею заявления и обманула
19 своим поведением возлагавшиеся на нее надежды. Наткнув-
шись внезапно на передовые отряды врагов, она не вынесла
даже вида их и, повернув тотчас коней, без всякого порядка
стала отступать и стремительно, гонимая врагами, смешалась
с римлянами, не отказавшись укрыться под защиту тех,
20 с которыми раньше не выражала желания даже стоять
в одних рядах. Когда неприятельские войска оказались
близко друг от друга, то вначале ни те, ни другие не начи-
нали рукопашного боя и не сталкивались друг с другом.
Если какой-либо отряд неприятелей с той или другой сто-
роны делал набег, они отступали, а когда враги отступали,
они их преследовали. В таких нападениях и отступлениях,
в таких быстрых чередованиях они потратили много времени.
21 В этом римском войске был некто Артабан, родом из
персо-армян, который много раньше перебежал к армянам,
подданным римлян, не просто, но убийством ста двадцати
22 воинственных и крепких персов дав римлянам ручательство
в своей преданности. В то время Валериан был началь-
ником римских войск в Армении. Придя к нему, Артабан

просил дать ему пятьдесят римлян. Получив просимое, он
23 пошел на укрепление, лежавшее в пределах персс-армян.
Это укрепление занималось ста двадцатью персами. Они
приняли его с его спутниками, так как еще не было ясно,
что он, перейдя на сторону врагов, замыслил государствен-
24 ный переворот. Он же, убив этих сто двадцать персов и раз-
грабив все те богатства, которые были в этом укреплении
(а их было очень много), вернулся к Велизарию и к рим-
скому войску. Этим он доказал римлянам свою верность
25 и в дальнейшем входил в состав их войска. Во время этой
битвы Артабан, взяв с собой двух римских воинов, вышел
26 на середину между двух войск, куда явились и некоторые
из врагов. Устремившись на них, он тотчас же поразил
копьем одного из персов, выдающегося и доблестью духа
27 и силою тела, и, сбросив с коня, поверг его на землю. Один
из варваров, стоявший рядом с павшим, нанес мечом Арта-
бану рану, но не смертельную, в голову, в области уха, но
другой из спутников Артабана, родом гот, поразил этого
самого человека, рука которого еще лежала на голове Ар-
28 табана, в левую сторону под ребра и отправил на тот свет.
Тогда тысяча отборных персов, испуганные их гибелью, стали
отступать и поджидать Хориана с другим войском персов
и аланов и в скором времени соединились с ними.

29 Тем временем под начальством Губаза и Дагисфея подошла
к своим всадникам пехота, и с обеих сторон начался руко-
30 пашный бой. Тут Филегаг и Иоанн, полагая, что у них не-
хватит сил, чтобы выдержать наступление варварской кон-
ницы, особенно потеряв надежду на силы лазов, соскочили
31 с коней и заставили всех римлян и лазов сделать то же са-
мое. Образовав возможно более глубокую фалангу, они, все
дешие, единым фронтом стояли против врагов, выставив
32 против них копья. Варвары, не зная, как им быть (они не
могли ни делать отдельных налетов, так как их противники
были пехотинцами, ни привести в беспорядок их фалангу),
так как их кони, испуганные остриями копий и шумом щит-
тов, поднимались на дыбы, обратились к метанию стрел,
подбодряя себя надеждой, что благодаря массе стрел они
33 очень легко обратят врагов в бегство. То же самое стали

34 делать и римляне вместе с лазами. Так как с обеих сторон
пускалось очень много стрел, то и с той и с другой стороны
пали многие. Персы и аланы пускали стрелы в гораздо
меньшем числе, чем их противники. Но большинство их
35 попадало в щиты и отскакивало от них. В этом сражении
суждено было погибнуть начальнику персов Хориану. Кем
был поражен этот вождь, никому не было известно. По воле
некоей судьбы одна из стрел, выделившись из целой тучи,
вонзилась в нижнюю часть шеи и тотчас же окончила дни
его жизни. Благодаря смерти одного этого человека исход
36 сражения был предрешен, и победа склонилась на сторону
римлян. Как только Хориан упал с коня на землю лицом
вниз, варвары быстро бежали в укрепление, а римляне
вместе с лазами, идя следом за ними, убили многих, надеясь
37 взять неприятельский лагерь прямо с налета. Но тут один
из аланов, выдающийся смелостью духа и силою тела и ис-
ключительно искусно умеющий посылать стрелы той и дру-
гой рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и ока-
завшись, сверх ожидания, непреодолимой преградой для на-
ступающих. Но Иоанн, сын Фомы, подойдя к нему очень
38 близко, внезапно поразил его копьём, и таким образом рим-
ляне и лазы овладели лагерем. Из варваров очень многие
были убиты тут же, остальные же удалились в отечественные
39 пределы, как кто мог уйти. Так закончилось вторжение
персов в пределы Колхиды; другое же их войско, подкрепив
гарнизон в Петре большим количеством продовольствия
и всеми остальными запасами, тоже удалилось.

1 9. Вот что произошло в это время. Лазы, прибывшие
в Византию стали клеветать перед императором на Дагис-
фея, возводя на него обвинение в предательстве и в сгово-
2 ренности с мидянами. Они утверждали, что по уговору с пер-
сами он не захотел напасть на Петру, когда рухнули ее ук-
репления, и дал время врагам исправить эти укрепления
при помощи мешков, наполненных песком, кладя их вместо
3 камней в той части укреплений, которая рассыпалась. Они
говорили, что Дагисфей, побужденный к этому или деньгами,
или небрежностью, отложил нападение на другое время
и упустил столь благоприятный момент в данное время,

встретить который в дальнейшем он уже никогда не мог. Поэтому император велел заключить его в тюрьму и сторожить, а Бесса, который незадолго перед тем вернулся из Италии, назначив начальником войск в Армении, послал в Лазику, приказав ему стать во главе находящихся римских отрядов. Там уже находился посланный с войском Бенил, брат Будзы, Одонах и Баба из Фракии, и Улигаг, родом эрул. Набед, вторгнувшись в Лазику с войском, не сделал ничего достойного упоминания, но, находясь со своим войском в области абасгов, отправших от римлян, и лазов, взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных. В числе того, что было сделано им мимоходом, надо отметить следующее: встретив в Апсильях Феодору, жену Опсита (который был дядей Губаза и царем лазов), он взял ее в плен и увел в пределы персов. Эта женщина была родом римлянка, так как издавна цари лазов, посылалися в Византию и с согласия императора вступая в родство с некоторыми из сенаторов, брали в их семьях себе законных жен. И Губаз во всяком случае был родом от такой римской женщины. Почему абасги решились на отпадение, я сейчас расскажу.

Когда они низложили своих царей, как я об этом недавно говорил (гл. 4, конец), римские воины, посылаемые императором и уже давно расселившиеся среди них во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи; вместе с тем они ввели у них некоторые новые порядки. В виду более насильственного проявления власти абасги, не вдумавшись в этот факт, пришли в негодование. Боясь, как бы в дальнейшем им не стать рабами римлян, они снова выбрали себе царьков — по имени Опситу для восточной стороны и Скепарну для западной. Впав в отчаяние, что они лишились прежних благ, они естественно восстановили то, что раньше им казалось тяжким, так как то, что последовало затем, им показалось еще более плохим; боясь силы римлян, они в полной тайне перешли на сторону персов. Когда об этом услышал император Юстиниан, он велел Бессу послать против них значительное войско. Отобрав из римского войска очень многих и поставив

над ними начальниками Улигага и Иоанна, сына Фомы, Бесс тотчас отправил их на кораблях в область абасгов.

14 Случилось, что один из царьков абасгов, по имени Скепарна, находился у персов. Недавно вызванный Хозроем, он отправился к нему. Другой же, узнав о походе римлян, собрал всех абасгов и со всем рвением стал готовиться к войне с ними.

15 За пределами апсилиев, при входе в пределы абасгов, есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь

16 как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта. У подножия этой горы еще в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее

17 значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места. Есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по

18 которому нельзя идти людям даже по двое в ряд. Так что нет ничего удивительного, что приходилось идти туда один за

одним, друг за другом, пешими и то с трудом. Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей су-

19 ровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его «Трахеей» —

20 сурово-кремнистым. И вот римское войско пристало к берегу между пределами абасгов и апсилиев; высадив воинов на сушу, Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем, а моряки

21 на легких судах всем флотом следовали за войском вдоль берега. Когда же они подошли очень близко к Трахее и увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов, стоявших над этой тропой, о которой я только что говорил, вдоль всего обрыва, они остановились в большом недоумении, не зная, как им выйти из настоящего положения. Наконец Иоанн, глубоко поразмыслив, нашел средство выйти

22 из этого бедственного положения следующим образом. Оставив тут Улигага с половиною войска, он сам с остальными вновь сел на корабли. На веслах они обогнули место, где

23 Трахея подходит к берегу, и тем самым оказались в тылу у неприятелей. Подняв знамена, они пошли на врагов. Абасги,

увидя врагов,седающих на них с двух сторон, уже не стали смотреть на возможность защищаться и не сохраняли своего боевого строя, но в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать с этого места все дальше и дальше. Страх, а поэтому и растерянность так сковали их, что они не могли сообразить ни о выгоде для них их родных гористых местностей, ни того, что они легко могли здесь пройти. Преследуя их с двух сторон, римляне захватили и убили очень многих из них. Вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления и нашли ворота еще открытыми. Сторожа не решались заложить ворота, принимая еще своих, убежавших сюда. И вот, преследующие, смешавшись с бегущими, ворвались в ворота, одни, гонимые жаждой спасения, другие — стремлением захватить укрепление. Найдя ворота еще открытыми, они все вместе устремились в них. Сторожа у ворот не могли ни отделить абасгов от неприятелей, ни закрыть ворота, так толпа давила на них. Таким образом, абасги, с радостью почувствовавшие себя внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением. Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною, то абасги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову, охваченные, с одной стороны, опасением и страхом (перед римлянами), а с другой — жалостью к своим женам и детям и чувством безвыходности своего положения, пока римляне не додумались поджечь дома. И вот, подложив огонь со всех сторон, они наконец одержали победу. Правитель абасгов Опсит с небольшим отрядом сумел бежать и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта. Остальным досталось на долю или вместе с горевшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятелей. Римляне взяли в плен жен начальников со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну опустошили жестоко. Так окончилась попытка абасгов отпасть. А у апсилиев произошло вот что.

1   10. Апсилии издревле были подданными лазов. В этой
2 стране есть крепость в высшей степени укрепленная; местные
3 жители называют ее Тзибиллой. Один из знатных людей
4 у лазов, по имени Тердет, который носил у этого народа
название так называемого «магистра»,⁴ поссорившись с ца-
рем лазов Губазой и став его врагом, тайно вошел в согла-
шение с персами, что передаст им укрепление. Приведа
5 с этой целью войско персов, он отправился в Апсилию для
6 выполнения этого замысла. Когда они были близко от кре-
7 пости, Тердет с сопровождавшими его лазами, поехав впе-
ред, оказался в укреплении, так как те, которые сторожили
эту крепость, не имели никакого основания не доверять на-
8 чальнику лазов и поэтому не проявили к нему никакой
подозрительности. Таким образом, подошедшее персидское
войско Тердет принял в укреплении. Вследствие этого ми-
дяне стали думать о захвате под свою власть не только
Лазики, но и Апсилии. Ни римляне, ни лазы, занятые вой-
ной вокруг Петры и теснимые войском мидян, не могли по-
слать помощи апсилийцам. У начальника этой крепости
была жена, родом из Апсидии, очень красивая лицом. В эту
женщину внезапно безумно влюбился начальник персид-
ского войска. Сначала он старался соблазнить ее; когда же
он увидал, что не имеет успеха, то без всякого колебания
он применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев,
муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, ко-
торые вошли с ним в это укрепление, оказавшихся невинной
жертвой страсти их начальника, и сам завладел укрепле-
нием. Вследствие этого апсилии отпали от колхов, упрекая
их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда
они подвергались насилию со стороны персов. Но Губаз
послал к ним тысячу римлян под начальством Иоанна, сына
Фомы, о котором я упоминал недавно; многими дружескими
речами и обещаниями ему удалось привлечь их на свою
сторону без всякого сражения и вновь сделать подданными
лазов. Вот чем кончилось дело у апсилиев по поводу кре-
пости Тзибиллы.

8   Приблизительно в это же время случилось, что жестокость
Хозроя не оставила неприкосновенным даже его потомство.

Старший из его сыновей, по имени Анасозад (по-персидски это слово обозначает «Дарующий бессмертие»), поссорился с ним, так как позволил себе совершить ряд нарушений в образе жизни, а главным образом потому, что без всякого колебания делил ложе с женами своего отца. Сначала Хозрой наказал этого сына изгнанием. Есть в персидском государстве страна Вазаина, в высшей степени цветущая, в которой находится город, называемый Белапатон, отстоящий от Ктесифонта на расстоянии семи дней пути. Там должен был по воле отца жить этот Анасозад. В это время Хозрой поразила очень тяжелая болезнь, так что уже разнесся слух, будто бы он умер: Хозрой по своей природе был болезненным. И действительно, он часто собирал около себя отовсюду врачей; в числе их был врач Трибун, родом из Палестины. Это был человек ученый, во врачебном искусстве не уступающий никому, человек скромный, богобоязненный и в высшей степени порядочный. Как-то вылечив Хозроя, когда он был болен, он уехал из Персии, получив от Хозроя много ценных даров. Когда было установлено перед этим перемирие, Хозрой просил императора Юстиниана, чтобы он разрешил этому врачу остаться при нем целый год. Когда просьба его была удовлетворена, как я говорил об этом раньше (II, гл. 28, § 10), Хозрой велел Трибуну просить у него, чего он только хочет. Он попросил у Хозроя не какие-либо сокровища, а отпустить ради него некоторых римских пленников. Хозрой отпустил не только тех пленников, за которых он просил, назвав их поименно, людей знатных и известных, но и еще три тысячи других. За этот поступок Трибун получил великую славу среди всех людей. Вот что произошло тогда.

Когда Анасозад узнал, что Хозрой сильно захворал, он, стремясь вступить на престол, решил произвести государственный переворот. Даже когда его отец поправился, он тем не менее, склонив город к отпадению и подняв оружие против отца, в юношеском задоре пошел на него войной. Услыхав об этом, Хозрой послал против него войско под начальством Фабриза. Победив его в сражении, Фабриз, захватив в свои руки Анасозада, немного спустя от-

20 правил его к Хозрою. Отец изуродовал глаза своего сына;
он не отнял у него зрения, но снизу и сверху ужасным об-
21 разом вывернул ему веки. Закрыв глаза сыну и проведя
по наружной стороне их раскаленной железной иглою он
22 таким образом изувечил всю красоту век. Хозрой сделал
это единственно с той целью, чтобы у сына пропала всякая
надежда на царскую власть: человеку, имеющему какое-
либо физическое уродство, закон персов не позволяет де-
латься царем, как я об этом говорил в прежних книгах
(I, гл. 11, § 4).

550 год 1
н. э.

11. Такова судьба всех попыток Анасозада. Так как
2 оканчивался пятый год перемирия, то император Юстиниан
послал к Хозрою патриция Петра, носившего звание маги-
стра с тем, чтобы они окончательно договорились и заключили
3 соглашение относительно Востока. Хозрой отослал его
назад, пообещав, что в скором времени вслед за ним пошлет
4 человека, который все это устроит к обоюдной выгоде.
Немного спустя он в свою очередь послал Исдигусну, страш-
но задиравшего нос и исполненного необычайного хва-
5 стовства; для всех римлян было прямо невыносимой его
спесь. Он вез с собой жену, детей и брата, за ним следовало
и большое количество слуг. Можно было подумать, что эти
люди идут в бой. Вместе с ними были и двое из знатнейших
7 персов, носивших на голове золотые диадемы (повязки).
Обижало византийцев и то обстоятельство, что император
Юстиниан обращался с ним не как с простым послом, но
удостаивал его гораздо большей милости и принимал с го-
8 раздо большей пышностью. Брадукий же не пришел вместе
с ним в Византию, так как, говорят, Хозрой казнил его,
9 обвинив его только в том, что он был приглашен за стол
императора: «Невероятно, — говорил он, — чтобы он, про-
стой посредник, мог получить от императора столь великую
честь, если бы он не предал интересов персов». Некоторые
говорят, что сам Исдигусна оклеветал его, будто он вел
10 тайные переговоры с римлянами. И вот, когда этот посол
впервые встретился с императором, он ни слова не сказал
о мире, но жаловался, что римляне являются нарушителя-
ми перемирия, что во время этого перемирия Арефа и

сарапины, бывшие подданными римлян, наносили вред Аламундару; он приводил и другие ничтожные обвинения, о которых казалось бы не следовало совсем упоминать.

- 11 Вот что происходило в Византии. В это время Бесс со
всем римским войском осаждал Петру. Римляне вели подкоп
12 под стены города, там, где и раньше Дагисфей, устроив под-
коп, разрушил стены. Почему они рыли в том же самом ме-
сте, я сейчас расскажу. Те, которые в древности построили
этот город, по большей части фундамент стен положили на
13 скале, в некоторых же местах они клали его на насыпи.
Такой была часть городской стены, обращенной на восток,
не очень широкая; и с той и с другой стороны этого про-
странства фундамент стены был выстроен на скале, очень
14 крепкой и не поддающейся железу. Эту часть стены <на
насыпи> старался подрыть в прежние времена Дагисфей,
а теперь Бесс. Сама природа места не позволяла им итти
дальше и естественно определяла и устанавливала ширину
15 подкопа. Когда же после ухода Дагисфея персы решили
вновь строить развалившуюся часть укреплений, они эту
16 стройку стали производить не по прежнему образцу, а сле-
дующим образом. Заполнив пустое пространство гравием,
они положили на него толстые бревна, остругав и сделав их
все совершенно ровными; они связали их друг с другом так,
чтобы зазоры были возможно шире; сделав их основанием
вместо фундамента, они искусно над ними возвели всю
17 стройку укреплений. Римляне этого не знали и думали
сделать подкоп под фундаментом. Вытащив из-под этих
бревен, о которых я только что говорил, большое количество
земли, они смогли раскатать на большое пространство
укрепление, и часть его внезапно опустилась, однако стена
не наклонилась ни на ту, ни на другую сторону, и ряды по-
ложенных камней не пришли в беспорядок, но целыми и не-
вредимыми быстро опустились, как будто на какой машине,
в пустое место, и стали, продолжая охранять старое свое
18 место, только высота стены укрепления стала меньше. Так
произошло, что эти бревна, после того как из-под них была
19 вынута земля, опустились здесь книзу со всей стройкой над
ними. Даже в таком виде эта стена не давала римлянам воз-

20 возможности подняться на нее. Так как персов с Мермероем
пришла сюда большая толпа, они сделали большую надстрой-
21 ку к прежнему сооружению и вывели таким образом очень
высокое укрепление. Когда римляне увидали, что покачнув-
шаяся стена вновь стоит, они пришли в полное недоумение
и не знали, что им делать. Вести дальше подкоп они уже не
могли, так как их ров наткнулся на это препятствие,*
а тараном они никак не могли пользоваться, так как им
приходилось сражаться у стен на крутом склоне, а эту ма-
шину можно было подтащить к стенам по месту ровному
и совершенно гладкому.

22 Случайно в этом войске римлян было несколько варваров
23 из племени сабиrow; находились они здесь по следующей
причине. Сабирy являются гуннским племенем; живут
они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное,
24 разделенное, как полагается, на много самостоятельных
колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским
императором, другие с персидским царем. Из этих власти-
телей каждый обычно посылал своим союзникам известную
25 сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности.
Так вот и тогда император Юстиниан, призывая своих сто-
ронников из сабиrow на войну и прося прислать союзные
26 отряды, отправил к ним некоего человека с деньгами.
В виду того, что враждебные им племена занимали все про-
странство между ними и римлянами и идти в Кавказские
горы особенно с деньгами представлялось далеко не безо-
пасным, этот человек, прибыв к Бессу в римский лагерь,
где они находились, осаждая Петру, послал к сабирам
людей с извещением, чтобы они возможно скорее прибыли
к нему за получкой денег. Варвары, выбрав троих из своих
начальников, с небольшим отрядом отправили их в область
лазов. Прибыв туда, они вместе с римлянами приняли уча-
27 стие в этом нападении на стены Петры. Когда они увидали,
что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают,
что делать, и попали в безвыходное положение, они придумали
такое приспособление (машину), какое ни римлянам,

---

* По другому чтению: «засыпан землею».

ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том и в другом государстве было всегда, да
28 и теперь есть, большое количество инженеров. Часто в течение всего времени и те и другие пользовались таким сооружением для разрушения стен в местностях, неровных и трудно доступных, но никому из них не пришла такая мысль, которая явилась тогда у этих варваров. С ходом
29 времени у людей появляются новые мысли и новые изобретения для их предприятий. И в данное время сабиры придумали соорудить таран, но не так, как он обычно сооружается, а введя в него новшества следующего рода. На эту машину они не положили ни прямых, ни поперечных бревен, но, сплетя толстые ветки, всюду приделали их вместо бревен; прикрыв машину шкурами, они сохранили форму тарана, подвесив на свободно двигающихся веревках посередине, как обыкновенно, одно только бревно, заостренное и покрытое железом, как острие стрелы, чтобы часто
31 бить им в стены укрепления. И настолько легким сделали они это сооружение, что не было никакой нужды в людях, находящихся внутри его, чтобы тащить или толкать его, но человек сорок, которые должны были, поднимая кверху, раскачивать бревно и бить им в стену, находясь внутри этой
32 машины, прикрытые кожами, могли без всякого труда нести этот таран на плечах. Варвары сделали три таких машины, взяв бревна с железом из тех таранов, которые римляне приготовили и не могли придвинуть к стене. Теперь же, человек сорок римских воинов, выбранных из самых храбрых, войдя во внутрь каждой из этих машин, без труда
33 поставили эти орудия рядом со стеной. По ту и другую сторону каждой машины стояли другие воины, в панцырях, прикрыв головы со всей тщательностью шлемами, держа в руках шести, концы которых были снабжены железными крючьями. Это было сделано с той целью, чтобы, когда удары тарана в стену распатают ряды камней, можно было растаскивать этими шестами рассыпающиеся камни
34 и откидывать их. Римляне принялись за дело, и стена уже стала качаться от частых ударов. Те, которые стояли по обеим сторонам машины, своими шестами с крючьями вы-

35 таскивали из кладки сооружения те камни, которые уже рас-
седались, и откидывали их. Казалось, что город вот-вот
будет взят. Но персы придумали следующее. Деревян-
ную башню, которая давно у них была сделана, они
поставили над стенами и наполнили ее самыми воинствен-
ными из своих воинов, одев их в панцыри и покрыв голову
и остальное тело <кожаным оружием с> набитыми желез-
36 ными гвоздями. Наполнив сосуды серой, асфальтом и дру-
гим снадобьем, которое мидяне называют «навфа» — нефть,
а эллины — «маслом Медеи», поджегши их, они стали бро-
37 сать на эти машины с таранами. Они чуть было все не стго-
рели. Но те, которые, как я сказал, стояли рядом с этими
машинами, своими шестами (о них я только что упоминал),
непрерывно подхватывая сосуды, бросаемые со всех сторон,
и очищая от них крышу машин, тотчас же сбрасывали их
38 на землю. Они начинали уже думать, что не смогут долго
выдержать такую работу, так как огонь, чего только ни касал-
ся, тотчас же все сжигал, если его немедленно не сбрасывали.

39 Бесс, одетый в панцырь, вооружив так же все остальное
войско и велев захватить много лестниц, повел его к той
40 части стены, которая развалилась. И обратившись к своим
войскам только со столькими словами поощрения, сколько
было нужно, чтобы не потерять такого благоприятного мо-
мента, он в дальнейшем своими подвигами заменил слова
поощрения. Будучи человеком более семидесяти лет от роду,
расцвет сил которого давно остался позади, он первый взо-
41 шел на лестницу. Тут произошла такая битва и такое про-
явление доблести со стороны римлян и персов, какого за
42 это время, думаю, нигде не было проявлено. Число варваров
43 равнялось двум тысячам тремстам воинов, а у римлян было
до шести тысяч. Из них все и с той и с другой стороны, кто
не был убит, были ранены; лишь очень немногим удалось
44 остаться невредимыми. Римляне всеми силами рвались на
приступ, персы отражали их с большим трудом. С обеих
сторон было много убитых, и была уже близка надежда,
что персы отобьются от этого нападения. Самое сильное
столкновение шло наверху лестниц; так как враги сражались
здесь, нанося удары сверху, то тут погибало больше римлян,

45 в том числе и сам начальник Бесс упал с лестницы на землю. Тогда поднялся ужасный крик с обеих сторон: варвары, сбегаясь со всех сторон, бросали в него свои копья, но его телохранители тотчас же стали вокруг него, с шлемами на головах, все одетые в панцыри, сверху защищаясь еще поднятыми щитами; стоя друг с другом бок-о-бок, они устроили над ним как бы крышу, совершенно скрыв от опасности
46 своего вождя и всемерно отражая оружие, которым поражали враги. Огромный шум стоял от копий, непрерывно бросаемых врагами и ломавшихся о щиты и о другое оружие, все кричали и тяжело дышали; каждый чувствовал тяжесть
47 положения. Римляне, стараясь защитить своего вождя бросились на стену, не упуская ни одного благоприятного
48 момента, и этим заставили врагов податься назад. Тогда Бесс, не будучи в состоянии подняться (этому мешало и его вооружение, да и телом он был тяжел: он был человек пол-
ный и, как я сказал, уже в очень преклонном возрасте), не растерялся, хотя и находился в большой опасности, но
49 тотчас же придумал то, чем мог спасти и себя и все положение римлян. Он велел своим телохранителям тотчас же
50 оттащить себя и унести возможно дальше от стены. Они так и сделали. Одни его тащили, другие отступали вместе с ним, держа щиты друг над другом, ровняя свой шаг по тому, как его тащили, боясь, чтобы он, оставшись без прикрытия,
51 не был поражен врагами. Когда Бесс оказался в безопасном месте, он поднялся и, обратившись к воинам со словами ободрения, пошел к стене и, взойдя на лестницу, вновь устремился на штурм. Увлеченные им, римляне проявили по отношению к врагам подвиги, исполненные необычайной
52 доблести. Испуганные этим персы просили у своих неприятелей дать им какой-либо срок, чтобы, собрав свои вещи, они смогли выйти из города и сдать его. Но Бесс, подозревая, что они готовят какое-либо коварство, чтобы тем временем укрепить стены, сказал, что натиска удержать он не может; тем же, которые хотят с ним встретиться по вопросу о соглашении, он сказал, что хотя и кипит битва и с той и с другой стороны, но тем, не менее, они могут пойти с ним к другой части стены, и при этом указал им одно место. Так

54 как они не приняли его предложения, загорелась еще более
сильная битва с большим шумом и напряжением. Когда,
казалось, сражение становится нерешительным, случилось,
55 что стена, которую раньше подрывали римляне, в другом еще
месте внезапно рухнула. Сюда бросились многие из воинов
с обеих сторон. Так как римляне намного превосходили
56 численностью врагов, они, хотя и разделились на две части,
все больше и больше поражали их копьями и, очень сильно
тесня, наседали на врагов. Персы, теснимые с двух сторон,
уже не могли в равной степени отражать римлян, но так как и
они разделились на две части, то их малолюдство стало
57 совершенно ясно. Когда оба войска находились еще в таком
затруднительном положении, что ни персы не могли заста-
вить отступить наседавших на них римлян, ни римляне не
были в состоянии силою проложить себе путь в крепость,
один юноша, родом армянин, по имени Иоанн, сын Фомы,
прозвище которого было «Гудза», оставил то место, где сва-
лилась стена, и, покинув бой, который там кипел, взял с со-
бой нескольких, очень немногих, из следовавших за ним
армян, поднялся по отвесной крутизне, преодолев ее там,
58 где все считали эту крепость неприступной и оттеснил быв-
ших там стражей. Оказавшись на верху стены, он ударом
копья убивает одного из персов, охранявших здесь стены,
который считался самым воинственным. Таким образом
римлянам удалось подняться здесь на стены.

59 Между тем персы, когда стояли на деревянной башне,
зажгли большое количество огненосных сосудов, чтобы этим
большим количеством снарядов сжечь стенобитные машины
вместе с находящимися при них людьми, потому что
защищающие их воины не смогут, думали они, своими ше-
60 стами своевременно отбросить все эти сосуды. Вдруг под-
нялся с большим шумом сильный южный ветер, дувший им
61 в лицо, и каким-то образом зажег у них одно из перекрытий
башни. Персы, находящиеся здесь, сразу этого не заметили
(все были заняты работой, и в то же время среди ужасного
шума охвачены смятением и страхом; поэтому в виду такой
крайности у них притушилось чувство внимания), и пламя,
понемногу усилившееся благодаря так называемому «маслу

62 Медей» и всем другим горючим составам, охватило всю башню и сожгло всех находящихся там персов. Все они упали на землю обуглившись, одни с внутренней стороны стен, другие — с наружной, туда, где стояли стенобитные машины и окружавшие их римляне. Равным образом и остальные римляне, которые сражались у места разрушившихся стен, так как враги стали отступать и впали в малодушие, оказались внутри укрепления и, таким образом, 63 Петра была окончательно взята. Пятьсот персов бежали в акрополь и, захватив это укрепление, не предпринимали никаких военных действий, всех же остальных, кроме убитых во время сражения, римляне взяли живыми; их всего 64 было приблизительно семьсот тридцать. Из них только восемнадцать нашли невредимыми, все же остальные были ранены. И из числа римлян пало много храбрых воинов, в том числе Иоанн, сын Фомы, пораженный кем-то из варваров камнем в голову во время вторжения в город. Этот человек проявил удивительные подвиги храбрости в битве с врагами.

1 12. На следующий день римляне, осаждая тех из варваров, которые заняли акрополь, стали предлагать им вступить в переговоры, обещая им неприкосновенность и соглашаясь дать в этом слово верности; они ожидали, что таким 2 образом персы сами отдадут себя в их руки. Но персы не шли на их предложения мира, и скорее готовились к отпору. Хотя они не надеялись, что смогут долго противиться в таком тяжелом положении, но собирались погибнуть с доблестью. 3 Желая отвлечь их от такого намерения и направить их мысли к жажде спасения, Бесс велел одному из римских воинов подойти возможно ближе к осажденным и обратиться к этим людям с словами увещания. При этом 4 он указал, что бы он хотел сказать им. Этот воин, подойдя очень близко к акрополю, обратился к ним с такими словами: «Что случилось с вами, славные персы, что вы решились на эту гибель, упорно настаивая на своем неразумном стремлении к смерти и столь явно презирая стремление к доблести? Нет храбрости в том, чтобы противиться непреодолимому, нет разумности не хотеть подчиниться победителям.

Нет бесславия в том, чтобы жить, подчинившись постигшей
5 вас в данный момент судьбе. Необходимость, раз нет надежды
на счастливый конец, справедливо не накладывает бесчестия,
если заставляет делать то, что в другое время является
6 позором. Если зло непреодолимо, то оно тем самым ведет
к признанию невиновности тех, кто ему подчинился. Поэтому
не стремитесь с безумной настойчивостью бороться против
явной опасности и свое спасение не сменяйте на пустое
хвастовство; подумайте о том, что умершим уже невозможно
воскреснуть опять, а оставшись живыми теперь, с течением
7 времени, если это для вас покажется лучше, вы можете на-
ложить на себя руки. Обдумайте еще раз ваше последнее
решение и примите во внимание то, что полезно для вас,
зная, что из решений должны лучшими считаться те, которые
8 оставляют возможность в них раскаяться и их изменить.
Как своих сотоварищей по оружию мы жалеем вас, стремя-
щихся к смерти, мы щадим вас; в том, что на жизнь вы смо-
трите как на что-то преходящее и относитесь к ней с равно-
9 душием, мы должны сочувствовать вам, так как таков закон
и у нас, римлян и христиан. Для вас не будет никакой дру-
гой неприятности, кроме того, что вы перемените свой го-
сударственный строй на много лучший, получив своим вла-
10 дышкой Юстиниана, вместо Хозроя. В этом мы готовы дать
вам любое слово верности. Не убивайте же сами себя, если
есть для вас возможность спастись! Нет славы и счастья
в том, что вы упорно стоите на том, чтобы подвергнуться,
совершенно без пользы, самому страшному, так как это
вовсе не значит проявлять доблесть, но просто стремиться
11 к смерти. Храбр тот, который твердо выносит всякие ужасы,
если он думает, что это сулит ему какую-либо пользу. Люди
не одобряют добровольной смерти, если какая-либо надежда
на спасение является большей, чем опасность, которая
грозит смертью; такое бесполезное лишение себя жизни
является явным безумием. Если кто с неразумной дерзостью
12 стремится к смерти, это в глазах разумных является лишь
не очень пристойным проявлением энергии. Кроме того,
следует подумать и о том, как бы не показалось, что вы про-
являете неблагодарность к божеству. Если бы оно хотело вас

погубить, оно, думаю, не отдало бы вас в руки тех, которые
13 стремятся вас спасти. Таково наше к вам отношение и теперь,
конечно, вы сами подумайте о том, чего вы заслуживаете
и какую судьбу себе изберете».

14 Таково было к ним обращение. Но персы даже краем уха
не хотели слушать этих речей: сознательно став глухими,
15 они делали вид, что ничего не слышат. Тогда римляне по
приказу начальника бросили огонь в акрополь, думая, что та-
16 ким способом они заставят врага сдаться. Когда огонь широко
распространился по крепости, варвары, хотя смерть была
уже перед их глазами, зная что им предстоит очень скоро
сгореть и обратиться в прах, не имея никакой надежды, не
зная, как, защищаясь, они могли бы спастись, даже и в этом
случае не захотели подчиниться, но вместе с акрополем
в огне погибли все, вызвав тем величайшее удивление в рим-
17 ском войске. Насколько Хозрой считал для себя Лазикку
важным местом, можно заключить из того, что, отобрав
самых славных воинов, он поместил их в гарнизоне Петры
и, заготовил такое количество оружия, что когда римляне
разграбили его, то каждому из солдат досталось снаряжение
18 пяти человек, хотя и в акрополе сгорело его большое коли-
чество. Было найдено тут огромное количество хлеба и со-
леного мяса и всяких других запасов; всего этого осажден-
19 ным хватило бы лет на пять. Но вина персы тут не пригото-
20 вили, если не считать уксуса и большого количества бобов.
Когда же римляне нашли тут и воду, текущую по водопро-
воду, они пришли в глубокое удивление, пока они не по-
няли всего устройства тайных водопроводов. Что это такое,
я сейчас расскажу.

21 Когда Хозрой, взяв Петру, поместил тут гарнизон, он
хорошо знал, что римляне будут действовать против нее
всякими способами и немедленно же попытаются разрушить
22 водопровод; поэтому он придумал следующее: ту воду, ко-
торая идет в город, он разделил на три части и, сделав
очень глубокий ров, соорудил три водопровода, один в самом
низу рва, заложив его камнями и навозом до середины рва;
тут он скрыл второй водопровод, а сверху выстроил третий,
так что он шел поверх земли и был видим всеми; сделано это

23 было с целью скрыть, что этот водопровод трехэтажный. Римляне не догадались об этом в начале осады, поэтому, разрушив этот видимый водопровод, они не продолжали работы в глубь этого рва, но, прекратив работу по уничтожению первого, они думали, что у осажденных не будет воды. Но их небрежность в выполнении поставленной ими
24 задачи привела их к ложному выводу. Во время продолжения осады, когда римляне взяли некоторых из неприятелей
25 в плен, они узнали от них, что осажденные получают воду из водопровода. И вот, разрыв это место, они нашли заложенный там второй водопровод. Разрушив его они тотчас решили, что этим они окончательно сокрушили силу врагов. Но при этом втором выполнении первый случай их ничему
26 не научил. Когда же по взятии города они увидали, как я рассказывал выше, воду, текущую из водопровода, они
27 удивились и были в великом недоумении. Но услышав от пленных то, что было сделано, они задним числом признали
28 тщательность врагов в выполнении поставленной задачи и собственную небрежность. Всех пленных Бесс тотчас же отослал к императору, а укрепления Петры разрушил до основания, чтобы враги не могли вновь доставить им непри-
29 ятностей. Император воздал ему великую хвалу за проявленную доблесть и особенно за предусмотрительность, за то,
30 что он до тла разрушил стены крепости. Таким образом, Бесс как своими военными успехами, так и личной доблестью,
31 проявленной им, заслужил удивление среди всех людей. Ведь когда он был поставлен во главе римского гарнизона,
32 то у римлян явилось большое доверие к нему как к человеку, в прежнее время очень храброму; но после того как он потерпел неудачу и Рим был взят готами так, как мной рассказано в предыдущих книгах (VII, [III], гл. 20, § 16 сл.), после того как погибло так много народа и почти истреблено было племя римлян, по возвращении его в Византию император
33 Юстиниан назначил его главнокомандующим в войне с персами. Все издевались над этим назначением и смеялись над решением императора, удивляясь, что он этому Бессу, столь решительно пораженному готами, этому старику, стоящему уже одной ногой в могиле, на закате жизни поручил вести

34 войну с персами. Таково было мнение всех, и вдруг ему, как вождю, удалось показать всем и свое военное счастье и личную доблесть. Так в делах человеческих господствует не то, что кажется людям несомненным, а что намечает божья воля; люди привыкли называть это судьбой, не зная чего ради то, что совершается, движется тем путем и к той цели, которая представляется им ясной лишь в конце концов. К тому, что кажется идущим против вероятия, любят прилагать имя судьбы. Но в этом случае пусть каждый думает так, как ему угодно.

1   **13.** Мермероес, боясь как бы за этот промежуток времени не случилось чего плохого с Петрой и оставленными там персами, поднялся всем войском и двинулся туда; самое
2 время года, следовавшее за зимою, побуждало его к этому. Узнав в пути о случившемся, он отказался от этого намерения, зная, что по сю сторону Фазиса, нет никакого другого
3 местечка, кроме Петры, где бы жили лазы. Повернув назад и захватив проходы из Иберии в Колхиду, там где Фазис представляет возможность переправы, он перешел его вброд, равно как и реку по имени Рион, которая тоже в этом месте была несудоходной; оказавшись, таким образом, на правом берегу Фазиса, он двинулся со своим войском на Археополь,
4 который был первым и самым значительным городом у лазов. Его войны за небольшим исключением были все всадниками, и за ними следовало восемь слонов. Стоя на них, персы собирались, как с башен, поражать врагов в головы. И вполне законно всякий может удивиться выносливости персов в военном деле и их инженерному искусству, так как они ведущую из Иберии в Колхиду дорогу, бывшую вследствие покрытых лесом обрывов и непроходимой чащи зарослей в ужасном состоянии, покрытую лесами столь густыми, что раньше, казалось, по ней нельзя пройти даже пешему налегке,—сделали настолько ровной, что не только вся их конница прошла по ней без всякого труда, но они могли
6 вести с собой в походе по этой дороге и слонов в любом количестве. Пришли к ним сюда и их союзники гунны из числа
7 так называемых сабиров в количестве двенадцати тысяч. Но Мермероес, боясь, чтобы при такой численности эти

варвары не только не перестали по доброй воле повиноваться его приказаниям, но не совершили бы какого-либо насилия над самим персидским войском, позволил четырем тысячам из них итти вместе с ним походом, остальных же, богато одарив деньгами, отпустил на родину. Римское войско состояло из двенадцати тысяч, но оно не было собрано в одном месте: в Археополе в качестве гарнизона было оставлено три тысячи под начальством Одонаха и Бабы; оба они были люди опытные в военном деле. Остальное же войско стояло лагерем по сю сторону устья реки Фазиса с тем намерением, чтобы, снявшись отсюда, всеми силами итти на помощь туда, где появилось бы неприятельское войско. Во главе этого войска стоял Бенил и Улигаг. Вместе с ними был и Вараз, из Персоармении, недавно прибывший из Италии. За ним следовало восемьсот тзанов. Бесс же, как только взял Петру, больше уже не хотел подвергаться трудам, но, удалившись в область Понта и Армении, всячески заботился собрать доходы с своей провинции и такой своей мелочностью он вновь погубил дело римлян. Если бы он тотчас же после победы, как я говорил, и по взятии Петры пошел в пределы лазов и иберов и, захватив находящиеся там теснины, укрепил их, то, по моему мнению, персидское войско не могло бы пройти в область лазов. Теперь же этот военачальник, не захотев взять на себя этого труда, чуть ли не своими руками отдал врагам Лазику, мало обращая внимания на гнев императора. Император Юстиниан обычно прощал все ошибки своим погрешившим начальникам, и поэтому не раз они были уличаемы в незаконных деяниях как в своей личной жизни, так и в государственных преступлениях.

У лазов возле самых границ Иберии были два укрепления (I, гл. 12, § 15), Сканда и Сарапанис. Расположенные в трудно проходимых местах на отвесных скалах, они были недоступны. В прежнее время лазы с большим трудом охраняли их, потому что в этих местах не растет никаких злаков, и люди доставляли сюда продовольствие, неся его на плечах. В начале этой войны император Юстиниан удалил отсюда лазов и поставил гарнизон из римских воинов.

Немного спустя, из-за недостатка продовольствия, они покинули эти крепости, так как питаться, подобно колхам, долгое время местным пшеном, к которому они не привыкли, они совершенно не могли, того же продовольствия, которое
19 приносили им лазы, совершая длинный путь, им совершенно нехватало. Персы захватили эти укрепления и владели ими; во время перемирия римляне вновь получили их в обмен на крепость Бол и Фарангий, как я сообщал об этом в прежних книгах (I, гл. 22, § 18). Лазы уничтожили эти крепости
20 до основания, чтобы персы не могли воспользоваться этими укреплениями против них. Но из этих двух укреплений персы вновь отстроили и заняли гарнизоном то, которое называется Скандой. После этого Мермероев повел войско мидийцев дальше.

21 Был на равнине город, по имени Родополис; для тех, кто идет из Иберии в Колхиду, он первым попадает на пути. Доступ к этому городу был легкий, и его очень не трудно
22 было взять приступом. Поэтому за много времени до этого, боясь вторжения персов, лазы разрушили этот город до основания. Когда узнали об этом персы, они прямо двинулись
23 к Археополю. Но Мермероев, узнав, что враги стоят лагерем около устья реки Фазиса, решил двинуться против них. Он думал, что для него будет лучше сначала покончить
24 с ними, а потом приступить к осаде Археополиса с тем, чтобы они не могли зайти в тыл персидскому войску и тем
25 причинить ему неприятности. Пройдя очень близко под стенами Археополя, он, издеваясь, приветствовал находящихся там римлян и задорно, по-мальчишески заявил им, что он
26 скоро к ним вернется. Он сказал, что ему хочется сначала потолковать с другими римлянами, которые стоят лагерем
27 около реки Фазиса. Римляне в ответ сказали ему, чтобы он шел, куда хочет, но заявили, что если он встретится с находящимися там римлянами, то к ним он уже не вернется. Когда
28 начальники римского войска узнали, что персы идут на них, они испугались и, решив, что они не настолько сильны, чтобы выдержать натиск их сил, сели на приготовленные корабли и переправились через реку Фазис, погрузив на суда все, что могли увести из заготовленного провианта, все же

29   остальное бросив в реку, чтобы враги не могли им воспользо-
заться. Немного спустя туда со всем войском явился Мер-
мероес, и, увидав пустым неприятельский лагерь, он пришел
30 в сильный гнев и сердился, не зная, что ему делать. Он сжег
римский лагерь и его укрепления и, пылая гневом, тотчас
же повернул назад и повел свое войско на Археополь.

1   **14.** Археополь лежит на очень обрывистом холме; мимо
этого города течет река, сбегаящая с гор, которые нависают
2 над городом. Нижние ворота его, дорога из которых ведет
вниз по склону к подножию холма, не являются вполне не-
доступными, но дорога, ведущая к ним с равнины, на подъеме
является неровной. Верхние же ворота, выходящие на обрыв,
являются совершенно недоступными. Местность перед этими
3 воротами покрыта густой зарослью, которая простирается
на большое пространство. Так как живущим в этом городе
неоткуда получать воду, кроме как из реки, то те, которые
основали здесь город, провели две стены до самой реки,
чтобы им было возможно безопасно отсюда черпать воду.
Мермероес именно тут и решил всеми силами штурмовать
стену и упорно проводил следующим образом намеченный
4 им план. Прежде всего он велел сабирам делать много стено-
битных машин, которые можно было бы людям носить на пле-
чах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть
к укреплениям Археополя, так как они были расположены
на подъеме горы. Он слышал, какие машины были сделаны
союзными с римлянами сабирами около стены Петры немного
5 раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, он
из этого опыта хотел извлечь для себя пользу. Они стали
делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стено-
битных орудий, таких же, какие сделали для римлян недавно,
как я рассказывал, союзные с ними сабиры. Затем к той ча-
сти города, которая стоит на отвесных скалах, он послал так
называемых доломитов,⁵ поручив им всеми силами стараться
6 беспокоить находящихся на этой стороне неприятелей. Эти
доломиты — варвары, живущие среди персов, никогда не
7 были подданными персидского царя. Поселившись на горах,
отвесных и совершенно недоступных, с древних времен вплоть
до наших дней они оставались независимыми; и только

8 соблазненные платой, они пошли с персами, когда те отправи-
9 лись в поход против своих врагов. Все они пехотинцы, у каж-
10 дого меч и щит, и в руках три дротика. Они умеют очень хо-
рошо и быстро лазить по стремнинам и по вершинам гор,
11 как будто они бегают по гладкой равнине. Поэтому Мерме-
роев поручил им штурмовать стены в этом месте, сам же он
12 со всем остальным войском, со стенобитными орудиями и
со слонами двинулся к нижним воротам города. И вот персы
и сабиры, пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий,
13 которыми они, можно сказать, закрыли здесь небо, почти
добились того, что под их напором римляне готовы были
оставить верх укреплений. Со своей стороны и доломиты,
бросая свои дротики со скал, находившихся вне укреплений,
еще в большей степени, чем первые, причиняли врагам за-
14 труднения. Со всех сторон дела римлян были плохи, везде
грозили им опасности и они испытывали самые тяжелые
бедствия.

14 Тогда Одонах и Баба, желая или показать личную храб-
рость, или испытать воинов, или под влиянием какого-то
божественного наития, оставили на верху укреплений только
очень немногих воинов, которым они велели отражать от
стен штурмующих, всю остальную массу созвали к себе
и обратились к ним с кратким поощрительным словом, ска-
зав так: «Товарищи воины! Вы видите наше теперешнее опас-
15 ное положение, в какой нужде мы находимся. Но нам менее
всего следует поддаваться малодушию перед этими бедами.
Людям, которые отчаялись в спасении, есть одна только
возможность спастись — не надеяться ни на какое спасение;
16 ведь тех, кто чересчур любит жизнь, по большей части не-
изменно постигает гибель. В наших трудных обстоятельствах
нам нужно принять во внимание следующее: пока мы защи-
щаемся от врагов здесь, за укреплениями тих стен, как бы
мы смело ни сражались, дело нашего спасения не на очень
17 твердом основании. Битва, в которую мы вступаем издалека,
ни у кого не оставляет возможности проявить свою личную
18 храбрость и по большей части находится во власти случая.
Всякий же раз, когда происходит рукопашный бой, результат
19 его зависит от воодушевления, а вместе с храбростью является

и победа. Помимо этого, войны, достигшие успеха в столкновении, когда им приходилось сражаться за укреплениями, можно считать достигали не очень большого успеха, так как в данный момент, правда, им удавалось отразить от себя врагов, но на другой день опасность появлялась снова с той же силой и через короткое время, потерпев поражение, они погибают, что и естественно, со всеми своими укреплениями. Те же, кто победил врагов в рукопашном бою, на все остальное время избавившись от опасности, будут пользоваться полной безопасностью. Подумав об этом, пойдете же на врагов со всей решимостью, полагаясь на вышнюю помощь, питая благоприятные надежды именно вследствие выпавшего нам теперь отчаянного положения. Бог по большей части спасает тех, которые уже совсем не имеют надежды на спасение своими собственными силами».

С такими словами увещания Одонах и Баба обратились к своим войнам. Затем они открыли ворота и бегом вывели свое войско, оставив внутри города немногих по следующей причине. Накануне один из лазов, очень знатный в этом племени и обитавший в Археополе, завел переговоры с Мермероем относительно предательства своей родины. Мермероес сказал ему, что ничем другим он не доставит персам большого удовольствия, как если во время штурма стен он тайно подожжет помещения, где был сложен хлеб и другой провиант. Он поручил ему это, считая, что произойдет одно из двух: или римляне, обратив все свое внимание на тушение пожара и занятые им, дадут персам возможность перейти стены, или же, сражаясь на стенах, желая отразить персов, они оставят без внимания эти горящие здания; и если таким образом сгорит хлеб и другие запасы, то они, персы, без большого труда в короткое время возьмут Археополь осадой. С этой-то целью и поручил Мермероес данное дело этому лазу; он согласился и обещал, что точно выполнит поручение, когда увидит, что штурм достиг полной силы, и, как только сможет, незаметно подложит огонь под эти здания. Когда римляне внезапно увидели, что поднимается пламя, то небольшое число их бросилось туда на помощь и с великим трудом потушили огонь, уже причинивший сильный вред, все же

29 остальные, как сказано, двинулись на врагов. Напав на них
внезапно, сверх всякого ожидания, они привели их в ужас и
30 многих убили: персы не осмеливались ни защищаться, ни
сами напасть на них. Зная, что врагов очень мало, персы
совершенно не думали, что они могут напасть на них, и шли
31 на приступ разрозненными отрядами и без всякого порядка.
Одни из них, неся на плечах тараны, не были вооружены
и не были готовы к бою, что и естественно, другие же, держа
в руках натянутые луки, не имели никакой возможности
32 отразить неприятелей, наступающих густыми рядами. Та-
ким образом, римляне и направо и налево сеяли между ними
смерть. К тому же один из слонов, раненый, как говорят
одни, или сам по себе пришедший в беспокойство, повернул
назад, не слушая приказов, стал строптивым, сбросил с себя
33 тех, кто на нем сидел, и ворвался в строй других слонов.
Барбары бросились от него бежать, а римляне с тем большим
34 бесстрашием преследовали их по пятам и избивали. И тут
по справедливости можно удивляться, что римляне, зная, как
можно отразить нападение врагов, пользующихся слонами,
ничего не сделали из того, что должны были сделать, охва-
ченные вполне понятным волнением при таких обстоятель-
ствах, но в данном случае это само собой послужило им на
пользу. Что это такое, я сейчас расскажу.

35 Когда Хозрой и войско персов штурмовали стены Эдессы,
то один слон, на которого сел большой отряд самых воин-
ственных персов, представляя собой своего рода военную
машину — «градоружительницу», был подведен к стене.
Казалось вполне вероятным, что, одолев при его помощи
36 тех, которые защищались с башни, и поражая их частыми
ударами в голову, персы скоро возьмут город. Но римляне
37 избегли этой опасности, повесив на башне поросенка. Пове-
шенный за ногу * поросенок естественно стал неистово
визжать; приведенный этим в ярость слон перестал слушаться
38 и вскоре стал отступать и ушел назад. Вот что случилось
там. А здесь сама судьба выполнила то, что было упущено
вследствие небрежности римлян. Раз я уже упоминал об

---

* Конъектура *χιλω* Скалигер: «на веревке».

Эдессе, не могу не рассказать о чуде, случившемся там перед
39 этой войной. Когда Хозрой решил нарушить так называемый
вечный мир, одна женщина родила в этом городе ребенка
40 с двумя головами; во всем же остальном он был вполне нор-
мальным. Значение этого стало ясно из последующего: как
сам город Эдесса, так и почти все восточные страны и север-
ные части Римской империи стали ареной борьбы двух вла-
стителей. Вот что случилось там. Теперь я возвращусь к свое-
му рассказу.

41 Когда таким образом на мидийское войско напала паника,
то стоявшие у них в тылу, видя нестройное бегство находя-
щихся впереди, не зная в чем дело, испугались и сами обра-
42 тились в беспорядочное бегство. Такой же страх напал и
на доломитов: сражаясь с возвышенностей, они все это видели
43 и позорно бежали. Обратив всех в бегство, римляне одержали
здесь блестящую победу. Варваров было убито до четырех
тысяч, в том числе трое начальников: римляне захватили
44 четыре персидских знамени, которые они тотчас же отпра-
вили в Византию к императору. Говорят, что у персов по-
гибло здесь не меньше двадцати тысяч лошадей; они не были
убиты или ранены врагами, но им пришлось пройти длинный
путь, вследствие которого они очень устали, а когда они ока-
зались в Лазике, то из-за недостатка корма, получали его
очень мало; таким образом, страдая от голода, они ослабели
и в большом количестве погибали.

45 Потерпев неудачу в этой попытке, Мермероес со всем
войском удалился в Мохерезис, так как, даже понеся неудачу
46 под Археополем, персы все же владели большей частью ос-
тальной Лазики. Мохерезис отстоит от Археополя на один
день пути. В этой области много многолюдных поселков.
Из всех земель Колхиды это самая лучшая. Тут выделяется
47 вино и растет много хороших плодов, чего нет нигде в ос-
тальной Лазике. По этой стране протекает река по имени
Рион; в древности колхи построили здесь укрепление, боль-
шую часть которого впоследствии они сами разрушили до
основания, так как оно было расположено на равнине и, по
48 их мнению, давало легкий доступ и возможность его завое-
вать. На греческом языке в то время это укрепление

называлось Котиаион, теперь же лазы называют его Кутаисом, изменяя произношение букв в этом имени вследствие незнания (греческого) языка. Так передал это Аргиан в своей истории.⁶ Другие же говорят, что в древности в этих местах был городок и назывался он Койтайос. Отсюда происходил и двинулся походом Ээт, и вследствие этого поэты называют его самого Койтайеем, а колхидскую землю Койтаидой. Мермероес со всей энергией решил тогда вновь построить это укрепление, а так как у него для этого ничего не было приготовлено, а кроме того, приближалась уже зима, то он возможно поспешнее заменил деревянными сооружениями обвалившиеся части укрепления и остался там. Очень близко от Кутаиса находится весьма сильное укрепление, называвшееся Уфимерей; его охраняли своим гарнизоном лазы со всей тщательностью. В этой охране вместе с ними принимали участие и римские воины, правда очень немногочисленные. Итак, здесь сидел <в лагере> со всем своим войском Мермероес, занимая лучшие места Колхиды и мешая неприятелям доставлять провиант в укрепление Уфимерей или пойти в область, так называемую Сванетию или Скимнию, хотя она была им подчиненной. Обычно если враги занимают Мохересис, то для римлян и лазов отрезан путь в этой местности. Таковы были тогда военные дела в стране лазов.

1   **15.** В Византии после Хозроя Исдигусн, ведя переговоры
2 с императором Юстинианом о мире, потратил на это много времени. После долгих споров в конце концов они договорились о том, чтобы во владениях того и другого властителя было установлено пятилетнее перемирие, и чтобы за это время, взаимно обмениваясь посольствами и безбоязненно передавая
3 друг другу сообщения, они устранили наконец разногласия относительно Лазики и Сарацин. Они договорились, что за это пятилетнее перемирие персы получают от римлян двадцать центенарий золота (две тысячи фунтов) и еще других шесть центенарий за те восемнадцать месяцев, которые протекли после первого перемирия до того времени, когда оба
4 онц взаимно отправили друг к другу послов. На этих условиях,
5 говорили персы, будет возможно вести переговоры о перемирии. Эти двадцать центенарий Исдигусн хотел получить

и увезти с собой тут же, но император сначала хотел давать
каждый год по четыре центенария с той целью, чтобы иметь
6 залог в том, что Хозрой не нарушит договора. Но в конце
концов римляне выплатили немедленно всю условленную
7 сумму, чтобы не показалось, что они каждый год платят дань
персам. Обычно люди больше стыдятся позорных слов, чем
8 поступков. Был у персов некий Берсабус, как его называли,
9 человек очень знатный и очень большой друг царя Хозроя.
Некогда он потерпел поражение в Армении от Валериана
и был им взят в плен; Валериан тотчас же отправил его в Ви-
10 зантию к императору. Долгое время он находился здесь под
стражей. Хозрой был готов заплатить за него большие деньги,
11 чтобы видеть Берсабуса вернувшимся в пределы Персии.
И вот теперь, когда Исдигусна попросил за него, император
Юстиниан отпустил этого человека. Этот посол говорил
императору, что за это он убедит Хозроя увести из Лазики
12 персидское войско. Так было заключено между римлянами
и персами это пятилетнее перемирие, на двадцать пятом году
13 единодержавного правления императора Юстиниана. Многие
римляне были очень недовольны этим миром. Справедливы
ли были эти упреки, или неосновательны, как это бывает
у подданных, я этого сказать не могу.

14 Говорили, что этот договор был заключен, когда власть
персов над Лазикой была особенно крепка. Сделано это было
с той целью, чтобы в течение этих пяти лет никто не мог
их тревожить, и чтобы они могли все это время, ничего не
15 боясь и не неся никаких трудов, занимать лучшие земли
Колхиды. Поэтому, как говорили, в дальнейшем римляне
не смогут во веки веков никакими силами выгнать их отсюда,
а для персов оттуда будет легкий доступ к самой Византии.
Обращая на это внимание, многие сердились и полные
16 негодования недоумевали, почему все это сделано. И то,
что для персов, по мнению многих, издавна было предметом
особых вожделений, но чего, казалось, им не удастся добыть-
ся ни войной, ни другим каким-либо способом (я имею в виду
то, чтобы заставить римлян платить ежегодно налоги и сделать
их своими данниками), теперь под видом перемирия
17 они весьма прочно закрепили за собой такое положение.

Ведь Хозрой в сущности наложил на римлян ежегодную дань в четыре центенария, чего явно он искони домогался; теперь под благовидным предлогом за одиннадцать лет и шесть месяцев он получил сорок шесть центенариев под видом перемирия, заменив слово «дань» словами «мирное условие». А тем временем он продолжал производить насилия и вести
18 войну в Лазике, как было сказано. Римляне уже не надея-
19 лись на то, что в дальнейшем они каким-либо способом смо-
гут скинуть с себя это бремя, и чувствовали себя уже в непри-
крытом виде данниками персов. Таково было тут настроение. Исдигусна же, нагруженный деньгами, как никогда еще ни
один посол, и став одним из богатейших людей среди персов, отправился домой; император Юстиниан, оказав ему вели-
:20 чайшие почести, отпустил его, одарив 'огромными дарами. Из всех послов один этот не находился под надзором; и сам он и те варвары, которые следовали за ним в очень большом числе, имели полное право встречаться и беседовать с кем угодно и ходить повсюду по городу, покупать и продавать, что заблагорассудится, составлять контракты и заниматься торговыми сделками вполне безопасно, как будто в своем собственном городе, причем никто из римлян не сопровождал их и не считал нужным, как бывало прежде, наблюдать на ними.

:21 В это время случилось нечто такое, чего никогда, насколько мы знаем, раньше не бывало. Была уже осень, жара же и духота на удивление всем стояла такая, как будто была середина лета, так что всюду распустилось, как будто действительно весной, огромное количество роз, ничем не отличающихся от
22 обычных. Деревья почти все принесли второй урожай плодов, и на виноградных лозах вновь появились гроздья, хотя
:23 немного дней назад был уже закончен сбор винограда. На основании этого люди, опытные в толковании таких явлений, предсказывали, что произойдет нечто неожиданное
:24 и важное; одни из них говорили — хорошее, другие же наоборот — плохое. Я лично считаю, что это произошло по той причине, что в большей степени, чем обыкновенно, дули южные ветры, и поэтому в стране получилась в нарушение
:25 обычной погоды большая жара, неестественная для этого

времени года. Если же это, как говорят такие предсказатели, и знаменует что-либо, чему суждено совершиться сверх всякого ожидания, то лучше всего мы это узнаем из последующего.

1   **16.** В то время как у римлян и у персов шли в Византии
2 переговоры, вот что случилось в стране лазов. Царь лазов
Губаз был на стороне римлян, так как он знал, что ему за то,
что он принял участие в заговоре на жизнь Хозроя, грозила
3 смерть, как я об этом рассказывал в предыдущих книгах
(II, гл. 29, § 2). Но из других лазов большинство относилось
плохо к римлянам, терпя большие насилия от римских вои-
нов; особенно они были раздражены против начальников
войска. Поэтому большинство их склонялось на сторону
мидян, не потому, чтобы они были восхищены персами, но
потому, что они стремились при их содействии избавиться
4 от власти римлян, предпочитая из бед те, которых еще не
было. Был в числе лазов человек не последний по известности,
по имени Феофобий. Он самым тайным образом вступил
5 в переговоры с Мермероесом и соглашался сдать ему Уфимерей.
Мермероес, воспламеняя его великими надеждами, побуждал
его на это дело, твердо пообещав, что он будет одним из самых
близких друзей царя Хозроя, а у персов на памятниках на
вечные времена будет записан за это благодеяние, а затем,
прибавил он, «за это ты будешь велик и славой и богатством,
и могуществом». Окрыленный всем этим,
6 Феофобий еще горячее принялся за дело. В это время у римлян
и у лазов не было никакой свободы сношений; напротив, персы
с полной свободой ходили по всем этим местам, а из римлян
и лазов одни скрывались у реки Фазиса, а другие прятались,
захватив Археополь или какое-либо другое укрепление в этой
местности. Сам Губаз, царь лазов, мог
7 быть покойным, только держась на вершинах гор. Поэтому
Феофобий без большого труда смог исполнить данное Мермерое-
су обещание. Придя в укрепление, он стал говорить лазам
и римлянам, находившимся здесь в гарнизоне, что все войско
римлян погибло, что все дело царя Губаза и окружающих
его лазов проиграно, что вся Колхида стоит на стороне пер-
8 сов и что ни у римлян, ни у Губаза нет ни малейшей надежды

вернуть себе власть над этой страной. До сих пор, говорил он, все военные действия вел один только Мермероес, приведя с собой семьдесят тысяч отборных персидских воинов и имея большое количество варваров сабиров; теперь же пришел сюда и сам царь Хозрой с несказанным войском, только что соединился с ними, так что в дальнейшем нехватит для такого войска всей земли колхов. Такими чудесными рассказами Феофобий поверг в великий страх тех, кто занимал эту крепость в качестве гарнизона, и они не знали, что им делать. Они стали умолять его, во имя бога его отцов, заклиная его, чтобы он, насколько у него есть силы, помог им в их теперешнем положении. Он им обещал, что согласен принести от Хозроя твердые обещания личной безопасности, но с тем что они сдадут персам крепость. Когда люди согласились на это, он тотчас ушел и, вновь явившись к Мермероесу, все передал ему. Мермероес, отобрав из персов людей самых известных и выдающихся по храбрости, отправился вместе с ними в Уфимерей с тем, чтобы, дав твердые обещания находящимся там в гарнизоне относительно их имущества и личной безопасности, занять эту крепость. Так персы овладели укреплением Уфимереем и вполне закрепили за собой власть над страной лазов. И не только одну страну лазов подчинили себе персы, но и Скимнию и Сванию, и таким образом для римлян и для царя лазов все эти места от Мохерезиса вплоть до Иберии в силу этого стали недоступны. Отражать врагов и удерживать их наступление уже не могли ни римляне, ни лазы, так как они не решались ни спуститься с гор, ни выйти из укреплений и сделать на врагов нападение.

16 При наступлении зимы Мермероес возвел в Кутаисе деревянные стены и оставил там гарнизон из персов, особенно воинственных, не менее трех тысяч; равно и в Уфимерее он оставил достаточное количество воинов. Отстроив и другое укрепление лазов, которое они называют Сарапанис, лежащее у самых крайних пределов земли лазов, он оставался там. Но затем, узнав, что римляне и лазы собираются и устраивают лагерь у устья реки Фазиса, он со всем войском пошел на них. Когда об этом узнал Губаз и начальники римского войска, они, не ожидая прибытия неприятелей, ушли

20 и спаслись кто где мог. Губаз бежал в горы и там на вершинах зимовал со своими детьми, женой и с наиболее близкими родственниками, твердо борясь против бедствий, поставивших его в безвыходное положение; в довершение всего ему пришлось переносить суровое время года; бодрость у него поддерживалась надеждой на будущую помощь из Византии;

21 этим он подбодрял себя, как это свойственно людям, в постигшей его судьбе, мечтая о лучшем. И остальные лазы из почтения к царю Губазу переносили эту зимнюю пору на вершинах гор столь же стойко, как и он, не опасаясь здесь со стороны врагов ничего для себя плохого, так как, если бы враги задумали против них какое-либо враждебное выступление, то им помешали бы, особенно зимой, эти горы, являющиеся неприступными и непроходимыми; но от голода,

22 холода и других бедствий они почти умирали. Мермерос же по возможности выстроил много домов в селениях Мохересиса и собрал в эти места отовсюду провиант; рассылая некоторых перебежчиков по вершинам гор, он сумел многих привлечь к себе, давая им твердые и верные обещания безопасности.

Так как они не знали, как добыть себе продовольствия, он им доставил его в достаточном количестве и заботился о них, как о своих. Он организовал и все остальное,

23 не боясь ничего, как будто бы он был хозяином страны. Губазу он написал следующее: «Два качества регулируют у людей ход их жизни, это — сила и благоразумие. Те, которые своей силой превосходят своих соседей, сами живут, как им угодно, и тех, которые слабее их, всегда ведут за собой, куда хотят; тех же, которые вследствие своей слабости должны служить более сильным, врачую свое бессилие разумностью действий, поступают так, как угодно сильнейшим, покорно следуя за ними и благодаря этому тем не менее могут жить в своей родной стране; и благодаря своей покорности они могут наслаждаться всем для себя желательным,

24 чего им пришлось лишиться из-за своей слабости. Не бывает так, чтобы все это встречалось у одних народов, а у других бы этого не было, но это — обычное явление у всех людей; повсюду, где бы они на земле ни жили, такой образ действия

25 неразрывно вошел в их природу, как и всякая другая особен-
ность их характера. Так вот и ты, любезнейший Губаз, если
26 ты думаешь, что сможешь победить персов на войне, не медли
и да не будет у тебя никаких колебаний. Ты найдешь нас го-
товыми встретить твое нападение в любом месте страны ла-
зов и противиться тебе, борясь за эту страну, которая в на-
27 шей власти. Так что тебе дана будет полная возможность
сражаться с нами и проявить свою доблесть. Но если ты и сам
знаешь, что ты не в состоянии сопротивляться силе персов,
то, милейший, воспользуйся второй возможностью, припом-
нив знаменитое «Познай самого себя» и преклонись перед
28 своим владыкой Хозроем, как царем, победителем и госпо-
дином. Проси у него прощения за содеянное тобою, проси
его милости, чтобы в дальнейшем ты мог избавиться от удру-
29 чающих тебя сейчас бедствий. Что касается меня, я берусь
сделать царя Хозроя милостивым к тебе; он по моей просьбе
даст тебе залог верности своего слова, прислав в качестве
заложников детей знатнейших у персов лиц, так что ты бе-
зопасно будешь пользоваться до скончания дней твоих всем,
30 и личной безопасностью, и своим царским званием. Если же
тебе не по душе ни то, ни другое предложение, то уйти в дру-
гую страну и дай наконец отдых лазам, ставшим несчастными
из-за твоего неразумия, дай им притти в себя от поразивших
их бедствий и, руководимый несбыточной надеждой, не по-
желай навлечь на них окончательную гибель. Я имею в виду
31 твою надежду на помощь римлян. Они никогда не смогут
отомстить за тебя, как не могли это сделать до сих пор».
32 Вот что написал Мермероес. Но Губаз не послушался и этих
его увещаний, но оставался на вершинах гор, мечтая о помо-
щи римлян и вследствие своей ненависти к Хозрою меньше
33 всего желая дать себя убедить и потерять надежду на римлян.
Ведь люди по большей части свои мысли приноравливают
к тому, что им желательно, и этим руководятся, отдавая
себя во власть тех речей, которые им нравятся; они охотно
принимают все те выводы, которые из них следуют, не про-
думывая, не являются ли они ложными. Наоборот, на те
речи, которые их огорчают, они сердятся и не верят им, не
исследовав, не являются ли они справедливыми.

1   17. Около этого времени пришли из Индии какие-то мо-
нахи.⁷ Узнав, что император Юстиниан очень озабочен тем,
чтобы римлянам не приходилось покупать шелка при посред-
ничестве персов, они, явившись к императору, обещали ему,
что так устроят дело с шелком, что никогда уже не нужно
будет римлянам делать этих покупок ни у персов, своих
2 врагов, ни у какого-либо другого народа; они говорили, что
провели много времени в стране, которая называется Серин-
дой, находящейся севернее многих племен * индийцев;
там они точно изучили, как возможно производить шелк
3 в земле римлян. Когда император все дальше и дальше рас-
спрашивал их, допытываясь, правдив ли их рассказ, мо-
нахи стали рассказывать, что творцами шелка-сырца являют-
ся червяки, что природа является их учительницей, заставля-
ющей их непрерывно работать. Доставить червяков от-
туда живыми невозможно, но их зародыши (яички) —
4 вполне возможно и легко. Зародышами этих червей являются
яички, которых каждый червяк кладет бесчисленное мно-
5 жество. Эти-то яички много времени спустя, после того как
они положены, люди, закопав их в навозе и здесь в достаточ-
6 ной степени долго их согревая, делают живыми. Когда они
это рассказали, император, обещав одарить их великими бла-
7 гами, убедил их подтвердить свой рассказ делом. Тогда они
вновь отправились в Серинду и принесли в Византию яички
шелковичного червя и сделали так, как рассказано, т. е.
чтобы обратить яички в червей, они выкармливали их ли-
8 стьями тутового дерева; этим они достигли того, что в даль-
нейшем в земле римлян стал добываться шелк-сырец. Так
вот как шли тогда военные дела у римлян и персов и что про-
изошло относительно шелка.

9   18. По истечении зимы (552/3 год) прибыл к Хозрою
Исдигусна со всеми деньгами и доложил ему, о чем он дого-
ворился. Получив деньги, Хозрой без промедления утвер-
дил перемирие, но ни в коем случае не пожелал отказаться
10 от Лазики. На эти деньги, раздав их в качестве подарка

---

* Таков перевод при чтении (Haug) ὕπερ...; при чтении (Dindorf) ὑπερ перевод таков: «где много племен индийцев».

гуннам-сабирал, он набрал их большое число и с несколькими персами тотчас отправил к Мермероесу. Ему он приказал вести дело со всей энергией и для этого послал ему много
11 слонов. Выступив со всем персидским и гуннским войском из Мохересиса, Мермероес двинулся на крепости лавов,
12 ведя с собой слонов. Римляне нигде не выступали против него в открытом сражении, но спокойно держались у устья реки Фазиса, под начальством Мартина, чувствуя себя в полной
13 безопасности, хорошо защищенные крепкой позицией. К ним пришел и царь лавов Губаз. По воле судьбы это мидийское
14 войско не сделало ничего плохого ни римлянам, ни лавам. Прежде всего, узнав, что в одной из крепостей находится сестра Губаза, Мермероес повел туда войско с тем, чтобы
15 каким бы то ни было способом взять ее. Так как находящиеся там в гарнизоне защищались очень решительно, и так как сама природа помогала им неприступностью положения, то
16 варвары должны были удалиться, ничего не сделав. После этого персы со всем своим рвением устремились на абасгов. Но римляне, занимавшие гарнизоном Тсибилу, захватили проход, бывший очень узким и окруженный отвесными горами, как я говорил об этом раньше (гл. 10), и при таких обстоятельствах совершенно непроходимый, и остановили
17 дальнейшее продвижение персов. Поэтому, не имея возможности заставить уйти стоящих против него врагов, Мермероес повел назад войско и тотчас же направился к Археополю с целью его осадить. Но напрасно попытавшись взять его укрепления штурмом, потерпев в этом неудачу, он и
18 здесь повернул назад. Римляне преследовали отступающих врагов и в неудобном для персов месте многих убили; в их
19 числе пал и начальник сабиров. Около его трупы закипел сильный бой к сумеркам персы одолели противников и обратили их в бегство, а сами удалились в Кутаис и в Мохересис. Вот что было сделано здесь римлянами и персами.
20 В это время дела римлян в Ливии шли очень хорошо. Иоанн, которого император Юстиниан назначил начальником всех этих мест, достиг здесь успехов неслыханных и невероятных.
21 Привлекши на свою сторону одного из маврусийских вождей, по имени Кутзину, он прежде всего победил в сра-

жении всех остальных, а немного спустя подчинил себе Анталу и Иавду, которые имели власть над маврусиями, жившими в Бизакии и Нумидии, и они следовали за ним, как
22 будто они были его рабами. В результате этого у римлян в течение ближайшего времени не было никакой войны в Ливии. За это время страна, сильно обезлюдившаяся от предшествующих войн и восстаний, окрепла.

1 18. Пока здесь происходили эти события, вот что произошло в Европе. Как я рассказал в предыдущих книгах (VII [III] гл. 34, § 45 сл.), гепиды заключили мир с лангобардами, бывшими им врагами. Но так как они не были в состоянии совершенно устранить все разногласия, бывшие между ними, то они стали думать, что немного времени спустя им все же предстоит воевать друг с другом. И вот, собравшись со всеми силами, они всем народом пошли друг на друга.
2 Во главе гепидов стоял Торисин, а во главе лангобардов — Аудуин. За тем и за другим следовало много десятков тысяч бойцов. Они уже были близко один от другого, но еще не
3 видали войск друг друга. Внезапно на тех и на других напал страх, который называют паническим, и заставил всех их и без всякой причины бежать назад на месте остались
4 лишь одни предводители с очень немногими воинами. Они пытались вернуть своих воинов, задержать их бегство, но им этого не удалось сделать ни лестью, ни жалобными мольба
5 ми, ни страшными угрозами. Придя в великий страх при виде своего войска, так беспорядочно разбегающегося во все стороны (он не знал, что та же судьба постигла и неприятелей), Аудуин тотчас же послал некоторых из своих при
6 ближенных к врагам с тем, чтобы просить мира. Когда его послы пришли к начальнику гепидов Торисину и увидели то, что происходит у них, то на основании того, что произошло у них самих, они поняли, что случилось и у неприятелей. Тогда, явившись к Торисину, они стали спрашивать его,
7 где же вся масса воинов из земли, им управляемой. Он не стал отрицать ничего из случившегося и сказал им: «Бежали, никем не гонимые». Тогда и они, прервав его, заявили: «То же самое случилось и с лангобардами. Раз ты, король, сказал нам правду, то и мы не скроем от тебя нашего

10 положения. Поэтому раз богу не угодно, чтобы оба эти племени
губили друг друга, и он разрушил их враждебный друг другу
строй, внушив им обоим спасительный страх, то последуем
и мы за божьим промыслом и прекратим войну». «Согласен,—
11 сказал Торисин,— да будет так». Таким образом, они за-
ключили перемирие на два года, с тем, чтобы за это время,
взаимно посылая друг к другу уполномоченных и послов,
они могли окончательно и точно разобраться в разногласиях
и их ликвидировать. Таким образом, разошлись тогда оба
эти народа.⁸

12 Не имея возможности за время этого перемирия притти
к разрешению противоречий, возникших между ними, они
13 вновь собирались начать военные действия. Так как гепиды
боялись Римской империи (они были уверены, что римляне
будут помогать лангобардам), они решили привлечь к себе
14 на помощь некоторых из гуннов. Поэтому они послали к вла-
стителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского
Болота, и просили их помочь им провести совместно с ними
15 войну против лангобардов. Кутригуры тотчас же послали
гепидам двенадцать тысяч человек, во главе которых среди
других стоял Хиниалон, человек, исключительно хорошо
16 знавший военное дело. Так как гепиды в данный момент были
очень стеснены присутствием этих варваров,— срок нужный
для войны еще не наступил,— оставался еще целый год пере-
мирия,— то они убедили их за это время сделать набег на
земли императора, устроив таким образом мимоходом из-за
своей неготовности к войне коварное и враждебное напа-
17 дение против римлян. Так как римляне внимательно охраня-
ли переправу через Истр в Иллирии и во Фракии, то гепиды,
переправив этих гуннов через Истр на противоположный
берег в своей области, направили их на римские владения.
18 Они опустошили здесь почти все местности, император же
Юстиниан придумал сделать следующее. Отправив послов
к правителям гуннов-утигуров, которые жили по ту сторону
Меотийского Болота, он упрекал их и называл несправед-
ливым их бездействие по отношению к кутригурам: бездейтель-
ность, когда хотят погубить друзей, нужно считать в числе
19 самых несправедливых поступков. Ведь, говорил он, кутри-

гуры, являющиеся вашими ближайшими соседями, отнесли к вам с полным пренебрежением, несмотря на то, что сами они ежегодно получают от Византии крупные суммы денег и никоим образом не хотят отказаться от нанесения обид римлянам, но ежедневно делают набеги и грабят их без всякого стеснения. А они, утигуры, не участвуя в этом, не получают никакой выгоды и не делят добычи с кутригурами, а в то же время они игнорируют, что римлянам наносится вред, хотя издревле они являются самыми близкими друзьями римлян. Указав все это утигурам и богато одарив их деньгами, кроме того, напомнив, сколь много даров и раньше часто они получали от него, император Юстиниан убедил их немедленно двинуться походом на оставшихся кутригуров. Пригласив себе на помощь из живших рядом с ними готов, которых называли тетракситами, две тысячи воинов, они всем народом перешли реку Танаис. Начальствовал над ними Сандил, человек очень разумный и опытный в военных делах, достаточно известный своей силой и храбростью. Перейдя через реку, они вступили в рукопашный бой с многочисленным войском кутригуров, вышедшим против них. Так как они очень храбро отбивались от нападения, то битва затянулась надолго; наконец утигуры, обратив в бегство врагов, многих убили. Лишь немногие бежали и спаслись, кто как мог. Забрав в качестве рабов их детей и жен, враги вернулись домой.

1   **19.** Так эти варвары сражались тогда друг с другом, как я рассказал. Когда опасность войны у них достигала уже критического момента, римлянам удалось воспользоваться удивительно счастливым обстоятельством. Те римляне, которые находились под властью кутригуров на положении рабов, говорят, в числе многих десятков тысяч, скрывшись во время этого сражения с возможной поспешностью, ушли отсюда, никем не преследуемые, и вернулись в родную землю, получив от чужой победы для себя выгоду в том, что является самым дорогим. А император Юстиниан, послав военачальника Аратия к Хивиналону и к другим гуннам, велел объявить им, что произошло в их земле, и, предложив им деньги, уговорить их возможно скорее уйти из земли римлян.

4 Узнав о нападении утигуров и получив от Аратия большие деньги, варвары согласились не производить больше убийств, не обращать никого из римлян в рабство и не делать ничего другого неприятного римлянам и так удалиться отсюда, как если бы они шли здесь через страну, занятую друзьями.

5 Они договорились и о том, что если эти варвары будут в состоянии, вернувшись в свою страну, там основаться, то и в дальнейшем они сохраняют верность римлянам; если же им остаться там будет невозможно, то они снова вернутся в землю римлян, и император одарит их какими-либо местами во Фракии, с тем чтобы они, поселившись здесь, в дальнейшем были подручными римлянам (федератами) и со всей тщательностью оберегали страну от всех других варваров.

6 Но и из тех гуннов, которые были побеждены в сражении и успели бежать от утигуров, две тысячи пришли в землю

7 римлян вместе со своими детьми и женами. Во главе их, кроме других, стоял Синний, который много лет назад воевал под начальством Велизария против Гелимера и вандалов. Они обратились с просьбой о защите к императору Юстиниану. Он принял их с полной охотой и велел поселиться в местечках Фракии. Когда узнал об этом Сандил, царь утигуров,

8 он пришел в сильное раздражение и гнев; ведь этих кутригуров, родственников ему по крови, мстя им за обиду, нанесенную ими римлянам, он выгнал из их родных пределов, а теперь они, принятые самим императором, поселились на землях римлян и будут жить еще лучше, чем прежде. Поэтому он отправил к императору послов с упреками за такой поступок, не вручив им никакого письма, так как и до сих пор гунны совершенно безграмотны, не слышат ничего о науках и не занимаются ими, нет у них даже и простых учителей,* и дети растут у них, не изучая грамоты. Эти послы, как это бывает у самых варварских народов, должны были устно передать императору то, что их царь поручил им

9 сообщить императору. И представ перед лицом императора Юстиниана, они заявили, что, вместо письма, их устами говорит их царь Сандил следующее: «В действие одну слышал я

---

* По другим рукописям: «азбуки».

погсвррку и псмю ее, и если я что-либо из нее не забыл, то
10 эта поговорка такова. Говорят, что дикий волк мог бы, как
это ни трудно дспустить, переменить свою волчью шкуру,
но характера своего он никогда изменить не может, так как
11 природа его ему этого не позволяет. Вот что, — говорит
Сандил, пользуясь поговорками, — слышал я еще от стариков,
таким иносказательным словом намекавших на человеческие
отншения. Знаю это и я сам, научившись на опыте, насколько
12 можно было научиться варвару, живущему в полях: пастухи
берут себе собак еще щенками и заботливо воспитывают их
дема; собака — животное очень ценное и преданное тем,
кто его кормит, и самое памятьливое на оказанное ему добро.
Делается это пастухами с тою целью, чтобы в случае, если
волки кинутся на стадо, эти собаки отразили их нападение,
являясь хранителями и спасителями стад. И я думаю, что так
13 все это делается повсюду на земле. Никто из всех людей не
видал, чтобы собаки злоумышляли против стада или чтобы
волки когда-либо его защищали, но природа как бы дала
14 определенный характер собакам, овцам и волкам. Думаю я,
что и в твоей империи, где может происходить очень много
различных вещей, может быть даже самых удивительных, та-
кая перемена нигде прсизойти не может. Или покажите
15 моим псслам нечто подобное, чтобы я на пороге старости
узнал что-либо из необычного; если же везде неизменно бы-
вает одно и то же, то тебе не следует оказывать гостеприим-
ство племени кутригуров, создавая себе такое, думаю я,
подозрительное соседство; ведь тех, которых ты не мог вы-
носить, когда они были далеко от твоих границ, ты теперь
16 хочешь поселить на одной земле. Немного пройдет времени,
и они покажут римлянам свой истинный, свойственный им ха-
рактер. Да и кроме того, не будучи врагами, они не перестанут
злоумышлять против Римской империи в надежде, что даже
побежденные они получают от тебя лучшее положение, чем
имели раньше; ни тем более, будучи друзьями, не будут
стоять за римлян, отражая тех, кто захочет совершать на-
беги на вашу землю, из страха, что, проведя дело блестяще
по воле судьбы, они увидят побежденных ими, находящи-
мися у вас в лучшем положении, чем они сами. Так и мы:

живем мы в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной, а этим кутригурам дается возможность наедаться хлебом, они имеют полную возможность напиваться
17 допьяна вином и выбирать себе всякие приправы. Конечно, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них и тонкие одеяния, разноцветные и разукрашенные
18 золотом. А ведь эти же кутригуры в прежние времена обращали в рабство бесчисленное количество римлян и уводили
19 их в свои земли. Этим преступникам не казалось, между прочим, недопустимым делом требовать от них рабских услуг: они считали вполне естественным бить их бичами, даже если бы они ни в чем и не провинились, и даже подвергать смерти, одним словом, применять к ним все, на что дает право госпо-
20 дину-варвару его характер и полная его воля. Мы же своими трудами и опасностями, где мы рисковали нашей жизнью, избавили этих пленных соотечественников ваших от властвующей над ними судьбы, мы вернули их родителям, они были те-
21 ми, за кого мы взяли на себя всю тяжесть войны. И вот, в ответ на поступки как со стороны нас, так и со стороны «этих разбойников» по отношению к вам вы поступили как раз обратно тому, чего мы заслужили: мы продолжаем жить среди нашей прежней наследственной бедности, а эти кутригуры поделили пополам владение страной с теми, которые избегли рабства
22 у них, спасенные нашей доблестью». Вот что сказали послы утигуров. Император, всячески обласкав их и утешив массой даров, в скором времени отправил назад. Вот что было тогда.

1   20. В это время между племенем варнов⁹ и теми воинами, которые живут на острове, называемом Бриттия, произошла
2 война и битва по следующей причине. Варны осели на севере от реки Истра и заняли земли, простирающиеся до северного Океана и до реки Рейна, отделяющего их от франков и дру-
3 гих племен, которые здесь основались. Все те племена, которые в древности жили по ту и другую сторону реки Рейна, имели каждое свое собственное название, а все их племя вместе называлось германцами, получив одно общее наимено-
4 вание.* Остров же Бриттия лежит на этом Океане, недале-

---

* По Науру; многие эту фразу выкидывают.

ко от берега, приблизительно стадий в двухстах против устья Рейна; этот остров находится между Британией (Ирландией) и островом Фулой (Исландией). В то время как Британия лежит по отношению к крайним пределам Испании на запад, отстоя от материка не меньше чем на четыре тысячи стадий, Бриттия лежит позади Галлии, той, которая обращена к Океану, т. е. к северу по отношению к Испании и Британии. Фула же, насколько это знают люди, лежит в крайних пределах Океана, обращенного к северу. Но относительно Британии и Фулы мною все уже рассказано в прелшествующих книгах (VI [II], гл. 15, § 4 сл.). Остров Бриттию занимают три очень многочисленных племени, и у каждого из них есть свой король. Имена этих племен следующие: ангилы, фриссоны и одноименное с названием острова бриттоны. И таково многолюдство, как можно думать, этих племен, что каждый год большое количество их с женами и детьми выселяется и переходит в пределы франков. Эти последние поселяют их в тех частях своей земли, которые считаются более малоллюдными, и поэтому франки заявляют, что остров (Бриттия) принадлежит им. И действительно, немного раньше король франков, отправив к императору Юстиниану в качестве послов в Византию своих близких и доверенных, послал вместе с ними нескольких человек из ангиллов, с гордостью заявляя, что и этот остров находится под его властью. Но достаточно говорить об этом острове, называемом Бриттией.

Немного раньше некий муж, по имени Гермегискл, правил варнами. Стараясь всячески укрепить свою царскую власть, он взял себе в законные жены сестру франкского короля Теодеберта, так как недавно у него умерла его прежняя жена, бывшая матерью одного только сына, которого она и оставила отцу. Имя ему было Радигис. Отец сосватал за него девушку из рода бриттиев, брат которой был тогда царем племени ангиллов; в приданое дал за нее большую сумму денег. Этот Гермегискл, проезжая верхом по какой-то местности с значнейшим из варнов, увидал на дереве птицу, громко каркавшую. Понял ли он, что говорила птица, или он почувствовал это как-либо иначе, как бы там ни было, он, сделав вид, что чудесным образом понял предсказание птицы, сказал

присутствующим, что через сорок дней он умрет и что это ему предсказала птица. «И вот я,— сказал он,— забочься уже вперед, чтобы мы могли жить совершенно спокойно в полной безопасности, заключил родство с франками, взяв оттуда теперешнюю мою жену, а сыну своему нашел невесту в стране бриттиев. Теперь же, так как я предполагаю, что очень скоро умру, не имея от этой жены потомства ни мужского, ни женского пола, да и сын мой еще не достиг брачного возраста и еще не женат, слушайте, я сообщу вам мое мнение и если оно покажется вам бесполезным, как только наступит конец моей жизни, держитеь его и исполните в добрый час.

16 Так вот я думаю, что варнам будет более полезным близкий союз и родство с франками, чем с островитянами. Вступить в столкновение с вами бриттии могут только с большим промедлением и трудом, а варнов от франков отделяют только воды реки Рейна. Поэтому, являясь для вас самыми близкими соседями и обладая очень большой силой, они очень легко могут приносить вам и пользу и вред, когда только захотят.

17 И конечно, они будут вредить, если им в этом не помешает родство с вами. Так уж ведется в жизни человеческой, что могущество, превосходящее силу соседей, становится тяжким и наиболее склонным к насилию, так как могущественному соседу легко найти причины для войны с живущими рядом с ним, даже ни в чем не виновными. При таком положении дел пусть невеста-островитянка моего сына, вызванная для этого сюда, уедет от вас, взяв с собой все деньги, которые она получила от нас, унося их с собою в качестве платы за обиду, как этого требует общий для всех людей закон. А мой сын Радигис пусть в дальнейшем станет мужем своей мачехи, как это разрешает закон наших отцов.

19 Так он сказал; на сороковой день после этого предсказания он захворал и в назначенный судьбою срок окончил дни своей жизни. Сын Гермегискла получил у варнов царскую власть и согласно с мнением знатнейших лиц из числа этих варваров он выполнил совет покойного и, отказавшись от брака с невестой, женился на мачехе. Когда об этом узнала невеста Радигиса, то, не вынеся такого оскорбления, она возгорела желанием отомстить ему. Насколько местные варвары

21
22
23

ценят нравственность, можно заключить из того, что если у них только зашел разговор о браке, хотя бы самый акт и не совершился, то они считают, что женщина уже потеряла свою честь. Прежде всего, отправив к нему с посольством некоторых из своих близких, она старалась узнать, чего ради он так оскорбил ее, хотя она не совершила прелюбодеяния и не сделала ничего плохого по отношению к нему. Так как этим путем она не могла ничего добиться, то душа ее обрела мужскую силу и смелость, и она приступила к военным действиям. Тотчас собрав четыреста кораблей и посадив на них бойцов не меньше ста тысяч, она сама стала во главе этого войска против варнов. С ней шел и один из ее братьев, с тем чтобы устраивать ее дела, не тот, который был королем, но тот, который жил на положении частного человека. Эти островитяне являются самыми сильными из всех нам известных варваров и на бой идут пешими. Они не только никогда не занимались верховой ездой, но и не имели даже понятия, что такое за животное лошадь, так как на этом острове никогда не видали даже изображения лошади. Повидимому такого животного никогда не бывало на острове Бриттии. Если же кому-либо из них приходится бывать или с посольствами, или по другой какой-либо причине у римлян или у франков, или у других народов, имеющих коней, и им там по необходимости приходилось ездить на лошадях, то они не могли даже сесть на них, и другие люди, подняв, сажают их на лошадей, а когда они хотят сойти с лошади, вновь подняв их, ставят на землю. Равно и варны не являются всадниками, и они все тоже пехотинцы. Таковы эти варвары. На кораблях во время этого похода у них не было специальных гребцов, но все они были сами гребцами. У этих островитян не было и парусов, они всегда плавали на веслах.

Когда они переплыли на материк, то девушка, которая стояла во главе их, устроив крепкий лагерь у самого устья реки Рейна, осталась там с небольшим отрядом, а своему брату со всем остальным войском велела идти на врагов. И варны стали тогда лагерем недалеко от берега океана и устья Рейна. Когда ангилы прибыли сюда со всей поспешностью, то и те и другие вступили друг с другом в рукопашный бой,

34 и варны были жестоко разбиты. Из них многие были убиты
в этом сражении, остальные же вместе с царем обратились
35 в бегство; ангилы недолгое время преследовали их, как это
бывает у пехотинцев, а затем возвратились в лагерь. Девушка
сурово приняла вернувшихся к ней и горько упрекала брата,
утверждая, что он с войском не сделал ничего порядочного,
36 так как они не привели к ней живым Радигиса. Выбрав из них
самых воинственных, она тотчас послала их, приказав им
привести к себе живым этого человека, взяв его в плен
37 каким угодно способом. Они, исполняя ее приказ, обошли
все места этой страны, тщательно все обыскивая, пока
38 не нашли скрывающимся в густом лесу Радигиса. Связав его,
они доставили его к девушке, И вот он предстал пред ее
лицом, трепеща от страха и полагая, что ему тотчас же пред-
стоит умереть самой позорной смертью. Но она, сверх ожи-
дания, не велела его убить и не сделала ему никакого зла,
но, упрекая за нанесенное ей оскорбление, спросила его, че-
го ради, презрев договор, он взял себе на ложе другую жену,
39 хотя его невеста не совершила против него никакого нару-
шения верности. Он, оправдываясь в своей вине, привел ей
в доказательство завещание отца и настояние своих поддан-
ных. Он обратил к ней умоляющие речи, присоединив к ним
в свое оправдание многие просьбы, обвиняя во всем необ-
40 ходимость. Он обещал, что, если ей будет угодно, он станет
ее мужем и то, что сделано им раньше несправедливого, он
41 исправит своими дальнейшими поступками. Так как девушка
согласилась на это, то она освободила Радигиса от оков и
дружески отнеслась к нему и во всем другом. Тогда он тот-
час отпустил от себя сестру Теодеберта и женился на брит-
тийке. Таков был исход этого дела.

42 На этом острове Бриттии древние люди воздвигли длин-
ную стену, разделявшую его на две неравные части; и по обеим
сторонам этой стены и климат, и земля, и все остальное не
43 одинаковы. Область на восток от этой стены имеет здоровый
климат соответственно с каждым временем года, умеренно
44 теплый летом, прохладный зимой; живет здесь многочислен-
ное население, ведущее такой же образ жизни, как и осталь-
ные люди; деревья в установленные сроки года, как везде,

приносят обильные плоды, и нивы у них покрыты посевами не хуже, чем в других местах. И водами эта страна достаточно богата. Часть же страны, обращенная на запад, совершенно другая, так что вообще человеку прожить там даже полчаса невозможно. Там бесчисленное количество ехидн и змей; на долю этой страны досталось много диких животных всякого рода. И самое удивительное, местные жители говорят, будто если кто, перейдя через стену, попадает на ту сторону, он тотчас же умирает, не имея сил вынести заразного воздуха этой страны. Говорят, что и животные, попавшие туда, тотчас же поражаются смертью. Раз я уже дошел в своем повествовании до этого места, мне показалось необходимым привести следующий рассказ, совершенно подобный сказке. Я лично целиком ему не верю, хотя это не раз рассказывалось бесчисленным числом людей, которые утверждали, что они сами лично были свидетелями этих фактов, а другие, что они своими ушами слышали рассказы об этом. Поэтому я решил, что мне не следует совершенно обойти молчанием эти сообщения, чтобы не подумали, будто я, описывая дела, касающиеся острова Бриттии, чего-нибудь не знаю из происходящего здесь.

Говорят, что в это место собираются души умерших.¹⁰ Каким образом это происходит, я сейчас расскажу, так как я не раз слышал, как люди серьезно об этом рассказывали, хотя все это скорее можно отнести к фантазиям сновидений. На берегу океана, обращенному к острову Бриттии, находится много деревень. В них живут люди, занимающиеся рыбной ловлей, обработкой земли и плавающие на этот остров по торговым делам. Они все подчинены франкам, но никогда не платили им никакой дани, издревле освобожденные от этой тяготы, как говорят, за некую услугу, о которой я сейчас расскажу. Местные жители говорят, что на них возложена обязанность по очереди перевозить души умерших. Те, кому обычно в наступающую ночь по порядку предстоит идти в наряд, как только начнет смеркаться, уйдя к себе домой, ложатся спать, ожидая того, кто позовет их на работу. Глубокой ночью они слышат стук в двери, и чей-то глухой голос зовет их на эту работу. Они без всякого промедления подни-

маются с ложа и идут на берег, не соображая, какая сила толкает их так действовать, но тем не менее ощущая необходимость так делать. Там они видят уже готовые корабли, но совершенно без людей, при этом корабли не их, а совершенно другие. Взойдя на них, они берутся за весла и чувствуют, как эти корабли перегружены массой взошедших на них, так что они осели в воду до края палубы и до самых уключин, поднимаясь над водой на какой-нибудь палец; видеть же они никого не видят. Таким образом они гребут целый час и пристают к Бриттии. Когда же они плывут на своих кораблях тоже без парусов, на одних веслах, они с трудом за сутки совершают этот переезд. Когда они пристанут к острову, тотчас же происходит высадка, и тотчас эти корабли * у них становятся легкими и, поднявшись над волнами, сидят в воде только до кия. Из людей они не видят никого, ни тогда, когда плывут с ними, ни тогда, когда они высаживаются с корабля, но они говорят, что слышат какой-то голос, который, как кажется, называет принимающим эти души по имени каждого из тех, которые плыли вместе с ними, прибавляя указание на прежние их должности, которые они имели, и называя также их отчество. Если случится, что с ними плывут и женщины, то произносятся и имена мужей, с которыми они жили. Вот что местные жители говорят происходит здесь. Я же возвращаюсь к своему прежнему рассказу.

1   **21.** Так шли военные дела в каждой отдельной области. Война же с готами была вот в каком положении. Когда император вызвал Велизария в Византию, как мною рассказано в предшествующих книгах (VII [III], гл. 35), он держал его в большом почете и даже после смерти Германа он не захотел послать его в Италию, но, считая его начальником восточных сил, он держал его при себе, поставив во главе своих императорских телохранителей. По служебному положению Велизарий был первым среди всех римлян, хотя некоторые из них были раньше его записаны в списки патрициев и возвысились до консульского кресла; но даже и в этом случае все уступали ему первое место, стыдясь

---

* Точнее: «эти египетские корабли мертвых».

ввиду его доблести пользоваться своим законным правом
4 и на основании его выставлять свои права. Это очень нравилось императору. Иоанн, сын Виталиана, зимовал в Салонах (см. VII [III], гл. 40, § 14). Поджидая его, отдельные начальники римского войска в Италии в течение этого времени оставались в бездействии. Так окончилась зима, а с ней пришел к концу шестнадцатый год войны с готами, которую описал Прокопий.

5 С наступлением нового (551/2) года Иоанн имел в виду покинуть Салоны и со всем войском двинуться возможно
6 скорее против Тотилы и готов. Но император запретил ему это делать и приказал ждать на месте, пока не прибудет к нему евнух Нарзес. Он решил его назначить начальником в этой войне с диктаторскими полномочиями. Почему императору было угодно так сделать, определенно никто
7 этого не знал: ведь мысли императора узнать невозможно, если нет на то его воли. То же, что в народе говорили в качестве догадок, я расскажу. У императора Юстиниана явилась мысль, что другие начальники римского войска меньше
8 всего захотят слушаться Иоанна, заявляя, что они ничуть не ниже его по служебному достоинству. Поэтому император боялся, как бы они, высказывая несогласие с его
9 мнением, или даже по зависти сознательно вредя, не привели в расстройство весь план. Но я слышал от одного римлянина (это был один из римских сенаторов) вот еще какой рассказ,
10 когда я был в Риме. Так вот он говорил, что во время правления Аталариха, внука Теодориха, стадо быков как-то уже к ночи шло в Риме через площадь, которую римляне
11 называют Форумом Мира. Здесь находится храм Мира, еще в древние времена пораженный молнией. Перед этой площадью есть древний водсем, и около него стоит медный бык,
12 думаю, работы афинянина Фидия или Лисиппа. В этом месте стоит много статуй, созданных этими двумя ваятелями. Тут стоит и другое произведение Фидия; на это указывает надпись, находящаяся на статуе. Тут же стоит и «Телка» Мирона. Древние римляне охотно украшали Рим лучшими
13 произведениями Эллады. И вот этот римский сенатор говорил, что один из быков этого стада, кастрированный, отстав от
15

16 других, всел в этот водоем и стал над медным быком. Случайно проходил здесь один человек, родом этруск, в общем казавшийся простым; сообразив то, что здесь произошло, он сказал (этрусски и до моего времени отличаются даром предсказаний и толкований), что будет время, когда евнух
17 победит владыку Рима. Тогда этот этруск и его речи вызвали смех. Люди любят смеяться над предсказаниями раньше их выполнения; не опровергнутые никаким другим доказательством, на основании только того, что они еще не совершились и что нет полной уверенности в том, что они сбудутся, они
18 считают их похожими на какую-то смешную сказку. А теперь, прилагая это знамение к тому, что совершилось, они
19 удивляются. Может быть поэтому Нарзес был назначен военачальником против Тотилы или потому, что мысль императора провидела будущее, или потому, что судьба повелела
20 совершиться этому. И вот Нарзес был послан, получив от императора значительное войско и большие деньги. Когда
21 он со своими спутниками достиг середины Фракии, то, прервав на некоторое время путь, он задержался в Филиппополе, так как войско гуннов, напав на Римскую империю все грабило и опустошало, ни у кого не встречая сопротивления. Когда же одни из них двинулись к Фессалонике, а другие к Византии, он, с трудом освободившись отсюда, двинулся дальше.

1 22. В то время как Иоанн в Салонах ожидал Нарзеса, а Нарзес, связанный нашествием гуннов, двигался с крайней медлительностью, Тотила, узнав о назначении Нарзеса и
2 ожидая его войска, делал вот что. Всех оставшихся в живых римлян и некоторых из римских сенаторов он поселил в Риме, оставив других в Кампании. Он велел им как можно лучше
3 заботиться о городе, дав им понять, что он будто бы раскаивается в том, что он сделал до этого во вред Риму; ведь он сжег большую часть его, особенно находящуюся на северном берегу Тибра. Но они, находясь в положении почти рабов и лишены всяких средств, не были в состоянии
4 сделать не только что-либо в интересах общественной жизни, но даже и того, что необходимо лично для них самих. Но будучи
5 из всех, кого мы только знаем, людьми, наиболее любящими

свой город, они прилагали все старания поправить древние памятники отцов и сохранить их, дабы ничего не исчезло из древнего великолепия Рима. И хотя они долгие века испытывали на себе господство варваров, они все-таки сохранили сооружения города и большинство из его украшений, какие только было возможно: такую длительность дало этим произведениям искусство их творцов, что ни столь продолжительное время, ни их заброшенность не могли их разрушить. Среди них и памятники начала римского рода; так, корабль Энея, основателя города, сохранился до этого времени, представляя зрелище, можно сказать, совершенно необычайное. Те, которые выстроили гавань и верфь посередине города, у берега Тибра, туда поставили этот корабль и там его сохраняют. Какого он вида, я, сам видевший его своими глазами, сейчас расскажу. Этот корабль с одним рядом весел и очень длинный: в длину имеет сто двадцать футов, в ширину двадцать пять, а в высоту он имеет столько, сколько нужно для того, чтобы грести веслами. Что касается дерева, из которого он сделан, то бревна его совершенно ничем не скреплены между собою, но как и отдельные деревья, из которых сделан корабль, они не связаны между собою никакими железными скрепами: все они сделаны цельными, из одного материала, что удивительно и видеть, и слышать, и что, насколько известно, существует только в одном судне. Киль, сделанный из одного ствола, идет от кормы до носа, образуя удивительным образом небольшой изгиб, какой нужен для трюма корабля, а затем вновь чудесным образом поднимается прямо кверху до палубы. Все толстые дуги, приделанные к килю (одни поэты называют их «дриолами», «дубовыми державами», а другие — «номеями», «водилами»), каждая в отдельности цельными доходят от одной стенки корабля до другой. Загибаясь и с той и с другой стороны, они образуют очень красивый изгиб, так, чтобы можно было по ним выгнуть трюм корабля. Может быть природа на случай такой необходимости согнула эти деревья и приспособила уже раньше их искривление к этой цели, или выпуклость этих балок была приведена к нужной форме искусством рук человеческих или каким-либо другим способом. Сверх этого,

доски, идя от кормы корабля до другого его края, каждая будучи цельной, прибиваются железными гвоздями к балкам — только для этой цели и употребляются гвозди —
15 для того, чтобы образовать стену. Выстроенный таким образом корабль представляет необыкновенное зрелище. Обычное явление, что люди не могут в ясных словах изложить большей части тех творений, которые являются странными с общей точки зрения, и лишь только тогда, когда подобные вещи они усвоят себе и сделают общепонятными, они находят
16 и слова для их выражения. И из этого дерева ничего не сгнило, не имеет вида трухлявого, но во всех своих частях корабль является свежим, как будто он только что вышел из рук мастера, который его сделал, кто бы он ни был, и стоит крепким, даже на мой взгляд вызывая удивление таким чудом. Но достаточно о корабле Энея.

17 Посадив готов на триста военных кораблей, Тотила велел им плыть в Элладу и грабить елико возможно все, что им
18 попадется навстречу. Этот флот вплоть до страны феаков,¹¹ которая теперь называется Керкирой, не нанес никому никакого вреда. На этом пути, начиная от пролива Харибды
19 вплоть до Керкиры, не встречается ни одного населенного острова, так что я, не раз бывая тут, недоумевал, где же здесь
20 мог бы находиться остров Калипсо. В этом море я нигде не видал ни одного острова, кроме трех, находящихся недалеко от земли феаков, так приблизительно на расстоянии трехсот стадий, близко один от другого, очень небольших; на них нет ни поселений людей, нет животных и вообще ничего другого.
21 Эти острова называются теперь Отонами. И можно было бы сказать, что тут была Калипсо и потому-то Одиссей мог достигнуть феакийской земли, как находящейся не очень далеко, или на плоту, как говорит Гомер (Одисс. V, 33), или каким-либо другим способом без всякого корабля. Но да
будет мне дозволено сказать об этом так, как мне представляется. Говоря о древнейших событиях, не легко все передать с такой точностью, чтобы оно соответствовало истине,
22 так как долгие время не только обычно меняет имена местностей, но по большей части и предания, связанные с этими
23 местами. Естественно, что и корабль, сделанный из белого

камня, который в земле феаков стоит у их берега, как некоторые думают, и есть тот самый корабль, который доставил Одиссея в Итаку, после того как феаки гостеприимно приняли
24 Одиссея. Но этот корабль не монолитный, но составлен из
25 многих камней и на нем высечена надпись, которая совершенно точно заявляет, что он поставлен одним из купцов
26 в давние времена как посвящение Зевсу-Касию.* Некогда жители этой страны почитали Зевса-Касия; поэтому и город, в котором стоит этот корабль, до этого времени называется
27 Касопа. Таким же образом из многих камней сделан тот корабль, который Агамемнон, сын Атрея, посвятил в Герайсте на Эвбее Артемиде, желая этим загладить нанесенное ей оскорбление; это было тогда, когда Артемиде, благодаря принесению в жертву Ифигении, разрешила эллинам дальнейшее
28 плавание. Надпись же на этом корабле, вырезанная или тогда или позднее, написана гекзаметром. Большая часть ее стерлась от времени, но два первых стиха еще видны, и они гласят:

Мраморный** этот корабль, воздвиг меня здесь Агамемнон.

Памятник эллинов я, плывших всем войском в поход.
29 А наверху стоят слова: «Тинних создал в честь Артемиды Болосии». Этим именем в древние времена называли Илитию, так как предродовые мучения называли «болами», «божьиими ударами». Но мне опять нужно вернуться к тому, от чего я отклонился.

30 Когда этот флот готов прибыл в Керику, готы стремительным набегом разграбили и опустошили как этот, так и все прилегающие к нему острова, которые называются Сиботы.
31 Затем, перейдя на материк, они внезапно опустошили все местности вокруг Додоны, особенно Никополь и Анхаил, где, по преданию местных жителей, Анхиз, отец Энея, плывший по взятии Илиона со своим сыном, окончил дни своей земной жизни, дав этому месту название по своему имени.
32 Идя вдоль берега и встретив здесь много римских судов с грузом, они взяли всех их в плен. В числе их было несколько

---

* Гора в Сирии.

** Другое чтение: «черный».

судов из тех, которые везли из Эллады продовольствие для войска Нарзеса. Вот что случилось тогда.

1   **23.** Много раньше Тотила послал войско готов в Пицен-
скую область с тем, чтобы они взяли Анкону. Начальниками
этого войска он поставил знатнейших из готов, а именно
Скипуара, Гибала и Гундульфа, который был некогда
личным телохранителем Велизария. Некоторые называют
2 его Индульфом. Он дал сорок семь военных кораблей, чтобы
они, осадив эту крепость с суши и с моря, могли легче и
3 с меньшим трудом овладеть ею. Так как осада затянулась,
то осажденные стали страдать от недостатка продовольствия.
4 Когда об этом узнал Валериан, который находился в Равенне,
то он, не имея силы один оказать помощь находящимся в Ан-
коне римлянам, отправил вестника к Иоанну, внуку Виталиа-
на, находившемуся в Салонах, написав ему следующее: «Как
ты сам знаешь, в Ионийском заливе у нас во власти остается
5 одна только Анкона, если она еще остается. Для римлян,
которые несут там всю тяжесть суровой осады, дела сложи-
лись так, что я боюсь, как бы, двинувшись им на помощь,
мы уже не опоздали, и момент их крайней нужды не преду-
предил нашего стремления и наше рвение не стало для них
6 ненужным завтрашним днем. Но я кончаю свое письмо:
крайнее положение осажденных не позволяет писать более
длинно; каждая минута дорога, для промедления нет време-
ни, их опасность требует скорейшей, чем разговоры, помощи».

7 Прочтя это письмо, Иоанн, хотя ему это было запрещено
императором, на свой страх решился идти вперед, считая,
что большее значение имеет то тяжелое положение, в которое
они поставлены судьбой, чем веления самодержавного импе-
8 ратора. Отобрав людей, которых он считал особенно хоро-
шими в военном деле, и посадив их на тридцать восемь воен-
ных судов, очень быстроходных и наиболее приспособленных
для сражения на море, нагрузив на них несколько продо-
вольствия, он двинулся из Салон и велел пристать к Скар-
дону. В скором времени сюда прибыл и Валериан с двена-
дцатью кораблями.

9 Когда он соединил свои силы, то, посоветовавшись друг
с другом, они приняли решение, которое показалось им на-

иболее выгодным. Они отплыли отсюда и, переправившись на противоположный берег, пристали к местечку, которое римляне называют Сеногаллией, не очень далеко от Анконы.

10 Когда вожди готов узнали об этом, они с своей стороны посадили отборный отряд готов на военные суда, бывшие

11 у них в числе сорока семи. Оставив остальное войско для осады гарнизона, они быстро двинулись против врагов. Теми, кто остался для осады, командовал Скипуар, а теми, кто

12 шел на кораблях,— Гибал и Гундульф. Когда враги были очень близко друг от друга, то и те и другие, остановив корабли и поставив их в боевом порядке, обратились к воинам

13 с коротким увещанием. Первыми Иоанн и Валериан сказали следующее: «Пусть никто из вас, сотоварищи по оружию, не думает, что сейчас мы будем сражаться только за Анкону и за осажденных в ней римлян и что исход этого сражения имеет отношение только к ним. Нет, в нем заключается критический момент всей войны, и в какую сторону склонится

14 исход этого боя, с той совпадет и конечная судьба всей кампании. Вот как должны мы смотреть на настоящее положение. Большое значение для войны имеют средства, которые

15 мы тратим, и те, кто нуждается в самом необходимом, неизбежно уступают врагам. Голод и доблесть несовместимы, так как природа не допускает одновременно страдать от голода

16 и проявлять личное мужество. Если это так, то знайте, что от Дриунта до Равенны у нас уже нет ни одного укрепленного места, где можно было бы заготовить продовольствие для нас и для наших лошадей. Враги так держат под своей властью всю эту страну, что у нас не осталось ни одного дружественного для нас местечка, откуда мы могли бы хоть немного

17 добыть себе продовольствия. У нас теперь вся надежда на Анкону, где мы, переправившись с противоположного материка, можем держаться и чувствовать себя в безопасности.

18 Итак, одержав успех в сегодняшнем сражении и укрепив, конечно, за императором Анкону, мы будем иметь добрые надежды на победу и во всем остальном в войне с готами.

19 Но если мы будем разбиты в этом сражении — да не будет слово мое знаменем горя — дай бог, чтобы римляне дальше смогли сохранить власть над Италией. Вам надо принять

20

21 в соображение и то, что если мы проявим трусость в этом деле, нам уже некуда будет и бежать. По суше нам нет пути, так как враги ее занимают, и морем мы не можем свободно плыть, так как враги господствуют и на море. Для нас вся надежда на спасение заключается в наших руках. Она меняется в зависимости от того, как сложатся обстоятельства

22 в результате данного сражения. Итак, насколько хватит у вас сил, проявляйте каждый личную доблесть и принимайте в расчет, что если вы будете разбиты в настоящее время, то это будет, конечно, роковое поражение; если же вы одержите победу, вы достигнете великого счастья и славы».

23 Так говорили римские вожди — Иоанн и Валериан. В свою очередь вожди готов обратились к своим с таким 'увещанием: «Выгнанные из всей Италии и долгое время неизвестно в каких только закоулках земли и моря скрывавшиеся, ныне эти проклятые решились вновь вступить с нами в бой и идут на нас, как бы вновь начиная с нами войну. Нам необходимо во что бы то ни стало умерить их неразумную дерзость, чтобы, в случае если мы окажемся слабыми, их отчаянная дерзость не выросла до больших размеров. Ведь безумие, не получившее сразу отпора, поднимается до бесконечной дерзости и кончается неисчислимыми несчастьями для

24 тех, на кого обрушивается. Покажите же им, наконец, возможно скорее, что они — греки и по природе женственны, что, побеждаемые, они проявляют только наглость, и не

25 позволяйте дальше развиваться их псыткам. Трусость, если на нее по небрежности не обращают внимания, обращается в большую дерзость и тем, что она продвигается вперед и не находит противодействия, она становится бесстрашной. Не думайте, что они будут в состоянии долго

26 сопротивляться вам, если вы проявите храбрость. Их настроенное, не соответствующее силе тех, которые его проявляют, возбужденное перед началом дела, дает вид настоящей силы,

27 но когда начинается бой, оно обычно падает. При таком положении дел, помните, как часто враги, испытав вашу храбрость, должны были отступать, и сообразите, что они устремились на нас вовсе не став внезапно лучше; их дерзкая

28

попытка теперь похожа на те, которые они делали раньше, и ей и ныне суждена та же самая судьба».

- 29 Так побуждали готов начальники. Затем, без малейшего промедления, они двинулись на врагов и вступили в бой. Этот морской бой был очень ожесточенным и подобен
- 30 сухопутному. Выстроив корабли в одну линию к носу с неприятельскими, они посылали друг в друга стрелы и копья; те же из них, которые стремились к славе доблести, оказавшись близко один от другого, когда корабли касались друг друга, бок-о-бок палубами, вступали в рукопашный бой, сражаясь мечами и копьями, как в пешем бою на суше.
- 31 Таково было начало этого боя. Но затем варвары, вследствие неумения вести морской бой, продолжали это сражение в полном беспорядке. Одни из них стояли на таком далеком расстоянии одни от других, что давали врагам возможность нападать на них поодиночке, другие же, сбившись в густую
- 32 кучу, в такой тесноте кораблей мешали друг другу. Можно было бы подумать, что на корабли накинута какая-то сетка из снастей. Варвары не могли ни стрел пускать в своих врагов, находящихся на известном расстоянии — а если и пускали, то с опозданием и с большим трудом, ни действовать мечами и копьями, когда они были близко. Среди них был ужасный крик и толкотня, они все время сталкивались друг с другом и вновь шестами отталкивались один от другого в полном беспорядке. Они то стягивали фронт, поставив крайне плотно корабли, то расходились на далекое расстояние друг от дру-
- 33 га, и в том и в другом случае с вредом для себя. Каждый из них обращался с словами побуждения к близ стоящим, с криком и воплями, не с тем, чтобы побудить их идти на врагов, но для того, чтобы заставить их самих держать правильные дистанции друг от друга. Сами себе создав затруднения вследствие такого бестолкового образа действий, они были главнейшей причиной той победы, которую враги одержали над ними. Наоборот, римляне храбро вели бой и искусно руководили морским сражением. Они расположили корабли носами против врагов; они не отходили далеко друг от друга и, конечно, не сходились ближе, чем это было нужно; у них были неизменные, правильно размеренные дистанции между
- 34

кораблями. Если они видели, что неприятельский корабль отделяется от других, они нападали на него и топили без труда; если они видели, что некоторые из врагов где-либо столпились, то они посылали туда тучи стрел; нападая на находящихся в таком беспорядке и в смущении от собственного столь им вредящего беспорядка, они избивали их в рукопашном бою. У варваров опустились руки благодаря такому несчастному повороту судьбы и совершаемым ими одна за другой ошибкам в сражении; они не знали, как им вести сражение; они не могли ни продолжать морской бой, ни тем более сражаться, стоя на палубах, как в пешей битве на суше; бросив сражение, они стояли в бездействии перед лицом опасности, предоставив все на произвол судьбы. Поэтому готы обратились в позорное бегство в полном беспорядке и уже не вспоминали ни о доблести, ни о приличном отступлении, ни о чем-либо другом, что могло бы принести им спасение, но по большей части поодиночке в полной беспомощности попали в середину врагов. Немногие из них бежали на одиннадцати кораблях и, скрывшись от преследования, спаслись, все же остальные остались в руках врагов. Многих из них римляне тут же убили, многих других уничтожили, потопив вместе с кораблями. Из начальников готов Гундульф бежал, ускользнув с одиннадцатью кораблями, другого римляне взяли живым в плен. Затем воины готов, высадившись на берег с этих кораблей, тотчас их сожгли, чтобы они не попали в руки врагов, а сами пешком отправились в лагерь к войску, которое осаждало Анкону. Передав там все, что произошло, они прямым путем вместе с остальными отступили, оставив лагерь врагам, и сломя голову с великим шумом и смятением бежали в город Ауксим, находившийся поблизости. Немного спустя римляне пришли в Анкону и нашли лагерь врагов пустым. Доставив гарнизону продовольствие, они отплыли оттуда. Валериан вернулся в Равенну, а Иоанн возвратился в Салоны. Эта битва сильно подорвала и сомнение и силу Тотилы и готов.

1   **24.** В то же самое время дела у римлян в Сицилии были вот в каком положении. Отозванный отсюда императором, Либерию вернулся в Византию, а Артабан — такова была

воля императора — стал начальником всего римского войска. Тех готов, которые были там оставлены в качестве гарнизона (их было очень немного), он осадил, победив в сражении тех, которые решились выйти против него, и, доведя до крайнего истощения их продовольствие, он заставил их всех сдаться. Всем этим готы были напуганы и, глубоко опечаленные тем, что случилось в морском бою, они уже были готовы отказаться от войны. Они потеряли всякую надежду, понимая, что в данный момент они позорно разбиты врагами и совершенно уничтожены, а если вскоре к римлянам придет какая-либо помощь, то они ни в коем случае не будут в состоянии хоть бы самое короткое время им сопротивляться или оставаться в Италии господами. Конечно, они не могли надеяться добиться чего-либо от императора путем переговоров. Тотила многократно отправлял к нему послов. Явившись к Юстиниану, они указали ему, что большая часть Италии захвачена франками, что остальная вследствие войны совершенно обезлюдела, что Сицилию и Далмацию, которые одни только остались неопустошенными войной, готы уступают римлянам, за остальную, опустошенную, они соглашаются ежегодно вносить дани и подати, воевать в союзе с ними против кого бы император ни пожелал и во всем остальном быть его подданными. Но император не принимал во внимание их слов и отсылал назад всех их послов: ему было ненавистно самое имя готов, и он хотел совершенно изгнать их из Римской империи. Вот каковы были тогда дела.

Незадолго перед тем умер от болезни франкский король Теодеберт, без всякого труда подчинив себе и наложив дань на некоторые области Лигурии, на область Коттийских Альп и на большую часть области венов. Используя то обстоятельство, что римляне и готы были заняты войной, для личного своего благополучия франки без всякой для себя опасности завладели сами теми местами, из-за которых шла война. Во власти готов осталось в Веновской области только немного маленьких городков, а у римлян — прибрежная область; все же остальное подчинили себе франки. Так как между готами и римлянами, как было сказано, шла ожесточенная война и никто из них не хотел наживать себе еще

новых врагов, то готы и франки вступили в переговоры и условились, что, пока у готов идет война с римлянами, они будут владеть каждый тем, чем владеют сейчас, и оставаться спокойными, не начиная друг против друга никаких враждебных действий. Если же случится, что Тотила на войне одержит
10 верх над императором Юстинианом, то тогда готы и франки договорятся между собой так, чтобы это было выгодно для
11 обеих сторон. На этом они и порешили. Власть Теодеберта теперь перешла к его сыну Теодебальду. Послом к нему император Юстиниан отправил сенатора Леонтия, зятя Афанасия, приглашая его заключить с ним союз для борьбы против Тотилы и готов и требуя, чтобы они удалились из тех мест Италии, которыми постарался завладеть Теодеберт незаконно.

12 Когда Леонтий прибыл к Теодебальду, он сказал следующее: «Конечно, и другим приходилось испытывать многое
сверх их ожидания; но то, что видят теперь римляне от вас, этого, думаю, не происходило никогда ни с кем. Император
13 Юстиниан не раньше решился на эту войну и не прежде явно начал с готами военные действия, чем франки обещали
ему помощь в этой борьбе, во имя дружбы и союза получив
14 от него большие деньги. И вот, вместо того, чтобы счесть себя обязанным сделать что-либо из обещанного, вы нанесли
римлянам такие обиды, какие нелегко себе даже предста-
15 вить. Ибо отец твой Теодеберт, не имея на это никакого права, решил вторгнуться в ту страну, которой император овладел
по праву войны с великим трудом и опасностями, причем
16 франки в этом деле совершенно не участвовали. Из-за этого я и пришел к вам теперь не для того, чтобы упрекать или
жаловаться, но чтобы потребовать и предложить вам то,
17 что должно принести пользу вам самим. Я предлагаю, чтобы вы крепко хранили нынешнее благополучие ваше и дали воз-
можность римлянам пользоваться тем, что принадлежит
18 им. Нечестивый захват даже чего-либо ничтожного издревле был причиной того, что люди и народы, обладавшие вели-
кой силой, часто лишались великих благ, которые у них были. Ведь счастье никак не может быть соединено с несправед-
ливостью. А затем, конечно, я претендую на то, чтобы вы

19 вместе с нами пошли войной на Тотилу, выполняя тем до-
говор, заключенный твоим отцом. Законным наследникам и
сыновьям подобает больше всего исправлять то, в чем слу-
чайно погрешили их родители, настойчиво действовать и
20 укреплять то, что ими сделано хорошо. И для людей, наиболее
разумных, было бы весьма желательным, чтобы их дети шли
по следам их лучших привычек и деяний, а то, что ими сде-
лано неправильно, лучше всего будет исправлено не кем-
21 либо другим, а только их же детьми. Ведь, собственно говоря,
вам следовало бы начать эту войну даже без приглашения
со стороны римлян. У нас идет теперь борьба против готов,
которые искони были вашими врагами и были совершенно
неверны франкам, целый век воюя с ними без соблюдения
22 договоров и без объявления войны. Действительно, теперь
под влиянием страха, который мы внушаем им, они не пере-
стают униженно льстить вам; но если они как-нибудь от нас
избавятся, то они сейчас же покажут франкам свое истинное
23 настроение. Люди негодные не могут изменить своего харак-
тера как при счастливых для них обстоятельствах, так и
находясь в несчастьи, но в последнем случае им в высшей сте-
пени привычно скрывать его в своих льстиво униженных
словах, особенно если они нуждаются в какой-либо помощи
своих соседей; сама нужда заставляет их скрывать свою не-
24 годность. Обдумав все это, возобновите дружбу с императо-
ром и со всей силой двиньтесь на людей, издавна вам враж-
дебных».

25 Вот что сказал Леонтий. Теодебальд ему ответил: «Пригла-
шая нас в союзники против готов, вы поступаете и не хорошо
и не справедливо. В данный момент готы — наши друзья.
Если бы франки по отношению к готам оказались не верными
в своем слове, то и в ваших глазах они никогда не заслужат
26 доверия. Мысль, хотя бы один раз показавшая себя преступ-
ной по отношению к друзьям, отныне всегда стремится сойти
с пути правды. Относительно же того, что вы говорите
о занятых нами местностях, я вот что скажу. Отец мой
Теодеберт никогда не хотел проявить насилия против кого-
27 либо из соседей и не стремился к чужим богатствам. Дока-
зательством этого служит то, что я не богат. Эти местности

он и не отнимал у римлян, но получил их от Тотилы, который владел ими и отдал их ему без всякой условий. И в этом случае император Юстиниан должен радоваться вместе с франками. Ведь тот, кто видит, как те, которые отняли у него что-либо из его собственного имени, сами принуждены отдать его, боясь насилия со стороны других, конечно, должен радоваться, полагая, что правильно и справедливо понесли возмездие те, которые его обидели, если только он сам не охвачен завистью к тем мстителям, которые проявили такую силу; ведь недаром люди считают, что взять на себя обязанность выполнить справедливое наказание по отношению к врагам — это по большей части значит вызвать к себе зависть. Но разбирательство этого вопроса мы можем поручить судьям, с тем, чтобы если окажется, что мой отец явно что-либо отнял у римлян, то восстановить это без всякого промедления будет первым моим долгом. С этой целью я вскоре отправлю послов в Византию». Сказав это, он отослал Леонтия, а к императору Юстиниану отправил послом Леударда, франка родом, с тремя другими. Прибыв в Византию, они стали вести дела, из-за которых прибыли.

Тотила прилагал старания захватить острова, прилегающие к Ливии. Поэтому, собрав большой флот из кораблей и посадив на них значительное войско, он послал его на Корсику и Сардо (Сардинию). Они прежде всего пристали к Корсике; так как никто ее не защищал, они захватили остров, а затем и Сардо. Оба эти острова Тотила подчинил себе и наложил на них дань. Когда об этом узнал Иоанн, командовавший римским войском в Ливии, он направил флот и некоторое количество войска в Сардо. Когда римляне оказались поблизости от города Караналея, они стали лагерем и собирались приступить к осаде, так как не считали себя в силах приступить к штурму: готы имели здесь достаточно сильный гарнизон. Когда варвары это заметили, они, выйдя из города и внезапно напав на неприятелей, без большого труда обратили их в бегство и многих убили. Остальные бежали и, сев на корабли, спаслись, а немного спустя, отплыв отсюда, они со всем флотом прибыли в Карфаген. Там они остались зимовать с тем, чтобы с наступлением весны, сделав более

38 крупные приготовления, отправиться походом на Корсику
и на Сардо. Этот остров Сардо называют Сардинией. На этом
острове по воле судьбы растет трава; у людей, которые ис-
пробуют ее, тотчас начинаются смертельные спазмы, немного
спустя они умирают, причем кажется, что они смеются —
39 это результат спазм — тем смехом, который по имени этой
страны называют «сардоническим». Корсику древние люди на-
зывали Кирном. На этом острове, подобно тому как люди —
ростом карлики,* так и табуны некоторых пород лошадей
немного больше овец. Но достаточно об этом.

1 25. В это время огромная толпа славян нахлынула на
Иллирию и произвела там неописуемые ужасы. Против них
император Юстиниан послал войско, во главе которого наряду
2 с другими стояли сыновья Германа. Так как это войско по
численности было много слабее неприятелей, то предводители
нигде не решались вступить с ними в открытое сражение,
но, держась у них в тылу, наносили им значительные потери.
3 Многих из них они убили, других взяли живыми в плен и
отправили к императору. Тем не менее эти варвары совер-
4 шали ужасные опустошения. Во время этого грабительского
вторжения, оставаясь в пределах империи долгое время,
они заполнили все дороги горами трупов; они взяли в плен
и обратили в рабство бесчисленное количество людей и огра-
били все, что возможно; так как никто не выступал против
5 них, они со всей добычей ушли домой. Даже при переправе
через Истр римляне не могли устроить против них засады
или каким-либо другим способом нанести им удар, так как
их приняли к себе гепиды, продавшись им за деньги, и пере-
правили их, взяв за это крупную плату: плата была — зо-
6 лотой статер с головы. Поэтому император был очень огорчен
и обеспокоен, не зная, каким образом он сможет в дальней-
шем отражать их, когда они будут переходить Истр с тем,
чтобы грабить Римскую империю, или когда они будут ухо-
дить отсюда с добычей.** Из-за этого он хотел заключить
какой-либо договор с племенем гепидов.

---

* Наугу: «ростом с обезьян».

** Другое чтение: «внезапно».

7 В это время гепиды и лангобарды вновь двинулись вой-
ной друг против друга. Гепиды, боясь силы римлян (им ведь
не осталось неизвестным, что император Юстиниан заключил
клятвенный договор с лангобардами о помощи и военный
союз), всячески старались стать их друзьями и союзниками.
8 Поэтому они тотчас отправили послов в Византию, предла-
гая императору заключить с ними такой же союз. Он не-
медленно дал согласие на такой союз и подтвердил это клят-
9 вой. По просьбе послов скрепить этот договор клятвами,
двенадцать человек из числа сенаторов по воле императора
10 подтвердили этот договор. Немного спустя, когда лангобарды
на основании союзного договора просили прислать им по-
мощь против гепидов, император Юстиниан отправил войско,
о виняя гепидов в том, что после заключения договора они
переправили через Истр некоторое количество славян во
11 вред римлянам. Во главе этого войска были поставлены
сыновья Германа Юстин и Юстиниан, Аратий и Свартус,
который прежде был назначен Юстинианом правителем эру-
лов, но, как я передавал раньше (VI [II], гл. 15, § 35), вслед-
ствие восстания тех, которые прибыли с острова Фулы, дол-
жен был бежать к императору и тотчас же был поставлен на-
чальником набранных из римлян легионов, находящихся
в Византии. Был начальником и Амалаффрид, родом гот,
внук Амалаффриды, сестры короля готов Теодориха, равным
12 образом и сын Герменефрида, короля турингов. Этого Ама-
лаффрида Велизарий привез с собою вместе с Витигисом
в Византию, а император сделал его начальником римских
войск и его сестру выдал замуж за короля лангобардов
13 Аудуина. Из этого войска к лангобардам не прибыл никто, кро-
ме вот этого Амалаффрида со своими спутниками. Все остальные
задержались по приказу императора в Иллирии около города
Ульпианы вследствие восстания жителей из-за тех разно-
гласий, которые заставляют христиан сражаться друг с дру-
гом, о чем я буду рассказывать в дальнейших своих работах.¹²
14 Лангобарды, двинувшись всем народом вместе с Амалаффри-
дом, вступили в пределы гепидов; гепиды выступили против
них. В произошедшей жестокой битве гепиды были побеж-
дены, и говорят, что в этом бою у них погибло очень много

15 народу. Король лангобардов Аудуин, отправив в Византию некоторых из своих приближенных, сообщил императору Юстиниану эту добрую весть о том, что враги потерпели поражение, и упрекал его в том, что, вопреки договору, к нему не явилось на помощь войско императора, хотя еще недавно лангобарды послали такое большое количество воинов, чтобы они вместе с Нарзесом отправились на войну против Тотилы и готов. Таковы были там дела.

16 В это время по всей Элладе прошли ужасные землетрясения,¹³ которые захватили Беотию, Ахайю и все города, 17 расположенные по Крисейскому заливу. Это землетрясение разрушило до основания бесчисленное количество поселков и восемь городов, в том числе Херонею, Коронею и весь 18 Навпакт, где погибло много народу. Во многих местах земля расселась, образуя трещины и обвалы. Некоторые трещины сошлись, и земля приняла прежнюю форму и вид, но были места, где эти трещины так и остались, так что людям, живущим в этих местах, нельзя уже было прямо общаться друг 19 с другом и приходилось делать большие обходы. Из того залива, который находился между Фессалией и Беотией, внезапно вода хлынула во внутрь материка и разлилась во- 20 круг города Эхиной и беотийских Скарфей. Очень высоко поднявшись над землей, она залила все эти места, тотчас же уничтожив их до основания. На долгое время материк обратился в море, тогда как острова, которые были среди этого залива, стали доступны для людей даже пешим. Явным образом волны моря покинули привычную им область и, 21 сверх всякого вероятия, залили землю вплоть до гор, поднимавшихся в этом месте. Когда же море отступило на прежнее свое место, то на земле осталось много рыб. Совершенно необычный их вид вызвал у местных жителей представление 22 о каком-то чуде. Считая их съедобными, они подобрали их, чтобы жарить, но как только огонь коснулся их, все их тело распустилось, как какая-то жидкость (вроде испорченной 23 крови), с чевыносимым гнилостным запахом. Около того места, которое называется Схизмой («Трещина»), было наиболее сильное землетрясение и погубило больше народа, чем во всей остальной Элладе, тем более что как раз в это время тут

собралось из всей Эллады особенно много народу, так как тут справлялся какой-то праздник.

24 А в Италии в это время произошло вот что. Кротонцы и
воины, которые стояли гарнизоном в этом городе (их началь-
ником был Палладий), жестоко теснимые готами, мучимые
недостатком продовольствия, часто тайно от врагов отправ-
ляли вестников в Сицилию, заявляя находящимся там на-
чальникам римского войска и особенно Артабану, что если
они в ближайшее время не придут им на помощь, то против
своей воли они должны будут вскоре сдаться врагам сами и
25 сдать город. Но никто оттуда не пришел к ним, чтобы подать
помощь. Так окончилась зима, а с ней закончился и семна-
дцатый год (551—552) той войны, которую описал Прокопий.

1 26. Узнав, что происходит в Кротоне, император послал
приказ в Элладу тем, которые сторожили Фермопильский
проход, и приказал им со всей поспешностью плыть к Кро-
2 тону и всеми силами оказать помощь осажденным. Они так
и сделали. Отплыв с возможной поспешностью, жользуясь
попутным ветром, они неожиданно для врагов появились
в заливе Кротоны. Увидя этот внезапно появившийся флот,
варвары, охваченные большим страхом, в величайшем смя-
3 тении тотчас же сняли осаду. Одни из них на кораблях бе-
жали в Тарентинский залив, другие же пешим путем уда-
4 лились на гору Скилейон. Это событие еще больше повергло
в уныние дух и мысли готов. Вследствие этого очень знатный
муж из числа готов — Рагнарис, который был начальником
гарнизона в Таренте, и Морас, командовавший гарнизо-
ном в Ахеронтии, в согласии с своими сотоварищами всту-
пили в переговоры с Пакурием, сыном Перания, начальником
римлян, находившихся в Дриунте (Гидрунте), с предложе-
нием, что если они от императора Юстиниана получают твер-
дое обещание личной безопасности, то они и сами сдадутся
римлянам с своими сотоварищами и сдадут крепости, для
охраны которых они были поставлены. Для заключения та-
кого соглашения Пакурий отправился в Византию.

5 Нарзес, снявшись лагерем из Салон, двинулся против
Тотилы со всем римским войском, бывшим очень большим.
6 Он вез с собою очень много денег, полученных им от импера-

тора. На эти деньги он намеревался собрать значительное войско и снабдить его всем необходимым для войны, а также заплатить всем воинам, бывшим в Италии, все прежние долги; император задолжал им за долгое время, не доставляя им из казначейства, как принято, установленного жалованья. Этим способом он думал оказать воздействие на мысли и настроение тех, которые перебежали на сторону Тотилы, так чтобы они, привлеченные этими деньгами, изменили свой
7 выбор и передумали, на чьей стороне им быть. И в прежнее время император Юстиниан относился к этой войне с большим вниманием, но в последний момент он приготовился к ней с удивительной тщательностью. Когда Нарзес увидел, что ему суждено быть начальником этой войны в Италии, он проявил чувство гордости и честолюбия, приличествующее хорошему полководцу: он сказал, что будет служить императору, раз он это ему приказывает, только в том случае, если ему не будет отказано взять с собой хорошие боевые силы.
9 И действительно, он получил от императора Римской империи достойные такого высокого имени деньги, отборных воинов и оружие для ведения этой войны; и сам он, проявляя не-
10 утомимую энергию, собрал значительное войско. Он вывел из Византии большое количество римских воинов, кроме
11 того, собрал многих из жителей Фракии и Иллирии. Вместе с ним шел и Иоанн со своим собственным войском и с войском,
12 оставленным его тестем Германом. Затем король лангобардов Аудуин, побужденный к этому со стороны императора Юсти-
ниана большими денежными подарками, и во исполнение до-
говора о союзе, послал ему в качестве союзного отряда луч-
ших воинов, отобрав из своих приближенных две тысячи
13 пятьсот человек, за которыми в качестве служителей следо-
вало больше трех тысяч воинственных бойцов. Следовало за Нарзесом и из племени эрулов больше трех тысяч, все всадники; начальником их, наряду с другими, был Филемут. Было очень много и гуннов, и Дагисфей со своими приближенными, по этой причине освобожденный из заключения; также и Кабад, имевший при себе многих персов-перебежчиков, сын Зама и внук персидского царя Кабада, о котором я рассказывал в предыдущих книгах (I, гл. 23), что он

благодаря старанию Ханаранга (Адергудунбада) бежал от своего дяди Хозроя и много лет тому назад прибыл в пределы римлян. Был с ним и Асбад, юноша по возрасту, родом из гепидов, исключительно энергичный, имевший при себе четыреста своих соплеменников, выдающихся в военном деле воинов. Был в его войске и Аруф, родом эрул, но с детских лет полюбивший образ жизни римлян и взявший замуж дочь Маврикия, сына Мунда. Он сам был очень воинственен и среди своей дружины и своих приближенных имел многих из племени эрулов, людей очень прославленных в опасностях войны. Иоанн, по прозвищу «Фагас» («Обжора»), о котором я не раз упоминал в предыдущих книгах, стоял во главе отряда
14 римлян, людей храбрых и воинственных. Нарзес был человеком в высшей степени щедрым и всегда готовым оказать помощь нуждающимся; снабженный императором большими средствами, он тем более смело выполнял то, что по его мнению казалось важным. И в прежнее время многие начальники
15 и простые воины видели в нем своего благодетеля. Поэтому, когда он был объявлен главнокомандующим в войне против
16 Тотилы и готов, каждый с полной готовностью стремился идти с ним в поход; одни из них хотели отплатить за прежние милости, другие мечтали, что и естественно, получить от него
17 великие блага. Особенно к нему были расположены эрулы и другие варвары, выдавшие с его стороны по отношению к себе исключительные милости.
18 Когда Нарзес был очень близко от области венетов, он отправил вестников к начальникам франкских гарнизонов с просьбой дать ему свободный проход, так как ведь они —
19 друзья. Начальники же ответили Нарзесу, что они не могут никак ему этого разрешить. Открыто они не сказали о причине отказа, и, насколько возможно, скрыли, что эти затруднения они делают или в интересах франков, или вследствие своего расположения к готам; они выставили такой довод, явно не очень благовидный, будто Нарзес имеет при себе
20 лангобардов, их злейших врагов. Этим ответом Нарзес был поставлен в затруднительное положение; не зная, что ему делать, он спрашивал бывших при нем италийцев, как ему быть; некоторые из них сказали, что, если бы даже франки

и предоставили им свободный проход, они все равно отсюда не будут в состоянии добраться до Равенны и что этим путем
21 они могут прийти только до Вероны. Они говорили, что, отобрав все, что только было лучшего и славного в войске готов, и поставив над ними начальником гота Теию, человека выдающегося по своей исключительной военной доблести и знаниям, Тотила отправил его в Верону, которая была подвластна готам, с тем чтобы он всеми силами препятствовал
22 проходу римского войска. Так оно и было. Когда Теия прибыл в город Верону, он заградил для врагов проход по этим местам и при помощи хитро устроенных искусственных сооружений сделал все эти местности по реке По непроходимыми и совершенно недоступными. Он устроил заграждения из деревьев, провел рвы и вырыл ямы, сделал очень глубокие заводи и заболоченные места. Со своим готским войском он старательно сторожил этот путь, чтобы тотчас же вступить с римлянами в бой, если они попытаются пойти этой дорогой.

23 Это придумал Тотила, полагая, что римлянам не будет никакой возможности совершить свой путь вдоль берега Ионийского залива, так как многие судоходные реки, впадая здесь, делают эти места непроходимыми; такого же количества кораблей, чтобы сразу всем войском переправиться через Ионийский залив, у него нет, если же он будет переправляться по частям, то он, Тотила, с остальным войском готов без большого труда будет в состоянии всякий раз их
24 уничтожить, когда они будут высаживаться. Таковы были планы Тотилы, и Теия выполнял его приказания. Когда Нарзес увидал себя в таком безвыходном положении, то Иоанн, <племянник> Виталиана, хорошо знавший эти места, предложил ему со всем войском идти по прибрежной дороге, где, как раньше указано, жители были подчинены римлянам (гл. 24, § 8), и велел следовать за собой нескольким судам
25 и большому числу легких барок. Всякий раз, когда войско подойдет к устьям рек, то, говорил он, сделав из этих барок через реку мост, оно очень легко и без затруднений совершит переход. Вот что предложил Иоанн; Нарзес послушался его и таким образом со всем войском прибыл в Равенну.

1   27. В то время как происходило все это, имел место сле-
дующий случай. Был некий Ильдигисал (VI [III], гл. 35, §19),
родом лангобард; о нем я упоминал в прежних своих
книгах: он был врагом Аудуина, короля этих варваров,
так как Аудуин силой завладел королевским достоинством,
принадлежавшим ему, Ильдигисалу, по происхождению.
Поэтому Ильдигисал бежал из родных пределов и прибыл
2 в Византию. Когда он прибыл сюда, император Юстиниан
принял его очень благосклонно и поставил его начальником
одного из отрядов дворцовой (палатинской) стражи, которые
3 называются «схолами». За ним следовало из племени ланго-
бардов не меньше трехсот отличных бойцов. Они прежде
4 жили все вместе во Фракии. Этого Ильдигисала Аудуин
просил императора Юстиниана выдать ему как другу и союз-
нику римлян, желая, чтобы он заплатил ему за его дружбу
5 предательством по отношению к просящему защиты. Импе-
ратор никоим образом не хотел его выдавать. Впоследствии
этот Ильдигисал стал жаловаться, что ему оказывают меньше
почета и дают на содержание меньше, чем это соответствует
его достоинству и блеску римского имени. И по всему было
видно, что он очень этим обижен. Это заметил Гоар, видный
человек из готов; это был давнишний пленник римлян в этой
войне, пришедший сюда из Далмации, когда еще король
готов Витигис вел войну с римлянами. Это был человек
6 гордый и очень энергичный, не желавший подчиняться ярму,
наложенному на него судьбою. Когда после поражения Ви-
тигиса готы решили отпасть, подняв оружие против импе-
ратора, то и он, явно уличенный в том, что участвует в госу-
дарственном перевороте, был арестован и наказан изгнанием
в Антиною, в Египет, и долгое время нес это наказание.
7 Впоследствии император, сжалившись над ним, вернул его
в Византию. Этот Гоар, увидя Ильдигисала охваченным
гневом по причине, о которой я сказал, непрерывно под-
стрекал его и убеждал воспользоваться возможностью бе-
8 жать. Они договорились, что уйдут из Византии. Когда
этот план пришелся им по душе, они внезапно скрываются
в сопровождении немногих и, прибыв в фракийский город
Апрон, соединяются с бывшими здесь лангобардами. Восполь-

зовавшись императорскими конюшнями, они взяли отсюда
9 большое количество лошадей и двинулись дальше. Когда
император узнал обо всем этом, он разослал извещение об
этом по всей Фракии и Иллирии и приказал всем начальни-
кам и воинам, сколько у них есть силы, выступить против
10 'этих беглецов. Прежде всего небольшой отряд гуннов, так
называемых кутригуров (они, как я рассказывал немного
выше (гл. 19, § 7), выселились из своих пределов и, получив
от императора разрешение, поселились во Фракии), вступил
11 в бой с беглецами. Побежденные в сражении, некоторые из
них пали, другие же, обращенные в бегство, не стали дальше
преследовать беглецов, но остались тут. Таким образом,
Илдигисал и Гоар со своими спутниками прошли всю Фра-
кию без помех с чьей бы то ни было стороны. Оказавшись
в Иллирии, они нашли там римское войско, собранное с боль-
13 шой тщательностью, чтобы их уничтожить. Над этим войском
в числе других начальников были Аратий, Рекифанг, Леониан
14 и Аримуф. Они целый день ехали верхом. Прибыв в сумерках
в какое-то лесистое место, они остановились тут, чтобы по-
ужинать и провести здесь ночь; простым воинам эти началь-
ники приказали устроить все остальное и позаботиться об
их конях и освежиться в протекающей мимо этого места реке,
15 чтобы стряхнуть с себя усталость от дороги. Сами же они,
взяв каждый с собой по три и по четыре телохранителя, пошли
в сторону, в укромное место к реке, чтобы напиться воды:
17 их, как и следовало ожидать, мучила сильная жажда. Гоар
и Ильдигисал со своим отрядом были неподалеку и, выслав
разведчиков, узнали об этом. Внезапно напав на них, когда
они пили воду, они всех их убили и тем обеспечили для себя
в дальнейшем весь последующий путь, получив возможность
18 ехать, куда они хотели, более безопасно. Ведь солдаты,
оставшись без начальников, не знали, что им делать, и, при-
веденные в полное замешательство, ушли назад. Так Гоару
и Ильдигисалу удалось бежать и притти в пределы гепидов.
19 Но и в числе гепидов был один человек, по имени Устригот,
который бежал к лангобардам при следующих обстоятель-
ствах. Король гепидов Элемунд незадолго перед тем скончался
от болезни. У него остался единственный сын Устригот.

Отстранив его силой (он был еще совсем юный), власть
20 захватил Торисин. Поэтому юноша, не имея возможности
отомстить обидчику, удалился из родных пределов и ушел
21 к лангобардам, которые были их врагами. Немного позже
у гепидов начались переговоры, с одной стороны, с импе-
ратором Юстинианом, с другой — с лангобардами, и они дали
друг другу самые торжественные клятвы в том, что в даль-
нейшем они на веки вечные будут сохранять между собою
22 дружбу. Когда у них этот союз был оформлен и закреплён,
то император Юстиниан и король лангобардов Аудуин через
послов обратились к королю гепидов Торисину с требова-
нием, чтобы он выдал им их общего врага Ильдигисала.
Они просили его дать им первое доказательство своей друж-
бы к ним тем, что он откажет в покровительстве просящему
23 у него защиты. Он, собрав совет знатнейших из гепидов,
серьезно обсуждал с ними вопрос, надó ли выполнять то,
24 чего требуют от него император и король. Они же решительно
восстали против этого и запретили ему так делать, с твер-
достью заявив, что лучше всему племени гепидов, женам
и всем детям их окончательно погибнуть тотчас же, чем ока-
25 заться виновными в таком безбожном деянии. Услыхав это,
Торисин увидел себя в безвыходном положении. Он не мог
поступить против воли своих подданных, но он не хотел втя-
нуть гепидов опять в войну с римлянами и лангобардами,
законченную с таким трудом после долгих переговоров.
26 В конце концов он придумал следующее: отправив послов
к Аудуину, он просил выдать ему Элемунда, сына Устригота,
основываясь на такой же его провинности и предлагая ему
27 взаимно обменяться, выдав просящих у них защиты. Он знал,
что он свалит с своих плеч их притязания вследствие страха
и у лангобардов перед подобного рода стыдом, а самого
Аудуина тотчас же свяжет ввиду невозможности для него
дать согласие на такой незаконный и бесчестный поступок.
28 Они оба хорошо понимали, что ни лангобарды, ни гепиды
не пожелают быть запятанными таким позором, и явно
ничего уже не стали делать, но в порядке взаимного одол-
жения и тот и другой убили этих враждебных им лиц ковар-
29 ством и хитростью. Каким образом они это сделали, я не буду

передавать: рассказы об этом не согласуются друг с другом, но сильно различаются, как это и понятно в деле, столь скрытном. Так окончилось дело с Ильдигисалом и Устриготом.

1 28. Когда Нарзес прибыл в Равенну со своими войсками,
с ним соединились вожди Валериан и Юстин и то римское
2 войско, которое еще тут оставалось. Прошло девять дней,
как они были в Равенне; в это время Усдрила, гот, человек
выдающийся в военном деле, бывший начальником гарни-
зона в Аримунуме, написал Валериану следующее письмо:
«Вы, слухами о себе наполнившие все места, призраками
своей власти уже охватившие всю Италию, преисполнен-
ные сверхчеловеческой гордости и тем, как вы думаете,
повергшие в ужас готов, вы теперь сидите в Равенне, и тем,
что вы скрылись там, вы ясно показываете врагам, что нет
у вас совсем прежней самоуверенности, а своей сбродной тол-
пой варваров вы истощаете страну, вам ни с какой стороны
3 не принадлежащую. Ну же, двиньтесь возможно скорее
и примитесь в ближайшее время за войну, покажите себя
готам, не заставьте нас слишком долго ждать и надеяться
4 на это, нас, издревле жаждавших этого зрелища». Вот что
гласило письмо. Когда это письмо было доставлено и Нарзес
познакомился с ним, он посмеялся над пустозвонством готов
и велел всему войску двигаться в поход, оставив в Равенне
5 гарнизон под начальством Иоанна. Когда Нарзес со своим
войском был очень близко от города Ариминума, он нашел,
что переправа на ту сторону для них является не легкой,
так как готы незадолго перед тем разрушили с той и с другой
6 стороны края моста, бывшего здесь. Река, которая протекает
мимо Ариминума, даже для одного человека, идущего пеш-
ком и без вооружения, является едва переходимой по этому
мосту, и то с большим трудом и напряжением и при условии,
если никто не препятствует переходу и не теснит; для массы
же людей и особенно вооруженных, кроме того на глазах
7 врагов, переправиться здесь нет никакой возможности. По-
этому, приехав в район этого моста в сопровождении неболь-
шого отряда, Нарзес пришел в большое недоумение и обду-
мывал, какой найти выход при данных обстоятельствах.
8 Сюда прибыл и Усдрила с несколькими всадниками для того,

чтобы от него не скрылось ничего, что хотят предпринять враги. Один из спутников Нарзеса, натянув лук, пустил в них стрелу и, попав в одного из неприятельских всадников, 9 положил его на месте. Тогда окружающие Усдрилу спешно удалились в укрепление и, тотчас выведя самых воинственных из своей среды через другие ворота, кинулись на римлян 10 с тем, чтобы тут же убить Нарзеса. Он уже был на той стороне реки, отыскивая место перехода для войска. Но по воле судьбы с врагами встретился отряд эрулов, и они убивают Усдрилу; узнав по указанию одного из римлян, кто это таковой, они отрубают ему голову и с ней возвращаются в римский лагерь, чтобы показать ее Нарзесу. Это преисполнило всех бодростью, так как из данного случая римляне заключили, что бог против готов: устроив засаду против вождя неприятелей, готы сами внезапно лишились своего предводителя без всякого предварительного умысла и козней со стороны римлян. Хотя начальник гарнизона в Ариминуме 11 Усдрила пал, но Нарзес повел свое войско дальше. Он не хотел задерживаться и терять время на осаду Ариминума, ни другого какого-либо укрепления, занятого врагами, чтобы из-за этих мелочей не упустить выполнения самого главного 12 дела. Так как враги после гибели своего вождя сидели спокойно и не мешали ему, Нарзес, соединив оба берега реки 13 мостом, без всякого труда перевел все войско. Покинув тогда Фламиниеву дорогу, он пошел налево. Так как Петра, называвшаяся «Петрузой» (пробитой), о природных сильных укреплениях которой я рассказывал в прежних книгах (VI [II], 11, 10 сл.), была давно уже захвачена неприятелями, то Фламиниева дорога и все прилегающие к ней места были недоступны и совершенно непроходимы для римлян. Поэтому Нарзес, оставив эту дорогу, хотя она была и короче, пошел по доступной для него.

1 29. В таком положении были дела римского войска во время этого перехода. Узнав о том, что было в области вено-
2 тов, поджидая Теию с его войском, Тотила спокойно держался в окрестностях Рима. Когда они прибыли и нехватало только двух тысяч всадников, то Тотила, не дожидаясь их, поднялся со всем войском и двинулся на врагов, чтобы встре-

3 титься с ними в удобном месте. Узнав во время похода о том,
что случилось с Усдрилой и что враги перешли реку Аримин,
Тотила проехал через всю Этрурию и, достигнув Апеннин-
4 ского хребта, стал там лагерем; он держался вблизи того по-
селка, который местные жители называют Тагиной. Немного
спустя пришло сюда и римское войско под начальством
Нарзеса. Оно тоже остановилось, разбив лагерь на Апен-
нинских горах, приблизительно в ста стадиях от неприятелей.
Это место было ровное, но поблизости было много холмов;
здесь, как говорят, некогда Камилл, начальствуя над рим-
лянами, победил в сражении и уничтожил орду галлов.
5 И до моего времени это место носит свидетельство этой битвы
в своем названии и сохраняет в памяти людей гибель гал-
лов, называясь «Буста Галлорум» («Гальские погребальные
костры»).¹⁴ Словом «Буста римляне называют остатки сож-
6 женного на костре трупа. Тут очень много могильных хол-
мов из насыпной земли, где погребены эти трупы. Нарзес не-
медленно послал к Тотиле некоторых из близких ему лиц
с тем, чтобы убедить его прекратить военные действия и
обратить свои мысли к мирному соглашению, приняв в сооб-
ражение, что он, властвуя над небольшой кучкой людей, со-
бравшихся около него столь недавно без всяких оснований,
не в состоянии ороться со всеми силами Римской империи.
7 Он велел передать Тотиле следующее: если они увидят, что
он находится в воинственном настроении, чтобы он, Тотила,
по их предложению, без промедления назначил определен-
8 ный день для сражения. Когда эти послы явились к Тотиле,
они передали, что им было поручено. С юношеским задором
и надменностью Тотила им ответил, что все равно им надо
будет сражаться; тогда они, прервав его, сказали: «Ну так,
о высокородный, назначь какой-либо определенный срок для
этой битвы». Тотила немедленно ответил: «Мы вступим в бой
9 в течение ближайших восьми дней». Возвратившись к Нар-
зесу, послы сообщили ему о результатах переговоров. Нарзес
же, предполагая, что Тотила задумывает хитрость, стал го-
товиться, как будто бы ему предстояло сражаться завтра.
10 И оказалось, он угадал мысли неприятелей. На следующий
день появился со всем своим войском Тотила, своим приходом

предупреждая слух о своем движении. И вот оба войска стояли друг против друга не более чем на расстоянии двойного полета стрелы.

11 Был там небольшой холм, захватить который старались и те и другие (считая, что он расположен для них на удобном месте) с тем, чтобы поражать врагов с более высокого места; так как эти места были холмисты, как я указал выше, то окружить римское войско, зайдя ему в тыл, возможно по одной только тропинке, которая шла мимо этого холма.

12 Поэтому и тем и другим было крайне необходимо захватить его, для готов — чтобы во время боя, окружив неприятелей, поставить их между двух нападающих отрядов, а для римлян — чтобы этого избежать. Предупредив врагов, Нарзес выбрал из римских легионов пятьсот пехотинцев и темной

14 ночью послал их, чтобы они захватили этот холм и там остались. Так как никто из неприятелей им в этом не мешал, они пришли туда и там остались. Перед этим холмом был овраг, вдоль которого шла та тропинка, о которой я только что упоминал, лагерь готов был расположен по ту сторону оврага, напротив того места, где стояли эти пятьсот, тесно сомкнув свои ряды и выстроенные глубокой фалангой, как бывает в узком

16 месте. С наступлением дня Тотила увидал, что сделано врагами, и решил во что бы то ни стало прогнать их оттуда. Он тотчас же послал против них отряд конницы, поручив им возможно скорее сбросить их оттуда. Всадники устремились на них,

17 с великим шумом и криком, собираясь прогнать их одним криком. Римляне, выстроившись тесно на узком пространстве, стояли, загорюдившись щитами и выставив вперед копья. Тут готы, наступавшие с большой стремительностью, сами себя этим наступлением привели в беспорядок; пятьсот римлян, тесно сомкнув щиты и выставив вперед непрерывными рядами целый лес копий, со всей силой отражали наступление. Они нарочно производили шум щитами, пугая этим лошадей, а всадников — выставленными вперед остриями копий. Кони подымались на дыбы как вследствие крайнего

19 неудобства местности, так и испуганные шумом щитов, не имея при этом никакого выхода; а люди не знали, что делать: им приходилось сражаться с людьми, которые стояли

так плотно и ни на шаг не отступали, и в то же время кричать и править лошадьми, которые бесились и не слушались их.

20 Они должны были отступить; так была отбита первая атака. Вновь попытавшиеся наступать, испытывая опять то же самое, они опять принуждены были отступить. Много раз совершая эти напрасные попытки, они, наконец, прекратили свои наступления.

21 Тогда Тотила послал на это дело другой отряд. Когда и он, подобно первым, должен был отступить, были посланы в дело новые отряды. Так много отрядов посылал Тотила один за другим, но, так как все они терпели неудачу,

22 он, наконец, отказался от своего намерения. А эти пятьсот получили великую славу храбрости; из них двое в этом бою проявили особенную доблесть, Павел и Ансила; они, выбежав из рядов фаланги, показали высочайший образец храбрости. Положив перед собой на землю обнаженные мечи, они, натянув

23 луки, стали пускать стрелы, точно попадая в тех врагов, в которых целились. Они убили много воинов и много коней, пока в колчанах у них были стрелы. Истратив все стрелы, они взяли свои мечи и, защищаясь щитами, один на один

24 пошли на нападающих. Когда же некоторые из неприятельских всадников верхом, вытянув копьа, двинулись на них, они ударами мечей тотчас отрубили у них наконечники с острием.

25 После того как они выдержали неоднократные нападения врагов, меч одного из них (это был Павел) от постоянной рубки по дереву загнулся и стал совершенно негодным.

26 Тогда он бросил его на землю и, хватая обеими руками копьа наступающих, отнимал их у врагов. Так, на глазах у всех отнял он четыре копьа и был главным виновником

27 того, что они отказались от своего предприятия. За это дело в дальнейшем Нарзес взял его в число своих личных телохранителей.

1 **30.** Вот как шли тут дела. И та и другая сторона стала готовиться к столкновению. Нарзес, собрав около себя войско на небольшом пространстве, обратился к нему со следующими словами, возбуждая их к сражению: «Для тех, кто идет на борьбу с врагом, равным по силам, нужны были бы, конечно, и увещевания и поощрения, побуждающие к решимости, чтобы в этом по крайней мере стношении, превосходя врагов,

они вполне сознательно и по своему желанию покончили с войной. Вам же, воины, которым предстоит бой с людьми, много слабейшими, сильно отличающимися от вас и по доблести, и по численности, и по всему остальному своему снаряжению, думаю, не нужно ничего другого, как при божьем покровительстве вступить в бой. Многими молитвами добившись его помощи, с полным презрением к врагу вы одержали победу над этими разбойниками; будучи издавна рабами великого государя, они оказались беглыми его рабами; выбрав себе из этой кучи мусора самого заурядного тиранна, они позволили себе долгое время беспокоить своими грабёжами Римскую империю. Если только у них есть разум, у них даже мысли не могло бы явиться, чтобы решиться теперь выступить против нас. Сами себя приговорив к смерти своей неразумной смелостью и обнаруживая сумасшедшую дерзость, они решаются навлечь на себя явную смерть. Они не могут надеяться на лучшее или ждать, что, может быть, с ними произойдет нечто неожиданно благоприятное сверх всякого чаяния, но сам бог определенно ведет их к наказанию за все содеянное ими прежде. Если свыше кому-нибудь назначено какое-либо испытание, те сами своей волей идут к этому наказанию. Помимо этого, вы идете на этот бой, подвергаясь опасности ради государства, хорошо организованного, они же, стараясь стряхнуть с себя узду законов, стремятся к государственным переворотам, и, не думая, что они могут что-либо из того, чем владеют, передать своим наследникам, но хорошо зная, что все погибнет вместе с ними, живут надеждами только на сегодняшний день. Так что они достойны полного презрения. Тех, кто не связан ни законом, ни хорошим государственным управлением, покидает и всякая доблесть. И победа над ними естественно предрешена: она ведь обычно сопутствует доблести». Таковы были слова Нарзеса. Тотила же, видя своих готов с изумлением смотрящих на стройное и решительное римское войско, в свою очередь, созвав их, сказал им:

«Я созвал вас, сотоварищи по оружию, чтобы в последний раз обратиться к вам со словами увещания. Я думаю, что после этой битвы не нужно уже будет никаких речей поощ-

9 рения: в этот день целиком решится исход войны. Действительно, и нас и императора Юстиниана измучили и истощили все наши силы те труды, битвы и несчастья, в которых нам пришлось жить очень долгое время. Мы устали от этих тяжелых условий войны, так что, если мы победим врагов в сегодняшнем сражении, готам уже не придется больше вновь начинать войны, но обе стороны будут в достаточной мере иметь в понесенном в данном случае поражении вполне приличный предлог для того, чтобы ничего больше не делать.

10 Потерпев в чем-либо тяжкие удары, люди никогда не решаются вторично идти на это дело. Если же необходимость усиленно толкает их на это, то в мыслях своих они протестуют, как бы «поднимаясь на дыбы», так как души их приведены

11 в ужас памятью о понесенных несчастьях. Слыша такие слова, воины, проявите всю свою доблесть и силу; не откладывайте на другое время всю вашу решимость, с болью в сердце почувствуйте всю необходимость данного момента, не берегите своего тела для другой опасности. Не шадите ни оружия, ни коней; ведь в будущем они вам не понадобятся. Уничтожив все остальное, судьба сохранила нам на этот день самую

12 высшую надежду. Закаляйте же свою храбрость и проявляйте неустранимость. У кого надежда, как теперь у нас, висит на волоске, она не позволяет себе покачнуться ни на малейший момент времени. Если упустить благоприятную минуту представившегося случая, то, конечно, бессмысленно будет

13 все последующее старание, как бы исключительно велико оно ни было: по самой сущности своей не нужна запоздалая доблесть, так как по миновании необходимости, она, конечно,

14 становится несвоевременной и бесполезной. Итак, я думаю, вы должны приложить все усилия, чтобы возможно лучше использовать представляющийся вам бой, а затем получить возможность пользоваться благами, проистекающими отсюда.

15 И прежде всего помните, что в настоящее время самое губительное для вас — это бегство. Бегут люди, покидающие свой

16 строй не по какой-либо другой причине, а только для того, чтобы сохранить себе жизнь. Но если следствием бегства является очевидная смерть, то тот, кто смело бьется, находится в гораздо большей безопасности, чем устремившийся

17 в бегство. Что же касается этой толпы неприятелей, собран-
ной из людей самых разных народов, мы ее по справедли-
вости должны презирать. Этот союз людей, собравшихся
отовсюду из-за жажды жалованья, не отличается ни вер-
ностью, ни спокойной силой, но, состоя из людей разных
18 племен, он, конечно, и в мыслях своих не единодушен. Не ду-
майте, что эти гунны, лангобарды, эрулы, нанятые за бог
знает какие огромные деньги, будут сражаться за них до
19 последнего издыхания. Не настолько уж для них дешева
жизнь, чтобы считать ее на втором месте после денег. Я хо-
рошо знаю, что они сознательно уже хотят быть достаточными
трусами, только делая вид, что сражаются, или потому
что они получили плату, или выполняя тайные приказы своих
20 вождей. Ведь люди не только то, что имеет отношение к войне,
но даже и то, что вообще считается самым приятным, если
все это приходится делать не по доброй воле, но насильно,
или за плату, или по другой какой-нибудь необходимости,
обыкновенно считают для себя не очень желательным и бла-
годаря принуждению относятся к этому с отвращением.
Так вот, исполненные такими мыслями, со всем воодушевлени-
ем двинемся на врагов в решительный бой».

1 31. Вот что сказал Тотила. Войска готовы были вступить
в бой и были выстроены следующим образом. И с той и
с другой стороны они стояли друг против друга непрерывным
фронтом, образуя очень глубокую и по возможности длин-
2 ную фалангу. Левый фланг римского войска занимали Нарзес
и Иоанн, опираясь на холм; с ними был цвет римского вой-
3 ска. За тем и другим, помимо остальных воинов, следовало
большое количество телохранителей и щитоносцев, а из вар-
4 варов — гунны, отобранные по своей доблести. На правом
крыле стояли Валериан и Иоанн Фагас («Обжора») вместе
с Дагисфеем; здесь были поставлены остальные римские вой-
5 ска. Пешие стрелки из легионов, набранных в империи, при-
близительно в числе восьми тысяч, были поставлены на обоих
флангах. В центре фаланги Нарзес поставил лангобардов
и племя эрулов и всех остальных варваров, велел им сойти
с коней и поставив их пешими для того, чтобы, в случае если
они проявят трусость в битве или сознательно устроят пре-

6 дательство, они не могли сразу обратиться в бегство. Край ле-
7 вого крыла римского фронта Нарзес построил в виде угла, по-
ставив там тысячу пятьсот всадников. Пятистам он приказал,
в случае если римляне станут отступать, тотчас же идти им
на помощь, а тысяче он велел, как только неприятельская
8 пехота вступит в дело, тотчас же зайти ей в тыл и поставить
ее в опасное положение. Таким же образом расположил против
врагов все свое войско и Тотила. И обходя свои ряды, он под-
бодрял их и призывал к смелости выражением лица и сло-
9 вами. То же делал и Нарзес, показывая поднятые на шестах
браслеты, ожерелья и отделанные золотом уздечки и многое
10 другое, что подстрекает смелость во время опасности. Неко-
торое время ни те, ни другие не начинали сражения, но спо-
койно стояли одни против других, ожидая наступления вра-
гов.

11 Затем один из готских воинов, по имени Кокка, имевший
большую известность за свою энергию, погнав коня, очень
12 близко подъехал к римскому войску и стал вызывать, не хо-
чет ли кто вступить с ним в единоборство. Этот Кокка был
одним из римских воинов, перебежавших в прежнее время
13 к Тотиле. Навстречу ему тоже верхом тотчас же выступил
один из телохранителей Нарзеса, родом римлянин по имени
14 Анзала. Первым устремился на него Кокка, с тем чтобы по-
15 разить врага копьем, метя ему в живот. Но Анзала, внезапно
повернув коня в сторону, сделал тщетной всю его стреми-
тельность; оказавшись тем самым слева от своего врага,
16 он вонзил ему копье в левый бок. Кокка упал с коня и, как
труп, бездыханный распростерся на земле. Со стороны рим-
ского войска поднялся большой крик, но даже и теперь ни
17 те, ни другие не начинали битвы. Один только Тотила дер-
жался между двумя войсками, не с тем, чтобы вызвать кого-
либо на единоборство, но чтобы затянуть время, отняв у не-
приятелей благоприятный момент. Получив известие, что
отсутствовавшие две тысячи готских всадников находятся
18 очень близко, он откладывал нападение до их прибытия
(гл. 29, § 2). Он делал следующее: прежде всего он счел нуж-
ным ясно показать неприятелям, кто он такой. На нем было
надето оружие, богато разукрашенное золотом; украшения

его перевязей на шлеме и на копье были пурпурные; разве-
ваясь, они производили удивительное впечатление истинно
царского наряда. Сам он, сидя на великолепном коне, между
двумя войсками искусно проводил «игру с оружием» (джи-
19 говку). Он пускал коня скакать по кругу, затем, поворотив
20 его в другую сторону, вновь заставлял делать круги. Во время
этой скачки он пускал в воздух копье, и, схватив это еще
дрожащее в воздухе копье, он с большим искусством часто
перекидывал из одной руки в другую; он с гордостью пока-
зывал свое искусство, то откидываясь назад, то раскачиваясь
и склоняясь на ту и на другую сторону, как будто с детства
21 он был вполне обучен для такого рода представлений. Всем
этим он затянул время до позднего утра. Желая еще больше
затянуть начало наступления, он отправил вестников к рим-
скому войску, говоря, что хочет вступить в переговоры.
Нарзес ответил, что он уверен в том, что он обманывает:
ведь раньше, когда была еще возможность вести эти перего-
воры, он желал обязательно вступить в бой, а теперь вдруг,
находясь между двумя армиями, он хочет прибегнуть к пе-
реговорам!

1 **32.** За это время к готам прибыли эти две тысячи. Получив
известие, что они уже в лагере, так как было уже время зав-
трака, Тотила сам удалился в свою палатку, и готы, выйдя
2 из рядов своего боевого строя, отступили назад. Прибыв в свою
стоянку, Тотила нашел там уже на месте две тысячи.
Приказав всем завтракать и переменяя свое вооружение,
а также приняв меры, чтобы все были вооружены как полага-
ется воинам, он быстро повел свое войско на врагов, ду-
мая, что он неожиданно нападет на них и захватит их врас-
3 плох. Но и здесь он застал римлян вполне готовыми. Боясь,
как это и оказалось на самом деле, что враги неожиданно
нападут на его войско, Нарзес запретил уходить завтракать
или отдыхать, а тем более снимать с себя оружие или с коней
4 узду. Но он не оставил их и совсем не евшими; он велел им
закусить и выпить крепкого вина, стоя в своих рядах и в пол-
ном вооружении, продолжая внимательно наблюдать вра-
5 гов и ожидать их наступления. Боевой порядок их был те-
перь уже не такой, но у римлян фланги, на которых стояло

по четыре тысячи пеших стрелков, по мысли Нарзеса, загнулись в виде месяца. Вся пехота готов стояла позади своих всадников с тем, чтобы если всадникам придется обратиться в бегство, то, повернув назад, они могли бы спастись к ним, и тотчас же вновь вместе с ними двинуться на врагов. Всем готам был дан приказ не пользоваться в этом столкновении ни стрелами, ни каким-либо другим оружием, кроме копий.

7 Это привело к тому, что Тотила по своему неразумию дал сам себя перемудрить в военной хитрости: не знаю, послушавшись кого, он пустил в этот бой свои войска сравнительно с противниками ни по оружию неравноценными, ни по построению неравнодвижущимися, ни во всем остальном неравносильными, тогда как римляне могли, как было им наиболее удобно, пользоваться в деле каждым из этих средств: они могли и стрелы пускать, и копьями поражать, и мечами пользоваться или пускать в дело все, что было у них под руками, что было удобно и соответствовало данному моменту, сражаясь то верхом, то стоя пешими во фронте, что было полезнее в данный момент; они могли производить и окружение врагов, могли и сами нападать на наступающих и своими щитами отражать удары. Всадники же готов, оставив позади себя всю пехоту, полагаясь только на свои копья, устремились в слепом порыве храбрости, но, попав в битву, жестоко заплатили за свое неразумие. Устремившись на центр врагов, они не заметили, что оказались в середине восьми тысяч пехоты; они быстро пали духом, поражаемые стрелами и справа и слева, так как стрелки, как я только что сказал, стоявшие по флангам фронта, сильно загнули края боевой

10 линии, как крутой серп луны. В этой схватке готы потеряли много людей и коней, еще не успев вступить в бой с неприятелем, и, понеся много непоправимых потерь, они с запозданием и большим трудом подошли к неприятельской линии.

11 И я не знаю, кому тут было удивляться, некоторым ли из римлян, или из их союзников-варваров. У всех одинакова была бодрость, доблесть и готовность к бою, каждый из них, с поразительной смелостью встречая наступление врагов,

13 отражал их натиск. Было уже под вечер, когда заколебались и двинулись оба строя, строй готов отступая, а строй римлян

14 преследуя. Когда римляне двинулись на готов, последние
не выдержали натиска врагов; они стали отступать перед
натиском римлян и обратились в неудержимое бегство, по-
15 раженные массой римского войска и его дисциплиной. Они
уже не думали о храбрости, испугавшись, как будто на них
напали привидения или как будто враги поражали их с неба.
16 Вскоре, когда они достигли линии своих пехотинцев, их
неудачное сражение еще более расширилось, и поражение
17 их стало еще бóльшим. Они достигли их, совершая это от-
ступление не в порядке, не с тем, чтобы передохнуть и вместе
с ними вновь наступать, как обычно бывает, или чтобы отте-
нить наступление преследующих, или отважиться на новый
натиск, или, наконец, применить какой-нибудь новый во-
енный прием, но отступали они в таком беспорядке, что мно-
гим из них пришлось вместо этого погибнуть от напавшей
18 на них римской конницы. Поэтому пехотинцы не приняли
их, разомкнув свои ряды, и не остались стоять перед ними
твердой стеной, чтобы спасти их, но все вместе с ними обра-
тились в бегство без оглядки и, как бывает в ночной битве,
19 губили друг друга. Воспользовавшись этим страхом, войско
беспощадно избивало всех попадавшихся им под руку, не
осмеливавшихся ни защищаться, ни даже прямо смотреть
на них, но отдававших себя врагам на полный их произвол;
20 такой страх напал на них, такой ужас овладел ими. В этом
бою погибло шесть тысяч, многие сами себя отдали в руки
врагов. В данный момент римляне взяли их в плен живыми,
но немного спустя их казнили. Были убиты не только готы,
но очень многие из прежних римских солдат, которые раньше
были в рядах римского войска, но перешли, как я расска-
зывал в предыдущих книгах (VII [III], гл. 12, § 15; гл. 21,
21 § 15, 16; гл. 39, § 5), к Тотиле и готам. Те же из войска готов,
которым удалось спастись и не попасть в руки врагов, смогли
скрыться и бежать, как кто мог, кто верхом, кто пешком,
смотря по тому, что представляла его судьба или благоприят-
ный случай или удобства местности.
22 Так окончилась эта битва; уже наступила полная темнота.
Тотила бежал в темноте в сопровождении не больше чем пяти
человек, из которых один был Скипуар. Некоторые из римлян

преследовали их, не зная, что это Тотила; в числе этих преследовавших был гепид Асбад. Когда он был близко от Тотилы, он кинулся на него, чтобы поразить его копьем в спину. Тут один готский юноша, из дома Тотилы, следовавший за своим убегающим господином, считая недостойной Тотилы грозящую ему судьбу, громко крикнул: «Что ты, собака, так стремишься убить своего господина!» Но в это время Асбад, уже изо всех сил вонзил копье в Тотилу, но сам, пораженный в ногу Скипуаром, тут и остался. Остался убитым и Скипуар, пораженный кем-то из преследовавших. Те четверо, которые вместе с Асбадом вели преследование, чтобы спасти его, прекратили это преследование и, захватив Асбада, вместе с ним повернули назад. Спутники же Тотилы, полагая, что враги не прекратили их преследовать, все продолжали скакать дальше, хотя Тотила получил смертельную рану, и душа уже покидала его тело; они упорно увлекали его за собой: сама необходимость предписывала им этот безумный бег. Проскакав приблизительно восемьдесят четыре стадии, они прибыли в местечко по имени Капри. Они в дальнейшем остались здесь и старались лечить рану Тотилы, который немного позже тут же испустил дух, окончив дни своей жизни. Его спутники предали здесь его земле, а сами удалились. Таков был трагический конец правления и жизни Тотилы, бывшего королем готов одиннадцать лет, конец, достойный прежних его подвигов, так как раньше удача сопутствовала этому человеку, и смерть, постигшая его, не соответствовала его военным деяниям. Но и в этом случае судьба явно со всей очевидностью показала свою силу, насколько может она смеяться над человеческой участью, проявив обычное для нее свойство без всякого основания менять счастье человека и без всякого повода нарушать человеческие расчеты. Так и теперь: долгое время без всякой видимой причины, только по своему капризу даруя Тотиле счастье и удачу, она вдруг, хотя для этого в данный момент не было никаких оснований, безжалостно назначила этому человеку такую позорную и трагическую смерть. По моему крайнему разумению это то, чего никогда нельзя было и никогда нельзя будет постигнуть человеку. Всегда и везде об этом можно толковать и

строить догадки, какие кому угодно, шушукаясь между собою, прикрывая свое незнание предположением, лишь только кажущимся вероятным. Но я возвращаюсь к прерванному рассказу.

31 Так вот, о том, что Тотила так скончался, римляне не
знали, пока какая-то женщина из племени готов не расска-
32 зала им об этом и не показала его могилы. Но они, услышав
об этом и считая этот рассказ, может быть, выдуманным, при-
были на это место и без малейшего колебания разрыли мо-
гилу и вытащили оттуда труп Тотилы. Признав его, как го-
ворят, и удовлетворив этим зрелищем свое любопытство
(точного знания), они его вновь похоронили и тотчас обо всем
33 донесли Нарзесу.

Другие о кончине Тотилы и об этой битве расска-
34 зывают иначе. Я считаю не лишним передать об этом.
Говорят, что бегство войска готов произошло не без основа-
ния и не так бессмысленно, но что когда некоторые из римлян
метали свои стрелы, то одна из них внезапно поразила То-
тилу, без заранее обдуманного намерения со стороны послав-
шего эту стрелу, так как Тотила был одет, как простой воин,
и находился в строю не на специально выбранном месте,
а среди всех, не желая привлекать к себе внимания врагов
или подвергать себя опасности специально их злоумышлен-
ния. Но некая судьба так решила это и направила в тело
человека роковую стрелу. Получив смертельную рану,
очень сильно страдая, он вышел из строя и понемногу в со-
35 провождении нескольких человек ушел в тыл. Вплоть до
Капри борясь с болью и мучением от раны, он гнал коня,
но здесь, теряя сознание, он остановился, чтобы полечить
рану, и немного спустя тут же наступил и последний день
его жизни. Войско готов, и в других уже отношениях не равно-
сильное римлянам, после того как так нелепо вышел из строя
его вождь, впало в ужас, хотя один только Тотила получил
смертельную рану и римляне не специально против него на-
правляли свои удары; вследствие этого их охватил ужасный
и безграничный страх, они пали духом и обратились в столь
позорное бегство. Но об этом пусть каждый судит, как он
хочет.

1   **33.** В высшей степени обрадованный всем этим, непре-
станно за все это воздавая благодарность богу, как это дей-
ствительно и следовало, Нарзес стал все приводить в поря-
2 док.¹⁵ Прежде всего, желая избавиться от сопровождавших
его лангобардов, производивших недостойные насилия (кроме
прочих беззаконий в своей жизни, они поджигали дома,
которые встречали на своем пути, и насиловали женщин,
убегавших и скрывавшихся под защиту храмов), он наградил
их богатыми денежными подарками и позволил вернуться
домой, а Валериану и своему племяннику Дамиану велел
итти с ними вплоть до границ Римской империи, чтобы во
время обратного похода они не причинили кому-нибудь зла.
3 Когда лангобарды ушли из пределов Римской империи,
Валериан стал лагерем около Вероны, чтобы осаждать ее
4 и вернуть ее под власть императора. Те, которые были здесь
в гарнизоне, охваченные страхом, вступили с Валерианом
в переговоры, обещая, что они добровольно сдадутся и сда-
5 дут город. Получив это известие, франки, которые были на
охране Венетской области, со всей решимостью воспроти-
вились этому намерению, заявляя, что вся эта страна при-
надлежит им. Поэтому Валериан, ничего не сделав, удалился
6 отсюда со всем войском. Готы, которые смогли бежать из
сражения и спаслись, перейдя через реку По, заняли город
Тичино и прилегающие к нему местности и избрали королем
7 Теию. Он, найдя все деньги, которые Тотила оставил, спря-
тал их в Тичино, думая этим способом привлечь на свою сто-
рону в качестве союзников франков, и, насколько позволяли
данные обстоятельства, он оповещал и организовывал готов,
8 старательно собирая их вокруг себя. Услыхав об этом, Нар-
зес велел Валериану со всеми следовавшими за ним войсками
держать караул вдоль реки По, чтобы готам было не так легко
собираться; сам же Нарзес со всем остальным войском дви-
9 нулся к Риму. Находясь в Этрурии, он принял добровольную
сдачу Нарнии, а в Споледи, стоявшем без стен, он оставил
гарнизон, поручив всем им вновь восстановить возможно
10 скорее то, что из укреплений готы разрушили. Он послал так-
же некоторую часть войска с тем, чтобы попытаться захватить
гарнизон в Перузии. Во главе этого гарнизона стояли два

римских перебежчика, Мелигедий и Улиф; последний, бывший прежде телохранителем Киприана, убежденный Тотилой, обещавшим ему большую награду, коварно убил Киприана, бывшего начальником стоявшего там гарнизона (VII [III], гл. 12, § 19). Мелигедий, соглашаясь на предложения Нарзеса, хотел вместе с бывшими под его начальством римлянами сдать ему город, но Улиф и окружающие его, заметив, что подготавливается, открыто восстали против их намерения. Улиф и его сторонники были тут убиты, а Мелигедий тотчас же передал Перузию римлянам. И тут явно над Улифом сказалась божья кара, так как он был убит на том самом месте, где от него самого погиб Киприан.

Готы, которые занимали в качестве гарнизона Рим, узнав, что Нарзес и все римское войско идут на них и находятся уже поблизости, стали готовиться, чтобы всеми силами и средствами отразить их. Случилось, что когда Тотила в первый раз взял Рим, многие здания города он сжег (он постарался их восстановить, когда взял Рим во второй раз); в конце концов придя к убеждению, что готы, доведенные до небольшого числа, не в состоянии в дальнейшем защищать весь круг укреплений Рима, он охватил короткой линией укреплений маленькую часть города вокруг гробницы Адриана, так чтобы они примыкали к прежним стенам, и устроил таким образом род крепости. Сложив сюда все то, что в их глазах было самым ценным, готы со всем старанием стерегли это укрепление, всю же остальную линию укреплений оставили совсем без внимания. Оставив тогда в этом месте небольшим отряд своих для охраны, все остальные, поднявшись на верх городской стены, со всей энергией пытались отразить врагов, шедших на штурм. Всей линии римских укреплений вследствие ее величины не могли ни римляне штурмовать, ни готы охранять. Разбившись на отряды, первые штурмовали, где придется, а вторые — отражали в зависимости от обстоятельств. И вот Нарзес, собрав большой отряд стрелков, со всей силой штурмовал один участок укреплений; в это же время Иоанн, сын Виталиана, со своими войсками вел штурм в другом месте. Филемут и эрулы заседали еще в третьем месте, а очень далеко от них шли

остальные. Все они вели штурм стен, держась друг от друга
20 на большом расстоянии. Стоя соответственно с ними, варвары
выдерживали их нападение. Вся же остальная часть укреп-
лений, где не было штурма со стороны римлян, была совер-
шенно свободна от людей, так как готы собирались все там,
21 как я сказал выше, где со всей силой наседали враги. Приняв
это во внимание, Нарзес приказал, чтобы Дагисфей, взяв
с собой большой отряд и знамя Нарзеса и Иоанна, заготовив
большое количество лестниц, неожиданно со всей силой бро-
22 сился на ту часть укреплений, которая совершенно не имела
защитников. И действительно, приставив немедленно все
лестницы к стене без противодействия с чьей бы то ни было
стороны, он без всякого труда оказался со всеми бывшими
23 при нем войсками внутри укрепления и, таким образом, мог
открыть любые ворота. Как только это заметили готы, они
уже не стали больше думать о храбрости, но бросились бе-
жать, кто куда мог. Одни из них устремились в укрепление,
24 другие же бегом понеслись в Порт. И тут пришло мне на ум
размышление, как судьба издевается над человеческими де-
лами: не всегда одинаковой подходит она к людям, не всегда
взирает она на них одинаковым взором, но вечно меняется
она, и по времени и по месту, и смеется над ними, играя ими,
меняя их достоинство и положение, повергая в несчастье и
спасая их сообразно со временем, местом и образом действия.
Так Бесс, в прежнее время погубивший Рим, немного времени
спустя вернул римлянам в Лазике Петру; в свою очередь
Дагисфей, отдавший Петру врагам, быстро вернул во власть
25 императора Рим. Но так было искони и будет всегда, пока
одна и та же судьба властвует над людьми. Тогда Нарзес со
26 всем войском двинулся, чтобы взять укрепление. Испуган-
ные варвары, получив твердое обещание в личной неприкос-
новенности, тотчас сдались сами и сдали укрепление. Это был
двадцать шестой год единоподержавного правления императора
27 Юстиниана. Так Рим в пятый раз был взят в правление этого
государя, и Нарзес тотчас послал императору ключи от
ворот Рима.

1 34. Тогда люди воочию убедились, что всем, кому суждено
испытать несчастье, даже то, что, казалось, является сча-

2 стьем, несет гибель, и в тот момент, когда дела повернутся
3 так, как им хотелось бы, они гибнут одновременно с наступ-
4 лением этих счастливых дней. Как для сената, так и для рим-
5 ского народа эта победа была причиной еще бóльшей гибели
6 по следующему поводу. Когда готы стали отступать и поняли,
7 что власть их над Италией кончилась, то во время пути они,
8 между прочим, беспощадно избивали всех встречающихся им
9 римлян. С своей стороны, и варвары, служившие в римском
10 войске, обращались как с врагами со всеми, с кем они встре-
чались при своем вступлении в город. А кроме этого, слу-
чилось еще следующее. Много лиц из сенатского сословия,
по мысли Тотилы, в прежнее время осталось в Кампанской
области. Некоторые из них, узнав, что Рим взят войсками
императора, ушли из Кампании и двинулись в Рим. Узнав
об этом, готы, которые еще занимали укрепленные пункты
в этой области, тщательно обследуя всю эту местность, уби-
ли всех бывших здесь патрициев. В числе убитых был и тот
Максим, о котором я упоминал в прежних своих книгах
(V [I], гл. 25, § 15; VII [III], гл. 20, § 19). С своей стороны
и Тотила, двигаясь из этих мест навстречу Нарзесу, собрал
из каждого города детей знатных римлян и, отобрав из них
триста человек, которых он считал наиболее красивыми,
сказал их родителям, что они будут членами его дома и сотра-
пезниками, на самом же деле хотел держать их в качестве
заложников. Им Тотила велел тогда отправиться на ту сторону
реки По, а теперь Теия, найдя их там, велел всех их убить.
Рагнарис, из числа важных готов, командовавший гар-
низонам в Таренте, хотя с соизволения императора получил
от Пакурия твердые обещания безопасности и согласился,
как я раньше указал (гл. 26, § 4), сдать римлянам и передал
им в подтверждение этого соглашения шесть человек из го-
тов, когда услышал, что готы избрали себе королем Теию,
что он зовет себе на помощь франков и хочет вместе с ними
всем войском идти на врагов, изменил свои намерения и
решиительно не хотел выполнять соглашение. Во что бы то
ни стало стараясь получить назад своих заложников, он при-
думал следующее. Отправив послов к Пакурию, он просил
его прислать к нему небольшой отряд римских воинов,

чтобы с тем большей безопасностью он и его готы могли
итти в Дриунт (Гидрунт), а оттуда, переправившись через
11 Ионийский залив, отправиться в Византию. Пакурий, очень
далекий от того, чтобы подозревать, что задумал этот чело-
век, послал к нему из бывших у него войск пятьдесят чело-
12 век. Приняв их в свое укрепление, Рагнарис тотчас же за-
ключил их в тюрьму и дал знать Пакурию, что если ему
желательно спасти своих солдат, то пусть он отдаст залож-
13 ников-готов. Услыхав это, Пакурий оставил маленький
отряд для охраны Дриунта, а со всем остальным войском
14 двинулся против врагов. Тогда Рагнарис без малейшего
промедления убил этих пятьдесят человек и вывел из Та-
рента своих готов, чтобы вступить в бой с врагами. Когда они
15 сошлись, готы были побеждены. Оставив на месте очень мно-
гих убитыми, Рагнарис с остальными бросился бежать.
Войти в Тарент он уже никак не мог, так как его со всех сто-
рон окружали римляне, но, вступив в Ахеронтиду, он там
остался. Так шли там дела.

16 Немного позднее римляне, осадив Порт, по взаимному
соглашению, взяли его; взяли и укрепление в Этрурии, ко-
торое называется Непа, равно как и крепость Петры, так на-
зываемой Петрузы («Пробитая скала»).

17 Считая, что войско готов не равносильно римлянам, чтобы
сражаться с ними один на один, Теия отправил послов к ко-
ролю франков Теодевальду, приглашая его заключить с ним
18 союз и обещая великие сокровища. Но франки, думаю, имея
в виду собственную выгоду, не хотели умирать ни в интере-
сах готов, ни для пользы римлян, но они имели цель подчи-
нить самим себе Италию и ради этого они хотели самостоя-
тельно, без всяких союзов, подвергнуться опасности войны.
19 Раньше еще Тотила часть сокровищ оставил в Тичино, о чем
я указывал выше (гл. 33, § 7), большая же часть их была
спрятана в очень сильном укреплении, которое находилось
в Кумах, Кампанской области. Он там оставил гарнизон,
а начальником над ним поставил своего брата,¹⁶ дав ему
20 в помощь Геродиана. Желая овладеть этими сокровищами,
Нарзес отправил в Кумы небольшое войско, чтобы оно оса-
дило укрепление, сам же остался в Риме для устройства

некоторых дел. Послав другой отряд, он велел им осаждать
21 Центумцеллы. Теия, беспокоясь о гарнизоне в Кумах и
о сокровищах, находящихся там, потерял надежду на по-
мощь франков и настроил следовавших за ним готов итти
22 всем на неприятелей. Заметив это, Нарзес велел Иоанну,
племяннику Виталиана, и Филемуту с находящимся в их
распоряжении войском итти в пределы Этрурии, с тем чтобы
они держались здесь и закрыли дорогу врагам в Кампанию;
а тем временем осаждающие Кумы смогут их взять, не под-
вергаясь опасности, или силой, или по добровольной сдаче.
23 Но Теия, оставив далеко в стороне правые дороги, которые
были самыми короткими, прошел длинными и далекими
окольными путями, вдоль по берегу Ионийского залива, и,
24 не замеченный никем из врагов, прибыл в Кампанию. Когда
об этом узнал Нарзес, он вызвал войска, бывшие с Иоанном
и Филемутом и охранявшие проходы в Этрурии, вызвал и
Валериана, только что взявшего Петру («Петрузу») с его вой-
сками. Он, таким образом, собрал все силы и сам со своим
войском, выстроив его в боевом порядке, пошел в Кампанию.

1   **35.** Есть в Кампании гора Везувий, о которой я говорил
в прежних своих рассказах (VI [II], гл. 4, § 10 сл.), что она
часто испускает звук, как бы мычание. И когда с ней это слу-
чается, она извергает из себя массу горячей зды. Об этом
2   рассказал я в своем прежнем рассказе. Как у этой горы, так
и у сицилийской Этны примерно вся середина, от самого дна
до вершины, пустая, а внизу, в самой глубине, всегда горит
3   огонь. И это пустое пространство входит в такую глубину,
что если человек, стоящий на краю (отверстия), решится пе-
4   регнуться и заглянуть туда, то огонь едва заметен. Когда
случается, как я сказал, этой горе извергать пепел, то вы-
рывающийся из недр Везувия огонь выбрасывает в разные
стороны кверху над вершиной горы камни, иногда малень-
кие, а иногда и очень большие. Течет оттуда также и поток
огня, с самой вершины доходя до подошвы горы и еще даль-
ше; это все бывает также и у Этны. Этот поток огня образует
с обеих сторон высокие берега, прокладывая себе глубокое
6   ложе. Пламя, несущееся этим потоком, вначале похоже на
горящую воду. Когда же пламя начинает у него потухать,

то стремительность этого потока тотчас же задерживается, и он в своем течении уже не двигается вперед, а осевшая грязь от этого потока совершенно похожа на пепел.

7 У подножия этого Везувия текут источники питьевой воды. Из них образуется река, называемая Драконом, которая протекает очень близко от города Нуцерии. На противоположных берегах этой реки остановились тогда оба вражеских
8 войска. Течение реки Дракона узкое, однако оно совершенно непроходимо ни для всадников, ни для пехотинцев; стесненный узким ложем, этот поток очень глубоко прорывает землю, образуя с обеих сторон отвесные берега. Происходит ли это вследствие природных свойств земли, или воды, я этого сказать не могу. Захватив мост через реку, так как они стояли лагерем очень близко от него, готы соорудили здесь деревянную башню, поставили на нее всякие машины, сделав между прочим так называемые баллистры, чтобы отсюда иметь возможность бить по наступающим врагам сверху.
10 Вступить в рукопашный бой было невозможно, так как между ними, как я сказал, была река. И те и другие, став возможно ближе к краю берега, действовали, главным образом поражая друг друга стрелами. Происходили и единоборства, если тот или другой гот, вызванный римлянами, переходил мост. Так, месяца два провели эти войска, стоя друг против друга.
12 Продолжалось это до тех пор, пока готы господствовали здесь на море и могли держаться, ввозя продовольствие на кораблях, так как их лагерь был расположен недалеко от моря.
13 Но спустя некоторое время римляне захватили флот неприятелей вследствие измены одного гота, который стоял во главе всего флота, да и к ним самим пришло бесчисленное количество судов из Сицилии и других частей империи. Вместе с тем, воздвигнув по берегу реки ряд деревянных башен, Нарзес смог окончательно поработить страхом прежнюю самоуверенность врагов. Очень испуганные всем этим и стесненные недостатком продовольствия, готы бежали на расположенную поблизости гору, которую римляне на латинском языке называют «Молочной горой». Римлянам никак нельзя было следовать за ними туда, ввиду трудности прохода и неудобной местности. Но и варварам, которые поднялись туда,

вскоре уже пришлось раскаяться в этом, так как у них еще в большей степени стал ощущаться недостаток в продовольствии; добывать его для себя и для лошадей они никак не
17 могли. Поэтому считая, что предпочтительнее окончить свои дни жизни в бою, чем погибнуть от голода, они сверх всякого ожидания, двинулись на неприятелей и неожиданно-негаданно
18 напали на них. Римляне, насколько позволяли им данные обстоятельства, твердо стояли против них, расположив свой боевой строй не по отдельным начальникам, не по отрядам или легионам, не отделенные друг от друга каким-либо иным способом, не с тем, чтобы слышать даваемые им в битве приказания, но с тем, чтобы биться с врагами со всей силой,
19 где кому придется. Удалив коней, все готы первыми стали пешим строем по всему фронту, устроив глубокую фалангу; видя это, римляне тоже спешили, и все выстроились точно так же.

20 Я хочу рассказать здесь об этой знаменитой битве, и о той доблести, не уступающей, думаю, доблести ни одного из прославленных героев, которую в данном случае проявил Теия.
21 К смелости готов побуждало безвыходное их положение, римляне же, хотя и видели их в состоянии отчаяния, считали нужным противиться всеми силами, стыдясь уступить более слабым. И те и другие, полные воодушевления, устремлялись на близстоящих; одни, готовые погибнуть, другие, стремясь
22 получить славу доблести. Битва началась рано утром. Теия был на глазах у всех, держа перед собою щит; с грозно поднятым копьём он с небольшой кучкой своих близких стоял
23 впереди фаланги. Видя его и считая, что если бы он пал, то битва быстро бы окончилась, римляне направили против него все свои усилия, атакуя на него в большом числе, кто только стремился к славе. Одни издали бросали в него дротики,
24 другие старались поразить его копьём. Теия, закрывшись щитом, принимал на него все удары копий и, внезапно атакуя на врагов, многих из них убил. Всякий раз как он видел, что его щит весь утыкан брошенными в него копьями, он, передав его кому-нибудь из своих щитоносцев, брал себе
25 другой. Сражаясь так, он провел целую треть дня. К этому времени в его щит вонзилось двенадцать копий, и он уже не
26

мог им двигать, как он хотел, и отражать нападающих.

27 Тогда он стал звать настойчиво одного из своих щитоносцев, не покидая строя, ни на единый вершок не отступая назад и не позволяя неприятелям продвигаться вперед; он не поворачивался назад, прикрыв щитом спину, не сгибался набок; он как бы прирос к земле со своим щитом, убивая правой рукой, отбиваясь левой и громко выкрикивая имя своего щитоносца. Он явился к нему, неся щит, и Теия быстро сменял на него свой отягченный копьями. И тут на один момент, очень короткий, у него открылась грудь, и судьба назначила, чтобы именно в этот момент он был поражен

28 ударом дротика и в ту же минуту умер. Воткнув его голову на шест и высоко подняв ее, некоторые из римлян стали ходить вдоль того и другого войска, показывая его римлянам, чтобы придать им еще большую храбрость, готам — чтобы

31 те, придя в отчаяние, прекратили войну. Но даже и теперь готы не приостановили сражения до самой ночи, хотя точно знали, что король их умер. Когда мрак спустился на землю, обе стороны, разойдясь и не снимая оружия, заночевали тут же. На следующий день с рассветом они опять выстроились попрежнему и сражались до самой ночи; они не уступали друг другу, не обращались в бегство и не наступали; хотя и с той и с другой стороны было много убитых, но озверев, с непреклонным духом они продолжали бой друг с другом: готы знали, что они сражаются в последний раз, римляне

32 считали для себя недостойным оказаться слабее их. Но наконец варвары, послав к Нарзесу некоторых из знатнейших лиц в своем войске, сказали, что они поняли, что они борются с богом: они чувствуют противоборствующую им силу. Из происходящего они уразумевают истину дел и хотят поэтому изменить свое решение и оставить это упорное сопротивление. Но они не хотят в будущем жить под властью императора, но проводить свою жизнь самостоятельно вместе с какими-либо другими варварами. Поэтому они просят римлян дать им возможность мирно уйти, не отказывать им в этом разумном предложении и подарить в качестве «денег на дорогу» те средства, которые каждый отложил для себя

34 за время прежней службы своей в Италии. Этот вопрос

Нарзес поставил на обсуждение на военном совете. И вот Иоанн, племянник Виталиана, предложил удовлетворить эту просьбу и не вести уже дальше боя с людьми, обречшими себя смерти, и не пытаться на себе испытать смелость людей, уже отчаявшихся в жизни, которая тяжка и для тех, кто ее проявляет, и для тех, кто им противится. «Достаточно,— сказал он,— для разумного человека одержать победу, а желание чрезмерного может иной раз обратиться для коекого и в несчастье». Нарзес дал убедить себя этим предложением. Они договорились на том, чтобы варвары, оставшиеся в живых, взяли свои собственные деньги, тотчас же ушли из всей Италии и больше уже никогда не вели войны с римлянами. И вот около тысячи готы, выйдя из лагеря, удалились в город Тичино и в места по ту сторону реки По. Их начальником в числе других был Индульф, о котором раньше я не раз упоминал. Все остальные, дав взаимные клятвы, утвердили все установленное соглашение. Так захватили римляне и Кумы, и все остальные места, и на восемнадцатом году закончилась эта война с готами, которую описал Прокций.

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА V (КНИГА I ВОЙНЫ С ГОТАМИ)

- ¹ Малые хроники, 1, 308; Марцеллин Комес под 475 годом.
- ² Малые хроники, 1, 309; Марцеллин Комес под 476 годом.
- ³ Малые хроники, 1, 309.
- ⁴ Малые хроники, 1, 310, 314; 3, 323; Марцеллин Комес под 476 годом.
- ⁵ Феофан, 1, 94, 22; 131, 12; Эвагрий, 3, 27; Иордан, *Romanica*, 348; *Getica*, 290 сл.; Марцеллин Комес под 487 и 488 годами.
- ⁶ Феодосия.
- ⁷ В 488 году.
- ⁸ Небольшой городок цизальпинской Галлии приблизительно в 55 километрах от Равенны. Он доныне сохраняет свое название. О нем есть более ранние упоминания у Цицерона в письмах и у Плиния.
- ⁹ Малые хроники, 1, 320.
- ¹⁰ Марцеллин Комес под 489 годом.
- ¹¹ Малала, 384; Эвагрий, 3, 27; Феофан 1, 131, 13; 219, 2.
- ¹² В 526 году; Малала, 383.
- ¹³ Малые хроники, 1, 333.
- ¹⁴ Малые хроники, 2, 235.
- ¹⁵ Малые хроники, 1, 333.
- ¹⁶ Иордан, *Гетика*, 306; Марцеллин Комес под 534 годом; Малые хроники, 1, 333.
- ¹⁷ Иордан, *Римская история*, 370; *Гетика*, 309; Марцеллин Комес под 536 годом.
- ¹⁸ Марцеллин Комес под 536 годом; Иордан, *Римская история*, 372; *Гетика*, 310.
- ¹⁹ Марцеллин Комес под 536 годом; Малые хроники, 1, 333.
- ²⁰ Марцеллин Комес под 536 годом; Иордан, *Римская история*, 373; *Гетика*, 311.
- ²¹ Иордан, *Гетика*, 297 и 299; Малые хроники, 1, 322 и 324.

- ²² Иордан, Римская история, 374; Гетика, 311.
- ²³ Об этом коне Велизария см. статью Э. Шредера (E. Schröder) в Zeitschrift f. d. Alter, т. 35 (1891), стр. 237 сл.
- ²⁴ См. статью Дарко (E. Darko, Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des grecs, des romains et des Bizantins), в т. XII «Bisanzion» (1937), стр. 119—147.
- ²⁵ Этим именем называются особого рода машины, описание которых оставил нам Ливий (XXVIII, 3) и Вегеций («О военном деле», 2, 25). Мы имеем о них довольно смутное представление, так как ни одного рисунка их у нас не сохранилось. Описание Прокопия говорит нам о машине совершенно иного рода.
- ²⁶ В предании о походе «Семи против Фив» (срав. драму Эсхила) оба брата — противника Этеокл и Полиник убили друг друга, откуда и пошла эта поговорка.

КНИГА VI

(книга II Войны с готами)

- ¹ Марцеллин Комес под 472 и 512 годами; Малала, 372, 6; Крамер, apocrypha, 2, 105; Феодор Лектор, 1, 24; Никифора Каллиста, 25, 20; О смерти Константина, см. «Тайная История», гл. 16.
- ² Иордан, Гетика, 312; Lib. Pontif., 145, 21.
- ³ Эвагрий, 4, 20.
- ⁴ Иордан, Гетика, 21; Павел, История лангобардов, 1, 5.

КНИГА VII

(книга III Войны с готами)

- ¹ Кедрен, 1, 649, 21.
- ² Захария, 109.
- ³ Тайная История, 24.
- ⁴ Такое же отсутствие эпигамии существовало и у других готских племен. Так, остготы и вестготы не брали жен для себя из среды других народов.
- ⁵ Т. е. подчиниться ему и отдать в его распоряжение и свои войска.
- ⁶ Тибур расположен на реке, которая называется теперь Тевероне, или Анио.
- ⁷ Ср. Тайная История, 5.
- ⁸ Там же, 5.
- ⁹ Там же, начало пятой главы.
- ¹⁰ Lib. Pontif., 1, 153, 14.
- ¹¹ Пакурий был племянником иберийского царька Гургена (1, 12, 4 сл.). О Сергие, см. IV [II] война с вандалами, 21.
- ¹² Малама, 484, 4; Феофан, 1, 226, 8; Крамер, 113; Зонар, 3, 282; Кедрен, 1, 658, 9; Виктор Тонненский под 549 годом; 1, 334, под 548 годом. Императрицей Феодора была коронована 1 апреля 527 г.
- ¹³ Впервые на востоке такую золотую монету стал чеканить халиф Абель-Малек в 691 году н. э.

- ¹⁴ Имя Цетега восстанавливает Хаури (Hauri), на основании VII [111], 13, 12 и Lib. Pont., 1, 153, 14. Рукописи дают «Готиг».
- ¹⁵ Река Геур совершенно неизвестна. Может быть это Морава?

КНИГА VIII

(Книга IV войны с готами)

- ¹ По данным греческих мифографов Ясон и Медея бежали не прямо в Грецию, а сначала на север к Тавриде.
- ² Поставленное в скобках, по мнению Хаури, было написано на полях рукописи и потом попало в текст Прокопия.
- ³ Это событие падает на 428 год. Ошибку данного указания можно легко установить по Аммиану Марцеллину, XXXI, 3. Переход гуннов через Дон был в 376 году, прежде чем вестготы перешли через Дунай. Ср. Иордан, 24.
- ⁴ Т. е. *magister officiorum* (своего рода гофмаршал). Византийский двор был вообще образцом для других «христианских» дворов маленьких царьков.
- ⁵ Некоторые рукописи дают чтение *Δολοιγτας* — «хитрые-коварные». Древние Коссеи?
- ⁶ Этого нет в книгах Страбона.
- ⁷ Ср. Зонара, 3, 283.
- ⁸ О взаимоотношениях между гепидами, лангобардами и франками и о политике Юстиниана, предупредившей образование блока этих варварских государств, см. очень интересную статью Hauptmann, *Les rapports des Byzantins avec les slaves et les avars pendant la seconde moitié de VI siècle* [«Byzantion» (1928), т. IV, стр. 137—170].
- ⁹ Иногда Прокопий называет их варинами. Если считать, что англв жили в Шлезвиге (Тацит, гл. 40), то варны жили в Гольштейне и, вероятно, были нынешними саксами (саксонцами). Отряд варнов участвовал в походе Нарвеса на Италию (Агафий, 1, 21). Что касается имен островов, то Прокопий говорит о них понаслышке, и поэтому у него нет обычной точности. Именем «Бриттия» он называет современную Британию (Англию); имя «Британия» у него равнозначно с Ирландией, а Фула — это Исландия, хотя некоторые считают это место Скандинавией.
- ¹⁰ Ср. Цецес (Tzetzes) к Ликофрону ст. 1204. Может быть этот таинственный остров является островом «Сена» (Isle des Saints), где жили кельтские пророчицы и заклинательницы ветров.
- ¹¹ См. Jung, *Geograph-histor. bei Procop v. Caesarea*. Wien. Stud. (1883), стр. 85—115.
- ¹² Прокопий нигде об этом ничего не пишет.
- ¹³ Эвгарий, 4, 23.
- ¹⁴ Ливий, 5, 48, 3; 12, 14, 11; Варрон, О латинском языке, 5, 15.
- ¹⁵ Кедрен, 659, 16.
- ¹⁶ По Агафию, стр. 31, имя этого брата было Алигер.

УКАЗАТЕЛЬ К «ВОЙНЕ С ГОТАМИ»

I—IV [V—VIII] *

- Абасги IV (VIII), 3, 12, 14, 15, 19, 21; 4, 1, 12; 9, 6, 11, 13, 19, 29; 17, 15.
- Абасгия IV (VIII), 9, 15.
- Август (император) I (V), 12, 10; 17, 11.
- (сын Орета) I (V), 1, 2, 7; II (VI), 6, 16.
- Авдуин см. Одуин.
- Авксим II (VI), 10, 3, 7; 11, 2, 16—19; 23, 6; 13, 7; 16, 1; 23, 9 сл.; 27, 2, 10, 28, 32—34. III (VII), 11, 19; IV (VIII), 23, 40.
- Аврелия (ворота), I, (V), 19, 4; 22, 12; 28, 15.
- Агамемнон IV (VIII), 5, 23; 22, 27.
- Адигис II (VI), 7, 27.
- Адриан см. гробница Адриана.
- Адрианополи I (VII), 40, 36.
- Адриатическое море I (V), 15, 16; III (VII), 40, 14; IV (VIII), 6, 21.
- Азия I (V), 12, 1; IV (VIII), 6, 1, 2, 14.
- Акампис IV (VIII), 2, 8.
- Акант I (V), 20, 16; II (IV), 15, 25; III (VII), 27, 9.
- Акарнания I (V), 24, 20.
- Аквилея I (V), 1, 22.
- Аквилин II (VI), 5, 18.
- Аламань I (V), 12, 11.
- Аланы I (V), 1, 3; IV (VIII), 1; 3, 4; 4, 1; 8, 28, 34, 37.
- Аларих (старший) I (V), 1, 3; 12, 41; II (VI), 16, 24.
- (младший) I (V), 12, 22, 33, 40, 43, 46.
- Албанцы I (V), 6, 7; 15, 29; II (VI), 4, 8; 7, 20.
- Албила II (VI), 11, 1; 20, 14.
- Алгедон (гора) III (VII), 22, 18; 23, 9.
- Алгендон (лагерь Тотилы) III (VII) 22, 18, 23, 9.
- Александр начальник конницы II (VI), 5, 1.
- логофет III (VII), 1, 28, 30; 1, 32, 33; 1, 33; 3, 4; 9, 13.
- сенатор I (V), 3, 13, 14, 16, 29; 6, 26.
- Алигерн IV (VIII), 34, 19.
- Алуиф II (VI), 13, 18; 22, 8.
- Альба (город) II (VI), 7, 25.
- Альбис I (V), 20, 7.

* Указатель и данный переход составлены по изданию Наугу; поэтому дана двойная номенклатура книг: первая — только войн с готами, вторая — полного собрания работ Прокопия. Римские цифры указывают на книги, арабская жирная — главы, арабская светлая — параграфы.

- Альпы I (V), 12, 4, 20; II (VI), 28, 28; 30, 33; IV (VIII), 24, 6.
- Амазонки IV (VIII), 2, 2; 3, 6—11.
- Амалаберга I (V), 12, 22; 13, 2; IV (VIII), 25, 11, 12.
- Амалазунта I (V), 2, 3, 5, 6, 9, 11, 19, 21, 23, 29; 3, 3, 12, 16, 19, 28; 4, 2, 5, 10, 15, 27, 31; 11, 27; 24, 25; III (VII), 39, 14.
- Амаларих I (V), 12, 43, 46; 13, 4, 19—22.
- Амалафрида I (V), 3, 1; 12, 22; IV (VIII), 25, 11, 12.
- Амалафрид IV (VIII), 25, 11, 12, 14.
- Амастрис (город у Эвксинского Понта) IV (VIII), 2, 2.
- Амбар IV (VIII), 14, 27.
- Амиз (город у Понта) IV (VIII), 2, 2; 3, 5.
- Амфитеатр III (VII), 23, 3.
- Анастасий (император) IV (VIII), 7, 9.
- Анасозад (сын Хозроя) IV (VIII), 10, 8, 17, 20.
- Ангилы IV (VIII), 20, 7, 10, 12, 17, 26, 33, 37.
- Анзалас (телохранитель Нарзеса) IV (VIII), 31, 13—16.
- Анкон II (VI), 11, 4; 13, 6, 7, 14; IV (VIII), 23, 3, 39, 40; III (VII), 30, 17.
- Ансила IV (VIII), 29, 22.
- Антала IV (VIII), 27, 6.
- Антинополис (город в Египте) IV (VIII), 27, 6.
- Антиох I (V), 8, 21.
- Антиохия IV (VIII), 7, 10.
- Антонина (жена Велизария) I (V), 5, 5; 18, 18, 43; II (VI), 4, 6, 14, 20; 7, 4; III (VII), 19, 7, 30; 28, 4; 30, 3, 25.
- Анты I (V), 27, 2; III (VII), 14, 2, 7, 29, 32, 34, 40; 22, 3; IV (VIII), 4, 9.
- Анфий (город) I (V), 26, 17.
- Анхиал (город) IV (VIII), 22, 36.
- Анхиз (отец Энея) I (V), 15, 9; IV (VIII), 23, 31.
- Аорд II (VI), 15, 29; III (VII), 34, 45.
- Апагоге (уплата налогов) I (V), 13, 3; II (VI), 14, 9; 29, 2; IV (VIII), 20, 49.
- Апеннины IV (VIII), 29, 3—4.
- Апшиева дорога I (V), 14, 6—11; 25, 4; II (VI), 3, 3; 4, 8.
- Апший I (V), 14, 6.
- Апрон (город Фракии) IV (VIII), 27, 8.
- Апсарус (город) IV (VIII), 2, 11, 12, 14, 21.
- Апсилия IV (VIII), 2, 32, 33; 3, 12; 9, 7, 15; 10, 2—7.
- Апсирг см. Апсарус.
- Апулия I (V), 15, 3, 21; III (VII), 6, 5; 18, 18, 29; 22, 20, 24.
- Аратий II (VI), 14, 17; 16, 18; 20, 3; 27, 16; 29, 29; III (VII), 13, 20; 34, 40; 40, 34; IV (VIII), 19, 3—4; 25, 11; 27, 13—17.
- Арборихи I (V), 12, 9, 12—15, 17.
- Аршан (историк) IV (VIII), 14, 49.
- Аргб (корабль) IV (VIII), 2, 30.
- Аргос I (V), 15, 8.
- Арелат (город) III (VII), 33, 5.
- Ареобинд III (VII), 31, 3.
- Арес II (VI), 15, 25.
- Арефа IV (VIII), 11, 10.
- Арзес II (VI), 2, 16, 25, 29.
- Ариан (писатель) IV (VIII), 14, 48.
- Ариане III (VII), 10, 21.
- Аримин II (VI), 10, 5, 7; 11, 4; 12, 1; 17, 19, 22; 19, 1; III (VII), 37, 23; IV (VIII), 23, 2, 6, 11.
- Аримут IV (VIII), 27, 13, 17.
- Аристотель IV (VIII), 6, 20.
- Армения II (VI), 27, 16; III (VII), 6, 10; IV (VIII), 1, 9; 2, 5, 20; 5, 23.

- Арсак (заговорщик) III (VII), **32**, 1 сл.
- Артабаз III (VII), **3**, 10, 17, 20, 21; **4**, 2, 23 сл., 29.
- Артабан III (VII), **31**, 2, 10, 14; **32**, 5, 6, 8, 13, 20, 31, 40, 42, 51; **39**, 8; **40**, 14—15; IV (VIII), **8**, 21; **24**, 1—2; **25**, 24.
- Артасир II (VI), **2**, 10; III (VII), **11**, 37; **13**, 2.
- Артемиды IV (VIII), **5**, 23, 24; **22**, 27, 29.
- Арут IV (VIII), **26**, 13.
- Аруф III (VII), **26**, 23, 28.
- Архабис (у Эвксинского Понта) IV (VIII), **2**, 11.
- Археополь IV (VIII), **13**, 3, 8, 23, 24, 30; **14**, 1, 3, 4, 41—44, 46; **17**, 17.
- Асбад (сожженный славянами) III (VII), **38**, 4, 6.
- (гепид) IV (VIII), **26**, 13; **32**, 22—24.
- Асбест II (VI), **27**, 21.
- Асиарий I (V), **7**, 1; 16, 8—9, 16.
- Асиария I (V), **14**, 14; III (VII) **20**, 4—16.
- Асия III (VII), **12**, 12, 18.
- Асклепидот I (V), **8**, 22 сл., 29; **10**, 39—43—46.
- Аскул III (VII), **11**, 39; **12**, 12
- Астика (область Франки) III (VII), **40**, 43.
- Аталарих I (V), **2**, 1, 3, 7, 9, 11 19; **3**, 10; **4**, 4; **13**, 4, 6; **24**, 24.
- Атрей IV (VIII), **22**, 27.
- Ауксим см. Авксим.
- Афанасий I (V), **6**, 26; **7**, 12, 25; II (VI), **22**, 24; **29**, 30; III (VII), **32**, 34.
- Афенодор I (V), **29**, 20.
- Афина I (V), **15**, 9.
- Афины (деревня) IV (VIII), **2**, 10.
- Ахеронтия III (VII), **23**, 18; **26**, 1; IV (VIII), **26**, 4; **34**, 15.
- Ахея IV (VIII), **25**, 16.
- Бабас V (VIII), **9**, 5; **13**, 8; **14**, 14, 22.
- Баллиста (балистра) I (V), **21**, 14; **22**, 21; IV (VIII), **35**, 9.
- Бандаларий см. Ухсандр.
- Барбатсион III (VII), **11**, 37; **13**, 2—4; **28**, 5, 17.
- Барка (корабль) I (V), **26**, 10, 11, 13; IV (VIII), **2**, 54, 55.
- Бебий (Везувий) II (VI), **4**, 21, 24 сл., 27, 29, 30; IV (VIII), **35**, 1—4.
- Бибон (город Рима, Vibo) VII, **18**, 27.
- Беотия IV (VIII), **25**, 16, 19.
- Беллапатон IV (VIII), **10**, 9.
- Бенантий (отец Туллиана) III (VII), **18**, 20.
- Беневет I (V), **15**, 4, 7, 8, 11; III (VII), **4**, 1; **25**, 11.
- Бергентин I (V), **26**, 2; II (VI), **21**, 41.
- Бергомон (город Италии) II (VI), **12**, 40.
- Берос III (VII), **27**, 3, 4, 6, 9, 10; **37**, 28.
- Версабус IV (VIII), **15**, 8, сл.
- Бесс I (V), **5**, 3; **10**, 2, 10, 11; **16**, 2, 3; **17**, 2—6; **18**, 35; **19**, 15; **23**, 13; **27**, 17—20; II (VI), **1**, 3; **29**, 29; **30**, 2; III (VII), **3**, 3; **5**, 4; **6**, 8; **11**, 37; **15**, 3, 5, 6; **17**, 2, 10, 16; **19**, 14; **20**, 1, 18, 26. IV (VIII), **9**, 4, 13; **11**, 11, 26, 34, 39, 40, 44, 62; **12**, 3, 4, 28, 29, 32; **13**, 11; **33**, 24.
- Бесы (народ) II (VI), **26**, 3.
- Бледа (вождь готтов) III (VII), **5**, 1.
- Блесхама (перс) III (VII), **3**, 11.
- Боас (река) IV (VIII), **2**, 6—8.

Богородица IV (VIII), 3, 21.
Болозия (Люцина) IV (VIII), 22, 29.
Болон IV (VIII), 13, 19.
Бонония (город Италии) III (VII), 11, 12, 16.
Бонос (начальник в Генуе) III (VII), 10, 14 сл.
Бораид (племянник Юстиниана) III (VII), 31, 17.
Боспор (город) IV (VIII), 5, 26.
Боха (телохранитель Велизария) II (VI), 2, 10; 20—24, 32, 36.
Бозций I (V), 1, 32—34; 2, 5; III (VII), 20, 27.
Брадукий (переводчик) IV (VIII), 11, 8.
Брентезий см. Брундизий.
Британия I (V), 24, 36, 37; II (VI), 6, 28; 15, 4; IV (VIII), 20, 5.
Бриттия IV (VIII), 20, 4, 6, 7, 8, 18, 23, 29, 31, 33, 42—46, 48 сл.
Брундизий (город Италии) III (VII), 18, 6, 11, 18; 27, 6.
Буза (брат Кузы) III (VII), 32, 45; 34, 40; 39, 3; IV (VIII), 9, 5.
Бульсина (болото) I (V), 4, 14, 25—27.
Бургузионы I (V), 12, 11, 23—30; 13, 3; II (VI), 12, 38; 21, 39.
Буркентий II (VI), 26, 3, 14, 25, 26.
Бурнос (город Иллирии) I (V), 16, 13, 15.
Бустогаллорум IV (VIII), 29, 5.
Буха см. Боха.
Ваза (серебряная) I (V), 29, 32.
Валентин (епископ) III (VII), 15, 13—15;
— (начальник конницы) I (V), 5, 3; 28, 16, 19; 29, 28; III (VII), 10, 6—12; 15, 1—8.
— (конюх Фотия) I (V), 18, 18.
Валентиниан I (V), 25, 15.

Валериан I (V), 24, 18—20; 27, 1, 22—23; II (VI), 7, 26; 2, 8, 19, 24; 26, 17, 20, 21; III (VII), 1, 1; 27, 3, 13; 30, 1, 9, 15, 17; IV (VIII), 8, 22; 15, 9; 23, 4, 14, 42; 28, 1; 31, 4; 33, 2, 3—5; 34, 24.
Вандалы IV (VIII), 5, 5, 10.
Варны II (VI), 15, 2; III (VII), 35, 15; IV (VIII), 20, 2, 11, 18, 20, 21, 31, 33.
Василий (римский патриций) III (VII), 20, 18.
Велас (телохранитель) III (VII), 1, 43—48.
Велизарий *passim*.
Венеты, Венеция I (V), 11, 16; 15, 25; II (VI), 29, 40; III (VII), 1, 27, 34 сл.; 3, 3; 33, 7; IV (VIII), 24, 8; 26, 18, 19.
Веним (брат Бузы) V (VIII), 9, 5; 13, 9.
Верона II (VI), 29, 41; III (VII), 3, 3—20; IV (VIII), 33, 3—4.
Вигилий I (V), 25, 13; 26, 2; III (VII), 15, 9; 16, 1; 35, 9.
Византия II (VI), 4, 27; III (VII), 29, 4, 9; 38, 9; 40, 36, 43; IV (VIII), 6, 27; 17, 7.
Визиготы I (V), 12, 12, 20—22, 33, 35, 43; 13, 13; IV (VIII), 5, 6, 10.
Винный погреб III (VII), 35, 5.
Висандр (гот) I (V), 18, 29, 31—33; II (VI), 11, 2.
— (вождь герулов) II (VI), 13, 18; 22, 8; III (VII), 1, 35.
Виталиан II (VI), 5, 1; IV (VIII), 35, 34.
Виталий II (VI), 22, 7; 28, 2—4, 24; III (VII), 1, 34, 35; 3, 2 сл.; 10, 2; 11, 11, 12, 16, 17.
Витигис (король готов) I (V), 11, 5, 6, 10, 12, 26, 27; 13, 17 сл.; 26—29; 16, 8, 11; 17, 17; 18,

- 39, 40; 19, 10; 20, 1 сл.; 7; 21, 3; 22, 1 сл.; 23, 17 сл.; 26, 1; 27, 15 сл.; 24; 29, 3 сл.; 13, 38; II (VI), 9, 8, 12, 16; 10, 2; 11, 1—3; 12, 1, 37; 17, 24; 22, 11, 17; 24, 11; 26, 15; 28, 9, 23; 29, 2, 35; III (VII), 1, 1; 25, 7; 39, 14; IV (VIII), 27, 5, 6.
- Вифиния IV (VIII), 2, 2.
- Водоворот IV (VIII), 6, 22.
- Вожак (на слоне) IV (VIII), 14, 32.
- Волк (военная машина) I (V), 21, 19.
- Гавты II (VI), 15, 26.
- Гадейра IV (VIII), 6, 3, 22.
- Галактоорос IV (VIII), 35, 5.
- Галлия I (V), 1, 18; 11, 16, 28; 12, 4—5, 7, 12, 20, 30, 31, 45; 13, 4, 13, 15, 26—29; III (VII), 33, 2, 3, 5; IV (VIII), 5, 29; 20, 5.
- Галльские костры (местечко) IV (VIII), 29, 5.
- Гарганон (гора) III (VII), 22, 24.
- Гевр (река Гебр) III (VII), 38, 1.
- Генуя II (VI), 12, 29; III (VII), 10, 14.
- Георгий (телохранитель Мартина) I (V), 29, 20.
- Гепиды I (V), 3, 15; 11, 5; II (VI), 14, 26, 27; 15, 36; III (VII), 33, 8; 34, 1, 10, 17, 33 сл.; 40, 45; IV (VIII), 18, 11, 17; 25, 5, 6 сл.; 14; 26, 13; 27, 19, 21—23.
- Герайст (гавань Эвбен) IV (VIII), 22, 27.
- Гераклея (город у Черного моря) IV (VIII), 2, 2.
- Герб (река) III (VIII), 38, 1.
— см. Гевр.
- Геллеспонт I (V), 15, 18.
- Герман III (VII), 12, 11; 31, 17; 32, 13, 22, 44—46; 37, 24; 39, 9, 10, 12, 14, 16; 40, 4—6, 9; IV (VIII), 26, 11.
- Германцы IV (VIII), 20, 3, см. Франки.
- Гермегискл IV (VIII), 20, 11, 14, 17, 21.
- Герменефрид I (V), 12, 22; 13, 1; IV (VIII), 25, 11, 12.
- Геродиан (вождь римлян) I (V), 5, 3; 14, 1; II (VI), 16, 21; III (VII), 1, 1; 6, 10; 7, 3, 7; 12, 13 сл.; 21, 15; IV (VIII), 34, 19.
- Геродот IV (VIII), 6, 14—15.
- Герулы II (VI), 4, 8; 13, 18; 14, 1, 2, 6, 9, 21, 26, 28; 15, 1, 4, 28, 30, 32, 36; 22, 5; III (VII), 13, 21—22, 25; 34, 13, 14, 43, 45; IV (VIII), 26, 13, 17; 28, 10; 30, 18; 31, 5; 33, 19.
- Геты I (V), 24, 29—30.
- Гибал V (VIII), 23, 1, 38.
- Гибимер II (VI), 11, 1.
- Гидрунт см. Дриунт.
- Гиерон IV (VIII), 6, 17, 19, 25, 28.
- Гизелих I (V), 12, 43—46.
- Гизерих III (VII), 1, 4.
- Гилакий (армянин) III (VII), 27, 24.
- Гимерий III (VII), 37, 2; 39, 5.
- Гипатий (епископ) I (V), 3, 5, 9, 13, 29.
- Гиппис (река) IV (VIII), 1, 6; 8, 1, 2.
- Гладиатор II (VI), 1, 5.
- Гоар IV (VIII), 27, 5—8, 13, 17, 18.
- Гомер I (V), 11, 2, 4; IV (VIII), 22, 21 сл.
- Гонориаты (народ из Понта) IV (VIII), 2, 2.
- Гонтарис II (VI), 4, 8.
— (телохранитель Соломона) III (VII), 31, 3; 32, 6.
- Готиг см. Гофиг.
- Готы *passim*.

Готы-тетракситы см. Тетракситы.
Гофиг (правильнее Кефиг) III (VII), 10.
Гратиана (город в Иллирике) I (V), 3, 15.
Греки I (V), 18, 40; 29, 11; III (VII), 9, 12; 21, 4, 12, 14; IV, 23, 25.
Грипас I (V), 7, 1; 27—36.
Гробница Адриана I (V), 22, 12, 19, 21, 22; III (VII), 36, 17; IV (VIII), 33, 26.
Губаз IV (VIII), 8, 6 сл.; 14; 9, 7, 9; 10, 7; 16, 2, 6, 20, 23, 32; 17, 14, 32.
Губулгуиду (телохранитель Валериана) II (VI), 13, 4.
Гудила (преторианец) III (VII), 30, 6, 19.
Гуза см. Иоанн.
Гундульф см. Индульф.
Гунны I (V), 5, 4; 27, 2, 27; II (VI), 1, 9; 4, 11, 16; III (VII), 6, 10; 11, 15; 14, 2; IV (VIII), 3, 3, 10; 5, 27; 19, 8; 21, 22; 26, 13; 30, 13; 31, 3.
Дагисфей IV (VIII), 8, 1, 16; 9, 1—5; 11, 11, 14; 26, 13; 31, 4; 33, 21, 22.
Дакия I (V), 15, 27; III (VII), 33, 8; 34, 10, 13; IV (VIII), 5, 30.
Далмация I (V), 5, 2; 7, 36; 15, 5, 25; III (VII), 33, 12; 40, 7; IV (VIII), 24, 4; 27, 5.
Дамиан (племянник Валериана) II (VI), 11, 22; IV (VIII), 33, 2.
Данувий (река Дунай) см. Истр.; IV (VIII), 5, 29.
Даны II (VI), 15, 3, 29.
Дара (город) IV (VIII), 7, 5, 7—9.
Датий (из Милана) II (VI), 7, 35.
— (герул) II (VI), 15, 29.
Декабрь I (V), 14, 14.
Декеннобий I (V), 11, 2.

Прокопий из Кесарии

Деметрий (епископ) I (V), 8, 5, 9, 29.
— (предводитель) I (V), 5, 3; III (VII), 6, 14, 25; 7, 3, 6.
Деметрий (начальник Неаполя) III (VII), 6, 20, 26.
Деоферон III (VII), 30, 6, 19.
Деций III (VII), 20, 18.
Диоген (преторианец) I (V), 27, 11; II (VI), 5, 9; 9, 9; III (VII), 36, 1, 15; 37, 8; 39, 25, 26.
Диомед I (V), 15, 8, 9.
Диррахон см. Эпидамн.
Длинные стены III (VII), 40, 43.
Додона IV (VIII), 22, 31.
Доломиты IV (VIII), 14, 5—8, 12.
Домненцио III (VII), 39, 3.
Домник II (VI), 29, 1, 7.
Дортон (город Лигурии) II (VI), 23, 5.
Дракон (река с Везувия) IV (VIII), 35, 7.
Дриут I (V), 15, 20; II (VI), 5, 1; III (VII), 9, 22; 10, 8, 9; 18, 4, 6; 22, 20, 22; 23, 12; 26, 28; 27, 4; 30, 2; IV (VIII), 26, 4; 34, 10.
Дромон см. быстроходный корабль, III (VII), 6, 24; 19, 5; 35, 27, 28.
Евангелие III (VII), 20, 23.
Евлисия (область) IV (VIII), 4, 7.
Европа I (V), 12, 1, 3; IV (VIII), 2, 28; 6, 1, 13, 14.
Евреи I (V), 9, 3.
Евфамий (казначей) II (VI), 2, 1, 24.
Евфрат (свнух) IV (VIII), 3, 19.
Египет I (V), 12, 2; 15, 13; III (VII), 29, 6.
Ересь I (V), 13, 10.
Замес (заговорщик против Хозроя) IV (VIII), 26, 13.
Заны см. Тзаны.

Зартёр (телохранитель Велизария) I (V), 16, 1.
Зверинец I (V), 22, 10; 23, 14, 16, 18, 19.
Зевс-Касий IV (VIII), 22, 25, 26.
Зенон (император) I (V), 1, 10; II (VI), 6, 16, 23.
— (начальник всадников) II (VI), 5, 2; 7, 13.
Зехи IV (VIII), 4, 1, 2.

Иавд IV (VIII), 17, 21.
Иатрон (укрепление в Мезии) IV, 7, 6.
Иберия, Иберы IV (VIII), 2, 20, 24, 26; 13, 3.
Известь II (VI), 27, 21; 30, 18; III (VII), 24, 4.
Илауф см. Индульф.
Илион I (V), 15, 8, 9, 12—13.
Илитрия (богиня) IV (VIII), 22, 29.
Иллирия I (V), 2; II (VI), 13, 17; 15, 1; III (VII), 10, 2; 11, 14, 13, 18; 29, 1; 30, 6; 33, 12; 34, 13; 38, 3; 39, 10; IV (VIII), 18, 17; 25, 1, 3; 26, 10.
Ильдибад II (VI), 29, 41; 30, 14, 15, 16—25; III (VII), 1, 1, 25, 34, 35, 37—41, 47—49; 2, 7.
Ильдиберт I (V), 5, 10; 13, 27.
Ильдигер II (VI), 7, 15; 8, 16; 9, 13, 14; 11, 4, 14; 16, 22; 18, 1—3; 28, 24; III (VII), 1, 1.
Ильдигес (лангобард) иначе Ильдигисал, или Ильдисг III (VII), 35, 16, 19, 21, 22; IV (VIII), 27, 1, 2, 7, 18, 22, 23, 28.
Индия IV (VIII), 17, 7.
Индульф III (VII), 35, 23, 24, 29; IV (VIII), 23, 1, 12 сл.; 38; 35, 37.
Иннокентий (начальник конницы у Велизария) I (V), 5, 3; 15, 1; 17, 17.
Иоаким см. Уаким.

Иоанн (племянник Виталиана) II (VI), 5, 1; 7, 1—2, 25; 10, 1, 2, 7, 9, 10, 11; 11, 22; 12, 6, 15; 16, 14; 18, 2, 6; 19, 1, 21, 22; 21, 14, 16, 23; 23, 5; 25, 14, 19; 28, 33; 29, 29; 30, 20; III (VII), 3, 3; 5, 4, 10, 12; 6, 8; 9, 21; 10, 14; 12, 1, 11; 13, 20; 18, 1, 11, 13, 16, 18, 20, 22, 25, 27; 22, 20; 23, 13; 25, 22; 26, 1, 7, 11, 12, 23; 27, 11; 30, 9, 15, 17; 34, 41; 39, 10; 40, 10; IV (VIII), 21, 4; 22, 1; 23, 4, 7, 8, 14, 42; 26, 11, 24—25; 31, 2; 33, 18; 34, 22; 35, 34—35.
— (сын Гузы) IV (VIII), 8, 15, 30, 38; 9, 13, 20, 24; 11, 57.
— (брат Паппа) IV (VIII), 17, 20, 21; 24, 33.
— (сын Помпея) III (VII), 31, 14.
— (Фагас, обжора) II (VI), 23, 3; III (VII), 13, 23; 40, 34; IV (VIII), 26, 13; 31, 4.
Ионийский (залив) I (V), 1, 13, 16, 19; 15, 16; IV (VIII), 34, 10, 23.
Исаак (брат Нарзеса) III (VII), 13, 20; 18, 1; 19, 7, 24, 28—29; 32, 34.
Исавры I (V), 5, 2; 9, 11, 16, 19; 29, 17, 20, 42; II (VI), 5, 1; 7, 1; 12, 27; 27, 5; III (VII); 6, 2; 10, 19; 20, 4; 36, 7, 14.
Исдигусна IV (VIII), 11, 4; 15, 1, 14, 19; 17, 9.
Испания I (V), 12, 3, 12, 51; 15, 29.
Истм (у залива Мелана) I (V), 15, 17, 18.
Истр (река) I (V), 15, 27; II (VI), 14, 23; III (VII), 14, 2; 33, 11; IV (VIII), 5, 29, 30; 18, 17; 20, 2.
Истрия I (V), 15, 25; III (VII), 39, 24.
Итака (остров) IV (VIII), 22, 23.
Италия I (V), 1, 29; 8, 2; II (VI),

22, 24; 28, 7; III (VII), 1, 31; 2, 5; 6, 9; 9, 2, 3; IV (VIII), 24, 4; 35, 36.
Иудея, Иудеи I (V), 8, 41; 10, 25.
Июль I (V), 24, 31.
Ифигения IV (VIII), 5, 23; 22, 27.
Каббаларий (посол Эарика) III (VII), 2, 16, 17.
Кавказ IV (VIII), 3, 3, 4; 9, 15; 11, 23.
Кадмова победа (пословица) I (V), 7, 5.
Кайсены см. Кисины.
Калабрия I (V), 15, 3, 21, 22; II (VI), 5, 2; III (VII), 6, 5; 8, 12; 18, 17; 23, 17, 18; 40, 15.
Калидонский вепрь I (V), 15, 8.
Калипсо IV (VIII), 22, 19, 22.
Калхидон IV (VIII), 2, 1; 5, 31, 33.
Камилл IV (VIII), 29, 4.
Кампания I (V), 8, 5; 14, 2; 15, 22; II (VI), 4, 19; 5, 2; III (VII), 6, 1; 22, 19; IV (VIII), 34, 6, 21.
Кандидаты (квесторы) III (VII), 38, 5.
Канны (в Апулии) III (VII), 18, 19.
Канузий (в Апулии) III (VII), 18, 18.
Кашадокия I (V), 29, 20.
Капри IV (VIII), 32, 27, 35.
Капуя I (V), 14, 6; III (VII), 18, 24; 26, 4.
Караналис (город в Сардинии) IV (VIII), 24, 44.
Каркасиана I (V), 12, 35, 41, 47; 13, 6.
Карнии (народ у Норика) I (V), 15, 27.
Касий (Юпитер) IV (VIII), 22, 25.
Касопе (город) IV (VIII), 22, 26.
Каспийские ворота IV (VIII), 3, 4.
Катана (город в Сицилии) I (V), 5, 12; III (VII), 40, 21.

Кателл (знатный италиец) III (VII) 10, 22.
Квинтилий (месяц) I (V), 24, 31.
Кербарион (в Апулии) III (VII), 18, 29.
Келесена IV (VIII), 5, 24.
Кельты I (V), 18; IV (VIII), 30 (см. критику).
Кентумкеллы см. центумцеллы.
Кены (город) IV (VIII), 5, 28.
Керкира III (VII), 27, 19; IV (VIII), 22, 18, 19, 23, 30.
Кефалония (остров) III (VII), 40, 14.
Кефиг см. Гофиг.
Киликия III (VII), 36, 16.
Киммерийцы IV (VIII), 4, 8; 5, 1—4, 10, 11; 6, 15.
Кинокефалы (холм на Корцире) III (VII), 27, 19.
Киприан (вождь федератов) I (V), 23, 19, 20; II (VI), 23, 2; 24, 18; 27, 25, 26; III (VII), 5, 4; 6, 8, 12, 18—20; 23, 6; 25, 21; IV (VIII), 33, 12.
Кирка I (V), 11, 2, 3.
Кирки (гора) I (V), 11, 2.
Кисины I (V), 1, 15; II (VI), 11, 3; 19, 19, 21; 29, 40; III (VII), 6, 1.
Клавдиан (префект Салоны) III (VII), 35, 27.
Классес (гавань Равенны) II (VI), 29, 31.
Клементин (патриций) III (VII), 26, 13.
Клотарий (король франков) I (V), 5, 8 сл.; 13, 27, 28.
Клузий (город Этрурии) II (VI), 11, 1; 13, 2, 4.
Койтаис см. Кутаис.
Коккас IV (VIII), 31, 11—16.
Колбаса (при голоде в Риме) II (VI), 3, 11.
Колхи IV (VIII), 1, 10; 2, 15; 14, 49.

- Кóмана (город у Понта) IV VIII), 5, 24.
- Комон (город в Италии) II (VI), 12, 40.
- Конон (вождь усавров) II (VI), 5, 1, 3; 11, 5; 13, 8; III (VII), 6, 2; 7, 16, 17, 20; 8, 6; 17, 2, 10; 20, 12; 23, 1; 27, 16; 30, 7.
- Константиан (военачальник) I (V), 5, 27; 7, 26, 27, 28, 32, 36; II (VI), 30, 2; III (VII), 2, 8, 9; 3, 4; 6, 8; 9, 5; 32, 41, 45; 34, 40; 40, 34, 42.
- Константин (император) I (V), 15, 14.
- (фракиец; разночтение Константиан). I (V), 5, 3; 16, 1, 3; 6; 17, 2; 19, 16; 22, 15, 16, 25; II (VI), 1, 4; 8, 15, 17.
- Консул I (V), 5, 19; III (VII), 32, 15; 35, 10; IV (VIII), 21, 2.
- Корабль с одним рядом весел IV (VIII), 22, 9.
- Коринф I (V), 15, 17.
- Короня (город) IV (VIII), 25, 17.
- Корсика (некогда Кирн) IV (VIII), 24, 31, 32, 39.
- Коттийские (Альпы) II (VI), 28, 28, 30, 33.
- Криссейский залив I (V), 15, 17; IV (VIII), 25, 16.
- Кротон I (V), 15, 23; III (VII), 25, 24; 26, 1, 2; 28, 18; 30, 23.
- Ктесифон (город) IV (VIII), 10, 9.
- Кумы I (V), 14, 2, 3; III (VII), 6, 3; IV (VIII), 34, 19, 20; 35, 38.
- Кутаис IV (VIII), 14, 48, 49; 16, 16; 17, 19.
- Кутзинас (мавр) IV (VIII), 17, 21.
- Кутилас (телохранитель Велизария) II (VI), 2, 10, 14, 18, 30, 31.
- Кутригур (вождь гуннов) IV (VIII), 5, 2, 3.
- Кутригуры IV (VIII), 5, 2—4, 10, 11, 15, 16, 22; 18, 16, 24; 19, 2, 7; 27, 10, 11.
- Лабула (ущелье в Лукандии) III (VII), 23, 7.
- Лавреата (приморская местность Далмации) III (VII), 35, 26, 28.
- Лазарь (римский вождь) III (VII), 35, 22.
- Лазика IV (VIII), 2, 17, 21, 23, 29, 30, 32, 33; 7, 12, 13; 8, 1, 19; 9, 1, 8; 13, 3, 5, 13, 15, 17, 20; 14, 23, 45, 46; 15, 2; 16, 3, 21.
- Лактарий см. Галактоорос.
- Лангобарды II (VI), 14, 9, 12, 18—21; 22, 11, 12; III (VII), 33, 10—12; 34, 3, 4, 24, 40, 45; 35, 13—15, 17; 39, 20; IV (VIII), 18, 4, 11; 25, 10, 14, 15; 26, 12, 19; 27, 1, 3, 8, 21; 30, 18; 31, 5; 33, 2, 3.
- Лангубилла I (V), 15, 29.
- Латинская дорога I (V), 14, 6; II (VI), 3, 3; 5, 2.
- Левдард (посол франкского короля) IV (VIII), 24, 30.
- Левдерис (гот, начальник Рима) I (V), 11, 26; 14, 13, 15; 24, 1.
- Леонниан IV (VIII), 27, 13, 17.
- Леонтий (зять Афанасия) III (VII), 32, 34; IV (VIII), 24, 11.
- Лехей (залив у Коринфа) I (V), 15, 17.
- Либерий (римский сенатор) I (V), 4, 15, 21, 23, 24; III (VII), 36, 6; 37, 26, 27; 39, 6, 7; 40, 12, 13, 14; IV (VIII), 24, 1.
- Либурия I (V), 7, 36; 15, 15, 25; 16, 12.
- Ливия I (V), 12, 1; II (VI), 2, 1; IV (VIII), 6, 2, 13, 14; 17, 20, 22; 24, 31.

- Лигурия I (V), 12, 4, 20; 15, 28; 14, 5; II (VI), 21, 42; 22, 17 сл.; IV (VIII), 24, 6.
- Ликокраниты (народ в Писидии) III (VII), 27, 20.
- Лику Крана (гора в Писидии) III (VII), 27, 20.
- Лилибей I (V), 3, 17 сл.
- Лисина I (V), 7, 32.
- Лисипп IV (VIII), 21, 12, 13.
- Логофет III (VII), 1, 28; 21, 13.
- Локры Эпизефирии I (V), 15, 23.
- Лонгин (вождь исавров) II (IV), 10, 19, 20.
- Луканы I (V), 8, 4; 15, 22; III (VII), 6, 5; 18, 20—23, 25; 22, 2, 20; 26, 16, 17; 28, 7.
- Маврикий (сын Мунда) I (V), 7, 2, 6; III (VII), 1, 36; IV (VIII), 26, 13.
- Магн (начальник всадников) I (V), 5, 3; 10, 1, 3, 7, 8, 13; II (VI), 4, 7, 15; 28, 1; III (VII), 11, 19.
- Максенций (телохранитель Велизария) I (V), 18, 14.
- Максенциол (щитоносец Константина) II (VI), 8, 3, 13.
- Максим (сенатор и патриций) I (V), 25, 15; III (VII), 20, 19; IV (VIII), 34, 6.
- Максимиан (сенатор) II (VI), 29, 1, 7; III (VII), 6, 11; 7, 1.
- Малевент I (V), 15, 4.
- Мантуя (город) III (VII), 3, 5.
- Маркелл (римский предводитель) III (VII), 32, 23, 42, 48.
- Маркентий (начальник конницы) II (VI), 5, 1.
- Маркиан (вождь у Велизария) III (VII), 11, 7.
- (знатный венец) III (VII), 3, 6.
- Маркиас I (V), 13, 15, 29; 16, 7; 19, 12; 29, 2.
- Март (месяц) I (V), 24, 31.
- Мартин I (V), 24, 18; 27, 1, 22, 23; II (VI), 2, 8, 19, 24; 4, 6, 14; 5, 4; 11, 4, 15; 16, 23; 17, 20; 21, 1, 2, 10; 23, 3; 25, 14, 19; 26, 1; 28, 33; III (VII), 1, 1; IV (VIII), 17, 12.
- Мартиниан (притворный перебежчик к Тотиле) III (VII), 23, 1, 4, 7.
- Масилия (подчинена франкам) III (VII), 33, 4.
- Массагеты I (V), 10, 29.
- Матасунта I (V), 11, 27; 29, 8; II (VI), 10, 11; 28, 26; III (VII), 1, 2; 39, 14.
- Медея IV (VIII), 2, 12, 31; 11, 36, 61.
- Медиолан (город в Лигурии) I (V), 14, 5; II (VI), 7, 37; 12, 35, 36, 39; 21, 1, 6, 26, 39.
- Меланхлайны (скифы) IV (VIII), 5, 6.
- Мелас (залив) I (V), 15, 18.
- Мелеагр (Калидонская охота) I (V), 15, 8.
- Мелигедий (сдал Нарзесу Перузию) IV (VIII), 33, 10—12.
- Мелита (остров) III (VII), 40, 17.
- Мермерос IV (VIII) 11, 19; 13, 1, 7, 20, 30; 14, 3 сл., 45, 53; 16, 12, 13, 16, 22, 23; 17, 14, 17.
- Мессена (город Сицилии) I (V), 8, 1; III (VII), 39, 2.
- Метрополия II (VI), 23, 6.
- Мидяне см. Персы.
- Милан см. Медиолан.
- Милевой камень I (V), 11, 2.
- Мианда (исавр) III (VII), 36, 26.
- Минтурия (город Лациума) III (VII), 26, 4, 8.
- Мирон (художник) IV (VIII), 21, 14.
- Молибий (мост) I (V), 19, 3; III (VII), 24, 32.
- Молочная гора см. Галактоорос.
- Монтефэретра (укрепление в Италии) II (VI), 11, 3.

Морас (гот) II (VI), **11**, 2; **19**, 10, 17; **26**, 4.
Мохерезис (город в Лазике) IV (VIII), **1**, 5; **14**, 45, 46, 53, 54; **16**, 14, 22; **17**, 19.
Муикурон (местечко, близкое к Салонам) III (VII), **35**, 25.
Мукеллис (местечко в Италии) III (VII), **5**, 5.
Мульвий см. Молибий.
Мунд (военачальник римлян) I (V), **5**, 2, 11; **7**, 4—6.
Мундила (телохранитель Велизария) I (V), **27**, 11; II (VI), **4**, 3, 5; **5**, 15; **10**, 19; **12**, 27, 36, 40; **21**, 3 сл., 27, сл., 39.
Мэотис (болото) IV (VIII), **4**, 7, 8; **5**, 10, 4, 5; **6**, 4, 16; **7**, 12; **18**, 14, 18.
Набед (персидский военачальник) IV (VIII), **9**, 6, 7.
Навпакт (город) IV (VIII), **25**, 17.
Наис (город в Мезии) III (VII), **40**, 2.
Назерес (правитель Иллирика) III (VII), **11**, 18; **40**, 34.
Нанны (на Корсике) IV (VIII), **Нарзес** (евнух) II (VI), **13**, 16; **16**, 1, 5, 21; **18**, 3, 23, 28, 29; **19**, 9; **21**, 23; **22**, 4; III (VII), **13**, 21, 22; **14**, 35, 36; IV (VIII), **21**, 6, 20, 21; **25**, 15; **26**, 5, 12—14, 17, 18, 24—25; **28**, 1, 4, 10, 12; **29**, 4, 6; **30**, 1; **31**, 2, 9, 22; **32**, 3, 4, 13, 20; **33**, 1, 2, 9, 12, 13, 18—27; **34**, 16, 20, 22, 24; **35**, 7, 13, 14, 19, 36, 38.
— (римский начальник, брат Аратия и Исаака) II (VI), **13**, 17; **16**, 22; **26**, 3; **27**, 16; **29**, 29.
Нарн (река в Этрурии) I (V), **17**, 9.
Нарния (город Этрурии) I (V), **16**, 2, 3; **17**, 6, 8, 9, 10, 11; II (VI), **11**, 9; IV (VIII), **33**, 9.
Неаполь I (V), **3**, 15; **8**, 5—7, 26, 42, 44; **9**, 12, 27; **10**, 13, 24, 29; **24**, 39.

37; **14**, 1; **24**, 22; III (VII), **6**, 20, 21; **7**, 10, 20; **8**, 10, 11.
Непа (укрепление Этрурии) IV (VIII), **34**, 16.
Неронова равнина I (V), **19**, 3; **28**, 15, 19; **29**, 22; II (VI), **1**, 5; **2**, 19.
Нефть IV (VIII), **11**, 36.
Никополь (город Акарнании) IV (VIII), **22**, 31.
Нил I (V), **12**, 2; III (VII), **29**, 6; IV (VIII), **6**, 2, 13, 14.
Новария (город Италии) II (VI), **12**, 40.
Ножницы III (VII), **1**, 31.
Норики (народ) I (V), **15**, 27; III (VII), **33**, 10.
Нума (римский царь) I (V), **24**, 31.
Нуцерия (город Италии) IV (VIII), **35**, 7.
Обезьяны IV (VIII), **24**, 39 (критич.)
Одиссей I (V), **11**, 2; **15**, 9; IV (VIII), **22**, 21, 23, 24.
Одоакр I (V), **1**, 6, 8, 10, 14, 24, 25; **12**, 20; II (VI), **6**, 15, 16, 23.
Одолган (гуфн) III (VII), **23**, 6.
Одонах (римский предводитель) IV (VIII), **9**, 5; **13**, 8; **14**, 14.
Одуин III (VII), **34**, 4; **35**, 17; **39**, 20; IV (VIII), **18**, 4, 7, 11; **25**, 11—12, 14, 16; **26**, 12; **27**, 1, 4, 19—29; **35**, 20.
Оилас (преторианец) I (V), **27**, 13.
Окружность Рима I (V), **13**.
Опилион (римский сенатор) I (V), **4**, 15, 21, 25.
Опсит (король абасгов) IV (VIII), **9**, 11, 29.
— (царь в Лазике) IV (VIII), **9**, 7.
Оптарий (убийца Теодата) I (V), **11**, 6—9.
Орест (отец Августула) I (V), **1**, 2, 5.
— (римский патриций) III (VII), **20**, 19; **26**, 13.

- Орест (брат Ифигении) IV (VIII), 5, 24.
- Остия I (V), 26, 8, 13, 16, 17; II (VI), 4, 2; 5, 3; 7, 3, 5, 6; III (VII), 19, 23.
- Отоны (три острова) IV (VIII), 22, 20.
- Ох (король герулов) II (VI), 14, 38.
- Павел (апостол) II (VI), 4, 3, 9, 10; III (VII), 36, 7, 10.
- (начальник пехоты) I (V), 5, 3; 23, 2.
- (начальник исавров) II (VI), 5, 1, 3; 7, 12, 16.
- (предводитель фракийцев, посланный в Милан) II (VI), 12, 27, 40.
- (римлянин, посланный Мундилой в Милан) II (VI), 21, 3, 11.
- (киликиец сражается с готами в Риме) III (VII), 36, 16, 26—28.
- (храбрый воин) IV (VIII), 29, 22, 26.
- Павкарис см. Паукарис.
- Пад Ус (река, иначе называемая Эриданом) I (V), 1, 18; 15, 28, 30; II (VI), 12, 31; 21, 2; 25, 8; 23, 1, 4; III (VII), 4, 19; IV (VIII), 26, 22; 33, 6; 35, 7.
- Пакор см. Пакурий.
- Пакурий (сын Перания) III (VII), 27, 2; IV (VIII), 26, 4; 34, 9—14.
- Палладий (римский вождь) VI (VIII), 25, 24.
- Палладиум I (V); 15, 9, 11, 14.
- Панкратий (святой; его ворота в Риме) I (V), 18, 35; 23, 1; 28, 19.
- Паннония I (V), 15, 27; III (VII), 33, 10.
- Панорм (город Сицилии) I (V), 5, 12, 16; 8, 1; III (VII), 40, 18.
- Пантейхион (подгородное место Византии) III (VII), 35, 4.
- Паросский мрамор I (V), 22, 13.
- Пассара (первая жена Германа) III (VII), 39, 14.
- Пастор (неаполитанский адвокат) I (V), 8, 22 сл., 29; 10, 38, 47.
- Патры IV (VIII), 25, 17.
- Паукарас (помощник Велизария при осаде Неаполя) I (V), 9, 17 сл.
- Пафлагонцы IV (VIII), 2, 2.
- Пелагий (дьякон в Риме) III (VII), 16, 5 сл., 27; 20, 23; 21, 17, 18.
- Пелопоннес I (V), 12, 3.
- Пенаты I (V), 25, 19.
- Пераний (сын царя иверов) I (V), 5, 3; 23, 13; II (VI), 1, 11; 19, 1; 20, 4; III (VII), 6, 10; 27, 2; IV (VIII), 26, 4.
- Персоармения IV (VIII), 2, 20; 8, 22.
- Персы III (VII), 33, 6; IV (VIII), 1, 3 сл.; 7, 2—4, 29 сл.; 10, 22; 11, 13, 35, 43 сл.; 12, 16; 13, 4, 9; 14, 32, 45; 15, 16; 16, 5, 13, 14; 17, 10; 26, 13.
- Перусия (город у Фламиниевой дороги) I (V), 16, 4; 17, 3; II (VI), 11, 9; III (VII), 6, 8; 12, 18; 23, 6; 25, 1, 24; 35, 2; IV (VIII), 33, 12.
- Петр (апостол) I (V), 19, 4; 22, 21; 23, 5; II (VI), 4, 9, 10; 9, 17; III (VII), 20, 19, 22; 36, 17.
- (патриций, византийский адвокат) I (V), 3, 30; 4, 17, 20, 25, 30; 6, 2 сл., 14; 26; 7, 17, 22, 24; II (VI), 22, 24; IV (VIII), 11, 2.
- Петра (город в Лазике) IV (VIII), 2, 21, 32; 4, 5; 9, 2; 11, 11, 16, 62; 12, 15, 17, 18, 22, 28.
- (Петруза, там же) II (VI), 11, 2, 10, 19; III (VII), 6, 1; IV (VIII), 28, 13; 34, 16, 24.
- (крови) III (VII), 28, 7.

Пидвас (гот) I (V), 15, 1.
Пизавр (город между Ауксимом и Ариминном) III (VII), 11, 32, 33; 25, 7.
Пинкьяна (ворота в Риме) I (V), 19, 14, 16; 23, 3; 28, 15; 29, 43; II (VI), 1, 28; 2, 9; 5, 9; 9, 2, 8, 12.
Пиренеи (горы) I (V), 12, 3.
Писиды I (V), 28, 23; III (VII), 20.
Писса (готский вождь) I (V), 16, 5, 6.
Питиус (укрепление в Лазике) IV (VIII), 4, 4, 6.
Пиццеская область (в Италии, до Равенны) I (V), 15, 21; II (VI), 10, 1; 17, 1 сл.; 20, 21; 23, 6; IV (VIII), 23, 1.
Платон (философ) I (V), 6, 30.
Планенция (город Италии) III (VII), 13, 8 сл.; 16, 3.
По см. Пад
Побережье IV (VIII), 1, 9; 2, 3; 3, 12; 4, 1, 3; 5, 27; 22, 32; 26, 23, 24.
Пола (город в Ионийском заливе) III (VII), 10, 13.
Помпей (из византийской знати) III (VII), 14.
Понт (Эвксинский) IV (VIII), 2, 1 сл., 24; 4, 1; 5, 32, 33; 6, 4, 16.
Понтийская область IV (VIII), 2, 2; 13, 11.
Порт (у устья Тибра) I (V), 26, 4, 7, 14; II (VI), 7, 16; III (VII), 15, 1; 18, 11; 19, 32; 36, 3; IV (VIII), 34, 16.
Порфирион (чудовище) III (VII), 29, 9.
Президий (ограблен Константином) II (VI), 8, 2 сл.
Прейекта (племянница Юстиниана) III (VII), 31, 2, 14.

Прекалис (область у Эпидамна) I (V), 15, 25.
Пренестрина (римские ворота) I (V), 19, 2, 15; 22, 10.
Преторианцы II (VI), 22; 25; 29, 29; III (VII), 6, 9.
Прикинций (телохранитель Велизария) I (V), 28, 23, 29; 29, 39 сл.
Прокопий (из Кесарии) I (V), 3, 8; 13, 10; II (VI), 4, 1 сл., 19; 23, 23 сл.; 29, 32; III (VII), 13, 15; IV (VIII), 12, 34, 35; 15, 6, 13; 25, 13; 33, 24.
Прометей IV (VIII), 1, 12; 6, 15.
Равенна I (V), 1, 14 сл., 19 сл., 24; 7, 37, 38; 15, 19; 28, 1 сл., 25, 26, 30; II (VI), 10, 5; 23, 6, 29, 37; III (VII), 3, 22; 6, 8; 13, 19; 39, 23; IV (VIII), 28, 4.
Радигис (сын царя варнов) IV (VIII), 20, 12, 21, 22, 37—41.
Рангарис (гот, наместник в Таренте) IV (VIII), 26, 4; 34, 9—15.
Регата (соседнее с Римом местечко) I (V), 11, 1, 5.
Региум (город Италии) I (V), 8, 1, 4; III (VII), 18, 27; 23, 12; 28, 18; 37, 19; 39, 1, 5.
Рейн I (V), 12, 7; IV (VIII), 20, 2, 4, 32 сл.
Режимунд (вождь готов) III (VII), 18; 28.
Рекифанг (римский вождь) IV (VIII), 27, 13—17.
Рекс (король) I (V), 1, 26; II (VI), 14, 38; IV (VIII), 23, 3.
Репарат (римский сенатор, брат папы Вигилия) I (V), 26, 2; II (VI), 21, 40.
Ризайон (город в Лазике) IV (VIII), 2, 3, 10, 11.
Ризиульф (племянник лангобард

ского короля Вакиса) III (VII), 35, 13.
Рикила (телохранитель Велизария) III (VII), 11, 19, 25.
Рим *passim*.
Римляне *passim*.
Рион (река в Колхиде) IV (VIII), 13, 3; 14, 47.
Рипейские горы IV (VIII), 6, 5, 6.
Рогги (народ, пришедший с готами в Италию) II (VI), 14, 24; III (VII), 2, 1 сл., 4.
Родан (река в Галлии) I (V), 12, 7, 12, 45; 13, 4.
Родополис (город Лазики) IV (VIII) 13, 21, 22.
Родульф (король герулов) II (VI), 14, 11—21.
Рона см. Родан.
Рудерих (вождь готов) III (VII), 5, 1; 19, 25, 34.
Рускиана (гавань Турий) III (VII), 28, 8; 29, 21; 30, 5, 19, 20.
Рустик (священник в Риме) I (V), 6, 13.
Рустикиана (дочь Симмаха) III (VII), 20, 27, 29.
Сабиниан (телохранитель Велизария) III (VII), 11, 19, 30, 34.
Сабиняне I (V), 17, 12.
Сабиры (племя на Кавказе) IV (VIII), 3, 5; 11, 23, 24, 29; 13, 6; 14, 4, 5, 11; 17, 10, 18.
Савроматы (скифы, прежде назывались готы) IV (VIII), 5, 6.
Сагарис (река) I (V), 3, 8—10; III (VII), 29, 12.
Сагины (народ) IV (VIII), 2, 16; 4, 3, 5, 7.
Салария (ворота в Риме) I (V), 18, 19, 39; 19, 14; 22, 9; 23, 9, 24; 27, 6; 28, 15; II (VI), 1, 11.
Салоны (город в Далмации) I (V), 5, 2, 11; 7, 27, 31, 32, 33; 16,

16; III (VII), 35, 25, 27; 10, 3, 12; 40, 11, 30; IV (VIII), 21, 4; 23, 4, 8; 26, 5.
Самниум (область в Италии) I (V), 15, 1, 15; 20, 1; II (VI), 5, 2; III (VII), 6, 1.
Сандил (князь утигуров) IV (VIII), 18, 23; 19, 8.
Сарапанис (город в Лазике) IV (VIII), 13, 15; 16, 17.
Сараины IV (VIII), 15, 2.
Сардика (город Иллирии) III (VII), 40, 1, 4.
Сардиния IV (VIII), 24, 32 сл., 33, 37, 38.
Свабы (швабы? племя) I (V), 12, 11; 15, 26; 16, 9.
Свания (область за Мохерезис) IV (VIII), 2, 23, 33; 14, 53; 16, 14.
Свартус (Юстинианом выбран королем герулов; военачальник в римском войске) II (VI), 15, 32—36; IV (VIII), 25, 11.
Священный остров (на Тибре) I (V), 26, 5.
Сеногаллия (город по соседству с Анконой) IV (VIII), 23, 9.
Серинда (область Индии) IV (VIII), 17, 7.
Сиботы (острова) IV (VIII), 22, 30.
Сивилла I (V), 7, 6 сл.; 14, 3; 24, 28, 35.
Сильверий (папа) I (V), 11, 26; 14, 4; 25, 13.
Симмах I (V), 1, 32 сл.; 2, 5; III (VII), 20, 27.
Сингидон (город) I (V), 15, 27; II (VI), 15, 30; III (VII), 33, 13.
Синнион (вождь утигуров) IV (VIII) 19, 7.
Синоц (город у Черного моря) IV (VIII), 2, 2.
Синтуэс (телохранитель Велизария) II (VI), 4, 7, 15.

- Спракузы I (V), 5, 12, 18; 8, 1; III (VII), 40, 12.
- Сирмий (город Паннонии) I (V), 3, 15; 11, 5; 15, 27; III (VII), 33, 8; 34, 17.
- Сисавранова крепость (около Низибис) III (VII), 3, 11.
- Сисигис (готский предводитель) II, 28, 30 сл.
- Сисифрид (начальник крепости Ассизи) III (VII), 12, 12, 17.
- Сискии (народ) I (V), 15, 26.
- Сифила (телохранитель Константина) I (V), 7, 34.
- Сицилия I (V), 5, 12 сл.; 8, 18, 27; III (VII), 16, 14, 15; 39, 4; 40, 26; IV (VIII), 6, 24; 24, 1 сл.; 35, 13.
- Сканда (город и укрепление в Лавике) IV (VIII), 13, 15, 20.
- Скардон (город) I (V), 7, 32; 16, 13; IV (VIII), 23, 8.
- Скарфея (город Беотии) IV (VIII), 25, 19.
- Скепарна (король абасгов) IV (VIII) 9, 11, 13.
- Скилейское местечко III (VII), 27, 17; IV (VIII), 26, 3.
- Скилла I (V), 8, 1; III (VII), 18, 26; 27, 17.
- Скимния (область около Мохерезис) IV (VIII), 2, 23, 33; 14, 53; 16, 4.
- Скипуар (вождь готов) IV (VIII), 23, 1, 12; 32, 24, 25.
- Скиры (готское племя) I (V), 1, 3.
- Скритифины (народ на острове Фуле) II (VI), 16—22.
- Скифы (в Таврике) IV (VIII), 5, 6, 23, 24.
- Славяне I (V), 27, 2; II (VI), 15, 2; 26, 18; III (VII), 13, 24, 25; 14, 2, 7, 22, 24, 29; 29, 1 сл.; 35, 16; 38, 6, 7, 9 сл., 19; 40, 1 сл., 7, 31, 44; IV (VIII), 25, 1, 5.
- Соломон (царь иудейский) I (V), 12, 42.
- Спин (казначей Тотилы) III (VII), 40, 20 сл.
- Сполеций (город на Фламиниевой дороге) I (V), 16, 3; 17, 2, 3; II (VI), 8, 2, 3; 11, 9; III (VII), 6, 8; 12, 16; 23, 1—3; IV (VIII), 33, 9.
- Споры (прежнее название славян и ангов) III (VI), 14, 29.
- Стагирит (Аристотель) IV (VIII), 6, 20.
- Стефан (посол неаполитанский) I (V), 8, 7, 19; 9, 23; 10, 40.
— (посол Тотилы к Юстиниану) III, 37, 6.
- Стодза (телохранитель Мартина) III (VII), 39, 12.
- Страбон (историк) IV (VIII), 3, 6.
- Сунта (телохранитель Велизария) II (VI), 7, 27.
- Сусурмена (поселение на берегу Трапезунта) IV (VIII), 2, 3.
- Схисма (местечко в Греции) IV (VIII), 25, 23.
- Схоластик (внух дворца) III (VII), 40, 35.
- Сцилла см. Скилла.
- Тавлантии (народ Илирика) I (V), 1, 13.
- Таврика (область) IV (VIII), 5, 23.
- Тавры (в Целезене) IV (VIII), 5, 24.
— (в Таврике) IV (VIII), 5, 23.
- Тагины (поселок в Апеннинских горах) IV (VIII), 29, 3.
- Танаис IV (VIII), 4, 7, 10; 5, 23; 6, 2, 5, 6, 15; 18, 22.
- Таракина см. Террацина.
- Тарбесион (город Италии) II (VI), 29, 40; III (VII), 1, 35; 2, 7—9, 11.
- Тарент III (VII), 23, 12, 14, 15;

27, 17; 28, 1; 37, 23; IV (VIII),
 26, 3; 34, 14.
 Тармут (телохранитель Велизария)
 I (V), 28, 28, 29; 29, 39, 42—44.
 Тевдис (гот, начальник Испании)
 I (V), 12, 50, 51; 13, 13; II (VI),
 30, 15.
 Теия (IV (VIII), 26, 21; 33, 6;
 34, 8, 9, 17, 21, 23; 35, 10, 20,
 22, 29.
 Теодат I (V), 3, 11 (passim); 12,
 21; 13, 2.
 Теодобальд IV (VIII), 24, 11, 25,
 30; 34, 17, 18.
 Теодоберт I (V), 5, 10; 13, 4, 10—
 12; 27, 28; II (VI), 12, 33; 25,
 2, 5, 18, 20, 23; 26, 1, 12; IV
 (VIII), 20, 11, 21, 41; 24, 6, 11,
 13, 26.
 Теодегискл (сын Теодата) I (V),
 11, 10.
 Теоденанфа (дочь Теодата) I (V)
 8, 3.
 Теодимунд (сын Маврикия) III
 (VII), 1, 36.
 Теодихуса (дочь Теодориха) I (V),
 12, 22.
 Теодорих I (V), 1, 9, 14, 24—29,
 31, 39; 2, 1, 14; 3, 1; 11, 5; 12,
 22, 24, 45—47, 52; 16, 2; 24,
 22, 23; II (VI), 6, 16, 17; III
 (VII), 1, 4; 20, 29; 21, 23; IV
 (VIII), 5, 13—14.
 Теотокос см. Богородица.
 Теофобий (знатный лаз) IV (VIII),
 16, 4, 5, 7, 9.
 Тердет (у лавов) IV (VIII), 10, 2, 3.
 Теревинтий (епископ) I (V), 7, 5.
 Терацина (город в Италии) I
 (V), 11, 2; 15, 22; II (VI), 2, 1,
 3; 4, 6, 14; 5, 4.
 Теснины IV (VIII), 23, 7.
 Тетракситы (готы в Крыму) IV
 (VIII), 4, 9, 12; 5, 5, 19, 20;
 18, 22.

Тзаны (прежде назывались Саны)
 IV (VIII), 1, 8, 9; 2, 6; 13, 10.
 Тзибиле (укрепление апсильев) IV
 (VIII), 10, 1; 17, 16.
 Тзур (горный проход в Кавказских
 горах) IV (VIII), 3, 4.
 Тзурул (крепость во Фракии) III
 (VII), 38, 5.
 Тибр I (V), 17, 14; 19, 4, 6—8;
 24, 31, 32; 26, 5—8, 11; 29, 30;
 II (VI), 7, 5, 8, 9; III (VII), 10,
 13; 18, 9, 10; 19, 16; 25, 22;
 IV (VIII), 22, 3.
 Тибур (город Италии) II (VI),
 4, 7, 15; III (VII), 10, 19, 23;
 24, 32.
 Тидей (отец Диомеда) I (V), 15, 8.
 Тикинион см. Тичино.
 Тинних (поэт [?] из Халкедона)
 IV (VIII), 22, 28.
 Тирренское море I (V), 12, 6, 7;
 15, 19.
 Тичино II (VI), 12, 31; 24, 20, 21;
 25, 8; III (VII), 1, 27; 3, 3; 4,
 12; IV (VIII), 33, 6, 7; 34, 4; 35, 37.
 Топер (город во Фракии) III (VII),
 38, 9.
 Торимут (телохранитель Велизария)
 III (VII) II, 11, 17, 18, 19, 26,
 30, 34.
 Тотила III (VII) и IV (VIII),
 passim.
 Трапезунт IV (VII), 2, 3, 4, 15.
 Трахея (укрепление абасгов) IV
 (VIII), 9, 19, 21, 22.
 Траян (император) IV (VIII), 2,
 — (телохранитель Велизария) I (V)
 27, 4; II (VI), 4, 6, 14; 5, 4, 9,
 10, 21, 24.
 Траяну Турис (город за Дунаем)
 III (VII), 14, 32.
 Триа-Фата (местность в Риме) I
 (V), 25, 19.
 Трибол (военная машина) III (VII),
 24, 16—18.

Трибун (доктор) IV (VIII), 10, 11—16.
Триполис (город в Африке) II (VI), 4, 27.
Триумф III (VII), 1, 3.
Тудера (город в Этрурии) II (VI), 11, 1; 13, 2, 4.
Туллиан (вождь бруттиев и луканов) III (VII), 18, 20; 22, 2, 5, 21; 30, 6.
Турии (город Италии) I (V), 15, 23; III (VII), 23, 12; 28, 3, 8.
Туримут (телохранитель Велизария) III (VII), 11, 11, 17, 26, 30, 34; 37, 20, 21; 39, 1, 5.
Туррис (город, построенный Траян-ном за Дунаем) III (VII), 14, 32.
Туруло (укрепление Фракии) III (VII), 38, 5.
Туски см. Этруски.
Тюрма IV (VIII), 9, 4.

Узанине (область в Персии) IV (VIII), 10, 9.
Уакес II (VI), 22, 11, 12; III (VII), 35, 13.
Уаким (вождь готов) II (VI), 13, 5, 8.
Уаларис III (VII), 4, 21—28.
Уалдар (царь лангобардов) III (VII), 35, 17.
Уарадз (персоармянин) III (VII), 27, 3, 10, 11; IV (VIII), 13, 10.
Уливарий (телохранитель Велизария) II (VI), 16, 21; 21, 1, 2, 10, 12; 22, 3.
— (гот) I (V), 3, 15; III (VII), 5, 1.
Улиас (гот, заложник у римлян) II (VI), 7, 13.
Улигаг (герул) IV (VIII), 9, 5, 13, 20, 22; 13, 9.
Улигисал (вождь готов) I (V), 11, 11, 16, 13, 16.

Улимут (телохранитель Велизария) II (VI), 13, 14.
Улиф (убийца Киприана) III (VII), 12, 19, 20; IV (VIII), 33, 10—12.
Улифей (телохранитель Витигиса) II (VI), 10, 2.
Ульпиано (город Иллирика) IV (VIII), 25, 13.
Унигаст (телохранитель Велизария) II (VI), 27, 14.
Унила (вождь готов) I (V), 16, 5.
Урайя (племянник Витигиса) II (VI), 12, 37; 18, 19; 21, 1, 39; 22, 6; 24, 20, 23; 25, 12; 28, 31, 33, 35; III (VII), 1, 37—41.
Урбибент (urbs vetus) II (VI), 11, 1; 18, 19; 19, 1; 20, 5, 7—12.
Урбин (город в Италии) II (VI), 10, 5, 7; 11, 2; 19, 1, 3, 4—17.
Урбисалия (urbs salvia) II (VI), 16, 24; 17, 1—11.
Урсикин (предводитель пехоты) I (V), 5, 3; 23, 3.
Усдрила (гот) IV (VIII), 28, 2, 3, 9, 10.
Устригот (сын царя гепидов Элемунда) IV (VIII), 27, 19, 20, 26, 28, 29.
Утигур (князь киммерийских гуннов) IV (VIII), 5, 2, 3.
Утигуры IV (VIII), 4, 8; 5, 1—4, 10, 17, 21; 18, 18, 19, 24; 19, 8, 22.
Утимереос (укрепление в Лазике) IV (VIII), 14, 51, 53; 16, 4—12, 16.
Фавенция (город в провинции Эм-лии) III (VII), 3, 22.
Фагас см. Иоанн.
Фазас III (VII), 6, 10; 7, 3, 7; 28, 15.
Фазис IV (VIII), 1, 10; 2, 27—32; 5, 33; 6, 1 сл., 7, 13.
Фанагурис IV (VIII), 5, 28.
Фанифей II (VI), 13, 18; 19, 20; 22, 18.

- Фавбе** (город Италии) III (VII), 11, 32; 25, 7.
Фарангион IV (VIII), 13, 19.
Федераты I (V), 5, 2; III (VII), 31, 10; 33, 13; IV (VIII), 5, 13.
Фезулы (Физула, город Италии) II (VI), 23, 2; 24, 18; 27, 25, 26.
Фемискурон (город) IV (VIII), 2, 2; 3, 5.
Феодор (юрист) III (VII), 21, 18.
Феодора III (VII), 30, 4; 31, 14.
 — (жена царя лазов) IV (VIII), 9, 7, 8.
Феодориск (телохранитель Мартина) I (V), 29, 20, 21.
Феодосий (у Велизария) II (VI), 28, 8.
Феоктист (врач), II (VI), 2, 26.
Фермопилы IV (VIII), 26, 1.
Фессалия IV (VIII), 25, 19.
Фессалоника I (V), 3, 30; III (VII), 40, 2; IV (VIII), 21, 22.
Фиваида (область Египта) III (VII), 29, 6.
Фиделий I (V), 14, 5; 20, 19, 20; II (VI), 12, 27, 34, 35.
Фидий IV (VIII), 21, 12, 13.
Филегат (гепид) IV (VIII), 8, 15, 30.
Филемут II (VI), 22, 8; III (VII), 13, 22; 34, 42; 39, 10; IV (VIII), 26, 13; 33, 19; 34, 22.
Филиппополь (город Македонии) I (V), 3, 5; IV (VIII), 21, 21.
Фирмум (город Италии) II (VI), 16, 1; 20, 3; III (VII), 11, 39; 12, 12.
Фламиниева дорога II (VI), 11, 9; IV (VIII), 28, 13.
Фламиниевы ворота I (V), 14, 14; 19, 2, 16; 23, 2; II (VI), 5, 6, 12.
Флоренция III (VII), 5, 4; 6, 8.
Фока (телохранитель Велизария) III (VII), 15, 2, 6, 8.
Фокейцев (колония) см. Массилия.
- Фома** (служитель Велизария) II (VI), 28, 29, 30.
 — (отец Гузы) IV (VIII), 8, 15; 9, 13.
Форинги I (V), 12, 10, 21, 22; 13, 1; II (VI), 28, 17; IV (VIII), 25, 11.
Форисян (царь гепидов) III (VII), 34, 4; IV (VIII), 18, 10—11; 27, 19.
Форум Корнелия (город в Италии) II (VI), 19, 22.
Фотий I (V), 5, 5; 10, 5, 8, 9; 18, 18.
Фракия II (VI), 5, 1; III (VII), 6, 10; 14, 2, 11; 34, 13; 38 сл. (опустошения славян); 39, 8; 40, 6; IV (VIII), 18, 17; 19, 5, 7; 26, 10; 27, 3, 18.
Франки I (V), 5, 9, 10; 11, 18, 20; 12, 8, 9, 14, 15, 21, 24 сл., 33 сл., 40, 41, 44, 45; 13, 1, 3, 10—12, 14, 26—29; II (VI), 12, 38; 18, 21; 22, 10; 25, 2—4, 8—12, 16—18, 23; 28, 9, 17, 23; III (VII), 33, 2, 3, 5, 7; IV (VIII), 20, 2, 8—10, 13, 19, 50; 24, 4, 6, 9—11; 13, 21, 25; 26, 8, 19; 33, 3—5; 34, 17, 18.
Фриссоны (жители острова Бриттии) IV (VIII), 20, 7.
Фуле (остров) II (VI), 15, 4—7, 14—16, 23, 25, 26; IV (VIII), 20, 4, 6; 25, 11.
Халазар (массагет) III (VII), 30, 6; 20—21.
Халкедон см. Калкедон.
Халкида (город на Эвбее) IV (VIII), 6, 20.
Ханаранг (заговорщик против Юстиниана) III (VII), 32, 11, 12, 20, 29, 31, 33, 37.
 — (персидский титул) IV (VIII), 26, 13.

Харибда I (V), 8, 1; IV (VIII), 6, 23; 22, 19.
Херонея IV (VIII), 25, 17.
Херсон IV (VIII), 5, 28, 27
Херсонес (полуостров) I (V), 15, 18.
Хильбудий III (VII), 14, 1 сл., 8 сл.
Хиниалон (кутригур) IV (VIII), 18, 15; 19, 3.
Хозрой IV (VIII), 7, 4, 11, 12; 10, 8, 11, 15, 16, 17; 11, 4, 8; 12, 17 сл.; 15, 2 сл., 16; 17, 9, 10.
Хориан (персидский предводитель) IV (VIII), 1, 4; 8, 1, 17, 35.
Хорсамантис (телохранитель Велизария) II (VI), 1, 21 сл., 32—34.
Хорсоман (телохранитель Велизария) I (V), 16, 1.
Христиане IV (VIII), 25, 13.

Цезена II (VI), 19, 29, 40.
Центумцеллы (город в Этрурии) II (VI), 7, 18; III (VII); 13, 12; 36, 11; 37, 8; 39, 25, 28; IV (VIII), 34, 20.
Цетег III (VII), 13, 12.

Шелк IV (VIII), 17, 1 сл.

Эбримут I (V), 8, 3.
Эвбея IV (VIII), 6, 20; 22, 27—29.
Эврип IV (VIII), 6, 20.
Эгисф II (VI), 17, 9.
Эдесса IV (VIII), 14, 35—37.
Элемунд (гепид) IV (VIII), 27, 19, 26.
Эллада I (V), 15, 23; IV (VIII), 25, 16, см. Греки.
Эльпидий (врач) I (V), I, 38.
Эмилия I (V), 15, 30; II (VI), 18, 25; 19, 22; 20, 17; 21, 18; 29, 40; III (VII), 3, 22; 13, 9.

Эней IV (VIII), 22, 7, 31; I (V), 15, 9.
Энн (исавр) I (V), 5, 3; 10, 1, 3, 13; 28, 23; 29, 42; II (VI), 12, 27, 40.
Эоловы острова III (VII), 13, 6.
Эпарх (ипарх) II (VI), 12, 27; 21, 40; 22, 24; 29, 30; III (VII), 6, 9.
Эпидавр I (V), 7, 28.
Эпидамн I (V), 2, 24, 26, 28; 7, 27; 15, 24; III (VII), 13, 19; 18, 1; 29, 1; 33, 12.
Эпизефирии (в Бруццуме) I (V), 15, 23.
Эпир, Эпироты I (V), 15, 24; III (VII), 6, 11.
Эрарих (руг) III (VII), 2, 1 сл., 18.
Эридан см. По.
Эсхил IV (VIII), 6, 15.
Эсхман I (V), 16, 1.
Этна IV (VIII), 35, 2, 5.
Этолия I (V), 24, 20.
Этруски I (V), 3, 2; 4, 14; 15, 30; 16, 1; II (VI), 12, 29; 20, 19; III (VII), 6, 1; IV (VIII), 21, 16; 29, 3; 33, 9; 34, 16, 22, 24.
Эфес I (V), 3, 5.
Эхней IV (VIII), 25, 19.
Ээт IV (VIII), 2, 31; 14, 49.

Юстин (сын Германа) III (VII), 32, 14, 15, 17, 18, 27, 32, 44, 49; 39, 17; 40, 34; IV (VIII), 25, 1, 11.
— (magister militum) II (VI), 13, 17; 19, 21; 21, 14, 16; 23, 2; 24, 18; 27, 26; III (VII), 5, 1; 6, 8; 13, 19; IV (VIII), 28, 1, 4.

Юстиниан *passim*.
— (сын Германа) III (VII), 32, 17; 39, 17; 40, 10; IV (VIII), 25, 1, 11.

Янус I (V), 25, 19, 20.
Ясон IV (VIII), 2, 12, 15.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами» <i>З. В. Удальцова</i> (Вступительная статья)	3
Содержание книг «Война с готами» <i>С. П. Кондратьев</i>	61

ВОЙНА С ГОТАМИ

Прокопий из Кесарии

Книга V (книга I Войны с готами)	77
Книга VI (книга II Войны с готами)	168
Книга VII (книга III Войны с готами)	260
Книга VIII (книга IV Войны с готами)	375
Примечания	493
Указатель к «Войне с готами»	496

---

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *А. А. Киселева*
Художник *Г. С. Бершадский*

*

РИСО АН СССР № 4149. Т-08050. Издат. № 2784.
Тип. заказ № 567. Подп. к печ. 26/X 1950 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л 32¹/₄.
Уч.-издат. 28. Бум. л. 16,63. Тираж 5000.
Цена в переплете 26 р.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
87	16—17 сн.	происхожд ~~ен~~ ия	происхождению
185	3 св.	но	он
225	4 »	как обделанными, так и не обделанными,	как выделанными, так и не выделанными,
249	13 сн.	людям.	людьми.
304	2 св.	замолчать	умолчать
312	18 »	о несчастии	об удаче
314	16 сн.	А с ними	Он и с ними
348	20 »	сопротивлением	непротивлением
450	2 »	Когда он соединил свои силы,	Когда они соединили свои силы,

Прокопий из Кесарии „Война с готами“

ПРОКОПИЙ
ИЗ
КЕСАРИИ
ВОЙНА
С ГОТАМИ

ПРОКОПИЙ ИЗ КЕСАРИИ

ВОЙНА
С ГОТАМИ

